

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ КИЕВА

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

П. П. ТОЛОЧКО
(ответственный редактор)
С. А. ВЫСОЦКИЙ
Я. Е. БОРОВСКИЙ

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Н. Ф. КОТЛЯР
Г. Г. МЕЗЕНЦЕВА

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ КИЕВА

КИЕВ «НАУКОВА ДУМКА» 1981

В монографии подводятся итоги археологических исследований древнего Киева в период с 1963 по 1978 г. Основное внимание уделено вопросам его происхождения, планировки и застройки, массовым жилищам и общественным зданиям X—XIII вв., фортификационным сооружениям, древнекиевскому ремеслу, дендрохронологии, а также вопросам культуры древнего Киева.

Издание широко иллюстрировано фотографиями, графическими рисунками, чертежами. Для специалистов и всех, кто интересуется историей Киева.

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистике

10602-257
H $\frac{10602-257}{M221(04)-81}$ 56-80. 0507000000

© Издательство «Наукова думка», 1981

Археологические исследования в Киеве ведутся уже более 150 лет. Среди археологов XIX — начала XX в. наибольший вклад в изучение древнего Киева внесли К. А. Лохвицкий, А. И. Ставровский, Я. Волошинский, П. А. Лашкарев, В. В. Хвойка, Д. В. Милеев. В советское время киевские древности успешно изучались В. Г. Ляскоронским, С. С. Магурой, Л. А. Голубевой, Г. Ф. Корзухиной, М. К. Каргером, В. А. Богусевичем, В. К. Гончаровым и другими археологами. Итоги этих исследований подведены в капитальном двухтомном труде М. К. Каргера «Древний Киев», в котором воссоздана яркая картина развития материальной культуры столицы Древней Руси¹.

За время, прошедшее после выхода в свет монографии М. К. Каргера, археология Киева обогатилась новыми открытиями и находками. Работами Киевской экспедиции ИА АН УССР, ведущимися на территории исторических районов города, добыт большой и разнообразный археологический материал, который не только значительно пополнил наши знания о древнем Киеве, но в ряде случаев коренным образом изменил их.

Археологическое изучение Киева было подчинено разработке важнейших вопросов его древней истории, в частности проблемы происхождения города, его социально-экономического и культурного развития в IX—XIII вв., места и роли Киева в жизни Древней Руси — общей исторической основы трех восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского.

Материалы новых исследований опубликованы в специальных тематических сборниках². Сводной работы, в которой были бы подведены итоги археологического изучения Киева 1963—1978 гг., не было. Предлагаемой вниманию читателей монографией авторы надеются восполнить этот пробел.

Основными задачами настоящего исследования являются: определение времени происхождения и ранних этапов истории древнего Киева; выяснение характера массовой застройки и планировочной структуры города; изучение памятников монументального зодчества и искусства; исследование различных сторон экономики Киева IX—XIII вв.; осмысление новых памятников эпиграфики, нумизматики и сфрагистики; дендрохронологические исследования.

Каждой из этих важных исторических задач отведена в работе отдельная глава. В первой содержится краткий обзор археологических исследований Киева 1963—1978 гг.

¹ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1959, т. 1; 1961, т. 2.

² Стародавній Київ. К., 1975; Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976; Археологія Києва. К., 1979.

ВВЕДЕНИЕ

Проблеме происхождения Киева и ранним этапам его истории посвящена вторая глава. При решении этой актуальной задачи были определены прежде всего те методологические принципы, которые могли бы обеспечить наиболее объективный подход к рассмотрению вопроса. Главными среди них являются: социально-экономические и общественно-политические закономерности развития восточнославянского общества, а также фактор непрерывности исторического процесса. Исходя из этих методологических принципов осуществлены отбор и анализ источников (археологических и письменных), свидетельствующих о начале формирования городского ядра и непрерывной жизни древнего Киева в конце V — начале VI в.

Вопрос о характере массовой застройки древнего Киева, являющийся одним из наиболее спорных и остро дискутируемых в археологической литературе, исследуется в третьей главе. Содержащийся в ней вывод о преобладании среди массовой застройки X—XIII вв. общерусских типов построек, в том числе срубных, стал возможен благодаря новым археологическим раскопкам. Первые попытки моделирования архитектурного облика столицы Руси свидетельствуют о чрезвычайной близости ее массовой застройки с застройкой Новгорода, Старой Ладого, Полоцка, Бреста и других древнерусских городов.

Исследование памятников монументального зодчества и живописи содержится в четвертой главе. Наряду с введением в оборот вновь открытых архитектурных объектов, здесь подведены итоги изучения ряда древнекиевских построек, подвергавшихся архитектурно-археологическим раскопкам и ранее; дана новая интерпретация фресковой живописи башен Софии.

В пятой и шестой главах рассматриваются вопросы экономического развития Киева IX—XIII вв., которое определялось рядом факторов. Главными среди них были ремесло и торговля. Анализ источников позволил утвердиться во мнении о поступательном развитии экономики Киева на протяжении всей его домонгольской истории.

Эпиграфический, нумизматический и сфрагистический материал рассматривается в седьмой главе. Восьмая глава посвящена новому направлению в исследовании киевских древностей — дендрохронологическому датированию.

Монография написана П. П. Толочко (Введение, гл. I, II, § 1, 2, 7 гл. V, гл. VI), С. А. Высоцким (§ 1, 4 гл. IV, § 1 гл. VII, Заключение), Я. Е. Боровским (§ 2 гл. IV), С. Р. Килиевич (§ 4, 6 гл. V), Г. А. Вознесенской (§ 1 гл. V), И. И. Мовчаном (§ 3 гл. IV), В. А. Харламовым (§ 3 гл. III), Г. Ю. Ивакиным (§ 2 гл. VII), Р. Н. Гупало (§ 1, 2 гл. III, § 3, 5 гл. V), М. А. Сагайдаком (гл. VIII).

ГЛАВА I

**НОВЫЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
КИЕВА (1963-1978 гг.)**

- 1. ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ**
- 2. ВОПРОСЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО
СЛОЯ**

1. Исследование культурного слоя

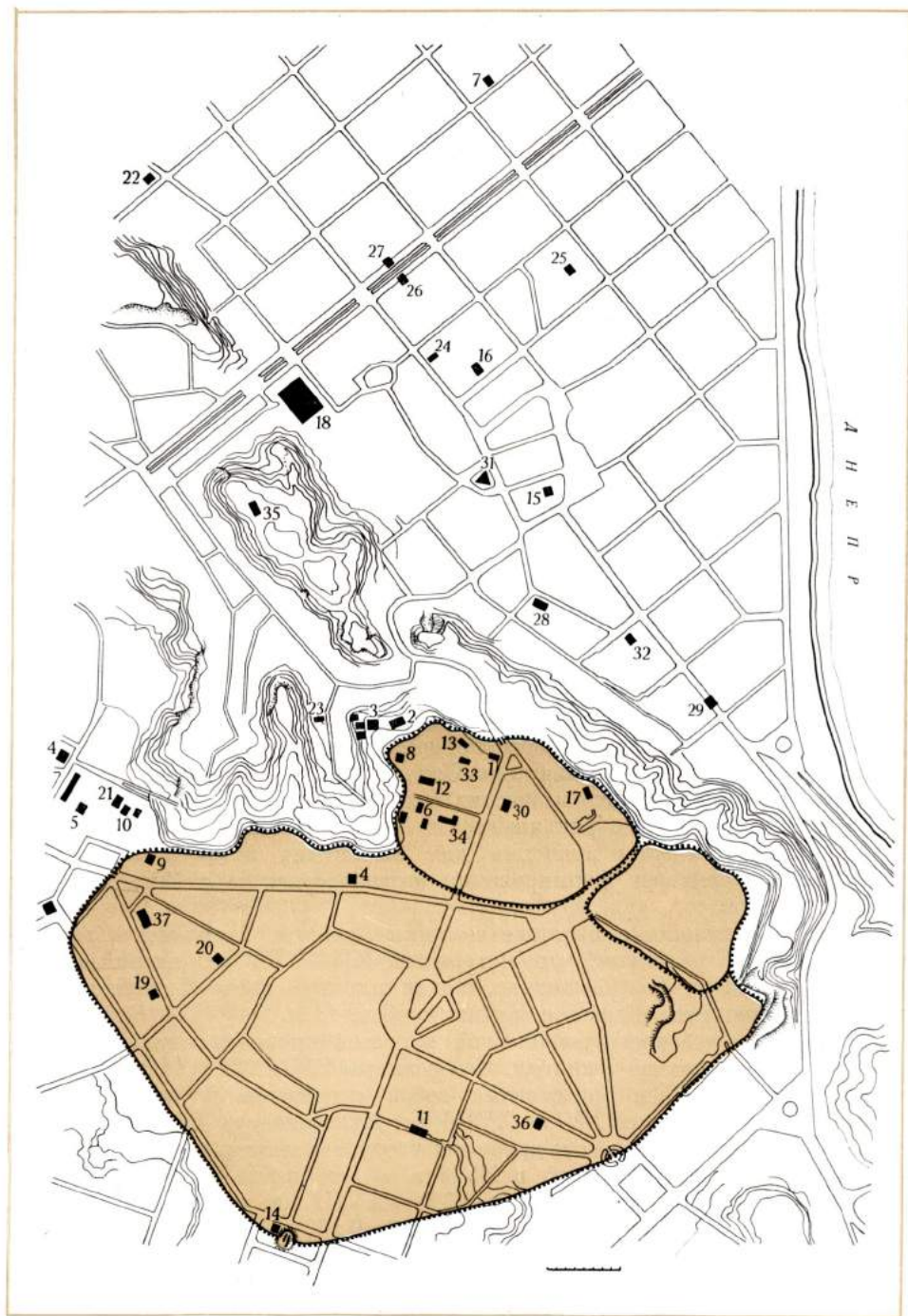
Систематические раскопки территории Киева после некоторого перерыва, вызванного разными причинами, были возобновлены в 1963 г. Их объем и результативность особенно выросли после 1970 г. Этому в значительной степени способствовало создание Академией наук УССР при Институте археологии Киевской постоянно действующей экспедиции, позднее преобразованной в отдел археологии Киева. В отличие от раскопок Киева предшествующего периода, экспедиция развернула работы не только в центральных районах города, где традиционно проводились раскопки, но и на территории торгово-ремесленных посадов, а также в пределах его окольных районов. Кроме плано-тематических исследований, большие раскопки осуществлены в зонах киевских новостроек.

В течение 15 лет культурный слой, мощность которого достигает в отдельных районах города более 10 м, исследован на площади около 8 тыс. м². К сожалению, не на всех уровнях его удалось подвергнуть тщательным стационарным раскопкам. В зонах новостроек приходилось иногда ограничиваться лишь наблюдениями да небольшими разведочными раскопками, которые, однако, позволяли выяснить как характер отдельных горизонтов, так и культурно-стратиграфическую ситуацию застраиваемого участка в целом.

Следует отметить, что одним из важных результатов исследований Киева последних лет явилось получение достаточно четкого представления о культурном слое разных районов города. Выделяются две его зоны, отличающиеся совершенно различными характеристиками. В Верхнем городе (включая центральную часть, Копырев конец и околицу) культурный слой времён Киевской Руси сравнительно тонкий. Он редко достигает полуметровой толщины и практически не поддается членению на отдельные хронологические горизонты. Остатки строительных объектов различных периодов находятся на одних и тех же отметках. Чрезвычайная спрессованность культурного слоя, обусловленная плохой сохранностью в нем органических остатков, явилась причиной того, что он не смог сохранить стратиграфическую чистоту. В этом заключается одна из основных трудностей в его изучении, нередко приводившая к рождению неверных представлений об отдельных аспектах историко-культурного раз-

Рис. 1. План размещения раскопок Киевской археологической экспедиции 1965—1978 гг.:

1 — Андреевский спуск, 38, 1966 г.; 2 — склоны Старокиевской горы, 1966—1969 гг.; 4 — ул. Большая Житомирская, 14, Нестеровский пер., 9, 1967 г.; 5 — ул. Смирнова-Ласточкина, 2—10, 1968 г.; 6 — Десятинный пер., 7—7а, ул. Владимирская, 10, 1969 г.; 7 — ул. Ярославская, 41, 1969 г.; 8 — Десятинный пер., 10, 1970 г.; 9 — ул. Большая Житомирская, 38, 1970 г.; 10 — Княжовский пер., 8, 1970 г.; 11 — ул. Ирвинская, 3—6, 1970 г.; 12 — усадьба КГИМ, 1970—1972 гг.; 13 — усадьба КГИМ, 1971 г.; 14 — Золотые ворота, 1972—1973 гг.; 15 — Красная пл., 1971—1973 гг.; 16 — ул. Героев Триполья — Хоревая, 1972 г.; 17 — ул. Десятинная, 2, 1972—1973 гг.; 18 — Житый рынок, 1973 г.; 19 — ул. Рейтарская, 33, 1973 гг.; 20 — ул. Чкалова, 10, 1973 г.; 21 — Княжовский пер., 6, 1974 г.; 22 — ул. Фрунзе, 17, 1974 г.; 23 — ул. Гончарная, 6—8, 1974 г.; 24 — ул. Ливера, 8, 1974 г.; 25 — ул. Волошная, 17, 1975 г.; 26 — ул. Верхний Вал, 30, 1975 г.; 29 — ул. Жданова, 6—8, 1975 г.; 30 — ул. Владимирская, 3, 1975—1977 гг.; 31 — сквер у Гостиного двора, 1976—1978 г.; 32 — ул. Андреевская, 4, 1976—1977 гг.; 33 — усадьба КГИМ, 1975—1976 гг.; 34 — Десятинный пер., 5, 1977—1978 гг.; 35 — Замковая гора, 1977 г.; 36 — ул. Калинина, 11—15, 1978 г.; 37 — ул. Рейтарская, 36—38, ул. Ярославов Вал, 40, 1978 г.

вития древнего Киева. Ярким примером тому является проблема его массовой застройки.

Обращает на себя внимание также плохая сохранность культурного слоя Верхнего города. Интенсивная строительная деятельность в каждом последующем столетии приводила к разрушению следов предшествующей жизни. Так, у нас есть основания полагать, что ранние культурные отложения в пределах Старокиевской и Замковой гор были уничтожены (сохранились их небольшие островки) уже в киеворусское время. В свою очередь культурный слой XI—XIII вв. сильно пострадал в эпоху возрждения Верхнего города в XVI—XVIII вв., а также во время строительных работ конца XIX — начала XX в. В черте Города Ярослава есть большие площади, где вообще отсутствуют какие бы то ни было следы культурного слоя древнерусского времени.

Совершенно отличный характер имеет культурный слой Нижнего города (Подола). Сравнительно хорошо его удалось изучить лишь в последние годы, благодаря работам по сооружению второй очереди Киевского метрополитена, подольская линия которого возводилась преимущественно открытым способом. Геоморфологическая ситуация здесь изучалась также при помощи скважин¹.

2 В результате удалось получить уникальный разрез Подола на протяжении почти полутора километров — от Почтовой площади до ул. Ратманского. Оказалось, что материк залегал по всей длине разреза на глубине от 8 до 13 м. Наибольшее его падение прослежено в районе Боричева спуска, Красной пл., улиц Героев Триполья и Хоревой. Самые высокие точки отмечены между улицами Игоревской и Андреевской, а также Верхний Вал и Ратманского. В двух местах граница аллювиальных отложений первой надпойменной террасы Днепра разорвана мощными выходами супеси и суглинков. Разрез показал, что древняя дневная поверхность, с которой началась жизнь на Подоле, не была такой ровной, какой мы ее видим сейчас. В разных частях Подола возвышались песчаные холмы, обживаемые людьми раньше других мест. Это стратиграфическое наблюдение имеет важное значение для выяснения вопроса о времени заселения и характере формирования этого посадского района древнего Киева.

Шурфы, скважины, а также земляные работы, ведшиеся в разных частях Подола, показали, что материалы XII—XIII вв. начинаются с глубины 2—2,5 м². Следовательно, общая толщина слоев Подола древнерусского времени колеблется в среднем от 6 до 11 м.

3 Для полноты стратиграфической картины приведем описание шурфа-колодца на Красной площади. Его размеры 2,30×1,50×11 м. Верхний слой толщиной 0,80 м представлял собой строительный мусор XIX—XX вв. Ниже шли слои XVII—XVIII вв. Их мощность 1,15 м. Уровень залегания коррелирует к древнему входу в колокольню Николая Доброго, которая была построена в XVII в. и находится в 150 м от места наших раскопок. Подстилает слои XVII—XVIII вв. торфообразная прослойка с истлевшей древесиной, толщиной 0,15 м и слой песка мощностью 0,35 м. С глубины 2,5 м шел почвенно-растительный слой, представляющий собой гумусированную супесь темно-серого цвета. В нем находились материалы XII—XIII вв. — керамика, обломки плитф, кости

животных, древесина. Толщина слоя равнялась 0,70 м. На отметке 3 м встретились остатки какой-то производственной постройки — завал печи из глины и железные шлаки. Ниже снова проходил слой желтовато-серого песка толщиной 0,3 м. Между 3,5 и 4 м залегал культурный слой, датировка которого, судя по керамике, не выходит за пределы XII в.

Чередование темных (культурных) и светлых (песчаных) слоев продолжалось и ниже. Отличие состояло лишь в том, что первые здесь были тоньше, а вторые толще. Так, под слоем с керамикой XI в. (толщина 15—20 см) шел мощный (3,5 м) занос песка. Под ним, примерно с глубины 7,5 м, начинались культурные слои X в. Первый из них достигал толщины 0,4 м, последующие, перестеленные чистым речным песком, — 10—20 см. Последний из обнаруженных в шурфе-колодце культурный слой покоился на глубине около 11 м и содержал керамику IX—X вв.³ Позднее удалось выйти на отметку, превышающую 11 м.

Аналогичные разрезы получены нами и в других участках Подола. В ряде мест, главным образом там, где уровень материка подымается, в предметериковых культурных отложениях встречена лепная керамика, в том числе и роменского облика.

Особенность стратиграфической ситуации Подола заключается в том, что культурные отложения разделены слоями речного песка и суглинков. В низких местах песчаные заносы достигают большой мощности — от 1 до 3,5 м. Они имеют как аллювиальное, так и делювиальное происхождение и свидетельствуют о неоднократных разливах Днепра. Отдельные из них, особенно значительные, вынуждали подолян временно переселяться на гору. Указание на это имеется в летописи.

Чем большими были песчаные и суглиняковые наносы, тем сохраннее оказываются археологические материалы и объекты, погребенные под ними. Отмеченная особенность стратиграфии Подола является чрезвычайно благодатной для хронологического расчленения культурных слоев, которые при отсутствии перекопов представляют собой закрытые комплексы.

Кроме песчаных и суглиняковых наносов, и в еще большей степени, сохранности органических остатков способствовала повышенная влажность культурного слоя Подола. Сказанное относится не ко всей его толще, а лишь к нижней части, начинающейся с отметок 5—7 м от современного уровня. Хронологически это соответствует в основном слоям X—XI вв., отчасти началу XII в. В слоях XII—XIII вв., залегающих между отметками 2,5—5 м, сохранность органических веществ приближается к той, которую мы наблюдаем в Верхнем городе.

Необходимо отметить, что неодинаковая степень сохранности находок в культурном слое Киева разных районов не является основанием для проведения выборочных раскопок. Интересы археологии Киева требуют, чтобы исследования велись во всех исторических частях города.

¹ Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень.— У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 40—48.

² Там же, с. 42—48.

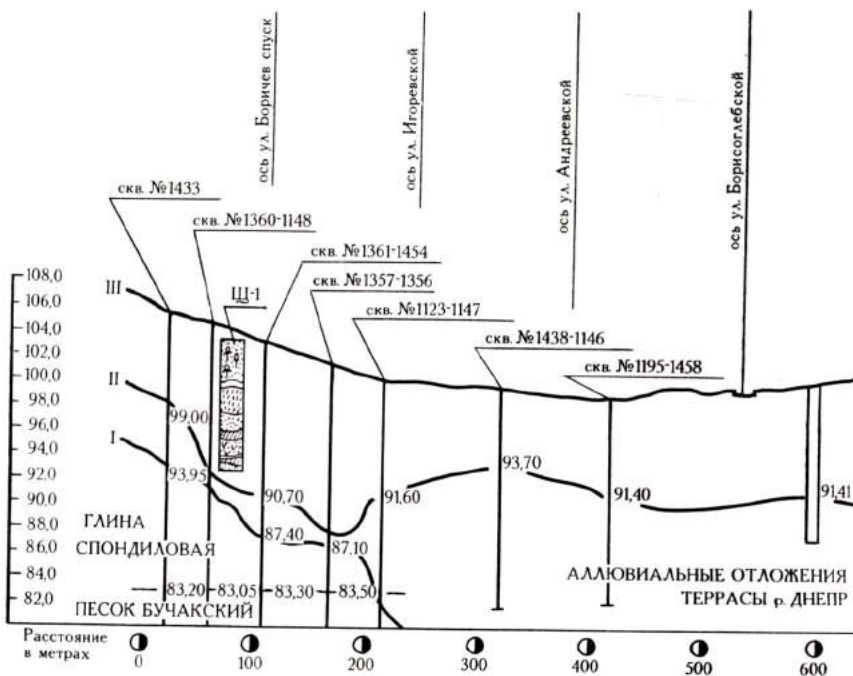
³ Там же, с. 41—43.

Только в этом случае мы сможем воссоздать жизнь древнего Киева во всем ее многообразии.

I

Всего с 1963 по 1978 г. раскопки осуществлены в более чем 40 пунктах города. Одним из важных районов раскопок, как и прежде, была Старокиевская гора. Особый интерес представили исследования ее склонов, осуществленные в течение 1965—1968 гг. Здесь был обнаружен целый городской квартал, состоявший из 16 жилых и хозяйственных построек конца X — начала XI в. Жилища располагались на разновысоких есте-

I—граница коренных пород с аллювиальными отложениями—alQ³⁻⁴

II—граница аллювиальных отложений I надпойменной террасы р. Днепр

III—современная поверхность земли с аллювиальными и делювиальными отложениями—al-delQ_{IV}

ственных террасах горы и принадлежали к двум типам построек: каркасно-столбовому и срубному. Основания их несколько углублены в материк. Небольшие размеры жилищ, а также относительная бедность обнаруженного в нем инвентаря указывают на то, что здесь проживали беднейшие слои древнекиевского населения — челядь, обслуживавшая княжеские и боярские дворы, а также рабочие, занятые на строительстве архитектурного ансамбля Города Владимира. В пользу последнего предположения свидетельствуют находки в жилищах плоских плинф, обломков шифер-

4

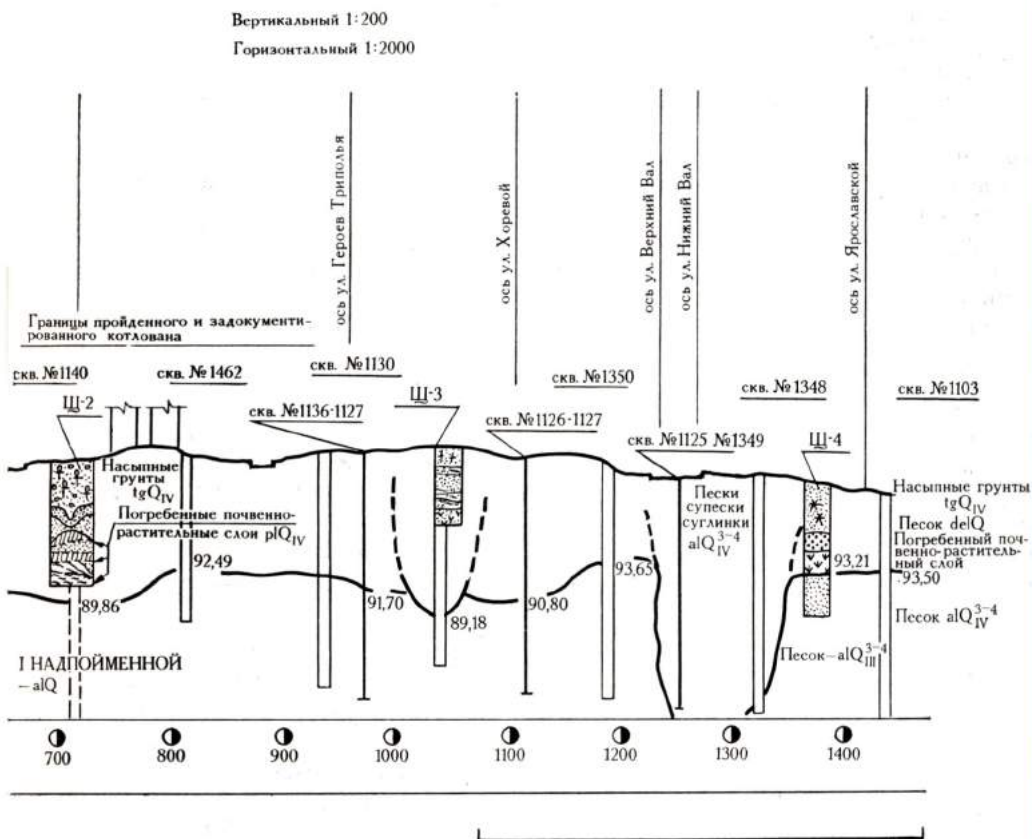

Рис. 2. Геологическое строение участка Подола от Почтовой пл. до ул. Ярославской.

ных плит, в том числе и резных, кусков цемянки и плинф в конструкции печей, которые являлись отходами строительства Десятинной церкви и княжеских дворцов⁴.

Видимо уже во времена Ярослава Мудрого жизнь на склонах Старокиевской горы прекратилась, и жители переселились в просторный Город Ярослава. Жилищ, которые бы датировались второй половиной XI—XIII вв., здесь нет.

Рядом с жилищами X—XI вв. обнаружены материалы, проливающие свет на ранний этап истории Киева. Это прежде всего остатки жилища с печью, хозяйственная яма, следы оборонительной стены. Датированы эти объекты лепной и слегка подправленной на круге керамикой, которая по форме и характеру моделировки венчиков имеет аналогии с керамическими комплексами поселений третьей четверти I тыс. Еще более ранние материалы встретились в 1971 г. на верхнем плато Старокиевской горы. Здесь, в сильно разрушенном жилище с печью, найдено много лепной керамики корчакского облика, которая датируется концом V — началом VI в.⁵ В 1969 г. в усадьбе № 7 по Десятинному пер. был раскопан небольшой отрезок рва, назначение которого не до конца выяснено. Глубина его достигала почти 5 м. На отметке 4,30 м встретились фрагменты плинф толщиной 2,25 см; в предматериковом слое находок не было. Если условно продолжить его трассу в северо-восточном направлении, то она точно совпадет с направлением рва древнейшего киевского городища, исследованного в 1939 г. на усадьбе № 8 (Слюсаревского) по Десятинному пер. Является ли это достаточным основанием для утверждения об идентичности раскопанных объектов, сказать трудно.

Материалы третьей четверти I тысячелетия, как известно, встречались в Киеве и раньше, однако условия находок в большинстве случаев оставались невыясненными. Из публикаций невозможно определить, где и в каких комплексах они открыты. Новые находки в этом отношении являются несравненно более качественным источником. Значительно лучше обстоит дело и с их хронологией. Они находят себе аналогии в корчакских древностях, датировка которых хорошо разработана И. П. Русановой, Б. А. Тимощуком⁶.

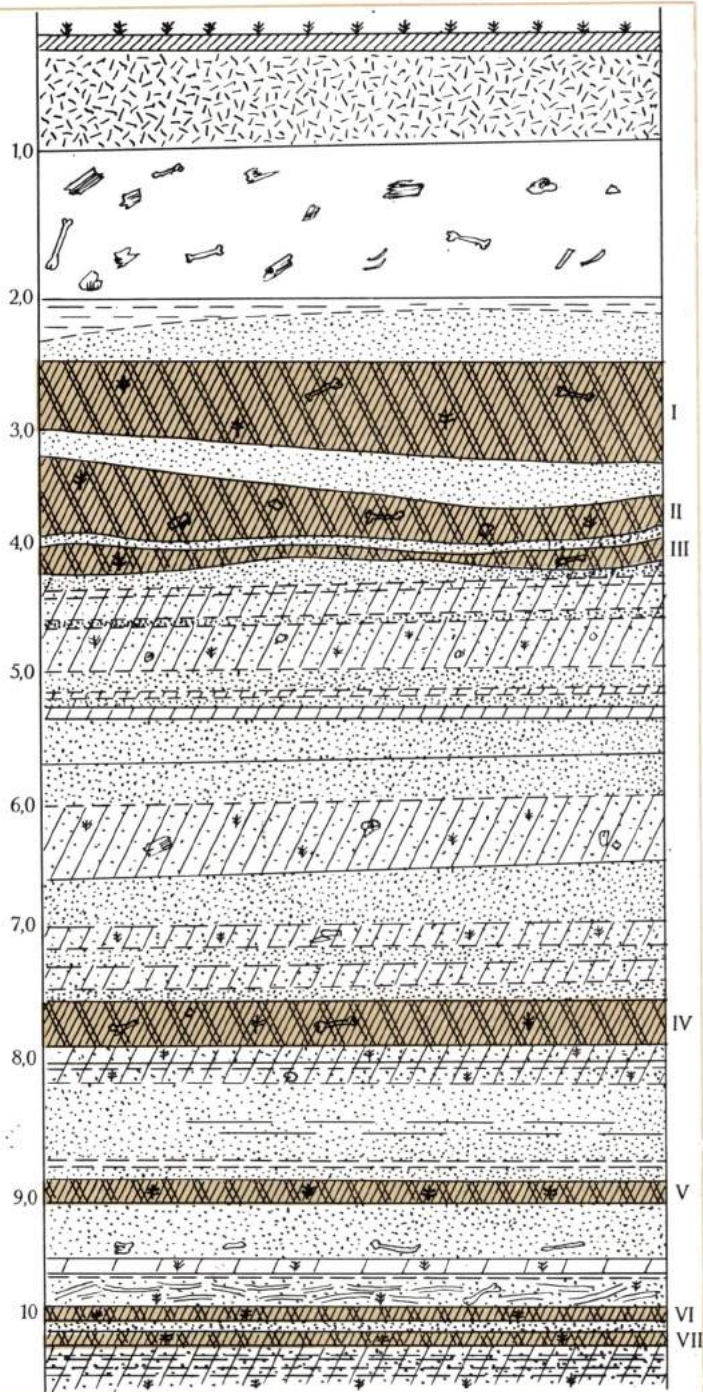
Раскопки в пределах Города Владимира, осуществленные в 1970—1977 гг., обнаружили целый ряд уникальных объектов, существенно изменивших представление об его исторической топографии. Прежде всего был найден княжеский дворец, упомянутый летописью под 945 г. Поиски его длительное время не приводили к желаемым результатам, в связи с чем некоторые исследователи полагали, что в пределах древнейшего детинца дворца и не было. Раскопки 1970—1972 гг. опровергли этот вывод. Княжеский дворец, о котором говорит летопись, располагался вблизи языческого капища, метрах в 50 к северо-западу от него. Архитектурно-археологический анализ материалов раскопок свидетельствует о большой древности сооружения, которое значительно старше Десятинной

⁴ *Толочко П. П., Калиевич С. Р.* Новые исследования на Старокиевской горе.— АИУ, 1967, вып. 1, с. 173.

⁵ *Толочко П. П.* Нове у вивченні Києва.— Археологія, 1978, т. 26, с. 84—85.

⁶ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976; *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. К., 1976.

Рис. 3. Разрез культурного слоя.
 Подол. Красная
 пл., 1971 г.

церкви⁷. Во время раскопок дворца были сделаны важные стратиграфические наблюдения, позволившие выделить несколько этапов в жизни центральной части Киева. Видимо, уже к середине или ко второй половине XI в. дворец сгорел, и на территории бывшего княжеского двора разместились четыре боярские усадьбы. Об этом говорит летопись, это подтверждается и археологическим материалом. Над фундаментом постройки, перекрытом сплошным слоем пожараща, обнаружена большая зарисстая печь богатого жилища XII—XIII вв. К сожалению, верхние культурные слои были сильно испорчены позднейшими перекопами, и определить его характер не удалось.

В 1975 г. к северу от Десятинной церкви обнаружены остатки печей по обжигу плитки, датируемых X в. Есть все основания полагать, что в них обжигалась плитка для сооружения Десятинной церкви и дворцов вокруг нее. Эта находка представляет значительный интерес для выяснения вопроса организации строительного дела в древнем Киеве конца X в.

5 Исключительно результативными были раскопки 1975—1977 гг. в усадьбе № 3 по ул. Владимирской. Под самым домом открыты фундаментные рвы какого-то загадочного сооружения, напоминавшего, в плане удлиненный прямоугольник, южная и северная оконечности которого разветвлялись в лепесткообразные выступы, по два с каждой стороны. Еще два лепестка примыкали к прямоугольнику с востока. Вокруг этого сооружения, которое трактуется нами как языческое капище, находились погребения, труположения и, видимо, сожжения. Южнее капища обнаружен зольник, имевший самое непосредственное отношение к нему. Археологические материалы датируют обнаруженные объекты X в.⁸

6 Уникальным на фоне древнерусской архитектуры оказалось кирпичное сооружение, раскопанное к востоку от упомянутого дома. Это круглая ротонда, сложенная из двух видов кирпича — плитки и так называемой литовки, появившейся в древнерусское время, но получившей особое распространение в позднем средневековье.

К сожалению, многочисленные перекопы разрушили не только завал верхних частей ее стен, но и культурный слой вокруг нее. Лишь в некоторых местах удалось обнаружить слой времени постройки ротонды. В его заполнении встретились находки, характерные для XII—XIII вв. Этим же периодом датируется ротонда и на основании анализа характера кладки стен.

В 1972—1973 гг. значительные раскопочные работы были проведены в юго-восточном секторе Города Владимира. Известно, что в 1183 г. здесь была построена Васильевская церковь, которую летописец связал с Но-

⁷ Толочко П. П. Вказ. праця, с. 92—93.

⁸ Толочко П. П., Боровський Я. Б. Язичницьке капище в «городі» Володимира.— У кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 6.

⁹ Килиевич С. Р. Исследования на территории Великого княжеского двора XI—XIII вв. в Киеве.— АО 1972 г. М., 1973, с. 285—286; Килиевич С. Р. Раскопки на территории Великого княжеского двора XI—XIII вв. в Киеве.— АО 1973 г. М., 1974, с. 280—281; Килиевич С. Р. Раскопки Великого Ярославового двору у Києві.— Археологія. 1977, т. 21, с. 9.

¹⁰ Голубева Л. А. Киевский некрополь.— МИА, 1949, № 11, с. 103—118; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1959, т. 1, с. 127—230.

вым княжеским двором. Во время прокладки теплосети в 1971 г. в усадьбе по ул. Десятинной строители наткнулись на фундамент этой церкви, что и послужило поводом для проведения здесь стационарных раскопок. За два года работ отряд Киевской экспедиции исследовал пять жилищ X—XIII вв. Среди них особый интерес представляет одно из них, погибшее в декабре 1240 г. Под полом жилища XI в. удалось обнаружить следы дружинного погребения IX—X вв. Сохранился скелет коня, а также отдельные человеческие кости. Погребение, видимо, находилось в срубе, на что указывают остатки истлевшего дерева. Рядом с черепом коня лежал железный наконечник копья, в области грудной клетки — железная пряжка от уздечки и две бронзовые набивные бляшки сердцевидной формы с рельефным орнаментом в виде стилизованного цветка лилии⁹. Еще два погребения языческого периода исследовано тем же отрядом в усадьбе № 5 по Десятинному пер. в 1977—1978 гг. Это были сожжения. Над одним из них сохранилась невысокая курганный насыпь. На зольной прослойке стояли небольшой целый и нижняя часть большого горшка, в которых находились угольки и пережженные кости.

Всего в пределах Города Владимира в последние годы удалось исследовать около десяти древних погребений: трупосожжений и трупоположений. Они принадлежали к большому языческому некрополю, раскинувшемуся к югу и юго-западу от древнейших городских укреплений на Старокиевской горе и исследовавшемуся в свое время Л. А. Голубевой и М. К. Каргером¹⁰.

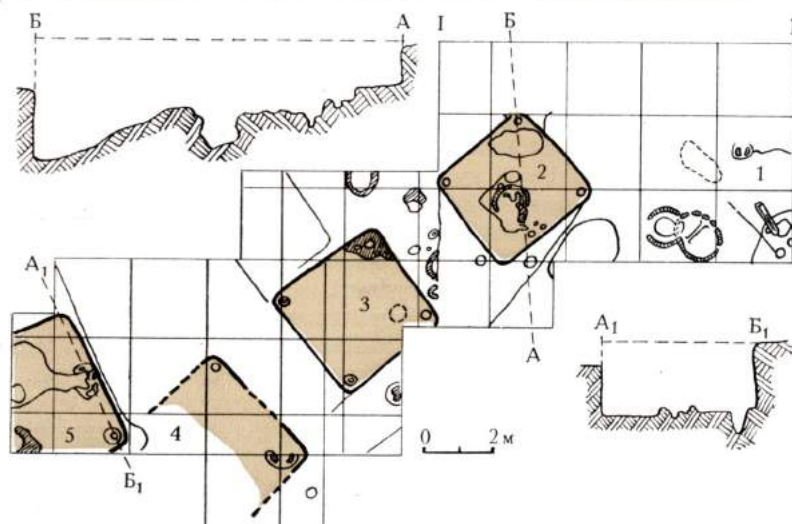

Рис. 4. План жилищ (1—5) каркасно-столбового типа. Склоны Старокиевской горы, 1969 г.

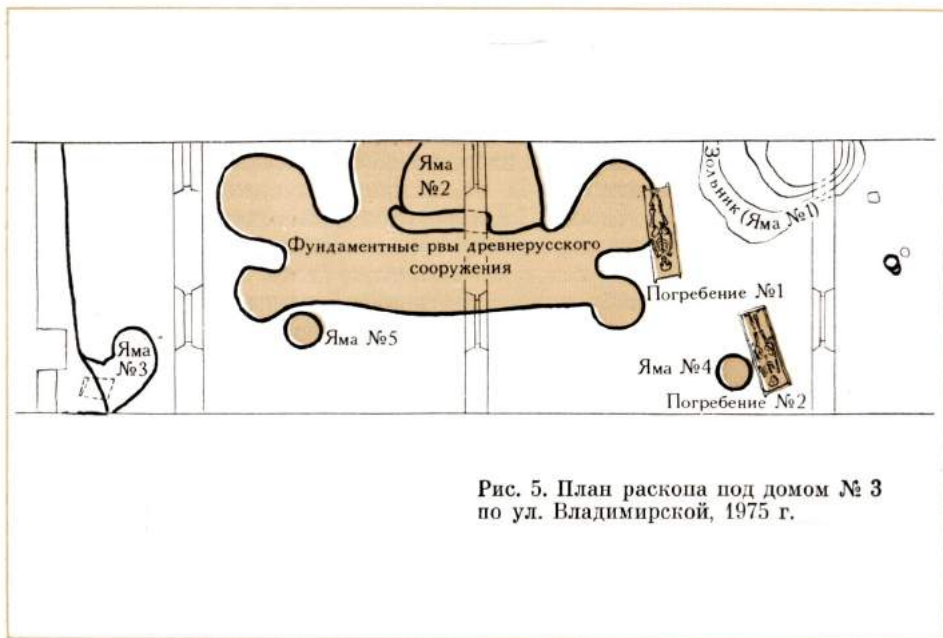

Рис. 5. План раскопа под домом № 3 по ул. Владимирской, 1975 г.

Раскопки Города Владимира последнего времени дали значительный и разнообразный археологический материал. Наибольшую коллекцию, как и при раскопках других районов Киева, составляет керамика — горшки, кувшины, корчаги, амфорки киевского типа, светильники, византийские амфоры. В ряде случаев они происходят из точно датированных комплексов — жилищ, погибших в декабрьские дни 1240 г. Встретилось сравнительно много изделий кузнечного ремесла, в том числе и такие редкие, как безмен, найденный вблизи стен ротонды. Здесь же обнаружены и две уникальные свинцовые византийские печати, оттиснутые одним штампом. На лицевой их стороне — изображение св. Федора Стратилата, на оборотной — греческая надпись.

Из раскопок на Старокиевской горе происходят три креста-энколпиона, относящиеся к трем различным типам складней, а также шиферное пряслице с дарственной надписью, принадлежавшее, вероятно, дочери киевского князя Всеволода Ярославича¹¹.

Город Ярослава — один из крупных и важных районов древнего Киева, формирование которого завершилось (не началось, как ошибочно считают некоторые исследователи) в годы княжения Ярослава Мудрого — археологически изучен наименее полно. Нахождение в нем кладов ювелирных изделий, архитектурно-археологическое обследование монументальных памятников, раскопки оборонительного вала дали возможность в общих чертах выяснить границы и размеры Города Ярослава, представить архитектуру его центрального ансамбля, но не могли дать полного представления об этой части древнего Киева. Мы еще не знаем характера

застройки и планировки района, основ хозяйственной деятельности его жителей, не обнаруженными остаются некоторые объекты, упомянутые в летописи.

В 1967 г. нашей экспедицией осуществлены первые раскопки в Городе Ярослава. В усадьбе № 14 по ул. Большая Житомирская удалось исследовать остатки трех жилых и одного хозяйственного помещения XI—XIII вв. Следы еще трех сторевших построек древнерусского времени отмечены в обресе стен котлована. Жилища принадлежат двум конструктивным типам — каркасно-столбовому и срубному. Все они ориентированы вдоль современной улицы. В одном из жилищ XII—XIII вв. сохранился богатый инвентарь, позволяющий определить, к какой социальной категории населения Киева принадлежал его хозяин¹².

Местом следующих раскопок в Городе Ярослава стала усадьба № 38 по ул. Большая Житомирская, где в 1970 г. удалось проследить остатки оборонительного вала, обнаружить разнообразный археологический материал — керамику с манжетовидными венчиками, византийские амфоры. Здесь находилось сравнительно много изделий из стекла. Это браслеты синего, зеленого, желтого цветов, фрагменты рюмок и бокалов желтого цвета. Встречалась поливная керамика, среди которой особый интерес представляет глиняная скульптурка коня и всадника¹³. В 1978 г. аналогичная скульптурка, сделанная, вероятно, тем же мастером, встретилась при раскопках в усадьбе № 5 по Десятинному пер.

В этом же году, во время больших строительных работ, ведшихся вдоль ул. Ирининской, был открыт и исследован целый комплекс печей по обжигу извести. На основании анализа плинф, из которых они сложены, а также данных археомагнитного метода датировки время функционирования этого комплекса можно отнести к 20—40-м годам XI в. Печи находятся вблизи архитектурного ансамбля Города Ярослава и, несомненно, поставляли продукцию для его строительства¹⁴. Это второй случай обнаружения печей для обжига извести за всю историю исследования древнерусских городов. Впервые такие печи обнаружены в 1950 г. во время раскопок Суздаля¹⁵.

На протяжении 1972—1973 гг. проводились архитектурно-археологические исследования Золотых ворот¹⁶. Целью этих работ было получить новые данные для реконструкции памятника. Несмотря на то что в ранние архитектуры и археологи неоднократно изучали ворота, многое в их конструкции оставалось невыясненным. В результате тщательных, выполненных на высоком методическом уровне раскопок удалось получить

¹¹ Толочко П. П., Кулиевич С. Р. Археологические раскопки на Старокиевской горе.— АИУ, 1971, вып. 3, с. 237.

¹² Толочко П. П., Кулиевич С. Р., Дяденко В. Д. Из работ Киевской археологической экспедиции.— АИУ, 1968, вып. 2, с. 191—193.

¹³ Толочко П. П., Гупало К. М. Раскопки Киева у 1969—1970 pp.— У кн.: Стародавній Київ, с. 17—20.

¹⁴ Толочко П. П., Гупало К. М. Вказ. праця, с. 20—27.

¹⁵ Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 49—54.

¹⁶ Висоцький С. О., Лопушинська Б. І., Холостяк М. В. Архітектурно-археологічні дослідження Золотих воріт у Києві у 1972—1973 pp.— У кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 63—85.

дополнительные материалы как собственно по воротам, так и по надвратной церкви. Значительный интерес представляют наблюдения, позволившие дать научно обоснованную реконструкцию земляного вала, примыкавшего к Золотым воротам.

В 1973—1974 гг. осуществлены раскопки в усадьбе № 33 по ул. Рейтарской и № 10 по ул. Чкалова. Здесь, как и всюду в Городе Ярослава, культурные слои сильно нарушены, и, тем не менее, даже в этих условиях удалось обнаружить ряд интересных объектов: остатки нескольких жилищ XI—XIII вв., следы мастерской по изготовлению стеклянных изделий, часть глубокого и широкого рва, разнообразный археологический материал¹⁷.

Особо следует остановиться на рве. Глубина его достигает 4—5 м, ширина 12—13 м. Длина исследованного отрезка — 30 м. Ров проходил от дома № 35 по ул. Рейтарской в юго-восточном направлении, затем круто поворачивал на юго-запад в сторону ул. Ярославов вал. В заполнении рва найдены: четыре стрелы, наконечник копья, человеческие кости, фрагменты керамики X в. Не исключено, что здесь мы имеем дело с какими-то древними укреплениями, находившимися в определенной связи с фортификационной системой Города Владимира. После взведения вала Города Ярослава необходимость в них отпала, и они прекратили свое существование¹⁸.

В усадьбе № 10 по ул. Чкалова наряду с обычным массовым материалом встретились и некоторые редкие находки. Среди них — медная пластина от книги с изображением святого, медная позолоченная пластина от древнерусского панциря, фрагменты византийских амфор с древнерусскими граффити¹⁹.

9 Значительный интерес представляют раскопки 1978 г. на месте бывших усадеб № 36—38 по ул. Рейтарской. Здесь обнаружены остатки шести жилищ; в некоторых из них, погибших в огне, совершенно отчетливо видна срубная конструкция. Среди археологических материалов встретились четыре экземпляра средневековых английских и германских монет.

Исключительно результативными были раскопки в последнее десятилетие на Подоле, который, несмотря на богатую историю и особое место в социально-экономической жизни древнего Киева, археологически оставался неизученным. Лишь однажды, в 1950 г., здесь проводились стационарные раскопки В. А. Богусевичем, но продолжения не имели²⁰. Причины этого — плотная городская застройка района, а также большая мощность культурных отложений. В. А. Богусевич довел свой раскоп до глубины 7 м, но так и не достиг уровня подольского материка. Во время наблюдения за земляными работами в усадьбе № 42 по ул. Межигорской на глубине 10 м были обнаружены материалы X в.

¹⁷ Боровський Я. С. Археологічні дослідження в «городі» Ярослава. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 86—107.

¹⁸ Там же, с. 93—94.

¹⁹ Там же, с. 104—107.

²⁰ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. — Археологія, 1954, т. 9.

²¹ Толочко П. П., Гупало К. М. Вказ. праця, с. 10—17.

В 1969 г. удалось осуществить небольшие раскопки на территории усадьбы № 41 по ул. Ярославской. Древнерусские культурные слои здесь находились на глубине 2,5—3 м и датировались XII—XIII вв. В них исследованы остатки построек, в том числе срубное жилище XII—XIII вв. Для определения стратиграфической ситуации с глубины 3,45—3,50 м был заложен шурф, доведенный до отметки 6,50—6,60 м. Разрез показал характерное чередование темных культурных и слоев чистого речного песка. К сожалению, как и В. А. Богусевич, мы также не вышли на уровень материковой поверхности²¹.

Отсутствие полного стратиграфического разреза подольских слоев, который бы зафиксировал материалы IX—X вв., а также летописное известие 945 г. о том, что «на Подолѣ не съдяху людье, но на горѣ», послу-

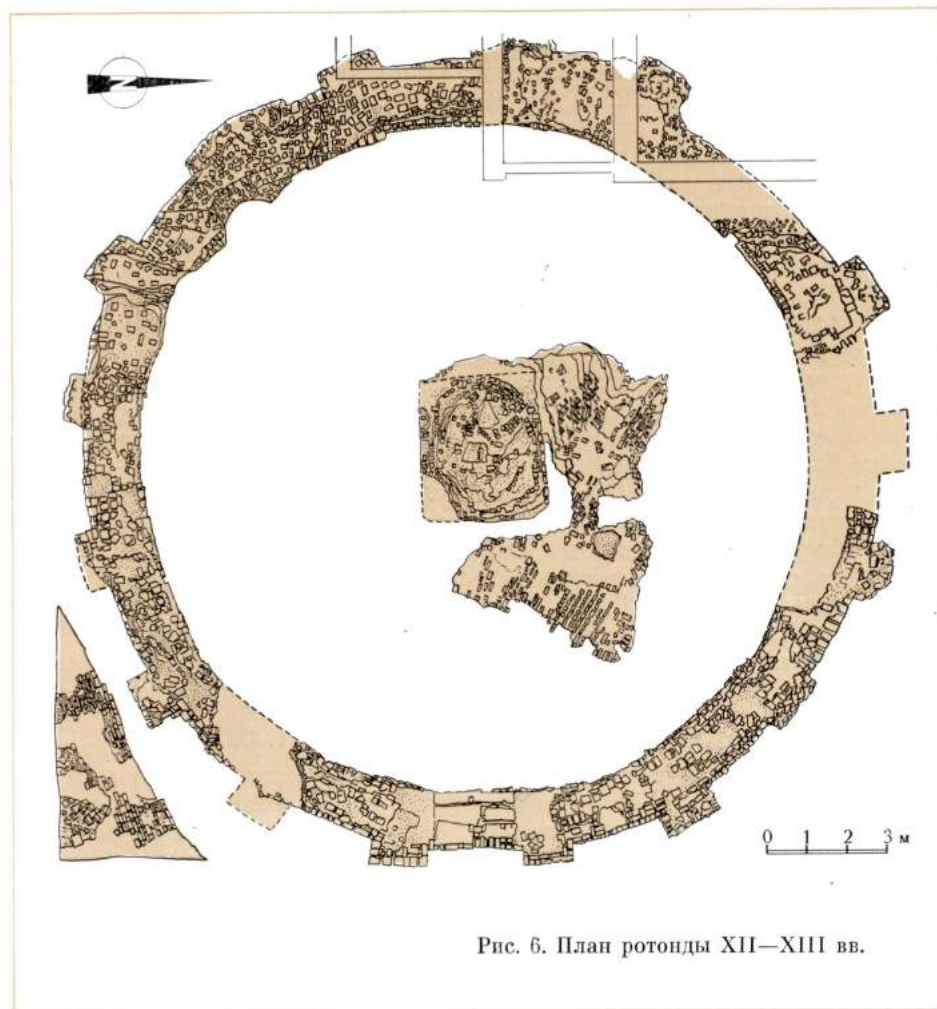

Рис. 6. План ротонды XII—XIII вв.

жили основанием для утверждения о сравнительно позднем формировании торгово-ремесленного посада Киева (не ранее X — начала XI в.).

В связи с началом работ по сооружению второй очереди Киевского метрополитена впервые появилась возможность проведения археологических исследований Подола широкими площадями и на значительную глубину. Специальные раскопки, осуществленные в 1972 г. в котловане метростроя на Красной площади, принесли настоящее научное открытие. На разных уровнях удалось обнаружить и исследовать более десятка срубных построек прекрасной сохранности. Ничего подобного прежде археология Киева не знала. Пять из раскопанных срубов относились к единому жилищно-хозяйственному комплексу, усадьбе Подола X в., обнесенной забором из широких дубовых досок²².

Раскопки 1971—1972 гг. на Красной пл. послужили толчком к систематическим исследованиям Подола. В течение 1972—1977 гг. Киевская экспедиция осуществила раскопки в котлованах метростроя между улицами Героев Триполья и Хоревой, Верхний Вал и Хоревой, в районе улиц Нижний Вал, № 29, Жданова, № 6/8, на месте бывшего Житного рынка, в усадьбе № 17 по ул. Волошской, а также в других местах.

Кроме важных данных по исторической стратиграфии Подола, многолетние раскопки дали совершенно новое представление о массовой застройке крупнейшего района древнего Киева, а также о его ремесле. Значение этих открытий выходит за рамки собственно Подола. Они позволяют решать многие вопросы историко-культурного развития Киева вообще. Прежде всего это относится к проблеме массовой застройки и архитектуры столицы Руси, которая длительное время была одной из наиболее дискуссионных в древнерусской археологии. Ниже мы подробно рассмотрим этот вопрос, здесь же отметим, что повсеместное распространение на Подоле срубных построек является убедительным аргументом, свидетельствующим о преобладании этого конструктивного типа в застройке Киева X—XIII вв.

В ряде мест Подола (ул. Ярославская, 41, территория бывшего Житного рынка, ул. Верхний Вал, 29, подворье бывшей Покровской церкви и др.) обнаружены отчетливые следы ремесла: кузнечного, ювелирного, камнеобрабатывающего, стеклоделательного.

В течение сезонов 1976—1978 гг. удалось осуществить архитектурно-археологические исследования остатков храма св. Богородицы Пирогощи, принесшие новые данные как для реконструкции центрального подольского собора XII в., так и для выяснения вопросов исторической топографии Киева.

На Подоле добыт большой археологический материал — керамика, шиферные пряслица, резное дерево, изделия из железа, кости и стекла. Кроме обычных массовых находок встретились и редкие. Это кресты-энколпионы, вислые свинцовые печати, византийские монеты. Нумизматические находки являются не только ценным датированным материалом, но и важным источником для выяснения киево-византийских торговых связей второй половины X — первой трети XI в.²³

²² Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 49.

²³ Толочко П. П. Вказ. праця, с. 97—98.

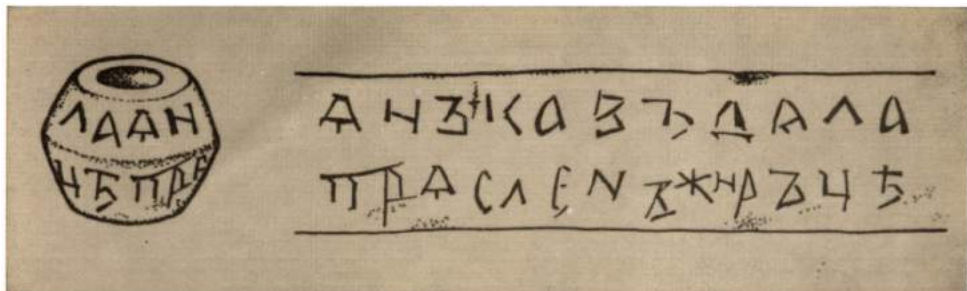

Рис. 7. Шиферное пряслице с надписью: «Янъка въдала пряслень Жирыць».

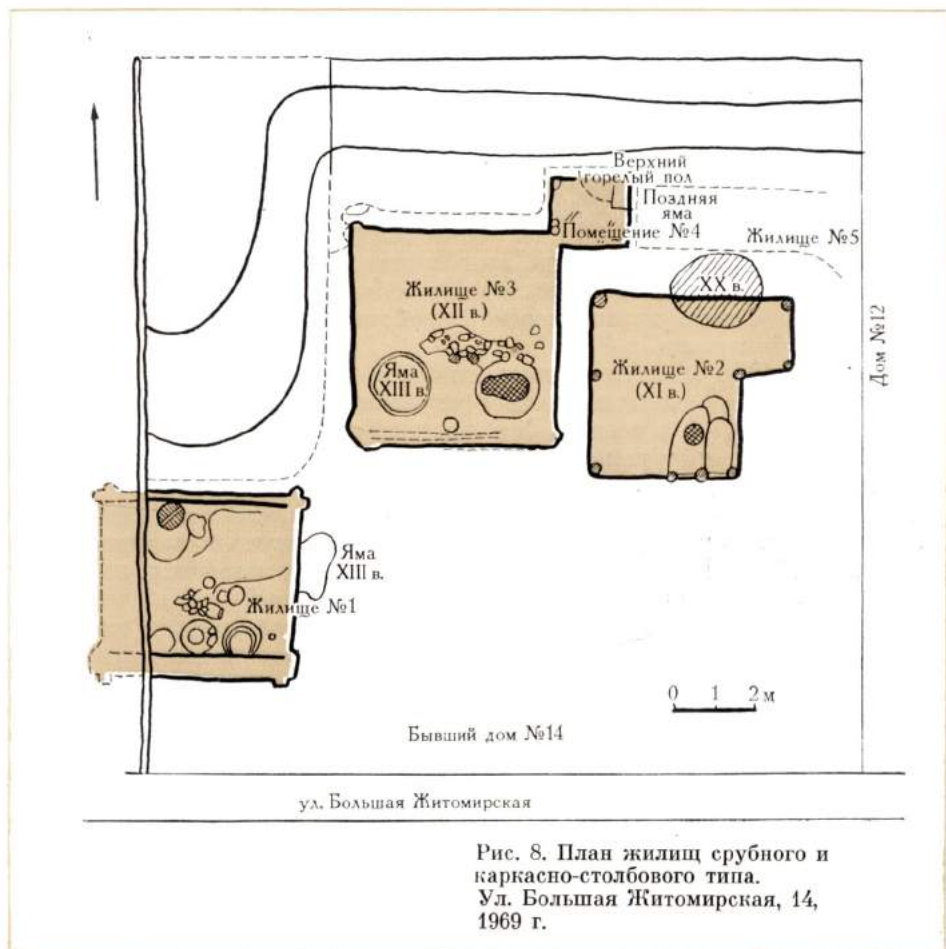

Рис. 8. План жилищ срубного и каркасно-столбового типа. Ул. Большая Житомирская, 14, 1969 г.

Стационарные раскопки, осуществленные в разных частях Подола, а также наблюдения за земляными работами позволили определить его площадь. С юга и юго-запада культурные слои древнерусского времени начинаются от подножий горной гряды и доходят в северо-восточном направлении до ул. Почайнинской. С востока и юго-востока они прослеживаются в районе Почтовой площади, а на северо-западе доходят до ул. Ратманского. Площадь, на которой обнаружены древнерусские материалы, превышает 180 га²⁴.

Граница культурного слоя древнерусского времени на северо-западе Подола, по нашему мнению, фиксирует трассу «столпия», упомянутого летописью под 1161 г. «Нача Изяслав полки рядити съ братъю и dospъвъ, иде къ Подолью, а Ростиславъ, стояше съ Андрѣвичемъ подле столпъе, загорожено бѣ бо бѣше тогда столпиемъ от горы оли и до Днѣпра»²⁵. В свое время Н. И. Петров полагал, что северные укрепления Подола располагались недалеко от горы Щековицы и находились в определенной связи с земляными валами на горе над Иорданской церковью²⁶. Так ли было на самом деле, сказать трудно. Однако тот факт, что основной массив находок древнерусского времени не распространяется далее северного выступа горы Щековицы, позволяет располагать подольские укрепления именно здесь. Для их сооружения, несомненно, были использованы и какие-то естественные рубежи. Таковыми могли служить реки Юрковица, вытекавшая из оврага между Щековицей и Лысой горой, или Глубочица, которая при выходе на Подол резко отклонялась к северу и поворачивала к Днепру по линии северных скатов Щековицы.

Картографирование находок древнерусского времени, обнаруженных к северо-западу от Города Ярослава, позволило в свое время определить размеры еще одного древнекиевского района — Копыревого конца. Его площадь приближалась к 40 га²⁷.

В 1967—1974 гг. здесь были проведены стационарные раскопки, обнаружившие новые материалы по исторической топографии Копыревого конца. Так, в 1967 г. в усадьбе № 9 по ул. Нестеровской была исследована небольшая древнерусская часовня XII—XIII вв.²⁸ Раскопки 1968—1969 гг. в усадьбах № 6 по Кияновскому переулку, № 26/28 по ул. Кудрявской, а также № 4—10 по ул. Смирнова-Ласточкина показали довольно раннее заселение этого района. В основном нижние культурные слои датируются X в. В усадьбе № 6 по Кияновскому переулку на уровне предматерикового слоя встретилась лепная керамика VII в.

В 1969 г. во время больших земляных работ, связанных со строительством высотного дома на Львовской площади, прослежены отрезки рва. В 1974 г. на территории усадьбы № 6 по Кияновскому переулку снова удалось обнаружить какой-то глубокий ров. На этот раз его искусствен-

²⁴ Толочко П. П. До топографіі древнього Києва.— Археологія. 1965, т. 18, с. 20—21.
²⁵ ПСРЛ, т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 1962, стб. 515.

²⁶ Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, с. 29—30.

²⁷ Толочко П. П. До топографіі древнього Києва, с. 17.

²⁸ Толочко П. П., Асеев Ю. С. Новый памятник архитектуры древнего Киева.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 80—87.

²⁹ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1970, с. 133—144.

Рис. 9. Угол срубного жилища XIII в.
Ул. Рейтарская, 36—38, 1978 г.

ное происхождение не вызывало сомнений. Направление исследованной части позволяет предположить, что ров проходил от укреплений Города Ярослава и продолжался в сторону современной усадьбы Художественного института. Эскарпированная стена высотой до 5 м подрезана под углом 45—60° к горизонту. У ее основания имеется горизонтальная площадка шириной 8 м с дополнительным глубоким рвом. Уголь и зола, а также ямки от деревянных столбов свидетельствуют о том, что над эскарпом стояла мощная деревянная оборонительная стена. Общая высота укреплений, таким образом, равнялась около 10 м. В стене эскарпа открыта производственная печь диаметром 1,5 м, врезанная в материковый лесс. В заполнении находились обломки глиняной посуды X—XI вв., уголь, зола, кости животных. В культурном слое много глиняной посуды X—XI вв., железные и бронзовые вещи, изделия из стекла.

Раскопки в усадьбе № 6 по Кияновскому пер. имеют принципиально важное значение. Они, по существу, подвели итог давнему спору, начатому еще Т. Кибальчицем, продолженному В. Щербиной и другими исследователями исторической топографии древнего Киева о том, имел ли Копырев конец искусственные укрепления.

В книге «Исторична топографія стародавнього Києва» автору этих строк уже приходилось останавливаться на данном вопросе²⁹. Тогда, на основании анализа летописных известий, а также материалов, получен-

ных во время срытия вала вдоль Обсерваторного и Подвального переулков, удалось прийти к выводу, что Копырев конец был обнесен земляными валами. Новые исследования еще более утвердили нас в этом.

Важное место в изучении древнего Киева отведено исследованию околицы, которая была органически связана с городом и составляла его неотъемлемую часть. В летописи пригородные слободы, села, княжеские и боярские дворы, монастырские усадьбы упоминаются неоднократно, однако археологически они изучены крайне недостаточно. В связи с этим в составе Киевской экспедиции был создан специальный отряд по исследованию окольных районов Киева.

Перспективность этих работ засвидетельствовали уже раскопки 1963 г., обнаружившие в усадьбе школы № 77 по ул. Карла Либкнехта, № 25а фундаменты древнерусской каменной постройки, которая была отождествлена с храмом Кловского Стефанича монастыря³⁰. В 1974—1975 гг. исследования были продолжены. Практически удалось открыть весь план храма. Несмотря на плохую сохранность (фундаменты, видимо, выбраны во время строительства Кловского дворца XVIII в.), получены интересные данные об архитектуре Кловского собора³¹.

В 1971—1972 гг. археологическим исследованиям подвергся еще один окольный район древнего Киева — Выдубичи. Работы первого года, преследовавшие цель поиска следов летописного Красного двора, были сосредоточены на территории Центрального республиканского ботанического сада, на мысе Чайка. Расположен он между Наводницкой и Выдубецкой долинами и на 70 м возвышается над уровнем Днепра. По отношению к Михайловскому храму Выдубецкого монастыря мыс находится к северо-западу. В одном из раскопов на верхнем плато горы встретилось большое скопление древнерусского строительного материала: плинфа, известь с включениями цемянки. Толщина плинф равнялась 3—4 см. Швы между рядами достигали 3—7 см. Эти и другие наблюдения над строительным материалом не оставили сомнения, что происходил он из какой-то древнерусской постройки XI в.³²

В 1972 г. осуществлены архитектурно-археологические исследования в Михайловском храме и вокруг него. В результате сделаны интересные выводы о характере первоначального пола, о времени возведения западной части собора³³.

Южнее Выдубецкого монастыря (километрах в 6) расположен интереснейший археологический комплекс Китаево. Здесь есть городище площадью около 8 га, поселение (или посад) площадью более 15 га и три курганные группы. В 1973 г. на посаде, а также на могильнике были проведены археологические раскопки. Они показали, что посад возник не позднее X в. Раннюю дату подтверждают и курганные захоронения, датирующиеся второй половиной X в. Совершены они по обряду трупосо-

³⁰ Толочко П. П. Знахідка кам'яних фундаментів на Клові у Києві.— Археологія. 1968, т. 19, с. 236—243.

³¹ Мовчан І. І., Харламов В. О. Стародавній Клов.— У кн.: Археологія Києва. К., 1979.

³² Мовчан І. І. Археологічні дослідження на Видубичах.— У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 80—89.

³³ Мовчан І. І. Вказ. праця, с. 91—102.

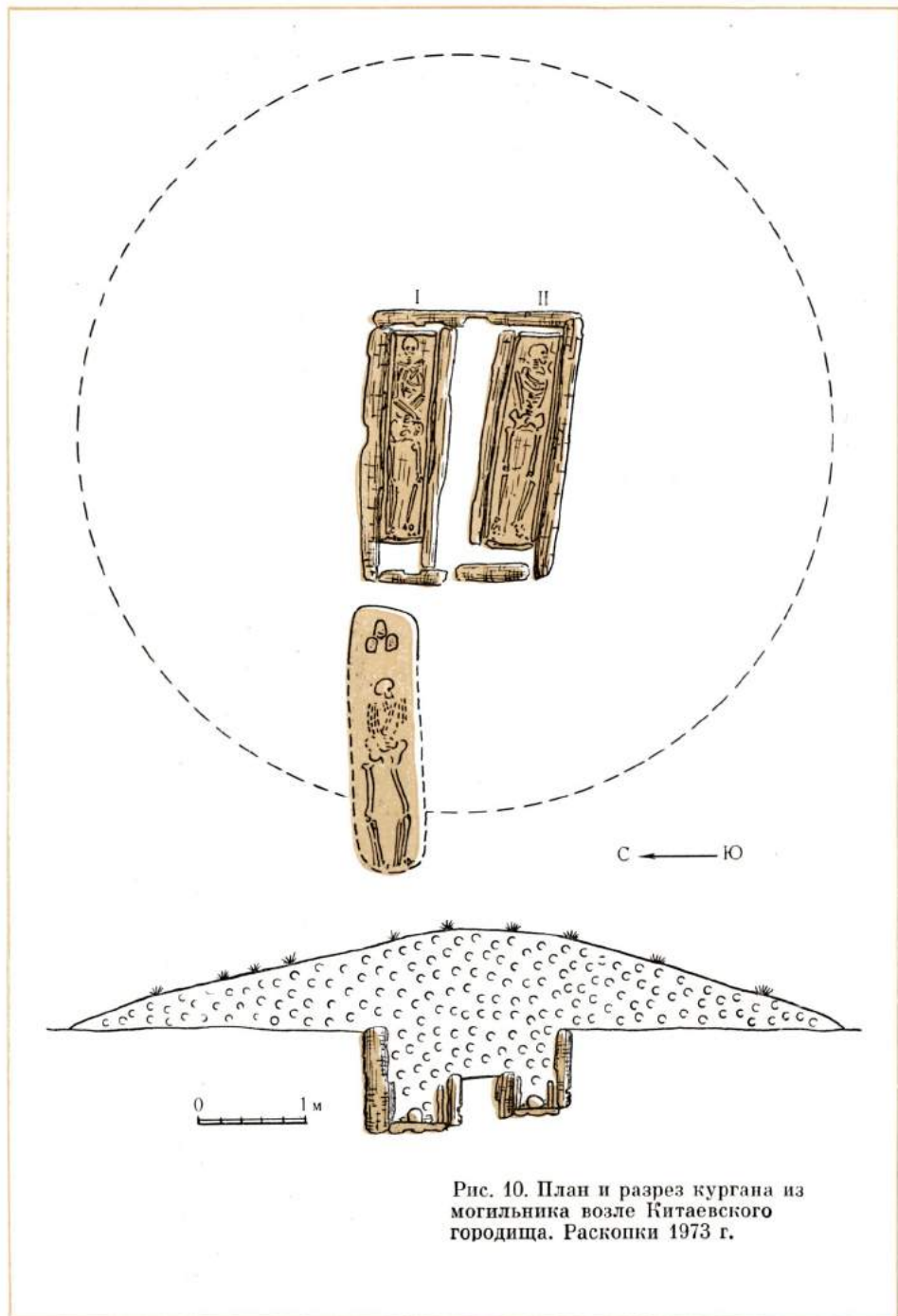

Рис. 10. План и разрез кургана из
могильника возле Китаевского
городища. Раскопки 1973 г.

Рис. 11. Древперусский меч XI в. Навершие и перекрестие с золотой инкрустацией. Оболонь, 1971 г.

жения, труположения в могильной яме, труположения в деревянном гробу или срубе. Встречались также и кенотафы³⁴.

В 1976 г. на археологической карте Киева появился еще один пункт. Строительные работы, ведшиеся вблизи Центрального стадиона, обнаружили археологические материалы древнерусского времени. Наличие здесь большого числа византийской амфорной тары указывает на то, что строители, вероятно, наткнулись на остатки какой-то богатой пригородной усадьбы. К сожалению, большая ее часть оказалась уничтоженной. Во время раскопок удалось обнаружить следы нескольких рядовых жилищ, хозяйственных построек. Наиболее ранние находки датируются X в.

Было бы соблазнительно увязать открытое поселение с остатками летописного села Предславино, но надежных данных для этого нет. Единственным аргументом в пользу такого отождествления может служить местонахождение поселения вблизи Лыбеди, но это уже третий пункт вдоль этой реки, где встречены материалы Киевской Руси. Два других пункта находятся в районе Караваевых дач и на так называемой Батыевой горе.

Разведочными работами на территории санатория «Хутор Вольный» возле поселка Пирогово удалось обнаружить еще одну кирпичную постройку домонгольского времени. Судя по обнаруженной кладке стены из плинфы толщиной 4,0—4,5 см на бледно-розовом растворе, ее можно датировать XII в.³⁵

Кроме стационарных раскопок, Киевская экспедиция ведет систематические наблюдения за земляными работами, которые также приносят важные открытия. Так, в 1971 г. во время заложения геологических скважин по трассе второй очереди Киевского метрополитена в районе Оболони был найден древнерусский железный меч. Перекрестие и навершие рукоятки инкрустированы золотой нитью, что свидетельствует о знатном происхождении владельца меча. Подобные находки в окрестностях Киева, где в X—XIII вв. происходили различные военные столкновения, не обязательно должны связываться с каким-либо пригородным урочищем, упомянутым в летописи, однако есть основания приурочить эту находку к одному из них. Имеется в виду «болото Дорогожицкое», находившееся на пути из Киева в Чернигов, ведшем в устье Десны. В этом болоте в 1146 г. сидел трое суток князь Игорь Ольгович, который потерпел поражение от Изяслава Мстиславича и с остатками своей дружины пытался убежать в Чернигов.

С древним киево-черниговским путем связывается еще один интересный археологический памятник. Речь идет о более чем девятиметровом стволе дуба, вымытом земснарядом в Днестре, вблизи устья Десны. На высоте 6 м в него засажены девять кабаньих челюстей с клыками. Нет сомнения, что перед нами священное дерево, культ которого у древних славян был тесно связан с культом зверей. В свое время (1910 г.) подобная находка была извлечена со дна Десны между Остром и Черниговом.

11

³⁴ Мовчан І. І., Степаненко Л. Я. Розкопки поселення та могильника в Китаєво.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 108—118.

³⁵ Толочко П. П., Харламов В. А. Разведки на территории санатория «Хутор Вольный» в Киеве.— АО 1976 г. М., 1977, с. 382.

К. Болсуновский справедливо видел в ней священный дуб Перуна³⁶, аналогичный тому, который, по словам Константина Багрянородного, рос на Хортице и у которого русы приносили жертвы языческим богам.

Найденный в 1975 г. дуб стоял на месте пересечения путей из Киева на Чернигов (водного и сухопутного). Как и хортицкий, он также играл роль своеобразного святилища, где происходили различные языческие игрища, жертвоприношения. Вокруг Киева таких священных дубов было, видимо, много. Сведения о них сохранила и летопись. В Хлебниковском списке под 1169 г. читаем следующее: «...настигоша [Берендичи Володымира] на Желяни у доброго дуба»³⁷.

Одной из важнейших задач, связанных с изучением культурного слоя Киева, является определение хронологии содержащихся в нем древних материалов. Этой цели давно и хорошо служат такие методы датирования, как типологический и стратиграфический. Разумеется, датировки, полученные на основании этих методов, относительные, но при особо благоприятных обстоятельствах их точность может быть достаточно высока. Речь идет о тех случаях, когда исследователь имеет дело со стратиграфически чистым культурным слоем, отдельные горизонты которого содержат единовременные комплексы вещей. Именно такой слой, о чем шла речь выше, залегает на Подоле и позволяет создать реальную шкалу относительной хронологии древностей.

Характерной особенностью археологических исследований Киева последнего этапа явилось внедрение в них методов точных и естественных наук. Получила развитие дендрохронология, позволяющая с большой точностью определять хронологию отдельных строительных горизонтов древнего Подола и содержащихся в них комплексов вещей. Перспективность этого направления, разрабатываемого М. А. Сагайдаком, заключена в прекрасной сохранности ископаемой древесины в слоях Подола.

Вопросы техники и технологии кузнечного ремесла изучаются при помощи металлографии. Структурные исследования коллекций изделий из черного металла проведены Г. А. Вознесенской в лаборатории физико-химических методов ИА АН УССР.

Большую помощь в изучении исторической стратиграфии Подола, а также его геолого-геоморфологии оказали специалисты Института «Киевметроробект» А. С. Шполянский, А. С. Козлов и М. М. Кучеренко.

Датирование ряда археологических объектов выполнено сотрудниками отдела магнитного поля земли Института геофизики АН УССР О. М. Русаковым и Г. Ф. Загнем на основании археомагнитного метода.

³⁶ Болсуновский К. Памятники славянской мифологии. Вып. 2. Перунов дуб. Киев, 1914, с. 13—15.

³⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 534.

³⁸ Нестеренко Т. В., Стриленко Ю. М. Дослідження будівельних розчинів і плінф пам'яток архітектури стародавнього Києва X—XIII ст.— У кн.: Археологія Києва. К., 1979.

³⁹ Авторы-составители: П. П. Толочко, С. А. Высоцкий, С. Р. Килиевич, И. И. Мовчан, Я. Е. Боровский, К. Н. Гупало, Л. Я. Степаненко.

⁴⁰ Кілієвич С. Р. Археологічна карта квітського дитинця.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва, К., 1976, с. 179—213.

⁴¹ Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва.

Рис. 12. Священный дуб. Устье
Десны, 1975 г.

Древние строительные материалы, полученные раскопками архитектурных памятников, изучались в научно-исследовательской лаборатории УСНРПУ Госстроя СССР Т. Е. Нестеренко и Ю. Н. Стриленко с применением химико-петрографических исследований³⁸.

Наряду с накоплением археологических источников в последние годы проведена большая работа по их систематизации, классификации и хронологическому членению. В 1975 г. сотрудниками отдела археологии Киева ИА АН СССР подготовлена «Археологическая карта Киева»*, в которой материалы раскопок распределены по видам памятников, расчленены хронологически и поданы в определенной топографической последовательности. К сожалению, лишь часть этой большой работы была опубликована³⁹.

Важным направлением в изучении древнего Киева, которому в последние годы уделялось значительное внимание, является проблема формирования его городской территории⁴⁰. В связи с этим осуществлено картографирование всех основных категорий археологических находок начи-

ная с рубежа старой и новой эр и кончая XIII в. Тщательный учет и нанесение на современный план Киева всех находок древнерусского времени позволили уточнить границы и площадь города XII—XIII вв., дать обоснованную реконструкцию линий его оборонительных валов. Они окружали не только Верхний город, как считалось ранее, но и Подол, Копырев конец, Щекавицу. Это была единая оборонительная система, возведенная с учетом использования естественных рубежей.

Разработка вопросов социальной топографии, а также экономического развития древнего Киева обусловила появление картографических схем, дающих представление о размещении кладов ювелирных изделий, топографии находок монетных гривен.

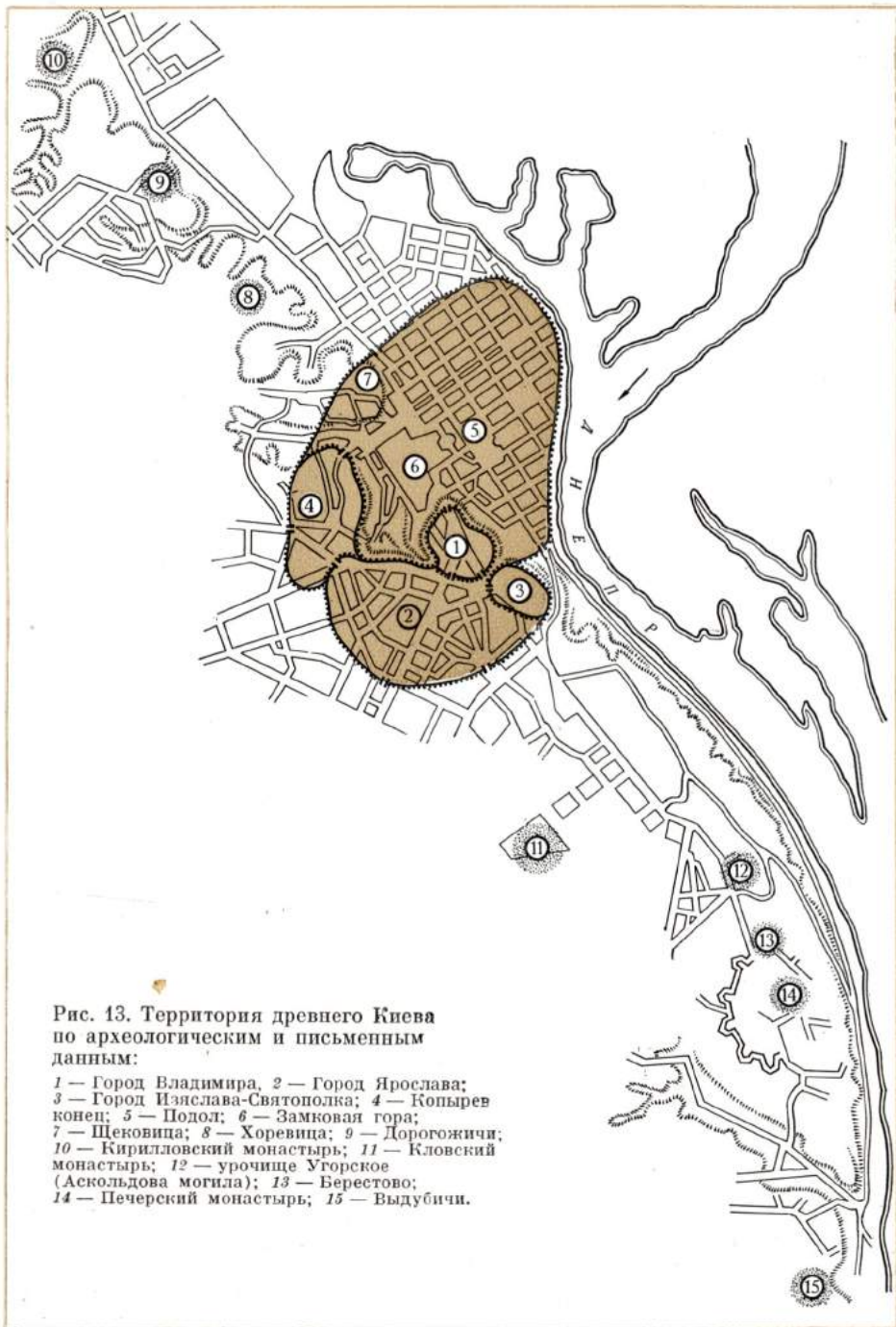
Новые исследования внесли значительные коррективы и в схему размещения монументальных сооружений древнего Киева. Она пополнилась шестью новыми объектами, уточнено местоположение некоторых построек, обнаруженных ранее.

2. Вопросы охраны культурного слоя

В заключение краткого обзора нового этапа археологических исследований Киева необходимо остановиться на проблеме охраны культурного слоя. В городах многовековой истории и особенно тех, которые являются сейчас крупными центрами страны, охрана культурного слоя является одной из важнейших, но трудных задач. Бурный их рост, связанный с огромными масштабами строительства, ведет к резкому сокращению археологических объектов, хранящихся в земле. Значительные участки культурного слоя разрушаются без всякого их исследования и изучения; в тех же случаях, когда строительству и предшествуют археологические раскопки, сохранить тот или иной историко-культурный объект в силу ряда конкретных причин не представляется возможным.

В последние годы дело охраны памятников археологии Киева значительно улучшилось. Большую роль в этом сыграл «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры СССР», принятый 29 октября 1976 г., а также аналогичный закон Украинской ССР 1977 г. В них «культурный слой древних населенных пунктов» объявлен охраняемым объектом. Претворение в жизнь закона об охране и использовании памятников истории и культуры обусловило осуществление целого комплекса мероприятий, конкретизирующих научно-организационные и правовые проблемы охраны археологических памятников Киева. В 1979 г. Исполком Киевского городского совета народных депутатов принял решение «Об уточнении границ историко-культурных заповедников и зон охраны памятников археологии и архитектуры»*, в выработке которого приняли участие специалисты-археологи, историки, архитекторы. В решении нашли четкое определение границы охранных археологических зон, а также их правовой статус. Согласно ему, любые строительные работы в охран-

* Решение Киевского городского совета народных депутатов № 920 от 16 июля 1979 г.

Рис. 13. Территория древнего Киева по археологическим и письменным данным:

- 1 — Город Владимира, 2 — Город Ярослава;
 3 — Город Изяслава-Святополка; 4 — Копырев конец; 5 — Подол; 6 — Замковая гора;
 7 — Шековица; 8 — Хоревница; 9 — Дорогожичи;
 10 — Кирилловский монастырь; 11 — Кловский монастырь;
 12 — урочище Угорское (Аскольдова могила); 13 — Берестово;
 14 — Печерский монастырь; 15 — Выдубичи.

Рис. 14. Фрагмент макета (1973 г.)
«Историко-археологический и
архитектурный комплекс «Древний Киев».
Архитектор А. М. Милецкий.

ных зонах должны быть согласованы с Киевским городским обществом охраны памятников истории и культуры. Организации, получившие разрешение на строительство, обязаны выделять средства на археологические исследования застраиваемых участков.

Археологические памятники Киева все больше выступают как один из важнейших факторов, оказывающих влияние на архитектурно-плани-

ровочное развитие города. В настоящее время, по заказу ГлавАПУ г. Киева, отдел археологии Киева Института археологии АН УССР совместно с сектором теории архитектуры КиевНИИТИ, а также группой «Киевпроект» работает над выполнением двух комплексных тем: «Исследование эволюции архитектурно-планировочного развития города Киева» и «Методика историко-культурной инвентаризации городской среды».

Традиционным и пока что наиболее действенным видом охраны памятников археологии в исторических районах Киева (исключая заповедные зоны) являются археологические раскопки. Объем их увеличивается с каждым годом, однако этот рост не поспевает за огромными масштабами городского строительства, а следовательно, нуждается его археологического обеспечения. Киевская экспедиция Института археологии АН УССР, не располагающая технической базой и практически лишенная возможности (при существующем порядке оплаты) наема рабочей силы на длительные сроки, не в состоянии вести раскопки в необходимом объеме. В результате создается такое положение, когда выделяемые строительными организациями средства на раскопки (как это и предусмотрено советским законодательством) фактически невозможно освоить. Все это приводит к значительным потерям.

Неблагополучно обстоит дело и с музеефикацией памятников археологии. До недавнего времени этот вопрос вообще не ставился. В Киеве археологи копали «на спос», причем даже тогда, когда это не диктовалось «новостроечным» фактором. Сейчас проблема музеефикации археологических объектов обсуждается археологами, архитекторами, реставраторами, градостроителями, работниками общества охраны памятников истории и культуры.

Наибольший историко-архитектурный интерес представляет древнейшее историческое ядро Киева. К сожалению, большинство памятников его находится в земле и недоступно для обозрения. Раскопки и «поднятие» из-под земли фундаментов первого каменного храма Руси — Десятинной церкви, фундаментов княжеских дворцов и теремов, жилищ и ремесленных мастерских, братских могил защитников Киева от монголо-татарских полчищ, выявление древних укреплений — валов и рвов наполнило бы территорию экспонатами огромной историко-культурной ценности. Авторской группой архитекторов управления «Киевпроект» (рук. А. М. Милецкий) вместе с сотрудниками отдела археологии Киева ИА АН УССР, этнографами, историками архитектуры, художниками-монументалистами разработаны предложения по созданию в историческом центре города парка-музея «Древний Киев».

14

Реализация первой очереди проекта, включающая благоустройство гор Старокиевской, Замковой и Детинки, урочищ Гончары и Кожемяки, организацию смотровых площадок и прокладку прогулочных аллей, экспонирование фундаментов Десятинной церкви и каменных дворцов, будет завершена в 1981—1982 гг. Основой для осуществления такой работы является детальное картографирование археологических памятников V—XIII вв., проведенное сотрудником отдела археологии Киева ИА АН УССР С. Р. Килиевич.

В последние годы особое беспокойство широкой общественности города вызывает судьба руин Золотых ворот. Находясь под открытым небом

35

и подвергаясь действиям сил природы (осадки, температурные колебания), они интенсивно разрушаются. Остановить этот прогрессирующий процесс при помощи обычной консервации практически невозможно. Опыт доказывает, что единственным способом сохранения архитектурно-археологических памятников прошлого в наших климатических условиях является их музеефикация или же реконструкция с включением древних остатков в структуру восстановленной постройки. Исходя из этого, было принято решение соорудить над остатками Золотых ворот павильон, формы которого максимально точно отразили бы архитектуру памятника XI—XII вв.

Разработке проекта реконструкции Золотых ворот, порученного авторской группе в составе Е. И. Лопушинской, С. А. Высоцкого и Н. В. Холостенко, предшествовали многолетние исследовательские работы (см. гл. I, IV). Тщательные архитектурно-археологические раскопки, изучение иконографического материала (рисунки А. Вестерфельда), сравнение киевских ворот с аналогичными памятниками других древнерусских (и европейских) городов позволили авторам создать научно обоснованный вариант реконструкции Золотых ворот, которая в целом, видимо, очень близка к оригиналу.

Реализация проекта позволит решить две важнейшие задачи по охране памятников истории и культуры: защитит руины Золотых ворот от дальнейшего разрушения и обогатит город еще одним выдающимся памятником архитектуры эпохи Киевской Руси.

В 1972—1973 гг. по методу, открытому сотрудниками кафедры деградированной древесины Белорусского технологического института им. С. М. Кирова В. Вихровым, Ю. Вихровым и В. Борисовым и при непосредственном участии последнего, удалось провести консервацию трех срубных построек, а также различных деревянных изделий X в., которые переданы для экспонирования в Государственный музей архитектуры и быта Украинской ССР под открытым небом.

К сожалению, реализация предложений по музеефикации археологических памятников сопряжена со многими трудностями. В Киеве до сих пор нет организации, которая могла бы выполнять работы, связанные с музеефикацией (проектирование, консервация и реставрация объектов) остатков монументальных построек, участков древней застройки. Создание такой организации (состоящей из научно-исследовательского и производственного подразделений) в структуре УСНРПУ Госстроя Украинской ССР является одним из главных условий практического осуществления мероприятий по музеефикации памятников археологии Киева.

ГЛАВА II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО КИЕВА

1. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КИЕВА
В ИСТОРИОГРАФИИ
2. ПИСЬМЕННЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ
3. КИЕВ — АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР ПОЛЯНСКОГО КНЯЖЕНИЯ
4. КИЕВ В ПЕРИОД СЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

Проблема происхождения Киева является одной из наиболее важных и актуальных в отечественной исторической науке с первых дней ее существования. Когда древнерусские летописцы приступили к написанию истории Руси, главными вопросами, на которые они пытались найти ответ, были: «откуда есть, пошла Русская земля и кто в Киевѣ нача первѣе княжити»¹. Связывая возникновение Киева с началом восточнославянской государственности, летописец Нестор записал народное предание о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве, основавших в земле «мудрых и смысленных» полян город и назвавших его в честь старшего брата Киевом. Чтобы рассеять сомнения в достоверности этой легенды, Нестору пришлось произвести свое собственное разыскание, согласно которому Кий являлся полянским князем, ходил в Царьград и был с почестями принят византийским императором.

1. Проблема происхождения Киева в историографии

Долгое время этот летописный рассказ, к которому исследователи относились как в плане достоверности, так и в плане славянского происхождения Кия и его братьев преимущественно скептически, являлся единственным источником в решении вопроса о времени происхождения Киева. Не удивительно поэтому, что историки приходили к самым противоречивым выводам, приписывая (вопреки совершенно четкому указанию летописи о славянстве Кия) основание Киева сарматам, готам, гуннам, аварам, норманнам.

Так, В. Н. Татищев писал: «Кий, Щек, Хорив и Лыбедь имена не славянские, но видится сарматские, ибо и народ до нашествия славян был сарматский». Само имя Киев происходит от сарматского слова Кивы, что значит каменные горы. Известия об основании города князем Кием, согласно историку, являлись измышлением летописца, проистекающим «от незнания сего имени». Возникновение Киева В. Н. Татищев отнесил ко времени до «пришествия Христова»².

М. М. Щербатов полагал, что основателями Киева были гунны. Покорив алаи, гунны, по его мнению, дошли до места, где ныне Киев. Найдя это место удобным к поселению, вожди их остановились и построили «вышеозначенные грады»³.

Против теории гуннского происхождения Киева, неоднократно возрождавшейся на протяжении всего XIX в., решительно выступил историк И. М. Болтин. «Чтобы гунны на берегах Днепра, где ныне Киев, когда-либо жили, — писал он, — о том ни в какой истории не воспомина-

¹ ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 9.

² Татищев В. Н. История Российская. М., 1963, т. 2, прим. 12, 18. М., 1964, т. 4, с. 110.

³ Щербатов М. М. История Российская с древнейших времен. Спб., 1847, т. 1, с. 116—121.

⁴ Болтин И. М. Примечание на Историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка. Спб., 1778, т. 1, с. 21—22; Болтин И. М. Критические примечания на первый том Истории кн. Щербатова. Спб., 1773, с. 141.

⁵ Миллер Г. О народах, издревле в России обитавших. Спб., 1773, с. 27.

Рис. 15. Кий, Щек, Хорив и Лыбедь.
Миниатора Радзивилловской летописи.

ется, да и весьма сомнительно, чтобы они местами сими проходили. Жили тут издревле сарматы, и прежде нежели славянами были покорены, построили город Киев, назвав его так по местоположению, ибо слово Кивы на сарматском языке значит Горы». Позднее И. М. Болтин так же горячо отстаивал аварское происхождение Киева ⁴.

Историки немецкого происхождения — Г. Байер, Г. Миллер, А. Шлецер — также отрицали славянское происхождение основателя Киева. Г. Байер, в частности, утверждал, что Кий — это готский король Кливе, который воевал в Панонии во времена римского императора Дапия около 250 г. Согласно Г. Миллеру, честь основания Киева принадлежит гуннам. «Писатели средних времен, — утверждал историк, — часто называли город Киев Унигардом, какое название, без сомнения, происходило от унгов... Историки обыкновенно полагают, что князь Кий создал город Киев в 450 году после рождения Христова. Имя Кий, кажется, ничего славянского в себе не заключает» ⁵.

Как видим, при всей несхожести выводов названные историки были единодушны в отрицании славянского происхождения Киева. Эта тенденциозность, разумеется, не могла остаться незамеченной прогрессивно настроенными русскими учеными. Первым, кто подверг серьезной критике взгляды представителей немецкой школы историков, был М. В. Ломоносов. В отклике на диссертацию Г. Миллера — «Происхо-

ждение народа и имени российского» (1749), он отмечал: «На всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечем истребляют: гунны Кия берут с собой на войну в неволю»⁶. М. В. Ломоносов призывал к серьезному отношению к летописным известиям об основании Киева. В связи с этим он писал: «Владетели и здатели городов в пределах российских известны по Нестору: в полях Кий, Щек и Хорив... И хотя в оном летописце с начала много есть известий невероятных, однако всего откинуть невозможно»⁷.

Еще категоричнее выступил против взглядов академиков-немцев на начальные века славянской истории и проблему возникновения городов историк В. К. Тредиаковский, чьи труды, к сожалению, не были по достоинству оценены в нашей историографии. Он писал, «что за повсюдное Байерово тщание, приставшее от него, как прилипчивое место к некоторым его же языка здесь академикам, чтоб нам быть или шведами, или норвежцами, или датчанами, или германцами, или готфами, только б не быть Россиянами собственно так называемыми ныне»⁸. Кия В. К. Тредиаковский считал историческим лицом, время жизни и деятельности которого приходилось на V в.

Крупнейший представитель русской дворянской историографии Н. М. Карамзин также решительно встал на защиту летописных известий об основании Киева. Критикуя филологические построения историков о неславянском происхождении слова «Киев», он остроумно замечал, что «имена древния не всегда могут быть изъяснены языком новейшим, из чего не следует, чтобы они произошли от иного языка. К тому же, славянское местоимение Кий, слова щек, щекотать, гора, лебедь и многие другие столь же близки к именам киевских братьев и сестры, как и персидские или венгерские Кея, Хурех, Лебеге и пр.»⁹

Две тенденции в вопросе о возникновении Киева, определившиеся в дворянской историографии, еще рельефнее выступают в работах историков второй половины XIX в. Особое распространение получила теория готского происхождения Киева, якобы подтверждавшаяся скандинавскими источниками.

Действительно, в одной из опубликованных в 1850—1852 гг. саг («Hervarsaga») говорится, что внебрачный сын готского короля Гейдрек царствовал в Рейдготии, а столицей имел Днепровский город (Данпарстад). На этом основании А. А. Куник высказал предположение, что Днепровский город гóтов может быть отождествлен с Киевом¹⁰. Ф. К. Браун был значительно осторожнее, заявив, что «Днепровский город занимал, вероятно, то место, где затем был построен Киев»¹¹. Решительным сторонником отождествления Киева с Данпром скандинавских саг выступил исландец Г. Вигфуссон. В Киеве он видел центральный пункт готской империи и столицу Эрманариха.

Аргументы историков, отстаивавших готское происхождение Киева, были убедительно опровергнуты профессором Киевского университета Н. П. Дашкевичем. В рецензии на книгу Г. Вигфуссона он писал, что рассматриваемые саги в том виде, в котором они дошли до нас, не старше IX в., а следовательно, сведения о Днепре и «Днепровском городе» являются позднейшей локализацией столицы Эрманариха, которая могла про-

изойти под влиянием рассказов скандинавов, бывших в Киеве в IX и следующих веках или слышавших о нем¹².

Несмотря на несостоятельность теории Вигфуссона, убедительно раскритикованной Н. П. Дашкевичем, она была поддержана и некоторыми исследователями исторической топографии Киева. Так, Н. И. Петров утверждал, что Киев вначале принадлежал готам, а затем гуннам и в IV в. являлся центром Готской империи и столицей Эрманариха¹³. Еще более категоричен был В. Б. Антонович, пытавшийся подтвердить теорию Вигфуссона археологическими материалами. В качестве неопровержимого доказательства факта существования готского Киева он приводил находки кладов римских монет III—IV вв.¹⁴

Киев возник не в готское, а норманское время — так можно определить позицию в этом вопросе крупных историков XIX в. Н. П. Дашкевича, А. А. Шахматова и других, относивших начало Киева только к концу IX в. В наше время особое развитие эта точка зрения получила в трудах ряда зарубежных историков, в том числе и норманнистов.

Многими историками XIX в. летописный рассказ об основании Киева объявлялся «эпонимным мифом», попыткой летописцев объяснить топонимические названия древнего Киева. Такого взгляда придерживались С. М. Соловьев, М. С. Грушевский. В. О. Ключевский считал, что Кий был князем в первобытном понимании родового старейшины, а в знаменитого родоначальника правящего рода племени полян, князя он превратился под пером летописца¹⁵.

По-иному подходил к проблеме происхождения Киева выдающийся украинский писатель И. Я. Франко. Критикуя буржуазно-националистическую концепцию М. Грушевского, он утверждал, что Нестор не мог выдумать князя Кия. «Очевидно, речь здесь (в рассказе о поездке Кия в Царьград.— *П. Т.*) идет о военном походе Кия на Царьград, более раннем, чем переход обрвов мимо Киева, состоявшийся в 640 г. Это позволяет отнести начало государственной организации в окрестностях Киева к началу VII в.» «Мне кажется,— писал далее И. Я. Франко,— этимологическое толкование рассказа о Кие, Щеке и Хориве неверное и ненужное»¹⁶.

В советское время вопрос о возникновении Киева неоднократно затрагивался в обобщающих исследованиях по истории Древней Руси

⁶ Ломоносов М. В. Краткий Российский летописец.— Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 21.

⁷ Там же, с. 296.

⁸ Тредиаковский В. К. Три рассуждения о трех главнейших древностях Российских. Спб., 1773, с. 124.

⁹ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Спб., 1872, т. 1-2, прим. 71.

¹⁰ Кумик А. А. Русский летописец о походе 1043 года.— Записки АН. 1845, кн. 1, т. 26, с. 55.

¹¹ Браун Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической топографии Южной России. Одесса, 1880, ч. 2, с. 289.

¹² Дашкевич Н. П. Приднепровье по некоторым памятникам древнесеверной литературы.— Университетские известия. Киев, 1886, № 11, с. 224.

¹³ Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, с. 3.

¹⁴ Армашевский А., Антонович В. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев, 1897, с. 36—37.

¹⁵ Ключевский В. О. Соч. Т. 1. Курс русской истории. М., 1956, ч. 1, с. 118.

¹⁶ Франко И. Я. Причини до історії України-Руси. Львів, 1912, ч. 1, с. 25.

Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым. Их трудами убедительно доказано, что Древнерусское государство и города возникли в результате длительного развития восточнославянских племен на этапе разложения первобытно-общинного строя и возникновения племенных классовых отношений.

Что же касается летописной версии о происхождении Киева, то, хотя она долгое время и не получала однозначной оценки, отношение к ней стало принципиально отличным. Наиболее четко оно сформулировано Б. Д. Грековым, полагавшим, что, «несмотря на очевидную легендарность Кия, мы все-таки и сейчас не сможем обойти его молчанием, если хотим правильно поставить перед собой задачу изучения политической истории Киева с древнейших времен»¹⁷.

Аналогичным было отношение к летописным известиям о раннем Киеве и М. Н. Тихомирова. Комментируя вывод М. К. Каргера о том, что несколько самостоятельных поселений слились в единый город только к концу X в., историк справедливо полагал, что он требует дополнительной проверки, поскольку находится в противоречии с летописными сообщениями¹⁸.

В современной советской историографии, особенно после выхода в свет работ академика Б. А. Рыбакова¹⁹, окончательно наступил поворот от скептической оценки летописного рассказа об основании Киева к более внимательному отношению к нему. Историческую реальность событий, связанных летописью с полянским князем Кнем, утверждают сегодня практически все исследователи этого вопроса, хотя отнесение их к VI в. продолжает вызывать научные дискуссии. Ряд исследователей полагает, что деятельность Кия (или его славянского прототипа) может быть отнесена к началу VII в.²⁰

Специальное обращение к проблеме происхождения Киева И. М. Самойловского, В. П. Петрова, М. Ю. Брайчевского, М. К. Каргера, И. П. Шаскольского и других исследователей не только не внесло окончательной ясности в этот важный вопрос, но еще более усложнило его.

В целом в советской историографии определились три основных концепции проблемы происхождения Киева. Согласно первой, наиболее последовательными сторонниками которой являются М. К. Каргер, И. П. Шаскольский и ряд других исследователей, возникновение Киева относится к IX—X вв., то есть, по существу, ко времени первого датированного упоминания о нем в летописи²¹. Вторая концепция, наиболее глубокое обоснование которой содержится в трудах Б. А. Рыбакова, сводится к тому, что начало Киева следует связывать с деятельностью полянского князя Кия, основавшего «городок» на Днепре и княжившего в нем в VI в.²² И наконец, согласно третьей, отстаивавшейся И. М. Самойловским, В. Н. Петровым и М. Ю. Брайчевским, историю Киева необходимо начинать от тех поселений, которые появились на месте будущего города на рубеже новой и старой эр²³.

Проблема возникновения Киева продолжает привлекать внимание и современных зарубежных исследователей. К сожалению, многие из них остались в этом вопросе на позициях историков XIX в., не хотевших признать славянское происхождение города. Так, Т. Арне утверждал, что три старых поселения, размещенных на киевских горах, превратились в

город только после прихода сюда варягов, то есть не ранее конца IX в.²⁴ Аналогичная мысль содержится в книге Э. Оксенстиерны «Викинги». «Сейчас многие антинорманнисты, — пишет он, — пытаются доказать, что не викинги основали Русь. Но это вещь совершенно недоказуемая. В археологических раскопках памятников, относящихся к периоду до конца IX в., то есть до прихода сюда викингов, вообще не находят культурных ценностей». Демонстрируя полную неосведомленность в области археологического изучения Киева, этот исследователь пытается уверить читателя, что в культурных слоях IX в. преобладают шведские материалы²⁵. Другой буржуазный специалист в области древнерусской истории Х. Арбман, смущенный отсутствием «археологических свидетельств скандинавских поселений в Киеве до X ст.», объяснял это тем, что, вероятно, более ранние кладбища скандинавов здесь еще не нашли²⁶.

Некоторые зарубежные исследователи под давлением археологических фактов вынуждены признать более раннее — донорманское — происхождение Киева, однако видеть в нем восточнославянский центр отказываются. Так, Ф. Дворник не сомневается в существовании в Среднем Поднепровье крупного торгового города Киева задолго до прихода сюда норманнов, но считает, что находился он целиком в руках хазар²⁷.

2. Письменные и археологические источники

После краткого экскурса в историографию вопроса о возникновении Киева вернемся к летописи и посмотрим, дает ли она основания для столь различных и противоречивых суждений об этнической принадлежности основателей города. Внимательное изучение и непредвзятый подход убеждают в том, что в летописи на этот счет разночтений нет. Киев построили князья славянского племени полян: «И быша три братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Съядше Кий на горь, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ съядше на горь, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третей горѣ, от него же прозвася Хоревница. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и на-

¹⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 439.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 18.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, 1953, № 18; Рыбаков Б. А. Начало русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4/5; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М, 1963.

²⁰ Брайчевский М. Ю. Коли і як виник Київ. К., 1963, с. 94; Сахаров А. Н. Кий: Легенда и реальность. — ВП, 1975, № 10.

²¹ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1959, т. 1, с. 90; Шаскольский И. П. Когда же возник Киев? — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 70—72.

²² Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, с. 34—35; Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976, с. 14—15.

²³ Самойловский И. М. Коли виник Київ. — Научно-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, 1961, № 3; Петров В. П. Про першопочатки Києва. — УІЖ, 1962, № 8; Брайчевський М. Ю. Вказ. праця, с. 26.

²⁴ Arne T. Die Warägerfrage und die sowjetrussische Forschung. — Acta Archeologica. Kobenhavn, 1952, Bd. 23, p. 142.

²⁵ Oxenstierna E. Die Wikinger. Stuttgart, 1966, p. 65—88.

²⁶ Arbman H. The Viking. London, 1962, p. 98—105.

²⁷ Dvornik F. Les Slaves. Paris, 1970.

рекоша имя ему Киевъ... И бяху мужи мудри и смыслени, нарицахусь поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дни»²⁸. Далее летописец объясняет, кто же такие поляне. «Поляномъ же, живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще от рода Словѣнска, и нарекошася Поляне»²⁹.

О славянском происхождении основателей Киева свидетельствуют не только «Повесть временных лет», но и другие летописи (Новгородская вторая, Никоновская, летописные известия, включенные в «Синодсис»). Пользуясь какими-то древнерусскими летописями, не дошедшими до нас, средневековые авторы Длугош и Стрийковский писали не только о славянском происхождении Кия, но и о том, что именно он был родоначальником киевской княжеской династии, прекратившей свое существование после убийства Аскольда и Дира норманнами. Прямыми потомками Кия считали Аскольда и Дира составители «Синодсиса» и Никоновской летописи.

Таким образом, летописные источники убедительно свидетельствуют в пользу славянского происхождения Киева, к основанию которого не имеют отношения ни сарматы, ни гунны, ни готы, ни норманны. Столь ясный для первых древнерусских летописцев, вопрос этот был запутан историками XVIII—XIX вв., над многими из которых довлело тенденциозное представление о несоборности восточных славян к самостоятельному политическому развитию.

Итак, согласно «Повести временных лет», основателем «матери городов русских» являлся представитель славянского племени полян Кий. Но действительно ли он был князем? Этот вопрос возник еще во времена летописца Нестора. Некоторые скептики склонны были видеть в Кие обыкновенного перевозчика через Днепр. Для опровержения этой версии Нестор привлек дополнительные материалы. Трудно сказать, откуда он получил сведения о начальном периоде истории Киева: может быть это были народные предания, а возможно, в его руках находился и какой-то письменный источник. В результате критического осмысления разнохарактерных данных Нестор смог дополнить свой рассказ об основании Киева следующими строками: «Ини же, не свѣдуше, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оная стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившу ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходилъ царь. Идущю же ему вспать, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и срубѣ градок малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи; еже и донынѣ наречаютъ дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшу въ свой градъ Киевъ, ту живють свой сконча»³⁰.

Исследователи уже неоднократно отмечали, что летопись отражает реальные исторические события. Еще Н. И. Костомаров пришел к выводу, что в народности этого летописного рассказа вряд ли может быть сомнение. «По нашему мнению,— писал историк,— Кий личность не только взятая из народного предания, но и историческая»³¹. Б. А. Рыбаков также считает вторую часть летописного текста, посвященную специально Кие, не фольклорным сюжетом с обязательными тремя героями, а рассказом, в котором выступают следы точной исторической традиции. «Пе-

ред нами, — утверждает он, — древний предшественник Святослава, «великий князь» Киевский, деятельность которого простиралась до берегов Дуная, а дипломатические связи — до Царьгорода»³².

К сожалению, Нестору не удалось разыскать сведения о времени жизни и деятельности первого киевского князя, в чем он и признался. В связи с этим рассказ о Кие и основании им города помещен в недатированной части летописи, во введении к ней. «Точная» дата основания Киева Кием имеется в Новгородской первой летописи — это 854 г., но верить ей нельзя. Она была внесена в рассказ о Кие новгородскими летописцами XI—XII вв., пытавшимися создать свою схему исторического развития Руси, в которой не Киев, а Новгород выступал бы наиболее ранним восточнославянским городом³³.

Так можно ли определить время основания Киева, если в одних летописных списках это событие вообще не датировано, а в других датировано заведомо неверно? Оказывается, можно. Задачу облегчает, во-первых, система четкой хронологической последовательности, в которой выдержано изложение исторических событий в вводной части «Повести временных лет», а, во-вторых, наличие параллелей киевской легенде в иностранных письменных источниках. Одна из них находится в первой части «Истории Тарона» Зеноба Глака, в которой рассказывается о происхождении рода Мамиконянов в Армении. Впервые армянскую легенду об основании городов в стране Полуни Куаром, Мелтеем и Хореаном ввел в научный оборот в 1922 г. академик Н. Я. Марр, который датировал «Историю Тарона» VII в.³⁴ Исследование этого памятника позволило уточнить время его написания концом VI — началом VII в.³⁵ Киевская легенда, как считают Б. А. Рыбаков и другие историки, могла проникнуть в Армению через славянские поселения, издавна существовавшие на Северном Кавказе.

Следовательно, верхним хронологическим рубежом жизни и деятельности Кия, если исходить из датировок записи киевской легенды в армянских источниках, является конец VI — начало VII в. Примерно так же можно определить его и на основании летописи Нестора. После рассказа о Кие в ней идет речь о приходе болгар на Дунай, появлении белых угров в Европе и борьбе славян с аварами, которые, по словам летописи, чуть было не захватили византийского императора Ираклия. Все эти события произошли в конце VI — первой половине VII в. Следовательно, деятельность князя Кия относится к более раннему времени.

³² ПВЛ, ч. 1, 12—13.

³³ ПСРЛ. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1962, стб. 12.

³⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 13.

³⁵ Костомаров Н. И. Предание о родоначальниках. — Вестник Европы. Спб., 1873, т. 1, № 1, с. 25.

³⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, с. 25.

³⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 104—105.

³⁸ Марр Н. Я. Книжные легенды об основании Куара и Киева на Руси. — Избр. труды. М.; Л., 1935, т. 5, с. 54.

³⁹ Айвазян К. В. История Тарона и армянская литература IV—VII веков. Ереван, 1976, с. 386.

Но к какому? Прямых данных для ответа на этот вопрос нет. С уверенностью можно утверждать, что Кий княжил после I в., поскольку рассказ о нем помещен после легенды об апостоле Андрее, который якобы посетил Киевские горы и предсказал рождение здесь великого города.

Косвенными данными для определения времени Кия могут быть сведения о приеме его византийским императором. Нестор не смог указать имени этого цесаря, что дало полную свободу для различных предположений. Одни историки видели в этом императоре Ираклия, другие — Маврикия, третья — Юстиниана, четвертые — Константина Великого³⁶. Наиболее обоснованной представляется точка зрения Б. А. Рыбакова, считающего, что изложенные в рассказе Нестора сведения могли быть характерными только для одного столетия византийской истории, а именно для VI в., когда император Юстиниан принимал на службу славянских вождей и предпринимал энергичные меры для укрепления северных границ³⁷.

Уже начало VI в. отмечено крупными вторжениями славянских племен в пределы империи. Согласно свидетельству Прокопия Кессарийского, славяне почти ежегодно совершали набеги на Византию, иногда достигая предместий Константинополя. Захватив богатую добычу, они возвращались на левый берег Дуная. Чтобы обезопасить империю, Юстиниан I принимает срочные меры по охране дунайской границы. Не бездействует и византийская дипломатия. В наемные войска открывается широкий доступ славянам; один из них, по имени Хильбудий, даже назначается стратигом Фракии. Интересные сведения об этом славянине сообщил Прокопий Кессарийский. «Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрел никакого состояния. На четвертом году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку... Спустя три года после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая, пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий»³⁸.

Около 540 г. между двумя крупнейшими славянскими союзами племен — антами и склавинами — возникли распри, чем не замедлил воспользоваться Юстиниан I. В 545 г. к антам были отправлены послы, объявившие о согласии императора уступить славянам нижнедунайскую крепость Туррис и близлежащие земли при условии, что они будут охранять северную границу империи от гуннов. Анты приняли предложение Юстиниана I, и с этого времени источники не упоминают о выступлении антов против Византии.

Знакомясь с рассказом Прокопия Кессарийского о Хильбудие и антах, нетрудно заметить в нем много общих черт с рассказом Нестора о Кие. Разумеется, это обстоятельство не дает основания отождествлять Хильбудия с Кием, но позволяет с большим доверием относиться к летописному сообщению. Не исключено, что с целью разоблачения антов и

склавинов Юстиниан I был вынужден принять в Константинополе с великими почестями полянского князя Кия. Оснований для такого предположения, как нам кажется, насколько не меньше, чем для утверждения, что визит Кия в столицу Византии произошел около 603 г. при императоре Маврикии, когда анты также находились в союзнических отношениях с империей. «Наиболее вероятным временем жизни Кия или же того князя, который скрывается за этим топонимическим именем, — считает Б. А. Рыбаков, — есть время императора Юстиниана I (527—565) или же его ближайших предшественников»³⁹.

Как видим, письменных источников, при помощи которых можно рассматривать вопрос о времени основания Киева, сравнительно мало. Это ощущали многие исследователи и неоднократно предпринимали попытки расширить их круг. Одни из них полагали, что существенную помощь в решении проблемы происхождения Киева могут оказать скандинавские саги, другие обращали свои взоры к сведениям известного римского географа II в. н. э. Клавдия Птолемея. Он писал: «Внутри страны (Европейская Сарматия. — П. Т.) лежат города по реке Борисфену: Азагарий (Азагарий) (56° долготы — 50°40' широты), Амадока (56°—50° 30'), Сар (56°—50° 15'), Серим (57°—50°), Метрополь (56°—49° 30'), Ольвия, или Борисфен (57°—49°)»⁴⁰. Из всех названных городов, пожалуй, только Борисфен не отождествлялся исследователями с Киевом, остальные в разное время и разными историками привлекались в качестве доказательства большей древности Киева, чем это можно было предположить на основании летописных данных. М. Ф. Берлинский, Н. В. Закревский считали, что Киеву соответствует Азагариум⁴¹. К. Мюллер располагал на месте Киева Метрополь⁴², М. Ю. Брайчевский — Сар⁴³. В последнее время новую попытку локализации «приднепровских городов Птолемея» предпринял В. И. Бидзия, пришедший к оригинальным, но неубедительным выводам.

Предположив, что расстояние между Азагариумом и Метрополем составляет птолемеевых 0° 30' (в действительности — 1° 10'), он все названные выше города локализовал в Среднем Поднепровье — между устьями Тясмина и Ирпеня. В районе Киева, по В. И. Бидзие, располагалась Амадока⁴⁴. В доказательство этого он ссылается на зарубинецкое посе-

³⁹ Франко I. I. Литературна спадщина. К., 1967, т. 4, с. 24; Брайчевский М. Ю. Вказ. праця, с. 72; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, с. 34—35; Липранди И. Рассуждения о древних городах Киеве и Киевце. — В кн.: Сын отечества и северный архив. СПб., 1831, т. 24, № 30, с. 227.

⁴⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, с. 34—35.

⁴¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 294—295.

⁴² Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси. — История СССР, 1981, № 1, с. 75.

⁴³ Птолемей Клавдий. Руководство по географии. — В кн.: Античная география. М., 1953, с. 321—322.

⁴⁴ Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. СПб., 1820, с. 5; Закревский Н. В. Описание Киева. М., 1868, т. 1, с. 6.

⁴⁵ Müller Cl. Ptolemaei. Geografia, v. 1. Paris, 1883, p. 433—434.

⁴⁶ Брайчевский М. Ю. Вказ. праця, с. 55.

⁴⁷ Бидзия В. И. Приднепровские города Птолемея. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР. Ужгород, 1978, с. 87—88.

ление, исследованное А. М. Шовкопляс в днепровской пойме на берегу Почайны.

Приведенные примеры являются убедительным свидетельством того, что сведения «Географии» Птолемея не могут быть причислены к кругу источников по проблеме происхождения Киева. Со своей стороны, полагаем, что наиболее удачная попытка локализации птолемеевых городов принадлежит Ф. Брауну, разместившему их в пределах нижнего течения Днепра (до порогов) на протяжении около 200 км⁴⁵. Ведь нельзя же серьезно утверждать, что Птолемей перечислил небольшие, в том числе пойменные поселки, расположенные в далеком Среднем Поднепровье, и вообще молчаливым огромные городищенские центры Нижнего Поднепровья, тесно связанные с античным миром.

К каким бы решениям проблемы происхождения Киева ни приходили исследователи на основании письменных источников, всегда требовались в подтверждение археологические данные. Это понимали уже первые исследователи исторической топографии древнего Киева. Н. И. Петров, В. Б. Антонович пытались подтвердить выводы историков о готском происхождении Киева находками римских монет, сторонники норманской теории ссылались на обнаружение скандинавских вещей, исследователи, отстаивавшие двухтысячелетний возраст Киева, обосновывали это наличием на его территории поселений и могильников зарубинецкой культуры.

Вряд ли может быть сомнение, что в решении проблемы происхождения Киева ведущее место принадлежит археологическим материалам. Однако и в этом случае исследователей ожидают многие трудности. Главная из них заключается в том, что в культурных напластованиях Киева встречаются материалы практически всех археологических эпох и культур, и какие из них имеют непосредственное отношение к начальной истории города, не ясно. И тем не менее, трудная задача выяснения времени возникновения Киева может быть решена при помощи археологических источников. Надо только соблюдать при этом следующие неперемennые условия.

1. Проблема происхождения Киева должна решаться на материалах, происходящих из исторической части города.

2. Материалы эти должны иметь культурную преемственность с более поздними материалами, другими словами, быть первым звеном в непрерывной цепи их историко-культурного развития.

3. Раннее киевское поселение, в котором следует искать исторические корни Киева, должно относиться к этому этапу социально-экономического и общественно-политического развития восточных славян, при котором возможно появление городских форм жизни.

Исходя из сказанного, нет никаких оснований начинать историю Киева с поселений так называемой зарубинецкой культуры, датирующихся последними столетиями старой эры — первыми столетиями новой. Во-первых, материалы этого времени ни хронологически, ни культурно-исторически не смыкаются с последующим этапом, во-вторых, практически отсутствуют в исторической части города и, в-третьих, относятся к

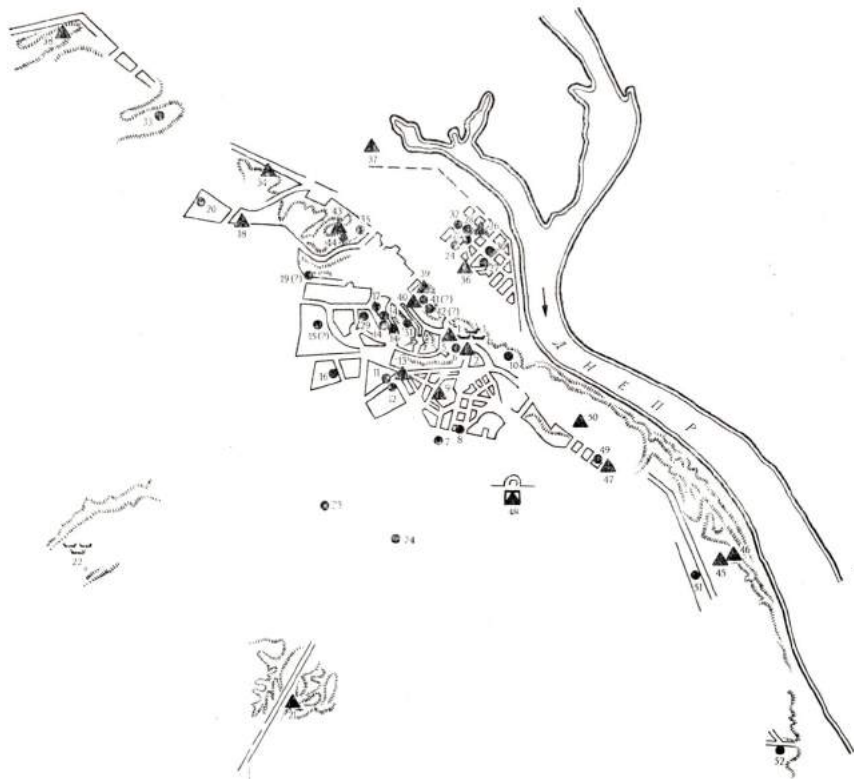

Рис. 16. Топография находок первой половины I тыс. н. э.:

1 — лощеный горшок и фибула, усадьба Петровского; 2 — керамика чернолощенная, усадьба Десятиной церкви; 3 — трупосожжение с пятью горшками, усадьба Петровского; 4, 5 — труположения черняховского типа, усадьба КГИМ; 6 — две римские монеты, Старокиевская гора; 7 — римская монета, Золотые ворота; 8 — клад римских монет, ул. Свердлова; 9 — позднеимская каменная усадьба Митрополита; 10 — римская монета, усадьба Михайловского монастыря; 11 — клад римских монет, Львовская пл.; 12 — римские монеты, ул. Воровского; 13 — керамика, Львовская пл.; 14 — римские монеты, ул. Смирнова-Ласточкина; 15 — римская монета, усадьба Покровского монастыря; 16 — клад римских монет, ул. Некрасовская; 17 — римская монета, ул. Глубочицкая; 18 — римский светильник, ул. 9 Января; 19 — клад римских монет, ул. Лукьяновская; 20 — римская монета, ул. Овручская; 21 — глиняная урна и бронзовая фибула, Батыева гора; 22 — могильник зарубицкого типа, Чоколовка; 23 — клад римских монет, ул. Толстого; 24, 25 — римские монеты, Подол; 26 — римская монета и бронзовый сосуд, Подол; 27 — римская монета, Подол; 28 — римская монета, устье Глубочицы; 29 — римская монета, ул. Глубочицкая; 30 — золотая византийская монета, усадьба Введенской церкви; 31 — римская монета, ул. Ладо Кедровели; 32 — клад римских монет, устье Глубочицы; 33 — клад римских монет, вблизи Кирилловской церкви; 34 — зарубицкая керамика, ул. Фрунзе, 81; 35 — клад римских монет, ул. Фрунзе; 36 — античный светильник, Подол; 37 — керамика корчеватского типа, дюны правого берега Почайны; 38 — керамика полей погребений, Приорка; 39 — зарубицкая керамика, гора Замковал; 40 — гончарная керамика черняховского типа, гора Замковал; 41, 42 — находки римских монет, гора Замковал; 43 — зарубицкая керамика, гора Юрковица; 44 — римские монеты, гора Юрковица; 45, 46 — керамика корчеватского типа, Берестово; 47 — керамика зарубицкого типа, Дом офицеров; 48 — черняховский горшок, ул. Дарвина; 49 — римские монеты, район Советского парка; 50 — кувшин черняховского типа, Первомайский сад; 51 — клад римских монет, ул. Январского восстания; 52 — римская монета, Выдубичи.

первобытно-общинной эпохе в истории славян, когда о возникновении городских форм не могло быть и речи.

16 Анализ археологических материалов первой половины I тыс. н. э., главным образом римских монет, обнаруживает характерную тенденцию. Поселения, которые появились в разных районах территории будущего Киева в последних веках до н. э., достигают наивысшего развития во II—III вв. н. э., после чего наблюдается постепенное угасание их жилищ. Материалы IV в. встречаются очень редко, материалов первой половины V в. на территории Киева мы практически не имеем. Не исключено, что это обстоятельство фиксирует какую-то хронологическую паузу в заселении киевского района. В беспокойные времена великого переселения народов, которое сопровождалось опустошительными набегами кочевников (гуннов) на славянские земли, такая ситуация могла иметь место не только в районе Киева.

Если начинать историю города Киева с рубежа новой эры рано, то с IX—X вв. — слишком поздно. К этому времени Киев выступает (в письменных и археологических источниках) как вполне сформировавшийся городской центр, ставший во главе крупнейшего государства в Европе — Киевской Руси.

Приведенные выше крайние точки зрения, как нам кажется, страдают одним общим недостатком — невниманием к известному марксистскому положению о том, что «противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству»⁴⁶. Во втором случае авторы связывают возникновение Киева с заключительным этапом формирования классового общества, упуская из виду, что разложение родового строя в славянском мире началось уже с VI в., в первом — допускается еще более серьезная ошибка: проблема происхождения восточнославянского города выносится вообще за пределы средневековой эпохи.

Здесь необходимо вспомнить высказывание Ф. Энгельса о том, что «средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полураарушенных: городов»⁴⁷.

Что касается восточных славян, то они не получили и этого наследия. После начавшегося подъема экономики славянских племен в III—IV вв., вызванного римской цивилизацией, в V в. наступил резкий спад. Причиной его явилось падение Римской империи, а также опустошительные набеги на земледельческое лесостепное население кочевников. В результате — прекратили свое существование огромные поселения, исчезло великолепное керамическое производство, пришла в упадок торговля, распались зарождавшиеся классовые отношения.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 49.

⁴⁷ Там же, т. 7, с. 360.

⁴⁸ Рыбаков Б. А. Славяне в VI в. н. э. Предпосылки образования Русского государства, с. 340.

⁴⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 103.

3. Киев — административно-политический центр Полянского княжения

С VI в., как справедливо полагает Б. А. Рыбаков, в истории славян наступила новая эпоха, и многое началось заново в иной обстановке. Характерными особенностями новой эпохи были: начало распада родового строя и зарождение раннеклассовых отношений, а также начало процесса политической и культурной консолидации славянских племен, слагавшихся в крупные союзы⁴⁸. Прогрессивное значение этого исторического явления трудно переоценить. Оно засвидетельствовало не только рождение восточнославянской государственности (в летописи славянские союзы племен названы «княжениями») с новыми институтами власти, но и появление качественно новых поселений — центров сосредоточения этих институтов.

Одним из таких центров, ставшим во главе полянского союза племен или княжества, был Киев. Об этом свидетельствует летопись, это же подтверждают и археологические материалы, культурно отличающиеся от материалов более раннего этапа и появившиеся здесь в конце V — начале VI в. В сравнении с территорией распространения находок первой половины I тыс. н. э., превосходившей древний Киев периода его наивысшего расцвета, материалы VI—VIII вв. концентрировались в древнейшей части Киева. Они покрывают сравнительно небольшую площадь топографически близких гор — Замковой, Детинки, Старокиевской, а также какой-то части Подола, то есть тех районов, которые явились ядром древнего Киева IX—XII вв.

Первые находки третьей четверти I тыс. н. э. обнаружены в районе Старокиевской горы в конце XIX в. Это были антропоморфные и пальчатые фибулы, изготовленные из бронзы и низкопробного серебра, серебряные браслеты с утолщенными концами, золотые бляшки, украшенные зернью и инкрустацией, фибула с выемчатой эмалью и др. Датируются вещи в пределах VI—VII вв., из чего можно сделать вывод, что в это время в районе Старокиевской горы существовало значительное и достаточно развитое поселение.

Вопрос о том, к какому культурному слою Старокиевской горы следует отнести найденные ювелирные изделия, был решен после обнаружения и исследования древнейшего киевского городища (Д. В. Милеев, Ф. Н. Молчановский, М. К. Каргер). Многолетние археологические исследования показали, что его укрепления ограничивали небольшую, двухгектарную часть Старокиевской горы: начинались от современной Андреевской церкви, пересекали усадьбу Государственного исторического музея и заканчивались над Гончарным оврагом. Хронология открытых укреплений принадлежит к числу наиболее важных и трудных вопросов равней истории Киева. Лепная керамика, обнаруженная на дне рва, сама не имеет четких временных определений. М. К. Каргер полагал, что ее можно относить к VIII—IX вв., а иногда и к более раннему времени⁴⁹. Сейчас выясняется, что ее действительно следует датировать более ранним временем, вероятно, не позже VII—VIII вв., но данный вывод говорит лишь о том, что в эти века укрепления уже (или

еще) функционировали, и не дает ответа на вопрос, когда же они были введены.

В свое время Б. А. Рыбаков на основании анализа письменных источников и исторических ситуаций пришел к выводу, что наиболее вероятной датой сооружения «городка» Кня является VI в.⁵⁰ Несмотря на то что мнение это разделяется не всеми исследователями, на сегодняшний день оно, бесспорно, самое аргументированное, находящее свое подтверждение в археологических источниках.

18 Исследования последних лет обнаружили на Старокиевской горе не просто отдельные находки VI—VII вв., но и целые комплексы: жилища с печами, хозяйственными сооружениями, ямы. Керамика, находящаяся в них, принадлежит к группе корчакских древностей, нижний хронологический рубеж которых уходит в конец V в. Особенно много такой керамики находилось в жилище, раскопанном в 1971 г. ниже подошвы фундамента древнейшего каменного дворца Киева, находящегося вблизи Государственного исторического музея УССР. Исходя из типологии, разработанной И. П. Русановой, несколько сосудов из этого жилища можно отнести к самому раннему этапу в эволюции керамических форм корчакского типа, а именно к концу V — началу VI в.⁵¹

19 В археологической литературе хорошо известен ряд ранних находок, происходящих из Замковой горы и ее окружения. Это четыре медные византийские монеты императоров Анастасия I (498—518) и Юстиниана I (527—565), два небольших остродонных амфориска херсонесского производства, бронзовая фигурка льва⁵². Стационарные раскопки, осуществленные на Замковой горе в 30—40-е годы XX в., обнаружили также и культурный слой, материалы которого датируются третьей четвертью I тыс. н. э. Изучение керамики, хранящейся в ГИМ УССР, показывает, что, хотя большая ее часть, несомненно, относится в VII—VIII вв., отдельные фрагменты могут быть датированы VI в. Они принадлежат тонкостенным сосудам, в тесте которых заметны примеси слюды. Поверхность их слегка шероховатая, цвет серый или коричневато-серый. Такая керамика известна в ранних памятниках корчакского типа.

Конечно, материалов конца V—VI вв. в историческом центре обнаружено все еще немного, но это не должно нас смущать. Нельзя забывать, что в условиях многовековой жизни большого города его древнейшие культурные слои и не могли сохраниться хорошо. Важно, что эти материалы здесь есть и что они культурно родственны находкам последующего времени.

Теперь, когда доказана заселенность гор Замковой и Старокиевской уже с конца V — начала VI в., споры о времени сооружения первых искусственных укреплений теряют свою принципиальную остроту. Нет сомнения, что древнейшие киевские поселения с самого начала формировались как укрепленные центры. Об этом говорит уже выбор места для них.

⁵⁰ Рыбаков Б. А. Славяне в VI в. н. э. Предпосылки образования Русского государства, с. 352.

⁵¹ Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 19—22.

⁵² Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1970, с. 53.

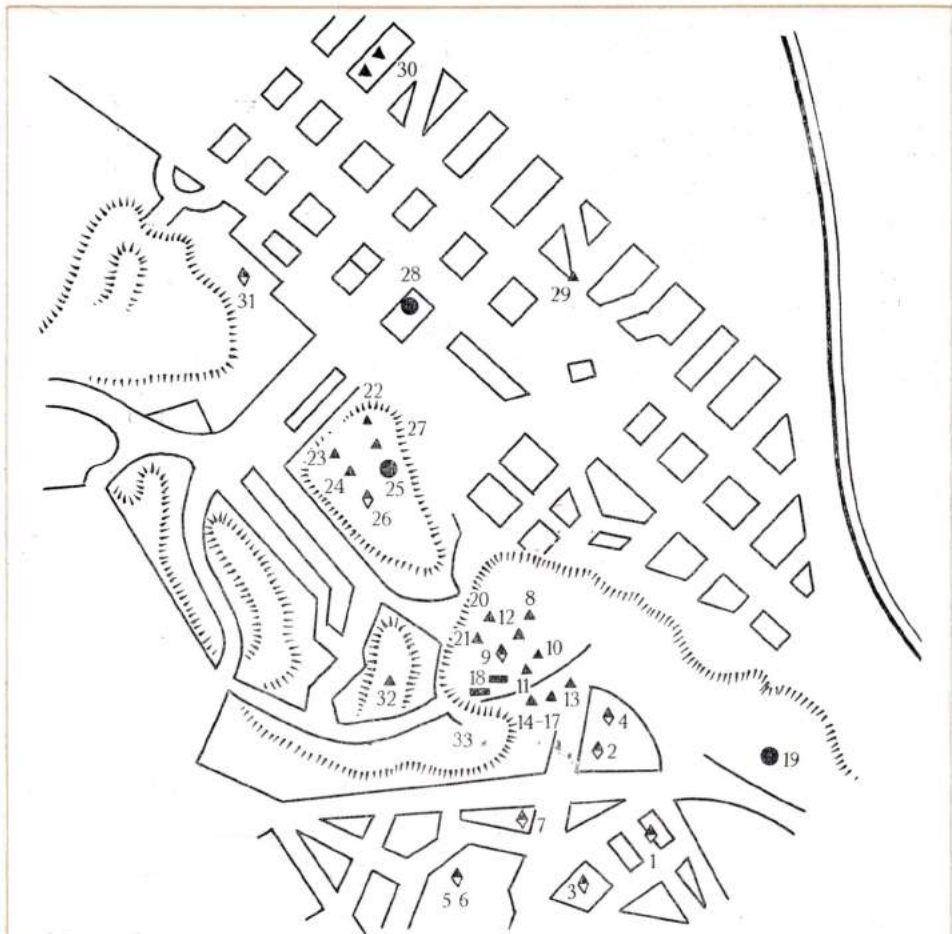

Рис. 17. Топография находок третьей четверти I тыс. н. э.:

1 — бронзовая антропоморфная фибула и серебряный браслет, ул. Малая Житомирская; 2 — пальчатая серебряная фибула, верхний Киев; 3 — антропоморфная серебряная фибула, Верхний Киев; 4 — фибула, верхний Киев; 5, 6 — серебряные браслеты (семь), усадьба Софийского собора; 7 — золотые пластины, угол ул. Большая Житомирская и Большая Владимирская; 8 — языческое капище, усадьба КГИМ; 9 — фибула с красной эмалью, усадьба Петровского; 10, 11 — древнейший ров и лепная керамика, усадьба КГИМ; 12 — лепная керамика во рву; 13 — лепная керамика к югу от Десятинной церкви; 14—17 — лепная керамика, усадьба Спосаревского; 18 — жилище с лепной керамикой, усадьба КГИМ; 19 — византийская монета (VIII в.); усадьба Михайловского монастыря; 20 — жилище и лепная керамика, склоны Старокиевской горы; 21 — жилище и культурный слой с лепной керамикой, склоны Старокиевской горы; 22 — лепная керамика, гора Замковая; 23, 24 — культурный слой с лепной керамикой, гора Замковая; 25 — византийские монеты (конец V — начало VI в.), гора Замковая; 26 — бронзовая фигурка льва и бронзовая фибула, гора Замковая; 27 — херсонесская амфорка, ул. Спасская; 28 — византийская монета, ул. Константиновская; 29 — херсонесская амфора, ул. Спасская; 30 — лепная керамика, ул. Межигорская; 31 — антропоморфная фибула, вблизи Щеговицы; 32 — керамика на горе Детинке; 33 — жилище конца V—VI вв. на Старокиевской горе.

Замковая гора, благодаря исключительно выгодному топографическому положению (представляет собой изолированный со всех сторон естественный останец высотой около 70 м над уровнем Днепра), была и без искусственных укреплений неприступной. Разумеется, сказанное не исключает наличия на ней каких бы то ни было укреплений. Они могли быть здесь в виде деревянной стены из вертикально вбитых в землю бревен. Основание этому дают обнаруженные нами на склонах Старокиевской горы остатки такой стены. Аналогичные укрепления имело городище Зимно VI—VII вв. на Волини, а также целый ряд городищ VIII—IX вв. на территории Северной Буковины, исследованных в последние годы Б. О. Тимощуком⁵³.

Северо-восточный выступ Старокиевской горы также представлял собой чрезвычайно удобное место, требовавшее минимальных усилий для превращения его в городище. С трех сторон он имел крутые скаты, и только с четвертой — напольной — была необходимость в возведении искусственных укреплений.

Изучение археологических материалов конца V—VII вв. показывает, что именно в них следует искать исторические корни Киева. Они в полной мере отвечают тем условиям, о которых сказано выше: найдены в центральной части города, культурно родственны материалам последующего этапа, а следовательно, и указывают на непрерывность жизни поселений, относятся ко времени, когда восточные славяне переживали переходный период своего развития от первобытно-общинного строя к раннеклассовому.

Каким же представляется социальный облик Киева на первом этапе его истории? Конечно, он еще не был городом в современном понимании этого термина. В VI—VII вв. Киев являлся административно-политическим центром полянского союза племен, и в этом, прежде всего, заключалось его качественное отличие от синхронных ему поселений округа. Формирование восточнославянских союзов племен или княжений свидетельствовало о новой ступени общественно-политического развития, требовавшей нового уровня управления.

Видимо, уже в это время Киев становится и центром культурной регуляции племен, объединившихся в полянский союз. Основанием этому служит находка каменного языческого святилища в самом центре древнейшего киевского городища. Сложено оно из камней серого песчаника на глине, имело эллипсоидную форму (при размерах 4,2×3,5 м). С четырех сторон капища находились четырехугольные выступы, обращенные по сторонам света⁵⁴. Найдено святилище В. В. Хвойкой в 1909 г. вызвало большой интерес и привлекло внимание многих ученых. Наиболее обстоятельно она рассмотрена К. В. Болсуновским вскоре после раскопок В. В. Хвойки и М. К. Каргером после того, как этот памятник был вторично открыт в 1937 г. Не подвергая сомнению культовый характер сооружения, исследователи тем не менее по-разному определили конкретную языческую его принадлежность. К. В. Болсуновский свя-

⁵³ *Auñiz B. B.* Зимицьське городище. К., 1972, с. 10—20; *Тимощук Б. О.* Словоїни Північної Буковини V—IX ст. К., 1976, с. 60—82.

⁵⁴ *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья. Киев, 1913, с. 66.

Рис. 18. Жилище (фрагмент) VI в.

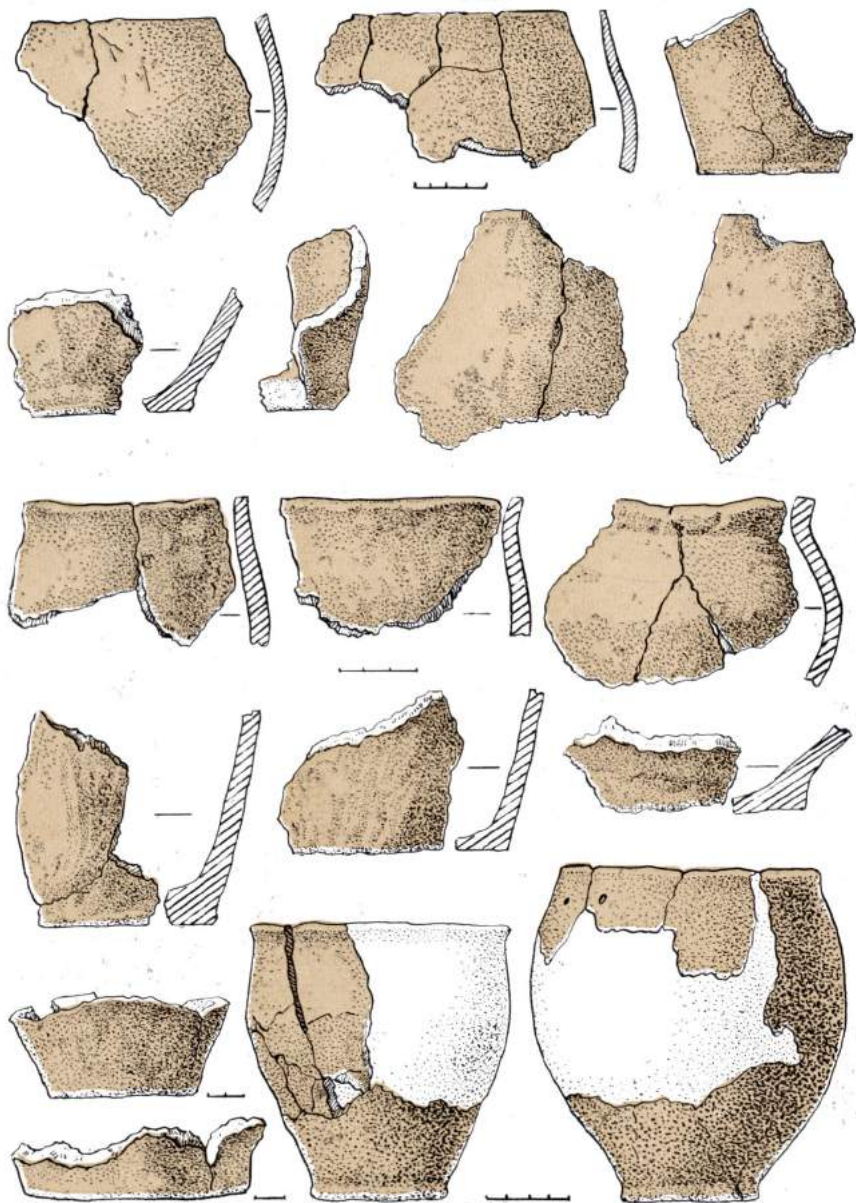

Рис. 19. Керамика из жилища VI в.

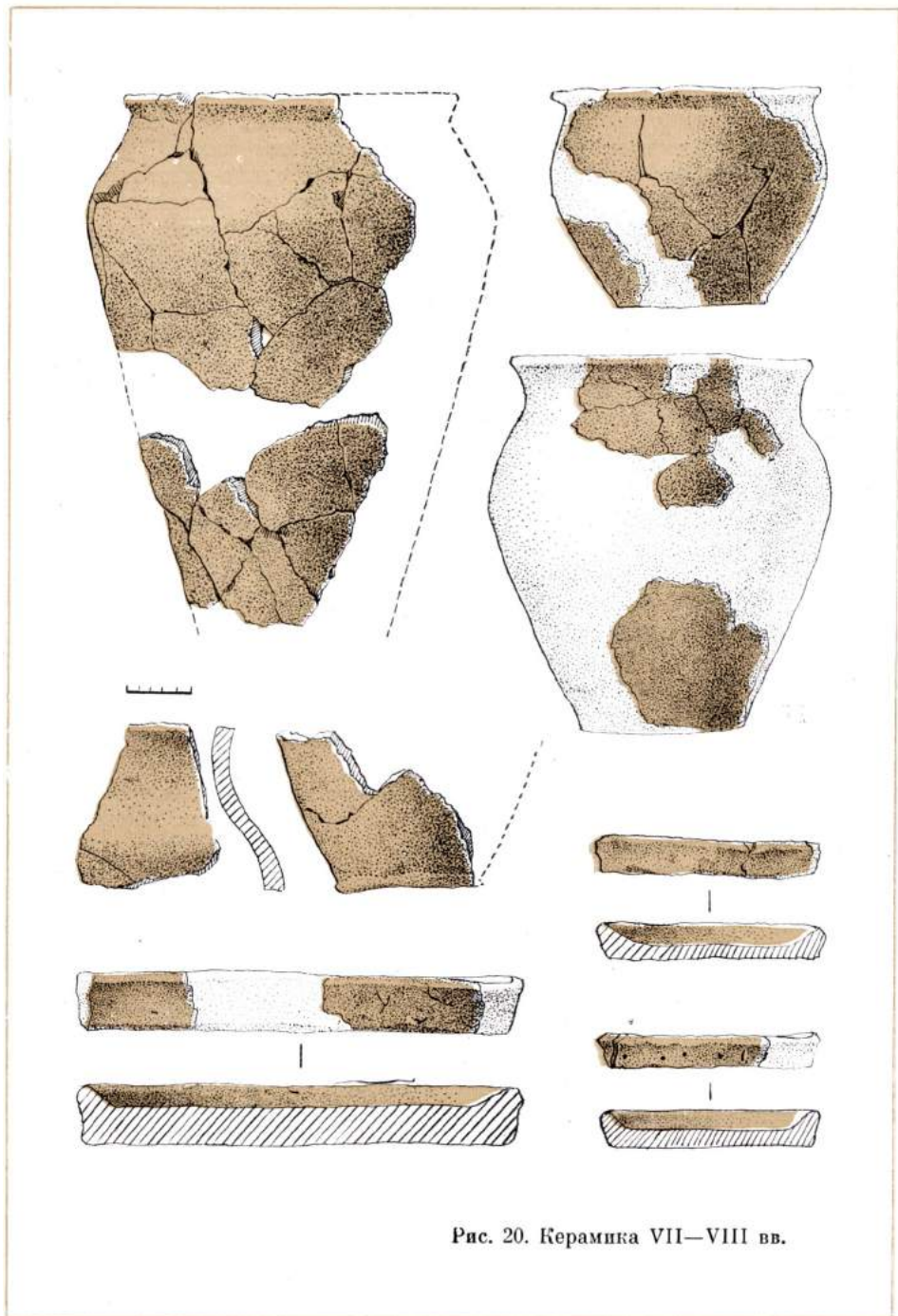

Рис. 20. Керамика VII—VIII вв.

зывает открытый жертвенник с культом славянского бога Световида⁵⁵, М. К. Каргер, вслед за Л. А. Динцесом, полагал, что это древнейшее капище связано с культом дружинно-княжеского бога Перуна⁵⁶. Попытку К. В. Болсуновского, основанную на сопоставлении четырех выступов киевского капища с четырехсторонностью известного Збручского идола, М. К. Каргер назвал наивной. Нам она не кажется такой. Трудно себе представить, чтобы до появления культа дружинно-княжеского бога Перуна в Киеве не было языческого святилища, у которого приносились бы жертвы языческим богам. В связи с этим нуждается в уточнении и время сооружения этого каменного алтаря-жертвенника. К сожалению, надежных данных для датировки капища нет. М. К. Каргер, полагая, что древнейший киевский град был сооружен в VIII—IX вв., отнес к этому времени и выявленный здесь языческий храм. Однако, если исходить из существования прямой зависимости времени появления древнейшего городка (или городков) и языческого капища (что представляется вполне естественным), то последнее, видимо, все же следует датировать VI—VII вв.

Сторонники теории более позднего происхождения Киева, как правило, ссылаются на то, что такое утверждение не согласуется с известным определением существа города как социально-экономической категории, поскольку в киевских слоях конца V—VII вв. не обнаружено следов ремесленной и очень слабы следы торговой деятельности. Это, действительно, так. Но, во-первых, в условиях интенсивной почти полуторатысячелетней жизни большого города эти следы могли и не сохраниться, а, во-вторых, вряд ли можно утверждать, что город в пору своего зарождения должен соответствовать всем тем признакам, которые характеризуют его в пору классического средневековья.

Видимо, некоторые раннесредневековые городские центры, ставшие во главе первых государственных образований, были продуктами не столько социально-экономического, сколько общественно-политического развития славянского общества. Ведущими их функциями на первом этапе были политико-административная и культовая, что, естественно, не только не исключало, но и предполагало сравнительно быстрое появление также торгово-ремесленной функции.

Мысль о том, что у многих древнерусских городов были предшественники, положившие им начало, неоднократно высказывалась в исторической и археологической литературе. С. В. Юшков называл их племенными центрами⁵⁷, Н. Н. Воронин — старыми дофеодальными поселениями⁵⁸, В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов — родоплеменными или племенными городами⁵⁹. В подтверждение приведенных мнений нередко приводится высказывание Ф. Энгельса, считавшего вполне закономерным существование городов, сделавшихся «средоточием племени или союза племени»⁶⁰.

Таким образом, теоретически мысль о «племенном» этапе в развитии крупнейших древнерусских городов не подвергается сомнению, однако практически при решении вопросов происхождения каждого конкретного центра о ней чаще всего просто забывают. Что это так, доказывает пример с Киевом, который по мнению М. К. Каргера, поддержанному позднее Н. Н. Ворониным, В. В. Мавродиным, И. Ф. Фроя-

новым, И. П. Шаскольским и рядом других историков и археологов, сформировался в X в. из трех не связанных между собой городищ VIII—IX вв.⁶¹ В чем выражалась эта «несвязанность», ни один из названных исследователей не объяснил.

Думается, что при современном состоянии изученности раннеславянских памятников VI—VII вв. вообще и киевских в частности пересмотр вывода М. К. Каргера, высказанного 40 лет назад, представляется вполне естественным. Зарождение не только Киева, но и многих других центров славянского мира сейчас датируется VI—VII вв. Это городища Зимно, Хотомель, Пастырское, Микульчицы, Стары Замки, Ленчица. Характерно, что процесс зарождения ранних политических центров славян совпал по времени с началом сложения ранних (военно-демократических) форм государственности. Известно, что в VI—VII вв. появились раннегосударственные объединения моравов, чехов, протоболгар, возникли восточнославянские союзы племен или княжения.

Изучая городище VI—VII вв. у с. Зимно Владимир-Воынского района Воынской области, В. В. Аулих пришел к выводу, что здесь находился административный, а возможно, и культурный центр племени, входившего в дулебский племенной союз. Кроме вождя племени и его дружины, в нем проживали также и ремесленники, обслуживавшие его жителей⁶².

Многие из этих племенных или межплеменных центров, как, например, Зимно, были разрушены, некоторые продолжали свое развитие и в VIII—IX вв. Среди них был и Киев, приобретший в указанное время черты настоящего города.

В исторической литературе, посвященной Киеву, отмечалось, что сооружение городища было следствием выдвижения Киева как первого политического центра округи и в свою очередь обусловило его дальнейшее утверждение в этой роли. Следствия действительно таковы. А какие же причины, вызвавшие возникновение этого центра? Почему явление, знаменовавшее более высокий уровень социально-экономического и историко-культурного развития по сравнению с окружением, возникло не в центре лесостепного Днепровского района с древней высокой культурой земледелия и ремесла, а на северной окраине, на границе высокоразвитой Лесостепи и сравнительно отсталого Полесья?

Главные причины следует искать в исключительно благоприятных микрогеографических условиях киевской территории, а также в том, что

⁵⁶ Болсуновский К. В. Жертвенник Гермеса-Световида. Киев, 1909, с. 5—12.

⁵⁶ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 112.

⁵⁷ Юшкова С. В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. К., 1938, с. 18—21.

⁵⁸ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, 1954, вып. 41, с. 9.

⁵⁹ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси.— ВЛУ, № 20, история, язык, литература, 1970, вып. 4, с. 13—14.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163.

⁶¹ Каргер М. К. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв.— КСИИМК, 1940, вып. 6, с. 61—65. Воронин Н. Н. Указ соч., с. 10; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 11.

⁶² Аулих В. В. Зимнівське городище, с. 54—58.

находилась она на этническом порубежье. Важную роль в ее истории во все времена играл Днепр.

Находясь почти посредине днепровского пути (в летописи он назван «от грек» или «греческий»), киевская территория как бы заперла на ключ широко разветвленную систему речных магистралей верхней части Днепровского бассейна.

В топографическом отношении территория Киева также не имеет себе равных в Поднепровье. Со всех сторон она окружена естественными рубежами. Одним из них является Днепр, крутые и высокие берега которого возвышались на 80—100 м над уровнем реки. Со стороны поля его окружала Лыбедь, протекавшая с северо-запада на юго-восток на расстоянии 3—4 км от Днепра. Как можно заключить на основании летописных известий, Лыбедь с ее заболоченной поймой представляла собой серьезную преграду для врагов Киева.

Немалую роль играли и небольшие речки, впадавшие в Лыбедь (Крепцатик, Клов) и Днепр (Почайна, Глубочица, Киянка), которые вместе с многочисленными оврагами создавали такое количество естественных укрепленных гор (Замковая, Старокиевская, Детинка, Щекавица, Лысая), какого ни в одном другом районе Среднего Поднепровья не сыскать. И наконец, киевская территория имела первоклассную речную гавань — р. Почайну.

Быстрому росту и развитию Киева способствовало расположение его на границе ряда союзов племен. С запада и северо-запада к нему подходил огромный славянский массив, оставивший культуру типа корчак, с северо-востока — племена волынцевской культуры, с юга — племена культур типа Пеньковки. Эти культуры были археологическим эквивалентом славянских племен древлян, северян, полян, уличей и др. Не случайно поэтому в материалах киевских поселений VI—VII вв., а затем и последующего времени наблюдается много черт, широко распространенных в различных районах восточнославянского мира. Встреча культурных элементов, заимствование всего передового у разных славянских племен с самого зарождения обеспечили Киеву высокий уровень социально-экономического развития.

Отсюда ясно, что ранний Киев, став политическим центром Полянского княжества, рос и развивался за счет притока населения от различных восточнославянских племен и уже тогда имел межплеменной характер. В будущем это обстоятельство сыграет решающую роль в превращении Киева в центр восточнославянского государства — Киевской Руси.

Однако до этого выдающегося события Киеву еще предстояло пройти длительный путь развития, который восстанавливается по отрывочным летописным известиям и археологическим материалам. «По сихъ же лѣтѣхъ по смерти братья сея (Кия, Щека и Хорива.— П. Т.) быша обидимы Древляны и инѣмы околными, и наидоша я Козаре... ркоша Козарѣ платите намъ дань»⁶³. Распространение хазарских даней на Киев приходится, вероятно, на VIII в. Об этом говорят, в частности, находки в Киеве характерной гончарной керамики салтовского облика, а также арабских монет, ранние из которых датируются VIII в. Разумеется, в Киев

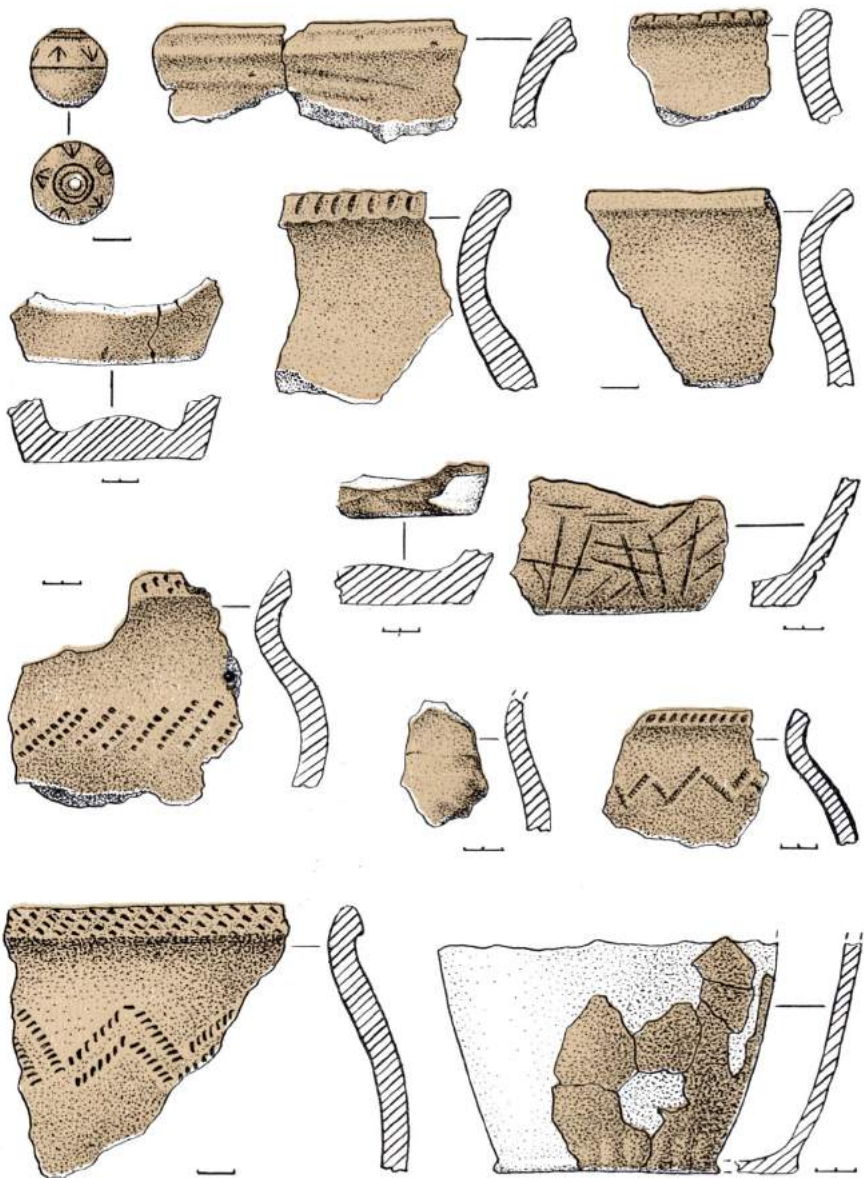

Рис. 21. Керамика VII—VIII вв.

прибывали из Хазарии не только сборщики дани, но также и купцы, имевшие в нем свою колонию. Еще в середине X в. один из районов Киева, согласно летописи, носил название «Козаре»⁶⁴.

4. Киев в период сложения Древнерусского государства

В IX в. завершился первый этап истории древнего Киева, который условно можно назвать «полянским», и начался второй — «древнерусский». Как считают многие историки, именно в это время, в эпоху спада хазарского господства в южно-русских степях, сложилось государственное объединение под названием «Русская земля». Арабские писатели и географы, описывающие восточных славян, хорошо знают Киев как центр одного из трех их политических объединений. Эти новые образования отражают более высокий этап в процессе восточнославянской консолидации. Они объединили по несколько союзов племен или княжений. В состав среднеднепровского государства «Русская земля» вошли, вероятно, полянское, северянское и древлянское княжения.

Став в конце IX в. столицей Древнерусского государства, Киев превратился вскоре в один из крупнейших восточноевропейских городов. Материалы IX—X вв. выявлены на огромной территории — от Кирилловских высот на севере до Печерска на юге. Этим временем датируется много обнаруженных арабских и византийских монет. Сотни языческих курганов, располагавшихся группами в районе Старокиевской горы, вдоль Кирилловского взгорья, в районе современного Пионерского парка и других местах нагорной части Киева, также не оставляют сомнения в том, что столица молодого феодального государства — Киевской Руси — была значительным центром. По свидетельству арабского писателя Истархи, Киев в первой половине X в. был больше Булгара. «Русы состоят из трех племен, из которых одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе, что называется Куяба (арабское название Киева.— *П. Т.*), который больше Булгара»⁶⁵.

В исторической литературе долгое время господствовало мнение, что центральная часть Киева, вплоть до периода правления Владимира Святославича, оставалась в пределах укреплений древнейшего городища, а значительная площадь, примыкавшая к земляным валам с юга и юго-запада, до самого конца X в. была занята огромным языческим кладбищем. Только после принятия христианства могилы предков якобы были скрыты, и Владимир начал сооружать новый город. Больше того. В последнее время высказана мысль, что незначительное городище на Старокиевской горе являлось резиденцией киевских жрецов, а князья вынуждены были проживать вне его пределов.

Характерно в этом плане высказывание М. Х. Алешковского, полагавшего, что в «граде Киеве первоначально господствовали жрецы, а князь жил вне города. И только с уничтожением святилища, введением христианства и изгнанием жрецов крепость была расширена и стала княжеской. И дело тут не в самих жрецах, а в органах той власти, которая их выдвинула, которую они олицетворяли, властвуя над градом Киевом, и по отношению к которой князь занимал явно подчиненное положение».

ние, не имея права жить на территории, где размещались ее органы». Властью этой, по мнению исследователя, являлось вече⁶⁶.

С таким утверждением не согласуются не только археологические данные, полученные за последние годы, но и письменные свидетельства, которые почему-то не привлекли должного внимания исследователей. Особый интерес представляет статья 945 г., в которой летописец, рассказывая о прибытии к княгине Ольге древлянских послов, дал подробное описание центральной части Киева первой половины X в. «Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь баше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другыи, идѣже есть дворъ демьстниковъ за святою Богородицею; надъ горою, дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ камень»⁶⁷.

Как видим, в летописи речь идет не об одном, а о двух княжеских дворах, из которых один находился в пределах древнейших укреплений, а другой — вне их. Местоположение последнего достаточно точно определил летописец — «за святою Богородицею», и подтвердили археологические раскопки, обнаружившие на склоне Старокиевской горы (над усадьбой № 38 по Андреевскому спуску) фундаменты древнерусского дворцового сооружения⁶⁸. Поиски княжеского двора «в городе» долгое время не имели успеха. Возникло даже сомнение в достоверности слов летописца. Может, действительно, в пределах древнейших укреплений не было дворца киевских князей, и вплоть до конца X в. здесь находилось одно лишь языческое капище. Сомнения оказались напрасными. Древнейший княжеский дворец «в городе» был.

Его остатки обнаружены и исследованы в 1970—1971 гг. юго-западнее здания Государственного исторического музея УССР, на расстоянии 20—30 м от него. Несмотря на плохую сохранность дворца, раскопки все же дали возможность прийти к целому ряду важных выводов о времени его сооружений, строительной технике, архитектуре. Находки 1970—1971 гг. — фресковая роспись, поливные керамические плитки, разные шиферные архитектурные детали, куски мрамора — убеждают в том, что здание было богато украшено. Мощный слой пожарища, в котором обнаружено много обгорелого дерева, штукатурки, а также железных костылей, при помощи которых она крепилась к деревянным стенам, указывает, вероятно, на наличие во дворце верхнего этажа, рубленного из бревен. Не исключено, однако, что древнейший из упомянутых в летописи княжеский дворец вообще был деревянный, покоившийся на каменном цоколе. Не случайно летописец, говоря о дворе «внѣ града», уточняет, что «бѣ бо ту теремъ камень». Если бы такой же имелся и в старой княжеской резиденции, находящейся в «городе», в таком уточнении не было бы смысла.

⁶⁶ ПСРЛ, т. 2 (Ипатьевская летопись), стб. 42.

⁶⁷ Загородер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967, т. 2, с. 101—102.

⁶⁸ Алешковский М. X. Повесть временных лет. М., 1971, с. 126.

⁶⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 55.

⁶⁸ Хвойка В. В. Указ. соч., с. 67—69.

Один из крупнейших знатоков исторической топографии древнего Киева С. Т. Голубев, полемизируя с Е. Голубинским о месте и назначении летописного теремной двора, писал, что причиной, побудившей построить теремной двор «вне града», послужило переполнение зданиями древнего города, по размерам небольшого и уже не вмещавшего в себя новые постройки. Перед нашими глазами, писал исследователь, очевидный факт разрастания города в широком значении этого слова⁶⁹.

Факт расширения центральной части Киева задолго до строительной деятельности Владимира подтверждается и другими указаниями летописи. Так, в статье 983 г., где речь идет о решении киевлян выдать в жертву богам сына одного варяга — христианина, говорится, что «бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая богородица, юже сдѣла Володимерь».

В 1908 г., во время раскопок близ южной аспиды Десятинной церкви, было открыто интересное деревянное сооружение — сруб-пятистенник, сложенный из сосновых сильно истлевших бревен «в обло». Размеры большей камеры сруба были 5,5×5,5 м. Непосредственный исследователь этого сооружения Д. Милеев высказал предположение, что открыты только нижние части какой-то деревянной постройки, которая, быть может, выходила и на поверхность земли. Все последующие исследователи (за исключением М. К. Каргера) также видели в срубе под Десятинной церковью гражданское строение, а некоторые считали возможным даже отождествлять его с домом варяга, отказавшегося выдать своего сына в жертву языческим богам и растерзанного вместе с ним разъяренными язычниками. «Они же, взявше оружье, поидоша на нь и разъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнх съ сыномъ своимъ... И кликнуша, и посѣкоша сѣни под нима, и тако побипа я»⁷⁰. Разумеется, дом варяга, сожженный киевлянами в 983 г., не стоял одиноко за пределами укреплений, а находился в системе городской застройки.

Видимо, уже ко времени княжения Игоря за пределы тесного детинца было вынесено и киевское святилище. В этом убеждает нас, в частности, летописная статья 945 г., рассказывающая о прибытии в Киев греческого посольства. «Заутра призва Игорь послы, и приде на холм, кде стояше Перунъ, и покладаша оружье свое и щиты и золото и ходи Игорь ротъ»⁷¹. Из буквального смысла летописного известия следует, что послы прибыли сначала в великокняжескую резиденцию, уже затем, вместе с Игорем и его знатью, проследовали к капищу Перуна, стоявшему на холме (или холмах). О том, где находился этот холм, узнаем из летописной статьи 980 г. «И постави (Владимир. — П. Т.) кумиры на холму, вѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а голову его серебряну, а усь злат и Хърьса, и Дажьбога, и Стрибога, и Сомаргла и Мокошь... и осквѣрнися кровьми земля Руская и холмъ той»⁷².

Вывод о прекращении существования старого киевского капища уже в первой половине X в. и переносе его на новое место, за пределы древнейших укреплений, находит как будто свое подтверждение и в археологических исследованиях.

В 1975 г. под домом № 3 по ул. Владимирской, во время раскопок Киевской археологической экспедиции, были обнаружены фундаментные рвы какого-то древнего сооружения⁷³. Выкопаны они в лессе, их глубина в северной части достигала 70—90 см, в южной — 50—60 см.

Заполнение рвов состоит из крупных камней, битой широкоформатной и тонкой плинфы, обломков шифера, фракций известкового раствора с примесью бледно-розовой цемяночной массы и других материалов, датировка которых не выходит за пределы X в.

22

В плане исследованное сооружение представляло собой удлинённый прямоугольник шириной 1,75 м, вытянутый по оси север — юг на 7 м. Южная и северная оконечности прямоугольника переходили в округленные симметричные выступы, по два с каждой стороны. Ещё два таких выступа, видимо, отходили от восточной стороны прямоугольника. Всего, таким образом, загадочное сооружение имело шесть выступов в виде лепестков цветка. Два больших достигали 2 м в диаметре, малые — 1 м.

Исходя из необычной конфигурации фундамента древнего сооружения, ориентированного точно по сторонам света, а также наличия в нем исключительно ранних древнерусских материалов, можно предположить, что перед нами — остатки культового сооружения дохристианского времени. Не исключено, что они принадлежат как раз тому капищу, о котором идет речь в летописных статьях 945 и 980 гг. Шесть его лепесткообразных выступов могли служить пьедесталами для идолов шести славянских богов — Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокош, которых Владимир Святославич поставил «на холму вниѣ двора теремнаго» в 980 г. Характерно, что подобные округленные симметричные выступы, или лепестки, известны в святилище Перуна IX в. под Житомиром, а также в новгородском языческом храме Перуна X в. на Перыни⁷⁴.

О принадлежности открытого фундамента языческому капищу свидетельствует и обнаруженный вблизи его южного выступа зольник. Находился он в чашеобразном углублении диаметром около 3 м, сохранился на высоту более 1 м. Состоял из чередующихся слоев угля и пепла, а также обожженной глины. В слоях угля и пепла находились в большом количестве кости животных, главным образом быка, а также фрагменты керамики X в., некоторые из них имеют налпные валики и этим напоминают раннюю новгородскую керамику. В одном из слоев встретился железный боевой топор. Наблюдение над стратиграфией зольника не оставляет сомнения в том, что образовался он в результате длительного горения здесь ритуального костра. Периодически это жертвенное место выравнивали и подсыпали глиной. По своему характеру оно удивительным образом напоминает столб, исследованный В. В. Хвойкой в 1908 г. возле каменного капища.

23

Недалеко от фундамента располагались небольшие круглые ямы, заполненные пеплом, углями, фрагментами керамики X в. Видимо, ана-

24

⁶⁹ Голубев С. Т. Спорные вопросы о древней топографии Киева. Киев, 1910, с. 13.

⁷⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 58.

⁷¹ Там же, с. 39.

⁷² Там же, с. 56.

⁷³ Толочко П. П., Боровский Я. Е. Язычницьке капище в «городі» Володимира.— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 3—10.

⁷⁴ Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1968, с. 233—237; Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни.— КСИИМК, 1953, вып. 50, с. 92 и сл.

65

Рис. 22. Северная часть фундамента языческого капища X в.

логичные углубленные зольные пятна встречались здесь еще в XIX в. при спланировании ул. Владимирской, а также во время раскопок С. С. Гамченко в 1926 г. Исследователь отмечал, что к северу от дома № 3 ему удалось выявить следы пяти кострищ, состоявших из обожженной глины, угля, пепла, обгорелых костей животных⁷⁵.

Раскопки, осуществленные к северу от фундамента, обнаружили резкое падение уровня материка. Является ли это свидетельством наличия здесь искусственного рва, или же нам удалось зафиксировать естественную крутизну холма, на котором стояло капище, сказать трудно.

Наблюдение над характером заполнения фундаментного рва свидетельствует о том, что сооружение намеренно разрушено. Из летописи мы знаем, когда это могло произойти — в 988 г. И хотя в «Повести временных лет», столь красочно рассказывающей о свержении славянских кумиров, нет сведений о том, как Владимир поступил с языческим храмом, в том, что он был разрушен, не может быть сомнений.

К сожалению, уровень наших знаний об этом периоде в жизни Киева таков, что не позволяет определенно сказать, какую территорию занимала центральная часть города к концу X в., но что она была значительно больше территории древнейшего городища, несомненно. Можно высказать предположение, что уже ко времени вокняжения Владимира Святославича центральная часть Киева занимала всю или почти всю территорию, которую Владимир обнес оборонительными укреплениями. Сначала, наверное, застраивались свободные от курганов площади, а уже при Владимире были спланированы и курганы. В противном случае, действия Владимира лишены логики. Вряд ли бы он стал обнести валом пустыри в надежде, что когда-нибудь они будут застроены. Трудно также себе представить, чтобы кремль Киева — города, который уже на протяжении целого столетия стоял во главе крупнейшего государства средневековой Европы, оставался в пределах небольшого городка, сооруженного Кием в VI в.

Раскапывая древние языческие курганы на Старокиевской горе, археологи уже давно обратили внимание на несоответствие огромных размеров некрополя и сравнительно небольших размеров киевского детинца. Возник совершенно естественный вопрос, где же располагался тот район древнего Киева VIII—X вв., который смог бы оставить столь большой могильник? В поисках ответа обратимся к археологическим материалам VIII—X вв., обнаруженным на соседних горах, а также на Подоле.

Уже с конца прошлого века внимание археологов привлекла Замковая гора, представлявшая собой изолированный со всех сторон останец, возвышавшийся над Подолом на 70—80 м. Во время копания могильных ям (на горе располагалось кладбище Фроловского монастыря) неоднократно встречались грубые керамические фрагменты, кольцеобразные фибулы с отвороченными концами, в виде рогов лося, арабские диргемы, а также глиняная формочка для отливки подвесок, имитирующая диргем. В 1897 г. в 30 м севернее кладбищенской церкви были открыты фундаменты древнего здания из тонких квадратных кирпичей. Судя по описанию кирпича, его форме и размерам, сооружение может быть датировано временем не позднее X в. С какой из ранних княжеских построек можно связывать найденные фундаменты, сказать трудно, тем более, что они так и остались неизученными. Может быть, как полагают исследователи исторической топографии древнего Киева, на Замковой горе находился один из дворцов киевских князей IX—X вв., а может открытые фундаменты следует отождествлять с остатками культовой постройки. В 1907 г. на горе был обнаружен клад херсоно-византийских монет, состоявших из 37 экземпляров чекана IX—X вв. Среди них — монеты императора Василия I (867—876), Романа I (921—944), Романа II (959—963), Никифора Фоки (963—965). В 1939 г. на территории верхней части Замковой горы был найден саманидский диргем первой половины X в.

В наше время на Замковой горе осуществлены стационарные раскопки, показавшие, что культурный слой IX—X вв. простирается на всей

¹⁵ Гамченко С. С. Раскопки 1926 р. в Киеве. — В кн.: Коротке звіттовлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 р. К., 1926, с. 80—81.

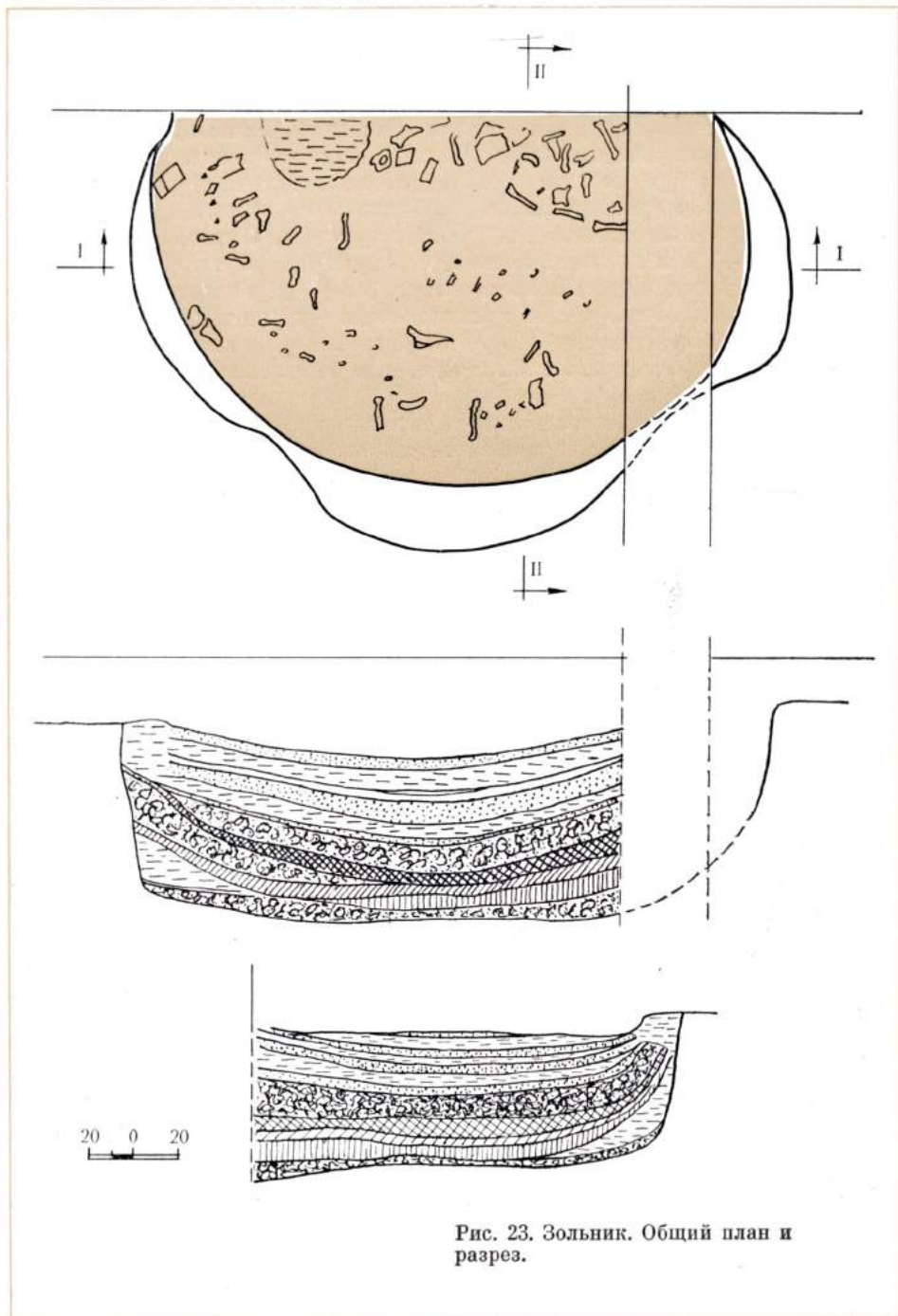

Рис. 23. Зольник. Общий план и разрез.

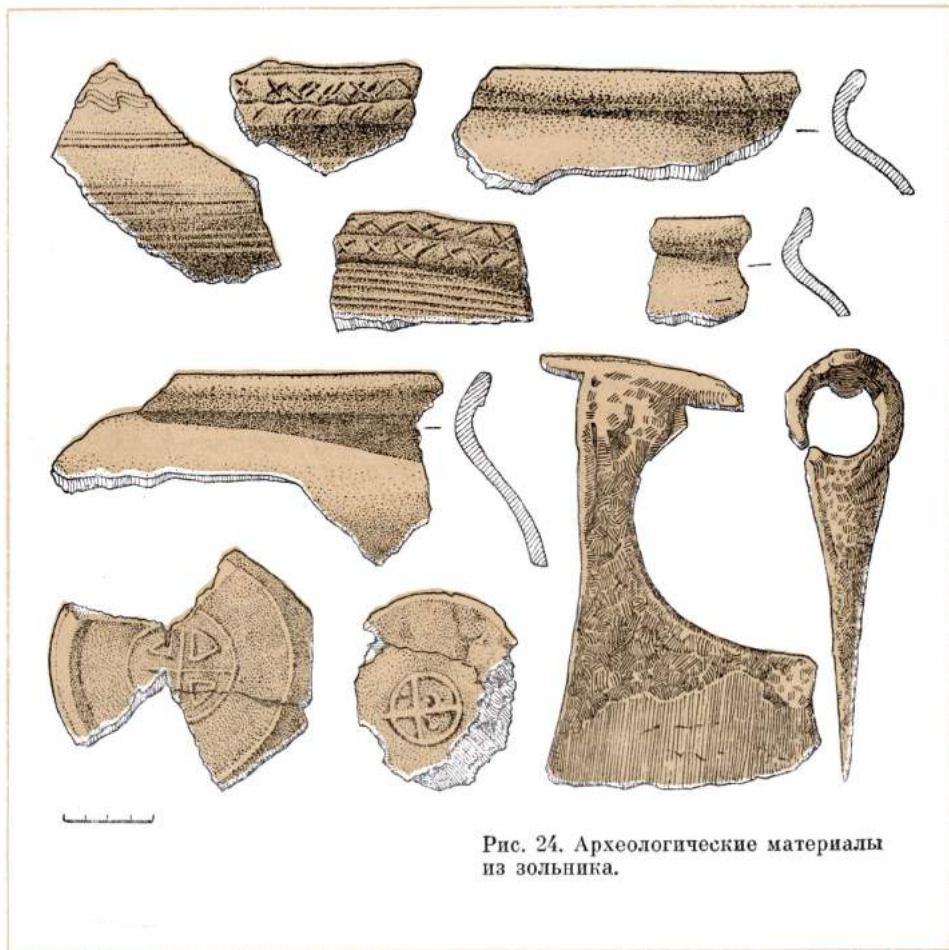

Рис. 24. Археологические материалы из зольника.

ее площади. Керамика, найденная там, очень близка к керамике из курганных дружинных погребений IX—X вв. Это толстостенные сосуды больших размеров, изготовленные на гончарном круге и орнаментированные прямыми и волнистыми линиями. В северо-западной части горы удалось исследовать и три жилища IX—X вв., в заполнении которых, кроме керамики, находились костяные вещи, железный топорик, куски железного шлака.

Несмотря на фрагментарность исследований Замковой горы, можно все же утверждать, что в IX—X вв. на ней было довольно значительное поселение, представляющее огромный интерес для изучения древней истории Киева. Анализ археологических материалов позволяет внести значительные уточнения и дополнения в сложившееся представление о городище на Замковой горе. Наличие культурного слоя VI—VIII вв., а также IX—X вв. показывает, что это городище к концу X в. прошло два этапа своего

развития. Как и в начальный период жизни Киева, Замковая гора в IX—X вв. представляла собой центральную часть феодального города.

Характерной особенностью поселения на Замковой горе является то, что на нем не было обнаружено ни одного древнейшего погребения. Это говорит о том, что могильник, где жители этого района хоронили своих умерших, находился вне пределов поселения, которое занимало все плато. Очень возможно, что могильник на Старокиевской горе в это время (как и в более раннее) был общим как для жителей небольшого древнейшего городища на той же горе, так и для жителей городка Замковой горы. Отсюда и большие его размеры.

Третье городище, находившееся над Иорданской церковью, обратило на себя внимание еще в 70-х годах прошлого века. Однако исследователи, увлекшись находками погребений и кладов в этом районе, не подвергли его серьезным археологическим исследованиям, а ограничились лишь небольшими разведочными работами. Наиболее полные сведения об этом городище мы находим в «Историко-топографических очерках» Н. И. Петрова. Над нынешней Иорданской церковью, писал он, возвышается гора, на которой сохранились следы древнего земляного вала. Гора в старину называлась Лысой, на которую вел старинный Никольский взвоз.

Обращение к историческим документам XVII—XVIII вв. позволяет выяснить топографические особенности этой горы, расположенной севернее Щекавицы, непосредственно за ней. Между Щекавицей и Лысой горой протекал Юрковицкий ручей. «Межи горами Щекавицею и Лысою, на овом потоце ставок Юрковъ найдовался»⁷⁶. Как сообщал Н. И. Петров, на этой горе находились древние постройки великокняжеского периода. Он пишет, что и доныне сохранились развалины древней каменной церкви св. Николая Иорданского, которые расположены недалеко от нынешней Иорданской церкви, над усадьбой купца Марра (ныне ул. Фрунзе, № 53). Связь названной церкви с городищем на Лысой горе несомненна. О местоположении этой церкви говорят также документы XVII в., где сказано, что церковь св. Николая «до сего часу стоит на потоке под горою в Кieve».

Остатки Иорданской церкви на первой террасе Лысой горы были открыты в 1835 г. К. Лохвицким, который ошибочно именовал ее церковью святого Ильи, упоминаемой в летописи в 945 г. Кроме фундаментов храма в районе Лысой горы в 40—60-е годы XIX в. находили клады монет VIII—X вв., пластинчатые перстни, кольца, керамику. Описанные находки, а также расположенный вдоль Кирилловского взгорья большой могильник, по мнению исследователей XIX в., подтверждает предположение о существовании на Лысой горе городища VIII—X в.

Этот вывод, возможно, так и остался бы интересным и вероятным предположением, если бы в 1965 г. здесь не были обнаружены новые материалы, подтвердившие его. Во время раскопок Е. В. Максимова и А. М. Шовкопляса на южном мысе Лысой горы (Юрковица),ряду с зарубинецкими материалами, были обнаружены и ранние древнерусские погребения IX—X вв., а также жилище этого времени.

Косвенным подтверждением сооружения здесь укреплений в IX—X вв. может быть характер залегания зарубинецкого материала. Весь он был найден в глубоком рву или небольшой естественной седловине. Обь-

яснить этот факт, как нам кажется, можно лишь в том случае, если предположить, что зарубинецкие материалы вместе с культурным слоем были сброшены в ров позднейшими строителями здесь городка. Поскольку на Юрковце находки более поздних эпох, кроме IX—X вв., практически отсутствуют, можно предположить, что перемещение культурного слоя зарубинецкого городища или поселения произошло именно в это время.

Археологические исследования последних лет не оставляют сомнения в том, что Киев IX—X вв. являлся городом в самом полном, социально-экономическом значении этого слова.

Такой вывод представляется чрезвычайно важным, поскольку еще не так давно в этом вопросе не было ясности. Ряд исследователей, считая полнокровным городом лишь центр с оформившимся посадом и не обнаруживая такового в раннем Киеве, не видели возможности относить его к крупным торгово-ремесленным средоточиям Руси IX—X вв. Согласно М. Н. Тихомирову, территория русских городов IX—X вв. в основном вмещалась в пределах небольших крепостей, а городские посады начинают возникать приблизительно с конца X — начала XI в. Появление киевского Подола он также относил лишь к концу X в.⁷⁷ Еще более поздним временем датирует сложение киевского посада В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов. В одной из своих совместных работ они пишут: «Вероятно, о Киеве — богатом ремесленном центре, городе с подлинным, а не мнимым посадом, надо говорить, по крайней мере, с середины XI в.»⁷⁸ На основании каких материалов названные историки пришли к столь неожиданному заключению, неизвестно. Археологические факты находятся в полном противоречии с ним.

В 1971 г. во время заложения глубокого геологического шурфа на Красной площади удалось исследовать культурный слой на глубину до 11 м. Самые нижние его горизонты на основании керамических находок датируются IX—X вв.⁷⁹ Стационарные раскопки, осуществленные в 1972 г., не только подтвердили предыдущие стратиграфические наблюдения, но и значительно расширили наши представления о характере этих нижних горизонтов. Оказалось, что здесь, на глубине от 10 до 11 м, находились остатки пяти срубных сооружений, представлявших собой жилищно-хозяйственный комплекс — усадьбу Подола. Со всех сторон она была огорожена деревянным забором. Общая площадь усадьбы равнялась приблизительно 600—700 м⁸⁰. Длинной осью она спланирована вдоль Днепра. Четыре постройки имели единую ориентацию, сооружены в одинаковой технике и функционировали, практически, одновременно. Пятая несколько выпадает из общей планировочной структуры усадьбы. Она связывается с наиболее ранним из исследованных строительным горизонтом и, возможно, фиксирует начальную стадию сложения усадьбы. Время сооружения этого сруба, установленное дендрохронологическим методом (см. гл. VIII), — 913 г.

25

⁷⁶ Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, ч. 3, с. 128.

⁷⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 45.

⁷⁸ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 11.

⁷⁹ Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 41—48.

⁸⁰ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 49—61.

Керамические материалы, происходящие из культурных слоев, на уровне которых возведены срубы, датируются X в. Это преимущественно горшки, изготовленные на легком гончарном круге. Прорези их вытянутые, венчики имеют сложный профиль и представляют собой своеобразный манжет (или воротник) с резко очерченной нижней линией. Присутствуют среди керамических венчиков и такие (найденные в нижних горизонтах), которые еще не имеют четкой манжетовидной формы и демонстрируют, очевидно, одно из ранних звеньев в эволюции керамических форм X в. Орнамент состоит из волнистых и прямых прорезанных линий, которые покрывают иногда все туловище горшка. Доньшки по краям имеют характерные для керамики, изготовленной на легком гончарном круге, заплывы.

В пределах усадьбы на Красной пл. удалось собрать довольно большую коллекцию изделий из дерева. Это архитектурные детали построек, оконный резной наличник, уключина для весла, лопаты, точеные миска и ковш, болясины от мебели. Найденны здесь вещи из бересты (цилиндрический стаканчик, доньшко небольшого лукошка, фрагменты других изделий), из кости, цветных металлов. Особый интерес представляет небольшой шарик-гирька от весов, которая вместе с другими находками (византийская монета, косточки персиков, семена дынь), возможно, указывают на характер занятий хозяина усадьбы.

Для определения хронологии культурных слоев, связанных с функционированием усадьбы на Красной площади, большое значение имеет находка двух византийских монет. Первая, принадлежавшая императору Константину VII (945), обнаружена в слое песка, который перекрывал срубы. Она, вероятно, фиксирует время прекращения жизни усадьбы. Слой, лежащие ниже, должны, таким образом, датироваться временем до начала XI в. Дату одного из них помогла установить византийская монета Романа I (931—944).

В самом низу шурфа 1971 г., а также в культурном слое, залегавшем под срубом № 2, была найдена толстостенная керамика с примесью дресвы, венчики которой еще не имеют того развитого профиля, который наблюдается в X в. Видимо, она может датироваться IX в. Встречались здесь и фрагменты лепной керамики⁸¹, наиболее вероятным временем бытования которой является VIII в.

Параллельно с исследованиями на Красной пл. велись раскопки в котловане метростроя между улицами Героев Триполя и Хоревой. Участок этот находился в 250—300 м к северо-западу от первого, и его исследование имело принципиальное значение. Необходимо было выяснить, в какой степени картина, полученная на Красной площади, может характеризовать весь древний Подол.

В результате раскопок нового участка Подола выяснилось, что принципиальной разницы с первым здесь не было ни в общей стратиграфической ситуации, ни в характере застройки. Правда, в отличие от Красной площади, на участке между улицами Героев Триполя и Хоревой не везде наблюдалась строгая очередность культурных и песчаных слоев; в ряде мест котлована они оказались разорванными мощ-

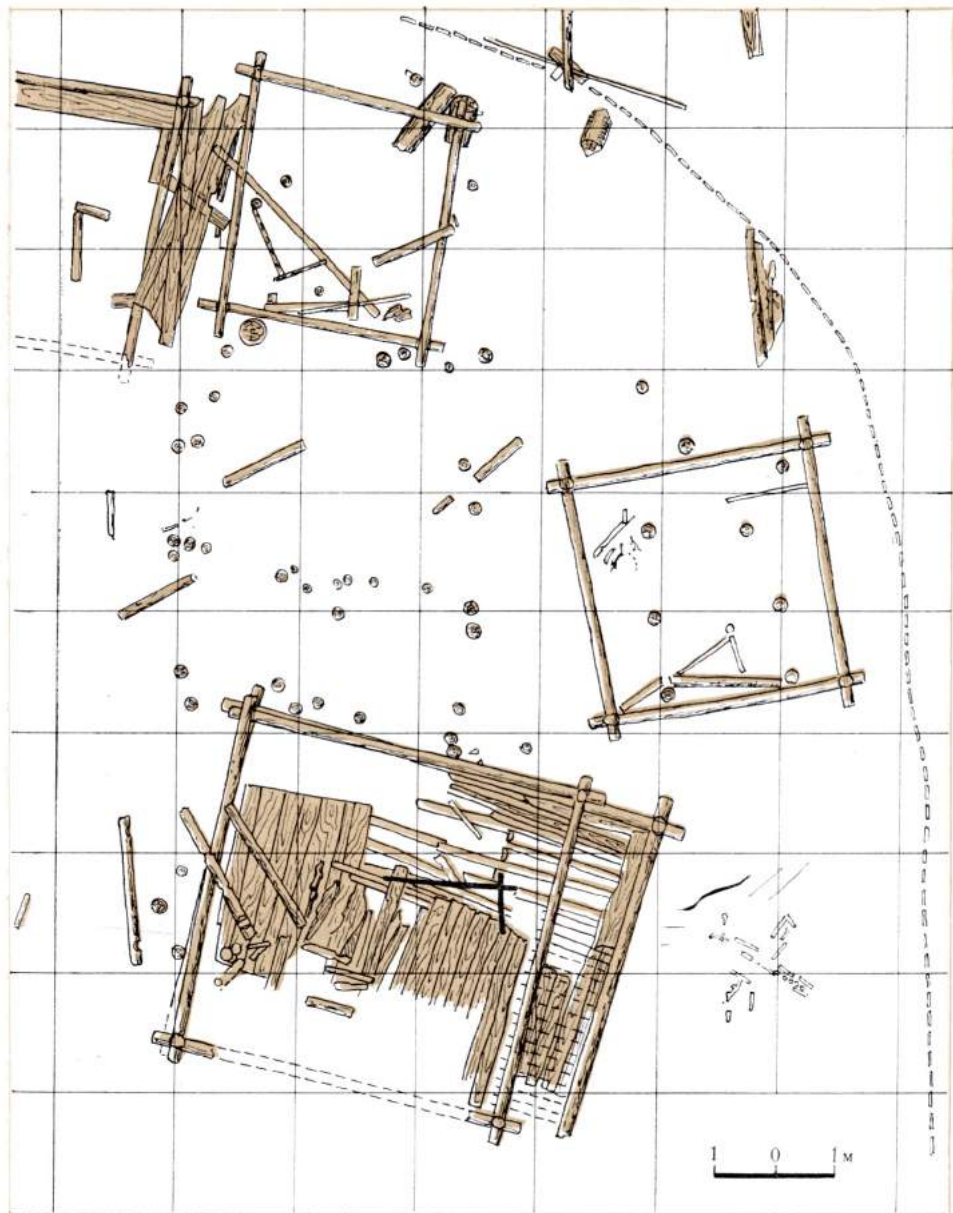

Рис. 25. План усадьбы X в. на Подоле
(Красная пл.), 1972 г.

ными делювиальными выносами из киевских оврагов. Один из них, залегавший на глубине около 8—9 метров от современной поверхности, в своей структуре имел керамику X—начала XI в. По мнению геологов, именно в это время наблюдается наибольшая активность не только Днепра, но и процессов оврагообразования в районе Киева. Связано это, по всей вероятности, с резким изменением окружающей среды, вызванным массовой вырубкой леса на строительные нужды быстро растущей столицы Руси.

Под толстым, почти метровым, слоем делювия, на глубине 10—14 м, удалось раскопать пять срубных сооружений X в., относящихся к одной усадьбе, и отрезки двух городских улиц, огражденных деревянными заборами. Ширина одной из них, проходившей вдоль береговой линии Днепра, была 6 м, другой, ведущей к реке, — около 3 м. На пересечении этих улиц стояла усадьба, постройки которой располагались вдоль линии заборов. Как и на Красной пл., рублены они из сосновых бревен «в обло». Средняя площадь срубов — 25 м². Некоторые имели хорошо сохранившиеся глинобитные печи; в других находились небольшие подпольные погреба.

Наблюдения над условием залегания культурных слоев, а также анализ керамических материалов позволяют датировать жизнь усадьбы в пределах X в.

Факт заселенности Подола в IX—X вв. подтвердили и раскопки 1973 г., осуществленные на месте бывшего Житного рынка. Здесь удалось проследить целый городской квартал, состоявший из пяти-шести усадеб⁸². Три из них исследованы достаточно хорошо, причем на разных строительных горизонтах. Самый нижний (из раскопанных) датируется концом IX — началом X в., на что указывает керамика, производящая впечатление более архаичной по сравнению с обнаруженной в нижних строительных горизонтах усадеб 1972 г. на Красной пл. и ул. Хоровой.

В пределы раскопа на этом уровне вошла одна усадьба полностью и две частично. Застроены они преимущественно срубными жилыми и хозяйственными сооружениями и отгорожены друг от друга деревянными заборами. Обращает внимание чрезвычайно плотный характер застройки исследуемого участка Подола; каждая из усадеб площадью 250—350 м² состояла из одного жилого дома и двух-трех построек хозяйственного или производственного назначения.

Некоторые сооружения (площадью 6—8 м²) представляли собой конструкцию с толстыми угловыми столбами, в пазы которых вложены доски стен с семью-восемью отверстиями в каждой. Пол в них из широких плотно подогнанных друг к другу досок. Вокруг таких построек удалось заметить неглубокие канавки, а также обнаружить деревянные мостки, ведущие к протекавшему здесь ручью. Это натолкнуло на мысль, что раскопанные на Житном рынке ящикообразные постройки следует связывать с кожевенным производством, начальные операции которого (пренне кож, удаление с них мездры и шерсти, промывание)

⁸² Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Раскопки Киевоподолу 1973 р.— У кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 19—46.

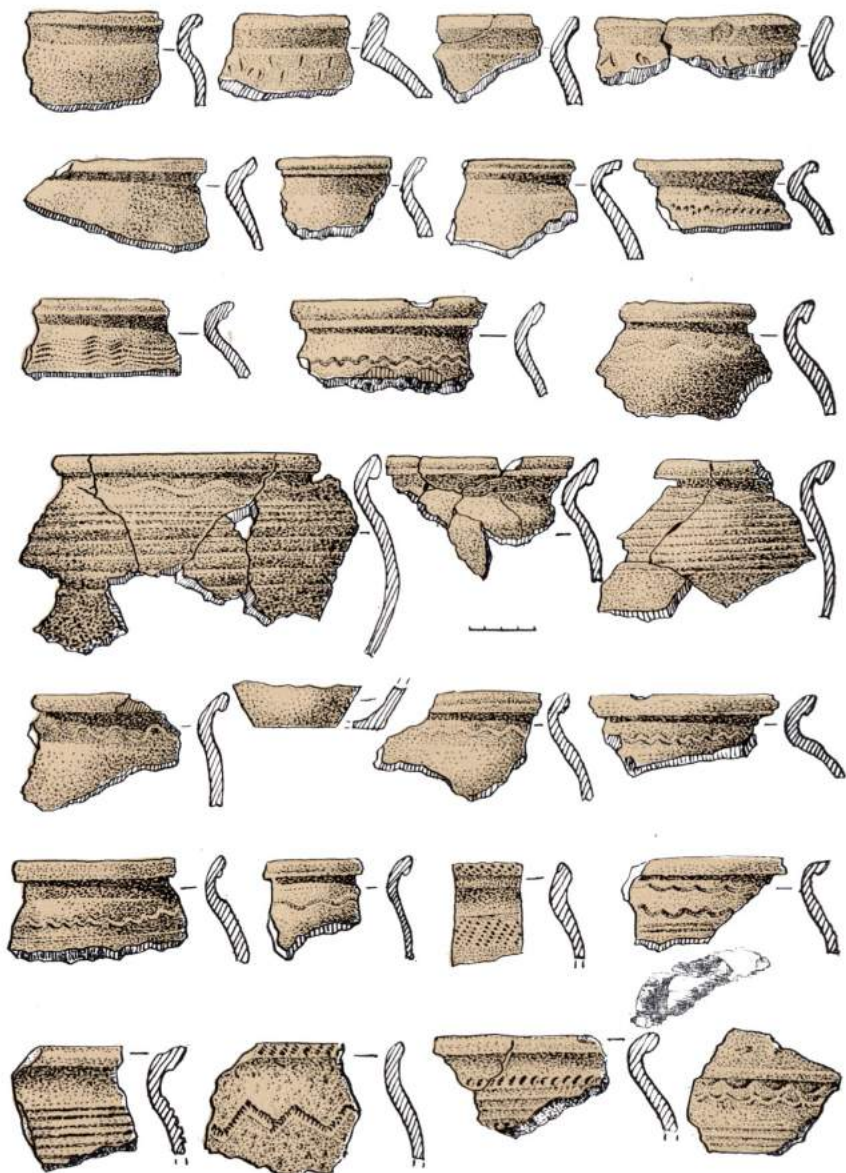

Рис. 26. Керамика IX—X вв. из раскопок Подола (Красная пл.), 1971—1972 гг.

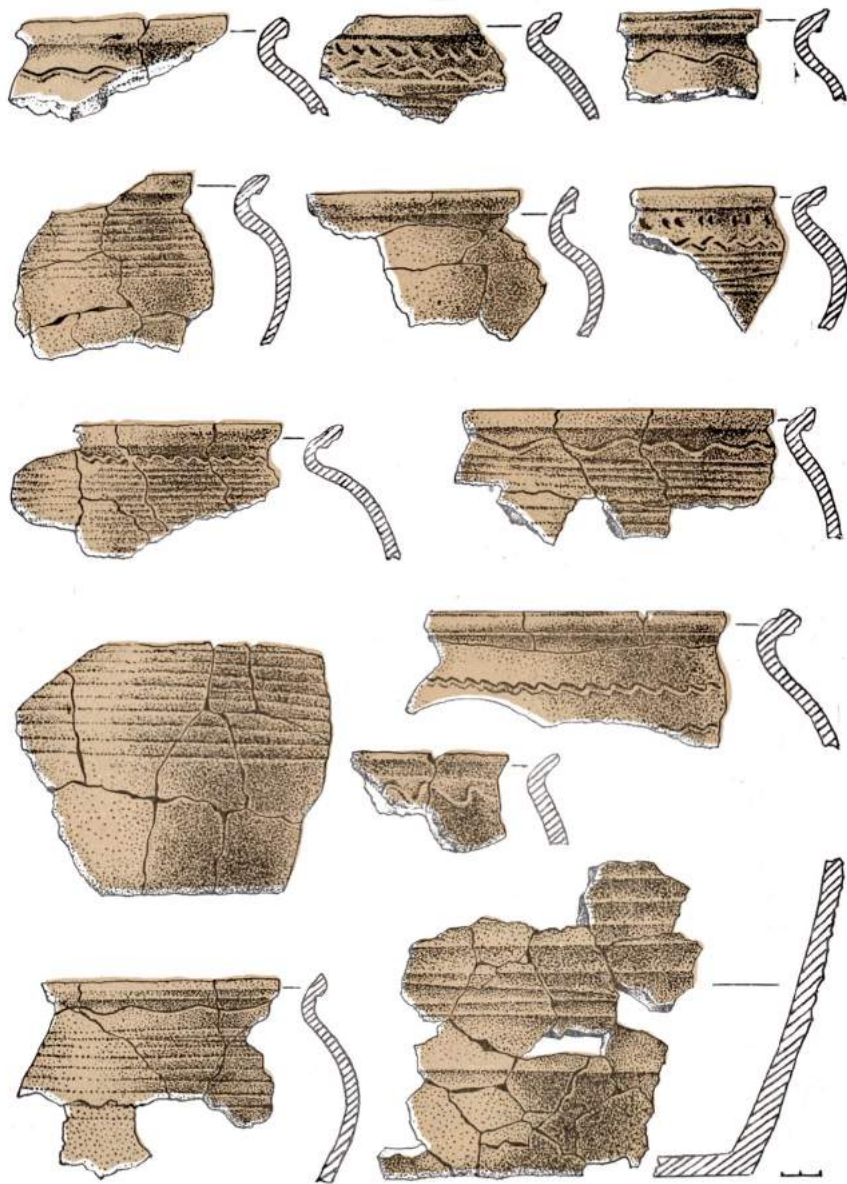

Рис. 27. Керамика X в. из раскопок
 Подола (Житный рынок), 1973 г.

требовали большого количества воды. В позднее средневековье на этом ручье, но несколько выше, также располагалась кожевенная слобода.

Раскопки на Житном рынке широкой площадью были доведены лишь до строительного горизонта первой половины или середины X в. О том, какие материалы залегали ниже его, нам удалось установить при помощи ряда шурфов. Они разрежали свиту более ранних культурных наслоений, в которых находились фрагменты керамики, грубой, наполовину ручной работы, с гребенчатым орнаментом, бытование которой в условиях Киева вряд ли выходит за рамки IX в.

Для характеристики Подола как ремесленного посада Киева X в. большое значение имели раскопки 1975 г. в районе пересечения ул. Верхний Вал линией метрополитена. Здесь в слое X в. (на глубине 7,60 м от современной поверхности) были обнаружены остатки мастерской ремесленника-ювелира. Постройка, видимо срубная, сгорела, о чем свидетельствует большое количество обуглившегося дерева. Следы сильного огня заметны также по всей площади раскопа. В слое пожараща удалось обнаружить четыре каменные ювелирные формочки, в которых отливались бляшки для украшения поясов. По характеру рисунков поясные бляшки, отлитые в киевских формочках, напоминают поясные наборы, обнаруженные в Саркеле, Салтове, а также Шпилевском кладе⁸³.

По Г. Ф. Корзухиной, Шпилевский клад был закопан не позднее рубежа X—XI вв., и, следовательно, вещи, находившиеся в его составе, датируются более ранним временем, скорее всего X в. Если судить по аналогиям, то и киевские формочки следует датировать так же. Подтверждением этому служит куфическая надпись на торце одной из формочек, которую специалисты читают как «Иазид», «Эзид», «Ибн», или «турк» и относят к IX—X вв.⁸⁴

Кем был этот «Эзид»-«турк» — резчиком формочек или же ювелиром, работавшим в мастерской, сказать трудно. Да это и не столь существенно. Важно, что мастерская находилась в Киеве и поставляла свои изделия на местный рынок, а сами формочки изготовлены из овручского шифера. Нет сомнения, что производство поясных наборов было вызвано к жизни условиями местного экономического и общественно-политического развития и прежде всего быстрым ростом дружинного сословия — основного потребителя данной продукции.

На этом участке, впервые за время наших работ по трассе метрополитена, удалось достичь уровня подольского материка. Здесь он залегал на отметке 8,5 м от современной поверхности, что на 2—3 м выше уровня материка в районе Красной площади и ул. Хоревой. В предматериковом культурном слое находились фрагменты лепной керамики темного цвета. Они относительно тонкостенные, с большим процентом примесей шамота, дресвы. Бытование такой керамики, как

⁸³ Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — МИА, 1968, № 62; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — МИА, 1962, № 142; Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.: Л., 1954, с. 86, табл. IX (2—4).

⁸⁴ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження Київського Подолу 1974—1975 рр. — У кн.: Археологія Києва. К., 1979.

можно заключить по ее находкам на Старокиевской горе, Детинке, Замковой горе, а также усадьбе № 25 по ул. Оболенской, приходится в основном на VII—VIII вв. В качестве пережитка она, возможно, заходит и в IX в.

Стратиграфические наблюдения, сделанные во время раскопок на месте пересечения ул. Верхний Вал с котлованом метрополитена, представляют исключительный интерес. Они свидетельствуют, что поверхность Подола в древности не была такой ровной, какой мы ее знаем в наше время. Вероятно, всхолмления, подобные встреченному в 1975 г., были и в других местах Подола.

Эти возвышенности, судя по обнаруженным материалам, были заселены уже в VII—VIII вв., что, несомненно, указывает на начало формирования киевского Подола. К X в. этот процесс уже завершился.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что основные этапы ранней истории Киева не только совпадают по времени с основными этапами формирования восточнославянской государственности, но и обусловлены ими.

В конце V—VII в. Киев находился на «племенной» стадии развития и был административно-политическим и культовым центром Полянского союза племен. Его возникновение явилось результатом сложного переплетения социально-экономических, политических и этнических процессов, происходивших на фоне исключительно выгодных микрогеографических и топографических условий. Со временем Киев, в свою очередь, начал оказывать значительное, может быть, решающее влияние на развитие региона, определяя его направление и социальное содержание.

На втором этапе исторического развития восточнославянского общества, который приходится на VIII—IX вв., в сельском хозяйстве, ремесле, торговле, а также социальных отношениях был достигнут такой уровень, при котором многие «средоточия племен или союзов племен» превратились в настоящие раннефеодальные города. Среди них был и Киев, ставший политическим центром образования «Русская земля», представлявшего собой «своеобразный вариант раннефеодального государства с верховной собственностью на землю, вассалитетом, основанным на земельных владениях и с широким круговоротом прибавочного продукта»⁸⁵.

К X в. Киев предстает перед нами вполне сформировавшимся раннефеодальным городом в той социальной и историко-топографической структуре, которая характеризовала его в XI—XIII вв.

ГЛАВА III

МАССОВАЯ ГОРОДСКАЯ ЗАСТРОЙКА КИЕВА X-XIII В.В.

1. КОНСТРУКТИВНЫЕ ТИПЫ ДРЕВНЕКИЕВСКИХ ПОСТРОЕК
2. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ
3. ОПЫТ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ЖИЛОЙ МАССОВОЙ ЗАСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО КИЕВА

1. Конструктивные типы древнекиевских построек

В первые массовое жилище Киева стало объектом археологических исследований благодаря раскопкам В. В. Хвойки на Старокиевской горе (усадебный комплекс Государственного исторического музея (ГИМ) УССР) в 1907—1908 гг. Публикуя результаты своих работ, В. В. Хвойка ограничился лишь общей характеристикой сооружений, суть которой сводится к следующему: постройки возводились в доведенном до материка четырехугольном углублении, их стены, несколько возвышавшиеся над землей, сложены из толстых сосновых бревен; особой мощностью отличались подвалы, уложенные в специальные канавки; многие постройки были двухкамерными, в жилой камере располагалась печь; к некоторым сооружениям с внешней стороны примыкали пристройки¹.

Исследователи неоднократно обращались к этим материалам, пытаясь разобраться в конструкции сооружений, показать их место в проблеме изучения жилищ древнего Киева². Однако полное отсутствие чертежей или иллюстраций в публикации В. В. Хвойки³ значительно затрудняет интерпретацию этих построек даже на современном уровне наших знаний о древнекиевском жилище.

Реконструкция некоторых построек была сделана Г. Ф. Корзухиной, при публикации выписок А. А. Спицына из дневников В. В. Хвойки. Вслед за В. В. Хвойкой Г. Ф. Корзухина считала сооружения, раскопанные на участках 4, 10, 11, 13, 19, 33, 39 многокамерными и двухэтажными (нижний этаж подвальный). Это были жилища-мастерские и жилища киевской знати. Особенность построек — обилие дерева и широкое применение в конструкции печей кирпича и камня.

Г. Ф. Корзухина подчеркивала отличия реконструируемых ею построек от массового типа жилищ рядового населения, каковым она считала так называемую «полуземлянку»⁴.

До работ Киевской экспедиции под руководством М. К. Каргера археологические исследования древнекиевских жилищ носили более или менее случайный характер⁵. Раскопками 1938, 1939, 1946, 1948 и 1949 гг. в различных частях Верхнего города (бывшая территория Михайловского алатоверхого монастыря, ул. Большая Житомирская, 4, усадьба ГИМ УССР) было исследовано около 15 построек, большинство из которых датируется XII—XIII вв.⁶ Подводя итог этим работам, М. К. Каргер писал: «...основным типом массового городского жилища, даже в самом крупном городском центре Киевской земли, вплоть до XII—XIII вв. продолжала оставаться полуземляночная постройка, нижняя часть которой представляла прямоугольное углубление, вырытое в грунте. Над этим углублением возвышались глинобитные стены, деревянный каркас которых состоял из нескольких вертикальных столбов, врытых в землю, соединенных между собой многочисленными деревянными перемычками, перешитенными тонкими прутьями»⁷. В отдельных случаях, по мнению исследователя, применялся комбинированный метод устройства стен: стены углубленной части жилища обкладывались досками, запазованными в угловые столбы, тогда как наземная часть такой постройки имела глинобитные стены на деревян-

ном каркасе. План жилищ прямоугольный, чаще всего квадратный, иногда встречались двухкамерные постройки. Конструкция печей как бы повторяет конструкцию самого жилища, то есть деревянный каркас из прутьев, обмазанных глиной⁸.

М. К. Каргер, подчеркивая отличие своей реконструкции киевского жилища от «хвойкинской», определил последнюю как «малобудительную». По мнению Каргера, в своих зарисовках и записях Хвойка явно гипертрофирует роль деревянного каркаса глинобитных построек⁹. Что касается попыток Г. Ф. Корзухиной дать реконструкцию отдельных построек, то это, по мнению Каргера, внесло в вопрос дополнительную путаницу, а реконструированный ею дом — беспрецедентный в истории мировой архитектуры¹⁰.

Своеобразной реакцией на первую обобщающую работу М. К. Каргера о жилищах Поднепровья¹¹ явилась статья В. К. Гончарова «Райковецкие феодальные городище XI—XIII ст.»¹². В ней автор отстаивает в принципе верную мысль о том, что «древние русские города строились из рубленых наземных деревянных жилищ»¹³. Однако явная уязвимость аргументации, основанной на данных раскопок деревянных клетей в земляном валу, только скомпрометировала идею¹⁴.

О срубном, наземном характере застройки древнего Киева неоднократно говорил В. А. Богусевич. Основываясь на данных своих раскопок на Замковой горе¹⁵ и наблюдениях над земляными работами на Подоле в 1949 — начале 1950 г., он предполагал, что именно на Подоле, очевидно, можно будет найти деревянные комплексы времен Киевской Руси, аналогичные обнаруженным в Новгороде, Старой Ладоге и Пскове*. По его мнению, представления о преобладании в древнем Киеве

¹ Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 73.

² Мачинский В. Д. Крестьянское строительство в России. М., 1924, с. 8; Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойка на усадьбе Петровского в Киеве. — СА, 1956, № 25, с. 318—342; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 285—292; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1970, с. 111—113; Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. Е1 — 32, с. 83—85.

³ Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 318—332.

⁴ Там же, с. 329.

⁵ Каргер М. К. Указ. соч., т. 1, с. 292—298.

⁶ Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1933—1947 гг.). Киев, 1950; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 298—348.

⁷ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 350.

⁸ Там же, с. 351.

⁹ Там же, с. 282.

¹⁰ Там же, с. 286.

¹¹ Каргер М. К. Жилище Киевской земли. — В кн.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945. Отделение истории и философии АН СССР. М.; Л., 1947, с. 84—85.

¹² Гончаров В. К. Райковецкие феодальные городище XI—XIII ст. — Вестник АН УРСР, 1948, № 7.

¹³ Там же, с. 50.

¹⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 364.

¹⁵ Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселівці. — АП УРСР, 1952, т. 3, с. 69.

* Спустя более чем 20 лет предположение В. А. Богусевича блестяще подтвердилось.

полуземляночных жилищ этими наблюдениями поставлены под серьезные сомнения.

В 1950 г. В. А. Богусевич фактически подтвердил свои предположения находкой на Подоле наземной трехкамерной срубной постройки, так называемого «дома токаря»¹⁶. В это же время он высказал мысль о том, что «полуземлянки были результатом лишь временных тяжелых обстоятельств, например, великий разгром, потоны и другие бедствия»¹⁷.

М. Н. Тихомиров поддержал вывод В. А. Богусевича о временном характере «полуземлянок», вызванного различного рода экстраординарными обстоятельствами. Это заключение представлялось исследователю «более обоснованным, чем категорическое мнение о всеобщем господстве полуземлянок в Киевской земле»¹⁸. Согласно М. Н. Тихомирову, полуземлянки и землянки — жилище «ремесленников-холопов». Типичным примером жилища свободного мастера-ремесленника (наряду с избой новгородского сапожника) был наземный дом киевского токаря¹⁹.

По мнению В. И. Довженка, «не отвечающая действительности мысль о том, что полуземляночный тип жилищ был доминирующим в Киевской Руси, обусловлена лишь тем, что наземные деревянные постройки в этих городах трудно выявить»²⁰.

Возможность существования в Киеве рядом с полуземлянками срубных жилищ неоднократно подчеркивали специалисты смежных с археологией наук. Так, анализируя сельские постройки восточных славян, Е. Э. Бломквист в историко-археологическом разделе своей фундаментальной работы пишет следующее: «Но в то же время, как в сельской местности Юга еще безраздельно господствовала полуземлянка, в самом Киеве, куда стекались люди со всех концов Руси, наряду с землянками строились и наземные срубно-бревенчатые жилища, о чем свидетельствуют как исторические источники, так и раскопки. Наземные срубные постройки были необходимы в приречном районе древнего Киева — Подоле, где вследствие низменной и болотистой местности полуземлянки были бы нецелесообразны. Возможно, что в нагорной части города такие жилища принадлежали более зажиточной прослойке городского населения»²¹.

Вопросы массовой застройки затронуты в работе П. П. Толочко, посвященной исторической топографии древнего Киева²². Основываясь на материалах археологических исследований, автор приходит к выводу, что постройки Верхнего города в конструктивном отношении относятся к двум основным типам — наземным срубным и несколько углубленным в землю жилищам столбовой конструкции. Полуземлянки легких глинобитных конструкций, по его мнению, являлись жилищами беднейших слоев киевского населения, в большинстве это были ремесленные мастерские. Характер массовой застройки Верхнего города определялся наземными, часто двухэтажными домами, часть которых своим внешним видом и внутренним убранством напоминали «украинскую белую избу». В застройке Подола, согласно П. П. Толочко, преобладал тип наземных срубных жилищ, в широком распространении которого немалую роль сыграли природные условия района. Периодические наводнения определяли высотный характер застройки Подола.

Рядовым жилищем древнего Киева занимался М. Ю. Брайчевский. Его выводы, построенные на анализе двух видов источников — археологических и древнерусской книжной миниатюры (Радзивилловская летопись), сводятся к следующему: Киев (как и другие средневековые города) отличался чрезвычайно плотной застройкой, вызванной наличием фортификаций. Городские кварталы были застроены почти вплотную стоящими двух-трехэтажными домами. Основным конструктивным типом массового жилища являлась каркасно-столбовая конструкция. Срубы нехарактерны для Киева. Обнаруженные при раскопках углубления, так называемые «полуземлянки», представляют собой нижние (в большинстве случаев) нежилые этажи. Действительная площадь жилого дома в несколько раз превосходила площадь фиксируемых углублений (подклетов).

Далеко не все положения М. Ю. Брайчевского одинаково обоснованы. Так, наличие общих черт в планировочной структуре феодального города не отрицает особенностей, присущих восточнославянским городам, нашедших свое выражение в поусадебном характере жилой застройки. Именно усадьба, а не стоящие вплотную друг к другу отдельные дома, являлась основным звеном застройки восточнославянского города и Киева в частности. Такой характер застройки отразился и на больших, по сравнению с западноевропейскими городами, размерах восточнославянских городов²³. Древний Киев в период своего расцвета занимал площадь около 400 га, тогда как население его, около 50 тыс. человек, ненамного превышало количество жителей некоторых западноевропейских столиц²⁴. Что касается нужд фортификации, то, во-первых, территория города (в современном понимании этого термина) не ограничивалась только укрепленной частью — детинцем. Да и территория последнего с течением времени расширялась, отражая динамику развития города. Неправомерна и абсолютизация срубной конструкции как единственного конструктивного типа жилища древнего Киева. Нельзя согласиться с мыслью о коренном отличии застройки Киева от Новгорода и других северорусских городов.

Идея об отличии застройки древнего Киева (и всей Юго-Западной Руси) от других древнерусских центров так или иначе развивается в последних исследованиях, посвященных древнерусскому жилищу. Так, в своей работе о жилищах Северо-Западной Руси Ю. П. Спегаль-

¹⁶ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р.— Археологія, 1954, т. 9, с. 46—49.

¹⁷ Богусевич В. А. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. Тезисы доклада.— КСИИМК, 1951, вып. 40, с. 47—48.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 144—145.

¹⁹ Там же, с. 144.

²⁰ Довженко В. П. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 роки.— Археологія, 1950, т. 3, с. 72—73.

²¹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 16.

²² Толочко П. П. Вказ. праця, с. 111—118.

²³ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978, с. 29.

²⁴ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980, с. 89.

ский как будто бы и подчеркивает, что многие существенные черты богатого посадского жилища, выявленные им на материалах раскопок Неревского конца древнего Новгорода, являются общерусскими²⁵. Однако из дальнейшего изложения следует, что этот вывод бесспорен лишь для жилищ, распространенных в лесной зоне²⁶. Косвенным намеком на отличие застройки юго-западных городов является обоснование Ю. П. Спегальским правомерности привлечения в качестве источника по определению назначения отдельных помещений новгородских жилищ летописных сведений о названиях построек южнорусского города Искоростена, который, как оказывается, «лежит все же в полосе, где были распространены наземные деревянные дома»²⁷.

Более определенно эта мысль выражена в исследованиях П. А. Раппопорта²⁸. В разделе своей работы, посвященном истории изучения древнерусских жилищ, автор писал: «Однако если наличие в Среднем Поднепровье полуземлячных жилищ как основного типа массового жилища после работы Каргера уже не вызывало сомнений, то в других районах лесостепной зоны положение было менее ясно»²⁹. К выводу о том, что на Киевщине вплоть до самого монгольского нашествия рядовые жилища имели по-прежнему характер полуземлянок приходит и сам исследователь в заключительном разделе своего труда³⁰. Однако реконструкция такой «полуземлянки» значительно отличается от предложенной в свое время М. К. Каргером. Это по-прежнему углубленные в материк постройки, но со срубной или столбовой конструкцией стен.

Тем не менее признание «полуземлянки» основным конструктивным типом массового киевского жилища и отрицание возможности существования наземных построек, как и раньше, создает впечатление некоторой оторванности Киева (Среднего Поднепровья) от магистральных путей развития древнерусского массового домостроительства. Что же касается конкретных вопросов изучения массового древнерусского (в том числе киевского) жилища, то здесь П. А. Раппопортом сделано много интересных наблюдений (в частности, по уникальному комплексу жилищ, раскопанных В. В. Хвойкой)³¹, которые использованы в настоящей работе.

Как видно из краткого историографического обзора исследования жилищ, выявление функциональных типов сооружений, способов их возведения продолжают оставаться одной из важных задач изучения градостроительной деятельности в домонгольском Киеве.

Во многом успешному решению этой задачи способствовали исследования Киевской экспедиции (в Верхнем городе и особенно на Подоле) последних лет, явившиеся качественно новым этапом в истории археологического изучения массовых жилищ древнего Киева.

Кроме археологических материалов собственно о древнекиевском жилище, его конструктивных типах, имеется целый ряд косвенных данных, которые, к сожалению, почти не привлекаются исследователями. О распространении в Киеве срубного строительства говорят письменные источники. Часто встречающийся на страницах летописи термин «рубити» означал строить из дерева (в «обло»)³². «Срубил градок мал на Дунае полянский князь Кпй»³³. Владимир Святославич «повели рубити церкви»³⁴. В 1016 г. киевляне кричали новгородцам, пришедшим

с князем Ярославом: «что придосте с хромьцемъ симь, а вы плотници суще а приставимъ вы хоромъ рубить нашихъ»³⁵. Интересные сведения о киевских постройках можно найти в былинном эпосе, например в описании Чурилова двора³⁶. Об использовании в качестве источника миниатюр Кенигсбергской летописи уже говорилось. Можно указать также на миниатюры, иллюстрирующие строительство города Белгорода (два «древодола» стоят внутри сруба с поднятыми топорами)³⁷, строительство Города Ярослава с Золотыми воротами³⁸, убийство половецкого военачальника Итларя³⁹. Они свидетельствуют о распространении в Киеве и на Киевщине, наряду со столбовой также и срубной конструкции в различного рода постройках. Деревянные городища применялись в строительстве киевских оборонительных сооружений.

Наконец, существование в древнем Киеве двух конструктивных типов жилищ — срубных и столбовых — находит свое подтверждение в материалах киевских некрополей. Мысль о том, что погребальное сооружение — дом мертвых — схематически воплощало идею дома живых, не нова. Однако сопоставления устройства погребальных камер древнекиевских могильников с конкретными археологическими материалами по киевскому жилищу сделано не было. Анализ десяти погребений киевского некрополя показал наличие двух конструктивных типов погребальных сооружений. Первый тип — сруб прямоугольной или приближающейся к квадрату формы, размерами от 5,1 до 11,5 м²*. Стены сруба, как правило, отвесные; сложены из круглых бревен в «обло», в одном случае — в «лапу». Зафиксированная высота стен сруба составляла 1,4 м. Срубы перекрыты накатом из бревен, расположенных обычно в два ряда. Дно выстилалось бревнами или досками, в одном случае — обмазано глиной.

Второй тип представлял собой сооружение прямоугольной формы, основным конструктивным элементом которого были угловые столбы и запазованные в них деревянные плахи или доски. Эти могильные сооружения также перекрывались двухрядным накатом. Основным материалом, из которого сооружались погребальные камеры как первого, так и второго типа, был дуб.

³⁵ *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси в IX—XIII вв. Л., 1972, с. 95.

³⁶ Там же, с. 127.

³⁷ Там же, с. 133.

³⁸ *Раппопорт П. А.* Указ. соч.

³⁹ Там же, с. 14.

³⁰ Там же, с. 160.

³¹ Там же, с. 83—85.

³² *Срезневский Н. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1903, т. 3.

³³ ПВД, ч. 1, с. 13.

³⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 103.

³⁵ Там же, стб. 129.

³⁶ Русский народный эпос. М., 1942, с. 54.

³⁷ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Спб., 1902, ил. 67, лиц.

³⁸ Там же, л. 87, лиц. и.

³⁹ Там же, л. 130, лиц. и.

* Погребения № 105, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 129. Нумерация дана по М. К. Каргеру. (Древний Киев, т. 1, с. 167 и дальше).

Эту характеристику погребальных сооружений могильников Киева дополняют материалы некрополей других древнерусских центров⁴⁰ и прежде всего Шестовицы⁴¹. В целом погребальные сооружения Шестовицкого могильника так же, как и киевских, представлены двумя основными типами: срубными и столбовыми, хотя здесь встречаются и курганы, имеющие более сложную (комбинированную) конструкцию погребальной камеры. Так, в одном из них столбы не были связаны с деревянным склепом (срубом), а располагались на некотором расстоянии как от последнего, так и от стен могильной ямы⁴².

При раскопках двух курганов с трупосожжениями сверху кострища были прослежены остатки продольных колод или балок, которые «символизировали сволок древнерусского жилища»⁴³. Дно погребальной камеры одного из курганов было выложено бревенчатым накатом, лежащим на трех поперечных лагах⁴⁴.

Обзор погребальных сооружений некрополей Киева и других древнерусских центров показывает, что идея дома живых «материализовывалась» в этих сооружениях довольно конкретно, с сохранением основных конструктивных элементов. Этому соответствовало и название погребального сооружения «бдын» (ср. «будивок» — постройка, дом). Д. И. Влифельд считал, что та же самая идея жилища, но землянки заложена и в обычной грунтовой могиле, на что указывает наименование гроба — «домовина». Разница, следовательно, только в характере «дома»⁴⁵. На последнем замечании остановимся более подробно. Действительно, погребения в срубных гробницах — это захоронения представителей высших слоев древнерусского общества. Их общественному положению «в миру» соответствовало погребальное сооружение, максимально приближенное к реальным домам, что, конечно, было недоступно рядовым жителям (в некоторых случаях размеры гробниц даже превышали размеры «средних» полуземлянок). Мы считаем, что разница не в характере дома, а в возможностях реализовать идею дома мертвых различным представителям древнекиевского общества. Естественно, что жилища наиболее богатых киевлян должны были отличаться (размерами, этажностью, интерьером и т. п.) от рядовых построек, но конструктивный тип должен быть сходен: или срубный или столбовой. К этому можно добавить, что наряду с предметами вооружения и роскоши в тех же могилах обнаружен бытовой инвентарь: глиняные горшки, ножи, ножницы, гребенки, точильные бруски и т. п., что в некоторой степени дополняет наши представления о быте древних киевлян в реальной жизни, полученные на основе раскопок жилищ. Все вышесказанное, на наш взгляд, вполне оправдывает привлечение данных о погребениях в срубных гробницах при решении вопроса о конструктивных типах киевских жилищ.

Все постройки древнего Киева разделены нами на два хронологических периода: X—XI вв. и XII—XIII вв. Признавая условность такого членения, тем не менее считаем, что оно в значительной мере соответствует определенным этапам в жизни древнего Киева — первый отражает этап становления его как поселения городского типа, второй — дальнейшее развитие города, усложнение его социально-экономической (и, соответственно, историко-топографической) структуры.

Только рассматривая массовую застройку в одном контексте с развитием Киева как поселения городского типа, можно правильно понять эволюцию киевского жилища, выяснить закономерность появления тех или иных типов построек, попытаться дать им социальную характеристику.

Классификация сооружений может быть осуществлена по двум основным признакам: 1 — по конструкции стен: срубная, столбовая и т. д.; 2 — по устройству основания: наземная, углубленная⁴⁶.

Мы приняли за основу конструкцию стен построек. Вопрос об определении типа сооружений по устройству его основания достаточно сложный и спорный⁴⁷. Отнесение большинства киевских построек к разряду так называемых «полуземлянок» не отвечает действительности и искажает представление о характере массовой городской застройки.

Поскольку массовый материал по киевским жилищам в основном пока происходит из двух исторически сложившихся районов, то постройка каждого хронологического периода рассматривается отдельно — как Верхнего города, так и Подола. Кроме различия в социально-экономическом отношении эти два района отличаются своими микротопографическими условиями, что до некоторой степени отразилось на характере застройки.

Для понимания истоков древнекиевского жилища, процесса становления его основных конструктивных типов, эволюции строительной техники необходимо исследовать более ранние материалы. К сожалению, археологические данные о раннем киевском жилище чрезвычайно малы. Всего известно девять жилищ периода от середины I тыс. н. э. до начала X в. Большинство из них раскопано в районе Старокиевской горы — наиболее изученной в археологическом отношении территории Киева. Остатки двух построек исследованы на Замковой горе, соседней со Старокиевской. Еще три жилища обнаружены на Оболюхи — северо-восточной (низменной) части современного города.

Жилище, раскопанное в центральной части Старокиевской горы, представляло собой постройку прямоугольной формы, ориентированную углами по сторонам света⁴⁸. Стены жилища не сохранились. Его границы были прослежены по утрамбованному и обожженному полу (приблизительные размеры 5,2×4,3 м). В северо-западном углу находилась глиняная печь прямоугольной формы. Глиняный хорошо обожженный

⁴⁶ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, с. 20—22; Блафельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах. — СА, 1954, № 20, с. 151—156.

⁴⁷ Блафельд Д. И. Давньоруські пам'ятники Шестовиці. К., 1977.

⁴⁸ Там же, с. 21.

⁴⁹ Там же, с. 16.

⁵⁰ Там же, с. 21.

⁵¹ Блафельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах, с. 160.

⁵² Борисевич Г. В., Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — СА, 1978, № 4, с. 284.

⁵³ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, с. 71.

⁵⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 104—105. Автор отнес это жилище к VIII—X вв. П. П. Толочко датирует постройку VII—VIII вв. (Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, с. 49).

под печи неоднократно обновлялся. На полу постройки было обнаружено большое количество обгорелого дерева. Здесь же, на полу, были найдены куски обожженной глины с отпечатками прутьев. На основании этих находок автор раскопок реконструирует стены этого жилища как плетенные из лозы и обмазанные глиной. Горелое дерево, по его мнению, — остатки деревянной кровли⁴⁹.

Остатки двух построек IX—X вв. обнаружены на Замковой горе⁵⁰. Были прослежены некоторые конструктивные особенности одной из них, лучше сохранившейся. Это жилище функционировало довольно длительное время (перестроено в X в.). В северо-западном углу были расширены остатки массивной печи, поставленной на подсыпку из плотно утрамбованной желтой глины. Своды печи были сложены из глины с примесью соломы. Глиняный пол обожжен и выглажен. За печью обнаружены остатки деревянных балок, судя по оставленным ими гнездам, соединявшихся под прямым углом. Между печью и стеной жилища располагалась лежанка из глины (2×1 м). Вокруг остатков постройки выявлены следы плетня. Подобный же плетень был прослежен и возле нижнего, более древнего жилища. Автор публикации считал, что плетень, обнаруженный как у верхнего, так и у нижнего жилища, является остатками стен этих построек, а упомянутые бревна были их основанием. Можно предположить следующую реконструкцию этого комплекса. Возможно, перед нами остатки двух разновременных наземных построек, стены которых были срублены из бревен (в «обло»). Нижняя, более ранняя постройка являлась хозяйственным сооружением (на это как будто указывает отсутствие печи). Верхнее — несомненно жилое, несколько больших размеров с лежанкой и глинобитной печью в одном из углов. Остатки плетня — следы обноски нижних венцов сруба. С внешней стороны такие обноски обычно укреплялись кольями. Следы от кольев встречены и при раскопках рассматриваемого жилища⁵¹.

Изучение жилищ VI — первой половины X в. показало, что в это время была распространена как столбовая, так и срубная конструкции стен⁵². Нередко эти конструктивные типы «сосуществовали» на одном и том же поселении⁵³. Вероятно, Киев как раз и относился к таким «смешанным» поселениям⁵⁴. Распространение двух конструктивных типов жилищ — срубных и столбовых — остается характерной чертой массового киевского домостроительства в более позднее (X—XIII вв.) время.

Жилища X—XI вв. В настоящее время имеются данные о 30 постройках X—XI вв., исследованных на территории Верхнего города и о 50 сооружениях Подола. Однако далеко не все из них раскопаны полностью. От многих сохранились лишь незначительные остатки, что затрудняет выяснение их конструкции.

Сначала рассмотрим постройки Верхнего города. Они исследованы на террасах Старокиевской горы и по краю плато⁵⁵. Фиксируемые археологические их остатки ориентированы углами или стенами по странам света. Сочетание других конструктивных элементов и следов интерьера, таких, как ямки от столбов, следы дерева или канавок вдоль земляных стен углубления, остатки печи, хозяйственные ямы и т. п., индивидуально для каждой постройки и определяет конструкцию стен последней.

Все сооружения можно разделить на две группы: постройки, в которых были зафиксированы ямы от столбов, — столбовые — и постройки, не имеющие этих ям.

Основу конструктивной схемы построек первой группы составляли вертикально стоящие деревянные столбы, с помощью которых возводились стены и на которые могли опираться верхние части сооружений. В большинстве случаев столбы располагались в углах построек, а иногда — посредине стен земляного котлована и за тыльной стороной печи. Диаметр столбовых ям от 0,15 до 0,40 м, причем в шести сооружениях он был 0,2 м и больше. Форма ям указывает на то, что в большинстве случаев столбы внапывались в землю, а не забивались.

Группа жилищ, раскопанных на террасах Старокиевской горы, имела различную высоту стен материковых углублений. Ближние к склону стены — 1—1,10 м, противоположные — 0,2—0,95 м (см. рис. 4, гл. I). Именно последняя высота (дальняя от склона) должна приниматься во внимание при решении вопроса о конструкции этих построек. А она указывает на то, что большая часть сооружений возвышалась над поверхностью земли.

Углубление нижних частей жилищ столбовой конструкции, исследованных собственно в Верхнем городе, составляла от 0,1 до 0,7 м. Исключением является жилище № 2 (1967), раскопанное по ул. Большая Житомирская, углубленное на 1,3 м⁵⁶.

Деревянные стены этой группы построек могли быть выполнены из досок, плах, тонких жердей с различными способами крепления: прижиматься столбами к земляным стенам котлована или вставляться в продольные пазы столбов.

Очевидно, что первая конструкция возможна при достаточно глубоком земляном котловане, обеспечивающем минимальную высоту постройки. Высказанное в литературе предположение о том, что деревянная обшивка стен, продолжавшаяся выше верхнего среза земляного котлована, поддерживалась с внешней стороны при помощи земляной подсыпки⁵⁷, наталкивается на серьезные возражения⁵⁸. Подобная реконструкция искусственно превращает так называемую «полуземлянку» в натуральную землянку. Фиксированное археологически углубление в материк нижних частей жилищ, вероятно, в большинстве случаев (с незначительной поправкой на нарастание культурного слоя) соответствовало реально существовавшему.

⁴⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 104—105.

⁵⁰ Розкопки в Києві на горі Киселівці в 1940 р.— Археологія, 1947, т. 1, с. 145—146.

⁵¹ Там же, с. 145.

⁵² Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 116—121.

⁵³ Там же, с. 120.

⁵⁴ Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах, с. 162; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, с. 40.

⁵⁵ Кілієвич С. Р. Археологічна карта київського дитинця.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, рис. 1.

⁵⁶ Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д. Из работ Киевской археологической экспедиции.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968, вып. 2, с. 193.

⁵⁷ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 132.

⁵⁸ Борисевич Г. В. Указ. соч., с. 284.

При второй конструкции стен глубина земляного котлована имела гораздо меньшее значение. Зато толщина столбов должна быть достаточной, чтобы сделать в них продольные пазы.

Теоретически возможен и третий вариант крепления обшивки стен — доски прибивались к опорным столбам при помощи гвоздей*.

Таким образом, наиболее вероятным является предположение о том, что жилища столбовой конструкции в X—XI вв., исследованные на территории Верхнего города, имели деревянные стены из досок (плах), запазованных в столбы. Пространство между деревянной стеной и земляным котлованом засыпалось (забутовывалось) землей или глиной.

Значительно сложнее установить конструкцию стен второй группы построек — без столбовых ям. Наиболее естественной конструкцией стен таких построек был сруб. Одним из решающих признаков наличия сруба является размещение печи несколько отступя от земляных стен котлована⁵⁹. Свидетельством в пользу срубной конструкции могут служить находки канавок вдоль стен от нижнего (окладного) венца. Следы такой канавки были зафиксированы в жилищах № 2, 3 (1966), раскопанных на склонах Старокиевской горы.

К сожалению, данные о постройках Верхнего города X—XI вв. без столбовых ям не всегда позволяют точно определить расположение печи (расстояние) относительно земляных стен углубленной части. Остатки сгнившего дерева были прослежены вдоль стен отдельных построек. Однако, как показала практика археологических исследований Верхнего города, действительное наличие срубной конструкции стен фиксируется отпечатками срубов в материковом лессе, что для жилищ X—XI вв. пока не зафиксировано.

Постройки без столбовых ям ни по степени углубления в материк, ни размерами, ни планировкой не отличаются от сооружений со столбовыми ямами. Учитывая одновременное существование и тех и других их смежное расположение, можно предположить и наличие общей конструктивной схемы. Особенно это относится к постройкам, исследованным на склонах Старокиевской горы. Вероятно, столбы здесь не закапывались, а крепились на нижней обвязке⁶⁰.

Вдоль стен одного из жилищ (№ 1, 1969) был расчищен завал глиняной обмазки с отпечатками деревянных конструкций. Эта находка указывает, что в X—XI вв. могла практиковаться обмазка глиной деревянных стен жилищ Верхнего города.

При решении вопроса о размерах и планировке построек нами учитывались данные о сооружениях, границы земляных углублений которых фиксировались достаточно определенно. Таких построек 15. Девять из них раскопаны на террасах Старокиевской горы, шесть — на плато, в пределах границ Города Владимира. По площади их можно разделить на две группы: первая (восемь сооружений) от 8,5 до 10,5 м², вторая (пять сооружений) от 14 до 17,6 м². Еще две постройки имели 4,6 и 7 м². В первой группе половина построек имела угловые столбы. Во второй — четыре из пяти. Постройки однокамерные. Только в одном сооружении (жилище № 2, 1967) с северо-восточной стороны основной камеры были пристроены сени размером 1,7×1,4 м⁶¹.

Наличие печи является определяющим признаком жилища. Печи

обнаружены в 13 постройках, однако не все их можно отнести к жилым сооружениям. Вероятно, нежилой была постройка № 2, 1969 г., имеющая срединное расположение печи, не характерное для киевских жилищ). Печи располагались в одном из углов постройки. Очень редко удается установить взаимное расположение печи и входа. В двух сооружениях печь располагалась в ближнем (левом от входа) углу. В жилище № 5 (1968) были обнаружены остатки двух печей.

Печи глинобитные. В постройках, исследованных на склонах Старокиевской горы, в конструкциях печей (для подбивки пода) широко применялись камень-песчаник и плинфа. В жилище № 3 (1966) глинобитная печь сохранилась в том состоянии, в котором функционировала. Высота ее от уровня пола 0,75 м, диаметр пода — 1,15 м, размеры отверстия в верхней части — 0,43×0,25 м. Высота свода — 0,42 м, ширина челюстей — 0,43 м. Приблизительно такие же параметры имела печь жилища № 2 (1966) и жилища VIII (1955) ⁶².

Круглой формы печи, в результате разрушения верхней части, к моменту раскопок приобретали подковообразные очертания. В трех жилищах перед устьем располагались предпечные ямы. В жилище № 5 (1968) по бокам печей (со стороны устья) были обнаружены по две ямки от столбов, возможно, связанных с системой дымоотвода. В одной из этих печей обнаружено 12 круглых ямок (0,1—0,15 м) от деревянного каркаса. Отпечатки деревянного каркаса зафиксированы на внутренней поверхности свода печи жилища VIII (1955) ⁶³.

Полы в постройках глинобитные. Среди других компонентов интерьера необходимо упомянуть о глинобитных лежанках, обнаруженных в жилищах № 1 (1966) и № 1 (1968). В последнем из них размеры лежанки — 1,8×1 м.

Четко фиксируемые следы входа обнаружены в одной постройке (1949), исследованной на территории ГИМ УССР. Сохранились две нижние ступени входа, по сторонам которых располагались ямки от столбов ⁶⁴.

Таким образом, археологические данные дают вполне определенное представление об одном типе древнекиевского жилища X—XI вв. с деревянно-столбовыми стенами и несколько углубленной в материк нижней частью. Несомненно, что в Верхнем городе в это время строились и наземные срубные дома.

За пять лет археологических исследований Подола было открыто около 50 построек как жилого, так и хозяйственного назначения. Хоро-

* Находка в некоторых из рассматриваемых жилищ кованых гвоздей как будто подтверждает такое предположение (Раппопорт П. А., Указ. соч., с. 132). По мнению других исследователей, применение гвоздей в народном зодчестве было показателем плохой работы.

⁵⁹ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 120.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Голоченко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д. Указ. соч., с. 193. Возможно, двухкамерным являлось жилище № 1, 1970 г. (Килиевич С. Р. Дослідження Старокиївської гори. — В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 37).

⁶² Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. — Археологія, 1957, т. 10, с. 129.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 346.

шая сохранность ископаемого дерева в водонасыщенных слоях Подола вместе со специфическими условиями формирования геоморфологии района позволили выделить отдельные строительные горизонты — закрытые комплексы, нижнюю хронологическую границу которых фиксирует уровень древней поверхности (культурный слой, где располагались нижние венцы срубов, фундаментные подкладки), верхнюю — уровень песчаных аллювиальных и делювиальных отложений, которые перекрывали остатки этих сооружений.

28 Раскопки проводились на различных участках Подола, и везде сохранность построек была достаточной, чтобы реконструировать их плановую структуру, а в некоторых случаях — и интерьер. Линии заборов четко фиксировали границы отдельных усадеб и указывали направление улиц. Все это позволяет уже сейчас решить некоторые вопросы о характере застройки Подола, а также его планировки.

К жилым сооружениям Подола X—XI вв. нами отнесены все постройки, в которых было зафиксировано наличие печей. В том случае, если печь отсутствовала, основанием для отнесения того или иного сруба к разряду жилых сооружений являлись такие признаки, как место постройки в общей планировочной структуре усадьбы, размеры постройки и ее планировка, наличие настила пола, тщательность рубки стен, характер находок и т. п.

Все остальные постройки были отнесены к разряду хозяйственных. Большинство из них являлось наземными срубными сооружениями, которые отличались от жилых отсутствием печи, меньшими размерами, более тонкими стенами.

В подольских постройках встречены два типа конструкции стен: срубная и столбовая. Большинство построек имело срубные стены. Столбовая конструкция отмечена всего в пяти сооружениях, все они относились к хозяйственным постройкам.

29 Во всех подольских сооружениях применялась единая техника рубки стен с пазом и чашей в нижнем бревне. Угловые концы выступают наружу на 0,15—0,30 см. Для увеличения площади опоры концы самых нижних венцов не обрубывались. Торцевые выступы обрублены топором, под отвес.

В жилых срубах использовались бревна диаметром 18—30 см, тогда как на хозяйственные, как правило, шли более тонкие — 10—15 см. Длина бревен также зависела от назначения сооружения.

Вероятно, что длина бревна являлась своеобразным модулем, который определял размеры постройки. Дальнейшее увеличение ее размеров шло путем пристроек к основному сооружению новых клеток⁶⁵.

В сооружениях столбовой конструкции применялось два способа устройства стен. В одних случаях они забирались горизонтально уложенными досками (плахами). Края их запускались в вертикальные пазы угловых столбов. Ширина паза в столбах соответствовала толщине

⁶⁵ Толочко Н. П., Гуцало К. М., Харламов В. О. Раскопки Киевоподолу 1973 р.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 25, рис. 3.

⁶⁶ Там же, с. 26.

* Используются данные только по тем постройкам, которые имеют четко зафиксированные размеры.

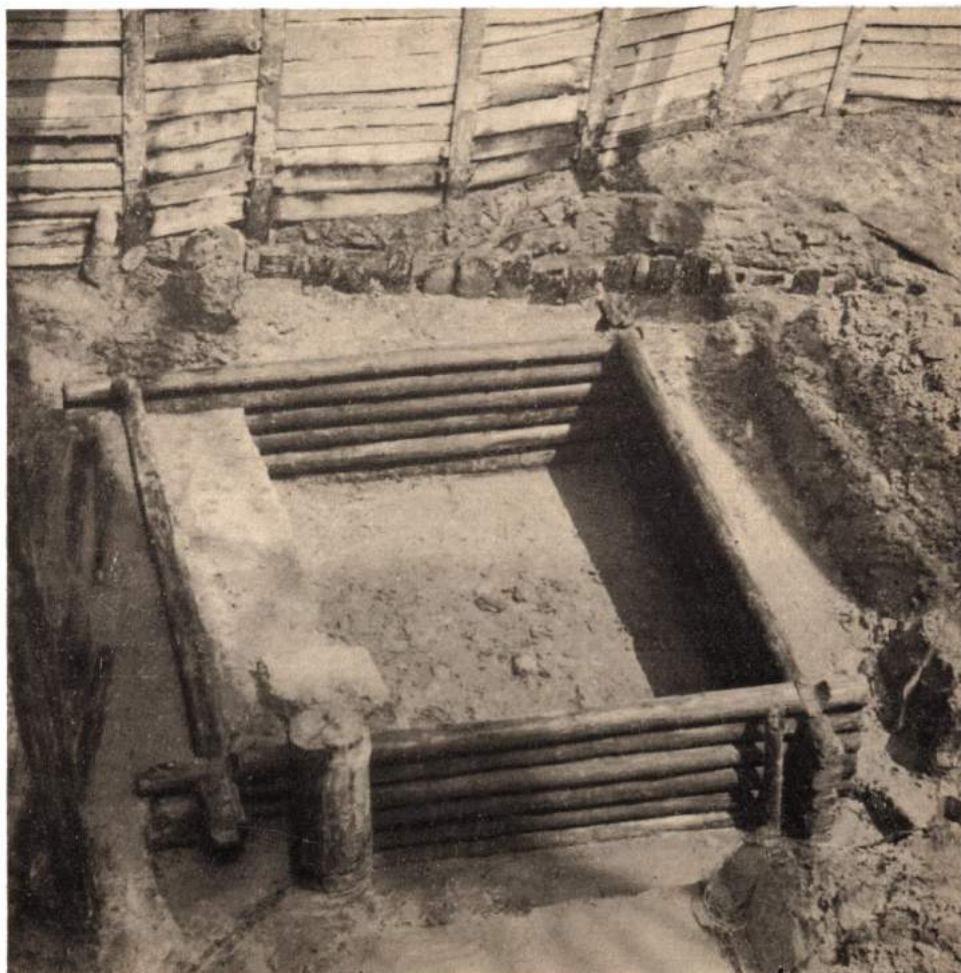

Рис. 28. Сруб 2, Подол, Красная пл.

досок, обычно 4—6 см (при значительных размерах таких построек по периметру вкапывались дополнительные столбы). В других случаях стены забирались вертикально поставленными досками. Кроме угловых столбов в нижней части таких сооружений по периметру делалась обвязка с пазом, куда вставлялись края досок. Каркасно-столбовая конструкция стен применялась в тех случаях, когда возникала необходимость в более свободной (многоугольной) планировке построек, а также различного рода пристройках к основным сооружениям⁶⁶.

Особого внимания заслуживает вопрос о размерах и планировке подольских сооружений. Мы используем данные о 12 жилых и 13 хозяйственных постройках*. Половина жилищ относится к однокамерным со-

оружениям. Размеры их колеблются от 16,8 до 30,8 м². Интересно, что по 16,8 м² имели сразу две постройки, одна из раскопок на улицах Героев Триполья — Хорева, а вторая — на Житном рынке. Возможно, что совпадение это не случайное, а отражает минимальные размеры однокамерного жилого сруба. Что касается максимальных размеров однокамерных сооружений, то они приближаются к средним размерам двухкамерных построек*.

30 Размеры двухкамерных сооружений колеблются от 24,57 до 37,50 м**.

Хозяйственные сооружения по своим размерам подразделяются на две группы. К первой относятся срубы, площадь которых не превышает 11 м². Во вторую группу входят срубы площадью от 14 до 18,5 м². Среди хозяйственных построек выделяется еще одна группа небольших сооружений (приблизительно 2 × 2 м), которые имели не срубную, а каркасно-столбовую конструкцию стен. Назначение этих построек осталось не выясненным. Возможно, они служили небольшими чуланами.

Таким образом, на протяжении X—XI вв. существует по плановой схеме два типа сооружений: однокамерные и двухкамерные «пятистенки». Если среди однокамерных жилищ выделяются меньшие (до 20 м²) и большие (30 м²), то размеры «пятистенок» более стабильны. Интересно, что размеры небольших однокамерных жилищ совпадают с размерами определенной группы хозяйственных сооружений, а размеры больших однокамерных жилищ отвечают средним размерам «пятистенок». Вероятно также, что однокамерные жилища площадью до 20 м² — это необходимый минимум, и меньше по площади жилища, наверное, являлись исключением, а не правилом. Вполне допустимо и существование определенных «стандартных» размеров различных по назначению сооружений. К сожалению, еще совсем недостаточно материалов, чтобы хоть как-то проследить возможные изменения в размерах подольских построек на протяжении более длительного времени. Но раскопки на Житном торге как будто показывают, что по крайней мере в течении 1—1,5 веков существенных изменений в размерах жилищ не произошло.

При выяснении вопроса о внутренней планировке построек, ввиду недостаточности данных, остановимся только на жилых сооружениях.

Однокамерные жилища составляют половину из учтенных (12) построек. По мнению исследователей древнерусского жилища, «различия в их внутренней устройстве отражаются прежде всего во взаимном расположении печки и входа»⁶⁷, что было связано с тем или иным расположением других деталей интерьера. В подольских однокамерных жилищах печи располагались в одном из углов постройки. Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением месторасположения входа. Ни в одном случае место входа в однокамерные жилые постройки не было зафиксировано. Все же иногда по косвенным данным (направление досок пола, общая

* Наибольшая площадь жилого однокамерного сруба (№ 1, ул. Героев Триполья) составляла 63 м². (Гуцало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 68).

** Исключением является жилой сруб, исследованный на Красной пл. — 56,9 м². (Гуцало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 59—60).

⁶⁷ Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 62; Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 137 и дальше.

Рис. 29. Юго-западный угол сруба 2,
Подол, Красная пл.

планировка усадьбы), с большей или меньшей долей вероятности можно установить расположение входа в ту или иную постройку. Эти наблюдения показывают, что печи размещались в одном из ближних от входа углов (такое же взаиморасположение входа и печи наблюдалось в планировке жилых пятистенков).

Планировка всех исследованных пятистенков достаточно стабильная. Сруб делился внутренней стенкой на две камеры: большую — квадратную в плане — и меньшую — прямоугольную. Что касается деталей внутреннего устройства, то и здесь вопрос сводится к выяснению месторасположения печи относительно входа в большее помещение. Во всех пятистенках печь всегда располагалась в правом, ближнем от входа,

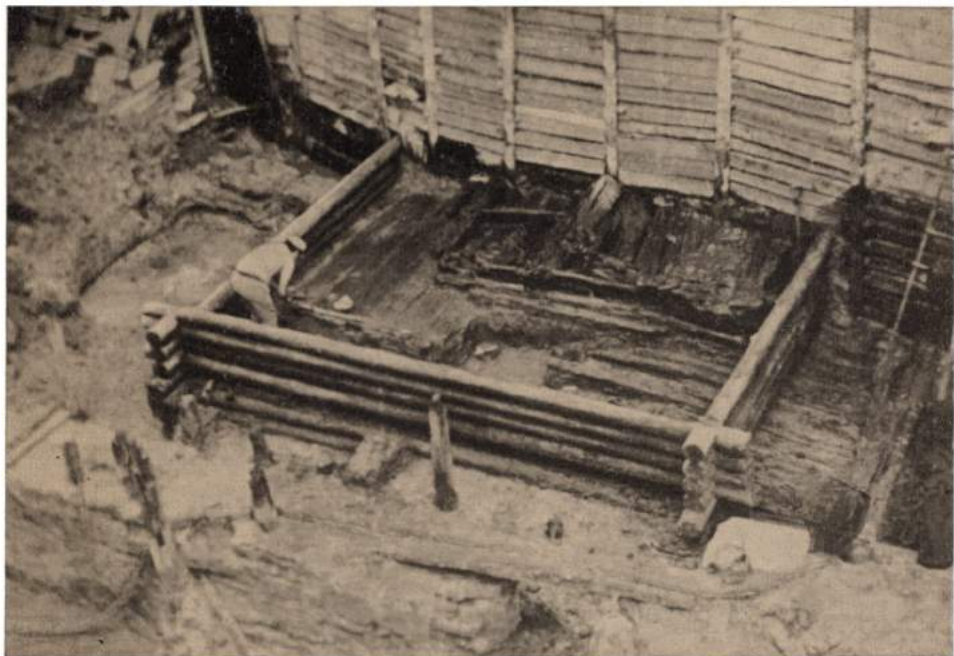

Рис. 30. Сруб 4, Подол, Красная пл.

углу (другие компоненты интерьера, вероятно, находились в определенной взаимосвязи с расположением именно печи).

Степень сохранности печей в подольских жилых постройках различна, но все же в большинстве случаев довольно отчетливо устанавливаются их размеры и устройство. Все обнаруженные печи — глинобитные, круглой или овальной формы. Отсутствие в них верхних несохранившихся частей придавало печам характерную подковообразную форму). Внутренний диаметр пода колеблется от 0,6 до 0,9 м. Он «подбивался» стенками и венчиками глиняной посуды и подмазывался глиной. Обычно под был несколько приподнят над уровнем пола жилища при помощи специальных подсыпок из песка, глины, а в одном случае — из кусков тонкой плинфы. Толщина стенок печей — от 20 до 30 см. В некоторых печах установлено применение каркаса из прутьев. Обычно ширина устья — 30 см. Устьем печи всегда развернуты ко входу в помещение. Кверху печи устье несколько сужается. Необходимо отметить, что ни разу не были найдены следы предпечных ям.

На конструкции двух печей остановимся более подробно. Одна из них (в двухкамерном срубе по ул. Нижний Вал) отличалась тем, что располагалась не в углу постройки, как обычно, а в центре⁶⁸. Отличалась эта печь и своей планировкой. Она прямоугольная, размерами $2,1 \times 0,78$ м. По углам пола прослежены остатки деревянных колышков, диаметром 10 см. Возможно, что она представляет собой тип печей на

столбах, известных по раскопкам древнего Новгорода⁶⁹ (хотя плохая сохранность этой печи не позволяет настаивать на таком предположении). Вторая печь (однокамерный сруб по улицам Героев Триполья — Хоревая) интересна тем, что при ее расчистке были найдены куски глиняной жаровни с вертикальными бортиками, высотой 4 см⁷⁰. Это один из немногих случаев находок верхних частей печей из жилищ (обычная сохранность 0,35—0,4 м, то есть около половины их действительной высоты).

Вероятно, жаровни были достаточно распространенным конструктивным элементом в подольских жилых постройках*.

Необходимо отметить, что вопрос об устройстве верхних частей печи пока не решен, хотя значение его для правильной реконструкции древнерусского жилища очень важно. Достаточно распространенным является мнение о том, что большинство рядовых жилищ топилось по-черному⁷¹. Исследователи предполагают наличие дымоходов в наиболее богатых жилищах (хоромах) древнего Новгорода и связывают появление последних (XIII в.) с применением нового вида топки — по-белому⁷². Хотя материалы наших раскопок и не дают принципиально новых данных по затронутому вопросу, мы все же позволим себе высказать предположение, что обычай топить избу по-белому мог получить распространение в Киеве на Подоле и в более раннее время.

Как отмечалось, нижние части подольских построек сохранились достаточно хорошо, что дает возможность сравнительно полно осветить устройство таких важных конструктивных элементов, как фундаменты и полы.

Назначение фундаментов сооружений Подола — не только воспринимать нагрузку стен и передавать ее грунту, но и предотвращать от гниения нижние венцы срубов, а также предохранять нижние части сооружений от поверхностной воды. Последнее объясняется приречным расположением района, который находился под постоянной угрозой наводнения.

Из 54 исследованных построек, 26, то есть 48,2%, имели фундаменты. Большинство из них относятся к жилым сооружениям. В хозяйственных постройках фундаменты использовались гораздо реже.

Фундаменты подольских построек достаточно разнообразны, но можно выделить два основных типа. К первому относится фундамент в виде деревянных подкладок (обрубок колод), уложенных под углы и стены постройки (в 15 сооружениях).

Количество подкладок под стенами зависело не только от их длины, но, вероятно, и от общей высоты построек. В некоторых домах фунда-

⁶⁹ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження Київського Подолу (1974—1975 рр.).— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 39.

⁶⁹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 123, с. 29.

⁷⁰ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 67.

* В 1977 г. во время наблюдений за земляными работами по ул. Ярославской была найдена почти целая глиняная жаровня, размером 80 × 60 см. Отдельные куски жаровни встречались неоднократно при раскопках на других участках Подола.

⁷¹ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 156.

⁷² Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 227.

ментные подкладки отличались тщательностью обработки и были изготовлены специально, как правило, из одного бревна. Один конец такой подкладки обрубывался ровно, противоположный — на конус. Иногда на конус обрубывали оба конца подкладок. Такая форма подкладок, вероятно, определялась техникой их изготовления. Размеры подкладок разнообразны, от 20—60 см в диаметре до 30—80 см (а иногда и больше) в длину. Подкладки под стенами укладывались или параллельно их направлению, или перпендикулярно. В срубе 2 на Красной пл. и 8 на Житном рынке кроме горизонтальных использовались и вертикальные подкладки, так называемые «стулья». Для них делалось специальное углубление в грунте. Вертикальные подкладки имели в свою очередь дополнительные укрепления.

В верхней части как горизонтальных, так и вертикальных подкладок делались специальные пазы для лучшего прилегания нижних венцов построек. Иногда фундаментом служили толстые колоды («подвалины»), уложенные под нижние венцы во всю длину стен⁷³. Вероятно, такие подкладки использовались в тех случаях, когда строители наперед предусматривали просадку постройки в определенном месте. Применялись также фундаментные подкладки, которые укладывались под угол сооружения в несколько рядов, друг на друга⁷⁴. Нередко несколько из перечисленных способов устройства фундаментов (например, подкладки и «подвалины») встречались в одной постройке. В срубе 3 на Житном рынке вместо деревянной подкладки под один из углов жилища был положен камень⁷⁵.

Ко второму типу фундаментов относятся так называемые «фундаментные» площадки. Они представляют собой земляные платформы, огражденные по периметру обноской из бревен или досок. В срубе 1 на Житном рынке роль обноска играла невысокая плетеная изгородь⁷⁶. Размеры «фундаментных» площадок несколько превышали размеры основания дома. Эти земляные платформы возвышались над уровнем дневной поверхности на 20—30 см. Срубы ставились или непосредственно на этой земляной подсышке, или на дополнительных деревянных подкладках, то есть объединялись оба типа фундаментов. При помощи такой подсышки выравнивалась также площадка, отведенная под строительство.

Таким образом, основное назначение земляных площадок под подольскими сооружениями — предохранять от гниения нижние венцы сооружений, а также несколько приподнять жилую часть постройки над уровнем земли*.

Бревна обноска не врубывались по углам, то есть не составляли венца, как это наблюдалось в Новгороде, а укреплялись с внешней

⁷³ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 50.

⁷⁴ Там же, с. 56.

⁷⁵ Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Вказ. праця, с. 24.

⁷⁶ Там же, рис. 3.

* Недавно Ю. П. Спегальский предложил новое определение назначения этих площадок. Он называет их «цокольными» и конструктивно связывает с «галереями», которые как будто бы имели большинство новгородских жилищ (Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 162).

Рис. 31. Фундаментальные подкладки сруба 2, Подол, Красная пл.

стороны кольщиками. Ни разу не было прослежено также соединение бревен обноски при помощи пазов с бревнами самого сруба.

Более сложную конструкцию имели дощатые обноски. Они также с внешней стороны укреплялись кольщиками. В каждой доске была сделана масса сквозных отверстий. Назначение их вполне определенное — предотвращать собиранье влаги под постройками. В большинстве случаев земляные платформы были найдены под срубами, которые имели четко выраженный жилой характер.

В ряде случаев роль фундаментов выполняли остатки стен более ранних сооружений. Верхний новый сруб был меньших размеров или равнялся нижнему, но никогда не был ббльшим. При использовании в качестве фундамента стен более древних построек новые стены, вернее их нижние венцы, или прямо укладывались на них, или врубывались при помощи пазов.

32

33

99

Наличие пола было зафиксировано в 24 из 54 построек. Чаще всего встречались полы, сделанные из колотых досок (в 19 постройках, причем 10 из них относились к жилым). Обычная ширина досок — 20—40 см, толщина — 4—5 см. Как правило, они плотно подогнаны друг к другу. Доски пола укладывались на лаги-переводины, иногда — на специальную земляную подсыпку. В последнем случае доски крепились при помощи деревянных колышков.

Лаги-переводины делались из круглых бревен или прямоугольных в разрезе брусев. Лаги врубывались между 2 и 3, 1 и 2 венцами стен или лежали прямо на земле, перпендикулярно направлению досок пола. В одном срубе (на Житном рынке) в центральной лаге был сделан продольный паз, куда закладывались края досок пола⁷⁷. Когда лаг не было, доски пола лежали на специальных земляных подсыпках, а их края пропускались между 1—2, 2—3 венцами стен или же укладывались в продольные пазы в нижних венцах срубов⁷⁸.

Глиняные полы были встречены в трех постройках. Глина несколько прокаленная. Назначение этих построек определяется не совсем точно, то есть связывать глинобитный пол с определенным (хозяйственным?) характером этих сооружений было бы преждевременным.

Неосомненно, что полы должны были существовать в каждой жилой постройке, но следы их по той или иной причине (пожары, намеренная разборка и т. п.) не сохранялись. К этому необходимо добавить, что нередко подольские жилища ставились на высоких (5—8 венцов) подклетках, и жилые этажи, в которых, несомненно, имелись полы, просто до нас не дошли.

Таким образом, наибольшее распространение в подольских сооружениях как жилого, так и хозяйственного назначения получили деревянные полы из колотых досок. И это вполне понятно: именно деревянные полы более всего отвечали требованиям теплоизоляции построек. А в специфических условиях Подола (повышенная влажность грунта) значение этого фактора для его жителей было несомненно.

Характер и устройство входов в подольские постройки отражают общую тенденцию как можно выше поднять жилые сооружения над уровнем земли. Именно поэтому так немногочисленны находки входов в жилища. Местоположение входа помогает установить расположение постройки в системе застройки конкретной усадьбы, направление дворовых вымостов, наконец, планировку самого сооружения.

В некоторых случаях (срубы 13, 14, 7 на Житном рынке) со стороны входа были обнаружены горизонтально лежащие обрубки бревен с продольным пазом⁷⁹. На половину диаметра эти бревна вкопаны в землю и с внешней стороны укреплены двумя вертикальными колышками. Вероятно, эти обрубки являлись своеобразным основанием, в которое упирались нижние концы лестницы (именно для этого служил упомянутый продольный паз). Лестница была совершенно необходимым архитектурным элементом подольских жилых построек. Однако встречены

⁷⁷ Голочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Вказ. праця, с. 31, рис. 5.

⁷⁸ Там же, с. 41.

⁷⁹ Там же, с. 6, 26, 29.

⁸⁰ Там же, с. 26.

Рис. 32. Фрагмент забора и обводки сруба 2, Подол, Житный рынок.

ее остатки всего в одном срубе (3) на Житном рынке⁸⁰. Основой лестницы служила одна цельная широкая доска, разделенная поперечными брусками на четыре пролета-марша. Длина каждого марша — 32—34 см. Поперечные брусочки-ступени, закругленные в верхней части, имели на концах специальные пазы, при помощи которых они крепились к боковым брускам лестницы. Внешний продольный брус (шириной 19 и толщиной 5 см) также имел пазы, куда вставлялись нижние концы стоек перил. Верхний, не сохранившийся, край лестницы должен был упираться в два из четырех опорных столбов крыльца. Один столб был вбит с внешней стороны торца поперечной стены сруба, другой — на расстоянии 1 м от первого к западу. Следующая пара столбов располагалась по оси северо-западной стены сруба. Опорные столбы крыльца

Рис. 33. Северо-восточный угол срубов 4 и 4А, Подол, Красная пл.

были укреплены специальными горбылями. Таким образом, сначала по лестнице подымались на высокое крыльцо, пристроенное к торцу сени, а потом уже через них попадали в теплое помещение. Вероятно, четыре опорных столба поддерживали помост из досок перед входом в узкое отделение сруба.

Несколько раз были зафиксированы дверные проемы, но во всех случаях — в хозяйственных постройках. Ширина дверного проема в срубе 6 на Красной площади составляла 0,78 м⁸¹. Ширина входа в хозяйственную постройку 7 на Житном рынке равнялась 0,75 м. С внешней стороны входа был сделан дополнительный запор-завдвижка, состоящий из горизонтального бруса, пронуженного в прямоугольное отверстие вертикально стоящих столбов⁸². Около 0,8 м была ширина дверного проема в срубе 11 и постройке 12а на Житном рынке⁸³. Несколько уже (0,65 м) ширина входа сруба 4, исследованного по ул. Жданова, 6⁸⁴. Вход в эту постройку находился довольно высоко, на уровне пятого венца. Думается, что в жилых сооружениях вход располагался еще выше.

102 Кроме крылец и лестниц к наружным дополнительным частям подольских жилищ относятся галереи. Вероятно, этот конструктивный эле-

мент не являлся обязательным, так как случаи обнаружения галерей в подольских жилищах единичны*.

Остатки одной из таких галерей были обнаружены на раскопе III (улицы Героев Триполя — Хоревая)⁸⁵. Галерея проходила с юго-западной стороны сруба 4 на расстоянии 1,10 м от фундаментных подкладок. Максимальная ширина галерей новгородских построек (у входа) — около 2 м, обычная же ширина — 50—60 см⁸⁶. Галерея представляла собой нижнюю часть дощатой стены следующей конструкции. На определенном расстоянии друг от друга были закопаны в землю толстые (20 см в диаметре) деревянные столбы. В каждом из них с двух сторон были вертикальные пазы. В нижнюю часть паза была пропущена балка (диаметр — 8 см) с полукруглой выемкой в верхней части по всей длине. Сверху балки конструкция забиралась колотыми досками, нижний край которых лежал в желобообразной балке, а торцы пропускались в упомянутые пазы столбов стоек. В верхней части досок стены были сделаны отверстия.

Некоторые исследователи связывают галереи с фундаментными (цокольными) площадками, считая, что последние, вернее ограждающие их венцы, являлись нижними частями этих галерей, которые не имели самостоятельного хозяйственного или бытового назначения, а служили только для соединения жилища с наиболее часто посещаемыми местами жилого комплекса⁸⁷.

Следы галерей несколько иной конструкции были зафиксированы нами при раскопках на Красной площади (срубы 4 и 4А)⁸⁸. С северо-восточной и северо-западной сторон обоих срубов были расчищены остатки деревянных свай, которые, вероятно, являлись опорами для галерей-«балкона», идущей на уровне второго (жилого) этажа богатого купеческого дома. На использование этих столбов в качестве опор указывает и отсутствие пазов для досок щитковой стены, галереи первого этажа, если бы она имела здесь место. По наружной лестнице через эту галерею шел ход в жилое помещение. Большинство галерей верхнего сруба богатых новгородских построек Ю. П. Спегальский реконструирует как висячие, выдвинутые вперед на консолях⁸⁹. Не исключено, что в данном случае строители могли применить оба конструктивных приема.

Рассмотренные конструктивные элементы относятся к нижним частям деревянных сооружений Подола. Что касается оконных проемов, крыш и др., то данные об этих элементах весьма малочисленны.

Ж и л и щ а XII—XIII вв. В настоящее время имеются сведения

⁸¹ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 63.

⁸² Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Вказ. праця, с. 31—32.

⁸³ Там же, с. 37.

⁸⁴ Гупало К. М., Іваніч Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 41.

* Б. А. Колчин отмечает наличие галерей в некоторых новгородских жилых постройках. (Колчин Б. А. Дендрохронология построек Неревского раскопа.— МИА, 19.., № 123, с. 174).

⁸⁵ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 70.

⁸⁶ Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 162.

⁸⁷ Там же, с. 169.

⁸⁸ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 59.

⁸⁹ Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 194—195.

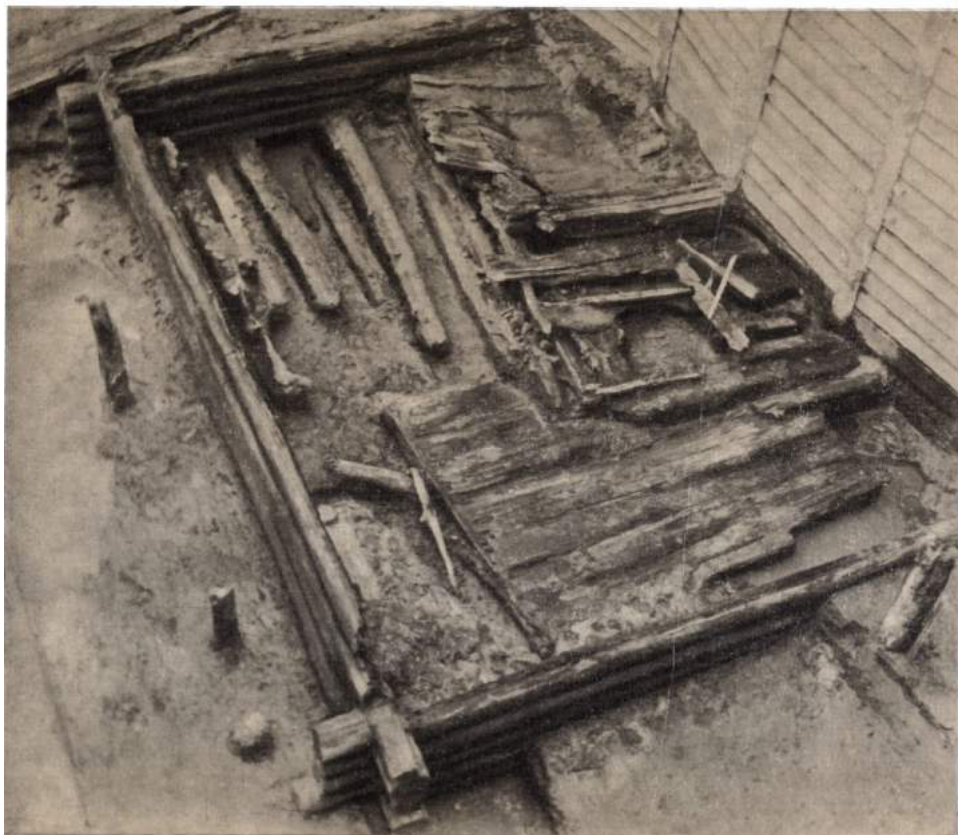

Рис. 34. Столбы галерей у сруба 4, Подол, Красная пл.

о свыше 80 постройках XII—XIII вв. Большинство из них раскопано в Верхнем городе (в пределах так называемого Города Владимира). Лучшее всего конструкция прослеживается в жилищах, погибших в пожаре 1240 г. Изучение материалов раскопок показывает, что в Киеве и в XII—XV вв. продолжают сосуществовать два конструктивных типа жилищ: срубные и столбовые*.

Из 30 построек Верхнего города, размеры которых могут быть установлены, шесть сооружений имело срубную конструкцию стен, 13 — столбовую. Конструкция остальных построек устанавливается предположительно.

35 Остатки построек столбовой конструкции представляли собой вырытые в материке прямоугольные углубления. Сохранившаяся высота земляных стен колеблется от 0,1—0,4 до 0,6—0,8 м. Ямы от столбов обнаружены в углах построек, а иногда — и по середине земляных стен и углублений. Диаметр ям — 0,2—0,35 м. В некоторых случаях (жилище,

раскопанное в 1973 г., ул. Чкалова)⁹⁰ было установлено, что столбы не закапывались, а забивались в землю. Если в столбовой постройке печь вписывалась в план углубления и отстояла на некотором расстоянии от земляных стен, то конструкция деревянной обшивки не вызывает сомнений — доски запазовывались в угловые столбы. Пространство между обшивкой и земляной стеной углубления забивалось глиной или землей. Наиболее характерным примером может служить жилище № 1 (1946), раскопанное по ул. Большая Житомирская, 4⁹¹. Однако у некоторых столбовых построек (жилища № 5, 6, 1955, ул. Владимирская, 7—9⁹²; жилище, раскопанное в 1973 г., ул. Чкалова, 10⁹³) печь тыльной стороны выходила за контуры материкового углубления. Это, вероятно, влекло за собой применение каких-то особых приемов устройства стен таких сооружений. Не совсем обычно расположение столбовых ям в жилище № 11 (1946), исследованном по ул. Большая Житомирская, 4⁹⁴. Их всего две. Одна из них, с остатками столба, зафиксирована в южном углу, вторая — в центре жилища, вплотную к стенке печи. М. К. Каргер склонялся к мысли, что этот столб являлся частью конструкции перекрытия жилища. В четырех постройках (жилище № 1, 1940 г.; жилища 1949 г.; жилища XIII, 1955 г.) печей не было. Если первая и четвертая постройки могут быть признаны хозяйственными, то с постройкой 1949 г. вопрос обстоит сложнее. Это сооружение состоит из примыкающих вплотную двух помещений. По мнению автора раскопок, помещения, возникшие не одновременно, «к моменту катастрофы существовали как части единой постройки и в одно и то же время были разрушены пожаром»⁹⁵. М. К. Каргер предполагает наличие печи в одном (южном) помещении, где были обнаружены куски обожженной глиняной обмазки и завал брусковых кирпичей.

Со своей стороны считаем, что печи не было и в этой постройке. Оба помещения являлись подвалами (большими подпольными ямами) собственно жилища. На это указывает необычная глубина подземных частей построек — 1,36 и 1,10 м, на что обратил внимание и автор раскопок⁹⁶. Печь располагалась в жилом «этаже», откуда ее остатки попали в нижнее помещение после «катастрофы». Вероятно, таким же подвалом было жилище, раскопанное в 1948 г. в усадьбе ГИМ УССР⁹⁷. К сожалению, в публикации не указана глубина подземной части постройки. От печи, так же как и в предыдущем случае, сохранился завал обожженной глины. Ямы от столбов довольно далеко (на 0,3—0,4 м) отстоят от земляных стен котлована. То есть столбы могли и не иметь отношения к деревянной облицовке стен углубленной части (сруб?), а быть конструктивно связанными с верхним помещением.

* По такому же принципу рассматривались жилища X—XI вв.

⁹⁰ Боровський Я. Є. Археологічні дослідження в «городі» Ярослав. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 106.

⁹¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 328—334, рис. 74, I.

⁹² Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р., с. 123, рис. 1.

⁹³ Боровський Я. Є. Вказ. праця, с. 104—106, рис. 9.

⁹⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 337.

⁹⁵ Там же, с. 324.

⁹⁶ Там же, с. 322.

⁹⁷ Там же, с. 344—345, рис. 79.

За исключением одного жилища (1949 г., территория бывшего Михайловского Златоверхого монастыря), все столбовые постройки однокамерные*. Большинство сооружений имело площадь от 10,5 до 14,5 м² (минимальная — 9,24 м², максимальная — 18,92 м²). Как само местоположение входа, так и его конструкция фиксировались крайне редко. В постройке (1940 г., территория Михайловского Златоверхого монастыря)⁹⁸ вход фиксировался двумя столбами, отстоящими друг от друга на 0,7 м. На 10 см шире был вход в постройку № 5 (1955 г., ул. Владимирская, 6—9)⁹⁹. Вход в одно из помещений двухкамерной постройки (1949 г., территория Михайловского Златоверхого монастыря)¹⁰⁰ представлял собой вырубленные в материковом лесе ступени. Невозможность в большинстве случаев определить местоположение входа не позволяет установить взаимное расположение входа и печи. В двух случаях (жилище II, 1946 г.¹⁰¹ и жилище V, 1955 г.¹⁰²) печь располагалась у задней (от входа) стены постройки**.

Кроме столбовых, нами учтено 11 построек***, конструкция стен которых устанавливается предположительно. Эти сооружения отличались от столбовых только отсутствием угловых ям. В материк постройки без столбовых ям углублены в среднем на 0,5—0,6 м (от 0,1 — до 0,8 м). Средняя площадь построек без столбовых ям — 12 м² (от 7,1 до 18 м²). В семи постройках были обнаружены печи, причем в некоторых случаях (жилище 1, 1938 г.)¹⁰³ печь значительно выступала за контуры жилищ, что, вероятно, исключало применение здесь срубной конструкции. Так же, как и для построек более раннего времени, можно предполагать в этих жилищах применение столбовой конструкции, но со столбами, укрепленными на нижней обвязке.

Как отмечалось, число срубных построек XII—XIII вв., обнаруженных в Верхнем городе, невелико. Поэтому для более полного представления об этом типе жилища нами рассматриваются материалы не только новейших исследований, но и предыдущих лет, с их подробным описанием. Лишь в свете новых открытий стало возможным не только уточнить конструктивные особенности и планировку некоторых сооружений, но и поставить вопрос об удельном весе жилищ срубной конструкции в застройке Верхнего города.

Интереснейший жилой комплекс был открыт в 1940 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. По мнению исследова-

* Общим проходом были соединены две постройки из раскопок 1933 г. на Замковой горе. (Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 294).

⁹⁸ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 317.

⁹⁹ Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р., с. 128.

¹⁰⁰ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 324.

¹⁰¹ Там же, с. 338—339.

¹⁰² Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р., с. 128.

** Общую характеристику жилищ XII—XIII вв. см. также: Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 350—354.

*** Одно из них раскопано на горе Детинке (1930), четыре — в усадьбе ГИМ УССР (1936—1937), пять — на территории Михайловского Златоверхого монастыря (1938) и одно по ул. Владимирской, 2 — усадьба бывшей Трехсвятительской церкви.

¹⁰³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 300—301, рис. 59.

¹⁰⁴ Там же, с. 316—320, рис. 60.

Рис. 35. Жилище XII—XIII вв., Верхний город, ул. Десятинная, 2.

телей, здесь раскопаны «два смежных, вплотную один к другому прилегающих помещения, ориентированные по странам света»¹⁰⁴. Большее из них представляло собой сруб, размерами $7,5 \times 7$ м, разделенный продольной стеной на два равновеликих помещения. Основу этой стены составляли деревянные столбы, диаметром 0,25—0,30 м. Стены жилища рублены из бревен «в обло». Вдоль стен, по крайней мере северной, стояли деревянные столбы. Нижняя часть сруба (на 2—3 венца — 0,55 м) углублена в материковый лесс. В одном из помещений, ближе к стене перегородки стояла внушительных размеров глинобитная на деревянном каркасе из толстых кольев печь. Под печи располагался на 0,18 м ниже уровня пола. Предпечной ямы нет. Полom жилища служил плотный материковый лесс.

С западной стороны к жилищу вплотную примыкала хозяйственная постройка столбовой конструкции. Ямы от столбов прослежены во всех четырех углах и посредине каждой стены. Северо-западный угол постройки был выгорожен легкой перегородкой (кладовой?). Вход в постройку (шириной 0,7 м) фиксировался ямками от столбов посредине северной стены. Небольшие ямки от столбов обнаружены вдоль восточной стены (ножки от лавки?). Почти посредине постройки находилась каменная с кирпичами вымостка с обожженным лессом вокруг, возле

которой в специальной ямке стоял глиняный горшок. Уровень пола в обеих постройках почти одинаков.

Данный жилищно-хозяйственный комплекс, учитывая его месторасположение (усадебный монастырь) и состав находок (свинцовая печать, бронзовый крестик), мог каким-то образом быть связан с монастырским хозяйством. Датируется комплекс XI — началом XII в.¹⁰⁵

Две срубные постройки были раскопаны в 1948 г. на Замковой горе. Размеры одной из них $3,5 \times 3,65$ м ($12,8$ м²). Нижняя часть сооружения была углублена в материк на 0,4—0,6 м. Стены постройки рублены в «обло» из сосновых бревен, диаметром 0,2 м. Значительное количество глиняной обмазки (печины), обнаруженной в ходе раскопки постройки, указывает, по мнению автора раскопок, на то, что стены были обмазаны глиной. Сооружение сгорело в пожаре 1240 г.¹⁰⁶ Инвентарь, обнаруженный в этой постройке (прежде всего литейная форма), на наш взгляд, свидетельствует о хозяйственном (производственном) назначении ее.

Вторая постройка, несколько худшей сохранности, аналогична предыдущей. Ее размеры $3,35 \times 3,65$ м ($12,2$ м²). Постройка углублена в лесовый материк на 0,3—0,65 м. Стены срубные, сложены «в обло». Печи также не было.¹⁰⁷

Две срубные постройки были раскопаны в 1967 г. в Верхнем городе (рис. 8). Первая из них представляла собой однокамерное сооружение ($24,8$ м²), углубленное в материк на 1,8 м. Судя по отпечаткам в материковом лессе торцевых выступов, стены сложены из бревен (диаметр более 0,2 м). Вдоль южной стены находилась глинобитная «лежанка» шириной 0,6 м, рядом с ней — небольшие круглые ямки, вероятно от ножек стола. Исследователи предполагают наличие деревянного пола. Сгоревшие стены сооружения несут следы глиняной обмазки и, очевидно, побелки. Среди находок обращает внимание скопление деревянной посуды, деревянный боченок, наполненный днепровским янтарем. В публикации высказано предположение, что исследованное жилище принадлежало одному из представителей древнекиевского купечества и погибло во время монголо-татарского разгрома Киева.¹⁰⁸

Второе жилище несколько больших размеров (26 м²) было углублено в землю на 1,3 м. С северо-восточной стороны основной камеры примыкала небольшая пристройка ($1,5 \times 2$ м). В юго-западной части жилища находилась большая хозяйственная яма. Ближе к юго-восточному углу расчищены остатки печи, имеющие форму вытянутого овала, длиной 1 м и шириной 0,5 м. Вокруг печи сохранились ямки от столбов, которые вместе с развалом (длиной 1,5 м) обожженных сырцовых кирпичей, по мнению исследователей, свидетельствуют о наличии дымохода.¹⁰⁹

¹⁰⁵ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 319.

¹⁰⁶ Бозусевич В. А. Раскопки на гори Киселівці, с. 68—69.

¹⁰⁷ Там же, с. 69.

¹⁰⁸ Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д. Указ. соч., с. 191.

¹⁰⁹ Там же, с. 193.

¹¹⁰ Боровський Я. Є. Вказ. праця, с. 89—90.

¹¹¹ Сагайдак М. А., Боровський Я. Є. Раскопки в «городе» Ярослава.— АО 1978 г. М., 1979, с. 400.

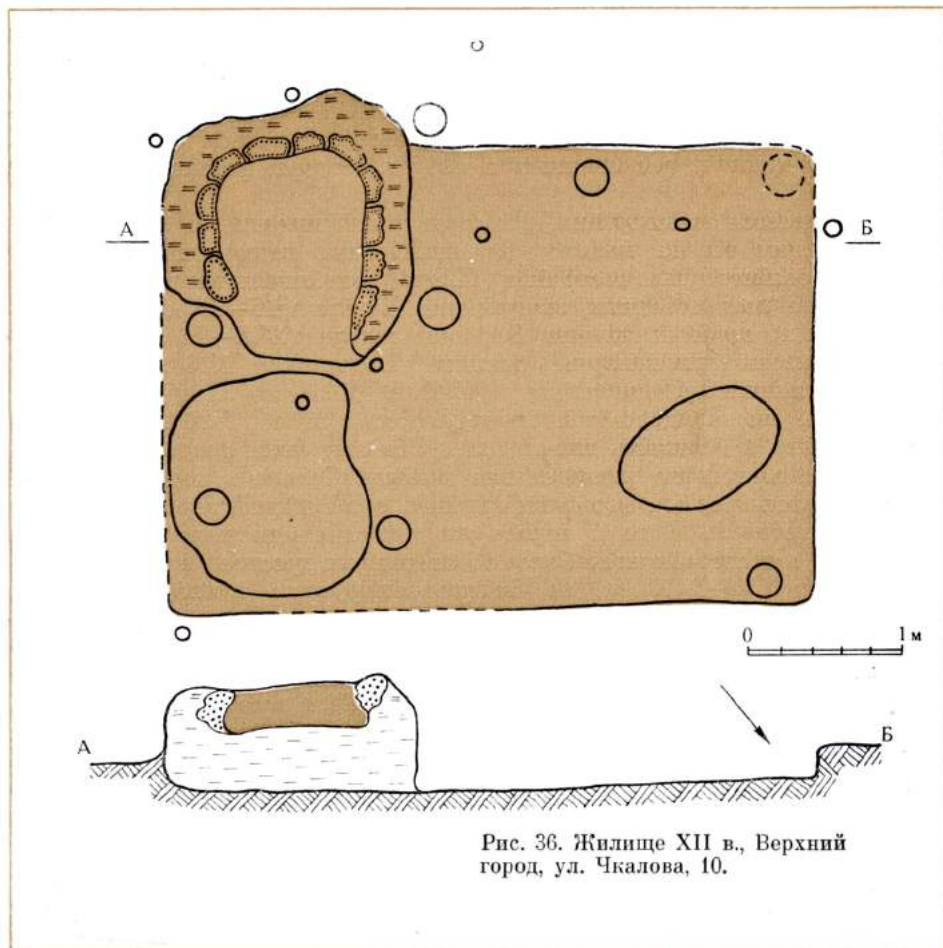

Рис. 36. Жилище XII в., Верхний город, ул. Чкалова, 10.

В 1973 г. по ул. Рейтарской, 33 была открыта постройка, стеклоделательная мастерская (?), стены которой, по мнению автора раскопок, могли иметь срубную конструкцию (сохранившаяся высота материковых стен углубления 0,8—1 м)¹¹⁰. Об этом, в частности, свидетельствует идущий по внутреннему периметру углубленной части ровик, оставшийся от нижнего венца. Кроме этого, вдоль одной из стен удалось проследить остатки вертикальных столбов.

В 1974 г. во время наблюдений за земляными работами на углу улиц Калинина (бывшей Советской) и Героев Революции было зафиксировано четыре венца срубной постройки XII—XIII вв.

В 1978 г. по ул. Рейтарской, 36 была исследована часть городского квартала, застроенного срубными и столбовыми сооружениями. Срубную конструкцию имели жилые постройки с глинобитными печами. Основная жилищ были впущены в материк на 0,3—0,4 м¹¹¹.

Рассмотренные нами срубные постройки XII—XIII вв. Верхнего города имеют одну общую черту — нижние их части углублены в материк, в одних случаях — на 0,4—0,55 м (1940—1948), то есть всего на 2—3 нижних венца, в других — на 1,3—1,8 м (1967). Сооружения с незначительным углублением вполне могут рассматриваться как наземные. Углубления жилищ, раскопанных в 1967 г., авторы рассматривают как подклети¹¹².

Что касается конструкции, размеров и планировки, то срубные жилища Верхнего города практически аналогичны подольским. По своим размерам хозяйственные постройки (12,8 м²) приближаются к выделенной нами группе хозяйственных сооружений Подола (14—18 м²). Площадь однокамерных срубных жилищ Верхнего города (24,8—26 м²) соответствует размерам однокамерных жилищ Подола (от 16,8 до 30,8 м²). Размеры жилища, раскопанного в 1940 г. (52,5 м²) приближаются к наибольшему по площади жилищам Подола (63 м²). Объединяет эти две постройки и общность планировки. Обе они были разделены стеной на две приблизительно равновеликие камеры. Только в подольском жилище продольная стена, вероятно, срубная, а в Верхнем городе ее основу составляли столбы. И то и другое жилище принадлежало не рядовым киевлянам, а представителям более обеспеченных прослоек населения.

Жилищ XII—XIII вв. на Подоле обнаружено немного*. Тем не менее полученные данные все же позволяют проследить характер застройки посада в это время**. Как и в предыдущий период, наземный срубный дом является единственным типом жилища Подола. Стены рублены из сосновых бревен «в обло». Постройки возводились на месте. На бревнах одного из хозяйственных срубов удалось зафиксировать строительные метки. Жилища и хозяйственные постройки сохранили ту же ориентацию, что и сооружения предыдущего периода¹²⁴. Жилища ставились или прямо на землю или же на специальные фундаментные подкладки. Размеры однокамерных сооружений — около 20 м²¹¹⁴.

Среди жилищ XII—XIII вв. выделяется большой наземный трехкамерный дом «токаря»¹¹⁵. Он состоял из трех помещений, общей площадью около 54 м². Уровень пола одинаков во всех трех камерах. В юго-восточном углу центрального помещения на земляной приступке стояла глинобитная печь. Исследователем отмечены некоторые особенности обнаруженного жилища, пока ни разу не повторившиеся при раскопках Подола. Это прежде всего обмазка глиной и побелка одного из помещений (центрального с печью) сооружения. Во-вторых, находка остатков дымохода¹¹⁶.

Таким образом, срубная застройка была характерной для Подола на всем протяжении древнерусского этапа его истории.

Одним из сложных является вопрос о размерах киевских жилищ. Распространенное в литературе мнение о сравнительно небольших размерах древнекиевского жилища Верхнего города недавно было поставлено под сомнение. Высказано предположение о том, что реальные размеры жилого дома значительно превышали размеры материковых углублений, фиксируемых археологически. Некоторые жилища могли иметь по два (и больше) таких углублений. Предлагается даже реконструкция этих сооружений, суть которой состоит в том, что срубные

стены наземной части постройки несколько отстоят от края материкового котлована¹¹⁷. При такой реконструкции находят свое объяснение факты существования печей, выступающих за пределы земляных углублений.

Действительно, при сравнении размеров среднего однокамерного жилища Верхнего города — 12 м² — с минимальными размерами подольских жилищ — 16,8 м² — возникает вопрос, чем объяснить такую существенную разницу. Причем даже максимальная площадь этих углублений (18 м²) ненамного превышает указанные размеры небольших жилищ Подола. Наряду с однокамерными, на Подоле довольно обычным явлением были двухкамерные постройки (средняя площадь 30 м²). Зафиксированные археологически двухкамерные постройки в Верхнем городе встречались редко.

Сомнения в том, что размеры углубленной части соответствуют плану всего жилища, возникают и при анализе внутреннего устройства углублений. Характерным примером может служить «жилище художника», раскопанное в 1938 г. Во-первых, само углубление — неправильной четырехугольной формы — 11,8 м². Во-вторых, несоответствие больших размеров печи (вместе с материковым останцем 2 м²). Неясна и конструкция стен наземных частей сооружений (высота сохранившихся земляных стен — 0,8 м)¹¹⁸.

По нашему мнению, открытое раскопками углубление является внутренней частью постройки, наземные стены которой не сохранились.

Вероятно, печь, стоящая в глубине (без деревянной обшивки) служила не только для приготовления пищи и отопления помещения, но и использовалась в качестве горна. В жилище найдено несколько предметов художественного ремесла: медная фигурная пряжка, два медных креста-энколпиона, маленький медный крестик, несколько фрагментов стеклянных браслетов, медная литая лампада, серебряная подвеска от конской сбруи, медная булава. Часть из этих вещей действительно могла быть связана не с удовлетворением личных потребностей владельца жилища, а с его производством.

¹¹² Толочко П. П., Кирилович С. Р., Дяденко В. Д. Указ. соч., с. 131.

* В обезвоженных верхних слоях Подола дерево, как правило, сохраняется значительно хуже, почти так же плохо, как и в Верхнем городе.

** Один жилой дом раскопан В. А. Богусевичем в 1950 г. Несколько жилищ XII—XIII вв. исследовано Киевской археологической экспедицией в 1972—1973 гг. и в 1975 г. (Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 46—48; Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 63—64; Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Вказ. праця, с. 19—22; Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 43—44).

¹¹³ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 46; Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 65.

¹¹⁴ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 41—45.

¹¹⁵ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 46—51. П. А. Раппопорт считает, что жилище все же было углублено в землю не менее чем на 20 см (Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 82, 142). Естественное образование культурного слоя, в результате чего нижние венцы срубов как бы вросли в землю, на Подоле дополнялось интенсивными аллювиальными и делювиальными отложениями.

¹¹⁶ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 49.

¹¹⁷ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 128.

¹¹⁸ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 316.

На этом же участке исследованы углубления, которые, по мнению самого автора раскопок, были тесно связаны между собой (жилища I и II, VI и VII)¹¹⁹. Подобная пара углублений раскрыта в 1955 г. по ул. Владимирской, 7—9¹²⁰. Интересно отметить, что печь, имеющаяся только в одном из углублений, обязательно выступала за его контуры (в жилищах VI и VII печи не было), зато к северной стене жилища VI примыкало продолговатое углубление¹²¹, то есть и эти пары углублений без каких-либо следов деревянных стен в раскопанной части и с выступающими печами должны были входить в состав больших по площади, вероятно двухкамерных сооружений. Общие размеры таких построек были бы 24,40 и 48,50 м². Вероятно, эти цифры несколько занижены (напомним, что общая площадь наземной двухкамерной постройки раскопа 1940 г. равнялась 64,75 м²). К такого же рода углублениям, подвалам наземных жилищ относятся упоминавшиеся две смежные полуземлянки, исследованные в 1949 г. Стены этих подвалов облицованы деревянными досками, запазованными в угловые столбы.

Таким образом, фиксированные археологически углубления далеко не всегда отвечают реальным размерам древнекиевских жилищ.

Возможность существования в Киеве наземных домов с подвальными помещениями в какой-то степени объясняет феномен жилищ, раскопанных В. В. Хвойкой в усадьбе ГИМ УССР. Вероятно, права Г. Ф. Корзухина (а вслед за ней и другие авторы), которая считала, что часть этих жилищ принадлежала знатым лицам. Некоторые хвойкинские жилища с «подвальным этажом» Г. Ф. Корзухина совершенно справедливо определила как производственные сооружения¹²². Стены их наземных частей могли иметь как столбовую, так и срубную конструкции. Причем конструкции стен собственно жилья и подвальных помещений не обязательно должны совпадать.

Сказанное не означает, что все так называемые «полуземлянки» представляли собой подвальные помещения наземных построек. Несомненно, что большая часть из них являлась жилищами с углубленным полом. Вероятно, это было не столько данью традиции, сколько желанием строителей утеплить свои жилища. Часть углубленных построек являлась ремесленными мастерскими.

Киев — далеко не единственный древнерусский город, в котором обнаружены жилища с подвалами (подпольями, подпольными ямами, под-

¹¹⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 353.

¹²⁰ Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р., с. 122, рис. 1 (постройка III и XIV, уч. 3).

¹²¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 305, рис. 61.

¹²² Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 329.

¹²³ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 127—128.

¹²⁴ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11, с. 65—66.

¹²⁵ Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.— В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 118; Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 40—75; Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 105; Дубинин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля.— КСИИМК, 1945, вып. 11, с. 91; Медведева А. Ф. Новые материалы к истории Городца на Волге.— КСИИМК, 1968, вып. 113 с. 33; Седова М. В. Яропольч Залесский. М., 1978.

Рис. 37. Интерьер сруба 4.
Провалившееся перекрытие, Подол,
Красная пл.

клетями). Причем, реальная возможность существования таких построек никем не оспаривается¹²³. В частности, Б. А. Рыбаков высказал предположение, что раскопанная в 1946 г. в Чернигове полуземлянка («землянка») представляла собой «часть какого-то большого наземного строения»¹²⁴ со срубными стенами, опиравшимися на столбы-стулья. Возможно, аналогичную конструкцию имела и часть киевских жилищ. Жилища с большими подпольными ямами (иногда по две в одной постройке) были исследованы во Вщиже, Рязани, Суздале и других городах¹²⁵.

Вопрос об этажности массовых жилищ древнего Киева, ввиду почти полного отсутствия данных, приходится решать предположительно. Большинство их были, вероятно, одно-двухэтажные. Конечно, наличие подклетов придавало постройке (и всей застройке в целом) более высотный характер. Однако в прямом смысле слова эти подклеты не могут рассматриваться как этажи.

Некоторые указания на наличие второго этажа (чердака?) были получены при раскопках жилого сруба на Красной пл.¹²⁶ Здесь при

расчистке досок потолочного (чердачного) перекрытия, обвалившегося на пол нижнего помещения было зафиксировано круглое отверстие. Как говорилось, двухэтажным, по всей вероятности, был «предшественник» этого сруба. На двухэтажность обоих срубов косвенно указывают столбы галерей.

37 «Высотными», вероятно, были некоторые типы хозяйственных (производственных) построек. К таким сооружениям относился сруб (сохранившийся на девять венцов) на Красной площади¹²⁷, при расчистке которого был найден дубовый брус с пазами — тетива (стойка) лестницы для входа на верхний этаж.

2. Планировочная структура городской застройки

38 Основным звеном застройки Киева X—XIII вв. была усадьба. К сожалению, далеко не всегда удается проследить размеры и планировку конкретной усадьбы. Наиболее полные данные о киевской усадьбе дают материалы Подола: Красная пл., усадьба X в., приблизительная площадь 39 650—700 м²; участок между улицами Героев Триполья и Хоревой — 40, 41 X в., приблизительная площадь 500 м²; Житный рынок, три усадьбы X—XI вв., раскопанные на четырех строительных горизонтах — 250—300 м²; улицы Верхний и Нижний Вал — X—XI вв. — около 250 м². Границы подольских усадеб, которые определялись, вероятно, в большинстве случаев в момент первоначальной застройки участка* (квартала, района), были стабильны, то есть оставались практически неизменными на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени. Последнее обстоятельство, возможно, было вызвано ограниченностью территории, пригодной под застройку, а также определенной регламентацией застройки со стороны органов управления города.

Планировка каждой конкретной усадьбы отличалась своеобразием, но соблюдались некоторые общие закономерности. Как жилые, так и хозяйственные сооружения ставились по периметру усадьбы, средняя часть оставалась незастроенной. Жилые постройки, как правило, сооружались на некотором расстоянии от хозяйственных. При восстановлении застройки после стихийных бедствий (пожаров, наводнений) новые жилые постройки иногда возводились на месте хозяйственных и наоборот¹²⁸. 42 Основным элементом благоустройства усадьбы являлись дворовые вымостки — тротуары, ведущие, как правило, к жилым сооружениям¹²⁹. Однако наличие таких тротуаров скорее исключение, чем обязательный элемент подольской усадьбы. Интересно, что до сих пор на Подоле ни разу не были встречены мостовые, подобные новгородским. Вероятно, дво-

¹²⁷ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 52—54, 57.

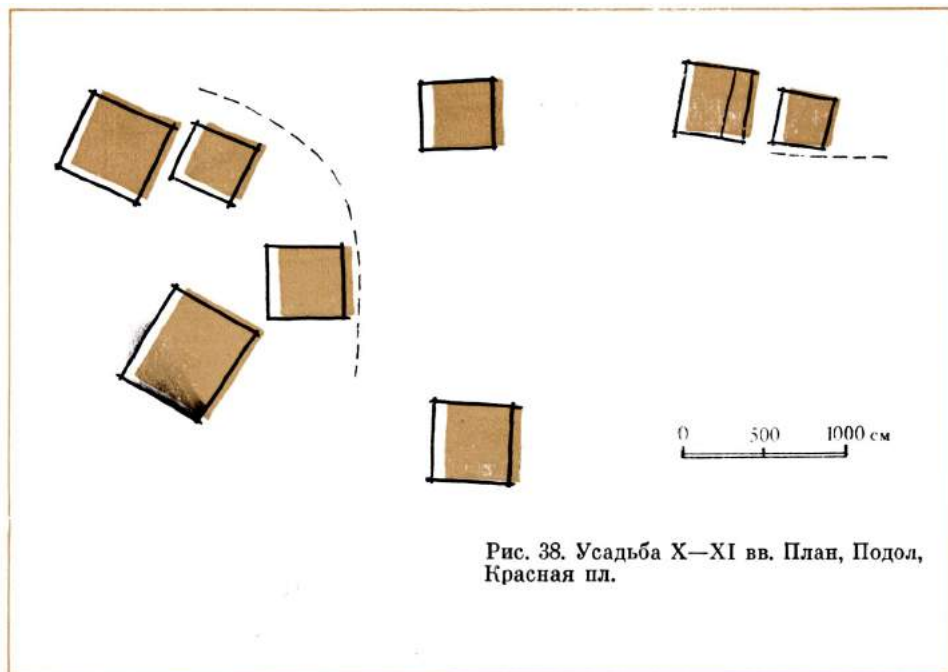
* В определенном порядке располагались в момент своего первоначального возникновения новгородские усадьбы. (Засурцев П. И. Указ. соч., с. 83).

¹²⁸ Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Вказ. праця, с. 39.

¹²⁹ Там же, с. 96.

¹³⁰ Там же, с. 39, рис. 12, усадьба С; Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 43.

¹³¹ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 42—43.

ровые вымостки, как и мощение улиц, не получили широкого распространения ввиду специфики подольского грунта (песок), который хорошо пропускал влагу.

Практически все подольские усадьбы имели ограждения. Заборы ставились как со стороны улиц, так и между усадьбами. Большинство их имели дощатые заборы, которые кое-где сохранились на высоту 1,3—2,3 м. Думается, что последняя цифра указывает на оптимальную высоту. В одних случаях доски забора вбивались в землю, в других — вкапывались, для чего вырывались специальные канавки. Толщина досок различна — от 2 до 6 см. Иногда вместо них применялись горбыли¹³⁰. Как правило, выпуклой стороной они обращены во двор. Доски обычно плотно подгонялись друг к другу. Интересно, что тщательность сооружения забора, использованный материал в какой-то степени характеризуют социальное положение владельца усадьбы. На наиболее богатых усадьбах заборы отличались особой добротностью. На ул. Жданова, 6—8 были встречены ограждения усадеб, выполненные в виде плетня¹³¹. Устройство таких ограждений аналогично современному. Между кольями, диаметром 6—12 см, располагающимися на расстоянии 30—40 см друг от друга, вплетались вербовые прутья. Зафиксированная высота плетней составляла 1,2 м.

В древнерусское время Киев имел довольно сложную социально-топографическую структуру. Отдельные исторически сложившиеся районы города наряду с общими чертами имели и свои особенности, вызванные

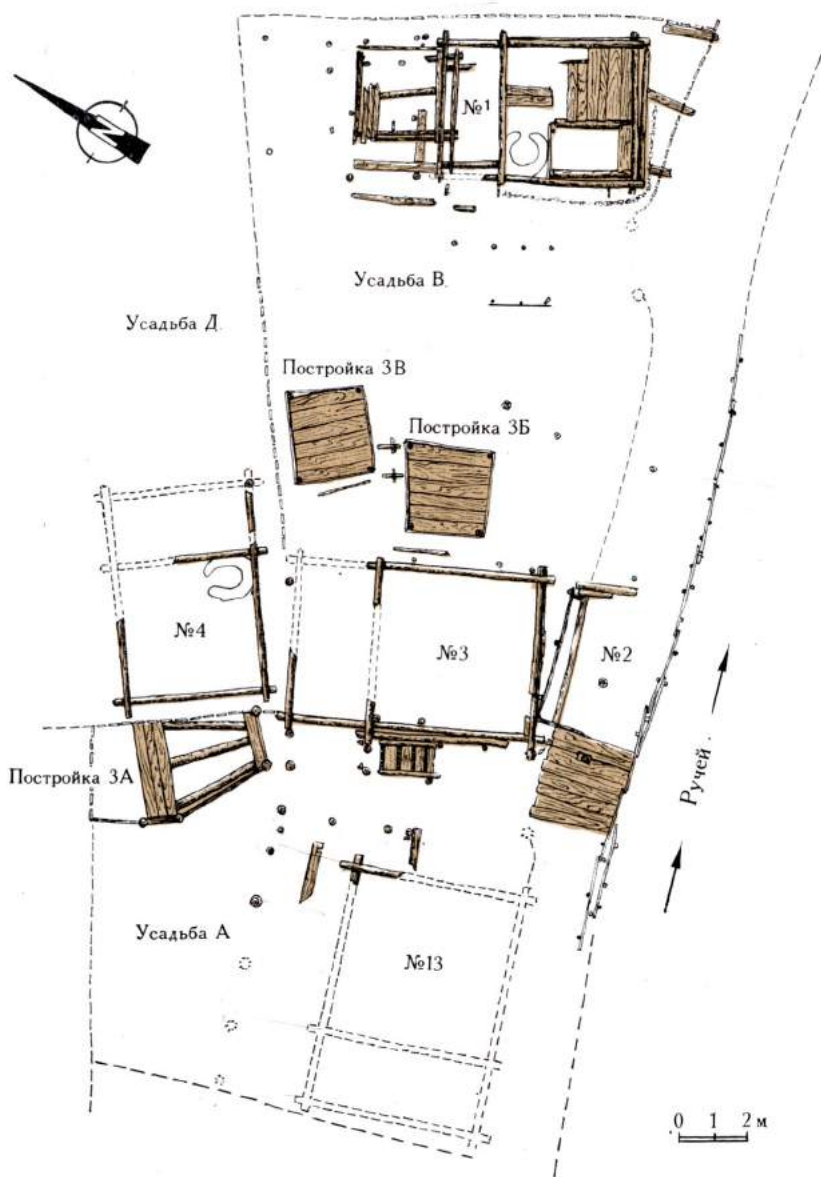

Рис. 39. Усадьба XI в. Плав, Подол, Житный рынок.

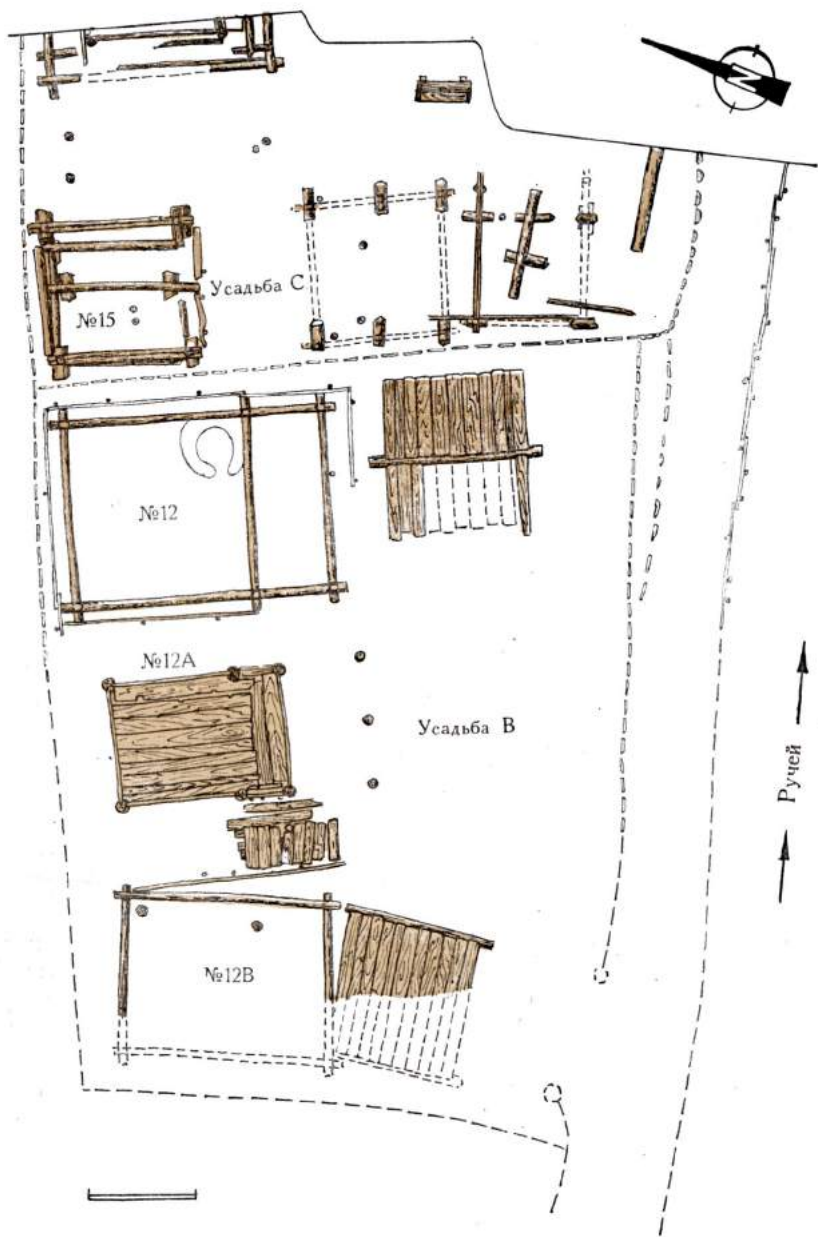

Рис. 40. Усадьба X в. План, Подол, Житный рынок.

Рис. 41. Усадьба X в. План, Подол, улицы Верхний и Нижний Вал.

топографическими условиями, что нашло выражение в застройке и планировке этих районов. Наиболее отчетливо представляется сейчас характер застройки и планировки Подола, хотя и здесь многие вопросы продолжают оставаться неясными.

Территория Подола представляет собой треугольник, образованный руслом Днепра и киевскими горами, вершина которого приходится на район современной Почтовой площади. Наличие этих природных рубежей не могло не повлиять на характер планировки района. То есть направление улиц должно было бы совпадать как с направлением русла Днепра (Почайны), так и с направлением коренного берега (киевские горы). Градостроительными осями должны были быть русла больших и малых водостоков (Глубочица, Борисоглебский ручей и др.), пересекающих территорию Подола в меридианальном (перпендикулярном Днепру) направлении.

Таким образом, в основе формирования плановой структуры древнего Подола лежали специфические геоморфологические и топографические особенности этого района.

К X в. Подол предстает уже полностью сформировавшимся ремесленно-торговым районом города, с достаточно развитой системой усадебной застройки и уличной планировки. Очень важные результаты были получены во время исследований на участке улиц Героев Триполья—Хоревая. Раскопанная здесь усадьба располагалась как раз на углу двух улиц. Одна из них, шириной около 6 м, имела направление юго-восток — северо-запад, то есть почти параллельно Днепру. Другая (переулок) шириной до 3 м была перпендикулярна первой, юго-запад — северо-восток¹³². Обе улицы имели характерные повороты, образуя перекресток. Значительная ширина параллельной Днепру улицы дает основание предположить, что она была одной из главных улиц Подола*. Еще два отрезка древних улиц были зафиксированы на раскопах по улицам Нижний и Верхний Вал. Ширина их и направление практически совпадают с шириной более узкой улицы предыдущего участка. Вероятно, усадьбы эти также располагались на углу двух улиц¹³³.

Подольские усадьбы образовали отдельные кварталы. Ширину такого квартала помогают определить материалы, полученные при раскопках на Житном рынке. Здесь зафиксировано соединение в одной точке заборов четырех разных усадеб. То есть минимальная ширина одного квартала равнялась общей ширине двух соседних усадеб. Об этом же свидетельствуют и данные, полученные на улицах Верхний и Нижний Вал.

Расположение усадеб вдоль водотоков зафиксировано три раза: на Житном рынке, на ул. Волошская и на ул. Жданова. Во всех трех случаях усадьбы были ограждены со стороны речек (ручьев) заборами. Квартал на Житном рынке был спланирован таким образом, что усадьба прилегала к берегу своей узкой частью.

Социальная стратификация населения Подола и отражение ее в планировке посада, согласно имеющимся данным, прослеживаются не очень выразительно. С определенными оговорками можно высказать предположение о ремесленном характере занятий владельцев усадеб на Житном рынке и на улицах Нижний и Верхний Вал, тогда как владелец усадьбы на Красной площади представлял купеческое сословие.

Основной доминантой в организации планировочной структуры средневекового города являлась рыночная площадь. В литературе было высказано предположение, что подольское «торговище» — вечевая площадь — располагалась между тремя упомянутыми в летописи подольскими церквями: Новгородской божницей, Туровой божницей, Пирогощей¹³⁴. Именно с последней церковью и необходимо связывать «торговище», размеры которого, по всей вероятности, не превышали размеров современной площади. В этом районе концентрировались богатые подольские усадьбы**.

Не вызывает сомнения существование на Подоле и других планировочных центров. Вероятно, одни из них уходят корнями в период первоначального заселения Подола, другие появились в результате развития (усложнения) структуры посада. Сетью улиц и переулков эти планировочные узлы были связаны как с центром, вечевой площадью, так и между собой.

Что касается специальной регламентации городской застройки, то тут заслуживает внимания факт постоянности границ отдельных усадеб на протяжении достаточно длительного времени***.

Можно предположить существование на Подоле зачатков коммунального благоустройства, что нашло свое выражение в укреплении участков береговой линии реки владельцами отдельных усадеб, исследованных на Житном рынке.

¹³² Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 65—66.

* Ширина Великой улицы древнего Новгорода составляла 4,4—4,5 м. (Засурцев П. И. Указ. соч., с. 7).

¹³³ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 139.

¹³⁴ Толочко П. П. Вказ. праця, с. 136.

** В последнее время в непосредственной близости от центра Подола найдены две вислые свинцовые печати. См. гл. VII настоящей работы.

*** Неизменность границ отдельных усадеб на протяжении более чем пяти столетий отмечено и в Новгороде. (Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. — МИА, 1956, № 55, с. 49).

Рис. 42. Вымостка-тротуар у сруба 12 Б, Подол, Житный рынок.

Считается, что планировка Верхнего города XI—XIII вв. имела радиально-кольцевой характер¹³⁵. Связующими узлами уличной системы являлись площади и ворота в валах. Улицы расходились от центральной площади Города Ярослава и от площади Города Владимира. Еще какие-то улицы шли вдоль укреплений¹³⁶. Археологически отрезок улицы Верхнего города был прослежен пока один раз¹³⁷. Ширина ее свыше 5 м. Улица была фиксирована двумя параллельными ровиками, которые, по мнению автора раскопок, являлись следами частокола, ограждавшего две противоположные усадьбы. По другому предположению — это следы деревянных фундаментных лаг, образовавших красную линию застройки.

Фрагмент аналогичных ровиков был зафиксирован и при раскопках на северо-западной окраине Старокиевской горы¹³⁸.

Вероятно, и в Верхнем городе усадьба являлась основным градостроительным звеном застройки. Часть городской усадьбы исследована по ул. Большая Житомирская. На площади около 300 м² обнаружены остатки трех жилищ (два из них, возможно, одновременны) и одного хозяйственного помещения¹³⁹.

Своеобразным «террасным характером» отличалась застройка склонов Старокиевской горы. Здесь было прослежено два ряда построек, повторяющих конфигурацию склонов и находящихся друг над другом на расстоянии 1,5—2 м. Вероятно, аналогично были застроены склоны других киевских возвышений.

Характер массовой застройки и планировка древнего Киева только начинают вырисовываться. Как представляется, на первых порах формирования городской территории на них большое влияние оказывали естественно-топографические факторы. В дальнейшем развитии архитектурно-планировочной структуры города значение их заметно ослабевает. Наряду с общими чертами, планировка отдельных районов города отличалась особенностями, вызванными различиями в их социально-экономических характеристиках.

3. Опыт историко-архитектурных реконструкций жилой массовой застройки древнего Киева

В исследовании проблемы массовой застройки древнерусского города важное место занимает метод архитектурного моделирования. Главным содержанием его является воссоздание на основании документированных материалов и фактов историко-архитектурного образа древних построек¹⁴⁰. Успешное выполнение этой работы зависит от комплексного использования различных категорий источников: археологических и письменных, синхронных исследуемым объектам, а также этнографических. Ценным источником для изучения древнерусских жилищ служат былины, в которых нашли отражение реалии древнерусской жизни. Новые исследования жилой архитектуры таких древнерусских городов, как Новгород, Старая Ладога, Брест, Минск и других, позволяют пересмотреть традиционное мнение о том, что былинные описания жилищ соответствуют реальной обстановке лишь XVI—XVII вв. и не имеют более древних черт¹⁴¹.

¹³⁸ Толочко П. П. Вказ. праця, с. 118.

¹³⁹ Там же.

¹³⁷ Гончаров В. К. Вказ. праця, с. 132—133.

¹³⁸ Кілієвич С. Р. Археологічні дослідження на Старокиївській горі 1958 р.— НА ИА АН УССР, ф. е. № 6868, с. 4—6.

¹³⁹ Толочко П. П., Кілієвич С. Р., Дяденко В. Д. Указ. соч., с. 191—193. В 1978 г. были начаты исследования древнерусской городской усадьбы в районе современной Львовской пл. (АО 1978 г.).

¹⁴⁰ Борисевич Г. В. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища.— КСИА АН СССР, 1969, вып. 120.

¹⁴¹ Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам. Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 149. Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 106.

Историко-архитектурное моделирование древнерусского жилища, которое успешно разрабатывается на материалах Новгорода и ряда других северорусских городов, в последнее время составило один из важнейших аспектов исследования древнего Киева. Новые раскопки, о чем шла речь в предыдущем параграфе, добыли такие материалы по древнекиевскому массовому строительству, которые позволили не только внести окончательную ясность в вопрос о конструктивных типах построек, но и перейти к их реконструкции.

43 В основу предложенной здесь попытки представить архитектуру жилых домов и целых усадеб древнего Киева положены материалы исследований Подола 1972—1975 гг.¹⁴² Раскопки, проведенные на больших площадях, позволили вскрыть несколько подольских усадеб, окруженных со всех сторон заборами из толстых сосновых и дубовых досок и включавших в себя комплекс жилых и хозяйственных построек. Границы дворов-усадоб определялись в самом начале застройки участка и оставались неизменными на протяжении длительного времени. На каждом строительном горизонте наблюдается закономерность размещения построек по периметру усадьбы. Главные фасады домов обращены во внутрь двора, центральная часть которого оставалась свободной от застройки, что особо подчеркивало обособленность и замкнутость усадьбы. Если ее границы оставались неизменными на протяжении долгого времени, то этого нельзя сказать о застройке. В последующие годы постройки менялись довольно часто, и их количество также не оставалось постоянным. Планировочное решение в каждый период существования усадьбы было своеобразно и определялось потребностью хозяйственной деятельности ее владельцев. Приступая к работе над реконструкцией усадеб, мы останавливались на определенных этапах их существования, выбирая для этого археологические горизонты с наилучшей сохранностью построек.

На бывшей Житноторгской площади Подола, которая расположена у подножья Замковой горы, удалось обнаружить остатки целого городского квартала, состоящего из нескольких усадеб. Мы их обозначили буквами А, В и С. Исследования этих усадеб были начаты с уровня строительного горизонта, который, по комплексу археологических материалов, датируется первой половиной XI в. Однако, чтобы показать жизнь усадеб во времени, проследить смену застройки на определенных этапах их существования, удобнее начинать исследование полученных материалов с нижних строительных горизонтов.

40 Рассмотрение добытого материала начнем с усадьбы В, поскольку ее существование удалось проследить на протяжении длительного времени — более 100 лет (см. рис. 40). Все это время она оставалась стабильной как по размерам, так и по конфигурации. С юго-востока на северо-запад усадьба прослеживалась на 15 м, с юго-запада на северо-восток — на 20—25 м. Общая площадь ее составляла 300—375 м². С трех сторон — юго-западной, северо-восточной и южной — она соседствовала

¹⁴² Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця; Толочко П. П., Гупало К. М., Харламова В. О. Вказ. праця; Харламов В. О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X—XIII ст.— У кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976.

Рис. 43. Деревянный досчатый забор:
а) выявленный археологически;
б) изображенный на миниатюре
Радзивилловской летописи (л. 99).

с примыкающими к ней аналогичными усадьбами, с юго-восточной — выходила к небольшому ручью, протекавшему в сторону Днепра. Это привело к трапецевидной форме плана. Улица, вдоль которой располагалась рассматриваемая нами усадьба, была образована юго-восточной стеной забора с одной стороны и берегом ручья — с другой.

На строительном горизонте, датированном первой половиной X в., усадьба В представляла собой довольно развитый жилищно-хозяйственный комплекс. Он состоял из жилого двухкамерного сруба 12, хозяйственных построек 12 А, 12 Б, 12 В. Все постройки размещались в северной части усадьбы, вплотную приближаясь к заборам. Ворота находились в южной стороне, в пользу чего говорит невысокий земляной пандус, где уложен широкий дощатый настил. Концы досок настила лежали на двух параллельных бревнах, по длине которых была вырезана четверть. Настил заканчивался у входа в хозяйственную постройку 12 В, которая представляется нам в виде сарая, где держали лошадей, хранили сено и другие фуражные припасы. Размеры плана постройки 12 В — 5,10 × 4,50 м. Расположен сарай напротив ворот, что исключало неудобный въезд во двор под острым углом со стороны улицы, а также диагональное движение гужевого транспорта по территории усадьбы. Центральная часть усадьбы оставалась свободной от застройки. Стены постройки 12 В изготовлены из расколотых бревен, плоская часть которых была обращена во внутрь помещения. Исходя из сравнительно низкой несущей способности таких стен, можно предположить, что рассматриваемая постройка была невысокой. Как показывают этнографические материалы, а также находки некоторых конструктивных деталей в раскопе, стены сарая должны были иметь вертикальные связи-стяжки, которые бы предохраняли их от неравномерного высыхания и коробления.

44 С северо-восточной стороны сооружения 12 В располагалась постройка 12 А. Она представляет собой прямоугольную в плане постройку 45 4,20 × 3,0 м столбовой конструкции с деревянным, уложенным по толстым бревнам-переводинам, полом. Стены ее возведены из толстых колотых досок, концы которых запазованы в четыре угловых и два боковых столба. Вход в постройку 12 А размещался с юго-западной стороны, между двух столбов конструкции — южным угловым и стоящим рядом боковым. Внизу лежал порог, состоящий из двух бревен, концы которых запазованы в столбы. В плоскости порога прослеживалось отверстие, в которое вставлялся шпир дверного полотна. Параллельно юго-восточной стене постройки располагались три вертикально вкопанных столба, входящих в конструкцию постройки 12 А. Наличие толстого слоя навоза под полом, а также некоторые конструктивные особенности постройки указывают на то, что она использовалась как хлев для скота, однако не исключена возможность применения ее в качестве производственного помещения для выделки кожи. По всей вероятности, постройка 12 А была покрыта двухскатной крышей, конек которой располагался между двумя центральными вертикальными стойками. Северо-западная плоскость крыши перекрывала закрытое помещение, а юго-восточная плос-

¹⁴³ Толочко П. П. Новые данные о городском строительстве в древнем Киеве. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия 1975 г. М., 1976, с. 451.

кость ската, опирающаяся на систему указанных столбов, образовывала открытое помещение под навесом.

В восточном углу усадьбы располагался погреб, который представлял собой квадратную в плане яму (4,15 × 4,2), перекрытую сверху дощатым настилом. Стены погреба укреплялись толстыми бревнами диаметром до 40 см.

В противоположном от ворот углу усадьбы стояла рубленая жилая двухкамерная изба — сруб 12, к которой через двор вела вымощенная досками дорожка. Размеры сруба 12—6,35 × 4,5 м. Дверь в избу находилась в юго-восточной стене меньшей камеры. Перед входом была устроена площадка-ступенька. Пятистенок представлял собой крупную одноэтажную постройку и занимал доминирующее положение в застройке усадьбы В. Он имел двухскатную, тесовую «с закрылком» кровлю. Нижние части дощатого настила кровли опирались в плоскость доски, которая в свою очередь поддерживалась специально врубленными досками — крюками (жокошинами). Все постройки усадьбы первой половины X в. погибли в огне, а затем их занесло песком во время весеннего разлива Днепра. Через непродолжительное время усадьба была восстановлена. Таких восстановительных периодов прослежено несколько.

В результате раскопок последующих строительных горизонтов усадьбы удалось заметить характерную особенность планировочной структуры — жилые и хозяйственные постройки, как правило, менялись местами¹⁴³. Пропуская несколько строительных периодов усадьбы В с плохо сохранившимися постройками № 11 и № 9, мы остановимся на

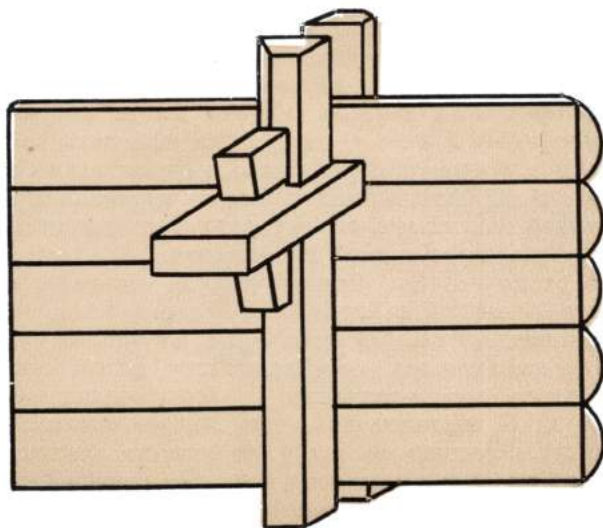

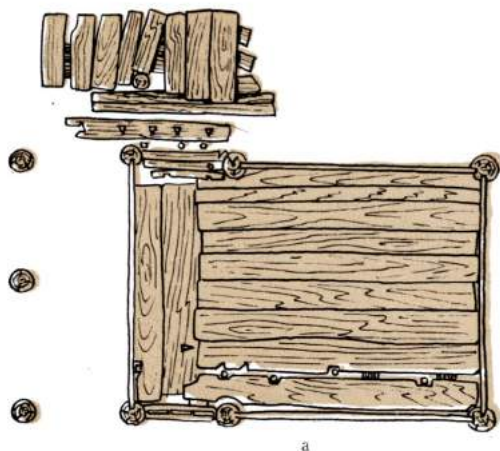
Рис. 44. Связь-стяжка в постройке 12 В.

46 строительном ярусе со срубами 7 и 8, датируемом на основании археологических находок концом X в. Планировочный характер усадьбы В на этом горизонте остался таким же, как и на более ранних. По-прежнему ее центральная часть была свободной от застройки. Дома располагались вдоль линии заборов. От ворот через двор проходила мощенная досками дорожка, связывающая между собой жилой и хозяйственный сруб. Поскольку на этом строительном горизонте обнаружено большое количество конструктивных элементов, позволяющих делать реконструкцию усадьбы, остановимся на результатах ее исследования подробнее.

47 Сруб 8 был жилой избой и ориентирован углами по сторонам света. Он представлял собой двухкамерную постройку, состоящую из большой жилой камеры размером $4,75 \times 4,65$ м и меньшей — $2,05 \times 4,65$ м (сени). Стены сложены из толстых бревен диаметром 20—22 см. Одной из конструктивных особенностей сруба 8 является то, что меньшая камера — сени — не имела двух нижних венцов, а начиналась с третьего, общего для всего сруба. По внешним углам сеней стояли опорные столбы, на которые и опирались консольно выпущенные бревна третьего венца большой камеры. Пол в срубе 8 находился на уровне третьего венца. Об этом свидетельствуют как поперечные переводины пола, врубленные «глухой врубкой» в малой камере, так и фрагмент доски пола, сохранившийся у северо-восточной стенки, который также лежал на уровне третьего венца. Пол в большой камере укладывался по переводинам, уложенным прямо на землю или врубленным в стены. Интересно отметить, что одной из переводин служил конструктивный элемент фронтона — «самец», вторично использованный в конструкции пола. Расположение переводин, а также находка половиц «in situ» позволяют нам с большой точностью определить расположение входа в сруб. Он находился в юго-восточной стене, причем двери открывались вовнутрь (иначе, в случае снежного заноса, не выйти из дома). Дверь из сеней в избу, по этнографическим данным, обычно всегда открывалась наружу, чтобы было просторнее в избе и легче было выбежать во время пожара.

В южном углу жилой камеры стояла круглая глинобитная варистая печь. Сложена она из спондиловой глины на деревянном каркасе, следы которого отчетливо обозначены на внутренних частях стены. Печь имеет следующие размеры: продольный диаметр пода — 90 см, поперечный — 80 см, ширина устья — 30 см. Она развернута устьем во внутрь камеры, в сторону северо-западной стенки. Под выслан плинфой, толщина которой не превышает 2,5 см. Из этнографии мы знаем, что изба с печью в углу при входе являлась преобладающим видом жилой избы для значительной части северо-западных и центральных областей России вплоть до XX в. В исследованных на Подоле жилых срубах печное устье было всегда обращено ко входу, то есть по планировке эти срубы были подобны избам западнорусского типа. По этнографическим данным, при такой планировке полаты примыкали к боковой стене (если смотреть от входа). Срубы Неревского конца древнего Новгорода относятся к избам северовеликоруссов, так как устья направлены к стене, противоположной входу¹⁴⁴. Печь в срубе 8 стояла на глинобитном опечке, ко-

а

б

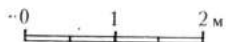

Рис. 45. Постройка 12 А:
а) план; б) остатки;
в) реконструкция.

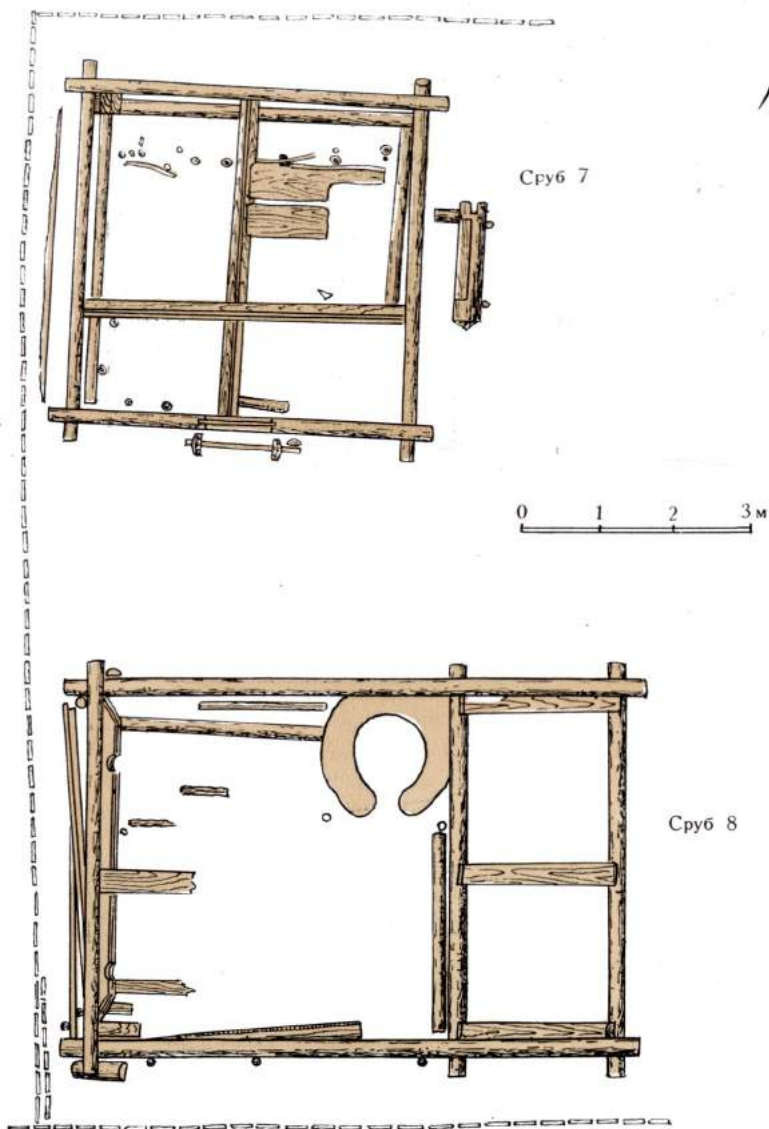

Рис. 46. План усадьбы В со срубами 7 и 8.

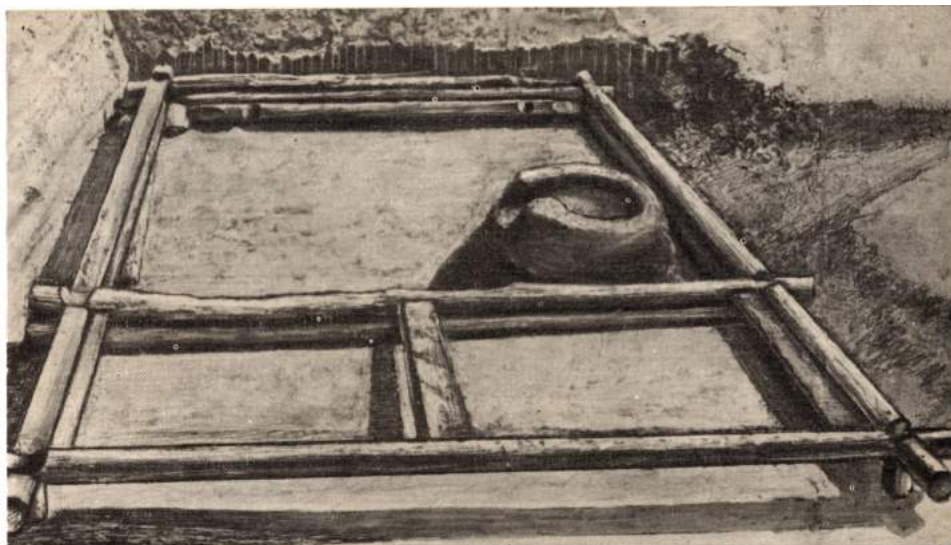

Рис. 47. Жилой сруб 8.

торый ограждался досками, положенными на ребро и заклиненными дубовыми кольями. Опечек был больше поставленной на нем печи, что позволяло иметь площадку перед устьем. Под печи был выше уровня пола на высоту устройства опечка. Дым, выходящий из устья печи, выводился, видимо, при помощи дымохода, который представлял собой деревянный короб, обмазанный внутри глиной. Дымоходом могла служить также глиняная труба, остатки которой были найдены в трехкамерном жилище на Подоле¹⁴⁵. Подтверждают такое предположение достаточно достоверные материалы о наличии дымоходов с раскопок других памятников деревянной архитектуры¹⁴⁶.

Конструкция крыши — последняя, с тесовым покрытием. Об этом говорит целый комплекс конструктивных элементов кровли: «самец» — деталь рубленого фронтона, «курица» — крюк изготовленный из корневища дерева для поддержания нижних частей крыши, «причелина» — резная доска, прикрывавшая выступающие торцы слег и т. д. Кровля «в два теса», при котором щели нижнего ряда досок перекрывались верхним рядом. Такое покрытие имеет хозяйственная постройка 12 Б, обнаруженная на другой усадьбе подольских раскопок. Данные об уклоне крыш подольских построек дает самец сруба, найденный при раскопках Житного рынка. Этот самец показывает, что крыша постройки, которой он принадлежал, была не очень крутой — уклон менее 45°. Такой уклон придавался крышам с полноценным покрытием, то есть прокладкой теса слоями бересты (или еловой коры).

С северо-восточной стороны сруба 8 на расстоянии 340 см от него

¹⁴⁵ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 49.

¹⁴⁶ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 156.

49 обнаружен хозяйственный сруб 7. Его размеры $4,30 \times 4,80$ м по осям замков. Сложен он из сосновых бревен диаметром 20—22 см. Ориентация — углами по сторонам света. Сруб сохранился на высоту четырех венцов. В северо-западной его стене был вход в виде неширокого (75 см) проема. Торцы бревен, образующие проем, имеют выборку шпунта — 4 см, в который заходила ободверина, она скрепляла собой разъединенные отверстием бревна стены. Концы ободверины прочно врубались в верхнее и нижнее бревно. Порог образовывался тем бревном венчатой стены, выше которого начинался проем. Для этого в бревне вырубалась четверть, в которой выбиралось гнездо для вставки шипа дверного полотна (беспетлевая конструкция двери).

50 Перед входом, с внешней стороны сруба, стояло два кантованных облопа с выдолбленными в них на уровне второго венца сквозными отверстиями; в них пропущен брус толщиной 8 см. Постройка имела пол, представляющий собой плотный настил из колотых сосновых досок шириной 40—45 см, уложенный по трем лагам — переводинам. Заполнение сруба — обычный перегой, в структуре которого попадает скорлупа лесных орехов, а также зерна проса.

Характер заполнения сруба 7, а также ряд конструктивных особенностей, в первую очередь устройство около входа системы задвижек, свидетельствуют об использовании его как хлева для свиней. Можно допустить, что высота хлева составляла 6—8 венцов, то есть приблизительно равна 1,50—1,70 м. Посредине юго-западной стенки с ее внешней стороны на расстоянии 40 см лежит (чуть выше верхнего венца) бревно диаметром 30 см, длиной 1,50 м. В нем имеется выборка четверти 90×130 см. Бревно с юго-западной стороны укреплено двумя вбитыми в землю дубовыми кольями. Эта конструкция представляет собой нижнюю опорную часть лестничного пандуса, ведущего на второй ярус постройки. Такой пандус был обнаружен у сруба 3 усадьбы А. Постройка 7 представляет собой сруб на подклете, где подклет использовался как хлев для свиней, а второй ярус, на который вел с юго-западной стороны пандус-сходни, служил холодной клетью для хранения зерна и продуктов. Открытые раскопками основания комплекса жилища и клетки не позволяют утверждать о наличии связи их с галереями, так как 51 рядом не были обнаружены остатки каких-либо других конструкций.

Рис. 48. Конструктивный элемент кровли — «самец», крыши — «курица».

Рис. 49. Хозяйственный сруб 7.

Следующий (третий) этап жизни усадьбы В, выбранный нами для архитектурной реконструкции, представлен строительным горизонтом, датируемым концом X — началом XI в. (см. рис. 39). На этом ярусе усадьба В представлена жилым двухкамерным срубом 1 с пристроенным к нему хозяйственным помещением и двух небольших отдельно стоящих хозяйственных сооружений — 3 Б и 3 В. Жилой сруб 1 с пристройкой занимает всю северо-восточную часть усадьбы, а хозяйственные постройки 3 Б и 3 В — всю юго-западную. Центральная часть усадьбы, как и раньше, оставалась свободной от застройки и представляла собой открытый широкий двор. С улицы на него можно попасть через ворота, устроенные у южного угла сруба 1. Для удобства въезда ворота несколько утоплены во внутрь усадьбы, так что перед ними со стороны улицы образовалась небольшая площадка.

Центральным и самым значительным сооружением на усадьбе является жилой двухкамерный сруб 1, ориентированный углами по сторонам света. Меньшая камера имела площадь 12 м², большая жилая — 18 м². В западном углу сруба (большой камеры) стояла глинобитная печь. Подклета сруб 1 не имел — половицы уложены на переводины, выпущенные между первым и вторым венцами сруба. Интересной особенностью сруба является устройство клетневой завалинки вокруг большей камеры. Меньшая — завалинки не имела, так как начиналась с уровня третьего бревна основной жилой камеры, с которого оно было консольно выпущено. Свободный конец этого бревна опи-

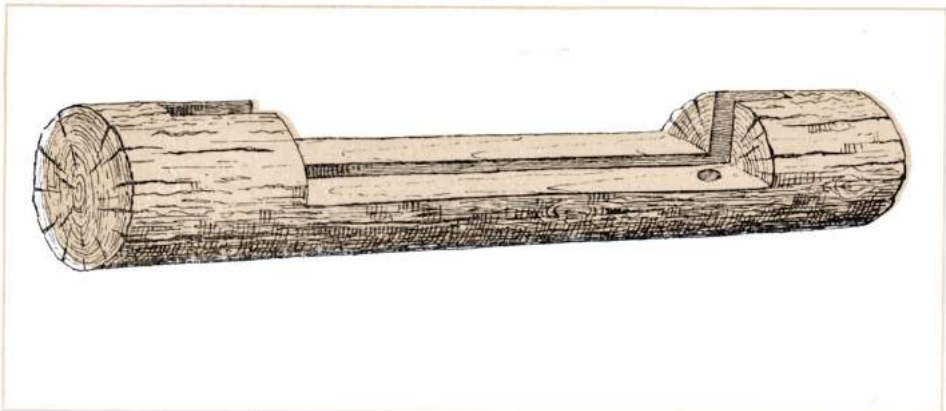

Рис. 50. Обработка дверного проема в срубе 11 и изображение дверного полотна с шипами крепления на миниатюре из Радзивилловской летописи.

рался на торец вертикально вкопанного столба со специальной выборкой седловины в своей верхней части. Расположение половиц, а также некоторые другие наблюдения позволяют нам определить расположение входа в сруб 1. Он находился в юго-западной стене меньшей камеры с дверью, открывающейся вовнутрь. Перед входом была деревянная ступенька, о чем свидетельствуют остатки ее устройства. Наличие четырех столбов, стоящих вдоль главного фасада жилища (юго-западная стена), не исключает возможности устройства в этом месте навеса перед входом. Конструкция крыши — послежная, с тесовым покрытием. Ниж-

ние части дощатого настила кровли опирались в плоскость доски, которая в свою очередь поддерживалась врубленными досками — кокошинами. Сверху на крыше размещалась верхняя часть дымохода, так называемая «дымница».

Слева от входа к избе пристроено хозяйственное помещение, которое могло служить чуланом и иметь вход непосредственно с меньшей камеры. Если это так, то перед нами прототип распространенных на Украине в более позднее время трехкамерных жилищ. На нашей реконструкции пристройку, стоящую у северо-западной стены сруба 1, мы представили как помещение для содержания крупных домашних животных, например лошадей. Небольшое пространство у северного угла забора усадьбы может быть использовано для выгона животных.

Хозяйственные постройки однотипны. Первая — 3 Б — имела размеры $2,4 \times 2,2$ м. В углах ее вбиты толстые жерди, стенки забраны вертикально поставленными досками. Пол постройки представлял собой настил из колотых досок. Судя по конструкции, расположению ее на усадьбе, а также археологическим материалам, можно предположить, что постройка 3 Б использовалась как саж — помещение для содержания свиней.

Вторая постройка — 3 В — стояла в непосредственной близости от постройки 3 Б и имела лишь ту разницу, что стены ее были забраны не вертикально поставленными, а горизонтально положенными колотыми досками. Это помещение могло использоваться для хранения запасов продуктов. Принимая во внимание относительную легкость конструкций, незначительную несущую способность стен, можно предположить, что завершались сооружения не слишком тяжелыми шатровыми кровлями.

С юго-западной стороны усадьба В соседствовала с усадьбой А, площадь которой составляла около 300 м^2 . С северо-запада и юго-запада территория усадьбы А ограждалась заборами. С юга ее естественной границей служила береговая линия небольшой речки. На территории усадьбы удалось обнаружить остатки трех построек 3, 3 А и 13. Все они расположены таким образом, что территория как бы зонирована на две части — на передний чистый двор и хозяйственный грязный. Передний, или «красный», двор располагался в южной части усадьбы, через который от ворот вела мощеная дорожка к дому. На него обращены главные фасады основных построек. В былинах такой двор называли также «широкий белый двор» или «широкое подворье». За передним располагался задний хозяйственный двор, который носил название житный, конюшный и др.

Остановимся на разборе каждой постройки усадьбы А. В юго-западном углу находится постройка 13. Судя по расположению ее на участке, а также по развитой системе вертикальных столбов, вокруг нее с северной стороны, можно считать, что она была центральной в застройке усадьбы А. По вертикали эта постройка состояла из трех основных частей — подклета, жилого яруса и чердака. Исходя из топографической специфики Подола как приречного района Киева, который подвергался регулярным наводнениям Днепра, необходимо отметить, что подклет являлся необходимой частью подольских построек. Как показали раскопки, существовали подклеты, которые использовались в хозяй-

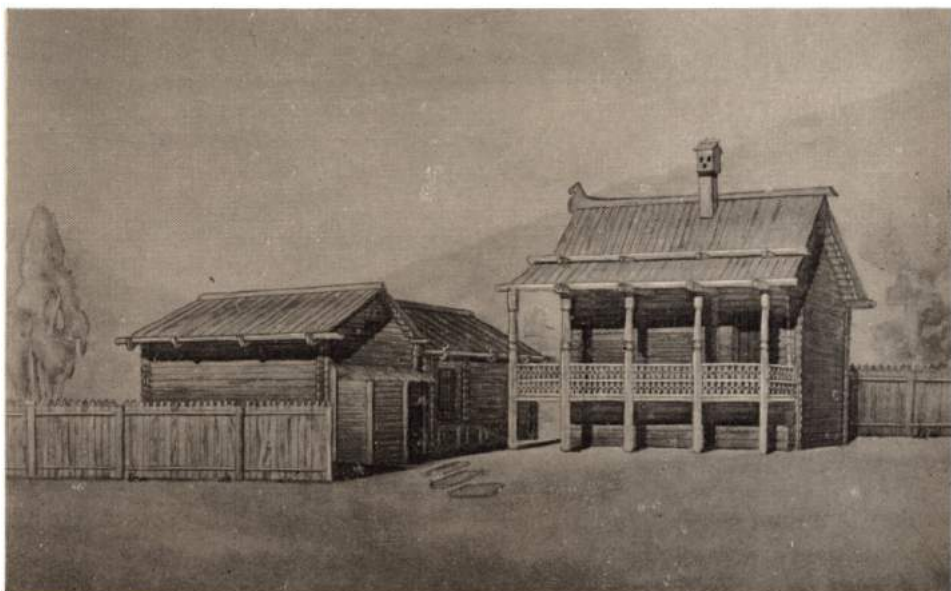
Рис. 51. Реконструкция усадьбы со срубами 7 и 8.

Рис. 52. Хозяйственный двор усадьбы А.

Рис. 53. Сруб 13 на усадьбе А.

54 ственных целях и представляли собой как бы цокольный этаж, где устраивали кладовые, хранилища, держали птицу и мелкий домашний скот, а также располагали различные мастерские. Об этом говорят рассмотренные нами срубы 7 и 13. Судя по углу наклона лестничного пандуса, второй ярус постройки 13 мог начинаться с высоты от 1,3 м до 1,5 м, что позволяло использовать подклет под любые хозяйственные нужды. Вход в подклет мог располагаться в восточной стене, выходящей на передний двор усадьбы.

Южнее входа в подклет располагалась лестница. Судя по наличию целой системы вертикально вкопанных столбов у восточного фасада постройки, она вела на развитую галерею, примыкавшую к срубу с северной стороны. Основой лестницы служило горизонтально лежащее и закопанное на половину своего диаметра толстое бревно, которое фиксировалось деревянными кольями, вбитыми в землю. Для крепления плоскости лестницы в бревне выбиралось два гнезда, куда вставлялись торцы брусьев, образующих наклонную плоскость лестничного пандуса. Такое крыльцо могло иметь навес, о чем говорит система довольно толстых (20—25 см) столбов-стоек, относящихся к конструкции крыльца. Кровля крыльца, повторяющая угол наклона лестницы, примыкала

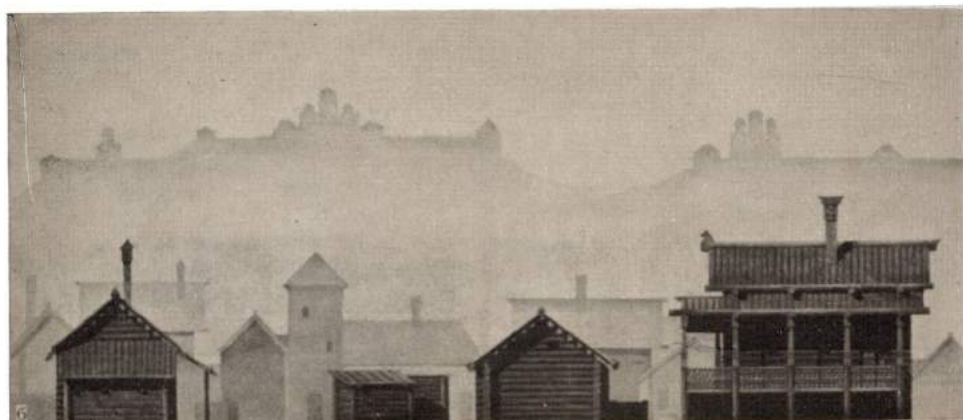

Рис. 54. Развертка усадеб А и В:
а) с южной стороны; б) с северной стороны.

к кровле галерей, расположенных у северной стены сруба. Сени-галерея представляют собой крытую обходную площадку у северного фасада сруба 13. В столбы-стойки врубывались переводины пола (или «моста»), а сверху на эти стойки опирались конструкции тесовой кровли. Галерея ограждалась двухъярусной балюстрадой, врубленной в те же вертикальные столбы. Балясины, составляющие балюстраду, были найдены нами при раскопках у сруба 13. По форме — это вытянутые овальные дубовые доски с отверстиями в центре. По краям они имеют шипы для крепления в пазы верхней и нижней обвязки. Ограждение, набранное из целого ряда таких балясин, приобретает ажурный, даже кружевной рисунок. Растянутая по длине северного фасада дома галерея расчленяется ко-

лоннами-стойками на несколько плоскостей — прясел, придавая при этом постройке ритмичность и стройность.

Сруб 3 представляет собой двухкамерную постройку общей площадью 37,5 м², где бóльшая камера равнялась 25,0 м², меньшая — 12,5 м². Вдоль северо-западной стороны сруба, рядом с меньшей камерой, находился лестничный марш, ведущий в жилую камеру постройки. Сохранилось четыре ступеньки. Они подходили к западному торцу узкой камеры сруба, точнее к крыльцу, которое располагалось с этой стороны. Верхний край ступенек опирался на два из четырех столбов рундука. Ширина лестничного марша составляет 1 м, длина сохранившейся части — около 2 м. Основанием его служила широкая и толстая доска, разделенная поперечными брусками на несколько плоскостей — ступенек. Вдоль обеих сторон доски лестницы лежали деревянные бруски шириной 20 и толщиной 5 см, в которые были запазованы поперечные планки ступеней и к которым могли крепиться вертикальные стойки перил ограждения. Обнаружение лестницы имеет огромное значение для решения проблемы входов не только в киевские срубные постройки, но и жилища других древнерусских городов. Это первый случай находки такого рода. Даже раскопки Новгорода, обнаружившие более полутора тысяч срубных построек, ни разу не зафиксировали устройство входов и лестниц¹⁴⁷.

Третья постройка усадьбы А (3 А) располагалась на расстоянии около 1 м на северо-запад от сруба 3. Постройка стоечно-балочной конструкции с забиркой стен толстыми колотыми досками, которые запазовывались в вертикальные столбы и размещались по периметру по-

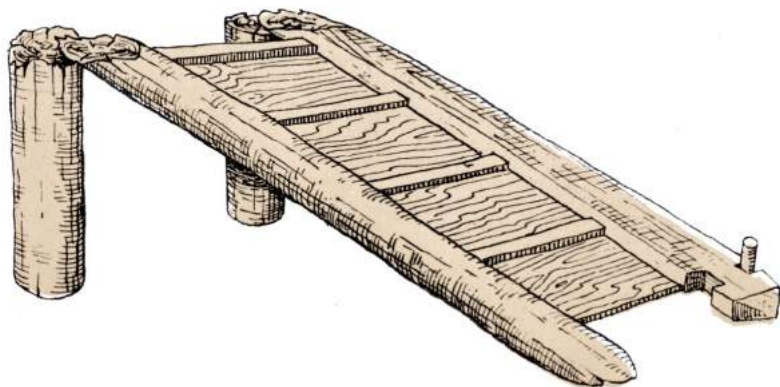

Рис. 55. Остатки лестницы у сруба 3.

стройки. Вход в нее, шириной около 1 м, фиксируют две стойки, между которыми нет запазованных досок. Дощатый пол постройки постелен на трех бревнах-переводинах, лежащих прямо на земле. Доски пола уложены «по ходу» движения, то есть по длине от входа. Судя по характеру внутреннего заполнения постройки 3 А, которое представляет обычный перегород, можно полагать, что она была конюшней. Подтверждением этому выводу служит находка железного кольца, к которому, возможно, привязывали коней. При такой конструктивной схеме постройка могла быть покрыта односкатной кровлей.

При проведении раскопок на Подоле наблюдались остатки вертикальных столбов, которые являлись следами пристроек, навесов, галерей и др. Довольно часто фиксировалось расположение остатков столбов вблизи внешних стен построек. Эта черта характерна в основном для построек хозяйственного назначения, стены которых изготавливались из бревен меньшего диаметра по сравнению с жилыми домами. Расположение опорных столбов непосредственно вблизи стен было необходимо, когда стены имели большую длину и недостаточную прочность, чтобы нести тяжесть перекрытия. Применение такой конструкции, видимо, можно объяснить прежде всего давней традицией строить жилища с тяжелыми крышами и сравнительно непрочными стенами.

Как показывают многочисленные материалы, усовершенствование и

Рис. 56. Сруб 9 с Красной пл.
Реконструкция.

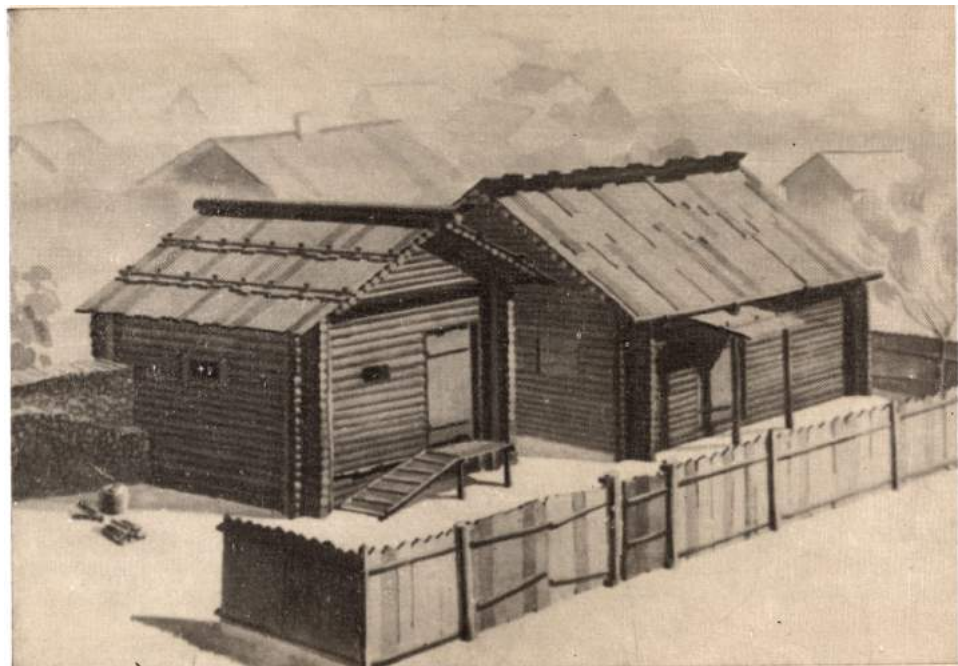

Рис. 57. Фрагмент застройки Подола
X—XI вв. (фото с макета).

развитие конструкций деревянного строительства происходило в первую очередь в жилых сооружениях; старые строительные приемы полностью не исчезли, а переносились на постройки хозяйственного назначения. Не исключено, что и ранние жилые постройки Киева имели аналогичную конструктивную схему возведения, которую мы наблюдаем в сооружениях хозяйственного назначения более позднего времени. На ранних этапах развития деревянного рубленого жилища кровля с вертикально несущими опорами представляла собой, видимо, вполне самостоятельную конструктивную схему, составляющую основной скелет постройки*. Это позволило применять в качестве ограждения при возведении стен любой доступный, а главное не обладающий несущей способностью, материал. Под крышей, стоящей на системе вертикальных стоек, можно было возвести плетневые, жердевые, глинобитные, дощатые (в закидку), а также горизонтально-венчатые (срубные) стены, изготовленные из тонких бревен¹⁴⁸. Материал мог выбираться исходя из местных условий, а также из функционального назначения сооружения. Возведенная таким образом постройка соединяла в себе каркасно-стойчную и горизонтально-венчатую конструктивную систему, усовершенствование и развитие которых в дальнейшем шло самостоятельным путем.

Жилые постройки X—XI вв., обнаруженные раскопками на Подоле, были менее значительных размеров. Уменьшив длину стен, древние

* Следы жилищ с перекрытиями, целиком покоявшимися на вкопанных в землю столбах, относящиеся к I—VI вв. н. э., были открыты Я. В. Станкевич. (Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвалья в I п в начале II тыс. л. э.—МИА, 1960, № 76). В. И. Равдоньяк в Старой Ладоге раскопал срубное жилище VIII в., внутри которого находились остатки столбов, расположенных в четыре ряда. (Равдоньяк В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—47 гг.), ч. 2.—СА, 1950, № 12).

¹⁴⁸ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 157.

строители упростили стоечную систему и вынесли несущие столбы за периметр постройки. Как показывают материалы раскопок древнерусских городов, в постройках описываемого типа «столбы исчезли, причем это совпало с изменением толщины бревна сруба, то есть с увеличением прочности стен, что свидетельствует о коренном изменении основной конструкции»¹⁴⁹. Это изменение заключалось в том, что строители стали использовать в качестве несущих элементов сами венчатые стены, для чего увеличили их толщину и, следовательно, прочность всей постройки. При дальнейшем развитии конструктивной схемы срубного строительства, столбы как основной несущий элемент исчезли.

Каркасно-стойчая и горизонтально-венчатая система возведения построек существовали в Киеве и применялись в строительстве исходя из функционального назначения постройки. Преобладали сооружения срубной конструкции¹⁵⁰.

Имея документальный материал, добытый в итоге археологических раскопок и исследований, историки архитектуры получили возможность изучать историю древнерусских жилищ на их остатках¹⁵¹. Материалы раскопок Подола позволяют судить о плане и размерах жилищ и хозяйственных построек, их взаимосвязи и общего расположения их на усадьбах. Находки отдельных архитектурных деталей деревянных сооружений, а также многочисленных конструктивных узлов и приемов дают возможность произвести архитектурную реконструкцию изучаемых памятников, что является конечной целью изучения и как бы подводит итог нашим знаниям и представлениям об объектах¹⁵².

Наиболее показательной и ответственной формой реконструкции архитектурных построек является макетирование. Работая с макетом, исследователь как бы заново строит (в миниатюре) изучаемую им постройку, повторяя все приемы, конструктивные узлы и детали, открытые археологически. Верхние части жилищ приходится восстанавливать не только на основании добытого раскопками материала, но и привлекая различные аналоги, а также прибегая к конструированию. Выполняя ту же работу, что и древние строители, исследователь решает массу проблем и задач, которые стояли перед древними мастерами. Такая конкретная работа с материалом дает возможность соблюдения пропорций построек во всех ее узлах и деталях, а это, в свою очередь, определяет границы научной фантазии исследователя¹⁵³. Особую роль приобретает макет, когда речь идет о градостроительных и планировочных аспектах застройки. Он помогает четко определить градостроительные образования, архитектурно-планировочные решения конкретных частей города, квартала, группы дворов или отдельной усадьбы.

Рассмотренный выше археологический материал позволил нам попытаться подойти к вопросу реконструкции жилищ Подола при помощи моделирования и, таким образом, приблизиться к представлению об архитектуре жилища древнего Киева домонгольского периода.

¹⁴⁹ Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 24.

¹⁵⁰ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, с. 128—129.

¹⁵¹ Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 13.

¹⁵² Борисевич Г. В. Роль макета в реконструкции древнерусского жилища, с. 50.

¹⁵³ Борисевич Г. В. Раппорт П. А. Древнерусское жилище, с. 285.

ГЛАВА IV

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА И ЖИВОПИСИ

1. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ
ДРЕВНЕГО КИЕВА.
ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА. ВАЛ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
2. СВЕТСКИЕ ПОСТРОЙКИ
3. КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ
4. ЖИВОПИСЬ БАШЕН СОФИЙСКОГО СОВОРА
В КИЕВЕ

Одним из важных показателей уровня развития городов Древней Руси являлось строительство монументальных зданий. В Киеве оно началось уже в первой половине X в. и продолжалось вплоть до начала XIII в. За это время в разных частях города было возведено несколько десятков каменных сооружений — дворцов, крепостных башен, храмов, располагавшихся отдельными ансамблями. В настоящее время имеются сведения о 45 монументальных постройках древнего Киева; будущие раскопки, несомненно, увеличат их число.

Интерес к памятникам каменной архитектуры характеризует всю историю археологических исследований древнего Киева. В дореволюционное время большой вклад в изучение памятников монументального зодчества X—XII вв. внесли К. А. Лохвицкий, П. А. Лашкарев, В. В. Хвойка, Д. В. Милеев, в советское — И. В. Моргилевский, М. К. Каргер, Ю. С. Асеев, Г. Н. Логвин, Н. В. Холостенко и другие ученые. Итоги многолетних архитектурно-археологических исследований памятников Киева подведены М. К. Каргером во втором томе его капитальной работы «Древний Киев»¹.

В последние десятилетия в Киеве сделаны новые важные открытия в области монументального строительства. Найдено шесть каменных построек: дворец на Старокиевской горе, храмы в Копыревом конце, на Подоле, на Клове, в урочище «Церковщина», исследована ротонда в Городе Владимира. Кроме того, осуществлены большие работы по изучению уже известных архитектурных памятников — Золотых ворот, церкви Михаила, Выдубецкого монастыря и Успенского собора. Полученные данные значительно пополнили наши знания о развитии строительства и архитектуры в древнем Киеве. Сказанное в равной мере относится ко всем видам монументального зодчества: крепостному, гражданскому и культурному.

Неизменный исследовательский интерес вызывает София Киевская. Изучение различных категорий источников дало возможность сделать обоснованный вывод о ранней дате (1037) сооружения этого храма². С большим успехом изучаются граффити, а также фресковая живопись Софии. В настоящей главе помещено исследование фресок башен собора, дающее новую атрибуцию этой уникальной живописи дворцового характера.

1. Фортификационные сооружения древнего Киева. Золотые ворота, вал Ярослава Мудрого

Традиционными оборонительными укреплениями восточных славян издавна были деревянно-земляные сооружения — вал и ров. Особое место среди подобных фортификационных построек занимают валы Города Ярослава древнего Киева, включавшие помимо деревянно-земляных укреплений еще и каменные, несомненно, сооруженные с учетом передовых традиций оборонительного зодчества XI в. Об их постройке летопись сообщает под 1037 г. в известной похвале Ярославу Мудрому за строительную деятельность в Киеве. В ней идет речь о возведении грандиозных оборонительных сооружений в расширенной верхней части города.

Что представляли собой эти постройки и где проходили их границы — вот те главные вопросы, которые неоднократно привлекали внимание исследователей и научной общественности.

В последние годы достигнуты значительные успехи в разрешении вопроса об особенностях конструкции древних киевских валов и границах Города Владимира и Города Ярослава.

В 1950 г. А. Тихонович и Н. Ткаченко опубликовали свой план верхнего Киева X—XIII вв., который после дополнений, сделанных другими исследователями, по-видимому, весьма близко отражает первоначальные границы укреплений древнего города³. По последним данным, фортификационные сооружения Города Ярослава шли от главных Золотых ворот на северо-восток вдоль современной ул. Малой Подвальной к пл. Октябрьской революции, где находились Лядские ворота. Далее вал шел по ул. Челюскинцев, огибая территорию Михайловского монастыря и вплотную подходил к укреплениям Города Владимира в районе фуникулера. Здесь он смыкался с южным участком укреплений Города Владимира и шел вдоль ул. Большая Житомирская до Львовской пл., где находились Львовские ворота. К Золотым воротам от Львовских укрепления проходили по краю плато верхнего города по современной ул. Ярославов вал⁴.

От древней оборонительной системы Киева мало что сохранилось до наших дней. К 1857 г. в связи с реконструкцией улиц верхнего города остатки валов времени Ярослава Мудрого постепенно исчезли. В начале XX в. сложилось мнение, что судить об этих сооружениях можно чисто умозрительно на основании рисунков А. Вестерфельда 1651 г., изображающих Золотые ворота и небольшие участки вала, примыкавшего к ним, или плана Ушакова 1695 г., на котором видны укрепления Города Ярослава и Города Владимира, перестроенные после 1654 г. московскими воеводами в «острог»⁵. Однако, как выяснилось в действительности, небольшие фрагменты укреплений Города Ярослава все же кое-где уцелели. В 1872 г. известен был, например, небольшой отрезок вала, который шел вдоль современной ул. Ярославов вал и первоначально примыкал к Золотым воротам с западной стороны⁶. В 1947—1948 гг. во время рытья траншей газопровода в этом же районе (по ул. Ярославов вал) были обнаружены остатки вала с деревянными конструкция-

¹ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, т. 2.

² Толочко П. П. До історії будівництва «города» Ярослава і Софії Київської.— Археологія, 1969, т. 29, с. 201; Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 240—251.

³ Тихонович О., Ткаченко М. Древний Київ-град.— У кн.: Архітектурні пам'ятники. К., 1950, с. 10; Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. К., 1970, с. 209—214.

⁴ Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва, с. 87.

⁵ Добровольский Л. Київські укріплення і Золоті ворота. Науковий збірник за рік 1926.— Записки Українського наукового товариства в Києві, тепер історичної секції Української Академії наук, т. 21, с. 17.

⁶ «Киевлянин», 1872, № 75, 24 апреля. Корреспондент газеты считал, что вал в высоту достигал 8 саженьей (примерно 16 м). Эта ошибка, видимо, объясняется тем, что высота вала была неверно вычислена вместе с высотой холма, на котором стоял вал.

ми внутри и следы рва⁷. Несмотря на то, что этих находок было недостаточно для обоснованных выводов о конструктивных особенностях киевского вала, уже тогда было ясно, что внутри их находились деревянные срубы — городни. Сгнившие остатки их постоянно фигурировали в сообщениях о находках валов.

На внешних сторонах стен Золотых ворот издавна были известны отпечатки бревен срубов в тех местах, где к ним примыкали валы. Отпечатки продольных бревен и торцов, хорошо заметны на обеих стенах ворот; они поднимаются от современного уровня земли примерно на 8 м в высоту и позволяют в общих чертах судить о грандиозности и мощности сооружений киевского вала. В 1874 г. В. А. Толстой, изучавший Золотые ворота в Киеве, на основании отпечатков бревен насчитывал семь «тарас», то есть клетей, установленных поперек вала и примыкавших к Золотым воротам⁸.

Ценные сведения о конструктивных особенностях киевского вала XI в. получены в 1952 г. во время археологических раскопок в районе телецентра (ул. Малая Подвальная, № 13). Здесь В. А. Богусевичем и П. А. Раппопортом тщательно изучены остатки вала, входившего в оборонительную систему верхнего Киева в XI в.⁹ Исследование показало, что вал имел внутри сложную систему дубовых срубов-городень, установленных на культурном слое XI в. Размеры отдельных срубов (на уровне основания вала) по фасаду имели 6,7 м, а по боковой стороне — 19,2 м. Каждый сруб состоял из клетей квадратной формы размером от 2,2 до 3,2 м. По фасаду сруб насчитывал две клетки, а по боковой стороне, то есть по ширине вала, — шесть клетей. Срубы, поставленные рядом, плотно примыкали друг к другу. В одном месте лицевая сторона главного сруба, обращенная к полю, была прослежена до высоты 7 м. Срубы сделаны из дубовых бревен диаметром 0,20—0,25 м, кантованных на шесть граней. Нарядка встречались и круглые бревна, приблизительно того же диаметра. Они были соединены между собой рубкой «в обло».

С задней стороны сооружения, перед лицевой линией срубов, обнаружена «вспомогательная деревянная конструкция», которая представляла собой решетчатый каркас из трех клетей высотой в 4—5 бревен. Эта конструкция, по справедливому мнению исследователей, должна была препятствовать сползанию переднего склона вала. Клетки срубов были заполнены плотно утрамбованным лесом и сверху засыпаны землей, образовавшей гребень вала и его склоны.

Важное значение для понимания конструкции вала в целом имеет поперечный разрез, выполненный во время исследования в 1952 г. Он

⁷ *Самойловський І. М.* Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр.— У кн.: Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1952, т. 3, с. 76; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1; М.: Л., 1961, т. 2; *Толочко П. П.* Исторична топографія стародавнього Києва, с. 209—214.

⁸ *Толстой В. А.* О Золотых воротах в Киеве.— В кн.: Труды III Археологического съезда. Киев, 1878, т. 2. Приложение, с. 323—325.

⁹ *Сфіменко П. П., Богусевич В. А.* Кріпость Ярослава Мудрого в Києві.— Вісник АН УРСР, 1952, № 12, с. 38—46; *Раппопорт П. А.* Очерки истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, № 52, с. 91—99.

* 19,2 м + 8,5 м (главный сруб + приставной).

¹⁰ *Раппопорт П. А.* Указ. соч., с. 96.

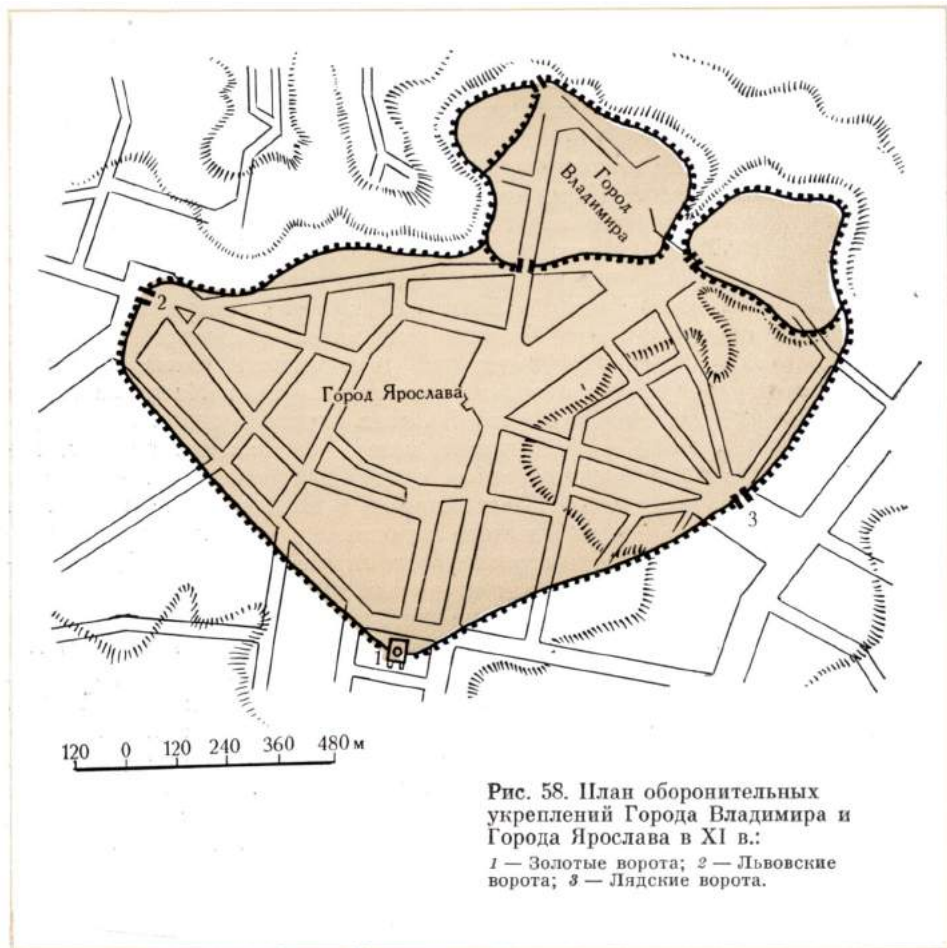

Рис. 58. План оборонительных укреплений Города Владимира и Города Ярославля в XI в.:
 1 — Золотые ворота; 2 — Львовские ворота; 3 — Лядские ворота.

дает возможность установить полную ширину вала у его основания, равную 27,7 м*, и вычислить его примерную высоту. Ввиду того, что у телецентра удалось проследить вал только на 7 м, П. А. Раппопорт пишет следующее: «Высота вала, которая определяется пересечением лицевой стенки срубов с линией переднего склона (определяется лишь приблизительно), была несколько больше 12 м»¹⁰. Как мы увидим далее, она близка той, которую удалось установить во время исследования Золотых ворот.

Изучение киевского вала в 1952 г., таким образом, дало возможность получить его точные размеры у подошвы, приблизительную высоту и особенности внутривальных конструкций. В дальнейшем предстояло уточнить: число клетей, поставленных у основания вала по его ширине, полную высоту вала, ширину гребня и конфигурацию склонов.

Важное значение в фортификационных укреплениях древнерусских городов играли воротные башни. Как упоминалось выше, укрепления Города Ярослава имели трое ворот: Золотые, Львовские и Лядские. О том, что представляли собой два последних сооружения, мы не знаем. Архитектурно-археологические исследования руин Золотых ворот в 1972—1973 гг. дали важные материалы, позволяющие осветить многие конструктивные особенности оборонного зодчества древнего Киева*.

О сооружении Золотых ворот в Киеве, как указывалось, летопись сообщает под 1037 г.: «В лето 6545. Заложы Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложы же и церковь святыя Софья, митрополюю, и посемь церковь на Золотыхъ воротехъ святыя Богородица благовещенье, и посемь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины»¹¹. В записи подводится итог строительной деятельности князя Ярослава Мудрого и перечисляются постройки, заложенные им в Киеве за время его княжения. Из записи видно, что Ярослав окружил значительно расширенную территорию Верхнего города валами со стенами на них, построил митрополичий Софийский собор, соорудил триумфальные Золотые ворота с надвратной церковью Благовещения и патрональные монастыри Георгия и Ирины. Исследователи этого летописного отрывка давно заметили, что в приведенной цитате строительство города (укреплений) и сооружение церкви на Золотых воротах оторваны друг от друга сообщением о постройке Софийского собора. Выходит, что сначала была построена оборонительная система города (валы), которая, естественно, не могла существовать без ворот, а затем уже (посемь) через некоторый, видимо, небольшой промежуток времени над воротами возвели надвратный храм Благовещения. Такое понимание этого летописного текста подтверждается и другим источником — «Словом о законе и благодати...» Илариона, где после постройки Софии говорится о тех же сооружениях следующее: «И славный градъ твои Киевъ величствомъ яко вѣнцемъ обложилъ, прѣдалъ люди твоа и градъ святѣи всеславнѣи скорѣи на помощь христѣаномъ святѣи богородици, ей же и церковь на великихъ воротехъ съезда въ имя первого господского праздника святаго благовѣщення»¹². Чрезвычайно любопытно, что Иларион в приведенном отрывке называет ворота не Золотыми, а Великими. Это, вероятно, свидетельствует о том, что первоначально ворота некоторое время существовали без надвратной церкви и назывались Великими.

Летописное перечисление последовательности постройки упомянутых сооружений заслуживает полного доверия еще и потому, что время

* Подробнее об этом см.: *Висоцький С. О., Лопушинська Б. І., Холостенко М. В.* Архітектурно-археологічні дослідження Золотих воріт у Києві у 1972—1973 рр.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 63—85; *Висоцький С. О.* Вал Ярослава Мудрого у Києві.— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 22—38.

¹¹ ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 102.

¹² *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.— *Slavia — casopis pro slovanskou filologii.* рос. XXXII (1963), Sec. 2. Nakladatelstwi i Ceskoslovenske akademie ved 1963, s. 168.

¹³ *Пономарев А. И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Спб., 1896, вып. 2, ч. 1, с. 58—59.

¹⁴ *Смирнов Я. И.* Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в.— В кн.: Труды XIII Археологического съезда. М., 1908, т. 2, табл. I—XIV.

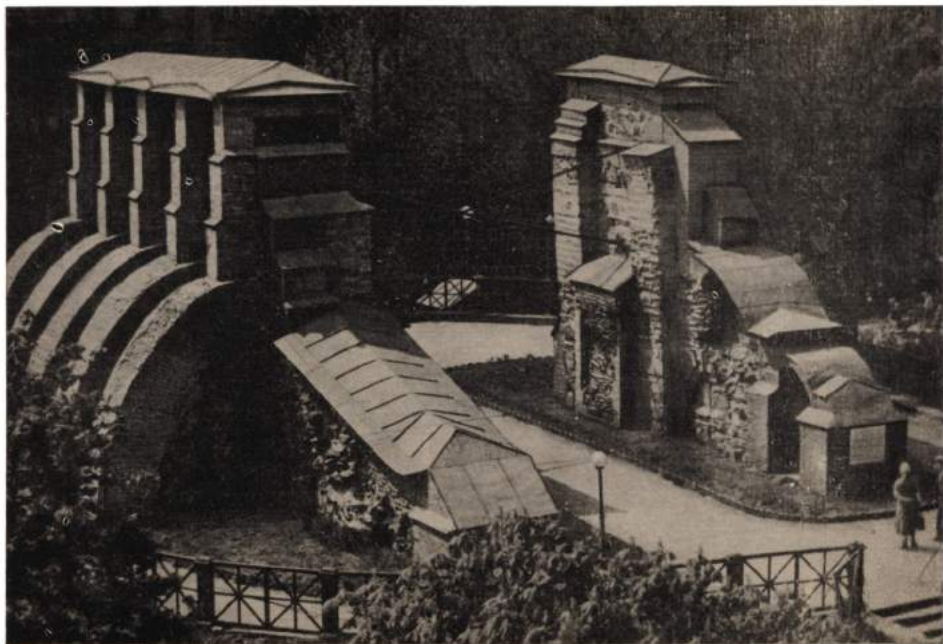

Рис. 59. Современный вид руин
Золотых ворот в Киеве.

освящения одной из них — церкви Георгия — убедительно фиксируется «Проложным сказанием об освящении церкви Георгия, что перед враты св. Софии», в котором упоминается об освящении храма 26 ноября митрополитом Иларием, а значит, не ранее 1051 г., когда Иларий был возведен в этот сан¹³.

Золотые ворота в Киеве еще несколько раз упоминаются летописью в связи с теми или иными историческими событиями, происходившими вблизи их в домонгольское время. Перед ними, например, в 1151 г. стоял Изяслав Мстиславич против рати Георгия (Юрия Владимировича). В том же году их похвалялся «сечи» «дикий половчанин» Севенч Бонякович, «яко же и отец» — половецкий хан Боняк.

В домонгольское время Золотые ворота, несомненно, служили главным въездом в Киев. Эта их функция сохранялась вплоть до середины XVIII в., когда они входили в оборонительную систему города.

В XVI—XVII вв. о них писали: Эрих Ляссота (1595), Павел Алеппский (1653), монах Киево-Печерского монастыря Афанасий Кальнофойский (1638) в своей «Терратургиме». Однако наибольший интерес для рассматриваемого вопроса представляют два рисунка Золотых ворот, сделанные в 1651 г. голландским художником А. ван Вестерфельдом, дошедшие до нашего времени в копиях XVIII в.¹⁴. На одном рисунке Вестерфельда изображена встреча польско-литовского гетмана Радзивилла у Золотых ворот, на другом — ворота зарисованы с более удаленной

точки. Золотые ворота в это время уже лежали в руинах, но в некоторых местах, ближе к городу, еще видны были арки и остатки надвратного храма. С обеих сторон к руинам ворот примыкает высокий вал. Рисунки Вестерфельда фиксируют памятник хотя и в руинах, но в лучшем состоянии, чем сейчас.

В 1750 г. руины Золотых ворот засыпали землей, а когда они были открыты К. Лохвицким в 1832 г., то их вид мало чем отличался от современного. К тому же времени относятся очень несовершенные первые обмерные чертежи памятника¹⁵. Несколько позже, при участии архитектора А. В. Беретти, были приняты меры для консервации руин: сооружены контрфорсы, покрытые черепицей, железные затяжки между стен и чугунная ограда.

Во время реставрации Софийского собора в Киеве в 1843—1853 гг. под руководством академика Ф. Г. Солнцева были выполнены обмеры восточной стены Золотых ворот, имеющие важное значение для реконструкции первоначального вида сооружения¹⁶.

Ко второй половине XIX в. относится немало фотографий и зарисовок Золотых ворот в Киеве, представляющих интерес как для изучения постройки, так и для констатации факта их довольно быстрого разрушения.

В первой половине XX в. изучением Золотых ворот занимались: П. П. Покрышкин, В. А. Ляскоронский, И. В. Моргилевский, Е. Д. Корж, В. А. Богусевич, Ю. С. Асеев¹⁷. Во время этих исследований, помимо архитектурных обмеров, производились в больших или меньших масштабах археологические раскопки. Так, в 1927 г. значительное археологическое исследование провел В. А. Ляскоронский. Цель раскопок заключалась в том, чтобы установить, имела ли продолжение разрушенная западная стена в южном направлении в соответствии с восточной. Раскопки показали, что первоначально западная стена аналогично восточной продолжалась на юг и была разрушена позже¹⁸.

В 1947 г. архитектурно-археологическое исследование Золотых ворот проводилось В. А. Богусевичем и Е. Д. Корж. Во время этих работ было заложено ряд небольших шурфов. В проезде ворот обнаружены сгнившие деревянные конструкции XVII—XVIII вв. неизвестного назначения. Древний горизонт XI в. установлен на глубине 1,35 м от современной поверхности земли, а глубина заложения фундамента составляла 3 м. Деревянные кольца и лежни, характерные для фундаментов ранних древнерусских построек, обнаружены не были.

На основании рисунков А. ван Вестерфельда и археологических раскопок В. А. Ляскоронского художник В. Д. Кричевский сделал первую попытку воссоздать первоначальный вид Золотых ворот в Киеве*.

Е. Д. Корж после исследования Золотых ворот также предложила свой вариант реконструкции постройки, которая была резко раскритикована Н. Н. Ворониным и М. К. Каргером как выполненная в духе художественной импровизации¹⁹.

В 1961 г. Ю. С. Асеевым проведено еще одно исследование памятника, в котором принимал участие и автор этих строк. Результатом работы явилась реконструкция первоначального вида Золотых ворот

ные исследователи, занимавшиеся реконструкцией Золотых ворот в Киеве, все свое внимание сосредоточили на воссоздании напольного, или городского, фасада здания, совершенно не касаясь его конструктивных особенностей. Между тем, как оказалось впоследствии, здесь имелись значительные неиспользованные возможности, важные для реконструкции постройки.

В 1970 г. мы, благодаря наблюдениям руин в натуре и тщательному анализу рисунков А. ван Вестерфельда 1651 г., пришли к выводу о том, что сохранившиеся в середине проезда ворот пилостры XI в. первоначально завершались арками разной высоты²¹. Одни из них, сохранившиеся пять арок, достигали, согласно предварительным расчетам, высоты около 11 м²², другие, не имевшие на этой же высоте пят арок, следовательно, были еще выше. В этой же работе была сделана «привязка» конструкций ворот, изображенных на рисунке А. ван Вестерфельда, к обмерному плану руин здания.

Попытки воссоздания внешнего облика Золотых ворот показали недостаточность архитектурно-археологического исследования для обоснованной реконструкции здания. При проведении этих работ стала очевидной необходимость принять срочные меры для консервации остатков постройки. Так, сравнение фотографий середины и конца XIX в. с современным состоянием ворот показывает, что процесс разрушения быстро продвигается вперед. Если еще в XIX в. внутри проезда находилась хорошо сохранившаяся облицовочная поверхность восточной стены, то сейчас она уже глубоко эрозирована и совершенно не имеет признаков отделочного раствора. Таким образом, упоминавшиеся выше работы по консервации Золотых ворот в XIX в. под руководством А. В. Беретти оказались совершенно недостаточными, хотя для своего времени они были проведены на сравнительно высоком реставрационном уровне. В настоящее время, несмотря на неоднократные ремонты, сохранность руин Золотых ворот заметно ухудшается, главным образом потому, что они никак не защищены от атмосферных осадков и, особенно, от опасных перепадов температуры зимой.

В 1972 г. по инициативе Института археологии АН УССР, Республиканского и городского обществ охраны памятников истории и куль-

¹⁵ ЧИОНЛ, 1891, кн. 5, разд. 1.

¹⁶ *Асеев Ю. С.* Золоті ворота Києва та єпископські ворота Переяслава.— Вісник Київського університету, 1967, № 8, вип. 1, рис. 4.

¹⁷ *Покрещилин П. П.* Рапорт от 24 сентября 1915 г. об археологическом исследовании Золотых ворот в Киеве.— ЦГИА, ф. 725, оп. 1, д. 30, л. 30; *Ляскоронський В.* Звідомлення про розкопки біля «Золотої брами» у Києві восени 1927 р.— У кн.: Хроніка археології та мистецтва, К., 1931, ч. 3, с. 45; *Корж Б. Д.* Золоті ворота в Києві.— В кн.: Архітектурні пам'ятники, К., 1950, с. 18; *Асеев Ю. С.* Золоті ворота Києва та єпископські ворота Переяслава, с. 44.

¹⁸ *Ляскоронський В. А.* Вказ. праця, с. 45.

* Рисунок находится в фондах Государственного архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей» Госстроя УССР.

¹⁹ *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 248—249.

²⁰ *Асеев Ю. С.* Архітектура Київської Русі, К., 1969, с. 55.

²¹ *Висоцький С. О.* До реконструкції Золотих воріт в Києві.— УІЖ, 1970, № 5, с. 122.

²² Там же, (7,3+3,2R=10,5, где: 7,3 — высота пяти арок от уровня проезда XI в.; 3,2 — радиус арки, равный половине ширины проезда ворот).

туры ученый совет Госстроя УССР принял постановление о разработке более действенных мер для консервации руин Золотых ворот в Киеве. Ввиду того, что материалов для разработки такого проекта было совершенно недостаточно, возникла необходимость в новом архитектурно-археологическом исследовании памятника*.

59 Руины Золотых ворот в Киеве представляют собой две параллельные стены, идущие на расстоянии 6,4 м между пилястрами, вытянутые по оси север — юг на 26,8 м. Западная стена имеет худшую сохранность. Она уцелела только на половину своей первоначальной длины. Когда была разрушена — неизвестно.

Кладка основной, древнейшей части Золотых ворот очень близка кладке Софийского собора в Киеве. Это «опус микстум» (смешанная кладка) из глины и камня (гранита, кварцита, песчаника) на розово-коричневом цементном растворе. Внутри проезда стены расчленены пилястрами, которые завершались арками, несшими свод. На восточной стене уцелело шесть пилястр, а на западной — только три. Расстояние между сохранившимися пилястрами не везде одинаково. Оно колеблется в пределах 1,5—2,35 м. Ширина пилястр также не одинакова — от 1,15 до 1,35 м, а крайней пары в сторону города даже — 2,10 м**. Расстояние в 2,1 м между пилястрами в средней части дважды повторяется, а следующее за ним в сторону поля значительно уже — 1,5 м.

Внутри проезда к первоначальным стенам примыкают более поздние пристройки второго строительного периода. Они сложены также из глины, правда, несколько большего размера и толщины и камня на растворе глиняки, которая по своему цвету (бледно-розовый), количеству и размерам фракций, добавленной толченой керамики резко отличается от раствора первоначальной части здания. Кладка пристроек также смешанная. Однако есть основания предполагать, что она, как и архитектурные элементы, пристроек (арочки и пилястры, повторяющие первоначальные), является результатом простого подражания основной кладке ворот и поэтому не может быть использована для каких-либо хронологических выводов относительно времени возникновения пристроек.

Архитектурно-археологическое исследование Золотых ворот в 1972—1973 гг. ставило своей целью установить следующее: конструктивные особенности, глубину заложения и сохранность фундаментов первоначальной части здания XI в. и более поздних пристроек внутри проезда; протяженность постройки по оси север—юг; уровень древнего горизонта в проезжей части ворот; наличие цоколя у восточной и западной стен; назначение деревянных конструкций внутри проезда, которые неоднократно упоминались предыдущими исследователями; а также уточнить строительные особенности здания и вала, примыкавшего с обеих сторон к воротам. Необходимо было также выяснить периодизацию строительства основных частей сооружения: собственно ворот и падвратной церкви Благовещения, изучить характер внутреннего убранства храма. В задачи исследования входило также тщательное обследование руин, точные обмеры, работа с литературными источниками, рисунками, старыми фотографиями и чертежами.

150 Коснемся здесь главных результатов исследования***. В ходе раскопок 1972—1973 гг. удалось установить следующее. Фундаменты Золотых

ворот сложены из камня на растворе цемянки. Подошва фундамента находится на глубине 2,78—2,95 м (западная стена) и 3,05—3,3 м (восточная стена). Дно фундаментного рва уплотнено с помощью деревянных колышков высотой 0,55—0,6 м и толщиной 5—8 см, вбитых в него. Поверх колышков положены лежни — деревянные бревна, известные по древнерусским постройкам XI в. Южная часть фундамента западной стены (сохранившейся наполовину) сильно повреждена и даже разобрана в связи с постройкой дороги XVII—XVIII вв., зафиксированной раскопками в южной и северной частях проезда. Сгнившие бревна, сохранившиеся от настилов этой дороги, упоминались предыдущими исследователями ворот.

Внутри проезда древняя стратиграфия XI—XII вв. оказалась полностью утраченной. Однако уровень первоначального горизонта проезда Золотых ворот удалось зафиксировать в нескольких местах. Он находился на глубине 1,32—1,36 м от современной поверхности земли****. В раскопе внутри проезда ворот были обнаружены остатки упавших арок, большие куски раствора с вмурованными в них голосниками, плинфа, обломки шиферных плит, много фрагментов штукатурки с фресковой росписью, а на самом дне раскопа на глубине более 4 м — пять кубиков разноцветной смальты, которые по размерам (не более 1—1,5 см³), несомненно, принадлежали настенным мозаикам.

Среди строительных остатков обнаружен фрагмент цемяночного раствора, аналогичного раствору первоначальной части здания с нанесенной на него фресковой штукатуркой и росписью. Несомненно, что он происходил из надвратного храма. Эта находка полностью опровергает мнение, что поздние пристройки внутри проезда ворот появились в связи с сооружением надвратного храма²³. Если бы это действительно было так, тогда фресковая штукатурка с живописью на обнаруженном фрагменте была бы нанесена не на первоначальный цемяночный раствор XI в., а на бледно-розовый раствор поздних пристроек. Найдено убедительно свидетельствует о том, что надвратный храм и сами ворота были сооружены с весьма небольшим промежутком времени, в течение которого строительные приемы еще не успели сколько-нибудь измениться. Что касается упоминавшихся поздних пристроек, то они, наиболее веро-

* На том же ученом совете Госстроя УССР был выделен авторский коллектив: С. А. Высоцкий (Институт археологии АН УССР), Е. И. Лопушинская (Реставрационное управление Госстроя УССР), Н. В. Холостяко (институт «Киевпроект»), которому и поручили разработку проекта и архитектурно-археологическое исследование Золотых ворот в 1972—1973 гг. В раскопках принимали участие студенты Киевского университета. Обмерные чертежи раскопов и шурфов выполнял архитектор В. С. Шелягов.

** Эта пара пиластр в настоящее время разрушена, но их размер (ширина) устанавливается путем расчета (суммирования ширины всех пиластр и расстояний между ними. Остаток и есть искомая величина).

*** Более подробно об этом см.: *Высоцкий С. О., Лопушинська Е. І., Холостяко М. В. Архітурно-археологічні дослідження Золотих воріт у Києві у 1972—1973 рр.*, с. 63—85.

**** В. А. Богусевич уровень первоначального горизонта ворот установил на глубине 1,35 м. (*Корж Б. Д. Вказ. праця*, с. 19).

²³ *Корж Б. Д. Вказ. праця*, с. 18.

ятно, возникли где-то в конце XI или скорее в XII в. в связи с необходимостью укрепить здание*.

Важные наблюдения были сделаны с внешней стороны стен Золотых ворот, в тех местах, где к ним примыкали с обеих сторон валы. Как упоминалось, на этих сторонах стен на известковом растворе хорошо сохранились отпечатки срубов — их продольных частей и торцов бревен; позволяющие заключить, что к стенам в этом месте примыкали деревянные конструкции вала, насчитывающие шесть клетей, поставленных по его ширине²⁴. Раскопы, заложенные у южной и северной оконечности стен, позволили уточнить число клетей, примыкавших к Золотым воротам с обеих сторон. Оказалось, что их было не шесть, а девять. Отпечатки бревен двух новых клетей открыты в южном конце восточной стены и еще одной клетки в северном конце западной стены²⁵. В ходе раскопок установлено, что деревянные конструкции вала состояли из большого сруба, насчитывавшего шесть клетей, к которому с напольной стороны примыкал меньший сруб из трех клетей, приходившийся под склон вала. В месте примыкания срубов друг к другу, на восточной стене ворот, отпечатки торцов бревен идут двумя близко расположенными рядами. Установленные конструктивные особенности вала у Золотых ворот позволили сделать важный вывод о его большой близости к валу, открытому в 1952 г. в Киеве у телецентра. Об этом свидетельствует как одинаковое число клетей — девять, так и ширина вала у основания: у Золотых ворот — 26,8 м, у телецентра — 27,7 м**.

60,
61

Исследование руин Золотых ворот в натуре позволило уточнить расчет высоты арок по их пятам. Кроме известных пят арок первого периода строительства на восточной и западной стенах, с южной стороны восточной стены удалось обнаружить еще одну пята арки на высоте 4,33 м от уровня проезда XI в.²⁶ Ранее известные две пяты арок находились на высоте 7,02 м***. Ввиду того, что ширина проезда между пилонами

* Об этом свидетельствуют большие трещины в северной части стен сооружения. Исследование цементного раствора из первоначальной части Золотых ворот, проведенным Научно-исследовательской лабораторией Украинского специального научно-реставрационного управления при Госстрое УССР, установлено, что в него, как и в другие растворы XI в. (Софийского собора, Георгиевской и Ирининской церквей, церкви Михаила Выдубецкого монастыря), входил заполнитель не из битой глины, как считалось, а из специально изготовленной керамики из тонкодисперсионных лессовидных глин и суглинков. В памятниках XII—XIII вв. спецзаполнитель полностью вытесняется боем глины. В раствор пристроек Золотых ворот добавлена уже толченая глина и только в небольшом количестве — специальная керамика. Это наблюдение позволяет уточнить дату возведения пристроек и отнести их к самому концу XI в., а скорее — к первой половине XII в.

²⁴ Асеев Ю. С. Вказ. праця, с. 51, рис. 5; Сфіменко П. П., Богусевич В. А. Вказ. праця, с. 42.

²⁵ Висоцький С. О., Лопушанська Є. І., Холостенко М. В. Вказ. праця, с. 71, 72, рис. 7, 9.

** Длина основного сруба 19,2 м, приставного — 8,5 м. (Раппопорт П. А. Указ. соч., с. 96, рис. 67).

²⁶ Висоцький С. О., Лопушанська Є. Г., Холостенко М. В. Вказ. праця, с. 82, рис. 14.

*** Пята арки на западной стене немного ниже 6,94 м в связи с повышением здесь уровня проезда.

**** Как видим, высота этих арок незначительно отличается от рассчитанной нами ранее. (Висоцький С. О. До реконструкції Золотих воріт у Києві, с. 122).

составляет 6,4 м, то, следовательно, половина этой величины — 3,2 м — представляет собой радиус арок (R), находившихся в проезде ворот. Он позволяет вычислить высоту арок до их шалыг — 10,22 (7,02 + 3,2R) или, учитывая еще толщину арки в 0,9 м, их полную высоту — 11,12 м (10,22 + 0,9) ****. Таким же образом вычисляется высота и вновь открытой малой арки у южной оконечности восточной стены — 8,43 м (4,33 + 3,2R + 0,9). Но на восточной стене сохранились еще две пилястры, которые на высоте 7,02 м не имеют пят арок. Это свидетельствует о том, что они были самыми высокими в проезде ворот и поэтому их

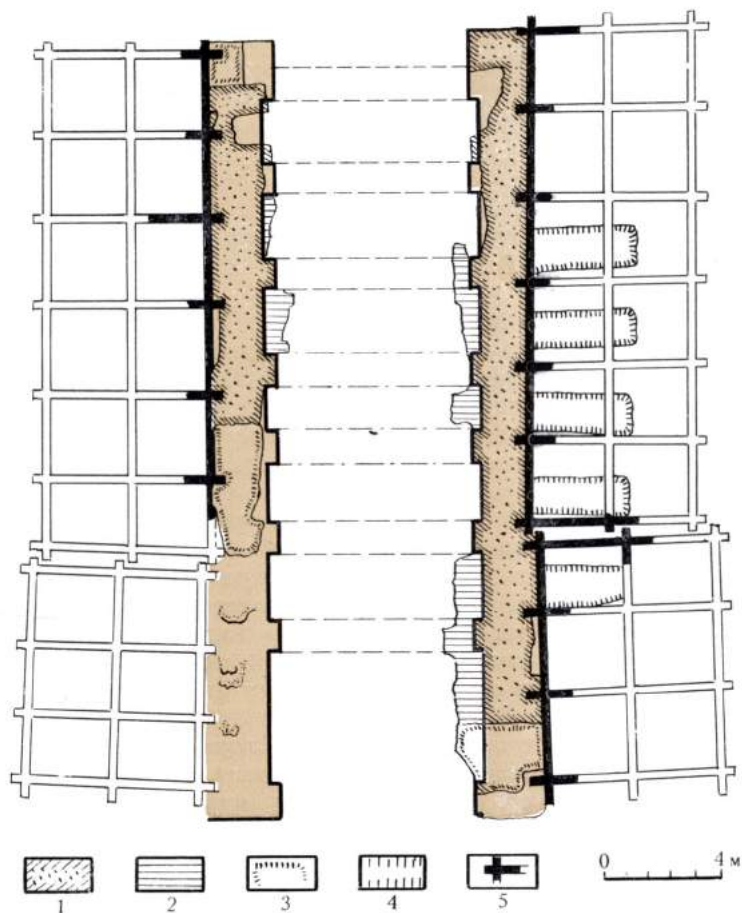

Рис. 60. План Золотых ворот с примыкающими к ним срубами вала. Раскопки 1972—1973 гг.:
 1 — кладка XI в.; 2 — прикладки XII в.; 3 — фрагменты, обнаруженные во время раскопок 1972—1973 гг.; 4 — контрфорсы XIX в.; 5 — исследованные части сруба вала.

пяты находились выше современной сохранности стен. Вычислить высоту этих арок удалось благодаря обмеру Ф. Г. Солнцева и наблюдениям, сделанным в натуре. На некоторых пилястрах ворот сохранились парные гнезда от опалубки — вспомогательных деревянных сооружений, применявшихся при возведении арок. Эти парные гнезда совпадают по расстоянию от уровня проезда с пятами арок. На 0,9 м ниже гнезд опалубки обычно на пилястрах находятся прямоугольные гнезда от связей. На рассматриваемых пилястрах высоких арок восточной стены эти гнезда не сохранились. Но на обмере Ф. Г. Солнцева они зафиксированы. Там видно, что своей нижней частью гнездо связи достигает ряда камней, которые сейчас имеются в натуре. Отметка их — 8,36 м от уровня проезда XI в. Если к этой высоте добавить 0,9 м (расстояние от гнезда связи до парных гнезд опалубки, находящихся на одном уровне с пятами арок), то получим пяты самых высоких арок (9,26 м). Следовательно, полная высота арок будет 13,36 м (9,26 + 3,2R + 0,9).

На основании приведенных расчетов удалось получить три высоты арок первого периода строительства Золотых ворот: высокие — 13,36 м, средние — 11,12 м, низкие — 8,43 м.

Из архитектурных особенностей постройки следует отметить находку цоколя, идущего вдоль восточной и западной стен и выступающего в проезд на 0,17—0,25 м. Высота цоколя 0,7—0,8 м относительно уровня проезда XI в. *

Таким образом, во время исследования Золотых ворот в 1972—1973 гг. удалось получить чрезвычайно важные сведения, необходимые для реконструкции памятника, а также вала Ярослава Мудрого, примыкавшего к нему. На основании полученных материалов мы уже касались вопроса реконструкции вала Города Ярослава у Золотых ворот²⁷. Кратко остановимся здесь на наиболее важных выводах относительно вала, примыкавшего к Золотым воротам, которые тесно связаны с реконструкцией всего сооружения в целом.

61 На основании археологических раскопок киевского вала у телецентра в 1952 г. П. А. Раппопортом и В. А. Богусевичем был сделан вывод относительно высоты вала в исследованном месте. П. А. Раппопорт мысленно продлевает линию напольного склона вала до ее пересечения на высоте 10,5 м с упомывавшейся выше «лицевой стенкой» главного сруба²⁸. Полученную величину он округляет и считает высоту вала у телецентра равной примерно 12 м.

Выше говорилось, что деревянные конструкции внутри вала у Золотых ворот (по отпечаткам на стенах) насчитывали девять клетей, имевших в длину, то есть поперек вала, у основания 26,8 м. Те же девять клетей в валу у телецентра имели протяженность, то есть также

* Отдельные участки цоколя были открыты при работах В. А. Богусевича и Е. Д. Корж, а также Ю. С. Асеева в 1961 г.

²⁷ *Висоцький С. О.* Вал Ярослава Мудрого у Києві, с. 22—38.

²⁸ *Раппопорт П. А.* Указ. соч., с. 96.

** Следует учитывать, что вал у телецентра сохранился в несколько деформированном виде, а отпечатки бревен у Золотых ворот фиксируют его состояние в первоначальном виде.

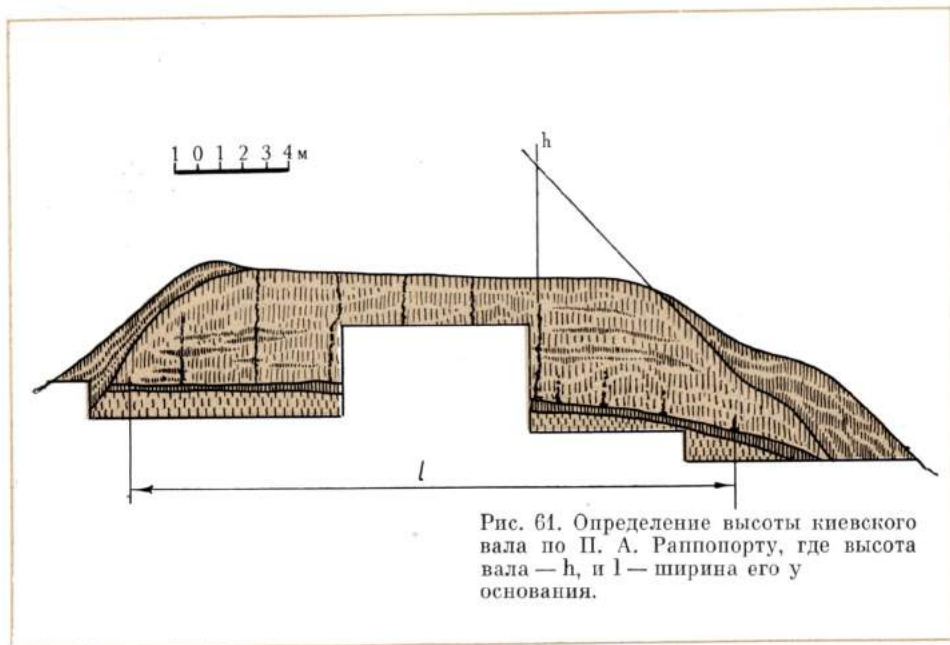

Рис. 61. Определение высоты киевского вала по П. А. Раппопорту, где высота вала — h , и l — ширина его у основания.

поперек вала, 27,7 м. Следовательно, основание вала в ширину было практически одинаково в обоих исследованных местах**. Отсюда вытекает важный вывод: поскольку конструктивные особенности и ширина вала у основания в обоих случаях одинакова, то это должно свидетельствовать о том, что и высота вала в обоих исследованных местах была также одинаковой. Действительно, одна из установленных высот арок Золотых ворот — средняя — имеет 11,12 м. Она предельно близка к высоте вала у телецентра — 12 м. Да это и понятно, потому что гребень вала, несомненно, должен был быть как-то связан с уровнем боевой площадки ворот, обращенной в сторону поля. Таким образом, высота вала у Золотых ворот, как и средних арок, достигла 11,12 м. Но в проезде ворот были еще две арки, имевшие большую высоту — 13,36 м. Эта высота примерно равнялась уровню пола надвратной церкви, площадкам перед ее фасадами и уровню боевой галереи заборол²⁹. Следовательно, двум основным высотам арок Золотых ворот (11,12 м и 13,36 м) соответствовали два уровня вала: его гребень — 11,12 м и уровень боевой галереи заборол — 13,36 м.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что ворота и надвратный храм на них строились с небольшим промежутком времени. Об этом свидетельствуют, как мы видели, идентичность растворов обеих частей здания и, в частности, фрагмента раствора из надвратного храма с фресковой штукатуркой и росписью. О некотором промежутке между строительством ворот и надвратного храма Благовещения на них свидетельствует летопись и «Слово о законе и благодати...» Иларiona. Что же касается того, была ли первоначально задумана по-

стройка над воротами надвратного храма, то на этот вопрос, нам кажется, следует ответить положительно. В этом нас убеждает анализ плана проезда ворот с неодинаковыми расстояниями между пилонами, колеблющимися от 1,5 до 2,35 м.

Имея в своем распоряжении план постройки, три высоты его арок, данные о деревянных внутривальных конструкциях и другие материалы, можно поставить вопрос о том, где именно в пределах плана ворот располагался храм и каких он мог быть размеров. Расстояние между внешними сторонами стен проезда составляет: со стороны города 10,5 м и со стороны поля — 11,5 м. Храм должен был располагаться по оси проезда, скорее всего где-то в пределах четырех средних арочных перемычек со сдвигом в ту или иную сторону. Ширина храма, его городской и напольный фасады, должны были равняться ширине воротной башни, то есть 10,5 м*. Боковые фасады опирались на стены проезда, являясь их продолжением. Напольный и городской фасады, в пределах упомянутых четырех арок, на которых размещался храм, опирались на крайние арки, а на две средние арки опирались столбы подкупольного квадрата. Храм, таким образом, имел размеры 10,5 × 11 м (без алтарных полу-кружий). Относительно четырехстолпности храма авторы, писавшие о Золотых воротах в Киеве, высказывали сомнения³⁰. Они считали невозможным, чтобы столбы подкупольного квадрата церкви опирались на арки проезда. Однако в некоторой мере судить о четырехстолпности надвратного храма можно даже по миниатюре в Радзивилловской летописи, иллюстрирующей постройку Киева и его укреплений³¹. Несмотря на условность изображения, на миниатюре видим городские ворота с большим воротным проемом и надвратным одноглавым храмом. Верх стен церкви завершается тремя закомарами, что, как известно, должно было соответствовать членению внутреннего пространства храма на три части и свидетельствовать в пользу ее четырехстолпности.

65 Еще больше убеждает в четырехстолпности храма на Золотых воротах в Киеве находка В. В. Косточкиным обмерных чертежей Н. фон Берка и А. Гусева 1779 г. Золотых ворот во Владимире-на-Клязьме, которые, как доказал Н. Н. Воронин, отражают вид надвратной церкви до перестройки³². Н. Н. Воронин считал, что на упомянутых чертежах изображена первоначальная четырехстолпная церковь 1164 г., опиравшаяся на арки и стены проезда ворот. Отсюда следует, что столбы подкупольного квадрата надвратной церкви опирались на арки главного свода. Поэтому подобный вариант размещения четырехстолпной надвратной церкви Благовещения в Киеве на Золотых воротах не может вызывать возражений.

Относительно того, где именно в пределах плана Золотых ворот в Киеве находился надвратный храм, следует рассмотреть два варианта. Как мы видели выше, две арки в средней части проезда ворот, в отличие

* Забегая несколько вперед, скажем, что храм был сдвинут в сторону города, поэтому мы берем размер фасада не 11,5, а 10,5 м.

³⁰ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 249.

³¹ Радзивилловская, или Кевигсбергская летопись. Спб., 1902, л. 87.

³² Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 1, с. 144, 145.

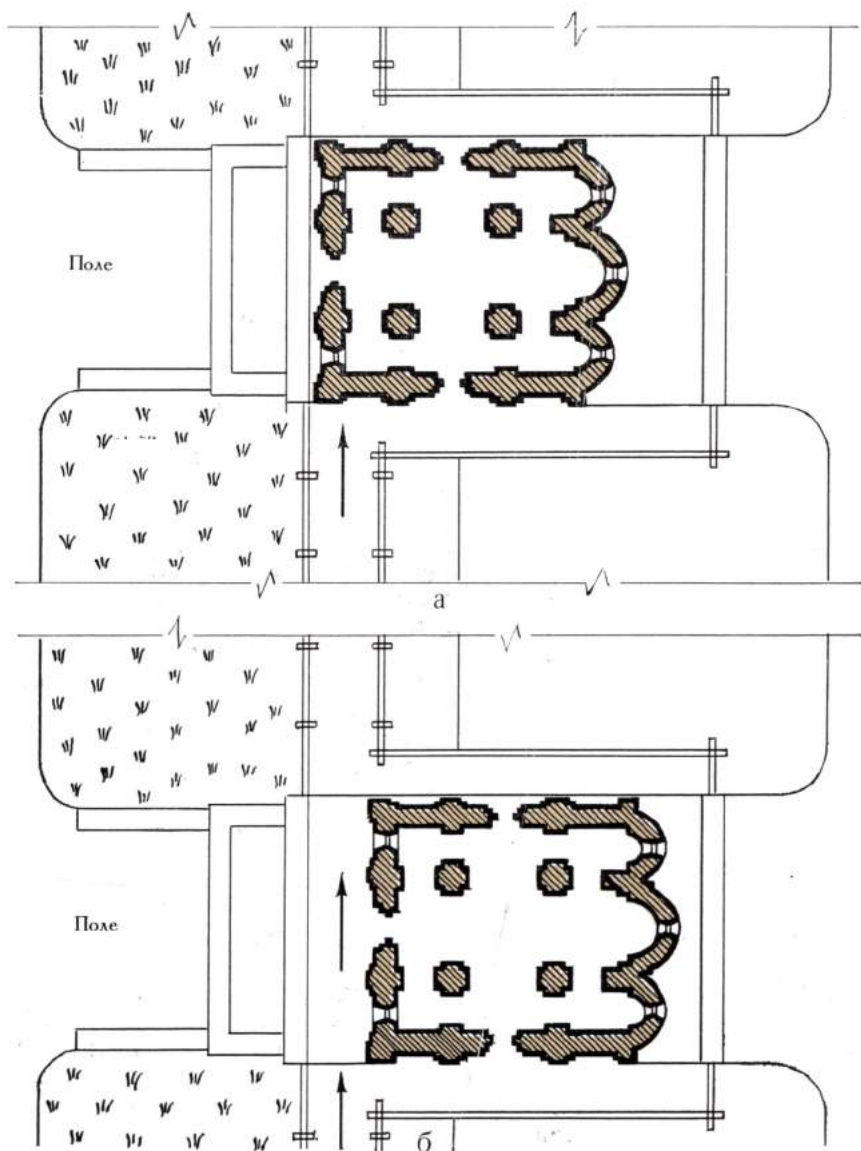

Рис. 62. Расположение надвратного храма относительно проезда
Золотых ворот:

а) храм сдвинут в сторону поля, по галерее заборол проход закрыт, подкупольный квадрат храма попадает в узкое место между пилястрами проезда;
 б) храм сдвинут в сторону города, проход по галерее заборол свободен, подкупольный квадрат храма попадает в широкое место между пилястрами проезда.

62.
а

от других, имели значительно бóльшую высоту. Это можно объяснить двумя причинами: или высокие арки имели отношение к расположению в этом месте надвратного храма, и на них опирались столбы подкупольного квадрата, или же они были как-то связаны с высотой вала, примыкавшего к воротам с обеих сторон. В первом случае, если указанные высокие арки имели отношение к храму, тогда на более низкие от них арки в сторону города и поля опирались фасады церкви. Тем самым определяется место надвратного храма в пределах плана постройки (рис. 62). Казалось, что подобное расположение надвратной церкви Золотых ворот объясняет наличие двух высоких арок в середине проезда. Сдвинуть храм с указанного места представлялось совершенно невозможным³³. Размещение храма в этом месте мыслилось логичным еще и потому, что гребень вала, примыкавшего к воротам, оказывался против боковых фасадов церкви ближе к напольной стороне. Однако в подобном расположении надвратной церкви имеются значительные недостатки. Подкупольный квадрат храма попадает в самое узкое место между арками проезда (1,5 м), и поэтому его форма получается несколько вытянутой поперек проезда, а не приближающейся к квадратной. Между тем, следующее расстояние между арками в сторону города составляет 2,1 м. Кроме того, поскольку «лицевая стенка» главного сруба, являвшаяся внешней стеной клетки, образовывала на валу стену с заборами сверху и упиралась торцами бревен в напольный фасад церкви, сквозной проход вдоль вала по галерее заборол был невозможен, так как ему препятствовали боковые фасады церкви. И наконец, еще один менее существенный недостаток. В сторону города перед церковью получалась в два раза бóльшая площадка, чем в сторону поля, хотя, исходя из требований обороны, можно было бы ожидать обратного³⁴.

62.
б

Второй вариант расположения храма над проездом Золотых ворот, которого мы придерживаемся, сводится к тому, что упомянутые высокие арки имели отношение не к расположению надвратной церкви, а к валу, и поэтому храм сдвигается на одно членение между арками в сторону города. При этом подкупольный квадрат храма попадает в более широкое место между пилястрами в 2,1 м*, что позволяет сделать барабан купола большего диаметра. Одна пара столбов подкупольного квадрата по-прежнему продолжает опираться на высокую арку, а вторая — на низкую, достроенную стенкой до главного свода. Напольный фасад храма перемещается в сторону города на освободившуюся высокую арку. Городской фасад опирается на более низкую арку, также достроенную стенкой до главного свода. Перед храмом со стороны поля и города образуются две одинаковые площадки. Поскольку напольный фасад церкви смещается в сторону города, «лицевая стенка» главного сруба приходится теперь уже не против него, а против парапета площадки со стороны поля и тем самым не препятствует передвижению вдоль вала и по боевой галерее заборол (рис. 62, б).

Возникает вполне резонный вопрос: зачем нужна была столь сложная конструкция главного свода Золотых ворот? Не проще ли было сделать арки на одном уровне? Действительно, на первый взгляд такая конструкция свода кажется довольно непонятной. Но если учесть трудности, с которыми пришлось столкнуться строителям Золотых ворот,

то указанные конструктивные особенности здания становятся совершенно понятными и логичными.

В середине проезда Золотых ворот толщина стен с пилестрами составляет около 2,0 м, а без них — 1,58 м, что совершенно недостаточно для того, чтобы погасить распор арок, нагруженных сводом и надвратной церковью. По мнению строителей, часть этой нагрузки должна была гаситься деревянно-земляными конструкциями вала, и поэтому не было никакой необходимости в более мощных стенах. Особенно большие нагрузки на стены должны были возникать в тех местах, где находились пяты арок, поддерживавших свод. Именно там деревянные конструкции вала в первую очередь должны были компенсировать нагрузки.

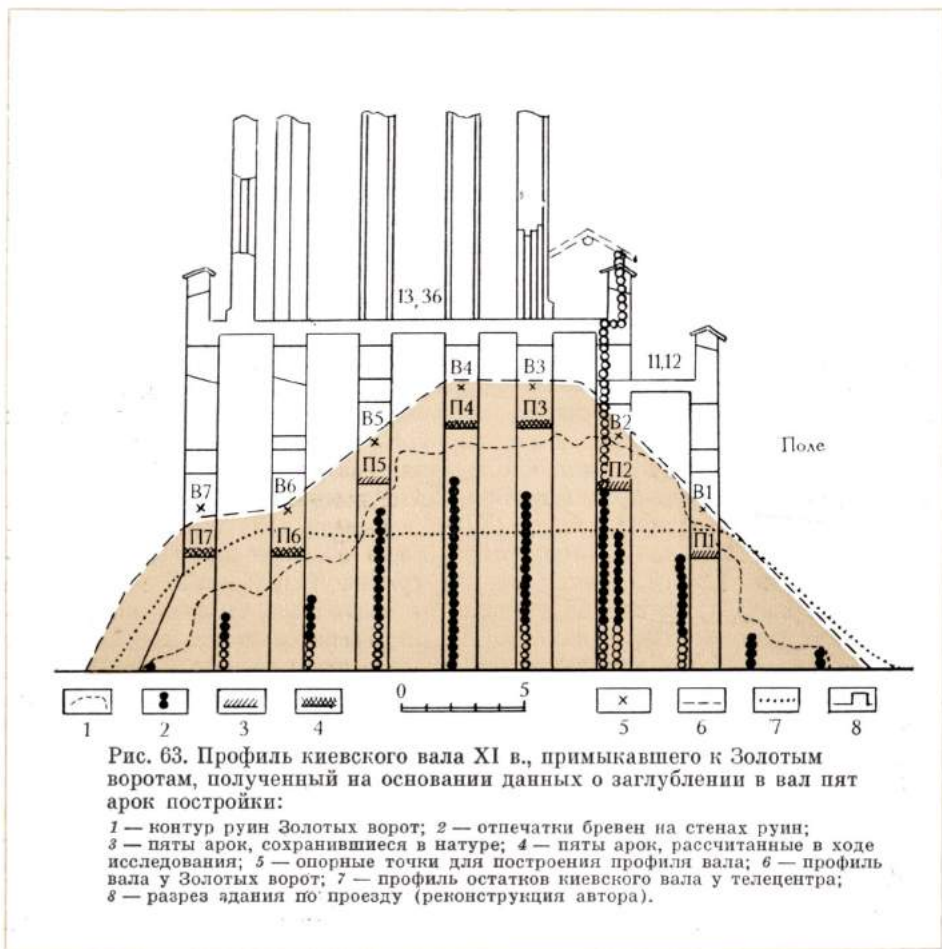
Вал, примыкавший с обеих сторон к Золотым воротам, имел в высоту 11,12 м, а в ширину, у основания, — 26,8 м. Вал суживался кверху, и форма его несколько напоминала призму. Две арки проезда, как мы видели, были значительно выше остальных, поэтому, чтобы скрыть их пяты в валу и тем самым компенсировать нагрузки, необходимо было эти арки разместить в таком месте вала, где его высота была максимальной, то есть точно против гребня. Пяты высоких арок находились на высоте 9,26 м и от уровня проезда XI в., а высота вала без стены и заборола достигала 11,12 м. Следовательно, пяты высоких арок были углублены в вал на 1,86 м, считая от его гребня (11,12—9,26 м). Однако следующая пара арок по обе стороны от высоких в сторону поля и города имела уже меньшую высоту. Их пяты возвышались на 7,02 м от уровня проезда XI в. Если допустить, что все пяты других, более низких, арок были углублены в вал на ту же глубину (1,86—2,0 м), что весьма вероятно, то можно получить ряд опорных точек, которые очень близко будут отражать конфигурацию вала. Так, вал в месте расположения средних по высоте арок имел 8,88 м (7,02 + 1,86), а в месте, где со стороны поля находилась наиболее низкая первоначальная арка, — 6,19 м (4,33 + 1,86). Следовательно, вал относительно гребня понижался в сторону поля в районе средней арки на 2,24 м (11,12 — 8,88) и в районе низкой арки — на 4,93 м. Соединив графически эти расчетные точки, впервые получим полный профиль вала, примыкавшего с обеих сторон к Золотым воротам (рис. 63).

Таким образом, конструкция арок, поддерживавших главный свод ворот, находилась в тесной зависимости от формы вала и деревянных срубов внутри его, которые должны были гасить возникавшие нагрузки. Перед строителями Золотых ворот стояла дилемма: или следовать форме вала и органически связать оба сооружения в единое целое, или значительно увеличить толщину стен здания, с тем, чтобы они сами могли погасить распор арок, находившихся в проезде. Строители пошли по первому пути, в связи с чем в проезде ворот и появились арки разной высоты. Благодаря этому и стало возможным скрыть в насыпи вала

³² *Висоцький С. О.* До реконструкції Золотих воріт у Києві, с. 126, рис. 1, 3; *Висоцький С. О., Лопушинська Є. І., Холостенко М. В.* Квад. праця, с. 83.

³⁴ *Лопушинская Е. И.* Проект реконструкции Золотых ворот в Киеве.— Строительство и архитектура, 1978, № 12, план ворот на с. 35.

* Подкупольный квадрат храма, таким образом, оказывается более широким, чем нартекс, что соответствует особенностям, наблюдаемым в древнерусской архитектуре.

их пяты, а сами арки достроить кирпичными стенками до главного свода*.

Установив местоположение надвратного храма относительно проезда ворот, обратимся к напольному фасаду здания. Постройка представляла собой прямоугольную воротную башню, в средней части которой наверху размещался надвратный храм. Перед южным и северным фасадами храма находились площадки. В сторону поля башня понижалась в виде уступа, образовавшего боевую площадку. Уровень ее совпадал с гребнем вала, что давало возможность осуществлять проход вдоль вала по площадке. Какой была ширина площадки по оси здания и где находился ее напольный фасад, неясно: проходил ли он по линии пилястр наиболее низкой со стороны поля арки или был вынесен еще дальше вперед к самому южному концу фундамента здания. Об этом в некоторой степени можно судить на основании упоминавшихся рисун-

ков А. Вестерфельда, на которых зафиксированы многие важные детали первоначальной постройки. На первом из них, как указывалось выше, изображена встреча Януша Радзивилла у городских ворот. Здесь представляет интерес так называемая раскреповка между неполными фасадами и главным объемом ворот, заметная на изображении руин справа. Она указывает на то, что фасад боевой площадки со стороны поля был уже, чем основной объем здания. Значительно больше информации для реконструкции первоначального вида здания содержит второй рисунок. На нем ворота изображены с более дальней точки. Хорошо видно, что в то время восточная стена здания имела лучшую сохранность, чем в настоящее время, а западная, как и сейчас, была уже наполовину разрушенной. На внутренней стороне восточной стены видны многочисленные полуразрушенные арки, относящиеся к первому и второму периоду строительства здания. На первом плане зарисовки справа видим юго-восточный угол постройки. К зрителю обращена часть южного фасада, к которому примыкает вал. С противоположной стороны руин вал изображен в том месте, где он подходит непосредственно к воротам. Далее, влево от ворот, художник его не показал, потому что хотел открыть вид на Софийский собор и эту часть города.

В средней части проезда ворот изображены две сохранившиеся арки. Одна из них, ближе к зрителю, — очень высокая, а вторая за ней — значительно ниже, надстроенная стенкой с окнами или нишами.

Рассматриваемый рисунок, как на это указывали его комментаторы, имеет ошибки в построении перспективы, но в целом, как увидим далее, заслуживает полного доверия, за исключением некоторых второстепенных деталей. Попытаемся теперь сделать привязку остатков арок и пилястр, изображенных на рисунке А. Вестерфельда, к соответствующим им пилястрам на современном обмерном плане Золотых ворот. Обозначим арки и пилястры руин единой нумерацией: первоначальные (XI в.) — арабскими цифрами и более поздние — римскими. Напомним известные нам высоты арок первоначальной части здания: высокие — 13,36 м, средние — 11,12, низкие — 8,43 м. А теперь выясним, какие пилястры на плане ворот соответствуют сохранившейся высокой арке, зарисованной Вестерфельдом. Нам известно, что в середине проезда располагались две самые высокие арки. В связи с этим на западной стороне ворот, сохранившейся в 1651 г., как и сейчас, только наполовину, могла быть всего лишь одна пилястра высокой арки, ближайшая к городу. Следовательно, на рассматриваемом рисунке изображена именно одна из высоких арок, обозначенная нами № 7. Это та арка, на которую опиралась северная пара столбов подкупольного квадрата храма. Такой вывод подтверждается и тем, что по обе стороны от нее Вестерфельдом изображены две разрушенные арки второго периода строительства VI и VIII. Нижние части их сохранились до настоящего времени в натуре и обозначены нами на

* Этот конструктивный прием — достройку арок стенками до свода, судя по рисунку А. Вестерфельда, применили и мастера, ремонтировавшие здание в XII в. На рисунках ворот между двумя арками видна кирпичная закладка с тремя окнами, относящаяся к XII в. Подобная мысль подтверждается и тем, что, как указывалось выше, строители XII в. стремились подражать конструктивным и декоративным приемам своих предшественников — мастеров XI в.

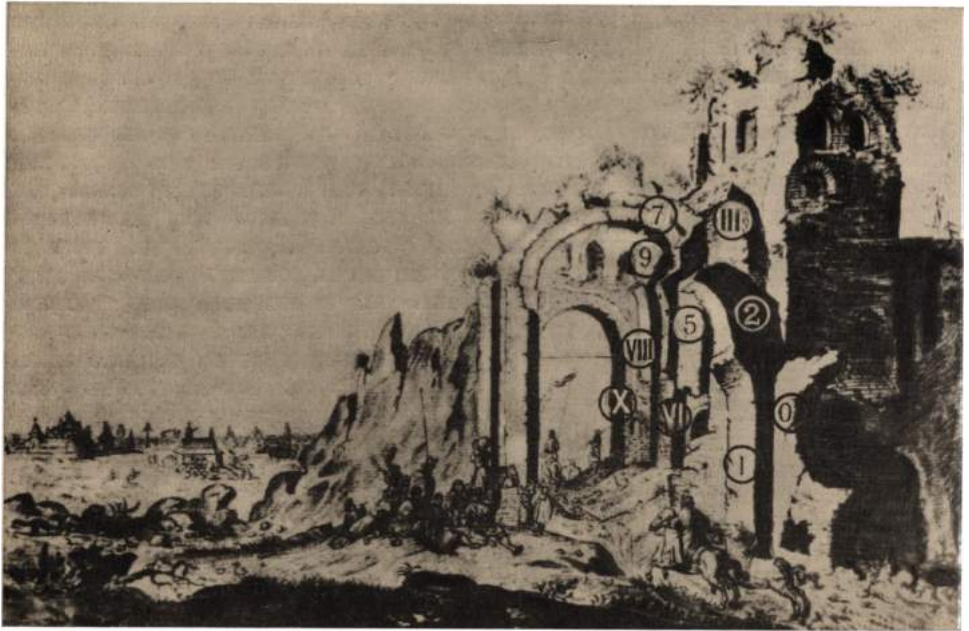
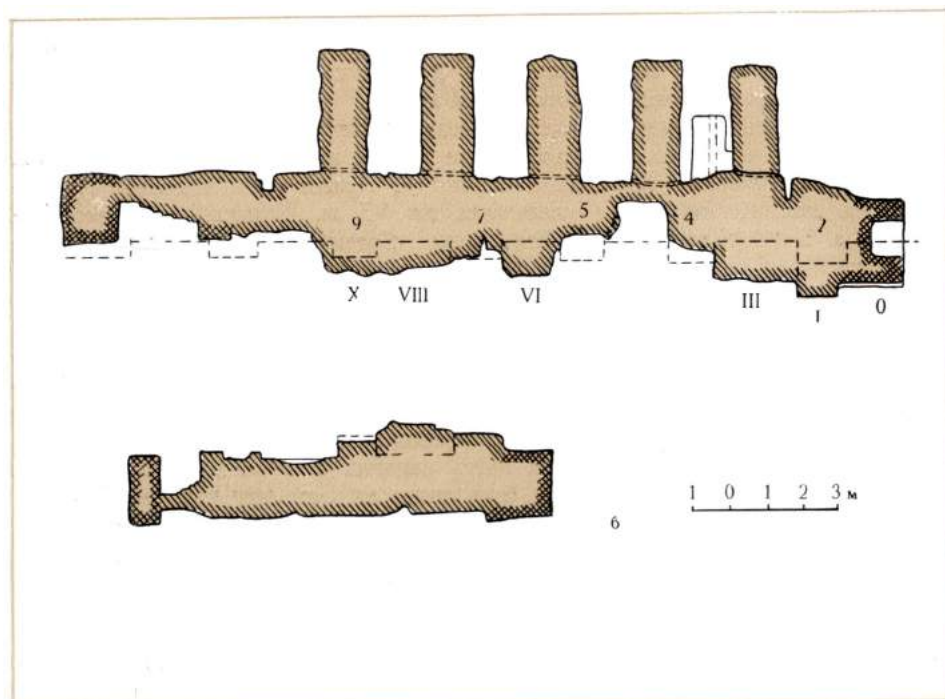
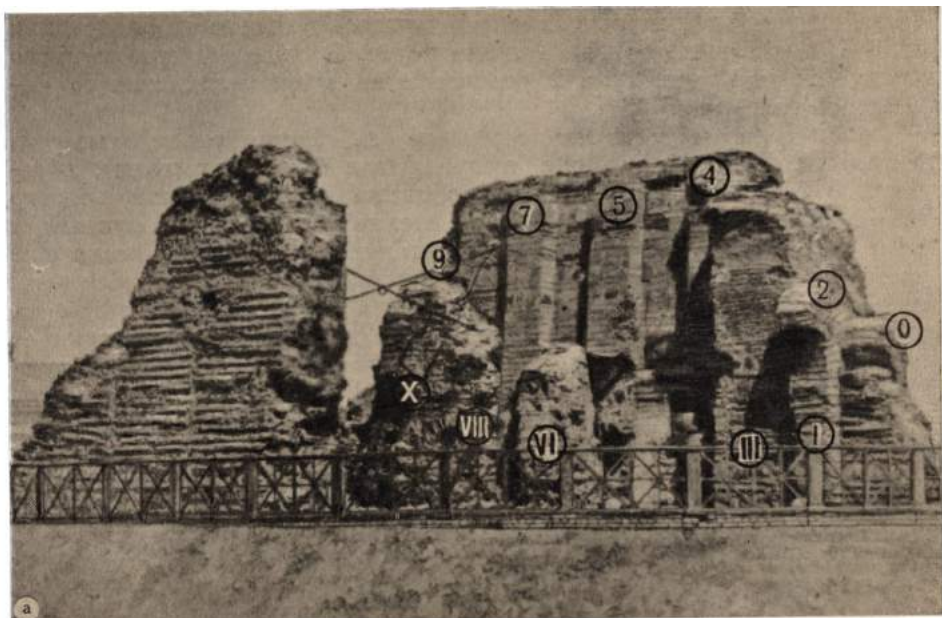

Рис. 64. Рисунок Золотых ворот 1651 г. голландского художника А. Вестерфельда и привязка изображенных на нем конструкций здания к:

- а) руинам Золотых ворот в XIX в. (фото);
 б) современному плану руин постройки.
 2, 4, 5, 7, 9 — пилястры первоначальной постройки XI в.;
 1, I, III, VIII, X — пилястры пристроек XII в.

плане теми же цифрами. Эти более поздние арки, судя по их зарисовке, были несколько ниже первоначальных, и поэтому до главного свода они были достроены стенками. В натуре нижняя часть поздней пристройки, обозначенная цифрами VIII и X, представляет собой сплошную стену, украшенную полудиркульной декоративной арочкой, которая против первоначальной пилястры 9 переходила в поврежденный, но хорошо заметный и сейчас выступ пилястры X. Все это совершенно точно совпадает с деталями постройки, показанными Вестерфельдом на его рисунке.

В нижней части пилястр VIII и X также изображена декоративная полудиркульная арочка. В сторону поля от остатков арки VI изображена полуразрушенная пилястра 5 и еще далее — остаток поздней арки или свода III, а между ними внизу еще одна декоративная полудиркульная арочка, что также вполне соответствует натуре. Ближе в сторону поля за аркой III Вестерфельд нарисовал одну над другой две арки: позднюю I и первоначальную 2. Правда, может показаться, что арки на рисунке находятся не в одной плоскости. Однако исследования 1972—

1973 г. свидетельствуют, что арка 2 находилась в плоскости фасада, как и арка 1, что хорошо видно на плане ворот. В свою очередь, согласно рисунку Вестерфельда, арка 2 располагалась в плоскости южного фасада боевой площадки.

Таким образом, согласно зарисовке А. Вестерфельда, выходит, что напольный фасад ворот, а точнее фасад боевой площадки, обращенной в сторону поля, проходил по линии первоначальных пилястр № 2—2*. Но как показали археологические исследования, фундамент здания продолжается далее на юг от установленной линии фасада еще примерно на 4 м. На рисунке Вестерфельда в этом месте изображены развалины какой-то невыразительной пристройки. Примерно в таком же виде она зафиксирована и на photographиях конца XIX в. Остатки ее имеются и в натуре. Ученые, реконструировавшие Золотые ворота, по-разному трактовали указанные остатки стены. Одни из них полагали, что это могли быть контрфорсы, поскольку склон вала значительно выступал за основной фасад здания**. Другие считали, что в этом месте находилась небольшая башня — «бастия»³⁵.

Вопрос о том, что собой представляла указанная пристройка, некоторые исследователи связывают еще и с тем, где именно располагались створы ворот? Несомненно, что в проезде находилось минимум две пары воротных створ. Одни из них, по-видимому, были где-то в напольной части сооружения. Но все попытки установить в натуре местонахождение створ в проезде ворот не увенчались успехом. Объясняется это как плохой сохранностью нижних частей здания (пилястр), так и тем, что конструкция воротных створ, видимо, была не совсем обычной. На это указывает то, что в проезде между пилястрами нет по размерам такого места, где бы можно было поставить достаточно большие створы, способные перекрыть проезд шириной в 6,4 м.

В ходе археологического исследования выяснилось, что в самой южной напольной части здания расстояние между пилястрами позволяло бы разместить достаточно большие створы***. Кроме того, ширина фундаментов в южной его части увеличена на 0,5 м. Данные, казалось бы, говорят в пользу упоминавшейся выше «бастии». Однако обоснование реконструкции этой части постройки с выступающей в поле башней только тем, что больше негде расположить створы ворот³⁶, представляется нам совершенно необоснованным.

Как мы видели выше, главной конструктивной особенностью Золотых ворот в Киеве была разгрузка пят арок проезда за счет деревянно-земляных конструкций вала. В связи с этим пяты арок необходимо было углубить в насыпь вала. Пяты арки напольного фасада предполагаемой малой башни не могли быть скрыты в насыпи вала, так как он в этом месте сходил на нет и был ниже высоты пят указанной арки. Выходит, что в самом уязвимом месте ворот, его фасаде, обращенном в сторону поля, находилась недостаточно прочная пристройка, сооруженная с нарушением строительных принципов, последовательно проводившихся в остальных частях здания.

Рассматривая рисунок А. Вестерфельда, мы видели, что напольный фасад с окнами или пирами проходил по линии пилястр, обозначенных нами № 2—2. Перед ним в сторону поля находилась пристройка,

но это была не «бастия», а контрфорсы, выступавшие перед фасадом здания примерно на 4 м, необходимые в виду опасной близости рва и препятствовавшие осыпанию земли вала в проезжую часть ворот.

Что же касается увеличения ширины фундаментов на 0,5 м в южной части постройки, то, как показали археологические раскопки, оно являлось результатом сдвига приставного сруба относительно главного. Образовавшаяся при этом щель в 0,5 м была заполнена каменной кладкой, которая не доходила до подошвы фундамента, а достигала лишь нижнего бревна приставного сруба.

Как же на основании рассмотренных материалов в общих чертах можно представить себе первоначальный облик Золотых ворот в Киеве? Это была большая прямоугольная воротная башня, стоявшая в черте вала и органически с ним связанная. Основная ее наиболее высокая часть была несколько сдвинута в сторону города и имела размер в плане 10,5 × 17,65 м****. Надвратный храм размерами в плане 10,5 × 11 м находился в средней части здания. Это был четырехстолпный крестово-купольный храм, столбы подкупольного квадрата которого опирались на арки проезда. Уровень пола храма находился на высоте 13,36 м. Перед храмом со стороны поля и города находились площадки, позволявшие обходить его вокруг. Ориентация надвратного храма Золотых ворот апсидами в сторону города, т. е. с отклонением всего лишь на 17° к востоку, близка той, которая встречена в храме, раскопанном Д. В. Милеевым на северо-запад от Софийского собора. В сторону поля здание продолжалось еще примерно на 9 м и понижалось в виде уступа, образуя боевую площадку, совпадающую по высоте с гребнем вала.

Еще больше уточнить и подкрепить выводы, сделанные о первоначальном виде Золотых ворот в Киеве, позволяют любопытные сравнения с Золотыми воротами во Владимире-на-Клязьме, построенными в 1164 г. Андреем Боголюбским. Как оказалось, они являются прямой аналогией одноименной постройки в Киеве.

Предположения о том, что Золотые ворота во Владимире построены по образцу киевских, делались неоднократно. Так, например, Д. И. Иловайский на одном из заседаний 1-го Археологического съезда в Москве в 1869 г. высказал такую мысль: «По примеру Золотых Киевских ворот, он (А. Боголюбский) воздвигает Золотые ворота во Владимире. Сама резиденция его в Боголюбово, вероятно, была устроена по образцу Киевского Вышгорода»³⁷. М. К. Каргер также высказывал мнение о компози-

* К такому же выводу пришел В. В. Пшеничный на основании построения ортогональной проекции рисунка А. Вестерфельда.

** Судя по его рисунку, так считал В. Г. Кричевский.

¹⁵ Корж С. Д. Вказ. праця, с. 18.

*** Крайняя пиллястра на южной оконечности восточной стены, к сожалению, из-за плохой сохранности обнаружена не была и восстанавливается гипотетически.

³⁶ Довушинская Е. И. Указ. соч., с. 36.

**** Размер воротной башни по боковому фасаду представляет собой расстояние от третьей с юга пары пиллястр до крайней со стороны города северной широкой пиллястры, которая (2,1 м) отражает наличие в этом месте контрфорса. Поэтому размеры верхней части башни мы принимаем за 17,65 м, а нижней — за 18,35 м.

³⁷ Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871, т. 1, с. CVI.

ционном сходстве Золотых ворот в Киеве и Владимире-на-Клязьме³⁸. Однако до последнего времени судить о сходстве обеих построек в Киеве и Владимире можно было только, пожалуй, на основании одинаковых названий, да еще, видимо, по посвящению храмов в Киеве — Благовещению и во Владимире — Положению риз богородицы.

Имеющиеся в настоящее время материалы по обеим постройкам позволяют сделать более обоснованные выводы о действительном сходстве Золотых ворот в Киеве и Владимире.

Золотые ворота во Владимире сохранились значительно лучше, чем в Киеве, но исследованы они хуже киевских. Вплоть до 60-х годов настоящего столетия вопрос о внешнем первоначальном виде Золотых ворот во Владимире оставался совершенно неясным. Существовало мнение, что памятник был перестроен либо в 1469 г. Ермолиным, либо после пожара в 1536 г., либо в конце XVII в. Антипой Константиновым.

Чрезвычайно важное значение для вопроса о первоначальном виде Золотых ворот во Владимире и степени их перестройки имела упоминавшаяся выше находка обмерных чертежей 1779 г. Они были выполнены в связи с предполагавшимся ремонтом Золотых ворот Николаем фон Берком и Александром Гусевым. В 1795 г. архитектором Чистяковым составлен «проект», который частично и был осуществлен: переложена большой свод проезда, надвратная церковь разобрана и затем восстановлена как бесстолпная, а не четырехстолпная и т. д.³⁹

65 Н. Н. Воронин убедительно доказал, что чертежи фон Берка и Гусева не являются одним из проектов реставрации или ремонта здания, а отражают вид Золотых ворот до их перестройки: «План и фасад надвратной церкви настолько отчетливы,—писал Н. Н. Воронин,— что не вызывает, на наш взгляд, сомнений в том, что перед нами постройка В. Д. Ермолина и тем более 1691 г., а первоначальная церковь 1164 г., сохраненная и Ермолиным и Антипой Константиновым. Вся конфигурация ее плана, вплоть до деталей — профилей лопаток, уступчатых порталов, тяг в углах между апсидами, профилей окон и т. п., — говорят, что чертеж 1779 г. (как и «проект» 1795 г.) фиксирует древнюю Ризоположенскую церковь»⁴⁰. С этим мнением Н. Н. Воронина можно вполне согласиться, особенно в отношении плана надвратного храма.

Каковы же главные особенности и габаритные размеры Золотых ворот во Владимире согласно обмерному чертежу фон Берка и Гусева? * На чертеже изображен западный, напольный фасад постройки и его планы на уровне проезда ворот и на уровне верхней площадки, на которой располагался надвратный храм. Фасад имеет большой воротный проем шириной 5,58 м и высотой 12,42 м, в котором находится малая арочная перемычка с верхней отметкой 6,8 м. Воротная башня завершается парапетом с окнами, возможно, переделанными из зубцов. Над проездом размещается одностолпный надвратный храм, фасад которого первоначаль-

³⁸ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 249.

³⁹ Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 138.

⁴⁰ Там же, с. 144.

* При рассмотрении чертежей 1779 г. их размеры в саженях были переведены в метрические меры.

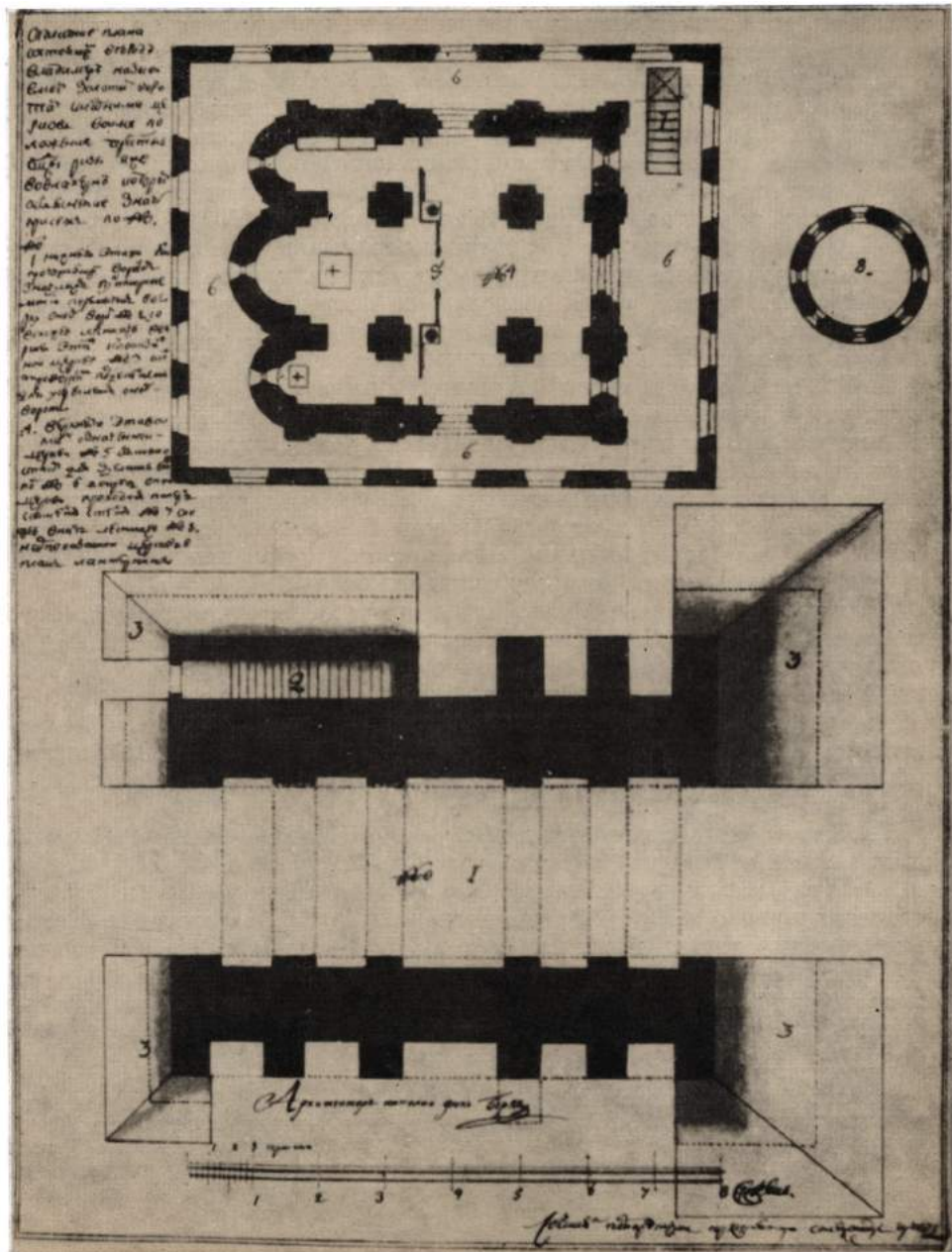

Рис. 65. Чертеж Золотых ворот во
 Владимире-на-Клязьме 1779 г. по Н. фон
 Берку и А. Гусеву. План по нижней части
 постройки и по верхней площадке.

но, видимо, завершался тремя закомарами. Пол церкви, судя по карнизу, находился на высоте 13,6 м от уровня проезда*.

План на уровне проезда представляет собой две параллельные стены, расчлененные шестью парами пилястр. Стены отстоят друг от друга на 5,58 м (между пилястрами). Протяженность стен по оси восток — запад равна 17,64 м, ширина по напольному фасаду — 14,4 м. Ширина пилястр колеблется от 1,2 до 1,40 м за исключением крайней пары пилястр со стороны города, имеющих толщину 1,7 м**. В средней части проезда, где находится арочная перемычка, расстояние между пилястрами увеличено, что позволяло разместить в этом месте створы ворот. В толще южной стены расположена лестница, ведущая на верхнюю площадку. На том же чертеже показан план верхней площадки здания с надвратным четырехстолпным трехапсидным храмом, размером 11,0 × 11,16 м (без апсид). Проецируя план храма на арки, можно видеть, что он опирался на четыре средних арки проезда. Его подкупольный квадрат попал в самое широкое место между пилястрами, и столбы его приходились как раз на арки проезда. Стены надвратного храма расчленены пилястрами, а не полуколонками, как это можно было ожидать для постройки XII в. На эту особенность Рязоположенской церкви во Владимире в свое время обратил внимание Н. Н. Воронин⁴¹. Храм был увенчан куполом, диаметр которого составлял около 4 м.

Сравним теперь главные габаритные размеры обеих построек. Протяженность воротной башни по боковому фасаду: в Киеве — 17,65 м, во Владимире — 17,64 м, соответственно ширина*** — 10,5 м и 14,4 м. Наибольшая высота арок проезда в Киеве — 12,46 м, во Владимире — 12,42 м. Ширина проезда между пилястрами: 6,4 м в Киеве и 5,58 м во Владимире. Уровень пола надвратной церкви: в Киеве — 13,36 м, во Владимире — 13,6 м. Размеры надвратного храма в Киеве — 10,5 × 11 м, во Владимире — 11 × 11,16 м.

На основании рассмотренных материалов и проведенных сравнений можно заключить, что изображенные на чертеже Н. фон Берка и Н. Гусева Золотые ворота во Владимире-на-Клязьме представляют собой ту часть сооружения, которую применительно к Золотым воротам в Киеве мы выше называли «основная наиболее высокая часть здания». Сравнение обеих построек показывает, что они были практически одинаковые по размерам (за исключением ширины здания). В них совпадают протяженность основного объема воротных башен, наибольшая высота арок

* Приведенные высоты даны по Н. фон Берку и А. Гусеву. По-видимому они взяты от уровня земли XVIII в., приближающемуся к дневной поверхности XII в.

** Увеличенная толщина этой пары пилястр как во Владимире, так и в Киеве объясняется тем, что со стороны города в обеих постройках были контрфорсы. Во владимирских Золотых воротах они зафиксированы на обмерах фон Берка и Гусева, обмерах Г. Ф. Корзухиной (*Воронин Н. Н. Указ. соч. с. 139*), сохраняются они в натуре и до наших дней. Поэтому объяснять толщину этих пилястр герсами, которые якобы находились в них, как это делает Е. Лопушинская (*Лопушинская Е. И. Проект реконструкции Золотых ворот в Киеве, с. 36*), нам представляется совершенно неубедительным. Не говоря уже о том, что герсы неизвестны древнерусским источникам.

⁴¹ Н. Н. Воронин. Указ. соч., с. 144.

Сравнительная таблица размеров Золотых ворот в Киеве и Владимире-на-Клязьме

Наименование	Золотые ворота в Киеве (в метрах)	Золотые ворота во Владимире по обмеру Н. фон Берка в 1779 г. (в метрах и саженях)	Золотые ворота во Владимире по обмеру 1962 г. архитектора Милкина (Владимирские реставрационные мастерские) (в метрах)	Примечания
Полная протяженность адавия по оси проезда	26,8	неизвестна	неизвестна	Во Владимире недостаточно исследована площадь перед западным фасадом
Размер воротной башни (основного объема постройки) по боковому фасаду (длина)	17,65	17,64 (8 с. 2 в.)	17,50	с. — сажень арш. — аршин в. — вершок
Размер воротной башни по напольному фасаду (ширина)	10,5	14,40 (6 с. 2 арш.)	14,00	
Наибольшая высота арок проезда (до шалыг)	12,46	12,42 (5 с. 2 арш. 1 в.)	11,75 *	* От современного уровня земли
Ширина проезда	6,4	5,58 (2 с. 1 арш. 3 в.)	5,30	Между пилястрами
Количество пилястр в проезде воротной башни	6	6	6	
Уровень пола храма	13,36	13,60 (6 с. 3 в.)	13,13	
Размеры первоначального надвратного храма (без апсид)	10,50×11,0	11×11,16 (5 с. 1 в.× ×5 с. 2 в.)	храм XVIII в.	В храме Благовещенья в Киеве пилястры боковых фасадов, по-видимому, несколько нависали над стенами проезда; точно так же, как пилястры проезда нависают над фундаментом

проезда, уровень пола верхней площадки и, что самое важное, размеры надвратных храмов. Проведенное совмещение плана надвратной церкви, изображенной на чертеже 1779 г., с планом Золотых ворот в Киеве, взятых в одном масштабе, наглядно подтверждает это.

При сравнении обеих построек существенно отличается ширина фасадов воротных башен: в Киеве 10,5, во Владимире 14,4 м, а также ширина проездов. В первом случае она — 6,4 м, а во втором — 5,58 м. Впрочем, эти различия могут быть легко объяснены.

Как мы видели, строители киевских Золотых ворот в вопросе погашения распора арок проезда пошли по пути компенсации его с помощью деревянных конструкций вала. Владимирские мастера разрешили эту за-

дачу по-другому. Они увеличили толщину стен здания и тем самым компенсировали распор арок. Кроме того, утолщение стен дало возможность сделать обход вокруг храма, то есть верхнюю площадку воротной башни соорудить на стенах проезда, а не частично по валу, как в Киеве. Утолщение стен позволило также разместить в южной стене лестницу. Ширина фасадов ворот увеличена как за счет сужения проезда (до 5,58 м против 6,4 м в Киеве), так и за счет увеличения наружных размеров здания по фасаду. Сужение проезда, вероятно, было вызвано стремлением несколько приблизить столбы подкупольного квадрата, опиравшиеся на арки, к основному массиву стен. Увеличение размеров подкупольного квадрата давало также возможность увеличить диаметр купола, стремление к чему наблюдается во многих постройках XII в.

Самым существенным аргументом в пользу сходства обеих построек является близость размеров надвратных храмов. Известно, что в древнерусских письменных источниках неоднократно встречаются сообщения о постройке церквей по какому-то хорошо известному образцу. Так, например, в Киево-Печерском патерике сообщается, что для церкви в Ростове, построенной в XII в. Владимиром Мономахом, была взята «мера» с Успенского собора Киево-Печерского монастыря: «...всеми подобием съезда церковь в граде Ростове в высоту и в ширину и в длину»⁴². Факт совпадения размеров надвратных храмов Золотых ворот в Киеве и Владимире-на-Клязьме, несомненно, свидетельствует о том, что за образец ворот во Владимире были взяты знаменитые в то время Золотые ворота в Киеве. Следует заметить, что если нижняя часть здания (проезд) во Владимире могла быть несколько изменена в конструктивном отношении, то надвратная церковь повторяла во всех главнейших деталях Благовещенский храм на Золотых воротах в Киеве*. Одним из свидетельств копирования Ризоположенской церкви во Владимире с более раннего образца, видимо, являются упоминавшиеся выше пилястры прямоугольной формы, а не в виде полуколоннок, характерные для многих построек XII в.

Проведенное исследование руин Золотых ворот в Киеве позволяет, таким образом, установить главные габаритные размеры постройки, расположение надвратного храма в пределах плана, многие конструктивные особенности здания, а также впервые получить полный профиль вала, примыкавшего с обеих сторон к воротам. Результаты изучения Золотых ворот в Киеве дают возможность сделать важные выводы о Золотых воротах во Владимире-на-Клязьме. Выясняется несомненное сходство обеих построек, которое можно объяснить только тем, что Золотые ворота

⁴² Патерик Киево-Печерского монастыря. Спб., 1911, с. 9.

* Во владимирских Золотых воротах подкупольный квадрат, а значит, и размер купола, был несколько большим.

** В свете проведенных сравнений слова Андрей Боголюбского «хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отечеству моему», вложенные летописцем в уста владимирцев, шедших за гробом князя, приобретают совершенно новый смысл и значение. Они объясняют действия князя, посланного мастеров в Киев снять «меру» с прославленного сооружения для постройки Золотых ворот во Владимире-на-Клязьме. (ПСРЛ, т. 2. {Ипатьевская летопись}. М., 1962, стб. 593; *Висоцький С. О. Іпатіївський літопис про Золоті ворота у Києві та Володимирі.* — УІЖ, 1980, № 2, с. 64.

в Киеве, сооруженные в 1037 г., послужили образцом для строительства Андреем Боголюбским в 1164 г. во Владимире-на-Клязьме одноименного сооружения **. Установленное сходство обеих построек позволяет широко привлекать полученные материалы для работы по реконструкции первоначального вида сооружений. Оно одинаково важно для обоих памятников. Подобная параллель дает возможность проверить и правильно представить основной объем и размеры воротной башни Золотых ворот в Киеве, уточнить местонахождение надвратной церкви.

Сходство обеих построек позволяет совершенно по-новому осмыслить и сохранившуюся часть Золотых ворот во Владимире-на-Клязьме, а также сделать важный вывод о том, что они, подобно киевским, продолжались в сторону поля еще примерно на 9 м. Эта часть здания представляла собой боевую площадку, понижавшуюся к полю. На другую боевую площадку внутри проезда ворот можно было попасть через дверь

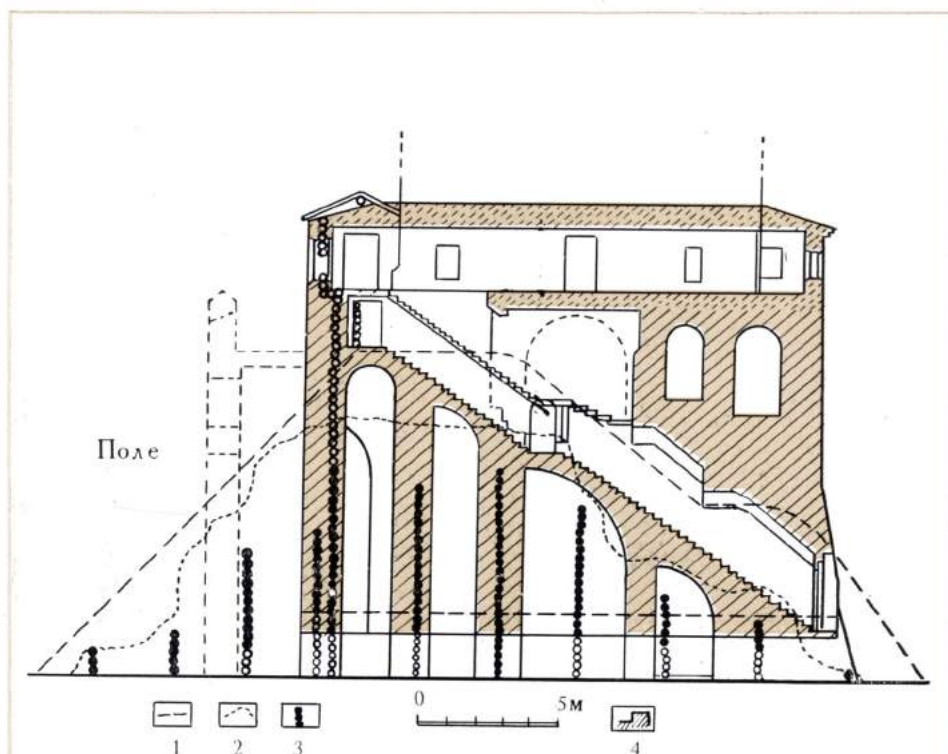

Рис. 66. Совмещение чертежей реконструированного профиля киевского вала с обмером Золотых ворот во Владимире-на-Клязьме
Г. Ф. Корзухиной:

1 — профиль киевского вала и боевая площадка со стороны поля; 2 — контур руин Золотых ворот в Киеве; 3 — отпечатки бревен на стенах Золотых ворот в Киеве; 4 — воротная башня во Владимире-на-Клязьме (разрез по лестнице).

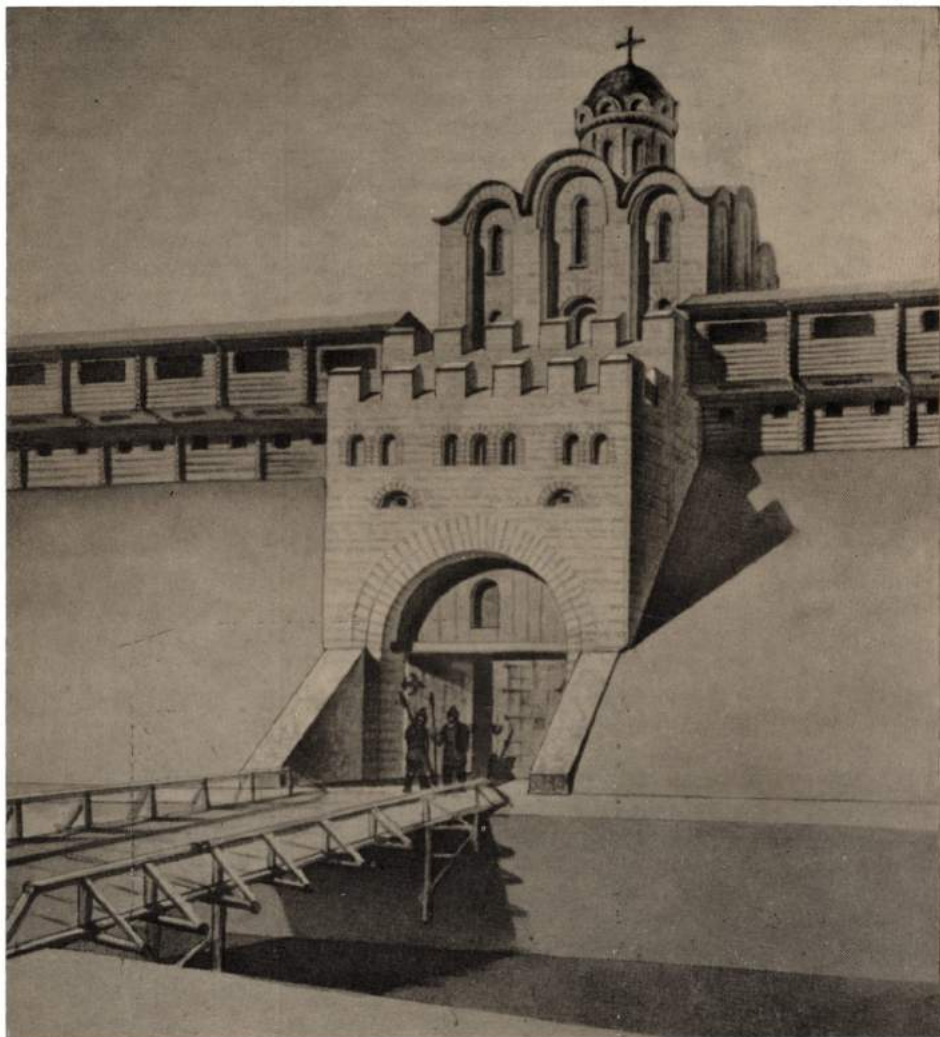

Рис. 67. Золотые ворота в Киеве XI в.
Реконструкция С. А. Высоцкого. Вид со
стороны поля.

с нижней площадки лестницы. Надо полагать, что вторая площадка лестницы первоначально сообщалась не только, как сейчас, с верхней площадкой, где находится церковь, а и с гребнем вала. Уровень пола Ризоположенской церкви и площадки вокруг нее совпадал с уровнем боевой галереи заборол. Таким образом, мы исходим из того, что вал во Владимире-на-Клязьме имел ту же высоту, что и в Киеве, то есть примерно 11 м. Этот вывод подтверждается тем, что согласно обмерам

1779 г., пол надвратной церкви находился на отметке 13,6 м, а верхняя площадка лестницы — на 11,3 м.

Подобное совпадение с отметкой гребня вала в Киеве нельзя объяснить простой случайностью. Вторая площадка лестницы, несомненно, находилась на уровне гребня вала, по которому проходила стена с заборами. Пол заборол совпадал с полом надвратной церкви, что давало возможность передвигаться воинам вдоль вала перед храмом и вокруг него.

Огромный воротный проем, так хорошо известный нам по Золотым воротам во Владимире-на-Клязьме, по-видимому, является результатом позднейшей разборки упомянутой напольной части здания*.

Итак, изучение фортификационных укреплений древнего Киева в последние годы дало возможность не только существенно уточнить границы Города Ярослава, но и выяснить многие конструктивные особенности оборонительной системы города в XI в. Впервые установлена высота и конфигурация киевского вала, количество клетей и особенности строительной техники. Исследование единственной, частично сохранившейся воротной башни города — Золотых ворот — дало ценный материал, позволяющий более определенно судить о первоначальном виде здания, сделать выводы об основных этапах его строительства, особенностях архитектуры, установить несомненную близость с одноименной постройкой — Золотыми воротами во Владимире-на-Клязьме, построенными в 1164 г.

Археологическое исследование укреплений XI в. в Киеве имеет важное значение для изучения оборонительного зодчества Древней Руси, поскольку в оборонительных сооружениях города — столицы Древнерусского государства — нашли свое отражение лучшие традиции восточнославянского фортификационного искусства.

2. Светские постройки

Важным разделом монументального зодчества древнего Киева является строительство княжеских дворцов и теремов. Сведения о них содержатся уже на первых страницах летописей, что свидетельствует о довольно раннем знакомстве киевлян с традициями каменного зодчества. Есть основания полагать, что первые каменные дворцы и терема появились значительно раньше культовых сооружений.

Археологическими раскопками предшествующего времени были открыты три дворцовые постройки в пределах Города Владимира и одна в пределах Города Ярослава. Этот список можно существенно дополнить новыми находками.

Княжеские дворцы X—XI вв. Рассказывая о прибытии к княгине Ольге древлянских послов, летопись дает своеобразный очерк

* Наличие фундаментов упомянутой части здания может быть проверено археологическими исследованиями. Есть надежда, что хотя бы часть их уцелела при пристройке к фасаду здания поздних фланкирующих башен. Это тем более вероятно, что, по данным Н. Н. Вороница, ров перед напольным фасадом владимирских Золотых ворот отклоняется в поле на 15 м (Зодчество северо-западной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 1, с. 48).

исторической топографии Киева первой половины X в. Из летописной статьи следует, что к 945 г. в Киеве было два княжеских двора: один, несомненно, древнейший, располагался в пределах укрепленной части города, другой, «двор теремный» — вне ее.

Дворец двора теремного «вне града» был обнаружен к северо-востоку от Десятинной церкви над древним Боричевым узвозом* (ныне Андреевским спуском) и исследован рядом ученых (В. В. Хвойкой, Ф. Н. Молчановским, М. К. Каргером, П. П. Толочко)⁴³.

По словам В. В. Хвойки, исследовавшего остатки дворца в 1907—1908 гг., открытые им руины представляли собой «часть каменного фундамента обширной гражданской постройки». От этого здания ко времени раскопок сохранился небольшой отрезок, а именно часть фундамента наружной западной стены, граничащей с усадьбой Десятинной церкви и прослеженной на протяжении 21 м. К наружной стене примыкали три поперечные, сохранившиеся на протяжении 5—10 м⁴⁴. Здание, по мнению исследователя, состояло из двух этажей⁴⁵.

Дальнейшие раскопки (1936 и 1939 гг.) показали, что фундамент дворца был сложен из железистого песчаника и имел глубину около 0,4—0,45 м. Система кирпичной кладки представляла чередование выступающих и утопленных рядов плинфы, прикрытых слоем затертого раствора. Местами сохранились остатки рядов камня, чередовавшихся с рядами кирпича (размером 31 × 31 × 2,5 см). Ко времени раскопок 1936 г. от развалин дворца сохранился лишь небольшой отрезок одной из стен здания протяженностью 5,85 м⁴⁶. По мнению исследователей, дворец в плане представлял большую (21 × 40 м) трехкамерную постройку с помещениями различного размера, высотой в два или больше этажей, которые могли быть деревянными⁴⁷.

Раскопками 1966 г. предполагалось вскрыть остатки фундаментов дворца, точно нанести их на карту киевского детинца, попытаться выяснить датировку и планировку. Однако к этому времени от дворца осталась лишь часть стены длиной около 5 м и шириной 1,7—2,2 м. Массивность кладки фундамента (сложенного из больших камней железистого песчаника на растворе), по мнению исследователя, дает основание полагать, что это внешняя, ближняя к Десятинной церкви стена дворца (отстоявшая на 20—30 м к северо-востоку от апсид). Упоминание в киевской прессе о стене этого же дворца, обнаруженной в 75 м к востоку от Десятинной церкви в 1857 г., по мнению П. П. Толочко, свидетельствует о том, что дворец имел длину более 40 м и своей длинной осью был ориентирован не с северо-запада на юго-восток (как он нанесен на большинстве планов), а с юго-запада на северо-восток⁴⁸.

О довольно ранней дате сооружения дворца свидетельствуют сохранившиеся остатки кладки из плоского кирпича толщиной не более 2,5 см. Вполне возможно, замечает исследователь, что летописец, говоря о прибытии в Киев (945 г.) древлянских послов и упоминая терем каменный «вне града», имел в виду именно это сооружение⁴⁹.

Некоторыми исследователями «Повести временных лет» было высказано мнение, что в «граде Киеве первоначально господствовали жрецы, а князь жил вне града. И только с уничтожением святилища, с введением христианства и изгнанием жрецов крепость была расширена и стала кня-

жеской»⁵⁰. Вывод этот противоречит самому тексту «Повести временных лет», где ясно сказано, что в укрепленной части «города» находился «двор князь».

Справедливость замечания летописца относительно древнейшей топографии Киева полностью подтвердилась раскопками Киевской археологической экспедиции в 1970—1972 гг., когда в самом центре древнейшего детинца Киева, неподалеку от языческого капища, удалось обнаружить каменный княжеский дворец. Мощные остатки фундаментов, значительная длина вскрытых и рухнувших стен говорят о монументальности каменного сооружения и дают возможность проследить основные конструктивные элементы и размеры.

В северной части раскопа (1971 г.) на глубине 1,40 м от современной поверхности открыт участок древнего фундамента длиной в 4 м, сложенный из плинфы, и ориентированный по оси с северо-запада на юго-восток. Ширина кладки вместе с внутренней забутовкой от 1,50 до 1,60 м. Камни кладки, так же как и плинфа, уложены на глиняном растворе. Средняя ширина боковых сторон кладки, ограничивающих забутовку, — 0,30—0,35 м. Забутовка состоит из небольших камней-валунов и бесформенных мелких кусков глиняных шлаков, скрепленных глиняным раствором. По краям кладки с обеих сторон на плоские шиферные плиты на глиняном растворе уложена в один ряд тонкостенная плинфа. Между плинфами, на их стыке, встречаются вертикально стоящие массивные железные костыли. Плинфа имеет квадратную форму (размерами 32×32××2,8 см). Торцы плинфы со всех четырех сторон скошены вовнутрь под углом 60°. Скошенной поверхностью плинфа лежит на глиняном растворе⁵¹.

Кладка фундамента дворца представляет собой ряды плит оврачского шифера, поверх которых положены валуны серого и розового гранита, а затем плинфа на глиняном растворе. В разрезе подобная кладка прослежена на высоту в 0,55—0,60 м. Камни-валуны положены в два яруса. Шиферные плиты (толщиной 12—15 см) уложены горизонтально на плотный гумусированный слой⁵².

Под прямым углом к продольной части фундамента, идущего по линии север — юг, примыкает еще один отрезок фундамента, имеющий направление на юго-запад. Его протяженность 1,30 м⁵³.

* В районе современных усадеб № 36—38.

⁵⁰ Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, с. 66—69; Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 59—67; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, с. 77—78; Толочко П. П., Килюевич С. Р. Новые исследования Старокиевской горы.— АИУ, 1967, вып. 1, с. 175; Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1976, с. 26.

⁵¹ Хвойка В. В. Указ. соч., с. 66—67.

⁵² Там же, с. 67.

⁵³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 65—66.

⁵⁴ Каргер М. К. Там же, с. 67; Асеев Ю. С. Архитектура Київської Русі. К., 1969, с. 35.

⁵⁵ Толочко П. П., Килюевич С. Р. Указ. соч., с. 175.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971, с. 126.

⁵⁸ Гончаров В. К. Отчет о раскопках княжеского дворца X в. на Старокиевской горе в 1971 г.— Научный архив ИА АН УССР, с. 6, 7, 10; Толочко П. П. Древний Киев, с. 28.

⁵⁹ Гончаров В. К. Указ. соч., с. 6.

⁶⁰ Там же, с. 10.

Продолжением описанного фундамента X в. является развал камней гранита и песчаника, открытый на расстоянии 1,2 м на северо-запад. Камни лежат компактно по линии восток — запад, с некоторым отклонением на юго-запад. Ширина развала 1,4, длина — 2,10 м. Все камни положены на глиняный раствор. Разрыв между обоими фрагментами фундаментов, видимо, объясняется поздним нарушением грунта при строительных работах в XIX в. В этом разрыве на уровне материкового лесса (2,10 м) выявлен еще один развал из валунов и шиферных плит. Тут обнаружен стоящий под прямым углом к продольной стене фундамента небольшой выступ на расстоянии 2 м от него⁵⁴. Таким образом, в северной части раскопа обнаружены фундаменты дворца протяженностью до 8 м.

70

В южной части раскопа под бесформенным развалом строительных остатков из плинфы, цемянки, камней кварцита и гранита на глубине 0,8—1 м обнаружены фрагменты кладки и камней фундамента X в., идущих по линии с северо-запада на юго-восток. Весь отрезок фундамента и кладки прослежен на 3,8 м. В среднем ширина стены 1,4—1,45 м.

Подошва фундамента находится на глубине 1,4—1,5 м от современной поверхности. Камни укладывались с обеих сторон выкопанной траншеи по одному ряду в два яруса и скреплялись глиняным раствором. Высота двух ярусов 0,45 м. Пространство между параллельными рядами кладки забутовано мелкими камнями и кусками глиняных шлаков скрепленными глиной. Поверх камней забутовки и фундаментов уложены в один ряд плиты черепицы, скрепленные глиняным раствором.

На кладку из кусков черепицы уложены большие глыбы гранита с обработанной поверхностью. Кроме черепицы, в кладке были использованы куски битой плинфы со скошенными торцами. Во всех случаях плинфа имеет толщину 2,8 см. Черепица четырехугольной удлиненной формы, выпуклой поверхностью везде обращена вверх. Толщина ее 2,5, а ширина — 0,15 и 0,21 см⁵⁵.

От продольной стенки фундаментов, идущей в направлении с северо-запада на юго-восток, по линии восток — запад под прямым углом отходит поперечный отрезок фундамента длиной 1,3 м и высотой 1,4 м. С восточной стороны к той же продольной стенке под прямым углом подходит другая часть сохранившегося отрезка фундамента с забутовкой, образуя крестообразную фигуру. По мнению исследователей, эта часть фундаментов предназначалась под крестообразный столб здания⁵⁶.

Изучение остатков дворца дает основания утверждать, что оба больших фрагмента фундаментов (северного и южного) первоначально составляли единое целое. Разрыв между кладками в 4,20 м объясняется поздними земляными работами, нарушившими целостность фундамента древней постройки. В результате — наибольший отрезок стены сооружения, открытого раскопками, имеет длину до 18 м⁵⁷.

⁵⁴ Гончаров В. К. Указ. соч., с. 15—16.

⁵⁵ Там же, с. 12.

⁵⁶ Там же, с. 13—14.

⁵⁷ Там же, с. 11, 18; Толочко П. П. Древний Киев, с. 28; Толочко П. П. Нове у вивченні Києва. — Археологія, 1978, № 26, с. 92.

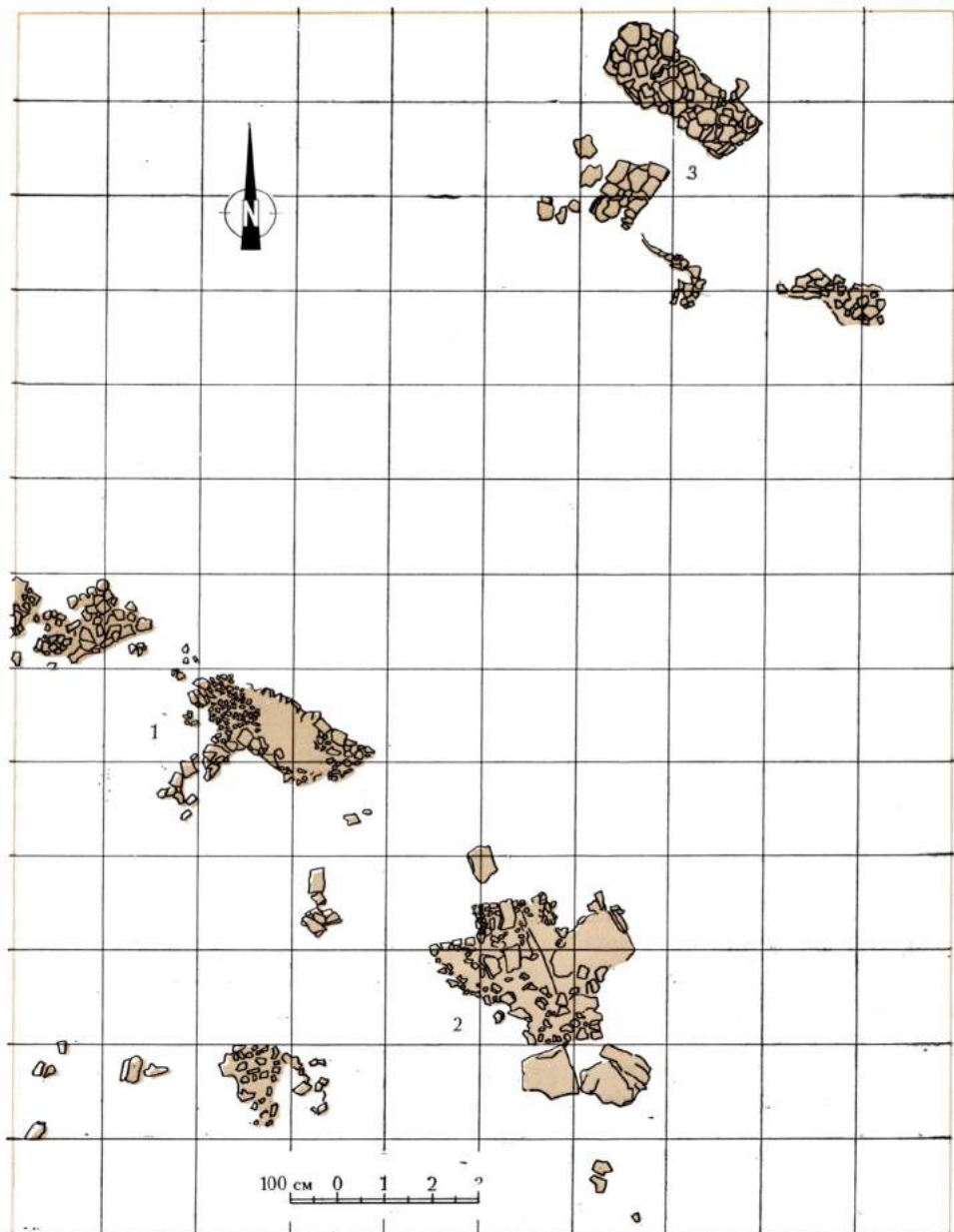

Рис. 68. Княжеский дворец X в. Общий план фундаментов (по материалам раскопок):

1 — 1971 г. (северная часть); 2 — 1971 г. — (южная часть); 3 — 1972 г.

Рис. 69. Остатки фундаментов дворца X в. Северная часть раскопа 1971 г.

В южной части раскопа рядом с фундаментом здания на глубине 0,7—0,8 м находятся развалы рухнувшей стены сооружения, содержащие в себе кроме плинфы и цемьянки большое количество фрагментов фресковой штукатурки розового, красного и желтого цветов с узкими зелеными полосками в отдельных местах. Развал с фресками залегает сплошным массивом. Штукатурка с фресками обращена лицевой поверхностью вниз. Под ней находился зольный слой с остатками горелого дерева.

Уровень земли, на котором обнаружены развалы, был густо насыщен обгорелыми остатками дерева. В растворе и на кусках обгорелого дерева было обнаружено значительное количество железных кованых костылей, при помощи которых штукатурка с фресками крепились к стенам. Нали-

Рис. 70. Остатки фундаментов двора X в. Южная часть раскопа 1971 г.

чие горелого дерева, глины, зольной прослойки и фрагментов фресок дает возможность предположить существование деревянной верхней надстройки над каменным нижним этажом помещения, погибшего от пожара⁵⁸.

При продолжении раскопок в 1972 г. на расстоянии 12 м на северо-восток от описанной выше продольной стены каменного двора X в. обнаружены остатки фундамента длиной 3,5 и шириной 1,2—1,5 м, лежащего по линии северо-запад — юго-восток, то есть параллельно большей продольной стене. Фундамент состоял из камней песчаника — валунов, положенных на глиняный раствор. В отдельных местах камни прослежены в три яруса и достигают высоты 0,7 м. Лежали они на

⁵⁸ Гончаров В. К. Указ. соч., с. 17—21.

материковом лессе. К югу от развала камней под прямым углом к стене идет отрезок фундамента, имеющий направление восток — запад, длиной 1,6 м. Возможно, это тоже остатки фундамента описанного выше каменного здания X в.

Таким образом, несмотря на фрагментарность открытых раскопками остатков кладки и фундаментов древнего каменного сооружения, можно утверждать, что каменное здание было достаточно мощным и большим по площади. Удалось проследить значительный отрезок продольной стены дворца, идущей по линии северо-запад — юго-восток, протяженностью до 18 м и шириной 1,5—1,6 м. Но эта часть стены древнего сооружения еще не является общей длиной здания, так как оно, по мнению исследователей, проходило еще дальше на север. Поперечные выступы древней кладки, отходящие от продольной стены под прямым углом в обе стороны, указывают на сложный разветвленный план здания с несколькими боковыми помещениями⁵⁹.

Над фундаментами, а также вблизи их лежал толстый слой пожарища от разрушенных стен, где встречались в большом количестве остатки фресковой штукатурки красного, желтого, зеленого, синего и других цветов, длинные железные костыли, крепившие штукатурку к деревянным стенам и потолкам верхнего яруса. Обнаруженные в ходе раскопок поливные керамические плитки, шиферные резные детали, куски мрамора, а также фрески свидетельствуют о роскошной отделке здания. Железные костыли, множество остатков обгорелых бревен в завалах указывают на то, что сооружение состояло из двух этажей, нижнего — из плинфы и верхнего — деревянного. Верхнее перекрытие дворца состояло из тонкой черепицы желтого и красного цветов.

Согласно заключению историков архитектуры, а также стратиграфическим наблюдениям (под одной из частей фундамента находилась хозяйственная яма, заполненная материалами исключительно IX—X вв.), раскопанные фундаменты намного старше Десятинной церкви. То есть имеются все основания отождествлять это сооружение с упомянутым в летописной статье 945 г. дворцом княгини Ольги. Главный дворец Киева, служивший резиденцией правителей Древнерусской державы, находился в самом центре города. Таким образом, князья, а не жрецы или церковники, играли главную роль в жизни древнего Киева⁶⁰.

Находка древнейшего каменного здания Киева имеет важное значение и для решения вопроса о происхождении на Руси монументального каменного зодчества, которое началось, таким образом, не с принятием христианства, а значительно раньше. Открытие каменного дворца языческой поры, построенного в новой для Руси строительной технике (византийский стиль), лет на 50 раньше Десятинной церкви, показывает, что Древняя Русь еще задолго до принятия христианства находилась на достаточно высоком уровне развития и могла осваивать и переосмысливать передовые достижения византийской культуры⁶¹.

Открытый каменный дворец середины X в. несколько отличается от известных ранее каменных дворцов, расположенных к востоку, югу и западу от Десятинной церкви, по характеру кладки, строительным материалам, украшению и т. д. Однако по плану — большое вытянутое трехкамерное сооружение длиной свыше 18 и шириной более 14 м — оно

является их предшественником. Двухэтажность здания несомненна. Отождествление исследователями здания с летописным дворцом Ольги позволяет обратиться к миниатюрам Радзивилловской летописи. Так, на одном из рисунков, где показано прибытие древлянских послов в Киев в 945 г., видны двухэтажный дворец и в нем княгиня. Несмотря на крайне условный характер изображения, все же хорошо прослеживаются вертикально стоящие столбы, держащие стены, перекрытия и двухскатная крыша⁶². На другой миниатюре, где показано погребение Ольги, видим продолговатое здание с башнеобразной пристройкой с правой стороны и двухярусной башней с двухскатной крышей (как на первой миниатюре) — с левой стороны. Отчетливо просматриваются два яруса постройки⁶³. Такой же дворец изображен еще на одной миниатюре, относящейся к первым векам русского государства⁶⁴. Он каменный, двухэтажный, но имеет башню справа и какие-то украшения в средней части.

С изображением дворца Ольги на древнерусских миниатюрах интересно сравнить дворец князя Святослава Игоревича на одной из миниатюр византийской рукописи Иоанна Скилицы, где князь совещается с дружиною. Описание этой миниатюры приводит в одной из своих статей известный исследователь Н. П. Кондаков: «С левой стороны башнеобразная пристройка, вверху — дверь входная; в верхнем этаже арками разделенная стена... Затем большой зал, представленный в разрезе, с желтыми лавками по стенам, которые разделены обычными византийскими панелями или мраморной облицовкой голубоватого цвета. Одна часть залы повышена красным помостом, как место для восточного трона; здесь зал обведен золотою каймой, с обычковенным орнаментом в виде развода; верх его исполнен зубцами, паподобие замка; с правой стороны башня, совершенно глухая, но также разделенная разноцветною облицовкой, — вероятно жилая часть дворца»⁶⁵.

И хотя Н. П. Кондаков отказывается видеть в этом здании на миниатюре Скилицы оригинал дворца Святослава, усматривая здесь «поздне-византийскую конструкцию», все же в постройке имеется много общего с дворцом княгини Ольги на миниатюрах Радзивилловской летописи.

Несомненно, миниатюры, изображающие дворец Ольги, раскопанный на Старокиевской горе, помогают в отдельных деталях восстановить архитектурный и декоративный облик изучаемого нами здания середины X в.

В 1971—1972 гг. на мысе Чайка * возле Выдубецкого монастыря открыты остатки еще одного ранее не известного каменного дворца

⁶² Толочко П. П. Древний Киев, с. 28.

⁶³ Толочко П. П. Нове у вивченні Києва, с. 93.

⁶⁴ Толочко П. П. Раскопки древнего Киева.— ДИ, 1972, № 1 (170), с. 54—55; Толочко П. П. Новые археологические открытия в Киеве.— ВП, 1973, № 4, с. 210—211; Толочко П. П. Древний Киев, с. 28—31; Толочко П. П. Нове у вивченні Києва, с. 92—93.

⁶⁵ Радзивилловская, или Кевингсбергская летопись, л. 28 об.

⁶⁶ Там же, л. 36 об.

⁶⁷ Там же, л. 5.

⁶⁸ Кондаков Н. П. Греческие изображения первых русских князей.— В кн.: Сборник в память равноапостольного князя Владимира. Киев, 1917, с. 13.

* Северо-восточная часть Ботанического сада АН УССР.

XI в.⁶⁶ Он входил в ансамбль построенного Всеволодом Ярославичем (умер в 1903 г.) загородного Красного двора. По свидетельству летописи, Красный двор находился на холме над Выдубичами и сожжен в 1096 г. половецкими ордами Боняка⁶⁷. Как загородная резиденция киевских князей дворец быстро был восстановлен и некоторое время являлся двором Юрия Долгорукого. Последний раз упоминается летописью в 1157 г. Тогда же был разграблен и сожжен⁶⁸.

Остатки от каменного дворца Красного двора были найдены в северной части мыса. Это большое скопление фрагментов плитки (толщиной 3 и 4 см), цементного раствора, отдельные детали кладки, фрески⁶⁹. Эти и другие материалы, обнаруженные во время разведки в 1970 г.⁷⁰, позволяют предпологать, что каменное здание находилось где-то в северо-восточной части упомянутого мыса. Судя по обнаруженным остаткам, оно было сооружено в характерной для киевского зодчества XI в. смешанной кладке. Стены его были расписаны фресковой живописью, о чем свидетельствует фрагмент кладки с остатками штукатурки и следами фресок на ней. Наблюдения показывают, что остатки дворца еще в XVI—XVII вв. поднимались над уровнем земли и частично использовались как строительный материал жителями Выдубецкой околицы⁷¹.

6, 72
Ротонда. Еще в 1958 г., исследуя остатки фундаментов ротонды во Владимире-Волыньском, М. К. Каргер писал, что «ротонда Михайловского монастыря и по своему художественному облику, и по особенностям строительной техники... не имеет предшественников в киевском зодчестве, не знавшем зданий подобного типа»⁷². Прошло 30 лет. И вот в 1975—1976 гг. в самом центре Города Владимира, в усадьбе № 3 по Владимирской ул., раскопками Киевской археологической экспедиции удалось обнаружить и исследовать круглую в плане постройку — ротонду, самую большую среди известных зданий этого типа, относящихся к древнерусскому времени.

73, 74
Киевская ротонда была уникальным сооружением, внутренний диаметр которой составлял 17, а внешний — более 20 м. С внешней и внутренней сторон она имеет по 16 пилястр (внутренние едва обозначены, а внешние значительно выступают за фасадом здания). В центре находится мощный столб (из плитки и брусчатки на цементном растворе), с квадратной базой, длина сторон которой 3,2 м. Фундамент здания представляет собой забутовку, состоящую из обломков плитки и кусков пес-

⁶⁶ Мовчан І. І. Археологічні дослідження на Видубичах.— В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 80—84, 87—89.

⁶⁷ ПСРЛ, т. 2 (Ипатьевская летопись), стб. 223; ПВЛ, ч. 1, с. 152.

⁶⁸ Там же, стб. 480.

⁶⁹ Мовчан І. І. Вказ. праця, с. 87—88.

⁷⁰ Дяденко В. Всеволодів Красний двір.— Пам'ятники України, 1970, № 3, с. 14—15.

⁷¹ Мовчан І. І. Вказ. праця, с. 87—89.

⁷² Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII в. во Владимире-Волыньском.— Ученые записки ЛГУ, № 252. Серия исторических наук, вып. 29. История искусства, 1958, с. 33.

⁷³ Толочко П. П., Боровский Я. Е. Київська ротонда.— Пам'ятники України, 1976, № 2 (29), с. 54—55; Толочко П. П., Боровский Я. Е. Киевская ротонда.— АО 1976 г. М., 1977, с. 380—382; Толочко П. П., Боровский Я. Е. Из работ Киевской экспедиции.— АО 1977 г. М., 1978, с. 390—391. Более подробно см.: Боровский Я. Е., Толочко П. П. Київська ротонда.— У кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 90—103.

Рис. 71. Дворец княгини Ольги.
Миниатюра Радзивилловской летописи.

чаника на глиняном растворе. Ширина его около 1,6, высота — 0,5 м. Фундамент завершается цоколем, сложенным из четырех рядов плинфы на глиняном растворе с примесью извести и цемянки. Высота цоколя — 0,5 м. С его обреза начинается кладка стены, выполненная двумя видами кирпича — малоформатной плинфой (29 × 20,5 × 4,5 см) и брусчаткой (25 × 12 × 8 см) на известковом растворе с цемянкой. Сохранилась стена на высоту 0,5—0,8 м при ширине 1,6 м.

Таковы главные конструктивные элементы и размеры киевской ротонды⁷⁸, на основании которых возможны следующие выводы: ротонда была значительным архитектурным сооружением древнего Киева; большая мощность фундамента и цоколя свидетельствует о высотной архитектуре здания, стены которого (по имеющимся данным) достигали 10 м. Наличие небольшой арочки, завершающей блок упавшей стены внутри ротонды, позволяет говорить об арочных завершениях пилястр, между которыми, видимо, находились окна. Учитывая мощность массивного кирпичного столба в центре здания, следует считать, что он служил опорой для перекрытия, то есть поддерживал свод постройки. Обнаруженные же во время раскопок фрагменты штукатурки с фресковыми росписями, а также разноцветные поливные керамические плитки (зеленые, желтые, коричневые, черные), которыми были украшены стены, дают представление о характере внутреннего убранства здания.

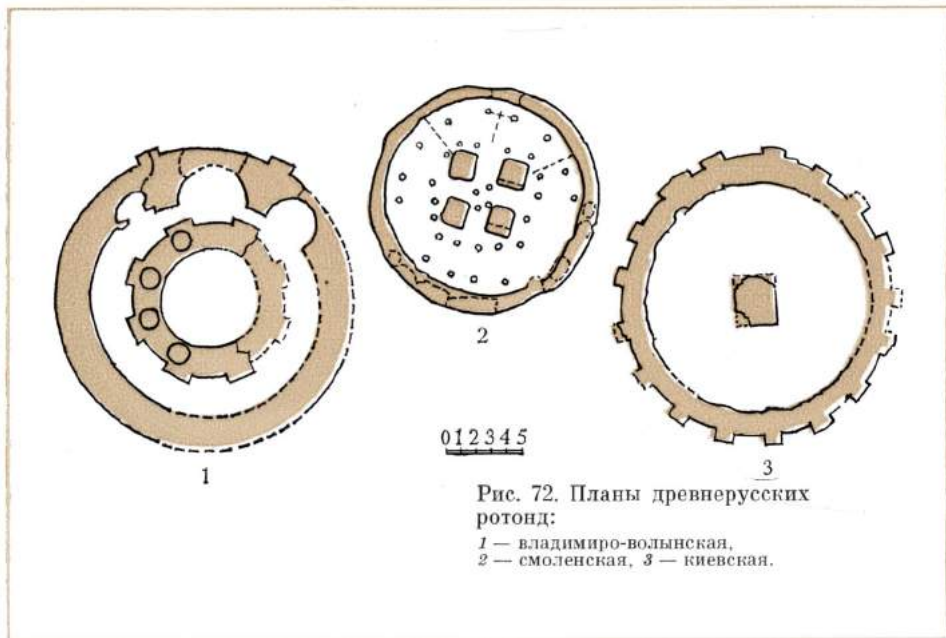

Рис. 72. Планы древнерусских ротонд:

1 — владими́ро-волы́нская,
2 — смоле́нская, 3 — кие́вская.

Следы пола угадываются в слое горелого дерева (толщиной до 5 см), выявленного на уровне древнего горизонта под упавшим завалом в центре сооружения. Но не исключено, что полы были сложены из керамических плиток и шиферных плит, неоднократно находимых во время земляных работ⁷⁴.

Снаружи здание не было оштукатурено, что подтверждается наблюдениями над упавшими завалами стен. Наружные стены, сложенные из чередующихся рядов плинфы и брусчатки, декорированы пилястрами (шириной 1,33 и 1,53 и толщиной 0,8 м), орнаментами из кирпича (найлены профилированные кирпичи-плинфа).

Вход размещался с западной стороны. Об этом свидетельствует размер фундамента западной пилястры, ширина которого 3 м (во всех других — ширина фундамента 1,33 и 1,53 м).

Обнаруженные во время раскопок куски листового свинца указывают на характер покрытия крыши.

Позднее, в результате ремонта — облицовки кирпичом-брусчаткой наружной кладки стен (отмечена на уровне первого — четвертого ее рядов) — нижняя часть ротонды приобрела вид многогранника, углы которого завершаются пилястрами.

Как видим, киевская ротонда представляла собой башенный тип здания, высотой свыше 10 м, с купольным завершением и с богатым украшением внутри. Снаружи она была декорирована пилястрами. По вертикальности композиции постройка родственна деревянной светской архитектуре с ее теремными вышками и крепостными башнями⁷⁵, хотя в последних и преобладала прямоугольная планировка.

Для реконструкции первоначального вида ротонды несомненный интерес представляет миниатюра из Радзивилловской летописи, изображающая многоэтажное двухярусное здание с купольным завершением⁷⁶. На рисунке отчетливо видны три грани постройки, продолжающиеся и на втором ярусе. Вход-двери округлой формы. Окна второго этажа изображены в виде широких проемов, слегка закругленных вверху. Князь сидит на троне-столе. Собственно рисунок изображает княжескую палату, расположенную на великокняжеском дворе. Миниатюра соответствует событиям 1154 г. Учитывая, что после облицовки стен брусчатым кирпичом киевская ротонда приобрела вид многогранника, можно предположить, что миниатюра копирует уже построенное каменное здание.

Датируется киевская ротонда второй половиной XII — началом XIII в. В этом убеждает система кладки, типичная для большинства памятников архитектуры Поднепровья указанного времени⁷⁷, а также анализ материалов раскопок. Так, сохранившийся под завалами стен культурный слой с археологическими материалами XII в., который был древним горизонтом постройки, перекрывает фундаменты пиластр и находится на уровне третьего — четвертого рядов кладки цоколя. Кроме того, под упавшей стеной, к западу от фундаментов ротонды, обнаружена глинобитная печь, время функционирования которой, по археомагнитным исследованиям, относится ко второй половине XII в. Это подтверждает и археологический материал и в заполнении печи, и из культурного слоя над нею⁷⁸.

Таким образом, строительство киевской ротонды можно отнести ко второй половине XII в., а время ее функционирования — к концу XII — началу XIII в.

Как известно, ротонды были уже во времена Рима, но особое распространение имели в Средневековье в романской архитектуре Западной и Центральной Европы, а также на Кавказе и в Причерноморье. Но не следует связывать киевскую находку только с западными влияниями. Вполне вероятно, что тип подобных сооружений мог возникнуть на Руси самостоятельно — этому предшествовали столетние традиции развития строительного дела. На Руси этот тип построек отмечен со второй половины XII в.⁷⁹, однако они могли появиться здесь раньше. Примером этому может служить изображение постройки типа ротонды на миниатюрах Сильвестровского списка «Чтений о Борисе и Глебе», где древний вышгородский храм Бориса и Глеба изображен в виде ротонды. На миниатюрах этого сборника церковь типа ротонды встречается еще восемь раз. На этих рисунках изображена круглая в плане постройка, увенчанная

⁷⁴ Хойновский И. А. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. Киев, 1899, с. 13.

⁷⁵ Асеев Ю. С. Архитектура Київської Русі, с. 155.

⁷⁶ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, л. 199 об.

⁷⁷ Асеев Ю. С. Архитектура Київської Русі, с. 152—154; Толочко П. П., Асеев Ю. С. Новый памятник архитектуры древнего Киева. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1977, с. 85.

⁷⁸ Толочко П. П., Боровский Я. Е. Язичницьке капище в «городі» Володимира. — В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 8.

⁷⁹ Асеев Ю. С. Архитектура Подніпров'я та галицько-волинських земель у XII—XIII ст. — Історія українського мистецтва. К., 1966, т. 1, с. 220—221.

Рис. 73. Западная часть киевской ротонды.

одним куполом полусферической формы на довольно высоком барабане, прорезанном окнами. На некоторых миниатюрах передан материал перекрытия из черепицы. На трех из них фасады церкви расчленены двумя рядами параллельных полосок на три яруса. Окна изображены в виде узких прямоугольных проемов, иногда в верхнем ярусе размещены небольшие окна круглой формы⁸⁰.

Согласно тексту «Чтения», зарисованные ротонды изображают деревянные церкви (три вышгородских храма-усыпальницы, сменявшие друг друга на протяжении XI в.), которые существовали до каменной, построенной в 1115 г. Некоторые исследователи считали, что миниатюрист зарисовал именно существующую каменную постройку в таком виде, в каком она существовала в XIV в., то есть ротонду, потому что вряд ли деревянные церкви были круглыми, как это изображено на миниатюрах. Однако раскопки М. К. Каргера убедительно доказали, что вышгородский храм-мавзолей Бориса и Глеба 1115 г. представлял трехнефную постройку, являющуюся по своему плану восьмистолпным зданием⁸¹.

72 Ближайшей (но далеко не аналогичной) к киевской является смоленская ротонда (вторая половина XII в.), которая по своим размерам
186 немного меньше (внутренний диаметр до 15,7, внешний — 18,1 м)⁸².

Рис. 74. Восточная часть киевской ротонды.

Как и в киевской, фундамент смоленской ротонды заполнен плохо утрамбованной глиной, почти та же глубина его заложения. Такой же переход от забутовки фундамента к кладке, осуществленный путем выравнивания его поверхности тремя-четырьмя рядами плинфы. Кладка стен в обоих зданиях порядовая, без утопления промежуточных рядов. Даже размеры плинфы почти тождественны: $29 \times 19,5 \times 4,5$ см в смоленской и $29 \times 20,5 \times 4,5$ см в киевской ротондах. Обе они не имеют апсид. Отличия их в том, что у киевской ротонды есть один мощный центральный столб, а у смоленской — четыре опорных столба прямоугольной формы. К тому же в киевской употребляется два вида кирпичей, а в смоленской — только плинфа⁸³. Да и построены обе ротонды при-

⁸⁰ Срезневский И. И. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860, с. 115, 117, 119, 121, 125, 128; Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. — СА, 1952, № 16, с. 97—98.

⁸¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 334—336, рис. 116.

⁸² Авдусин Д. А. Смоленская ротонда. — В кн.: Историко-археологический сборник к 60-летию со дня рождения А. В. Арциховского. М., 1962, с. 243—253.

⁸³ Там же, с. 245—246, 249—250.

близительно в одно и то же время — во второй половине XII в., возможно, даже в правление Ростиславичей — Рюрика в Киеве и Давида в Смоленске.

72

Кроме смоленской, известны ротонды и на галицко-волинских землях. Самой примечательной из них является ротонда Михайловского монастыря во Владимире-Волинском второй половины XIII в. Размеры ее приближаются к киевским (внешний диаметр до 20, внутренний — до 18 м). Сложена из брускового кирпича на растворе извести с цемянкой. Наряду с брусчаткой, обнаружены обломки плитф. В отличие от киевской, михайловская ротонда имеет два кольцевых фундамента, а в толще восточной стены — три полуциркульные ниши-апсиды и две лопатки на наружной стороне. На внутреннее кольцо опирается восемь круглых колонн и восьмигранных столбов, которые, по мнению исследователя, служили подкупольной колоннадой⁸⁴.

Несомненно, киевская ротонда, построенная во второй половине XII в. и существовавшая еще в XIII в., была хорошо известна волынским зодчим XIII в., которые «продолжали и развивали строительную технику и стиль, унаследованные от киевского зодчества середины XII в.»⁸⁵, и по-своему интерпретировали киевскую ротонду, применяя новые архитектурные элементы при строительстве ротонды Михайловского монастыря, особенно в решении ее внутреннего пространства.

Несколько отличается от киевской галицкая церковь-ротонда Ильи XII—XIII вв. Размер ее в плане 19,75 × 9,50 м. Состоит она из круглой средней части, примыкающей к ней полукруглой восточной апсиды и прямоугольной западной пристройки. Церковь сложена из тесанного, правильно обработанного квадратного камня. Постройка в середине имела сводчатое перекрытие. Есть мнение, что прямоугольная часть — более поздняя пристройка, а первоначальное здание имело круглую форму, то есть представляло ротонду с апсидой, — тип широко известный в соседней Чехии, Венгрии и других местах Центральной Европы. На формах галицкой ротонды все же сказалось влияние романского стиля⁸⁶.

В отличие от киевской, горянская ротонда XII—XIII вв. (недалеко от Ужгорода) представляет собой типичную для романского стиля постройку — закругленный шестигранник, толщина стен которого достигает 2—2,5 м. Перекрытие шестигранника сводчатое. Внутри ротонды имеется шесть ниш. Вход в нее размещался с северо-запада. В кладке здания — квадратная плитфа размером 30 × 30 × 4 (5) см на цемяноч-

⁸⁴ Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волинском, с. 25—27.

⁸⁵ Там же, с. 26.

⁸⁶ Сичинський В. Ротонди на Україні.— Науковий збірник за рік 1929, с. 72—74.

⁸⁷ Там же, с. 78—85; Горянская ротонда. Ужгород, 1967; Логвин Г. Н. По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки. К., 1968, с. 386—388.

⁸⁸ Сичинський В. Вказ. праця, с. 83.

⁸⁹ Там же, с. 72—74, 78—85; Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волинском, с. 25—33; Асеев Ю. С. Архитектура Подніпров'я та галицько-волинських земель у XII—XIII ст., с. 221.

⁹⁰ Айдусин Д. А. Указ. соч., с. 253.

⁹¹ Раппопорт П. А. «Латинская церковь» в древнем Смоленске.— В кн.: Новое в археологии (в честь А. В. Арциховского). Л., 1972, с. 283—289.

Рис. 75. Многоугольное здание.
Миниатюра Радзвилловской летописи.

ном растворе⁸⁷. Материал горянской ротонды — плинфа — и способ кладки стен указывают скорее на восточное, чем на западное происхождение, потому что все ротонды романского стиля в Среднем Подунавье построены из шлифованного, правильно обработанного камня⁸⁸.

Как видим, постройки типа ротонд на территории Древней Руси не получили особого распространения. Тем больший интерес представляет киевская, которая не только обогащает наши знания об архитектуре города конца XII — первой половины XIII в., но и свидетельствует о том влиянии и значении, которое имел Киев в историко-культурном развитии древнерусских земель эпохи феодальной раздробленности.

В большинстве случаев ротонды на Руси имели культовый характер. Владимир-волинская, галицкая и горянская, как считают исследователи, могли служить мемориальными памятниками типа мавзолеев или каплиц⁸⁹. По поводу назначения смоленской ротонды в литературе существуют две противоположные точки зрения. Один из исследователей этого сооружения Д. А. Авдусин считает, что оно было оборонной башней⁹⁰, П. А. Раппопорт, который посвятил ротонде специальную статью, доказывает, что это была латинская церковь⁹¹.

Для какой же цели было возведено сооружение столь необычной для Киева архитектурной формы? Сразу необходимо отбросить мысль об оборонительном характере этой постройки, поскольку размещена она не

в системе оборонительных сооружений древнего Киева и даже не вблизи их, а в самом центре детинца — княжеской части города. Нет сколько-нибудь надежных оснований считать ротонду церковным сооружением. Против этого свидетельствует ее местонахождение: она стояла в окружении таких известнейших храмов Киева, как Десятинная, Воздвиженская и Васильевская церковь. К тому же ни в середине, ни около нее не обнаружено никаких следов (в частности, захоронений), которые указывали бы на ее культовый характер. От большинства круглых церквей киевская ротонда отличается и архитектурой. Проведенные археологические исследования не обнаружили апсиды, хотя сохранность сооружения неплохая, а стратиграфия вне ротонды не настолько нарушена, чтобы в ней не оказалось (если бы они были) никаких следов апсиды. Остается предположить, что перед нами остатки гражданской постройки.

Несмотря на то что на севере Европы изредка встречались круглые церкви с одним столбом⁹², это еще не дает основания считать киевскую ротонду культовым сооружением. Светские памятники с одним центральным столбом известны и на Руси (Грановитая палата Новгородского детинца 1433 г.⁹³, Грановитая палата Московского Кремля XV в.⁹⁴), и в эпоху позднего средневековья в странах Северной Европы, как, например, зал шведского короля Олафа, отца Ингигерды, жены Ярослава Мудрого⁹⁵.

Очевидно, в поисках аналогий киевской ротонды следует обратить внимание на палаты константинопольских дворцов, в частности на одно из интереснейших мест в священном дворце — Хрисотриклиний (Золотую палату), построенную императором Юстином II Куропалатом и украшенную затем его преемником Тиберием. Это был восьмигранный зал (с восемью апсидами), завершавшийся куполом с 16 аркообразными окнами. Вход в него вел с запада, а напротив, с востока, находилась апсида с нишей и царским тронем в ней. Все важнейшие церемонии — коронации, бракосочетание императора, официальные приемы — происходили в этом великолепном праздничном зале⁹⁶.

Еще один зал во дворце, называвшийся Кенургием, упоминаемый Константином Багрянородным, также имел круглую форму, а его купол поддерживали 16 колонн (восемь из зеленого мрамора и восемь из оникса)⁹⁷.

Некоторый интерес для определения характера и назначения киевской ротонды представляет одна из миниатюр Лицевого летописного свода XVI в., на которой изображено взятие Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. Несмотря на характерный для данного вида древ-

⁹² Раппопорт П. А. «Латинская церковь» в древнем Смоленске, с. 286.

⁹³ Каргер М. К. Новгород. М.; Л., 1970, с. 89—90.

⁹⁴ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970, с. 83—84.

⁹⁵ Ржигза В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. — Труды ГИМ, 1929, вып. 5, с. 9.

⁹⁶ Эссай А. Константинополь. От Византии до Стамбула. М., 1919, с. 142—143.

⁹⁷ Там же, с. 143—144.

⁹⁸ История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. 2, с. 106, рис. 27.

⁹⁹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978, с. 43.

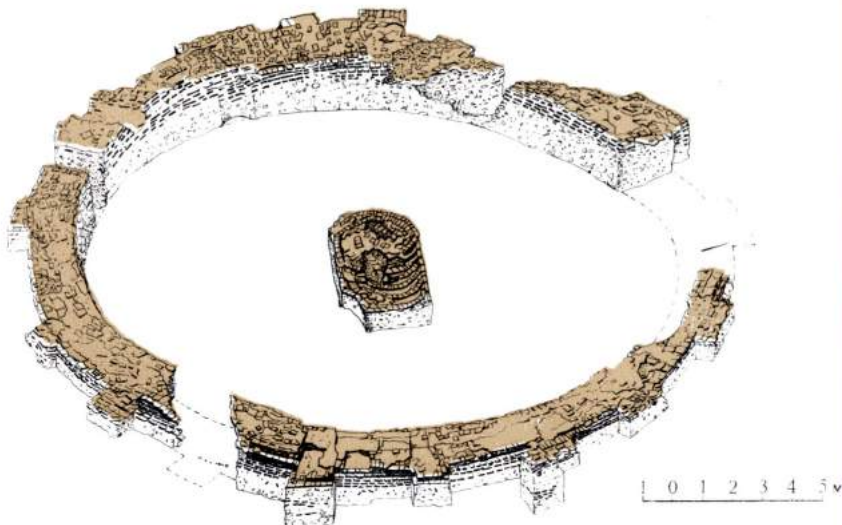

Рис. 76. Киевская ротонда.
Аксонометрия (по материалам
раскопок 1975—1976 гг.).

нерусского искусства схематизм и значительную хронологическую дистанцию между ее изображением на миниатюре и реальной киевской ротондой, рисунок, несомненно, отражает исторические реалии. В окружении княжеских и боярских дворцов стоит Десятинная церковь, из которой победители выносят икону св. Спаса. В правом дальнем углу — Васильевская церковь, в левом — между дворцом и Десятинной церковью — поднимается двухъярусное круглое сооружение, которое имеет вид теремной башни с шатровым верхом и окнами в верхней части⁹⁸.

Сказанное о характере и назначении киевской ротонды наводит на мысль, что перед нами остатки светской постройки, которая размещалась рядом с дворцом великокняжеского двора и, возможно, служила палатой для советов князя с боярами, государственных приемов. Такая палата, по сообщениям северной саги, была уже у Ярослава Мудрого, который «велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями и поместил в ней добрых молодцов, испытанных в славных делах». Как сообщает сага, «она была обтянута парчой и пеными тканями», а «сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на высоком месте», и пригласил к себе он «многих друзей своих и устроил пышный пир»⁹⁹.

Таким же был и златоверхий терем Святослава Всеволодовича, упоминаемый в 1185 г. в «Слове о полку Игореве». Размещался он на Киевских горах, на великом княжеском дворе. Наверное, автор «Слова» имеет в виду тот же златоверхий терем, упоминая «гридницу Святослав-

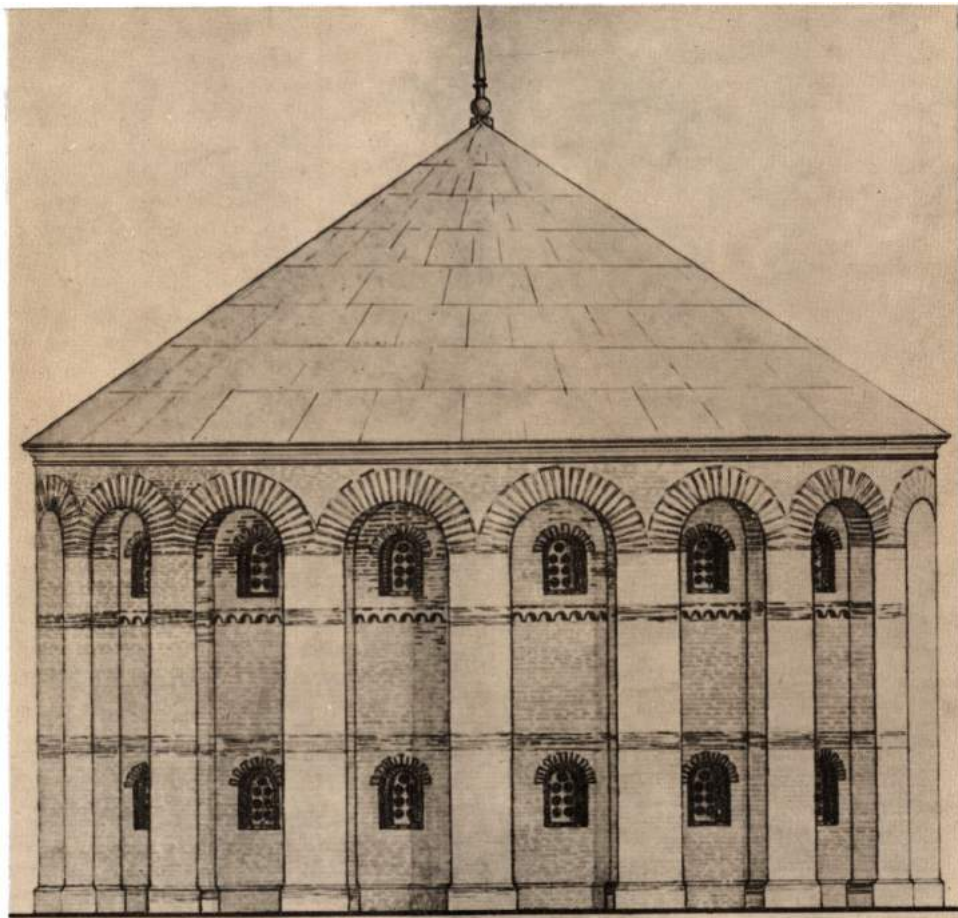

Рис. 77. Киевская ротонда. Восточный фасад. Вариант реконструкции П. П. Толочко, Я. Е. Боровского и В. С. Шелягова.

ля», в которой собирались (на государственные приемы) немцы и венецианцы, греки и моравцы, поющие славу Святославу и осуждающие князя Игоря¹⁰⁰.

Между прочим, в пользу того, что ротонда могла служить палатой для советов князя с боярами, государственных приемов, свидетельствуют и находки вещей, в частности две свинцовые печати с греческими надписями с изображением Феодора Стратилата.

Таким образом, обварауженная в Киеве ротонда является важным звеном в изучении древнерусского зодчества. Она открывает еще одну новую страницу в истории архитектуры древнего Киева накануне монголо-татарского нашествия на Русь.

3. Культурные постройки

Ведущую роль в каменном зодчестве древнего Киева играли сооружения культового назначения. Они возводились на территории Верхнего города, торгово-ремесленных посадов, в пределах окольных районов. Отдельные из них дожили до наших дней; большинство культовых строений древнего Киева разрушено, и их руины лежат в земле. Проведенные в последние годы раскопки не только дали исключительно важный материал для реконструкции первоначального архитектурного облика сооружений, но и позволили решить некоторые вопросы исторической топографии древнего Киева.

Успенский собор Печерского монастыря. Заложен в 1073 г. в Печерском монастыре при великом киевском князе Святославе Ярославиче. «Того же лета основана бысть церковь Печерская Святославомъ князем, сыномъ Ярославимъ, игуменомъ Феодосьемъ, епископомъ Михаилом, митрополиту Георгиеви тогда сущю въ Гръцьхъ, а Святославу Киеве сядящу»¹⁰¹. Под 1075 г. летописец сообщает о продолжении и завершении строительства. «В лето в 6583. Почата бысть церкви Печерская над основаньемъ Стефаномъ игуменомъ; из основанья бо Федосий почла, а на основаньи Стефанъ почла и кончана бысть на третье лето месяца июля в 1 день»¹⁰². Следовательно, на третье лето после возобновления строительных работ 1075 г. постройка была завершена. Законченный в 1077 г. храм стоял неосвященный 12 лет, то есть до 1089 г. Самые разнообразные доводы высказывали историки по поводу столь длительной задержки освящения собора. Но наиболее важным вопросом в исследовании Успенского собора Печерского монастыря было установление первоначального облика храма и того, кто же были его строители.

До недавнего времени, кроме многочисленных источников о различных ремонтах, перестройках и украшениях храма, сведения о его архитектуре (особенно первоначальной) были скудны. Исследование Печерского собора осложнялось тем, что этот интереснейший памятник на протяжении многовековой истории перестраивался и его древнейшее ядро тонуло внутри многочисленных достроек и реставраций. В условиях действующего собора проводить какие-либо архитектурно-археологические изыскания было практически невозможно. Многие авторы считали, что от храма после монголо-татарского нашествия ничего не осталось. Его строительство относили к 1470 г.¹⁰³

После объявления Печерского монастыря государственным заповедником (1926 г.) появилась возможность провести в Успенском соборе архитектурные исследования. Они были начаты И. В. Моргилевским, но прерваны Великой Отечественной войной. В годы временной оккупации города гитлеровцы взорвали этот ценнейший памятник мировой культуры.

¹⁰⁰ Слово о полку Игореве. Под редакцией чл.-кор. АН СССР В. П. Андриановой-Перетц, М.; Л., 1950, с. 22—23.

¹⁰¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 173.

¹⁰² Там же, стб. 189.

¹⁰³ *Болховитинов Е.* Описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1831, с. 11; 28—29; Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, отд. 2, с. 28—29.

Тщательное архитектурно-археологическое изучение руин Успенского собора проводилось на протяжении нескольких лет. Начало этим работам положила экспедиция Института археологии АН УССР под руководством В. А. Богусевича¹⁰⁴. Дальнейшие исследования проводились экспедициями различных учреждений, бессменным руководителем которых был Н. В. Холостенко. Ему принадлежит наибольшая заслуга в изучении Успенского собора. Исследователь ответил на многие вопросы, связанные со строительной историей храма, важнейшими проблемами реконструкции его древнейшего архитектурного облика, конструктивными приемами сооружения¹⁰⁵.

Исследования, проведенные в Успенском соборе, во многом помогли яснее осмыслить некоторые известия о строительстве памятника, сообщенные летописями и «Патериком».

Процесс заложения собора подробно подан в «Патерике», а также в легенде «О создании Печерской церкви святыне богородицы»¹⁰⁶. Здесь сообщается, что храм был заложен «на горе», поросшей деревьями и тернием. Археологические исследования местности показали, что этот участок был выбран на необжитой местности¹⁰⁷. После определения места, где будет сооружен собор, строители «...ставши на месте том, помолвились и благословили место, измерили золотым поясом ширину и длину площадки под собор»¹⁰⁸. В данном случае нас интересует то, что в качестве «меры широты, долготы и высоты» будущей церкви был взят пояс, пожертвованный перед этим варягом Шимоном. Дальше в форме легенды говорится об абсолютно реальном образе храма, выражавшегося математической формулой 20:30:50. Стало быть, зодчие перед началом строительства имели довольно четкую схему будущего сооружения. Разаумеется, это не был проект в нашем понимании, а общая схема в графическом изображении, которая служила для обозначения основных размеров сооружения, определяла последовательность операций по его разбивке, выполнявшейся при помощи мерила (в данном случае — пояса).

Анализируя размеры храма, Н. В. Холостенко определил размеры мерила, положенного в основу разбивки сооружения¹⁰⁹.

Общая внутренняя ширина храма составляет 21,62 м. Согласно письменным источникам, этот размер равен «20 поясам» — отсюда размер пояса — 108 см, то есть половина древнерусской косой сажени, равной 216 см. Промер размера подкупольного квадрата показал, что он тоже

¹⁰⁴ Богусевич В. А. Работа по разробці Великої лаврської церкви.— Археологія, 1948, т. 2, с. 205.

¹⁰⁵ Холостенко Н. В. Исследования руин Успенского собора Киево-Печерской лавры.— СА, 1955, вып. 23, с. 341—358; Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962—1963 гг.— В кн.: Культура и искусство древней Руси. Л., 1967, с. 58; Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря.— В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 107—170; Холостенко М. В. Нові дослідження Іоанно-Предтечїнської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 131—165.

¹⁰⁶ Художественная проза Киевской Руси X—XIII вв. М., 1957, с. 170.

¹⁰⁷ Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря, с. 142.

¹⁰⁸ Художественная проза Киевской Руси X—XIII вв., с. 177.

¹⁰⁹ Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря, с. 144—146.

¹¹⁰ Там же, с. 145.

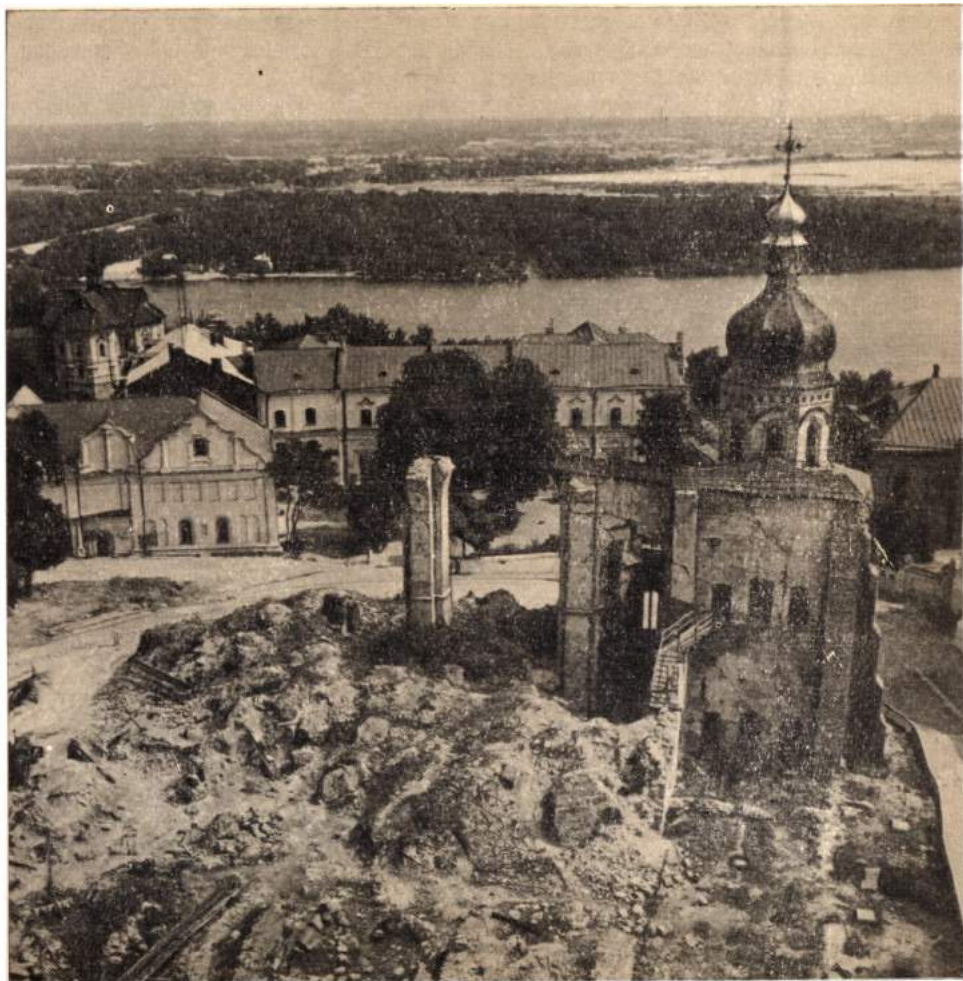

Рис. 78. Руины Успенского собора
(фото 1956 г.).

кратный этой мере и составлял 8 поясов ($8 \times 108 = 8,64$ м). Длина храма, согласно этой формуле, равна 30 поясам ($108 \times 30 = 32,40$ м.). Этому полностью соответствует в натуре внутренний размер храма — от внутренней стены центральной апсиды до внутренней лопатки западной стены¹¹⁰. Анализ размеров других частей памятника дал возможность исследователю определить основную единицу измерения, которая составляла половину косой сажени, то есть 108 см. Составленная предварительная схема будущей постройки переносилась на строительную площадку с помощью измерительной жерди и веревки путем простейших построений на местности, как это и описано в «Патерике»: князь «измерил

место, где быть церкви» и «положища поасом». Приписка «гласу с неба» формулы соразмерностей храма ($20 \times 30 \times 50$) сделана церковниками для придания ей большего авторитета.

По мнению Н. В. Холостенко, некоторые мастера, возводившие собор Богородицы Печерского монастыря, были приглашены из Константинополя и, возможно, из Афона, но в основной состав корпорации строителей входили местные умельцы, о чем свидетельствуют строительные приемы, знаки на плинфе и другие данные. Мастера-строители для сооружения храма такого масштаба привлекали многочисленных квалифицированных ремесленников различных специальностей: «древделов», «плинфотворителей», «каменотесцев», «гончаров» и др., а также подсобников, в первую очередь из среды монастырских крепостных¹¹¹.

Во время разборки руин проведены наблюдения над многими конструктивными деталями памятника. Прежде всего определенный интерес представляет фундамент. Перед началом строительства храма был вырыт неглубокий котлован (30—50 см) под всю площадь постройки, о чем в легендарной форме сообщает «Патерик». После этого копались ленточные рвы. Глубина заложения фундамента от подошвы до его обреза — 183 см (рис. 79). Сначала фундаментный ров заполнялся крупными камнями в распор, после этого тщательно укладывалась бутовая кладка, на выровненную поверхность которой ложилась первая деревянная перевязь, а потом осуществлялась сама кладка стен¹¹².

Кладка основных стен велась способом «в ящик», то есть сначала

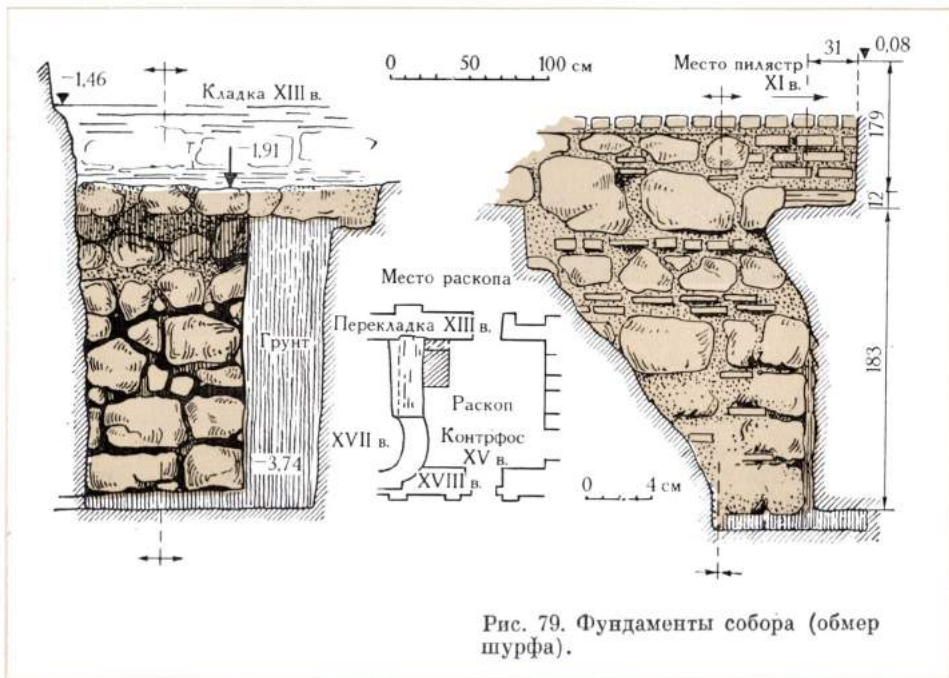

Рис. 79. Фундаменты собора (обмер шурфа).

на высоту 50—70 см возводились внутренняя и наружная плоскости стены, а пространство между ними заполнялось бутовой кладкой из камней, боя плинфы и др. «Облицовка» стен выполнялась в технике смешанной кладки (*opus mixtum*) с чередованием слоя каменной кладки и рядов плинфы¹¹³. Особенностью кладки стен сооружения является широкое использование как в облицовке, так и в забутовке валунных камней. Этот строительный материал в большом количестве встречался в Киеве, в частности на месте сооружения храма в виде россыпей на поверхности и в выходах моренных отложений в оврагах. Стремясь максимально использовать этот дешевый подъемный материал, каменщики при кладке «в ящик» очень редко пускали сквозной (на всю толщу стены) связующий плинфовый ряд, что отрицательно сказалось на прочности стен. Это особенно проявилось во время небольших землетрясений.

Верхние части храма, в особенности фигурные (паруса, своды, подпружные арки, перемычки окон и др.), выкладывались без использования камня — чистой плинфовой кладкой «с утопленным рядом»¹¹⁴.

Для равномерного распределения давления в кладке стен, особенно в местах сосредоточения нагрузок, использовались прокладки из шиферных плит, иногда в виде поясов-прокладок, выступающих в виде карнизов с выносом на 20—25 см. Особенностью поясов сооружения явилось то, что, кроме вертикальных усилий, они способны были воспринимать и горизонтальные. Для этого отдельные шиферные плиты по ширине пояса связывались между собой металлическими анкерами. Концы анкеров, изготовленные из железа квадратного профиля, вставлялись в специально выдолбленные в плитах отверстия и зачеканивались свинцом. Кроме того, для восприятия распоров, которые могли появиться в еще недостаточно затвердевшей кладке, особенно в пятах арок и сводов, использовались и деревянные перевязи. Отдельные колоды, соединенные между собой железными штырями, проходили по всему периметру здания¹¹⁵.

Оформление наружных плоскостей стен выполнялось в два этапа. Сначала велась «черновая» кладка на известковом растворе с крупными фракциями цемзянки. Она выполнялась с подрезкой раствора только до уровня утопленного ряда. Углубления, образованные между выдвинутыми рядами плинфы и рядами бутовой кладки, заполнялись раствором во время другого — «облицовочного» этапа. При этом раствор носил иной характер — в качестве наполнителя использовалась мелкая цемзянка. Поверхность «облицовочного» раствора гладко затиралась, а при подходе к выступающим рядам плинфа слегка подрезалась, усиливая эффект декора фасада¹¹⁶.

При обследовании остатков стен удалось проследить организацию строительных работ. Кладка стен велась из наружных и внутренних лесов, состоящих из вертикальных стоек, соединенных между собой и с

¹¹¹ *Холостенко М. В.* Успенский собор Печерского монастыря, с. 147—148.

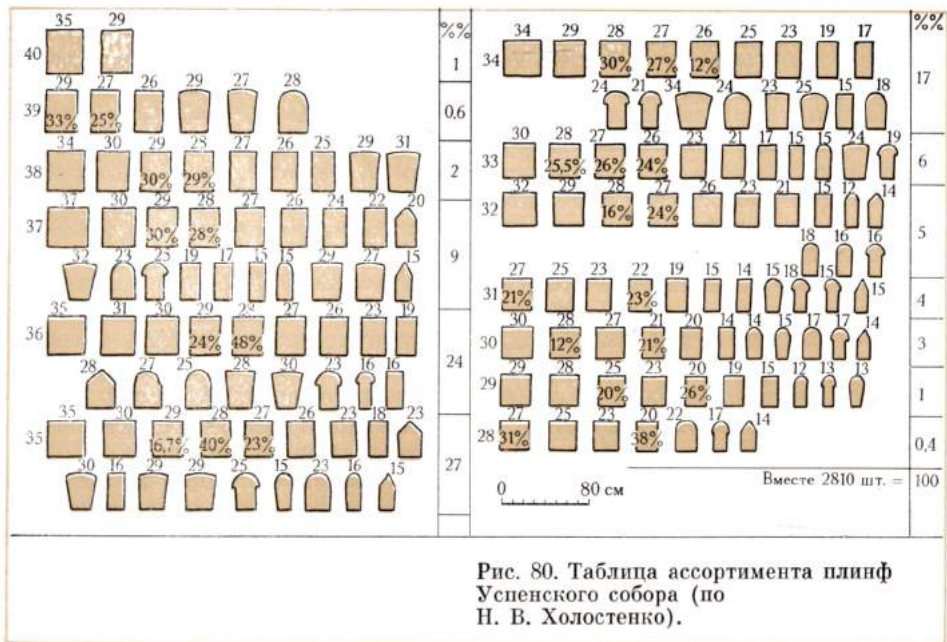
¹¹² Там же, с. 115—116.

¹¹³ *Холостенко Н. В.* Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры, с. 341, рис. 10.

¹¹⁴ *Холостенко М. В.* Успенский собор Печерского монастыря, с. 111.

¹¹⁵ Там же, с. 111—115.

¹¹⁶ Там же, с. 112.

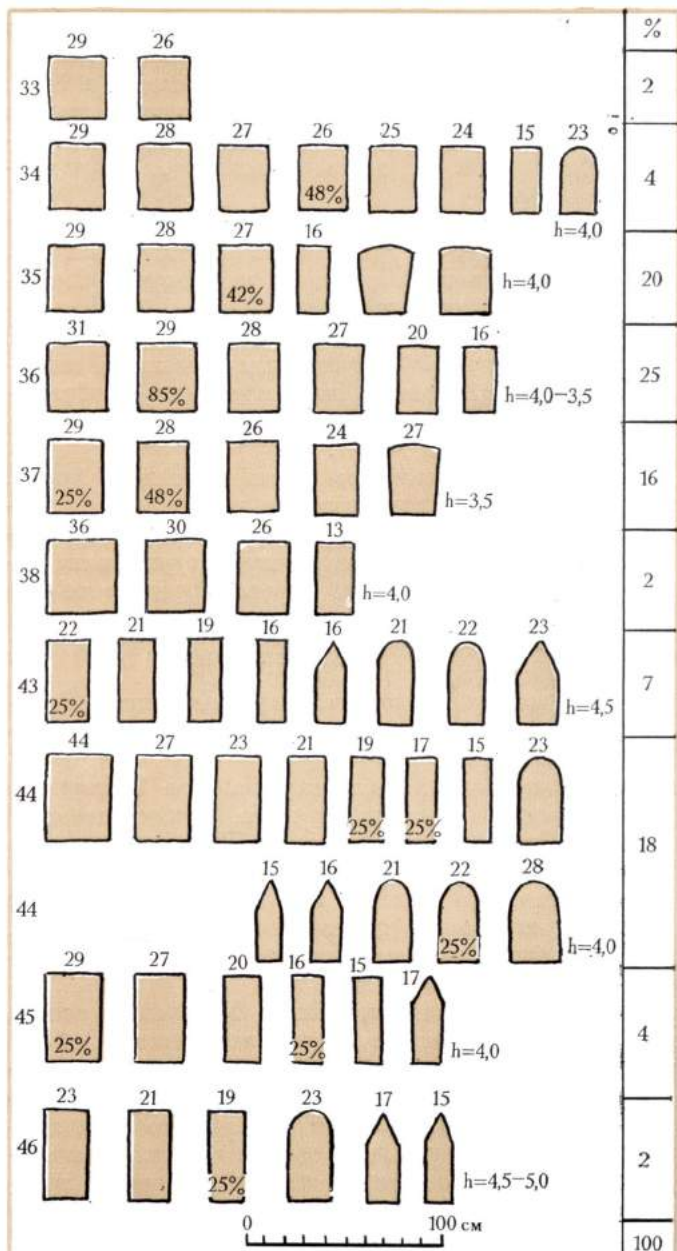
горизонтальными перемычками — пальцами. Пальцы лесов закладывались в толщу стены из колод диаметром 18—20 см. Многие колоды проходили насквозь через всю толщину стены, и их концы использовались как для внешних, так и внутренних лесов.

80, Важным при исследовании остатков собора явилась довольно детальная характеристика его плинф. В результате статистической обработки огромного количества древнерусских кирпичей установлено, что строителями было использовано 13 комплектов плинф. Состав и характер этих наборов свидетельствует о том, что при их формировании заранее учитывалась общая конфигурация здания, всевозможные декоративные детали¹¹⁷.

81 При сооружении храма широко применялась строительная керамика в виде корчаг-амфор и кувшинов с широкими шейками. Эта посуда использовалась как голосники в стенах и парусах сооружения, а также как специальная основа при закладке пят парусов купольно-парусных сводов под хорами и парусов главного купола собора.

Исследовательскими работами удалось в определенной степени ответить на некоторые вопросы, касающиеся интерьера Печерского храма. Это прежде всего относится к устройству его полов. Пол в храме был выложен шиферными плитами шириной от 30 до 75 см и длиной от 120—152 до 213—216 см, что, видимо, обусловлено желанием максимально использовать привозной материал, добытый в карьерах под Овручем. Обнаруженные раскопками в центральной части храма многочисленные

Рис. 81. Таблица ассортимента пlying Успенского собора (по Н. В. Холостякко).

82 фрагменты шиферных плит с мозаичными вставками свидетельствуют о том, что орнаментированная часть занимала подкупольное пространство, а остальной пол был из простых гладких плит. Полы, естественно, были завершением пышного внутреннего убранства храма, о богатстве которого свидетельствуют летописи, Печерский патерик и рассказы путешественников, которые видели остатки собора, сохранившегося после пожара 1718 г.

Во время раскопок в нескольких местах храма выявлено смальту в россыпи. Она идентична смальте, обнаруженной в стекло-смальтовой мастерской на территории бывшего митрополичьего сада лавры¹¹⁸. Смальта использовалась для инкрустации пола и настенных росписей. На сегодняшний день пока не найден ни один фрагмент настенной мозаики, и поэтому о стиле ее нет никаких данных. Исторические источники свидетельствуют, что в конхе центральной апсиды было мозаичное изображение богородицы «Оранты» с двумя ангелами по сторонам. Эти росписи пострадали во время землетрясения еще в 1230 г.

83 Фрески, видимо, занимали значительную часть росписей храма. Во время раскопок обнаружены многочисленные, но небольшие по размеру фрагменты фресок. Один фрагмент росписи выявлен непосредственно на стене за кладкой XIII в. Он выполнен на штукатурке, нанесенной на поверхность облицовочного раствора, на котором предварительно сделали насечки. Это свидетельствует о том, что расписан храм был не сразу после окончания строительства, а значительно позже, и поэтому, очевидно, освящение его состоялось только в 1089 г.¹¹⁹

84 Внутренний декор собора дополняли резные шиферные плиты, фрагменты которых неоднократно встречались во время разборки руин и раскопок памятника.

Одним из нерешенных вопросов об Успенском соборе Печерского монастыря было устройство лестничного хода на хоры. Существовавший ход на хоры через Иоанно-Предтеченскую церковь был выполнен в XVII в. Для решения вопроса возле юго-западного угла собора был заложен шурф. В нем обнаружены фундаменты и остатки стен XI в. от лестничной башни на хоры. Стратиграфия раскопа свидетельствует о том, что лестничный ход разрушен был рано, очевидно, во время землетрясения 1230 г., и после этого не восстанавливался¹²⁰.

Важным для понимания первоначального облика Успенского собора явились исследования Иоанно-Предтеченской церкви, входившей в общий комплекс собора. Последняя представляла из себя небольшой храм-придел, находившийся возле северо-западного угла собора. Раскопки 1970—1972 гг., а также исследования и обмеры И. В. Моргилевского дали важный материал для воссоздания первоначального облика архитектуры этого сооружения. Полученные данные показывают, что в первом ярусе церковь-кредальня представляла собой небольшой четырехстолпный храм

¹¹⁸ Богусевич В. А. До історії склоробного виробництва в Київській Русі.— В кн.: Нариси з історії техніки. К., 1957, вип. 4, с. 134—144.

¹¹⁹ Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря, с. 140.

¹²⁰ Там же, с. 161—163.

¹²¹ Холостенко М. В. Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври, с. 132—136.

Рис. 82. Фрагменты
шиферно-мозаичного пола
Успенского собора.

и имела три слабо выраженные апсиды. Между крещатыми столбами первого яруса на подиуме находилась крещальня. Раскопками установлено, что в древности церковь имела подполье, которое в XIX в. было соединено с подвалом в северной части нартекса Успенского собора. Завершалась Иоанно-Предтеченская церковь одним барабаном купола, детали которого хорошо прослежены во время раскопок ¹²¹.

Многолетние исследования руин Успенского собора дали возможность автору раскопок установить не только древний план этого важнейшего в древнерусской архитектуре сооружения, но и выполнить реконструкцию первоначальных форм собора.

Шестистолпный трехмерный крестовокупольный храм Успения Печерского монастыря открывает новую страницу истории древнерусской

Рис. 83. Фрагмент фрески Успенского собора.

архитектуры и становится образцом для строительства монастырских соборов по всей Руси.

Михайловский храм Выдубецкого монастыря был широко известен и привлекал внимание многих исследователей древнерусской архитектуры. Тем не менее многие вопросы, связанные с реконструкцией его первоначального облика, до сих пор остаются не решенными.

На страницах древнерусских летописей, а также позднесредневековых хроник Выдубичи упоминаются довольно часто.

Первое достоверное упоминание о церкви Выдубецкого монастыря относится к 1070 г. Летописец сообщает, что «того же лета заложена

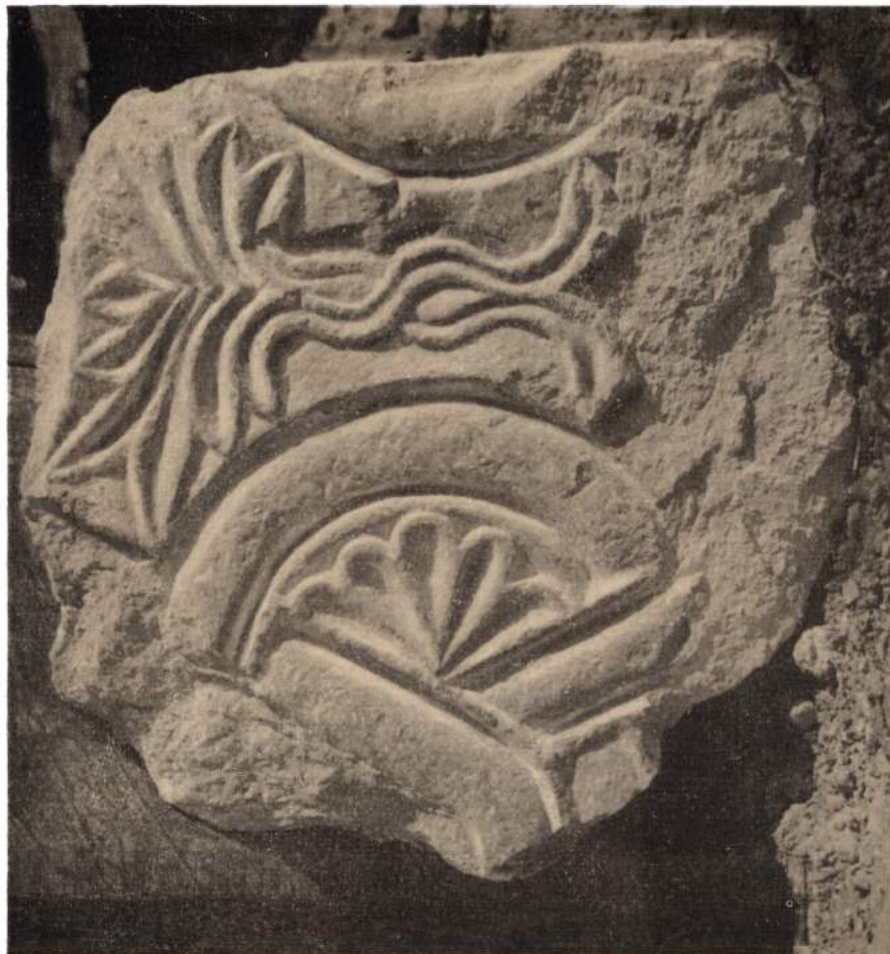

Рис. 84. Фрагмент плиты ограждения хор.

бысть церкви свягата Михаила, в манастырѣ Всеволожи, на Выдобычи»¹²². Но освящение храма произошло только через 18 лет. «В лѣто 6596. Священа бысть церкви свягата Михаила манастыря Всеволожа, митрополитомъ Иоаномъ и епископы Лукою, Исаемъ, игуменьство тогда держащу того манастыря Лазореви»¹²³.

Выдубецкий монастырь в XII — первой половине XIII в. упоминается в летописях неоднократно в связи с различными событиями, но особый интерес представляют статьи 1199 и 1200 гг. Эти сообщения имеют непосредственное отношение к истории строительства монастыря.

¹²² ПСРЛ, т. 2, стб. 164.

¹²³ Там же, стб. 199.

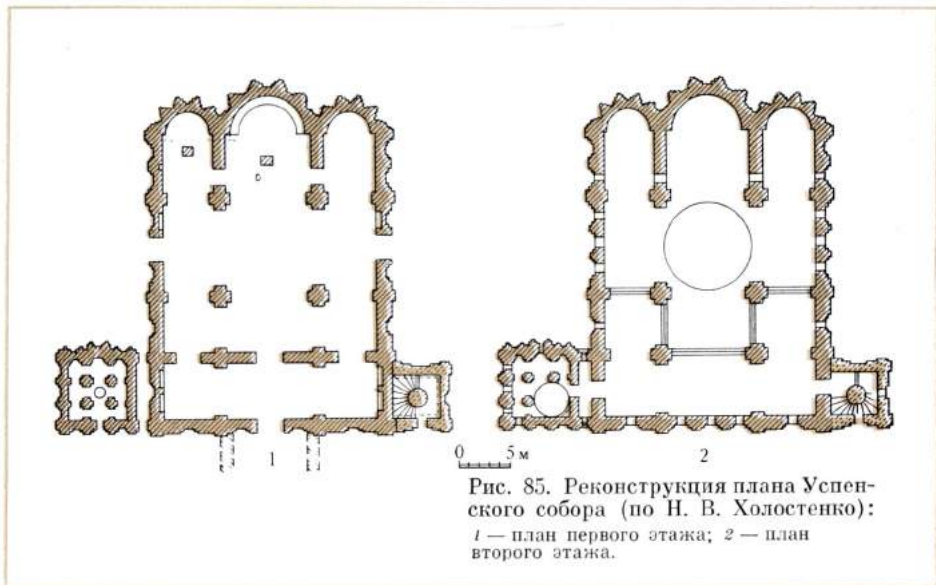

Рис. 85. Реконструкция плана Успенского собора (по Н. В. Холостенко):
1 — план первого этажа; 2 — план второго этажа.

Михайловский храм был выстроен на террасе высокой горы, у подножья которой протекал Днепр. За последнее столетие река удалилась от берега больше чем на полкилометра, хотя еще в начале XIX в. она протекала в непосредственной близости от монастыря¹²⁴. Крутизну склонов, где стоит Михайловский храм, хорошо охарактеризовал Павел Алеппский, посетивший Киев в 1655 г. Он писал: «Туда (в Выдубецкий монастырь.— И. М.) ведут две дороги: одна берегом Днепра по большой крутизне: по ней можно ехать только верхом; другая — большим объездом по горам среди рощ и плодовых деревьев». Описывая монастырь, Алеппский добавляет: «Мы вышли взглянуть на берег реки. Высота такая, что просто берет страх, когда смотришь сверху вниз; едва ли кто может видеть это без содрогания»¹²⁵.

Полноводный Днепр, год за годом подмывая берег, приближался к постройке, что к концу XII в. создало угрожающее положение для храма. Не исключено, что и без того разрушающийся берег обвалился во время землетрясения, описанного в летописи под 1195 г.: «Тое же зимы по Федоровѣ недѣльѣ, во вторникъ в 9 часа потрясеса земля по всей области Киевской и по Киеву церкви каменныя и деревянныя колѣбахуся»¹²⁶.

Эти обстоятельства заставили князя Рюрика Ростиславича осуществить крупные инженерно-строительные работы по укреплению берега возле Выдубецкого монастыря, так подробно описанные в упомянутых летописных статьях 1199 и 1200 гг. В приподнятом тоне современник рассказывает о необычном сооружении, вызвавшем глубокий интерес и восторг современников смелостью технического решения. «Того бо лѣта (1199.— И. М.), месяца июля во 10 день... заложы стѣну камену подъ

церковью святого Михаила, у Днѣпра, нже на Выдобычи. Они же мнозѣ не дерзьнула помыслити о древнихъ»¹²⁷.

Восхваляя роль Рюрика Ростиславича, летописец укоряет князей, которые были до него и не догадались возвести подобную постройку. Заслугу князя разделяет мудро избранный им среди друзей зодчий Милонег. Летописец не скупится на похвалы Милонегу, называя его мастером, художником. «Изобрѣте бо подобна дѣлу и ходожника, и во своихъ си приятелехъ имене Милонѣгъ Петрѣ же по крещению... и тако яться зданию на тощно, в соблюдение честнаго храма»¹²⁸. Постройка служила подпорной стеной крутого берега Днепра, на котором стояла Михайловская церковь. Об острой необходимости этого сооружения говорит тот факт, что возведено оно было в предельно сжатые сроки. Чуть больше года потребовалось строителям для завершения грандиозного по тем временам сооружения. Уже в 1200 г. «свѣрши стѣву ту мѣсяца сентября в 24 день»¹²⁹.

Постройка даже больших киевских храмов не вызывала столь восторженных откликов летописцев, как стена Милонегга. На торжественное ее открытие прибыли сам князь Рюрик Ростиславич с женою, сыновья Ростислав, Владимир и дочь Предслава. Стена была довольно широка и возвышалась так, что посетители монастыря, расположившись на ней, любовались Днепром и Заднепровьем, «очима си любезно смотрящи, отвсюду веселіе души привлекаше и мняться яко аера достигше». Идея укрепления размывавшегося днепровского берега волновала многих и раньше — «мнози бо преже насъ бывшеи желаше видити яже мы видихомъ, и не вѣдѣша и слышати не сподобихася»¹³⁰. Могучая стена, возведенная Милонеггом, не устояла перед силой стихии. Подмываемая водами Днепра, она вместе с оторвавшейся восточной частью Михайловского храма рухнула в реку. Когда это произошло, сказать трудно, поскольку никакими письменными сведениями на этот счет мы не располагаем. Невроятным кажется предположение М. А. Максимовича, считавшего, что стена Милонегга была разрушена монголо-татарами, которые «не жалели труда и рук, сокрушая и ниспровергая огромнейшие твердыни, без помощи огня и пороха»¹³¹.

Отдельные летописные известия свидетельствуют о том, что Выдубецкий монастырь продолжал функционировать и после разгрома Киева монголо-татарами. В 1250 г. его посетил князь Данило Галицкий. «И приде Киеву, обдержашу Киевъ Ярославъ бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ, и пришедъ в домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобычъ»¹³². Это последнее летописное упоминание о монастыре, после

¹²⁴ *Закревский Н.* Описание Киева. М., 1868, т. 1, с. 229.

¹²⁵ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874, ч. 2, с. 178—179.

¹²⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 690.

¹²⁷ Там же, стб. 708—709.

¹²⁸ Там же, стб. 711.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же, стб. 712, 714.

¹³¹ *Максимович М. А.* Собрание сочинений. Киев, 1877, т. 2, с. 248.

¹³² ПСРЛ, т. 2, стб. 806.

которого в течение двух с половиной столетий о Выдубичах никаких сведений не было.

Известно, что в 1640 г. Михайловский собор лежал в руинах, о чем свидетельствует грамота Петра Могилы царю Михаилу Федоровичу от 29 октября 1640 г. Здесь упоминается Михайловский храм Выдубецкого монастыря, в котором, по словам митрополита, «пол церкви и верх весь каменного составленного» разрушен¹³³. К середине XVII в. монастырский храм был восстановлен.

Из всех древних сооружений на Выдубичах до наших дней сохранился лишь Михайловский храм. Его изучению немало внимания уделяли исследователи древнерусской архитектуры. Все они в какой-то степени пытались воссоздать первоначальный облик Михайловской церкви, но многие приходили к ошибочным выводам, так как основывались они не на археологических материалах¹³⁴. Наиболее фундаментальные исследования этого памятника с попыткой реконструкции его первоначального вида принадлежит М. К. Каргеру¹³⁵. Во время раскопок 1945 г. была открыта вся площадь между апсидной стеной храма и краем горы. Кроме того, обнаружены древние пристройки к северной и южной стенам сооружения. Работы, проведенные по исследованию восточной части церкви, позволили автору раскопок отбросить попытки многих исследователей реконструировать первоначальные формы собора как небольшого четырехстолпного сооружения укороченного типа.

По М. К. Каргеру Михайловский собор Выдубецкого монастыря представлял собой сооружение, характерной чертой которого было удлинение плана по оси восток — запад, что придавало ему в определенной мере базиликальные черты. Это позволило сопоставлять Михайловский храм не с малыми дворцовыми храмами Владимиро-Суздальской земли, а с оригинальными сооружениями Южной Руси — Спасским собором в Чернигове и Борисоглебским храмом в Вышгороде¹³⁶.

В связи с ремонтно-реставрационными работами в 1972 г. были проведены раскопки внутри храма, которые дали ответ на ряд вопросов, связанных с конструктивными особенностями сооружения и его внутреннего убранства¹³⁷.

86 В настоящее время Михайловская церковь является кубическим храмом с одним куполом и тремя нефами, одной апсидой и несколько выступающей на северном фасаде башней с лестничным ходом на хоры.

Кладка стен западного, южного и северного фасадов, сохранившихся до самого верха, представляет собой характерную для киевского зодчества XI в. систему чередования рядов, выложенных из крупных камней (гранит, красный кварцит) на известково-цемяночном растворе и рядов плинфы на цемянке почти одинаковой толщины с кирпичом.

По мере возведения стен количество и размеры камней в кладке уменьшаются, уступая место кладке плинфы. Такой конструктивный

¹³³ Акты южной и западной России. Спб., 1861, т. 3, № 18, с. 28.

¹³⁴ Максимович М. А. Указ. соч., т. 2, с. 250; Шероцкий К. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, с. 309.

¹³⁵ Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева, с. 154—166.

¹³⁶ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 310.

¹³⁷ Мовчан I. I. Вказ. праця, с. 95—105.

Рис. 86. Михайловский храм XI в. Общий вид.

прием создавал впечатление облегченности сооружения, придавая ему стройность.

Восточный фасад, а также восточные пилястры северной и южной стен выложены из кирпича XVIII в. Эта часть церкви достроена заново во время реставрационных работ 1766—1769 гг. Тогда же были возведены новые своды, купол, на древних стенах добавлен новый карниз, который срезал первоначальные закомарные завершения фасадов.

Новый барабан купола и стёны были отштукатурены и получили черты барочной архитектуры XVIII в. Хоры над нартексом (западным притвором) продлили в восточном направлении так, что сооружение превратилось в двухэтажное. Все эти работы были выполнены под

руководством архитектора М. Юрасова¹³⁸. В таком виде Михайловский храм Выдубецкого монастыря дошел до наших дней. В последние годы реставраторы освободили древние фасады от поздней штукатурки.

Во время раскопки 1972 г. были исследованы фундаменты внутренней части сооружения. Все они, кроме нартекса, представляют сплошную ленту, объединенную в перевязь с северной и южной стенами. Отличительной чертой фундаментов Выдубецкого храма является отсутствие в качестве связующего материала известково-цемяночного раствора. Выложены они из бутового камня на известковом растворе серого цвета. Ширина фундаментов внутренних лент — 1,7 м, глубина — 1,8 м. Сверху бутовая кладка покрыта слоем хорошо заглаженного прочного раствора известки с примесью речного песка. Этот выравнивающий слой идет под кладку стен здания, а также опускается с боковых сторон фундаментов на глубину до 30 см. Такая конструктивная особенность фундаментов наблюдается во всех лентах. Прежде чем приступить к кладке стен, фундаменты, на 30 см выведенные на поверхность земли, были оштукатурены известковым раствором, по которому делалась графья, указывающая строителям направление и толщину стен¹³⁹.

В кладке фундаментов, на глубине 80 см от поверхности, прослеживаются деревянные субструкция в виде отпечатков бревен.

Интересные наблюдения сделаны при исследовании фундаментов западной части собора. Они имеют исключительное значение не столько для выяснения конструктивных особенностей здания, сколько для реконструкции процесса строительства Михайловского храма и, главное, для воссоздания его первоначального облика.

87 Фундамент, отделяющий нартекс от центрального ядра сооружения, имеет ширину более 3 м, но, как выяснилось, он состоит из двух параллельных лент, выложенных впритык друг к другу. Лента фундамента, расположенная под основным массивом сооружения, такой же ширины, как и остальные ленты, а ширина пристроенной западной — только 1,25 м. Последняя имеет такую же технику кладки, как и основной фундамент, но пристроена позже. На это указывает отсутствие перевязи в кладке фундамента. Самым веским доказательством разновременности возведения основного массива храма и его нартекса является наличие щели между основной стеной и западной пристройкой. Здесь прослеживается тщательность обработки поверхности стены основного массива сооружения. Если бы она возводилась одновременно, то, естественно, в такой скрупулезной обработке ее поверхности не было бы необходимости. На южном фасаде, в месте стыка пристройки, видно, что фундамент западной части храма не имел перевязи. В свое время высказывалось предположение, что фундамент западной части храма сделан без перевязи с основной постройкой для предотвращения будущей деформации здания. Несомненно, эта мысль имеет смысл, но в данном случае она опровергается тем, что стена в том месте, где сейчас находится арка, ведущая из нартекса в центральную часть собора, в свое время была

¹³⁸ Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева, с. 154—166.

¹³⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 302.

¹⁴⁰ Мовчан І. І. Вказ. праця, с. 101.

Рис. 87. Место стыковки фундаментов нартекса и основной части сооружения.

разобрана. Это прослеживается по отпечаткам плинфы в растворе, а местами и по кирпичной кладке, сохранившейся *in situ*. Здесь удалось проследить не только линию стены толщиной 97 см, но и место первоначального западного портала, имевшего ширину 1,75 м. В кладке стены, где сейчас пять арки, видно сбитую плинфу¹⁴⁰. Наблюдения свидетельствуют, что первоначальный замысел строителей Михайловского храма, как шестистолпного трехнефного сооружения, был изменен вскоре после начала работ. Сейчас трудно ответить на вопрос, на какую высоту было возведено сооружение, но то, что первоначальный замысел пришлось менять, разбирая часть западного фасада, очевидно. Западная часть собора с лестничной башней и хорами была достроена ко времени освящения храма, то есть к 1088 г. Это подтверждает не только одинаковая техника кладки упомянутых частей сооружения, но и штукатурка с росписью, которая выполнялась одновременно. Таким образом, нартекс Михайловского собора, на южной стене которого сохранились фрески XI в., был построен немного позже, вследствие чего весь храм получил несколько необычную удлинненную композицию плана и стал шестистолп-

Рис. 88. Остатки стены и битая плинфа первоначальной кладки западного фасада.

ным трехнефным сооружением, но с дополнительным объемом — западным притвором.

Во время раскопок 1972 г. получены весьма важные данные по реконструкции интерьера Михайловской церкви. Одним из сложных вопросов в исследовании храма было определение его первоначального пола. К сожалению, ни в одном месте не удалось обнаружить хотя бы маленький участок пола XI в. Он был разрушен, а остатки его вынесены из здания во время очередного ремонта. Основой древнего пола была хорошо утрамбованная земля, перемешанная со строительными остатками. Толщина подсыпки составляла 25—30 см, она была доведена до уровня обрезов фундаментов, то есть до основания стен. Сверху подсыпки по всей площади храма обнаружено большое количество осколков овручского шифера. Нет сомнения, что весь пол был выложен шиферными плитами различных размеров. Раскопками обнаружено пять форматов шиферных плит, которые, естественно, не исчерпывают всех возможных вариантов. Найденные плиты имели следующие размеры: $102 \times 68 \times 6$ см; $100 \times 33 \times 6$ см; $103 \times 45 \times 6$ см; $130 \times 46 \times 6$ см; $80 \times 60 \times 6$ см. Шифер укладывали непосредственно на утрамбованную подсыпку, а в тех местах, где он состыковывался с поперечными или продольными лентами фундаментов и их обрезами, плиты укладывали на известково-цемяночном растворе. В различных местах храма обнаружено

много смальты для пола, но самое большое ее количество — в районе первоначального подкупольного пространства. Чаще всего встречается смальта зеленого, желтого, вишневого, черного и белого цветов. Найдено несколько фрагментов мозаики, представляющей застывший известково-цемяночный раствор с вдавленными в него кусочками смальты. Кроме фрагментов мозаики и отдельных кусочков смальты, встречаются обломки раствора со следами мозаичной кладки. Обнаруженный в нартексе у южной стены фрагмент мозаики заслуживает особого внимания, так как он не только констатирует факт наличия мозаичных полов в храме, но и раскрывает один из приемов декорирования древнего интерьера. Этот фрагмент представлял полосу известково-цемяночного раствора шириной 12 см, где с торцевых сторон видны отпечатки шиферных плит. Толщина застывшего раствора около 7 см, а сверху на нем выложен геометрический орнамент из смальты. находка свидетельствует о том, что при укладке пола в отдельных местах шиферные плиты подгонялись вплотную друг к другу, а иногда между ними оставалось какое-то пространство (в данном случае 12 см), которое заливалось известково-цемяночным раствором и декорировалось кусочками смальты.

89

В Михайловской церкви встречается и другой способ мозаичной выкладки пола. В шиферных плитах долбилися определенного рисунка углубления, а уже потом они заполнялись смальтой, закрепленной на известково-цемяночном растворе. Концентрация находок смальты в районе подкупольного пространства, а также под столбами и стенами может свидетельствовать о том, что полы в храме были комбинированными. В местах наибольшей нагрузки, где чаще ходили люди, пол выложен

90

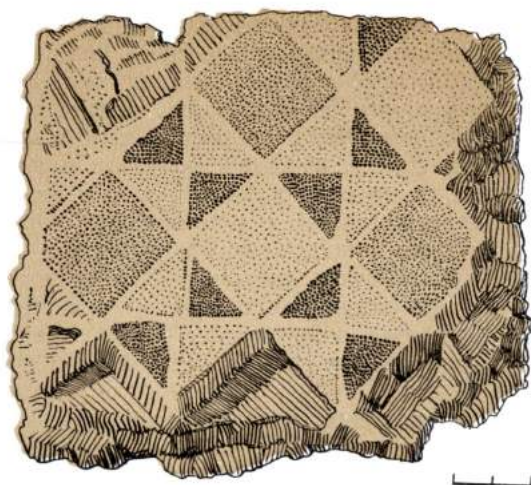

Рис. 89. Фрагмент мозаичного пола.

Рис. 90. Остатки шиферной плиты пола.

из шиферных плит, а в центре и под стенами храма были мозаичные вставки. Вполне естественно, что мастера особый акцент сделали на декорировании пола подкупольного пространства. Здесь найдена фигурная шиферная плита размером 80×60 см, высеченная так, что часть ее площади составляет четверть круга. Если сложить четыре таких плиты, то в центре получится круг, который заполнялся мозаичной вставкой.

Сочетание темно-розовых плит с мозаикой создавало сложный коврово-орнаментальный рисунок, инкрустированный разноцветной смальтой, треугольной, квадратной, прямоугольной и ромбовидной форм. Настиланием пола завершался процесс складывания внутреннего оформления Михайловского собора. Сначала были расписаны (в технике фрески) стены постройки, а потом уже укладывались плиты пола. Об этом свидетельствует находка в одном из углов храма места, где известково-цемяночный раствор, на котором укладывали плиты пола, на 6—8 см заходит на нижнюю часть фрески.

Для более полного представления о внутреннем декоре храма следует обратить внимание на обнаружение нескольких фрагментов шиферных резных плит с растительным орнаментом. По-видимому, это остатки парапетов хор.

Раскопки, проведенные в Михайловской церкви в 1972 г., открыли важные материалы для уточнения реконструкции первоначального плана сооружения, позволили проследить строительные периоды храма.

Кловский монастырь. Неоднократно упоминаемый в письменных источниках храм Кловского Стефанича монастыря несомненно был одним из наиболее интересных сооружений древнего Киева. Своим происхождением и названием он обязан Стефану — третьему игумену Печерского монастыря. Первое упоминание о Кловском Стефаниче монастыре относится к 1096 г. Описывая события, связанные с погромом половцами киевских околиц, летописец сообщает: «Прииде второе Боякъ безбожный, шолудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапно и мало в город не вогнаша половци, и зажгоша по пѣску около города, и увратишася на монастырь, пожгоша монастырь Стефанечь, деревнѣ и Германечь»¹⁴¹. Далее под 1108 г. «Повесть временных лет» в статье, где говорится об основании Михайловского Златоверхого собора, окончании строительства каменной трапезной в Печерском монастыре и канонизации Феодосия, извещает: «Все же лето кончаша верх святым Богородица на Клове, заложенной Стефаном игуменом печерским»¹⁴². Наиболее подробные сведения о сооружении Кловского монастыря дает Киево-Печерский патерик. На его страницах сообщается: «Егда же Стефанъ игумень, деместникъ из монастыря изгнать бысть и видѣвъ преславная чудеса, како мастеры придоша и икону носяще и царикю видѣнѣ, Влахернѣ, повѣдоша,— и сего ради семь Влахерскую церковь на Кловѣ създа»¹⁴³. Дальше: «Онъ же присно поминаемый Стефанъ състави себѣ монастырь на Кловѣ и церковь възгороди въ имя святыя Богородица, и нарекъ имя ей, по образу сущаго въ Коньстантинѣ градѣ, иже Влахѣрнѣ»¹⁴⁴. В последующих разделах упоминается о том, что «досточюдный же и именный Стефанъ... пакы по отшествіи изъ монастыря състави на Кловѣ свой монастырь»¹⁴⁵.

Будучи сначала игуменом Печерского монастыря, Стефан в 1075 г. завершает там строительство каменного храма Успения богородицы. Вскоре, как видно из Жития Феодосия, Стефан был не только отстранен от игуменства, но «тако диавол ражже на гнев братию, яко же и от монастыря того тыща отгнана». Год изгнания Стефана из Печерского монастыря большинство исследователей древнего Киева принимают за исходный рубеж основания и закладки Кловского монастыря, начала строительства его каменного собора. Н. Н. Закревский считал, что Стефан только начал возводить собор, но не окончил, и половцы сожгли его в незавершенном виде¹⁴⁶. Это мнение поддерживал и Н. И. Петров¹⁴⁷. П. П. Толочко считает, что сооружение собора Кловского монастыря было закончено к 1096 г., и половцы сожгли уже действующий, с законченными основными строениями монастырь¹⁴⁸. Однако ни летописные источники, ни Печерский Патерик не дают оснований утверждать, что каменный храм был заложен вместе с основанием монастыря. Види-

¹⁴¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 222.

¹⁴² Там же, с. 137.

¹⁴³ Патерик Киево-Печерского монастыря. Спб., 1911, с. 9.

¹⁴⁴ Там же, с. 57.

¹⁴⁵ Там же, с. 60.

¹⁴⁶ Закревский Н. Указ. соч., с. 386.

¹⁴⁷ Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, с. 89.

¹⁴⁸ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, с. 156.

мо, первоначально построили деревянный храм, а в 90-е годы XI в. начали строительство каменного собора, которое завершилось, по сообщению «Повести временных лет», только лишь в 1108 г.¹⁴⁹

Вопрос с местоположении Кловского монастыря на протяжении многих десятилетий являлся предметом острых дискуссий.

Один из первых исследователей истории древнего Киева М. Ф. Берлинский сообщал в начале XIX в., что при строительстве Кловского дворца (в настоящее время в нем расположен музей Великой Отечественной войны) к западу от него были видны руины древнего Кловского собора¹⁵⁰. Против этого возражал Н. Н. Закревский, ссылаясь на то, что в XVIII в. за дворцом лаврские монахи построили многочисленные погреба¹⁵¹.

Исследователи конца XIX в. П. Г. Лебединцев и Н. И. Петров утверждали, что остатки фундаментов Кловского храма спрятаны под постройкой Кловского дворца¹⁵².

Известный советский исследователь истории Киева М. К. Каргер констатировал, что никаких остатков этого (Кловского) монастыря обнаружено не было¹⁵³.

В 1963 г. на территории усадьбы школы № 77 по ул. Карла Либкнехта, 27 во время строительных работ были обнаружены остатки древнерусского сооружения. Исследованный П. П. Толочко участок фундамента и двухкамерная гробница убедительно атрибутированы как остатки собора Кловского монастыря¹⁵⁴.

В 1974—1975 гг. в связи со сносом старых построек на Клове удалось провести стационарные раскопки¹⁵⁵. Исследованный П. П. Толочко небольшой участок фундаментов — это все, что сохранилось от большого храма. На площади около 1500 м² на глубине 2 м от современной поверхности были обнаружены лишь фундаментные рвы, заполненные строительными остатками, перемешанными с землей. Не только стены, но и почти все фундаменты были разобраны в последующие времена.

В ходе исследовательских работ пришлось преодолеть большие трудности. Ученые, по существу, имели дело не с самими фундаментами, а только с остатками рвов, в которые они были заложены. Не удалось раскрыть всю площадь сооружения, чему мешали многочисленные современные постройки: трансформаторная подстанция, детский садик, капитальный каменный забор, перерезавший значительную часть плана собора, линии коммуникаций и ряд поздних ям. Ввиду того, что для

¹⁴⁹ *Асеев Ю. С., Мовчан И. И., Харламов В. О.* Дослідження архітектури Кловського собору в Києві.— *Археологія*, 1979, вип. 30, с. 37—38.

¹⁵⁰ *Берлинский М. Ф.* Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города. Спб., 1820, с. 57, 174.

¹⁵¹ *Закревский Н.* Указ. соч., с. 387.

¹⁵² *Лебединцев П. Г.* Об имеющихся в Петербурге примечательных плавках г. Киева.— *ЦИОНД*, 1879, кв. 1, с. 35; *Петров Н. И.* Указ. соч., с. 89—90.

¹⁵³ *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 422.

¹⁵⁴ *Толочко П. П.* Знахідки кам'яних фундаментів на Клові.— *Археологія*, 1968, т. 21.

¹⁵⁵ *Мовчан И. И., Харламов В. А.* Раскопки Кловского монастыря в Киеве.— *АО* 1974 г. М., 1975, с. 325—326; *Мовчан И. И., Харламов В. А.* Исследования древнего Киева.— *АО* 1975 г. М., 1976, с. 365—366.

¹⁵⁶ *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 32.

Рис. 91. Кловский храм. Следы фундаментных рвов.

архитектуры Киева XI—XII вв. план храма оказался необычным, невозможно было вести исследование по заранее разработанной схеме. Наиболее достоверно удалось определить план северной, центральной и западной частей собора. А в южной и восточной, где раскопки проводились отдельными шурфами, план определен лишь на отдельных участках.

Несмотря на указанные трудности, с достаточной вероятностью определен план сооружения, выявлены его архитектурные и конструктивные особенности, получен ответ на некоторые вопросы, касающиеся интерьера храма, а также сделана попытка реконструкции его первоначального облика.

Раскопками на Клове обнаружена система ленточных фундаментов большого, квадратного в плане сооружения размерами 33×33 м (без апсид).

Для закладки фундаментов храма строители не пользовались широко известным в XI в. способом — рытьем фундаментных рвов, которые забутовывались камнем на известковом или известково-цемяночном растворе. В данном случае после выбора места и общей ориентации будущего храма был выкопан котлован, по всей площади которого забивались деревянные колышки. Они уплотняли основу будущего сооружения. Колышки длиной 40—50 см, диаметром 5—6 см забивались рядовой системой на расстоянии 40—45 см друг от друга. Подобный прием уплотнения основания фундаментов встречен под апсидной частью Десятинной перкви¹⁵⁶. Система расположения колышек под собором Кловского

91

92

215

монастыря отлична от системы их под Десятинной церковью: если в Кловском храме они забивались под всей площадью собора, то в Десятинной церкви — только под апсидной частью и лентами фундаментов. Подобный способ уплотнения основания будущих построек прослежен и в ряде других киевских сооружений X—XI вв. Колышки под фундаментами обнаружены в дворцовых сооружениях возле Десятинной церкви Д. В. Милеев, С. П. Вельмин)¹⁵⁷ и на Десятинном пер. (С. П. Вельмин)¹⁵⁸, а также в церкви XI в., расположенной в юго-западной части Софийского заповедника (Д. В. Милеев)¹⁵⁹. Такая же система колышек прослежена под фундаментами киевских Золотых ворот, причем длина их была 55—60 см, толщина 5—8 см, а расстояние между ними — 15—17 см¹⁶⁰.

На устроенной таким образом площадке делалась разметка плана храма и начиналась кладка лент фундаментов из валунов на известково-цемяночном растворе. После выведения фундаментов на уровень дневной поверхности «колодцы» между лентами засыпались землей вместе со строительными остатками. Таким же образом были выполнены фундаменты апсидной части Десятинной церкви.

Кроме использования забитых вертикально в лес колышков для уплотнения подошвы фундаментов, древнерусские строители при сооружении Кловского храма применяли еще и деревянные субструкции, которые должны были служить для более прочной перевязи фундаментных лент. Вдоль будущей ленты фундамента между рядами колышков укладывались бревна от двух до пяти рядов по ширине фундамента. Бревна (диаметром до 20 см) при перевязке скреплялись четырехгранными штырями длиной 30—36 см. Такой строительный прием прослежен в различных частях сооружения. Интересным оказался участок, где зафиксированы следы фундамента северной апсиды. Между рядами колышков бревна уложены веерообразно, поперек направления полукружия апсиды. Подобная система обнаружена под фундаментами апсид Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком (1089 г.)¹⁶¹. На аналогичные конструктивные особенности с широким применением дерева исследователи указывают в других киевских памятниках: Десятинной церкви, храме, исследованном Д. В. Милеевым близ Софийского собора, дворцовых сооружений¹⁶².

93 Фундаменты, как в этом можно убедиться по их остаткам в западной части храма, выкладывались из больших валунов на известковом растворе со значительной примесью цемянки. Толщина фундамента 1,8—1,9 м, глубина — до 1,25 м. Ширина стен при наличии обреза фундаментов до 10 см была равна 1,6—1,7 м. Кладка стен, по всей вероятно-

¹⁵⁷ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 70.

¹⁵⁸ Там же, с. 73—75.

¹⁵⁹ Милеев Д. В. Вновь открытая церковь XI в. в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города. — В кн.: Труды IV съезда русских зодчих в Спб. (1911). СПб., с. 120.

¹⁶⁰ Висоцкий С. О., Лопушинська Е. I., Холостенко М. В. Вказ, праця, с. 68.

¹⁶¹ Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. И. Исследование Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком. — В кн.: Славяне в Русь. К., 1979, с. 130.

¹⁶² Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы. Киев, 1950, с. 69—72; Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 71, 73—75, 229.

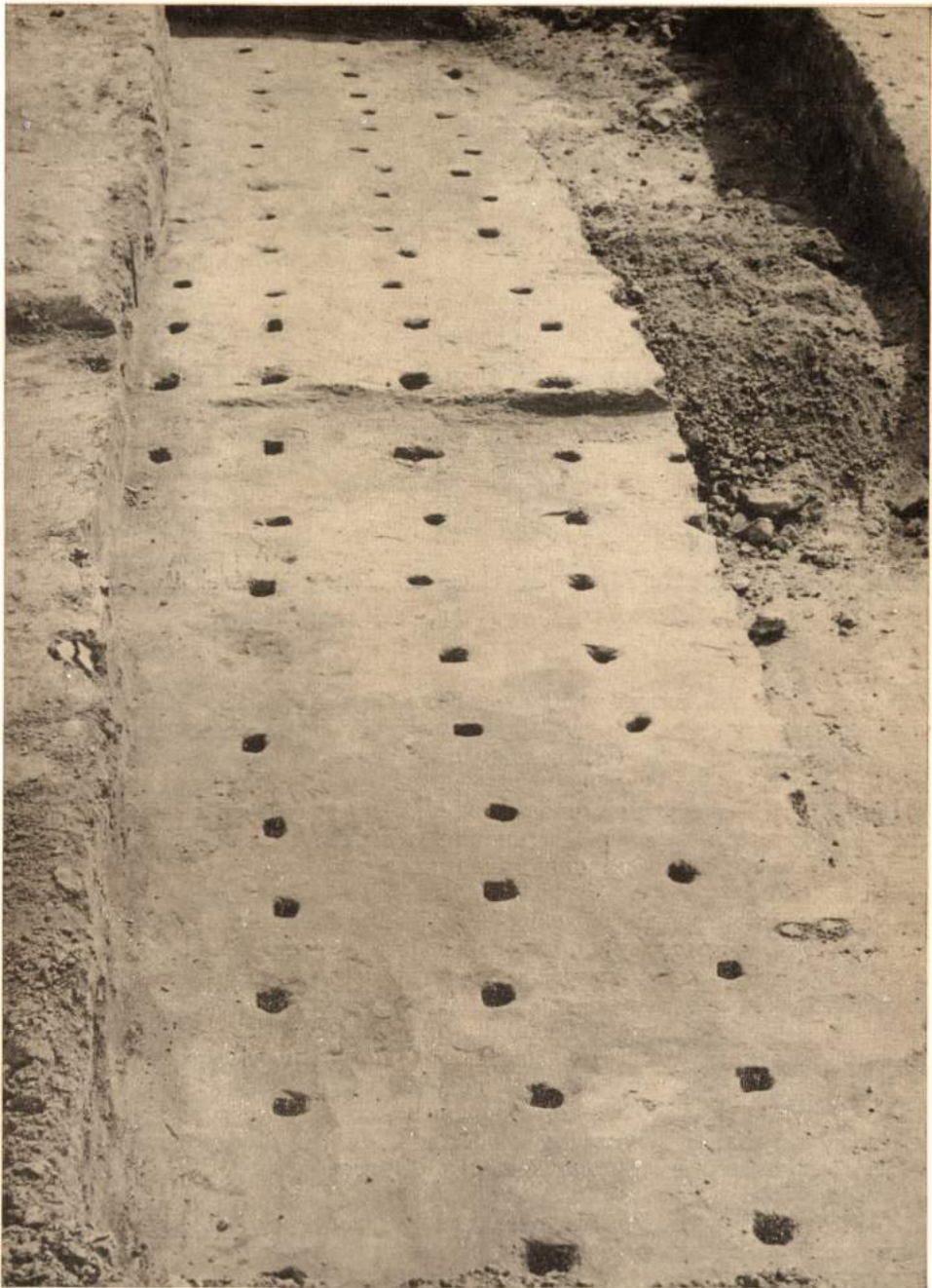

Рис. 92. Следы колышков на дне котлована.

Рис. 93. Остатки кладки фундаментов.

сти, осуществлена смешанным способом. Многочисленные обломки плинфы в развалах и строительных остатках, а также отдельные образцы свидетельствуют о том, что основные ее размеры были $34 \times 29 \times 4$ см, то есть характерные для конца XI в. (основной размер плинфы Успенского собора Печерского монастыря $35 \times 28 \times 4$ см). Химический анализ строительных растворов и плинф показал, что по своему составу и характеру заполнителя они аналогичны растворам и плинфе Успенского собора*.

Материалы, характеризующие внутренний декор здания, очень ограничены, они дают весьма приблизительные представления о нем. В самых различных частях храма обнаружены фрагменты двухслойной фресковой штукатурки, богатой по цветовой гамме. Мозаики Кловский храм не имел — не встречено ни единого кусочка смальты. Полы не сохранились. Есть основание утверждать, что пол был сначала выстлан плинфой, поверх которой на растворе уложены керамические поливные плитки желтого и зеленого цветов. Большое количество обломков овручского шифера, найденное в различных частях храма, может свидетельствовать об использовании его не только в конструкции здания, но и в украшении интерьера.

Особый интерес представляет план исследуемого сооружения. Прежде всего Кловский собор поражает своими размерами. Для сравнения

* Анализ строительных растворов и плинф выполнен научно-исследовательской лабораторией Украинского специального научно-реставрационного производственного управления Госстроя УССР.

возьмем некоторые известные древнерусские постройки Киева: Десятинная церковь имела 37 м в длину (без апсид) и 34 м в ширину, Софийский собор соответственно — 54 и 38 м, Успенский собор Печерского монастыря — 35 и 25 м, Пирогоща — 21 и 17 м, Кирилловская церковь 31 и 18,4 м и т. д. На первый взгляд, Кловский собор, имевший площадь 33×33 м, по своим размерам близок к самым крупным храмам древнего Киева. План постройки отличается необычностью: это пятинефный храм, с трех сторон окруженный широкими галереями. В основе плана легко читается его центральное ядро — восьмистолпный крестовокупольный храм, размерами 22×13 м (без апсид). Основное ядро окружено узкими внутренними и широкими внешними галереями. В целом план Кловского храма очень напоминает Десятинную церковь, основу которой составляет шестистолпный крестовокупольный храм размером 22×18 м. Тип восьмистолпного храма, к которому относится Кловский собор, является очень редким. В качестве аналогий ему можно назвать Спасский собор в Чернигове, Борисоглебский в Вышгороде и в какой-то мере Михайловский храм Выдубецкого монастыря в Киеве.

94

95

В фундаментах западной стены основного ядра сооружения наблюдается весьма любопытная деталь. Ленты внутренних продольных фундаментов обрываются перед вытянутыми на всю ширину центрального ядра помещением и выступают в него двумя лопатками. Таких лопаток нет на противоположной стороне помещения, что может свидетельствовать об отсутствии сводчатого перекрытия в этой части постройки. Не

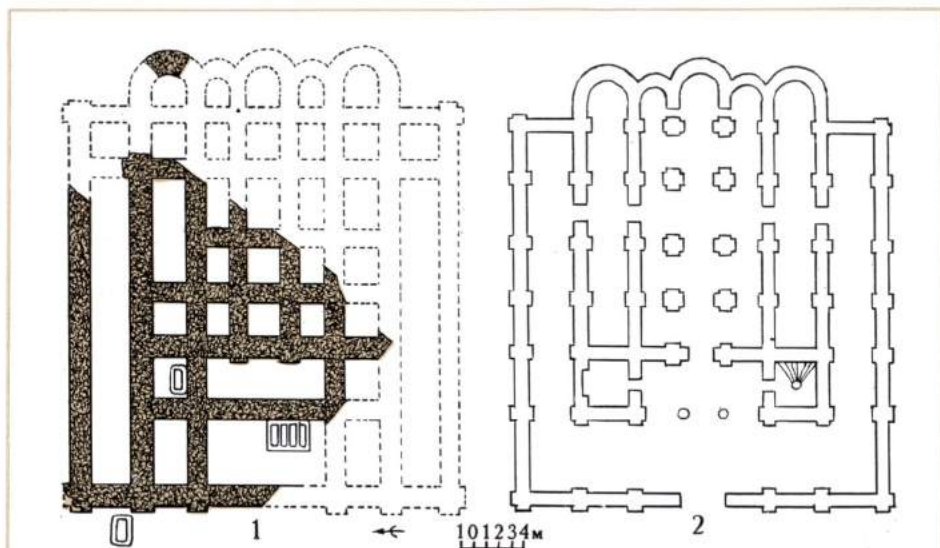

Рис. 94. 1 — Исследованная часть плана Кловского храма (заштриховано). 2 — План Кловского храма. Реконструкция Ю. С. Асеева, И. И. Мовчана и В. А. Харламова

Рис. 95. Вариант реконструкции внешнего вида Кловского собора Ю. С. Асеева. И. И. Мовчана и В. А. Харламова.

исключена возможность, что упомянутое помещение представляло собой замкнутый внутренний дворик.

Нет сомнения в том, что Кловский храм имел хоры. Вероятнее всего, лестничный ход на них мог размещаться в квадратных в плане помещениях по сторонам «дворика», то есть они ризолитами выступали на западном фасаде. Аналогичный прием использован, например, в церкви Спаса на Берестове. Подобная планировка могла быть и в Кловском храме, то есть справа была лестничная башня, а слева первый этаж занимала усыпальница. Кстати, в последнем помещении обнаружено погребение в гробнице, выложенной из плинфы XII в.

Внутренние галереи, окружавшие центральное ядро, по ширине приравнялись к центральному нефу. Над ними, очевидно, располагались хоры.

Северная и южная наружные галереи имели ширину около 4 м, а западная — до 6 м. Примерно такие же пропорции плана галерей и в Десятинной церкви: северная и южная — около 6 м, а западная — 8 м.

Рис. 96. Остатки двухкамерной гробницы.

Интересно, что галереи Кловского храма не имели ленточной перевязи фундаментов за исключением двух лент с западной стороны, соответствовавших направлению северной и южной стен центрального ядра сооружения. Это дает основания предполагать, что они перекрывались не сводами, а балками.

Исследовать апсидную часть собора Кловского храма не было возможности. Обнаружена только часть апсидного полукружия, которым оканчивалась внутренняя северная галерея, что позволило определить форму и размеры центральной и боковых апсид.

Кловский храм, как и многие другие киевские культовые постройки, служил усыпальницей. В центральном помещении западной галереи находилась четырехкамерная гробница, каждая камера которой была оштукатурена и окрашена красной краской.

В северо-западном помещении внутренней галереи обнаружен однокамерный саркофаг. Две гробницы (однокамерная и двухкамерная) исследованы у западного фасада за пределами храма. О погребении в соборе свидетельствуют и письменные источники, в частности летописная статья 1112 г., где сообщается о захоронении в Кловском храме владимирского князя Давида Игоревича.

В заключение следует отметить необычность архитектуры Кловского храма среди других построек Киева конца XI в. Обращает на себя вни-

мание общность некоторых черт с Десятинной перковью, которая, возможно, и служила образцом для строителей храма на Клове.

Церковь Богородицы Пирогощи. Летописи дают довольно конкретные данные о времени строительства храма, указывая на начало и окончание его сооружения. В Ипатьевской летописи под 1132 г. говорится: «В се же лѣто заложена бысть церкви камяна святая Богородица, рекома Пирогоща»¹⁶³. А под 1136 г. есть запись: «Томъ лѣтъ церкви Пирогоща свѣршена бысть»¹⁶⁴.

Других данных в древних киевских летописях о церкви Богородицы Пирогощи нет. Об известности этого храма в XII в. свидетельствует упоминание о нем в «Слове о полку Игореве».

Еще в конце XIX в. среди исследователей исторической топографии древнего Киева не было единого мнения о месте нахождения церкви Пирогощи. Предполагали ее местонахождение в различных районах города. Только лишь после появления исследовательских работ П. Г. Лебединцева и И. И. Малышевского, убедительно доказавших тождество летописной Пирогощи с подольской Успенской церковью, прекратились дискуссии по этому вопросу.

Многие исследователи исторической топографии древнего Киева считают, что церковь Пирогощи стояла на хлебном торгу и служила патрональным храмом для купцов хлебного торга¹⁶⁵.

В дальнейшем храм Богородицы Пирогощи под названием Успенской церкви на Подоле упоминается в различных документах довольно часто. Как и большинство киевских памятников, церковь Пирогоща была сильно перестроена, и о ее древней части имелись весьма противоречивые данные¹⁶⁶. Наиболее достоверные сведения о плане и сохранности памятника получены в 30-е годы нашего столетия И. В. Маргилевским¹⁶⁷.

С 1976 г. раскопки церкви Богородицы Пирогощи проводятся Киевской археологической экспедицией¹⁶⁸.

97 Исследованиями последних лет установлена сравнительно хорошая сохранность нижней части памятника. Открытые раскопками участки сооружения свидетельствуют, что в большинстве случаев древние стены сохранились на высоту до 2 м.

Раскопками выявлена система ленточных фундаментов прямоуголь-

¹⁶³ ПСРЛ, т. 2, стб. 294.

¹⁶⁴ Там же, стб. 300.

¹⁶⁵ *Малышевский И. И.* О церкви и иконе св. Богородицы под названием «Пирогощи», упоминаемых в летописях и в «Слове о Полку Игореве». — ЧИОНЛ, 1891, кн. 5, разд. 2, с. 125; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 437; *Толочко П. П.* Исторична топографія стародавнього Києва, с. 135.

¹⁶⁶ *Дошкарєв П. А.* Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты. Киев, 1898, с. 145—146; *Петрова Н. И.* Киев, его святыни и памятники. Спб., 1896, с. 138.

¹⁶⁷ *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2, с. 441—442.

¹⁶⁸ *Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А., Зоценко В. Н.* Исследования Киевского Подола. — АО 1976 г. М., 1977, с. 286—287; *Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.* Исследование церкви Успения Пирогощи. — В кн.: АО 1977 г. М., 1978, с. 317—318.

¹⁶⁹ *Гупало К. М., Толочко П. П.* Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — В кн.: Стародавній Київ, К., 1975, с. 42—43.

Рис. 97. Общий вид раскопок церкви Пирогощи (1976—1978 гг.).

ного в плане сооружения. Это был шестистолпный трехнефный храм, завершавшийся с востока тремя полукруглыми апсид. По планировке здания, конструктивным приемам, технике кладки церковь Богородицы Пирогощи напоминает Кирилловскую церковь в Киеве и храм Георгия в Каневе.

Обращает на себя внимание необычная глубина фундаментов. Раскопки в юго-западной части храма показали, что здесь фундамент заложен более чем на 3,6 м от древней дневной поверхности. В этом месте исследователям не удалось дойти до его подошвы из-за высокого уровня грунтовых вод. Необходимость столь мощного основания постройки, видимо, была продиктована сложными геологическими условиями. Эту мысль подтверждают раскопки на Красной площади, где на глубине 10 м от современной поверхности были найдены материалы X в. Стратиграфический разрез этого участка (он расположен в нескольких десятках метров от церкви Успения Пирогощи) показал, что начиная с X в. территория Подола неоднократно замывалась песком слоями толщиной иногда до 3,5 м во время весенних разливов Днепра¹⁶⁹.

В постройке следует отметить своеобразную технику заложения фундаментов — из крупного бутового камня на известково-цемяночном растворе с чередующимися слоями из трех-четырех выравнивающих рядов плинфы. Ширина фундаментов несколько превышает толщину стен, образуя обрез до 35 см. Наружный обрез являлся основанием для пи-

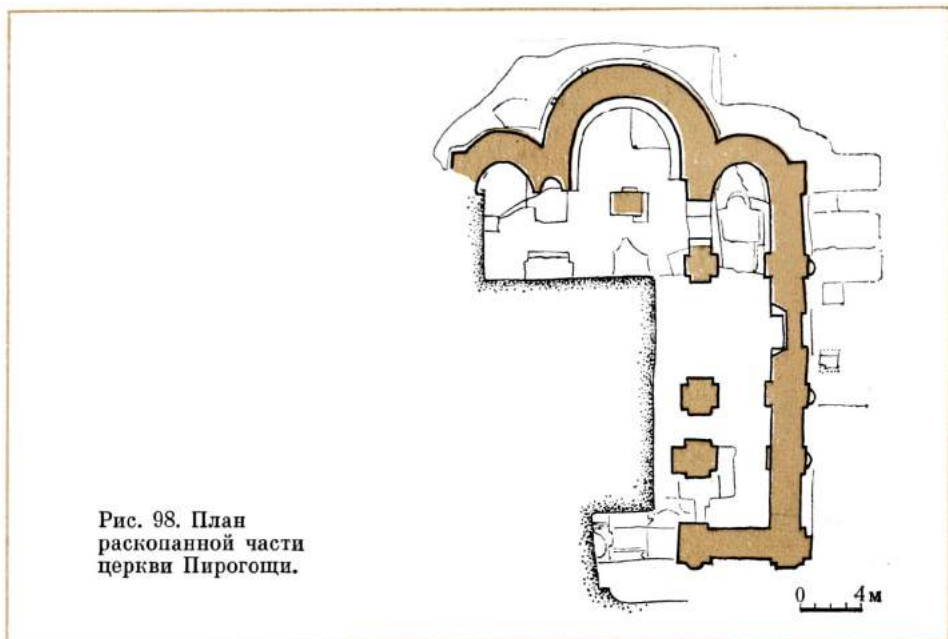

Рис. 98. План раскопанной части церкви Пирогощи.

лястр и полуколонн, а внутренний служил опорой лопаток¹⁷⁰. Внутри южной апсиды фундаменты занимают всю ее площадь.

При закладке фундаментов церкви Пирогощи наряду с плинфой и бутом широко применялся строительный материал (бутовый камень, плинфа, куски застывшей цемянки), взятый из какой-то более ранней постройки, возведенной в технике смешанной кладки¹⁷¹.

Стены храма выложены из плинфы в технике равнослойной кладки, которая с 20-х годов XII в. полностью вытеснила более древнюю технику смешанной кладки. Фасады расчленены пилястрами в соответствии с внутренним членением здания. Средние пилястры были украшены полуколоннами, угловые их не имели. Ширина стен — 1,3 м, центральной апсиды — 1,5 м, западной стены — 1,7 м, в толще последней был расположен узкий целевидный ход на хоры. Кладка стен выполнена из плинфы, забутовки в стенах не наблюдается.

Древний пол был выложен шиферными плитами, лежащими на топкой (3—4 см) грунтовой подсыпке, основанием которой служила подготовка из цемянки и битой плинфы толщиной 10—12 см.

В древности стены храма были расписаны в технике фрески, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты штукатурки с росписью, найденные в различных частях постройки.

Раскопками последних лет существенно уточнена планировка и конструктивные особенности здания, прослежена техника кладки стен, получены данные о внутреннем и внешнем декоре сооружения. Все это в сочетании с известными материалами исследований И. В. Маргилев-

ского позволяет достаточно определенно судить о внешнем виде этого храма.

Кирилловская церковь. Собор Кирилловского монастыря представляет исключительную ценность как единственный сохранившийся до наших дней памятник XII в., первоначальные формы которого легко читаются под позднейшими напластованиями.

Прямых летописных известий о строительстве Кирилловского храма нет. Впервые он упоминается под 1174 г., где говорится о расположении сил северорусских князей во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом, которые «...пришедше, сташа на Дорогожичи, под святымъ Кириллом... второѣ недели, отступиша весь градъ Киевъ»¹⁷². Это известие косвенно подтверждает существование к тому времени храма Кирилловского монастыря.

Второе, и наиболее четкое, упоминание дает Ипатьевская летопись под 1179 г.: «Того же лета преставися княгини Всеволожая, приемши на ся чернечкую скиму, и положена бысть в Киевъ у святого Кюрила, юже бѣ сама создала»¹⁷³.

Старые историки Киева противоречиво и путанно объясняли обстоятельства постройки храма¹⁷⁴. Ясность в понимание этого вопроса внесли М. А. Максимович¹⁷⁵ и позже А. В. Прахов¹⁷⁶.

Основателем Кирилловского монастыря следует считать Всеволода Ольговича, который при жизни своей (умер в 1146 г.) не успел построить храм. Завершила строительство его жена — Мария Мстиславна, что и дало возможность летописцу сообщить «положена бысть в Киеве у святого Кюрила, юже бе сама создала».

Кирилловский храм упоминается под 1194 г. как родовая усыпальница, где был погребен известный герой «Слова о полку Игореве» Святослав Всеволодович: «преставися месяца нуля, и положиша и во святомъ Кюрилѣ, во отиѣ ему монастырѣ»¹⁷⁷.

Последний раз о монастыре говорится в летописях под 1212 г. при упоминании о захоронении здесь сына Святослава Всеволода Чермного.

После нашествия монголо-татарских орд Кирилловский монастырь пришел в полнейшее запустение и оказался в полуразрушенном состоянии. Один из ранних средневековых документов свидетельствует, что назначенный в 1605 г. князем Константином Острожским игумен Василий Красовский уже к 1608 г. «тую запустелую и заваленную от давних часов церков працею и старанием своим, мурь обваленные, верх самой дивавой працею, коштом и накладом своим оправил»¹⁷⁸. В это

¹⁷⁰ Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. Сагайдак М. А. Указ. соч., с. 317—318.

¹⁷¹ Там же, с. 318.

¹⁷² ПСРЛ, т. 2, стб. 544.

¹⁷³ Там же, стб. 612.

¹⁷⁴ Обзорение Киева по отношению к древностям, изданное Ив. Фундуклеем. Киев, 1847, с. 78; Закревский И. Указ. соч., с. 339; Похилевич Л. Монастыри и церкви г. Киева. Киев, 1865, с. 116.

¹⁷⁵ Максимович М. А. О создании Киевской церкви св. Кирилла. — Киевские Епархиальные Ведомости. 1868, № 1, с. 21.

¹⁷⁶ Прахов А. В. Фрески Киево-Кирилловской церкви XII в. — РС, 1883, № 5, с. 98.

¹⁷⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 680.

¹⁷⁸ Лучицкий И. Киев в 1766 году. — РС, 1888, № 1, с. 57.

время восстановлены коробовые своды храма, значительно пониженные по сравнению с первоначальными, от чего подпружные арки среднего купола приобрели ступеньчато-повышенный вид, и сделан свод центрального купола ¹⁷⁹.

В 1651 г. войска польско-литовского гетмана Януша Радзивилла разграбили и пожгли Киев, тогда же «у святого Кирилла монастырю до конца разорили и заустошили» ¹⁸⁰. В конце XVII в. храм снова восстанавливается. В это время на здании появились четыре угловых купола с барабанами восьмигранной формы. По-видимому, тогда же по всему периметру постройки был сделан карниз, украшенный лепными звездочками, на фасадах стесаны полуколонны, а на западном фасаде на месте предполагаемых полуколонн сооружены мощные контрфорсы.

Большие ремонтно-восстановительные работы проводились в Кирилловском монастыре после пожара 1734 г. В 50—60-х годах XVIII в. над западным фасадом храма при участии известного украинского архитектора И. Григоровича-Барского был достроен пышный фронтон с мягкими волнистыми линиями, тимпан которого оформлен сочной орнаментальной лепкой. Лепным орнаментом украсили также капители пилястр, наличники окон и порталов ¹⁸¹. После этого вплоть до наших дней экстерьер памятника каких-либо серьезных изменений не претерпел.

Упомянутые перестройки очень изменили характер памятника, но его первоначальные архитектурные формы достаточно хорошо читаются под позднейшими напластованиями. Этому в значительной степени способствуют новые материалы и наблюдения, полученные в процессе исследований памятника, проведенных в 1949—1954 и 1965—1967 гг. под руководством Н. В. Холостенко.

Архитектурно-археологические исследования Кирилловской церкви показали, что древняя кирпичная кладка стен сохранилась по всему периметру до оснований закомар. Уцелели также аспиды, опорные столбы, подпружные арки, подбарабанное кольцо с несущими его парусами, на две трети сохранился барабан купола.

100 План Кирилловской церкви в основном повторяет планы других древнерусских построек конца XI—XII в. Он представляет вытянутый с запада на восток прямоугольник, оканчивающийся тремя полукруглыми апсидами на восточном фасаде. Внутреннее пространство храма разделено на три нефа шестью крестчатыми в плане столбами. Западное членение постройки составляет нартекс, открывающийся в среднюю часть храма низкой аркой, расположенной между западными столбами. Над нартексом, перекрытым коробовым сводом, расположены полаты (хоры). В отличие от других частей храма, хорошо освещенных многочисленными окнами, нартекс имел два небольших окна, выходивших на северный и южный фасады.

¹⁷⁹ *Асеев Ю. С.* Архитектура Кирилівського заповідника.— В кн.: Архітектурні пам'ятники. К., 1950, с. 73.

¹⁸⁰ *Смирнов Я. И.* Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в.— Труды XIII Археологического съезда. М., 1908, табл. I—XIV, с. 287—288.

¹⁸¹ *Асеев Ю. С.* Архитектура Кирилівського заповідника, с. 74—75.

¹⁸² *Холостенко Н. В.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве.— В кн.: Памятники культуры. Исследование и реставрация. М., 1960, т. 2, с. 5.

Рис. 99. Кирилловская церковь XII в.
Общий вид.

Исследователями послевоенных лет решены многие вопросы, касающиеся конструктивных деталей сооружения, его внутреннего убранства.

Перед началом строительства Кирилловской церкви по всей площади будущей постройки был вынут грунт на глубину до 40 см¹⁸². В этом неглубоком котловане вырыли рвы ленточных фундаментов, связывавших стены и столбы по продольным и поперечным осям. Обращает на себя внимание необычно глубокое заложение фундамента. Под наружные стены он заложен на глубину до 2,35 м, под внутренние и столбы

постройки — до 1,80—1,90 м от древнего уровня грунта. Ни один киевский храм (кроме церкви Пироговца на Подоле) не имеет такой глубины заложения фундамента. Думается, что строители сделали это умышленно, зная, что непосредственно под церковью проходили пещерные лабиринты, которые были вырыты задолго до строительства храма. Боясь будущей деформации здания (она произошла через 800 лет), зодчие усилили фундаменты за счет глубины их заложения. Нижняя часть фундаментов состоит из бутового камня на известково-цемяночном растворе. Верхняя часть наружных стен фундамента выведена пятью-шестью рядами плинфы, а внутренняя — тремя рядами плинфы на известково-цемяночном растворе. Центральная апсида имела фундамент несколько мельче (1,9 м), а под боковые апсиды он заложен на глубину до 1,5 м. Ширина фундаментов больше толщины стен. На его обрезы, шириной до 40 см, с внешней и внутренней сторон опирались пилястры и полуколонки.

Стены церкви выложены из плинфы равнослойной кладкой на довольно толстом (до 4 см) слое известково-цемяночного раствора. Регулярной кладкой в один кирпич выложены только наружные поверхности стены, внутри она заполнялась целым или битым кирпичем и заливалась известково-цемяночным раствором. Толщина северной стены — 1,96—1,98 м, а южной и западной — 1,72—1,76 м. Для кладки стен и сводов использовался прямоугольный кирпич, свыше десятка различных форматов. Для возведения апсид, полуколонн и других архитектурных деталей употреблялась трапецевидная трехугольная и полукруглая плинфа. Для архитектурных фриз использовался специальный набор некальных кирпичей.

Долгое время не был выяснен вопрос о характере отделки поверхностей наружных стен храма. Исследованиями последних лет установлено, что плоскости стен имели фактуру кирпичной кладки, подчеркнутой аккуратным подмазыванием швов. Только лишь откосы окон и порталов были оштукатурены и расписаны в технике фрески. На южном портале хорошо сохранилось фресковое изображение растительного орнамента, а в тимпане помещена фигура какого-то святого.

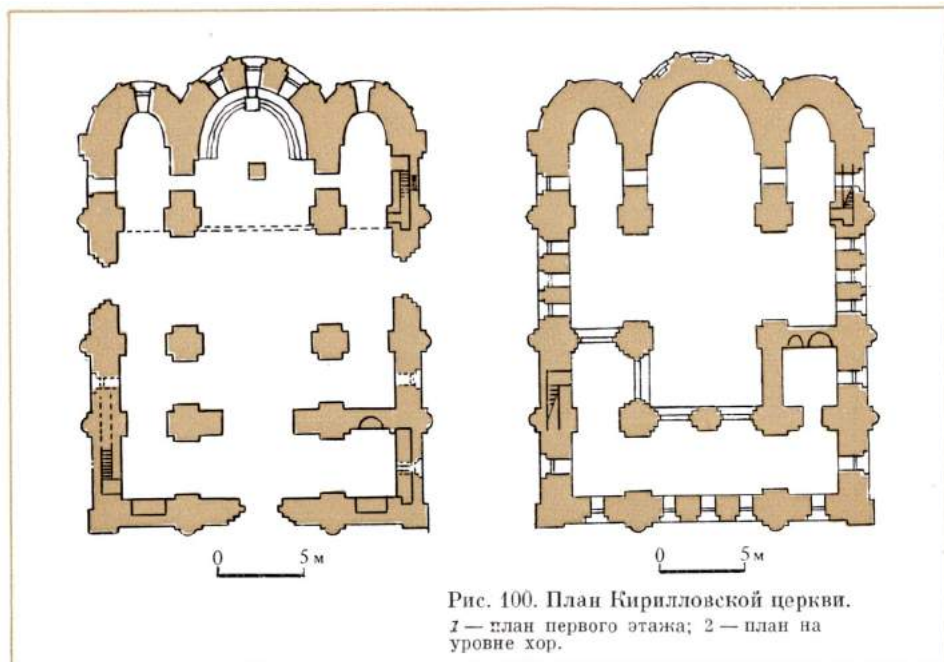
В 1965—1966 гг. в Кирилловской церкви было проведено понижение пола до древнего уровня, что позволило восстановить пропорции храма XII в. и открыть нижнюю часть первоначальной росписи стен. Уровень древнего пола находился на 60 см ниже существовавшего пола XIX в.

В центральной апсиде раскопками обнаружены остатки престола XII в. Он был выложен из плинфы на известково-цемяночном растворе и имел прямоугольную форму. Под стеной алтарного полукружия находилась скамья синтрона. Она состояла из ступени и сидения, которые в древности были покрыты шиферными плитами, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты. Центральное место синтрона подчеркнуто небольшой площадкой, выступающей в уровень ступени.

В южной апсиде, в толще ее южной стены на трехметровой высоте расположено небольшое помещение. Из него выходит дверной проем

¹⁸³ *Холостенко Н. Н.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве, с. 10.

¹⁸⁴ Там же, с. 9.

внутри храма. От этого проема в стене к противоположному юго-восточному пилюну в древности была переброшена деревянная площадка, о чем свидетельствуют следы (пазы от бревен) на упомянутом столбе храма.

В начале 50-х годов Н. В. Холостенко обнаружил в юго-западной части храма остатки стены, на 20 см поднимающейся над уровнем древнего пола, которая в древности соединяла юго-западный пилюн с южной стеной. В ее толще (1,3 м) прослеживается полуциркулярная апсида. О том, что выявленная стена была возведена одновременно с кладкой собора, свидетельствует сбитая плинфа, уложенная в перевязь с южной стеной и юго-западным пилюном. По предположению автора исследований, в древности здесь находилась крещальня¹⁸³.

Несомненный интерес представляет древний пол Кирилловской церкви. Практически основной задачей раскопок 1965—1966 гг. было выяснение уровня и первоначального вида его. В это время позднейшие полы были убраны, и по всей площади установлен уровень древнего пола. В предыдущих работах Н. В. Холостенко общая картина реконструкции полов храма несколько неточна¹⁸⁴. Полученные последними исследованиями данные дают иную картину. На хорошо уплотненной глине попеременно со строительными остатками по всей площади храма были уложены шиферные плиты на одном уровне. Находки в подкупольном пространстве шиферных плит с вырезанными в виде углубленных полос геометрическими фигурами и многочисленные кусочки смальты для пола позволяют предположить, что в центральной части храма был мозаичный амфаллий. Темно-розовый цвет шиферных плит в соче-

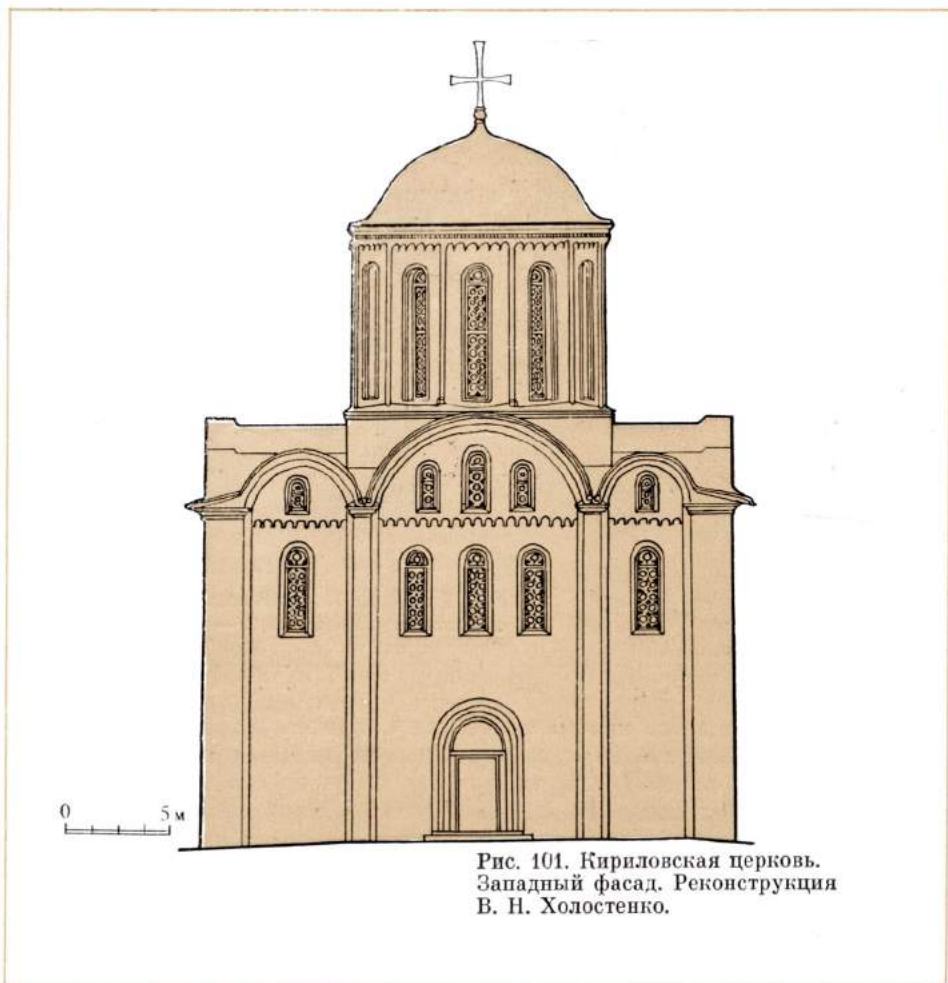

Рис. 101. Кириловская церковь.
Западный фасад. Реконструкция
В. Н. Холостенко.

тании с мозаичными вставками образовывал прекрасный геометрический ковер в подкупольном пространстве. В центральной и боковых апсидах пол также был выложен из шиферных плит, но без мозаичной инкрустации.

Обнаруженные более ранними исследованиями поливные плитки зеленого цвета в центральной апсиде и вымостку пола большемерным кирпичем в боковых апсидах следует относить к XVII в. Полы боковых нефов и других частей постройки были выложены гладкими шиферными плитами.

Раскопками 1949—1954 гг. установлено наличие пристроек к южному, северному и западному фасаду храма. По свидетельству исследователя, они были выполнены впритык к стенам здания¹⁸⁵. По размерам и фактуре кирпич пристройки тождествен кирпичу основной части со-

бора. Эти пристройки были возведены или одновременно с храмом, или вскоре после окончания его строительства. Судя по осадочному шву, это были легкие пристройки, по-видимому, окружавшие храм с трех сторон,— закрытые паперты с наплицами и галерей.

Храм на Нестеровском переулке. Район, в котором обнаружен новый памятник архитектуры древнего Киева, находится к северо-западу от Жидовских ворот Города Ярослава. В древности здесь был расположен торгово-ремесленный посад, который известен в летописи под названием Копыревого конца. Анализ летописных известий и многочисленного археологического материала дает достаточно четкое представление о месте и роли этого района в жизни древнего Киева¹⁸⁶.

За последние 100 лет археологического изучения Киева на Копыревом конце обнаружены и исследованы четыре каменных сооружения. Все они были постройками культового назначения.

Первый храм раскопан ниже здания современного Художественного института в 1878 г. П. А. Лашкаревым, который отождествил эту постройку с монастырем св. Симеона¹⁸⁷. Однако повторные исследования, проведенные М. К. Каргером в 1947 г., показали, что дату его сооружения можно отнести не раньше чем ко второй половине XII в. Следовательно, отождествлять эту постройку с монастырем св. Симеона (XI в.) нет оснований¹⁸⁸.

На углу Вознесенского спуска (ныне ул. Смирнова-Ласточкина) и Княновского пер. в 1887 г. были обнаружены остатки еще одного храма. Из-за отсутствия документации атрибутировать эту постройку практически невозможно. Лишь из описания кладки можно заключить, что здание воздвигнуто не позже конца XI в.¹⁸⁹

Третий храм исследован М. К. Каргером в 1947 г. Он находился перед фасадом здания Художественного института. По данным исследователя, эта постройка датируется второй половиной XI ст.¹⁹⁰

И наконец, четвертый храм раскопал П. П. Толочко в усадьбе № 9 по Нестеровскому пер. в 1967 г.¹⁹¹ Начало работ по исследованию этой постройки принесло некоторые неожиданности. Оказалось, что фундамент западной части здания заложен в ров, выкопанный в материке, а в восточной он находился на темном заполнении глубокого рва или ямы. Интересно, что в этом заполнении рва, находившемся ниже фундамента, встречается керамика XI в. Более поздних материалов, которые бы свидетельствовали о преднамеренной засыпке рва (ямы) перед началом постройки храма нет. По-видимому, ров (яма) был засыпан еще в XI в. и строители храма в XII—XIII вв. уже не знали о его существовании¹⁹².

Раскопками удалось открыть всю южную и небольшие части западной и восточной стен сооружения. Во время их расчистки найдены

¹⁸⁵ Холостенко Н. Н. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве, с. 11.

¹⁸⁶ Толочко П. П. Копирів кінець древнього Києва.— УІЖ, 1963, № 5.

¹⁸⁷ Лашкарев П. А. Развалины церкви св. Симеона и Копырев конец древнего Киева.— ТКДА, 1879, т. 2, № 5, с. 96—121.

¹⁸⁸ Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева, с. 197.

¹⁸⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 462—473.

¹⁹⁰ Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева, с. 209—226.

¹⁹¹ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, с. 141—142.

¹⁹² Толочко П. П., Асеев Ю. С. Указ. соч., с. 81.

фрагменты штукатурки с фресковой росписью красного, темно-коричневого, синего тонов. Исходя из ориентации здания, а также закругленного восточного угла, являвшегося частью южной апсиды, исследователи атрибутировали эту постройку как небольших размеров церковь. Прослежен интересный способ сооружения фундаментов. Сначала был выкопан широкий (до 1,7 м) фундаментный ров, заполнение которого представляло собой чередование четырех слоев цементного раствора с щебнем и прослойками земли.

Кирпичная часть фундамента (цоколя) сохранилась на высоту от 10 до 60 см. В кладке использованы чередующиеся по рядам тонкие и толстые кирпичи.

Раствор, на котором сложены фундаменты и стены храма на Нестеровском пер., характерен для строительства конца XII — начала XIII в. Известь хорошо обожжена, но перемешана небрежно, в растворе много цемента (фракции достигают 1,5 см), от чего он имеет темнорозовый оттенок. Описанная выше техника выполнения фундамента близка к технике недавно исследованной киевской ротонды¹⁹³.

Система кладки стен церкви на Нестеровском пер. аналогична технике, в которой выполнено большинство сооружений Поднепровья конца XII — начала XIII в.

Интересной особенностью храма на Нестеровском пер. является то, что для кладки фундаментов и стен использовано два совершенно различных типа кирпича. Первый вид — толстая малоформатная плинфа (31×21×4,5 см), она встречается в церкви Апостолов 1197 г. в Белгороде под Киевом, в кладке Киевской ротонды и других поздних памятниках Приднепровья. Второй вид кирпича представлен толстой брусчаткой (так называемой «литовкой») с канелюрами и без них (25×11×9 см).

Брусчатый кирпич ранее относили к более позднему времени, то есть к XIV—XVII вв., считая, что «литовка» в древнерусских памятниках оказалась в результате последующих перестроек и ремонтов. В храме на Нестеровском пер., пожалуй, впервые этот вид кирпича встречен в кладке *in situ*. В последних исследованиях Киевской ротонды, которая датируется концом XII — началом XIII в., брусчатый кирпич также употреблялся в изначальной кладке постройки¹⁹⁴.

Использование брусчатого кирпича в кладке древнерусской церкви на Нестеровском пер., а также в Киевской ротонде окончательно рассеивает сомнения в том, что такой вид кирпича появился в домонгольское время.

102

Исследования данного храма показали, что он не имел ленточных внутренних фундаментов. Эта черта характерна для киевского зодчества конца XII — начала XIII в. Храм на Нестеровском пер. был трехапсидным, причем боковые апсиды не имели наружных выступов. В кладке не применялась фигурная плинфа, а поворот апсиды осуществлен при помощи своеобразной раскладки прямоугольной плинфы¹⁹⁵.

¹⁹³ Толочко П. П., Боровский Я. Е. Киевская ротонда, с. 380—381.

¹⁹⁴ Там же, с. 380.

¹⁹⁵ Толочко П. П., Асеев Ю. С. Указ. соч., с. 86.

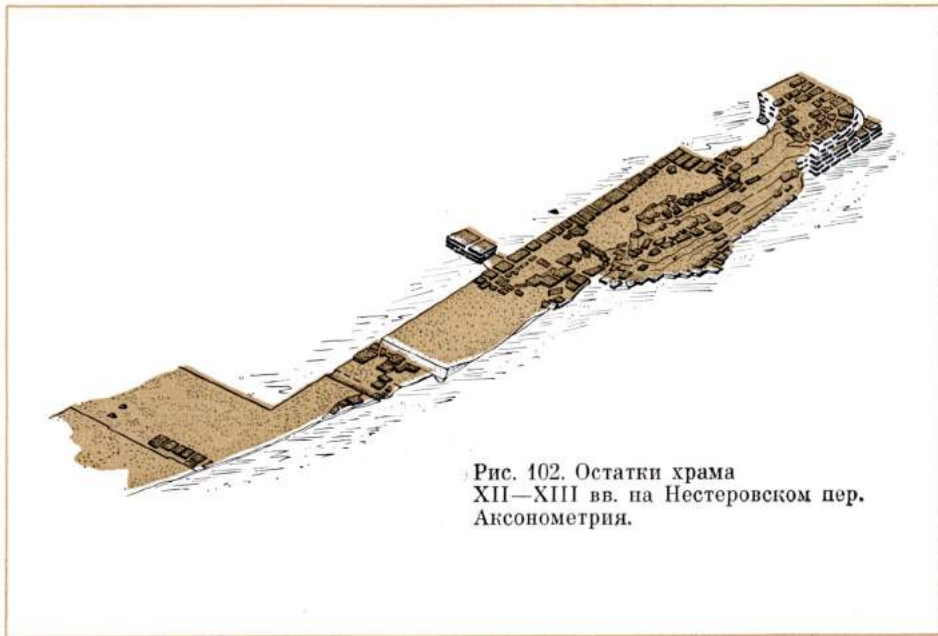

Рис. 102. Остатки храма
XII—XIII вв. на Нестеровском пер.
Аксонметрия.

Церковь была небольших размеров. Длина ее южной стены составляла 11,4 м. Ширина постройки не установлена, так как первоначальная часть древнего сооружения уходит под современное здание.

При расчистке остатков церкви установлено, что она на фасадах не имела пилястр. В культовых постройках того времени внутренних пилястр иногда действительно нет (например, в церкви за зданием Художественного института). Наличие же внешних пилястр обязательное. Отсутствие наружных пилястр в храме на Нестеровском пер. может быть объяснено тем, что они начинались на большей высоте, чем сохранившаяся высота кладки. Подобные случаи зафиксированы в церкви Апостолов в Белгороде и Михаила Архангела в Смоленске. Храм, по всей вероятности, был бесстолпным и перекрывался сложной системой ступенчатых сводов, а фасады его могли иметь трехлопастное завершение.

Пол церкви был вымощен плиткой на глиняной подсыпке, поливных плиток не обнаружено.

Для архитектуры храмов конца XII — начала XIII в. в Придвровье характерен богатый декор наружных стен профильными пилястрами, орнаментами из фигурного кирпича. В церкви на Нестеровском пер. элементов внешнего декора не обнаружено. Видимо, это была или скромная часовня ремесленно-торгового посада, или же божица крупного феодала (боярина, воеводы) на его дворе. О том, что это была не монастырская постройка, убеждает отсутствие каких бы то ни было следов погребений.

К уникальным находкам при раскопках церкви на Нестеровском пер. следует отнести обломок плитки с так называемым «вавилоном» —

схемой пропорциональных соотношений, которыми пользовались архитекторы при строительстве храма.

Открытая на Копыревом конце церковь лишний раз подтверждает интенсивность каменного зодчества Киева конца XII — начала XIII в., что является свидетельством, опровергающим утверждения некоторых ученых об экономическом и культурном упадке столицы Руси в XII—XIII вв.

4. Живопись башен Софийского собора в Киеве

В двух башнях Софийского собора, лестницы которых ведут на хоры, стены, как известно, расписаны уникальными фресками светского содержания. Необычность этой живописи дворцового характера в храме не раз привлекала внимание исследователей. Возможность вплотную заняться изучением фресок появилась не ранее 1843—1853 гг. в связи с так называемой солищевской реставрацией собора, когда древняя живопись XI в. на некоторое время почти полностью была освобождена от позднейших наслоений. В ходе этих работ с фресок сделали прорисовки, опубликованные затем в специальном альбоме¹⁹⁶. Древние фрески вскоре были «поновлены», то есть покрыты маслом. И только в 30-х, а затем в 50—60-х годах XX в. они снова увидели свет. В ходе реставрационных работ в это время было открыто несколько фрагментов, неизвестных ранее.

Напомним расположение композиций в башнях собора. В юго-западной башне, слева при входе, находится фреска «Охота на вепря» и далее вверх по лестнице — начальная часть большой композиции «Ипподром». На той же стене, во втором регистре, размещается плохо сохранившаяся фреска «Охота на диких коней-торпанов с дрессированными гепардами». Выше по лестнице, слева, находится фрагмент продолжения композиции «Ипподром», где можно различить одну из колесниц, а рядом в аркосолии сохранился остаток фрески охотничьего жанра с изображением бегущей лисицы. Далее продолжается композиция «Ипподром», ее центральная часть — дворец-кафисмы с императорской ложей. Слева от окна, находящегося в этом месте, располагается композиция «Травля диких коней», а справа — знаменитая фреска «Скоморохи» и изображения двух акробатов с шестом.

При входе в башню справа на столбе, вокруг которого сооружена лестница, находятся фрески: «Охота на белку», «Лев нападает на всадника» и далее — «Коляды», изображение человека с окороком и свиной головой в руках.

В северо-западной башне при входе слева, во втором регистре, находится композиция «Охота на медведя», а справа — «Борьба ряженных». Небольшие остатки какой-то композиции заметны слева. Здесь можно различить женскую фигуру в стемме и с нимбом вокруг головы, видимо, это — императрица со свитой. Несколько выше по лестнице

¹⁹⁶ Киевский Софийский собор. — В кн.: Древности Российского государства. Изд. Русского археологического общества. СПб., 1871, вып. 1, 2, 3.

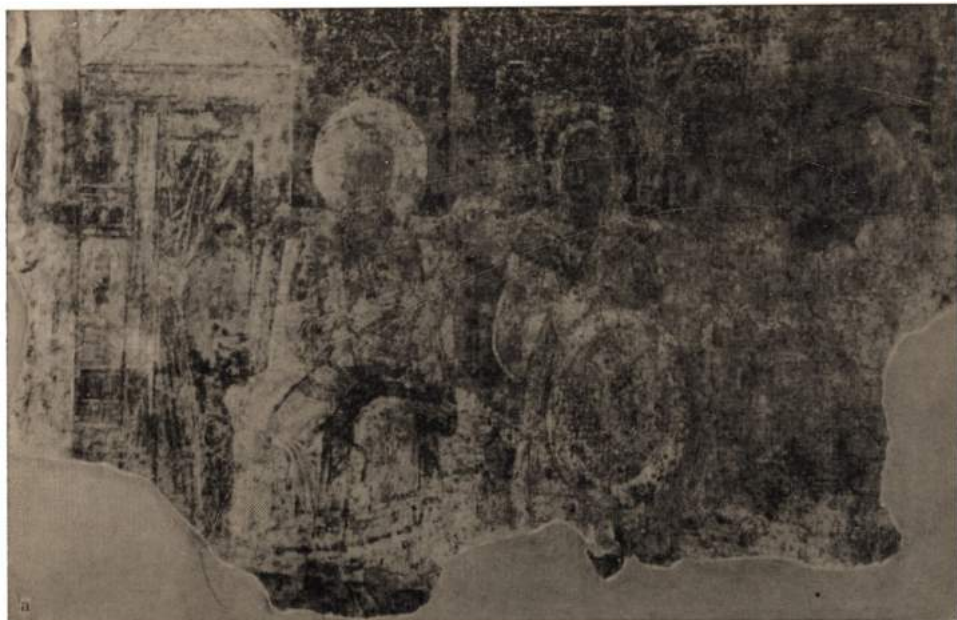

Рис. 103. Софийский собор в Киеве.
Фреска XI в. Прием Константином VII
Багрянородным княгини Ольги:
а) император с телохранителями; б) княгиня
Ольга со свитой. Современное состояние фрески. 235

Рис. 104. Та же фреска в середине XIX в. по акварели Ф. Г. Солнцева:

а) император с телохранителями;
б) княгиня Ольга со свитой.

изображен император с нимбом и в стемме на голове, сидящий на коне, а на своде — «Музыкант со смычковым инструментом». Далее находится плохо сохранившаяся фреска «Охота на оленя», а на лестничной площадке — большая композиция, состоящая из двух частей, расположенных симметрично по обе стороны от окна, — «Прием византийским императором». Слева изображен император, а справа — женская фигура в стемме, но без нимба, с сопровождающими лицами.

Кроме того, своды и стены обеих башен богато расписаны орнаментами и медальонами с изображенными в них ловчими птицами и фантастическими животными — грифонами.

103,
109,
110

Из перечисленных фресковых композиций в башнях прежде всего привлекают внимание (по своим размерам и изображенным лицам) две: «Ипподром» и «Прием византийским императором», рассмотрение которых является главной задачей данного параграфа.

Видное место среди работ XIX в. о живописи Софийского собора в Киеве занимает специальная статья, посвященная фрескам башен одного из самых авторитетных исследователей Н. П. Кондакова¹⁹⁷. Он успешно расшифровал содержание некоторых композиций («Ипподром»), сделал попытку осмысления всей живописи башен в целом, высказал ряд ценных замечаний, часть из которых не утратила своего значения до настоящего времени. В живописи обеих башен Н. П. Кондаков усматривал единое содержание — цирковые представления на константинопольском ипподроме, но в то же время различал и два ее пошиба. К первому из них он относил сцены ипподрома, изображавшие императора и его свиту. Они, по его словам, отличаются «большой византийской стильностью, мелочностью размеров и выпески, напоминают византийские миниатюры XI—XII вв.»¹⁹⁸, а ко второму — изображения сцен охотничьего жанра. Особенностью второго пошиба он считал более широкую, свободную манеру, более живописную по своему характеру и напоминающую миниатюры ранних болгарских рукописей. Хотя Н. П. Кондаков полагал, что содержание и стиль лестничных фресок собора византийские, он допускал, исходя из разнообразия сюжетов охотничьего жанра, что «обычные цирковые представления оживлены здесь отчасти воображением мастера, передавшего и обстановку и подробности обыкновенных охот или ловов»¹⁹⁹. Таким образом, можно допустить, что если художник (грек или славянин), расписывавший лестницы собора фресками, позволял себе, наряду с играми на константинопольском ипподроме, изображать реальные сцены охоты, то почему бы ему не взять эти сюжеты из окружающей его местной действительности, отличавшейся особым разнообразием и богатством фауны? О причинах, побудив-

¹⁹⁷ Кондаков Н. П. О фресках лестниц Киево-Софийского собора. — В кн.: Записки русского археологического общества. Спб., 1888, т. 3, вып. 3, 4, с. 288.

¹⁹⁸ Там же, с. 289.

¹⁹⁹ Там же.

Рис. 105. Софийский собор в Киеве,
северная башня. Фреска XI в.
«Император (Роман?) на коне».

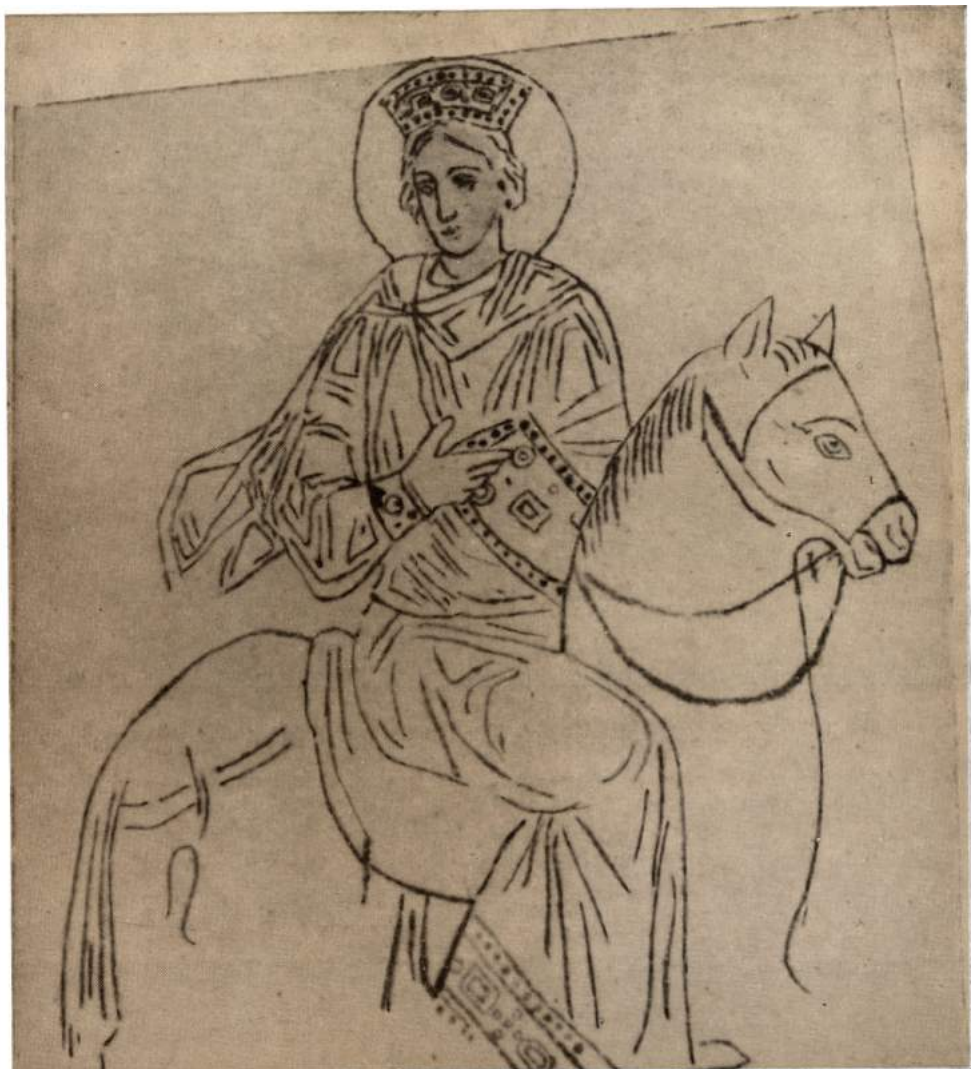

Рис. 106. Та же фреска в середине XIX в. по акварели Ф. Г. Солнцева.

ших расписать лестницы собора светскими фресками, Н. П. Кондаков замечал следующее: «Несомненно, прежде всего, эта роспись была в духе времени и не в одном Киеве, как то доказывает живопись мавританского плафона Палатинской капеллы в Палермо»²⁰⁰.

Одни из первых искусствоведов, исследовавших мозаики и фрески Софийского собора, Д. Айналов и Е. Редин, разбирая содержание, стиль

²⁰⁰ Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 300.

Рис. 107. Софийский собор в Киеве, северная башня. Фреска XI в. Императрица со святой, фрагмент.

Рис. 108. Та же фреска по акварели Ф. Г. Солнцева.

и орнаментацию росписей на лестницах храма, считали вне всякого сомнения их византийское происхождение. Отношение фресковых сюжетов к местному быту — косвенное, оно «...легко объясняется как заимствованием нашими предками культуры от Византии, так и общим сродством святочных обрядов у всех европейских народов»²⁰¹. Пытаясь объяснить причины появления на стенах башен живописи охотничьего жанра, они заявляли: «Эти изображения исполнены, по всей вероятности, по княжескому заказу и объясняются сильной любовью наших древних князей к охоте»²⁰².

Примерно в то же время появились и другие мнения относительно причин, побудивших расписать лестницы башен собора светской живописью. Вероятно, под влиянием летописных известий о «путях и ловах» Владимира Мономаха фрески башен были объявлены «княжескими ловами»²⁰³. Эта точка зрения нашла свое отражение и в работах некоторых современных авторов. Так, например, Н. В. Шарлемань рассматривал охотничьи сцены в башнях Софии как отражение реальной фауны Киевской Руси. В частности, он их считал как бы иллюстрациями к знаменитому «Поучению» Владимира Мономаха²⁰⁴. Аналогичные мнения наблюдаем и в некоторых других работах о Софийском соборе²⁰⁵. Между тем эти авторы вступают в хронологические противоречия со временем сооружения собора и его лестничных башен, относя их строительство и роспись к XII, а не к XI в.²⁰⁶

Мы далеки от того, чтобы свести тематику светской живописи башен только к играм на константинопольском ипподроме. Не совсем понятно, например, какой интерес для публики на ипподроме могли представлять такие «цирковые представления», как «Охота на белку» или травля на арене дикого коня-торпана. Однако и к объяснению всех сюжетов охотничьего жанра как «княжеских ловов» на современном уровне изученности живописи собора необходимо подходить очень осторожно. В последнее время стали известны аналогичные сюжеты, воспроизведенные на предметах византийского прикладного искусства. В этом отношении показательна сцена охоты на кабана из юго-западной башни, которая долгое время относилась к чисто местной охотничьей тематике. Эта композиция имеет прямую аналогию с изображением на шкатулке XI в. из ризницы собора в Труа (Шампань)²⁰⁷. То же самое можно сказать и о сцене с гепардом, натравливаемом на оленей, изображенной на заставке византийского евангелия XI в. из Национальной библиотеки в Париже²⁰⁸. Что же касается игр на константинопольском ипподроме,

²⁰¹ Айналов Д., Редин Е. Древние памятники искусства Киева. Софийский собор, Златоверхо-Михайловский и Кирилловский монастыри. Харьков, 1899, с. 51.

²⁰² Там же, с. 46.

²⁰³ Семеновский Н. Киев, его святые, древности, достопримечательности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. Спб., 1900, с. 99.

²⁰⁴ Шарлемань Н. В. Животный мир и сцены охоты на фресках Софии Киевской. — В кн.: София Киевская. Киев, 1973, с. 42—44.

²⁰⁵ Радченко О. Д. Поема в камені і фарбах. К., 1972, с. 65—66.

²⁰⁶ Логвин Г. К. К истории сооружения Софийского собора в Киеве. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977, с. 178, 183.

²⁰⁷ Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975, рис. 329.

²⁰⁸ Там же, с. 210, рис. 353; Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 306.

особенно таких сцен, как «Прием византийским императором» и «Ипподром», то причины их появления и отношения к русской действительности остаются до сих пор совершенно не объясненными. Почему, например, были взяты именно эти сюжеты? Только ли потому, что, как считали Айналов и Редин, киевские князья отличались пристрастием к охоте? Трудно согласиться и с мнением Кондакова, что фреска «Прием византийским императором», мало интересная с эмоциональной точки зрения, появилась только потому, что «роспись была в духе времени». Другое дело, если бы на приеме у византийского императора изображался князь — заказчик живописи собора или хотя бы какое-то лицо его княжеского дома. К подобной мысли приближался Кондаков, колебавшийся между двумя причинами, побудившими изобразить на стенах башен светские сюжеты. Он писал: «Было ли это дорогое для киевского князя воспоминание о посещении им Царьграда, приемах и празднествах, пирах и играх, которыми они сопровождалось; или же искусный декоратор, призванный в Киев, сам озаботился расписать в веселом и праздничном вкусе эти лестницы хоров Киево-Софийского собора»²⁰⁹. Мысль об инициативе только «искусного декоратора», полагаем, следует сразу же отбросить, потому что трудно представить, чтобы киевского князя — заказчика живописи — совсем не интересовало, что именно будут изображать светские фрески башен, тем более что его роль в выборе сюжетов в самом соборе была весьма ограничена каноническим содержанием живописи. Второе предположение Кондакова о росписи башен в память о княжеском посещении Царьграда представляется нам логичным и вполне реальным. Но имели ли место подобные поездки князей? На этот вопрос летопись отвечает утвердительно. Достаточно вспомнить о путешествии легендарного Кия в Царьград, известного от императора «великую честь», и поездке княгини Ольги, известной не только по древнерусским, но и византийским источникам.

Среди лестничных росписей собора, несомненно, главное место принадлежит фрескам «Прием византийским императором» в северо-западной башне и «Ипподром» — в юго-западной. Эти композиции как по своей значимости, так и по площади, занимаемой на стенах, играют определяющую роль для понимания росписи башен в целом.

103,
а, б

Композиция «Прием византийским императором» расположена в северо-западной башне на площадке второго этажа. Сохранность фрески в настоящее время настолько плоха, что судить о некоторых ее деталях очень трудно*. Состоит она из двух частей, расположенных по обе стороны от оконного проема. Слева от окна лицом к зрителю изображен император, сидящий на троне со спинкой. На его голове — большая стемма, а вокруг головы — нимб, очерченный глубокой графией на штукатурке. Лицо императора, к сожалению, испорчено многочисленными выбоинами, царапинами и потергостями штукатурного слоя. Левая рука его согнута в локте и направлена ладонью в сторону принимаемой особы. Справа от императора изображены два сторохранителя-протосафариа с копьями и большими круглыми парадными щитами в руках. Слева на фреске находится дверь с завесой и шатровым верхом.

Справа от окна, в самом центре другой части этой композиции, во весь рост изображена женская особа в стемме, но без нимба вокруг

головы. Из под стеммы на плечи особы ниспадает белый, видимо, прозрачный плат или мафорий. Лицо имеет плохую сохранность, на нем заметны, особенно на глазах, остатки масляной живописи. Одежда состоит из стихария и пурпурной мантии. Руки согнуты в локтях и повернуты ладонями к зрителю. Слева от этой особы, которая, несомненно, занимает главное место в композиции после императора, изображена женская фигура, как бы представляющая особу в стемме императору. Она одета в богатую одежду, а голова ее покрыта белым платом. Справа от главной фигуры в стемме изображено три женщины, видимо, свита. Отличительной чертой их одежды, как и прочих, являются головные уборы в виде белых покрывал, ниспадающих на плечи. Н. П. Кондаков, описывая фреску, особо подчеркнул необычность подобного убранства, заметив по этому поводу, что с таким покрывалом изображались некоторые святые жены²¹⁰.

Женская особа в стемме и сопровождающие ее лица изображены на фоне городской стены. Согласно условиям средневековых миниатюр, а вероятно, и монументальной живописи, это должно было означать, что действие происходит в городе. В правом углу композиции находится какое-то архитектурное сооружение с огромным куполом. Поскольку действие, изображенное на фреске, происходит в Константинополе — столице византийских императоров, то в здании с огромным куполом наиболее вероятно видеть Софию Константинопольскую — самую выдающуюся постройку города, главный храм Византийской империи.

Н. П. Кондаков и Д. В. Айналов считали, что на фреске изображены император и императрица, присутствующие на ипподроме в качестве зрителей²¹¹. Несостоятельность подобной атрибуции фрески в северо-западной башне будет показана нами ниже.

Главное место среди фресок юго-западной башни занимает большая (14 м) композиция «Ипподром», состоящая из нескольких частей: так называемой стаи, состоящих колесниц и дворца ипподрома — кафисмы. Надо отдать должное эрудиции и наблюдательности Н. П. Кондакова, который первым безошибочно назвал рассматриваемую композицию ипподромом. Такое определение фрески блестяще подтвердилось впоследствии, когда реставраторы после разборки части кирпичной опоры XVIII в. обнаружили неизвестное ранее изображение финиширующей колесницы.

Начальная часть композиции «Ипподром» — стама — изображена слева при входе в башню. Она представляет собой часть здания в виде аркады на колоннах с капителями. Внизу каждой из арок, за закрытыми решетками, видны колесницы, запряженные четверками коней. Согласно Кондакову, это четыре константинопольских дима, одетых каж-

²⁰⁹ Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 300.

* При описании рассматриваемой композиции мы прежде всего ориентировались на изучение ее в натуре. Однако не игнорировали и зарисовку Ф. Г. Солнцева в упомянутом выше альбоме, где изображены многие не сохранившиеся до сих пор детали: положение рук императора и принимаемой им особы, драгоценные камни на стеммах и на мантиях, украшения трона и др.

²¹⁰ Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 297.

²¹¹ Там же, с. 295; Айналов Д., Редин Е. Указ. соч., с. 49.

дый в тунику цвета своей партии: Венетов — голубую, Прасинов — зеленую, Левков — белую и Руснев — красную. Между верхними частями аркады здания — три раскрытые окна, в глубине которых — погрудные фигуры людей. Внутри верхней части арок изображены значки возникших — гениохов. Они имеют круглую форму с полумесяцем внутри. Справа от стамы — четыре трибуна ипподрома во весь рост*. Третий слева поднятием руки возвещает о начале состязаний. Лица распорядителей молодые, но с бородами и усами. На головах остроконечные шапки. Одежда состоит из туник, подпоясанных ремнями и с нашитыми на груди металлическими бляхами. Цвет туник первоначально, видимо, соответствовал цветам парий ипподрома.

Вправо от рассмотренной части композиции находится оконный проем, а за ним — фрагмент продолжения той же композиции, не известный прежним исследователям. Здесь видим плохо сохранившееся изображение одной из состязавшихся колесниц, выполненное в желтоватых тонах на голубом фоне. Далее стена башни закрыта разгрузочной аркой XVIII в., за ней, видимо, находятся изображения еще двух колесниц.

Выше по лестнице расположена главная часть композиции — дворец ипподрома — кафисма. Долгое время эта фреска не была полностью доступна для изучения, так как вся ее левая часть и низ были закрыты упомянутой выше кирпичной аркой XVIII в. в лестнице. Когда арку разобрали в том месте, где она примыкает к фреске, а в чугунной лестнице сделали зондаж, открылась левая половина дворца ипподрома, а внизу — упоминавшееся изображение финиширующей колесницы.

Дворец ипподрома — кафисма — в том виде, как он изображен на фреске, представляет собой большое трехэтажное здание. Первый его этаж сложен из больших каменных блоков, украшенных рустом. Второй — сводчатый, в виде тройной аркады, открытой в сторону ипподрома, третий — представляет собой пятипролетную аркаду, состоящую из арок меньшего размера. В первом этаже — круглые окна с решетками и прямоугольные с открытыми ставнями, в которых видны человеческие фигуры. Вся галерея второго яруса заполнена зрителями. Правую часть здания занимает большая императорская ложа, представляющая сводчатое помещение с колоннами, открытое в сторону ипподрома и увенчанное шатровым верхом. В ложе изображен император в стемме и нимбе, сидящий на троне. Перед ним женская особа во весь рост с руками, сложенными на груди. Она одета в белую одежду, на голове — белый мафорий. Справа в углу — бородатое лицо какого-то человека, видимо, переводчика.

110

Слева от императорской ложи, на уровне второго этажа, изображена еще одна ложа поменьше, по мнению Н. П. Кондакова, — посольская. В ней на первом плане — человек в белой одежде во весь рост с руками, скрещенными на груди. Позади него видны еще несколько зрителей. По-

* Прежние исследователи видели здесь только три фигуры. Четвертая, находившаяся справа, была уничтожена при растесывании расположенного в этом месте окна. От фигуры уцелел только локоть правой руки (*Радченко А. Д.* К вопросу об изображении ипподрома в юго-западной башне Софии Киевской. — В кн.: *София Киевская*. К., 1973, с. 35—37).

Рис. 109. Софийский собор в Киеве,
южная башня. Фреска XI в.
Константин VII Багрянородный и княгиня
Ольга в ложе константинопольского вл-
подрома.

видимому, человеку в белой одежде, как и женской особе в императорской ложе, отводится особое значение в композиции. У зрителей, заполнивших галерею второго этажа, — восточные лица, подпоясанная ремнями одежда, а на головах белые головные уборы. Под императорской ложей в первом этаже дворца находится еще одно помещение, в котором распорядитель-силеппарий поднятjem руки фиксирует победу финиширующей колесницы.

109 Н. П. Кондаков считал, что верхняя часть рассматриваемой фрески переписана заново, видимо, с искажением первоначальных деталей²¹². Поэтому он комментировал ее с большой осторожностью. В настоящее время сомневаться в древности фрески не приходится, так как в ходе реставрационных работ с нее полностью удалены все чуждые наслоения. В отличие от фрески в северо-западной башне, изображения императора и женской особы, стоящей перед ним, в сцене «Ипподрома» имеют значительно лучшую сохранность. Лицо императора очень выразительно и, несомненно, имеет портретные черты. Особенно бросаются в глаза большой нос, борода, восточный тип лица.

Изображение дворца ипподрома с императорской ложей и зрителями на фреске в Софийском соборе чрезвычайно напоминает рельеф на юго-восточной стороне цоколя египетского обелиска, установленного на константинопольском ипподроме императором Феодосием I в 390 г. На нем — император в окружении своего двора в ложе ипподрома²¹³.

113 Д. В. Айналов, уделивший много внимания изучению живописи Софийского собора в Киеве, заметил несомненное сходство рассматриваемой фрески с миниатюрой из византийской рукописи Курополата Иоанна Скилицы, изображающей прием княгини Ольги византийским императором Константином Багрянородным. Сравнивая миниатюру с фреской, он склонялся к тому, что настенная живопись собора изображает аналогичную сцену. Такой вывод представляется нам весьма близким к истине. Однако Д. В. Айналов, отказавшись под влиянием миниатюры из рукописи Иоанна Скилицы от своей прежней трактовки фрески, все же очень колебался и не решался сделать окончательный вывод. Он писал: «Отсутствие каких бы то ни было известий относительно содержания разобранной фрески не позволяет сделать определенного заключения относительно особы, принимаемой императором»²¹⁴. Полагаем, что главные башенные фрески, несомненно, изображают прием византийским императором княгини Ольги. Эта мысль подтверждается материалами последних реставрационных работ и изучением фрески в натуре.

Поездка княгини Ольги в Царьград в 957 г. — одна из ярчайших страниц истории культурного общения Руси с Византией. Нет ничего

²¹² Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 390.

²¹³ Holz W. Byzanz, Konstantinopel, Istanbul. München; Berlin, 1971, tabl. 9.

²¹⁴ Айналов Д. В. История древнерусского искусства. Киев — Царьград — Херсонес. — В кн.: Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920, с. 201—202.

²¹⁵ ПВЛ, ч. 1, т. 44.

²¹⁶ Там же, ч. 2, с. 306.

²¹⁷ Царя Константинына изложение царского чина, книга 2, глава 15. Второй прием Ольги Русской. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. — Известия ГАИМК. М.; Л., 1934, с. 47—48.

Рис. 110. Посольская ложа дворца Кафтисмы. В белой одежде анепсий — племянник княгини Ольги (?), упоминаемый Константином VII Багрянородным.

удивительного, что это событие нашло отражение не только в древнерусской и византийской исторической литературе, но и в памятниках изобразительного искусства упомянутых стран.

В повести временных лет так говорится о поездке Ольги в Царьград: «В лето 6463 г. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Константинъ, сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслу, удививъся царь разуму ея... И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю...»²¹⁵. В летописи к описанию поездки Ольги прибавлено ряд анекдотических сведений о хитрости Ольги, которая «переключала» самого императора. Эти мотивы фольклорного характера, по мнению исследователей летописи, попали в нее из народных преданий, существовавших задолго до появления исторической литературы на Руси²¹⁶. Ольге в сопровождавшим ее лицам в Царьграде был устроен торжественный прием. О некоторых его подробностях рассказывает в своем труде Константин VII Багрянородный, лично принимавший русскую княгиню²¹⁷. По его сведениям, Ольга дважды была принята в императорской резиденции — 9 сентября и 18 октября. Особой торжественностью отличался

первый прием: «Девятого сентября, в среду состоялся прием во всем сходный с вышеописанным, по случаю прибытия русской княгини Ольги. Княгиня вошла со своими родственниками княгинями и избраннейшими прислужницами, причем она шла впереди всех других женщин, а они в порядке следовали одна за другою; она остановилась на том месте, где лагофет обычно предлагал вопросы. Позади ее вошли апокрисиарии русских князей и торговые люди и стали внизу у завес; последующее совершалось подобно вышеописанному приему»²¹⁸. Комментаторы устава Константина Багрянородного считают, что упомянутый первый прием происходил в большом торжественном и роскошном зале — триклинии Магнавры²¹⁹, где принято было принимать «знаменитых и великих людей по гегемонии».

Важное значение для рассматриваемого вопроса представляют некоторые подробности церемониала, в частности такие детали: княгиня Ольга не была введена в зал под руки двумя евнухами, как это было принято в отношении послов, а вошла сама впереди других женщин, ее принимал один царь — Константин Багрянородный, без сына Романа, в то время как перед этим сарацинских послов принимали оба царя.

После приема в Магнавре княгиня Ольга проследовала со святой через анфиладу залов (Анадендрадий, зал Кандидатов, Онопод и др.) в Августей, где она отдыхала, ожидая следующего приема в зале Юстиниана. Затем Ольга проследовала через «апсиду и ипподром и внутренние переходы того же Августей и, вошедши, села в Скилах». В момент, когда княгиня вошла в зал Юстиниана, на троне восседала императрица, а рядом, на золотом кресле, ее невестка. Вопросы предлагал препозит. По окончании приема императрица с приближенными удалилась в свою опочивальню. Русская княгиня некоторое время отдыхала в Кенгурии, а затем ее без свиты пригласили во внутренние покои, где она была удостоена частной аудиенции в интимной обстановке и говорила с царем, о чем она желала. В заключение приема был дан торжественный званый обед в зале Юстиниана. Ольга во время пира сидела с придворными дамами первого ранга — зостами. Во время десерта Ольге и ее свите вручили денежные подарки. Княгиня получила на золотом блюде, украшенном драгоценными камнями, 500 миллиарисиев, ее племянник — 30, а переводчик — 15. Прочие члены свиты также получили денежные подарки.

Во время пира, кроме органов, звуки которых служили знаком садиться или вставать, слух присутствовавших услаждала певчие храма св. Софии и церкви Апостолов, певшие царские славословия. Согласно уставу, во время пира происходили также «всяческие сценические представления».

Среди свиты Ольги следует отметить восемь ее родственников и особенно племянника. Судя по тому, что племянник Ольги дважды назван

²¹⁸ Царя Константина изложение царского чина, книга 2, глава 15. Второй прием Ольги Русской. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, с. 48.

²¹⁹ Айналов Д. В. Указ. соч., с. 183.

²²⁰ Там же, с. 201; *Божков Атанас*. Миниатюры от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1978, с. 89; *Розов Н. Н.* Синаодальный список сочинений Иларiona — русского писателя XI в.— *Slavia*, Praha, 1963, ses 2, s. 168.

²²¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, л. 31 об., 32.

Рис. 111. Константинопольский ипподром по рисунку Онуфрия Панвиннуса, 1580 г.

в уставе отдельно и ранее прочих родственников, он являлся наиболее важной особой свиты. Об этом свидетельствует и полученный им денежный подарок.

18 октября в императорской резиденции состоялся второй прием княгини Ольги, кратко описанный в уставе. В нем рассказывается о торжественном обеде в Золотой палате в присутствии императора и денежных подарках, полученных Ольгой и ее свитой.

Кроме «Повести временных лет» и описания Константина Багрянородного, о поездке княгини Ольги в Царьград имеются краткие сообщения и упоминания в других древнерусских и византийских источниках. Так, об этом сообщает Кедрин, Иоанн Скилица, упоминает Иларион²²⁰.

Обратимся теперь к памятникам изобразительного искусства — миниатюрам.

Поездка княгини Ольги в Царьград изображена на трех миниатюрах Радзивилловской летописи²²¹. На первой из них Ольга, еще язычница, беседует с царем. Слева ее крестит патриарх. На следующей миниатюре Ольга преподносит дары императору. Последняя миниатюра изображает отъезд. Ольга на берегу моря принимает благословение патриарха, а рядом она уже сидит в ладье со своими спутниками. На миниатюрах Ольга — с милостивым округлым лицом, в одном случае, улыбающаяся. Ее

одежда состоит из мантии, наброшенной на плечи поверх длинного нижнего платья, перехваченного у талии поясом. Голова княгини покрыта платом, или мафорием, ниспадающим на плечи и фигурирующим на всех миниатюрах, изображающих Ольгу. Стемма отсутствует, но поверх мафория на голову одет как бы венец в виде кольца или обруча. Этот обруч особенно хорошо заметен на той миниатюре, где Ольга изображена молящейся «за сына и за люди»²²². На рассмотренных миниатюрах Ольга сидит в присутствии императора, что явно не отвечает требованиям устава Константина Багрянородного.

Более близка к интересующему нас событию — поездке княгини Ольги в Царьград — миниатюра из упоминавшейся выше греческой рукописи Курополата Иоанна Скилицы, в которой Д. В. Айналов находил сходство с фреской в соборе. В последнее время, наряду с другими миниатюрами рукописи, ее издал в цвете болгарский ученый А. Божков²²³.

113

Миниатюра изображает прием Ольги императором во дворце. Княгиня стоит перед царем, скрестив руки на груди. Она одета в длинную синюю мантию с многочисленными складками. На ее голове поверх волос белый, свернутый особым образом мафорий, ниспадающий сзади на плечи. Сверху надпись пурпурными чернилами — *Οὐλύα*.

Император Константин VII изображен сидящим на золотом троне. Он в пурпурной мантии-хламиде и большой золотой прямоугольной стемме на голове. В правой руке царя — скипетр, а левая вытянута в сторону Ольги. Рядом с княгиней стоит, видимо, переводчик в длинной подпоясанной одежде с руками, сложенными на груди. Правда, очень возможно, что это, судя по головному убору в виде платка, не переводчик, а одна из дам свиты*. Слева — свита Ольги в длинных одеждах с руками, скрещенными на груди. На их головах — белые уборы. Дворец изображен в виде трехпролетной аркады, перекрытой, видимо, двухскатной крышей. Слева к дворцу примыкают две башни, справа какое-то нагромождение пристроек с крытым балконом или ложей, выступающей за фасад здания.

Относительно изображения Ольги на рассматриваемой миниатюре ее издатель А. Божков замечает, что художник передал ее образ довольно схематично. Княгиня стоит перед императором в скованной позе не как ровня ему, а, скорее, как ученица, слушающая наставления²²⁴. Действительно, на миниатюрах Радзивилловской летописи художник изобразил Ольгу более живо.

Рассмотрение древнерусских и византийских памятников литературы и изобразительного искусства указывает на стойкую традицию, отражающую поездку Ольги в Царьград. Полагаем, что фрески башен Софии продолжают ту же традицию в монументальной живописи.

Д. В. Айналов сравнивал миниатюру Мадридской рукописи с фреской «Ипподром» в юго-западной башне собора. На миниатюре, несомнен-

²²² Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, л. 33 об.

²²³ Божков Атанас. Указ. соч., с. 89, рис. 48.

* Д. В. Айналов на основании одежды фигуры также допускает, что это могла быть одна из княгинь свиты. (Айналов Д. В. Указ. соч., с. 201).

²²⁴ Божков Атанас. Указ. соч., с. 213.

Рис. 112. Ольга в Царьграде. Миниатюры Радзвѣлловской летописи.

Рис. 113. Ольга на приеме у
Константина VII Багрянородного.
Миниатюра рукописи Иоанна Скилицы.

но, изображен торжественный прием Ольги, скорее всего в Магнавре, где обычно принимались послы и «гегемоны», поэтому император при своих царских регалиях: в большой стемме, с железом в руках. Прием, изображенный на миниатюре, никак не может соответствовать фреске в юго-западной башне. В настоящее время благодаря реставрационным работам мы точно знаем, что на фреске — дворец ипподрома — кафисма. Д. В. Айналов был настолько поражен сходством миниатюры с некоторыми деталями фрески, о которых скажем ниже, что не поверил в правильность атрибуции Н. П. Кондаковым этой части композиции как дворца ипподрома. Д. В. Айналов нашел сходство миниатюры с фреской в том, что перед императором в обоих случаях стоит женская фигура с белым покрывалом на голове и руками, сложенными на груди. Одеждам и головным уборам свиты Ольги на миниатюре соответствуют аналогичные подпоясанные одежды и белые шапки на фреске, сложенные на груди руки.

Церемония, изображенного на фреске, который поднятием руки фиксирует победу колесницы, Д. В. Айналов ошибочно считал приглашающим свиту следовать в зал на торжественный обед²²⁵.

Несмотря на то что место действия на фреске и миниатюре явно разное: ипподром и, видимо, Магнавра, Д. В. Айналов правильно отметил большое сходство персонажей, фигурирующих в обоих случаях. Не отрицая сходства миниатюры с фреской «Ипподром», напомним, что в северо-западной башне фреска также изображает прием византийским императором женской особы со свитой. Н. П. Кондаков и Д. В. Айналов называли композицию изображением византийского императора и императрицы.

Однако для этого нет достаточных оснований. Женская особа на фреске хотя и в стемме, но без нимба, и это является несомненным доказательством того, что это не императрица. В настоящее время имеется достаточно примеров, показывающих, что в византийской монументальной живописи XI в. императрица, как и император, изображалась всегда с нимбом вокруг головы. Классическим примером этому могут служить известные мозаичные композиции XI в. из Софии Константинопольской: «Панно Зоя», на котором изображен император Константин IX Мономах и императрица Зоя²²⁶, и мозаика с изображением Иоанна II Комнена и императрицы Ирны²²⁷. В фресках башен Софийского собора в Киеве наблюдается та же особенность в изображении императора и императрицы с нимбами вокруг головы. Так, император во всех трех случаях с нимбом.

Атрибуции Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова особенно противоречит изображение византийской императрицы в стемме и с нимбом, фрагментарно сохранившееся на первом этаже в той же северо-западной башне собора.

Женская особа на рассматриваемой фреске — без нимба, но в стемме — не императрица, но, несомненно, владетельная особа, которой могла быть русская княгиня Ольга. На подобное отождествление указывают и другие признаки. В то время как на фреске «Ипподром» фигуры измельчены и не особенно детализированы, на рассматриваемой композиции в северо-западной башне они значительно крупнее и монументальнее. В них переданы многие мелкие детали, как, например, драгоценные камни на стемме императора, на троне, на стемме Ольги и др.* Сцена приема изображена в подчеркнуто торжественной обстановке. Император сидит на драгоценном троне со спинкой. Он одет в богатую мантию. Справа — телохранители с большими парадными щитами. Ольга и ее свита также в богатых одеждах, расшитых драгоценными камнями. Фреска, как нам представляется, иллюстрирует первый торжественный прием Ольги в Магавре, подробно описанный Константином Багрянородным.

Коснемся теперь некоторых деталей, изображенных на фреске. Из них наибольший интерес представляют головной убор Ольги, ее поза и положение рук. На голове Ольги — стемма поверх белого мафория, вызвавшего столь сильное недоумение Н. П. Кондакова. Он писал: «Но что считаем особенно важным, ибо не знаем пока другого примера в монументальной живописи, кроме изображения некоторых святых жен, — и сама императрица (то есть княгиня Ольга. — С. В.), и все женщины ее свиты имеют на головах спадающий сзади на спину белый, видимо, шелковый мафорий, который надевает царица, когда идет под венец»²²⁸.

²²⁵ Айналов Д. В. Указ. соч., с. 202.

²²⁶ Wittmore Th. The Mosaics of Hagia Sophia at Istanbul. Third Preliminary Report. The Imperial Portraits of the South Gallery. Oxford, 1942, pl. III—IV.

²²⁷ Weidle W. Mosaici paleocristianice Bizantini. Milano; Firenze, 1954, tav. 138.

* В настоящее время указанные детали на фреске различаются с большим трудом из-за плохой ее сохранности. На акварели Ф. Г. Солнцева (Древности Российского государства. Киевский Софийский собор, табл. 55, рис. 14) эти детали хорошо видны. Сравнение их с фреской показывает, что большинство акварелей срисовано с натуры.

²²⁸ Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 297.

Таким образом, для византийских императриц подобный мафорий под стеммой являлся трудно объяснимой частью царского торжественного облачения. Но если мы обратимся к изображениям русских княгинь, то увидим, что подобный плат-мафорий был обязательной принадлежностью их головного убора. Так, на рисунке голландского художника А. ван Вестерфельда, зарисовавшего в 1651 г. с натуры ктиторскую фреску в Софийском соборе в Киеве, супруга Ярослава Мудрого Ирина изображена в стемме, одетой поверх белого покрывала — мафория²²⁹. Эта аналогия особенно важна, так как оба изображения (Ольги и Ирины) находились в одном памятнике и, возможно, выполнялись одними и теми же мастерами.

В белом платке-мафории изображена супруга Святослава Ярославича на известной выходной миниатюре Изборника Святослава 1073 г.²³⁰

Очень хорошо видна рассматриваемая часть головного убора русских княгинь и на миниатюре XI в. Трирской псалтыри, на которой изображено коронование князя Ярополка Изяславича (Петра) и его супруги Ирины. На миниатюре Ярополк и Ирина стоят у трона Христа, держащего над их головами венцы. Голова Ирины обернута в белый мафорий, и стемма, таким образом, оказывается также поверх его²³¹. В свете приведенных материалов стемма, надетая поверх мафория на голову Ольги на фреске, не только не должна вызывать удивление, а, наоборот, являться подтверждением предложенной идентификации.

Любопытно и то, что Ольга на фреске изображена выступающей впереди дам свиты и без поддерживающих ее под руки евнухов, что также отмечено в описании Константина Багрянородного. Руки княгини изображены на фреске ладонями к зрителю, а не сложены на груди, как это мы видим на миниатюре или же на композиции «Ипподром» в юго-западной башне. Подобное положение рук весьма необычно, так как в присутствии императора было принято опускать рукава и скрещивать руки на груди. Что же могло означать или чем было вызвано такое нарушение придворного византийского этикета? Ответить на этот вопрос вполне определенно трудно, но в некоторой степени приблизиться к истине, нам кажется, можно. Скрещивание рук на груди в присутствии императора, по мнению некоторых исследователей, было не просто требованием этикета и знаком почтения, а и признанием чуть ли не вассальной зависимости. Очень вероятно, что именно поэтому княгиня Ольга в торжественной сцене официального приема императором изображена как самостоятельная и независимая от империи архонтисса. Небольшая деталь — положение рук княгини — могла особо подчеркивать это. Можно предположить и другое объяснение этого жеста Ольги. Судя по фресковым изображениям в Софийском соборе, с ладонями рук, обращенными к зрителю, изображались так называемые блаженные — святые низшего ранга. Может быть поэтому Ольга на фреске изображена в такой же позе. Действительно, летопись, повествуя об Ольге и ее делах задолго до причисления ее к лику святых, часто прибавляет к ее имени эпитет «блаженная»²³².

Для еще большего уточнения атрибуции фрески в северо-западной башне было бы очень заманчивым сравнить и попытаться установить портретное сходство Ольги и Константина Багрянородного на обеих фресках. К сожалению, это сделать невозможно из-за очень плохой сохран-

ности лиц Ольги и Константина на фреске в северо-западной башне*. Что же касается их изображений в ложе ипподрома на фреске в другой башне, то там сохранность лиц вполне удовлетворительная. Но вот вопрос: переданы ли на фреске портретные черты Константина и Ольги? Учитывая большие размеры фигур композиции в северо-западной башне, можно со значительной степенью вероятности утверждать, особенно в отношении Константина, что они должны были иметь портретное сходство. Если действительно это было так, то и на фреске «Ипподром» император и Ольга также должны были иметь портретное сходство, несмотря на то, что размеры фигур здесь несколько меньше, а вся сцена по манере исполнения напоминает византийские миниатюры XI—XII вв. Надо полагать, что художники, написавшие фрески, пользовались какими-то образцами, видимо, миниатюрами, изображающими Ольгу в Царьграде, наподобие тех, которые имеются в Радзивилловской летописи и рукописи Иоанна Сквлицы. В миниатюрах из-за малых масштабов изображений, хотя к этому, несомненно, стремились мастера, трудно ожидать портретного сходства действующих персонажей, но на фресках они были необходимы хотя бы в силу значительных размеров фигур, достигающих, например, в северо-западной башне около метра в высоту. Портретные черты Константина и Ольги могли быть взяты из других источников византийского изобразительного искусства — икон, монет, резьбы по кости и др.

Лицо императора, изображенного в ложе ипподрома, — восточного типа, довольно худощаво, отличается необычной живостью. Большие выразительные глаза устремлены куда-то вдаль. Дугообразные брови, мясистый «орлиный» нос, небольшие усики, ухоженная округлая борода. Из-под стеммы выбиваются коричневые, явно выщипанные волосы, хорошо заметные у правого уха. Вокруг головы — нимб. Следует заметить, что все перечисленные особенности фрески весьма близки к изображению императора в северо-западной башне, зафиксированном на акварели Ф. Г. Солнцева.

Очень важно сравнить изображение императора на фреске в соборе с другими портретами Константина VII. К сожалению, портретные изображения интересующего нас императора являются большой редкостью. Нам известны всего лишь два таких изображения: на пластинке из слоновой кости и на византийской монете X в.

На резной пластинке из слоновой кости, хранящейся в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина в Москве, изображена коронация Константина Багрянородного Христом²³³. Константин, склонив голову, стоит по правую руку от Христа, венчающего его стем-

²²⁹ Смирнов Я. И. Указ. соч., табл. I—XIV.

²³⁰ Прохоров В. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1881, вып. 1.

²³¹ История культуры Древней Руси. М.; Л., 1848, т. 1, с. 256, рис. 165а.

²³² ПВД, ч. 1, с. 45.

* О лицах на этой фреске в некоторой степени можно судить лишь по акварели Ф. Г. Солнцева; Н. П. Кондаков пишет о фреске следующее: «Этот неизвестный нам император имеет ясно выраженный армянский тип, худой овал лица и выщипанные около головы волосы». (Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 297).

²³³ Инв. № 11 2 Б 329. (Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966, с. 299).

мой. Над головой императора сопроводительная греческая надпись: «Константин, божией милостью император ромеев»²³⁴.

Император имеет довольно худощавое лицо. Его отличительной чертой являются большие скорбные глаза, длинный мясистый нос, борода, вьющиеся волосы и небольшие усики. Во всем этом можно уловить близкие к фреске портретные черты. Особенно похожи нос, вьющиеся волосы, большие глаза и восточный тип лица. Однако на фреске император выглядит несколько моложе. Его вьющиеся волосы и борода — короче, выражение лица более живое, без экстаза и внутренней сосредоточенности, как в сцене коронования. Понятно, что упомянутые небольшие различия вполне закономерны, так как трудно ожидать полного сходства в изображениях, выполненных в разное время и в разных условиях.

115

В Британском музее в Лондоне хранится византийская монета — солид — с прекрасным и, несомненно, портретным изображением Константина Багрянородного²³⁵. Датируется она периодом с 27 января по 6 апреля 945 г., когда Константин VII стал единовластным правителем Византийской империи²³⁶. На монете император изображен погрудно в фронтальной позе. Он одет в богатую одежду и стемму, украшенную драгоценными камнями и подвесками. Лицо монарха имеет те же отличительные черты, что на фреске и на пластинке из слоновой кости: вытянутый овал лица, большие глаза и нос, полукруглые надбровные дуги, маленькие усики, борода и вьющиеся волосы.

Рассмотренные изображения Константина Багрянородного подтверждают предложенную персонификацию византийского императора на фреске, но все же не дают возможности считать ее окончательной. Уточнить ее с предельной точностью удалось благодаря тщательному изучению фрески в натуре. Как известно, в Софийском соборе при фресках первоначально имелись греческие сопроводительные надписи, так называемые дипинти. К сожалению, они дошли до нашего времени в незначительном количестве²³⁷. Их плохая сохранность, видимо, объясняется тем, что надписи делались в самую последнюю очередь и уже по значительно высохшей штукатурке.

Сопроводительные надписи известны также и при миниатюрах. Как мы видели выше, они есть и на миниатюре, изображающей Ольгу на приеме у Константина VII в рукописи Иоанна Скилицы. Можно допустить, что в первоисточнике, с которого копировались рассматриваемые фрески, при фигурах императора и Ольги также имелись соответствующие надписи. Естественно, что больше вероятности обнаружить подобную надпись на фреске лучшей сохранности. Поэтому мы и обратились к фреске в юго-западной башне. Напомним, что император и женская особа рядом с ним изображены в ложе ипподрома, верх которой

²³⁴ Мишакова И. А. Рельеф «Коронование Константина» в ГМИИ и византийская резная кость «Группы императора Романа». — В кн.: Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978, с. 224, прим. 1.

²³⁵ Weitzman K. The Mandylicon and Constantine Porphyrogenetos. — Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. The University of Chicago press. Chicago; London, 1971, p. 242, 243, pic. 228.

²³⁶ Мишакова И. А. Указ. соч., с. 243.

²³⁷ Головань И. А. Новые данные по иконографии и древних росписей Софии Киевской. — В кн.: София Киевская. К., 1973, с. 46.

Рис. 114. Коронование Константина VII Багрянородного. Резьба по слововой кости (X в.).

Рис. 115. Византийская монета (солид) Константина VII Багрянородного, 945 г. Лондон, Британский музей.

завершается аркой, опирающейся на колонны с капителями. Конфигурация арки прочерчена двумя глубокими графьями в штукатурке. Именно это место было очень удобным для колончатых надписей с обеих сторон фигур, находящихся в ложе. И действительно, слева от головы императора, несколько выше ее, даже при простом визуальном наблюдении довольно хорошо заметен извилистый росчерк, сделанный коричневой фресковой краской. Он привлек наше внимание прежде всего потому, что похожая орнаментация в виде волнообразных линий, заметная кое-где на фреске, сделана не коричневой краской, а белилами. При дальнейшем изучении остатков коричневого пигмента над упомянутым росчерком были обнаружены довольно хорошо заметные при увеличении остатки буквы ω (омеги), а еще выше над ней, в результате макрофотосъемки, выявлены следы буквы К (каппы), выполненной в декоратив-

ной манере. Разобрав первые две буквы, стало ясно, что поскольку имя Константин писалось через «омегу», то находящийся под ним росчерк — буква Ν, а далее Σ (сигма). Таким образом, это были остатки пояснительной надписи к изображению императора: ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΙ, то есть сокращение имени Константин *. Ниже продолжения надписи нет, можно разобрать только две крупные точки, поставленные рядом. Написанию имени Константина полностью мешала, видимо, капитель колонны. После находки рассмотренной пояснительной надписи не может быть ни малейшего сомнения в том, что на фреске изображен именно Константин VII — византийский император, принимавший Ольгу в Царьграде и имевший, следовательно, прямое отношение к этому важному событию ранней истории Руси.

На той же фреске, справа от женской фигуры, заметны очень слабые следы не поддающейся прочтению пояснительной надписи. Несмотря на это, персонафикация особы, изображенной рядом с Константином Багрянородным в киевском митрополичьем соборе — палладиуме Руси, несомненна. Это могла быть только княгиня Ольга, традиция изображения которой на приеме у этого императора существовала в византийской миниатюре, судя по рукописи Иоанна Скилицы.

В описании приема Ольги в Царьграде ** Константин Багрянородный не упоминает посещения ею ипподрома. В уставе идет речь только о том, что княгиня после приема в Магнавре проследовала со своей свитой через анфиладу залов и ипподром, ожидая следующего приема в зале Юстиниана. Надо полагать, что отражение посещения Ольгой константинопольского ипподрома не входило в задачи императора-писателя, сосредоточившего все свое внимание на придворных церемониях. Присутствие Ольги на ипподроме во время конных ристаний — неизвестная ранее подробность пребывания русской княгини в Царьграде, зафиксированная, видимо, только на фреске в Софийском соборе в Киеве.

Необходимо отметить и то, что на фреске «Ипподром» в светлых одеждах изображены только два персонажа: княгиня Ольга и человек, стоящий впереди послов в посольской ложе. Судя по описанию Константина Багрянородного, это — племянник Ольги (анепсий), второе лицо после княгини в посольстве. Все это настолько близко описанию Багрянородного, что невольно напрашивается мысль: не послужила ли образом для фрески в соборе соответствующая миниатюра из упоминавшегося произведения императора?

Если сравнить изображения императора и Ольги на фреске в северо-западной башне и сцене ипподрома, то бросается в глаза подчеркнутая торжественность и официальность в первом случае и более свободная

* Как случилось, что Н. П. Кондаков и Д. В. Айналов не обратили внимания на остатки сопроводительной надписи? Это можно объяснить только тем, что исследователи знакомилась с фреской в натуре уже после того, как она была «поновлена» масляными красками во время реставрации живописи собора в 1843—1853 гг.

** Глава с описанием приема Ольги в труде Константина Багрянородного названа: «О том, что нужно соблюдать при приемах, происходящих в большом триклинии Магнавы, когда владыки восседают на Соломоновом троне» (*Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 228). При таком названии нельзя было ожидать упоминания об увеселительном приеме Ольги на ипподроме.

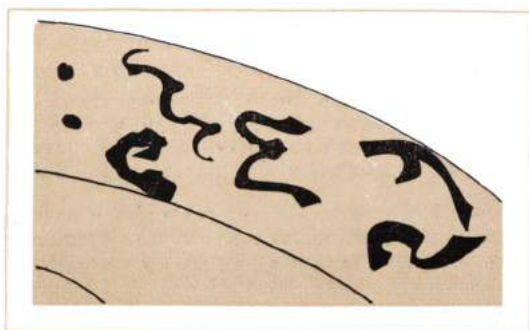
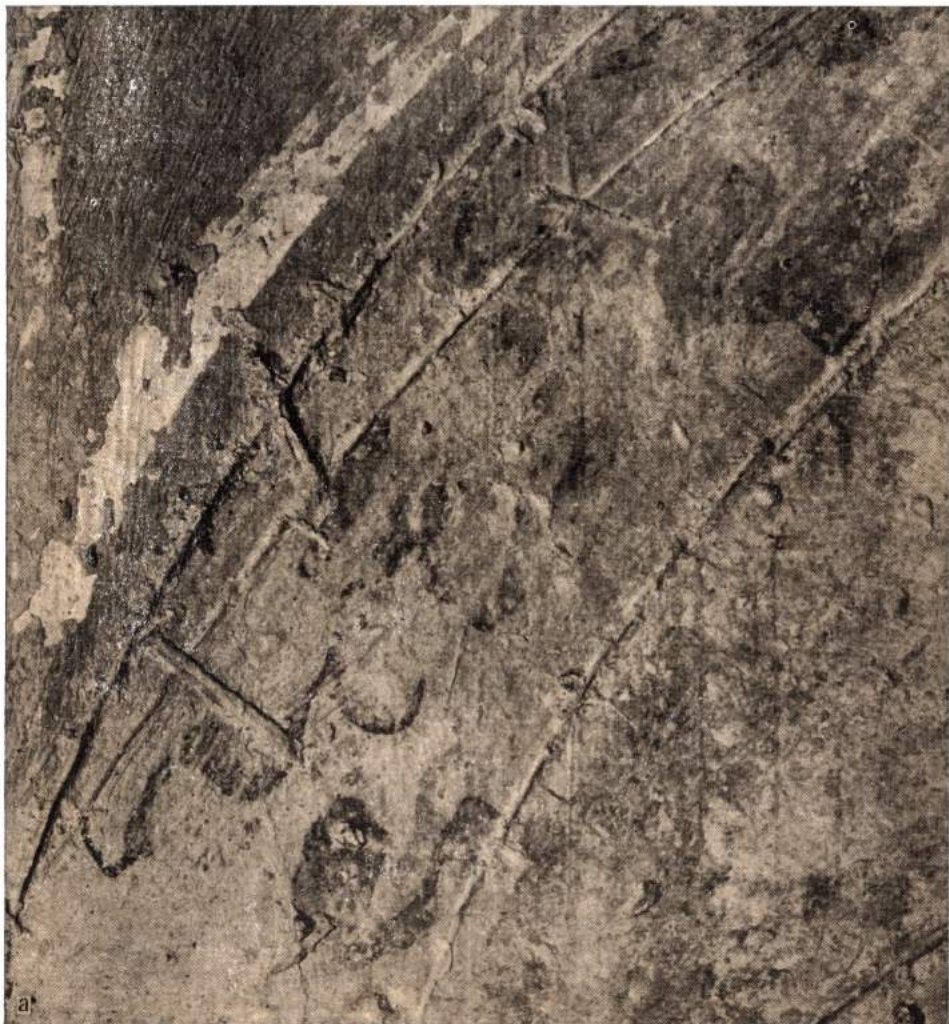

Рис. 116. Фото и прорись надписи возле изображения императора на фреске Константина VII Багрянородный и княгиня Ольга в ложе константинопольского впподрома.

манера исполнения во втором, где главные фигуры изображены не фронтально, а в полуоборот к зрителю и в сравнительно простых одеждах. Выше упоминалось необычное положение рук Ольги и дам ее свиты на фреске в северо-западной башне, в ложе ипподрома руки княгини скрещены на груди, как того и требовали правила придворного этикета. Кто мог подсказать мастерам, расписывавшим башни собора, изобразить Ольгу в стемме поверх белого мафория, положение ее рук и рук свиты, их головные уборы, указать на другие детали, кажущиеся сейчас малозначительными, и которым в средние века придавалось столь большое значение? Инициатива могла исходить, скорее всего, от заказчика росписей. Им был Ярослав Мудрый, но вряд ли он лично вникал в подобные мелочи. Очень вероятно, что он был инициатором самой идеи изобразить на стенах башен пребывание в Царьграде его знаменитой прабабки — княгини Ольги. Что же касается деталей, то, по мнению исследователей, для этого у Ярослава имелось доверенное лицо — писатель-публицист Иларион, будущий митрополит и автор «Слова о законе и благодати», — большой эрудит в вопросах теологии, уточнивший программу росписей Софийского собора²³⁸.

На основании проведенного исследования представляется вполне правомерным уточнить названия рассмотренных фресок, назвав их: в северо-западной башне — «Княгиня Ольга на приеме у Константина Багрянородного» и в юго-западной башне — «Княгиня Ольга и Константин Багрянородный в ложе ипподрома». Эти две важнейшие композиции определили главную сюжетную линию росписи башен Софийского собора, которую можно назвать «Княгиня Ольга в Царьграде». В северо-западной башне к тому же циклу относятся: «Императрица со свитой» и «Император на коне». Названные фрески имеют фрагментарную сохранность, но первоначально, судя по площади стены, они, видимо, также занимали не последнее место в росписи башни. Фреска «Император на коне» изображает юношу в стемме и нимбе, сидящего верхом на коне, по всей вероятности, императора Романа — сына Константина VII, упоминающегося в уставе. Он вместе с Константином перед Ольгой принимал сарацинских послов. Фреска «Императрица со свитой», по-видимому, является фрагментом, изображавшим прием Ольги в зале Юстиниана, описанный Константином Багрянородным сразу же после приема в Магнавре.

В юго-западной башне к той же сюжетной линии росписей с уверенностью можно отнести фрески: «Княгиня Ольга и Константин Багрянородный в ложе ипподрома», «Акробаты» и святочные сцены, изображенные на столбе.

Очень вероятно, что среди фресок упомянутого цикла видное место занимала несохранившаяся композиция, изображавшая крещение Ольги константинопольским патриархом — сюжет, фигурирующий среди миниатюр Радзивилловской летописи.

Перечисленные фрески, иллюстрирующие подробности приема Ольги в Царьграде, видимо, во многом отражали реальные события. Подтверждением этому является фреска «Акробаты». Она изображает атлета

²³⁸ Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 58.

с вертикально стоящим на его плече шестом, сверху которого находится чаша или тарелочка. По шесту лезет мальчик. Константин Багрянородный, описывая прием Ольги, не упоминает подобной сцены, он лаконично замечает только, что пир в ее честь «сопровождался пением и всяческими сценическими представлениями». Судить об этих представлениях можно на основании описания Лиутпранда — посла царя Беренгара II к тому же императору Константину VII в 949 г., который так воспроизвел одно из представлений: «Вошел один человек, который нес на лбу шест, не поддерживая его руками, в 24 даже более фута... Затем привели двух нагих мальчиков — на них были только набдеренные повязки. Они вскарабкивались вверх по шесту и выполняли там трюки, потом, перевернувшись головой вниз, опускались по нему, а он оставался неподвижным, словно бы врос корнями в землю. Наконец, после того, как один из мальчиков спустился, другой, оставшись один, продолжал выступление...»²³⁹

117

Как видим, акробатические упражнения при дворе Константина VII вполне соответствуют изображенным на фреске в юго-западной башне.

Еще одной сюжетной линией, занимающей видное место в живописи башен, являются сцены охотничьего жанра. Часть из них, несомненно, написана под влиянием местной древнерусской действительности. Прежде всего это относится к фрескам, изображающим охоту всадников на дикого коня-торпана, охоту на белку, травлю гончей собакой оленя, изображениям ловчих птиц в медальонах.

* * *

В живописи башен Софийского собора, таким образом, переплетается несколько сюжетных линий: фрески, иллюстрирующие пребывание княгини Ольги в Царьграде, сцены охотничьего жанра, геральдические средневековые изображения и орнаменты. Наиболее интересным и важным является цикл, посвященный Ольге. В византийской и древнерусской миниатюре, судя по рукописи Иоанна Скилицы и Радзивилловской летописи, видимо, существовала традиция изображать Ольгу в Царьграде. Очень вероятно, что такие миниатюры были известны Ярославу Мудрому и его окружению во время строительства Софийского собора. Знакомство с ними могло послужить поводом для воплощения подобных сюжетов в монументальной живописи, поскольку они прославляли одного из представителей правящей княжеской династии и акцентировали внимание на важном эпизоде истории проникновения христианства на Русь. Главные композиции, посвященные этой теме, изображают Ольгу во дворце на приеме у Константина Багрянородного и в ложе константинопольского ипподрома. Предложенная персонафикация подтверждается миниатюрой из рукописи Иоанна Скилицы, на которой Ольга изображена на приеме у Константина Багрянородного, близостью портретного сходства этого императора на его монете и костяном рельефе византийской работы. Особенно важным свидетельством в пользу такой атрибуции фрески является находка остатков греческой пояснительной надпи-

Рис. 117. Фреска
«Акробаты». Рисунок
Ф. Г. Солнцева.

си при изображении императора в юго-западной башне собора. Фрески, относящиеся к этому циклу, в северо-западной башне близки по содержанию к первому приему Ольги 9 сентября в Магнавре и зале Юстиниана, описанному Константином Багрянородным. Композиция в юго-западной башне изображает Ольгу и Константина Багрянородного в ложе ипподрома. Она иллюстрирует один из неизвестных другим источникам моментов посещения русской княгиней достопримечательностей Константинополя, к которым относился и ипподром с его дворцом, обелисками, статуями и памятниками возничим. На ипподроме император показывался народу, принимал приветствия, в обществе своих гостей наблюдал конные состязания партий ипподрома и т. п.

Совершенно очевидно, что подобные росписи появились на стенах собора не в результате «культурных заимствований» сюжетов «в духе времени», как считали Н. П. Кондаков и Д. В. Айналов, они, несомненно, отражали волю заказчика, пожелавшего не просто изобразить обычные сцены триумфального императорского цикла, а увековечить в живописи выдающееся событие русско-византийских культурных связей. Следовательно, было бы совершенно неверным рассматривать огульно фресковые росписи башен как не имеющие никакого отношения к древнерусской действительности. Их главные сюжеты могли появиться на стенах только благодаря тому, что они имели непосредственное отношение к древнерусской культурной истории и отражали общественные идеи и взгляды первой половины XI в., в частности прославление Ольги и князя Владимира, читающееся в знаменитом «Слове о законе и благодати...» Илариона и «Повести временных лет». В связи с этим вспоминается другая фресковая композиция из центральной части Софийского собора — портрет семьи Ярослава Мудрого. На ней в средней части по обе стороны от Христа (судя по рисунку А. ван Вестерфельда 1651 г., на котором есть изображение князя Владимира) были изображены князь Владимир и Ольга — особы, увековечившие память о себе «славными делами», продолжателем которых, согласно древнерусской литературе, был Ярослав Мудрый — заказчик росписей Софийского собора²⁴⁰. Похоже на то, что рассмотренные фрески с изображениями княгини Ольги являются результатом одного и того же идейно-художественного замысла.

Итак, древнерусское монументальное искусство пополнилось двумя новыми, ранее бывшими анонимными, портретными изображениями видных политических и культурных деятелей Византии и Руси: императора-писателя Константина Багрянородного и уникальным изображением русской княгини Ольги.

---

²⁴⁰ *Висоцький С. О.* Про портрет родини Ярослава Мудрого у Софійському соборі у Києві. — *Вісник Київського університету*, 1967, № 8, вип. 1, с. 35; *Висоцький С. О.* Реконструкція портретів родини Ярослава Мудрого в Софії Київській. — *Археологія*, 1975, т. 17, с. 5.

ГЛАВА V

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО
2. ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО
3. ЮВЕЛИРНОЕ РЕМЕСЛО
4. СТЕКЛОДЕЛИЕ
5. ОБРАБОТКА ДЕРЕВА, КОСТИ
И КАМНЯ
6. СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО
7. ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ КИЕВСКОГО РЕМЕСЛА

Значительное место в экономике древнего Киева занимало ремесленное производство. Это убедительно показали уже раскопки В. В. Хвойки, обнаружившего на Старокиевской и Замковой горах остатки керамических, стеклоделательных, ювелирных, костерезных и камнеобрабатывающих мастерских¹. О высокоразвитом киевском ремесле свидетельствовали также многочисленные находки изделий, изготовленных местными мастерами.

В 20—30-е годы нашего столетия материалы по киевскому ремеслу значительно пополнились, однако вплоть до выхода в свет работ М. К. Каргера² не было цельного представления о древнем Киеве как крупном центре ремесленного производства. Воссоздание объективной картины развития киевского ремесла было сопряжено со многими трудностями, главная из которых заключалась в хронологической нерасчлененности археологических памятников. Выявленные в разных частях центрального городского ядра остатки ремесленных мастерских датировались исследователями, как правило, X—XII вв.

Осуществив большую работу по уточнению хронологии памятников киевского ремесла, добытых раскопками В. В. Хвойки, Ф. Н. Молчановского, В. А. Богусевича, а также основываясь на наблюдениях, сделанных во время своих исследований Киева, М. К. Каргер пришел к выводу, что большая часть их и сами мастерские относятся к концу XII — первой половине XIII в.³

В результате проведенной работы по хронологическому расчленению и систематизации огромного материала, М. К. Каргер показал, что Киев был «крупнейшим ремесленным центром древней Руси», в котором успешно развивались такие ремесла, как кузнечное, ювелирное, стеклоделательное, гончарное, обработка дерева, кости и камня, кожи, ткацкое и портняжное, «книжное строение» и иконопись⁴. В изучении киевского ремесла М. К. Каргер не ограничился лишь вопросами истории техники, а затронул и некоторые аспекты его социальной организации⁵.

При всех несомненных достоинствах работы М. К. Каргера нельзя, разумеется, считать, что древнекиевское ремесло охарактеризовано в ней с исчерпывающей полнотой. Это хорошо сознавал и сам исследователь, отмечавший недостаточную археологическую изученность Киева и, главным образом, районов (Подола, Копырева конца, Гончаров и Кожемяков), заселенных преимущественно ремесленниками⁶.

Археологические исследования последних десятилетий значительно расширили круг источников для характеристики древнекиевского ремесла. Речь идет не только о большом количестве находок продукции киевских ремесленников, но и об остатках мастерских, обнаруженных в городах Владимира и Ярослава, а также на Подоле. С наибольшей полнотой новые материалы позволяют осветить такие отрасли городского производства, как кузнечное, строительное дело, стеклоделие, обработка камня, дерева и кости, ювелирное и гончарное ремесла.

¹ Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 69—73.

² Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. М., 1950; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1.

³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 373.

1. Кузнечное ремесло

Одним из важнейших ремесленных производств древнего Киева было кузнечное. Оно удовлетворяло нужды огромного города в орудиях труда, предметах вооружения, ремесленном инструментарии, домашней утвари, некоторых видах украшения и прочих металлических изделиях. К сожалению, именно эта ведущая отрасль киевского ремесла изучена наименее полно. В большом труде М. К. Каргера ей уделено всего несколько страниц⁴; в работах других исследователей Киева кузнечное производство не отмечено и таким вниманием. Причем не всегда это объясняется спецификой и трудностью его изучения. Если вопросы техники и технологии действительно требуют применения новых методов исследований, то номенклатуру железных изделий, производственный потенциал кузнечных мастерских древнего Киева можно определить и при помощи традиционных. Между тем такая работа до сих пор не была проведена. Не сведены воедино и данные археологии об остатках железообрабатывающего производства. Настоящим исследованием мы надеемся, в той мере, в какой это позволяет источник, восполнить указанный пробел в изучении кузнечного производства древнего Киева X—XIII вв. Вопросы его техники и технологии рассматриваются на основании данных металлографического анализа основных категорий орудий труда и вооружения.

Следы кузнечного производства. За всю историю археологического изучения Киева исследователям ни разу не удалось обнаружить существенных остатков древнерусской кузницы с производственным комплексом. В лучшем случае это были незначительные следы кузнечного производства, засвидетельствованные наличием в том или ином месте Киева развалов глинобитных печей и железных шлаков. Иногда исследователи пытались связывать эти находки с процессом выплавки железа, однако убедительных аргументов в пользу таких выводов, как увидим ниже, у них не было.

В Верхнем городе следы кузнечного ремесла зафиксированы всего в нескольких пунктах. В 1930 г. раскопками ВУАК на горе Детинка было обнаружено необычное жилище размерами 5×2,10 м. Основание его углублено в материк. В одном из углов находилась обычная печь, в другом — очаг, в развале которого лежали куски железных шлаков. На этом основании автор раскопок, а вслед за ним и М. К. Каргер связывали данную постройку с кузнечной мастерской. Датируется она XII в.⁵

Во время раскопок 1938—1940 гг. на территории бывшей усадьбы Михайловского монастыря, проводившихся к северу и северо-востоку от Трапезной церкви XVIII в., были обнаружены весьма значительные следы кузнечного производства. На сравнительно небольшой площади раскопов (до 500 м²) найдено 35 кусков железного шлака и около 1000 шт.

⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 369—479.

⁵ Там же, с. 479—487.

⁶ Там же, с. 370.

⁷ Там же, с. 373—375.

⁸ Там же, с. 374.

кованных гвоздей и костылей*. Слои, в которых лежали эти вещи, датируются XI—XII вв. Не исключено, что здесь мы имеем дело с кузницей-гвоздильней, обслуживавшей большое монастырское строительство, ведшееся во второй половине XI — начале XII в.

В одной из построек, раскопанных М. К. Каргером по ул. Большая Житомирская в 1946 г., наряду с другими находками встретилось большое количество железных изделий, куски криц. Отсутствие следов производства не позволило усмотреть в этом сооружении кузнечную мастерскую. Автор назвал его жилищем кузнеца и датировал XII—XIII вв.⁹

В 1969 г., на северо-западном склоне Старокиевской горы (ул. Владимирская, 2), открыты остатки сооружения столбовой конструкции, размером 3×3,10 м. В центре под большим слоем угля и пепла находилась глинобитная печь диаметром 1 м, вырезанная в материке. Свод и под ее сильно разрушены. Наличие большого числа шлаков указывает на производственный характер постройки, связанной с кузнечным ремеслом. Датируется она концом X — началом XI в.

Во время раскопок 1976 г. к северу от стен бывшей Десятинной церкви, на глубине 1,2 м, обнаружено значительное скопление железных шлаков. С. Р. Килиевич, исследовавшая находку, полагает, что это следы железоделательного производства¹⁰. У нас нет полной уверенности в металлургическом происхождении этих шлаков; в лучшем случае они могут указывать на местоположение здесь кузницы.

Других сведений о местах, где были бы замечены остатки кузнечного производства в Верхнем городе, в литературе нет. Естественно, не исключена возможность их обнаружения в будущем, но они вряд ли намного увеличат приведенный перечень. Верхний город является одним из наиболее исследованных районов древнего Киева, и если бы он был местом средоточия металлообрабатывающего ремесла, следы последнего в археологических исследованиях проступали бы более явно. Исходя из соображений противопожарного характера, данное ремесленное производство должно было быть вынесено на окраину обширного посада, а возможно, и за пределы города. В этом нас убеждают археологические исследования Подола, где кузнечное ремесло представлено хотя и полнее, чем в Верхнем городе, но также далеко не достаточно. Его следы зафиксированы здесь лишь в четырех-пяти пунктах, при этом ни разу не были обнаружены остатки кузницы с орудиями производства. Такое положение объясняется, видимо, концентрацией железообрабатывающего производства в каком-либо прибрежном участке Подола, который еще не подвергался раскопкам. Раскопки велись преимущественно в его центральных районах.

Впервые следы металлообрабатывающего производства на Подоле были обнаружены В. А. Богусевичем в 1950 г. Осуществляя раскопки на территории усадьбы школы № 124, расположенной на углу улиц Героев Триполья и Волошской, исследователь обратил внимание на характерные углубления круглой формы. Их диаметр равнялся 1,5 м, дно сложено из толстого слоя глины. Заполнены были эти углубления кусками шлаков и криц, а также известняка. Вокруг находился в большом количестве древесный уголь. В. А. Богусевич склонен был видеть в углублениях с глинобитным подом остатки железоплавильных горнов¹¹. Сколько-ни-

будь надежных данных, которые бы свидетельствовали в пользу такого предположения, у автора раскопок не имелось.

С большей уверенностью можно говорить о местонахождении здесь кузницы, остатки которой прослежены в юго-западной части раскопа. Конструкция ее была простой. Большие опорные столбы поддерживали перекрытие сооружения типа навеса или сарая. В заполнении постройки находились в большом количестве шлаки, а также древесный уголь¹².

Нахождение исследованных объектов на большой глубине (4—4,5 м) и наличие среди находок керамики с манжетовидными венчиками дали основание В. А. Богусевичу датировать их IX—X вв. В настоящее время, когда культурная стратиграфия Подола изучена достаточно хорошо, такое определение не кажется нам бесспорным. Прежде всего нет оснований говорить о IX в. Его слои покоятся на значительно большей глубине, а манжетовидные венчики характерны в основном для керамики X в. В качестве пережитка встречаются они и в начале XI в. Думается, что именно этим временем и следует датировать остатки кузнечного производства.

В 1956 г. в этом районе были сделаны новые интересные находки, свидетельствующие о концентрации значительного ремесленного производства. При обследовании котлована по ул. Волошской, 20 в одной из его стен обнаружен развал печи производственного назначения. Длина его равнялась 2 м, толщина — 1,2 м. В слое печины встречены куски окиси меди, шлаки, кусочки оплавленной смальты и эмали. Рядом с остатками печи обнаружено скопление железных шлаков¹³. Все эти находки, вероятно, указывают на местонахождение здесь металлообрабатывающей мастерской или мастерских.

В 50-е годы, во время больших земляных работ по ул. Межигорской, 42, в слое X—XI вв. неоднократно встречались железные шлаки. В стороне от них удалось расчистить часть деревянного сооружения, возможно, кузницы, в заполнении которого находились: светильник, кухонная керамика, железные шлаки, фрагментированные и сильно корродированные железные изделия¹⁴.

Следующая находка, связанная с кузнечным производством, встретилась во время раскопок 1976 г. в районе пересечения ул. Верхний Вал с котлованом метростроя. В слое XII—XIII вв. зафиксировано большое количество железных шлаков, а также фрагменты глинобитного горна с оплакованными стенками. Авторы краткой публикации материалов раскопок склонны видеть здесь развал железоплавильной печи¹⁵, однако ближе к истине предположение, что это остатки кузнечного горна.

* Материалы хранятся в фондах Государственного исторического музея Украинской ССР.

⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 337—340, 374.

¹⁰ Кулиевич С. Р. Раскопки у Десятинной церкви.— АО за 1976 г. М., 1977, с. 302.

¹¹ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р.— Археологія, 1954, т. 9, с. 45.

¹² Там же, с. 45.

¹³ Толочко П. П. До топографії древнього Києва.— Археологія, 1965, т. 18, с. 18.

¹⁴ Там же, с. 20.

¹⁵ Гуцало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А., Зоценко В. Н. Исследования Киевского Подола.— АО 1976 г., с. 286.

Вопрос о том, с каким производством следует связывать скопления шлаков и горновых стенок, обнаруживаемых на территории древнерусских городов, неоднократно поднимался в археологической литературе. Наиболее правильное его решение предложено Б. А. Колчиним. Отдельные находки шлака, по его мнению, едва ли могут свидетельствовать о металлургическом производстве в данном месте, ибо стационарные древнерусские сыродутные печи при выплавке железа после многократной, а иногда многолетней эксплуатации оставляли огромное скопление шлаков. Шлаки в культурном слое города или городища вероятнее считать отходом работы кузницы¹⁶.

Нет сомнения, что Киев получал готовое железо из сельской округи. Во время археологических разведок, осуществленных в пойме рек Ирпеня и Тетерева, было зафиксировано множество небольших древнерусских поселений, одной из наиболее характерных находок на которых являлись железные шлаки¹⁷. Раскопки некоторых из них, в частности группы поселений у с. Лалутьки Чернобыльского района Киевской области, подтвердили их производственный характер. В культурном слое, а также в заполнениях ям в большом количестве находились куски железных шлаков, оплакованные стенки горнов, руда. Эти небольшие поселения в пойме Тетерева, располагавшиеся на цепочке песчаных всхолмлений левого берега реки, были сезонными производственными поселками, где крестьяне занимались выплавкой железа из болотных руд¹⁸. Таких поселков вокруг Киева было много, и большая часть их продукции, вероятно, поступала в столицу Руси.

В обобщающем труде по древнерусской металлургии и металлообработке Б. А. Колчин, основываясь на сведениях писцовых книг XV—XVI вв., пришел к выводу, что металлодобывающая промышленность в Древней Руси являлась деревенским промыслом, сохранявшим общинный характер¹⁹. Значит ли это, что древнерусские города, в том числе и Киев, осуществляли связь с металлургией только посредством рынка или отчуждения продукции общинных домников в пользу феодалов? Видимо, нет. Выплавкой железа занимались также и вотчинные ремесленники, проживавшие в сельской местности, но поставлявшие продукцию княжеским и боярским мастерским в городских центрах. Для Киева, являвшегося крупнейшим средоточием феодальной знати, которая владела обширными земельными угодьями и зависимым населением, такой («вотчинный») источник поступления железа мог быть весьма значительным.

Номенклатура изделий. Б. А. Колчин, на основании изучения археологического материала X—XII вв., хранящегося в музейных коллекциях, составил список изделий из черного металла, включивший 150 наименований²⁰. Можно предположить, что в Киеве — крупнейшем ремесленном центре страны — производились все основные изделия из железа и стали. Находки железных предметов являются одними из массовых при раскопках города, однако сохранность их, как правило, плохая. Часто по оставшимся коррозированным фрагментам невозможно определить, что же это было за изделие. Наихудшей сохранностью железа отличается Подол, где даже топоры превращаются в сплошную коррозированную массу. Лишь в отдельных случаях удавалось найти железные изделия в относительно хорошем состоянии. Так, в жилище «художника», исследованном на тер-

ритории усадьбы Михайловского монастыря, обнаружено: три трубчатых замка, два ключа, большое количество кованых гвоздей, скоба, петля, кресало, нож, железная сковородка, топор, сверло, скобель, резец для токарного станка, обоюдострая кирка²¹. В жилище по ул. Большая Житомирская, 4 встречено: две косы, серп, безмен, замок, цепь от конских пут, долото, сверло, несколько ножей, стрелы²². В жилище, раскопанном в усадьбе № 2 по ул. Десятинной, находилось: четыре трубчатых замка, четыре ключа, несколько ножей, дверные крючки, петли с кольцами, дужка от ведра, большое количество гвоздей и костылей, прорезная пластина, гирия от весов и др.²³ Все три жилища датируются XII в.

Коллекция предметов из черного металла, собранная за годы археологического изучения города, несмотря на плохую сохранность, все же дает достаточно четкое представление о номенклатуре кузнечных изделий древнего Киева. В ней представлены материалы, позволяющие выделить те же шесть групп, по которым распределил кузнечные изделия всей Руси Б. А. Колчин²⁴. Это орудия труда, ремесленные инструменты, оружие, домашняя утварь, конская сбруя, принадлежности костюма и украшения.

Ниже помещена таблица, отражающая находки изделий из черного металла внутри каждой группы. Составлена она на основании данных раскопок 1911, 1914, 1925—1928, 1932, 1936—1940, 1946, 1950, 1955, 1965—1976 гг. Материалы из раскопок экспедиции М. К. Каргера, а также из могильников учтены по публикациям. Необходимо оговориться, что таблица не может дать полного представления о действительном количестве кузнечных изделий, обнаруженных за весь период археологического изучения Киева. Во-первых, не по всем годам сохранились коллекции или инвентарь, а во-вторых, назначение многих предметов не удалось определить в связи с их плохой сохранностью. Неопознанных вещей насчитывается до 1500.

Таким образом, коллекция железных изделий, сохранность которых позволила определять их функциональное назначение, насчитывает более 5 тыс. экземпляров.

Технология кузнечного производства. Для комплексного технологического изучения кузнечных изделий отобрано 57 образцов: орудия труда, предметы вооружения, полуфабрикаты. Большую часть коллекции составляют вещи, обнаруженные раскопками Киевской археологической экспедиции в 1965—1977 гг. Они происходят: из культурного слоя в жилище X — начала XI в. на Старокиевской горе; жертвенного зольника X в. на

¹⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, № 32, с. 198—199.

¹⁷ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев, 1980, с. 163.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 200.

²⁰ Там же, с. 18, 195.

²¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 313—314.

²² Там же, с. 339.

²³ Кілівоич С. Р. Розкопки великого Ярославового двору в Києві.— Археологія, 1977, т. 21, с. 99.

²⁴ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 18.

Находки изделий из черного металла из раскопок 1911, 1914, 1925—1928, 1936—1940, 1946, 1950, 1965—1976 гг.

Наименование	Количество	Наименование	Количество
<i>I. Орудия труда сельского хозяйства и промыслов</i>		Наконечники ножен	3
Ножи	350	Всего 378	
Ножницы	10	<i>IV. Конская сбруя</i>	
Косы	5	Стремена	16
Серпы	5	Пути с цепями	2
Лопаты	14	Шпоры	12
Кирки	5	Бубенчики	12
Топоры	22	Удила	13
Мотыги	3	Подковы	90
Подпятники	1	Треугольники	2
Рыболовные крючки	42	Всего 147	
Пешни	2	<i>V. Домашняя утварь</i>	
Блесны	1	Замки трубчатые	115
Всего 460		Ключи	60
<i>II. Ремесленные инструменты</i>		Скобы	41
Долота	11	Крючки дверные	10
Пробойники	4	Петли дверные	10
Сверла	6	Щеколды дверные	40
Клещи	2	Ручки дверные	2
Зубила	4	Завесы	4
Наковальни	2	Кресала	29
Молотки кузнечные	2	Дужки ведер	45
Ложжари	2	Ушки ведер	2
Струги	7	Обручи от ведер	10
Скобели	2	Кольца	66
Напильники	2	Пробки дверные	2
Пилы	1	Гвозди	3300
Молотки ювелирные	1	Костыли	20
Пинцеты	1	Прорезные бляхи	100
Тесла по дереву	2	Весы типа безмен	3
Всего 49		Гири	16
<i>III. Оружие</i>		Сковородки	3
Шлемы	5	Цепи различного назначения	11
Кольчуги	4	Оковки сундуков, ларцев	21
Мечи	22	Оковки дверные	2
Сабли	4	Иглы	5
Копья	25	Шилья	1
Кинжалы	3	Ковши	2
Дроты	10	Писала	6
Стрелы	290	Всего 3928	
Боевые топоры	1	<i>VI. Принадлежности костюма и украшения</i>	
Засапожники	1	Пряжки поясные	60
Кистени	2	Пуговицы	2
Оковки колчанов	4	Крестяки	1
Оковки щитов	1	Браслеты	2
Умбоны	1	Подковы сапожные	75
Боевые булавы	2	Гвозди сапожные	50
		Всего 190	

территории усадьбы № 3 по ул. Владимирской; погребения дружинника X в. в усадьбе № 2 по ул. Десятинной; культурного слоя XI—XIII вв. на территории усадьбы № 5 по Десятинному пер.; культурного слоя и жилищ XI—XIII вв. по ул. Рейтарской, 33; жилища X в., исследованного на Подоле (территория Житного рынка). Несколько железных изделий относятся к числу так называемых случайных находок. Среди них: два долота, встретившиеся в культурных слоях Подола XI—XIII вв. (Покровская церковь и ул. Щекавицкая), древнерусский меч, извлеченный буром из песчаных напластований Подола.

Восемнадцать железных предметов отобрано из коллекций, хранящихся в фондах Государственного исторического музея УССР. Найлены они в пределах бывших усадеб Десятинной церкви, Трубецких (ул. Владимирская, 3), Михайловского монастыря в 1936—1949 гг. Ассортимент изделий разнообразен, но датированы они, к сожалению, слишком широко. В инвентарных книгах музея против каждой из отобранных нами вещей в графе «время» значится XI—XIII вв.

Все железные изделия коллекции разделены по их функциональному назначению на несколько групп. Каждый исследованный предмет получил порядковый номер анализа согласно лабораторной регистрационной книге. Соответствующий археологический паспорт дан в приложении.

Наибольшую группу железных изделий составляют хозяйственные ножи (31 экземпляр). Технология их изготовления представлена семью вариантами (схемами).

118

Простейшая технологическая схема изготовления ножа — цельножелезный или цельностальной клинок. Семь ножей (анализы 781, 785, 789, 1119, 1136, 1137, 1138) имеют клинки, откованные целиком из кричного железа со следами неравномерной науглероженности. Цельностальные закаленные клинки обнаружены у десяти ножей (анализы 790, 792, 795, 796, 1122, 1125, 1127, 1129, 1130, 1132). Один из них имел цельностальной клинок, термически не обработанный (анализ 1126).

Сварка клинка ножа из двух полос — железной и стальной — с выходом стальной полосы на лезвие — довольно архаичная технологическая схема, хорошо известная в раннеславянском кузнечном ремесле, — встречается дважды (анализы 728 и 1131). Оба ножа закалены.

Классическую древнерусскую технологию изготовления трехслойного ножа (в центре клинка с выходом на лезвие идет полоса высокоуглеродистой стали, по бокам ее — полосы железа) представляют три экземпляра (анализы 787, 791, 794). У всех из них клинки закалены.

122

Более сложную технологию многослойных ножей мы наблюдаем на пятислойном клинке (анализ 783) — в середине идет полоса высокоуглеродистой стали, по бокам ее расположены железные полосы, к которым внов примыкают полосы стали. Нож закален.

Самая сложная технология изготовления ножа зафиксирована на пятислойном клинке (анализ 793), имеющем сварное высокоуглеродистое стальное лезвие в центральной стальной полосе. Нож закален.

118

Наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей термообработкой (закалкой) ножа обнаружена на четырех экземплярах (анализы 788, 1117, 1120, 1128). У ножа (анализ 1117) стальная наварка занимает $\frac{2}{3}$ высоты клинка.

273

Ножниц исследовано четыре экземпляра, все они относятся к типу пружинных. Технология их изготовления реконструируется следующим образом.

В одном случае (анализ 780) расположение науглероженного слоя на острие лезвия ножниц (без следов наварки) позволяет предположить сквозную цементацию лезвий или полосы-заготовки, из которой они откованы. Характер микроструктуры и микротвердость свидетельствуют о закалке лезвий.

Исследование ножниц (анализы 786, 1150) обнаружило, что лезвия их откованы из кричного железа. Возможно, что они имели стальные наварные лезвия, утраченные в процессе эксплуатации.

При изготовлении ножниц (анализ 1115) применялась также сварка клинка из двух полос металла — железной и стальной — с выходом стальной полосы на лезвие. Лезвия ножниц закалены.

119 Из деревообрабатывающих инструментов технологическому изучению подвергнуты четыре долота (анализы 1123, 1124, 1133, 1134). Два из них найдены на Подоле — одно (анализ 1124) в слое XI—XII вв., другое (анализ 1123) — в слое XII — начала XIII в. Технологическая схема изготовления этих долот одинаковая — поверхностная односторонняя цементация лезвия инструментов с последующей закалкой. Условия цементационного процесса при изготовлении этих изделий несколько отличались. В одном случае (анализ 1123) мы имеем сильную, резкую и неглубокую цементацию, в другом (анализ 1124) — глубокую цементацию невысокой степени науглероживания.

Долото (анализ 1133) отковано из заготовки пакетной (слоистой) стали с неравномерным распределением и содержанием углерода. Лезвие долота подвергнуто мягкой закалке. Долото (анализ 1134) изготовлено по технологической схеме, которая наиболее употребительна для этих инструментов в древнерусской кузнечной технике — путем наварки высокоуглеродистого стального лезвия на железную основу изделия с последующей его закалкой.

Два изученных сверла относятся к разным типам сверл. Одно — спиралевидное (анализ 1146) — отковано из равномерно науглероженной стали и закалено. Другое — перовидное (анализ 1145) — также отковано целиком из мягкой стали, термообработано не было.

Ложкарь (анализ 779) был откован целиком из высокоуглеродистой стали хорошего качества. Повышенная микротвердость перлитной структуры, возможно, указывает на то, что изделие подвергалось тепловой обработке.

К группе деревообрабатывающих инструментов относится также плотничный топор (анализ 1114). Микроструктурное его изучение показало, что он был откован из неравномерно науглероженной стали. Лезвие топора подвергнуто глубокой (сплошной) цементации и закалено.

Из инструментов по обработке металла исследовано слесарное зубило (анализ 1149). Отковано оно из высококачественной стали, лезвие дополнительно цементировано и подвергнуто резкой закалке (закалка с очень большой скоростью охлаждения).

274 Сельскохозяйственные орудия труда представлены одним экземпляром косы-горбуши (анализ 1112). Технологическая схема изготовления

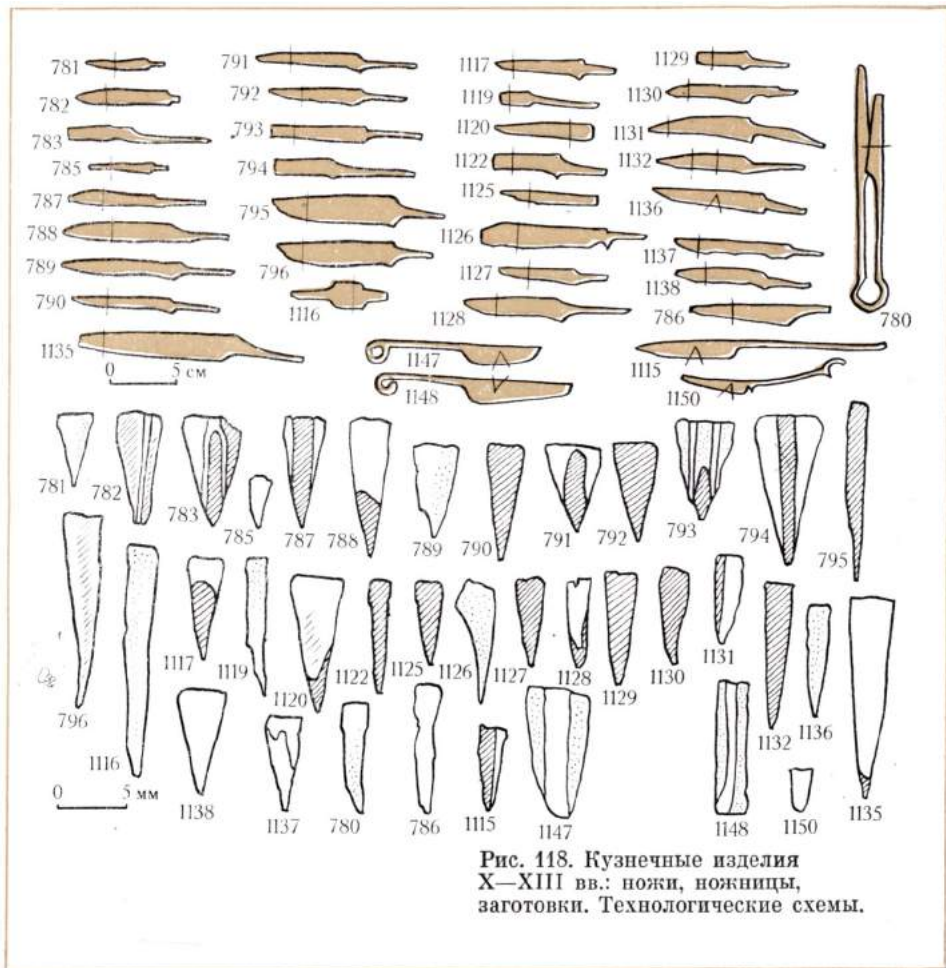

Рис. 118. Кузнечные изделия X—XIII вв.: ножи, ножницы, заготовки. Технологические схемы.

ее — наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей закалкой. 120

Относительно большую группу составляют предметы вооружения. В нее входят: меч (анализ 1151), боевой нож (анализ 1153), боевой топорик (анализ 1152), наконечник копья (анализ 1113), наконечник дротика (анализ 1144) и несколько наконечников стрел разных типов (анализы 784, 1139, 1140, 1141, 1142, 1143). 121

Меч, прекрасной сохранности, имеет общую длину около 93 см. Навершие и перекрестие рукояти инкрустированы золотой проволокой. Клинок откован целиком из стали с неравномерным содержанием и распределением углерода (от 0,2 до 0,7—0,8%). Упорядоченное расположение зон с повышенным содержанием углерода на шлифе позволяет предположить, что исходный материал — полосовое железо — был подвергнут на- 275

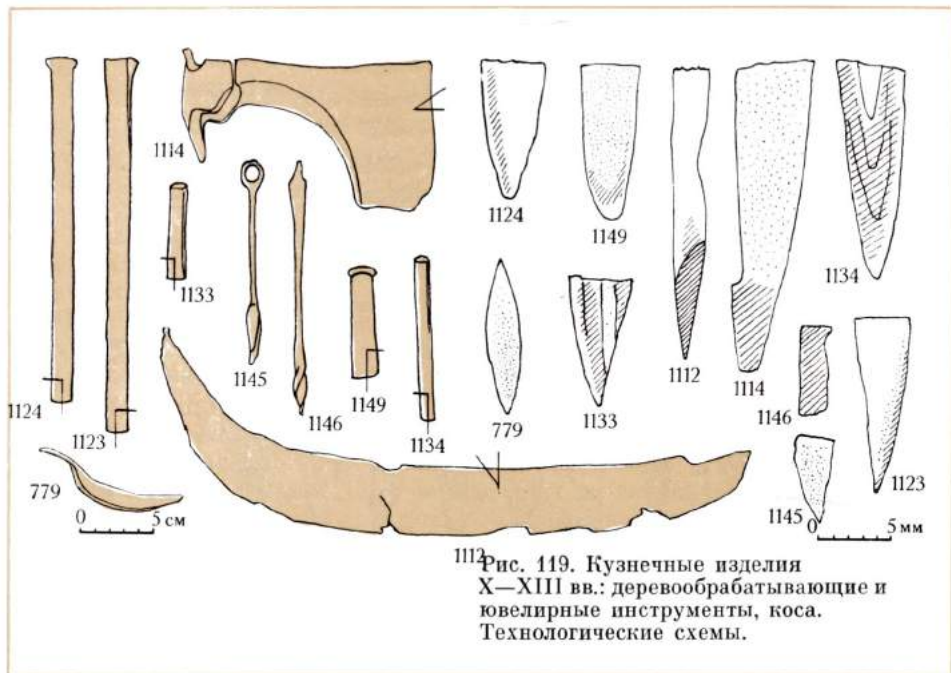

Рис. 119. Кузнечные изделия X—XIII вв.: деревообрабатывающие и ювелирные инструменты, коса. Технологические схемы.

углероживанию (цементации). Микроструктура металла свидетельствует, что сталь, из которой откован меч,— высокого качества, и кузнечные работы по отковке клинка проведены с большим мастерством.

120

Боевой нож, откованный из кричного железа, имел лезвие, которое было цементировано насквозь и затем термообработано (первоначальный характер термообработки не сохранился).

Боевой топорик, найденный, как и боевой нож, в жилище X в. на Подоле, откован из заготовки, насквозь цементированной с того конца, из которого предполагалось формировать лезвие. Следов термообработки не сохранилось. Содержание углерода на острие лезвия — 0,8—0,9%.

Наконечник копья откован из кричного железа невысокого качества (сильно загрязненного шлаковыми включениями); на колющие грани пера копья наварены стальные лезвия. Сталь среднеуглеродистая, хорошего качества. Наконечник дротика откован из хорошего качества мягкой, малоуглеродистой стали.

Разные типы наконечников стрел по технологии изготовления почти не отличаются друг от друга. Все они откованы из кричного железа невысокого качества (анализы 1139, 1140, 1141, 1142) или из мягкой малоуглеродистой стали (анализы 784, 1143). В технологическом отношении наиболее сложен двушипный втульчатый наконечник стрелы (анализ 784), откованный из мягкой стали. Шипы, образующие перо наконечника, приварены к стержню, противоположный конец которого раскован и свернут во втулку.

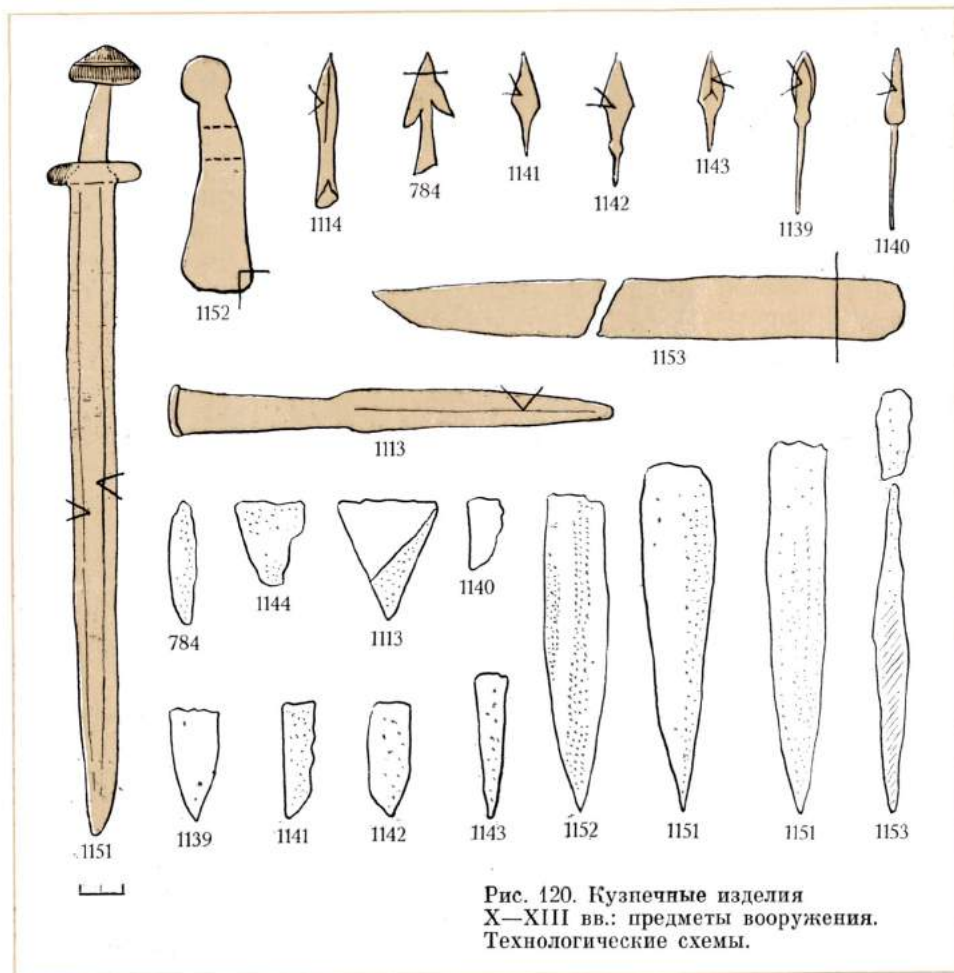

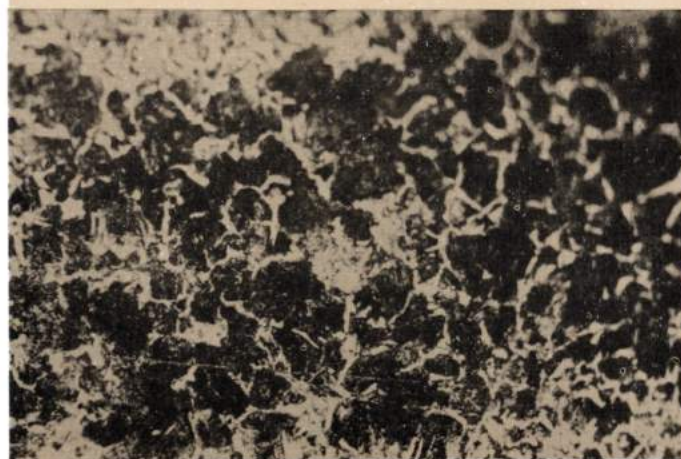
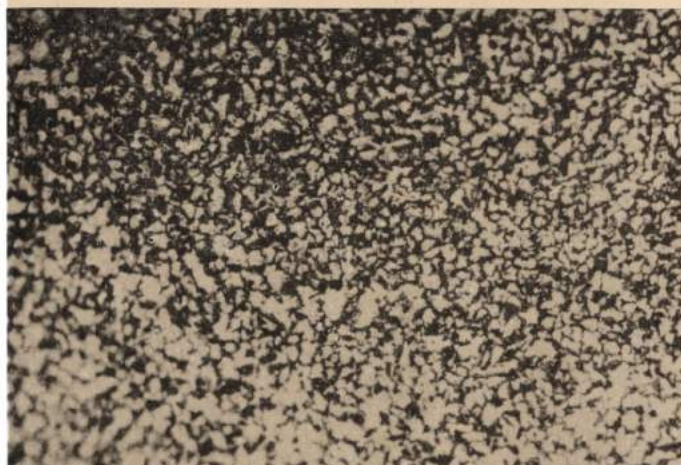
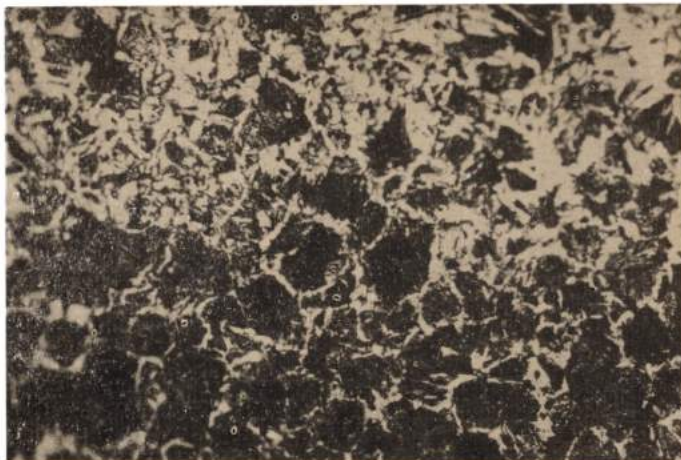
Рис. 120. Кузнечные изделия
X—XIII вв.: предметы вооружения.
Технологические схемы.

Особую группу в исследованной нами коллекции составляют три предмета неопределенного назначения. Один из них (анализ 1116) — нож(?) — откован целиком из стали. Высокое содержание углерода и упорядоченное расположение науглероженных зон позволяют предположить, что изделие отковано из цементированной заготовки. Технология изготовления примечательна тем, что предмет был обмеднен. Следы обмеднения (визуально и под микроскопом) обнаружены на основании черенка и на поверхности клинка.

Два других предмета (анализы 1147, 1148), идентичных по форме, напоминают нож с тупым лезвием и рукояткой, загнутой в кольцо. Микроструктура «клинков» представляет собою пакетный (слоистый) металл — полосы железа и мягкой стали. Металл хорошего качества; целесообразности в расположении слоев не отмечено. По-видимому, в этих

Рис. 121.
Феррито-перлитные
структуры
поперечных сечений
меча XI в. Ан. 1151.
Ув. 200.

предметах можно видеть товарную форму полуфабриката, которому для удобства хранения, транспортировки, а также переработки в наиболее универсальный и необходимый инструмент — нож — придана именно такая форма.

Находки заготовок-полуфабрикатов разной формы являются свидетельством развития торговли железом. Хорошо известны находки товарного полуфабриката железа в виде железных стержней из раскопок на городище Зимно²⁵; специальные исследования Р. Плейнера посвящены находкам заготовок-полуфабрикатов в виде топоров (Axtbaegen) на территории Великоморавии²⁶. Автор подчеркивает, что железо на славянских землях было не только предметом, но и средством торговли, всеобщим эквивалентом стоимости. Подобное явление в европейских древностях (а для других металлов и в неевропейских культурах) совсем не единичное. Например, существование металлического полуфабриката в виде медного стержня с утолщением на конце, имитирующего форму украшения, широко распространенного среди земледельческих племен Ближнего Востока, отмечено при изучении металла анауских племен Юго-Восточной Туркмении. Автор исследований считает, что такие стержни-слитки могли служить единицей обмена²⁷.

Многие виды железного полуфабриката были объектом металлографических исследований: упомянутые уже Axtbaegen, железные стержни (sigvencuvars) латенского и римского времени с Британских островов²⁸, заготовки в виде веретен (spitzbaegen) и мечей позднегальштаттского и латенского времени в кельтских древностях²⁹.

Все это убеждает нас в том, что «ножи» с тупым лезвием и рукояткой, загнутой в кольцо, часто встречающиеся среди кузнечных изделий древнего Киева, можно рассматривать как определенную торговую форму железного полуфабриката.

Уровень развития кузнечного производства. Выводы, полученные в результате технологического исследования, в известной степени носят предварительный характер, так как изученная коллекция кузнечных изделий древнего Киева невелика в количественном отношении и, разумеется, далеко не охватывает ассортимента качественных кузнечных изделий большого древнерусского города. И все же некоторые итоги можно подвести уже сейчас.

Пять ножей из комплексов X—XI вв. на Старокиевской горе представляют технически целесообразную, сложную и трудоемкую, совершенную по исполнению технологию многослойных клинков. Наиболее известна по древнерусским материалам технология трехслойного клинка, редко встречаются пятислойные ножи³⁰, и пока уникален экземпляр из раскопок в Киеве, являющийся пятислойным клинком с сварным

²⁵ *Aulix B. B.* Зимнівське городище. К., 1972, с. 44.

²⁶ *Pleiner R.* Slovanské sekerovité hřevny.— *Slovenska archeológia*, 1961, 9.

²⁷ *Терехова Н. Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 35—37.

²⁸ *Tylecote R. F.* Metallurgy in archaeology. London, 1962, p. 206.

²⁹ *France-Lanord A.* Les lingots de fer protohistoriques. *Revue d'histoire de la Siderurgie*. Nancy, 1963, V. IV, p. 400.

³⁰ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— *МИА*, 1959, № 65, с. 52.

Рис. 122. Микроструктуры кузнечных изделий:

1 — Ан. 791, нож, трехслойное лезвие. УВ. 70.

2 — Ан. 793, нож, вварка стального лезвия.

УВ. 70; 3 — Ан. 1112, коса, сварочный шов. УВ. 200; 4 — Ан. 1114, топор, перлит сорбитообразный с ферритом. УВ. 200; 5 — Ан. 1149, зубило, лезвие, мартенсит с трооститом УВ. 200; 6 — Ан. 1149, зубило, острие лезвия, мелкоотлечатый мартенсит. УВ. 200.

стальным высокоуглеродистым лезвием. Все многослойные ножи свидетельствуют, что техникой сварки мягкого железа и высокоуглеродистой твердой стали древнекиевские кузнецы владели в совершенстве. Изготовление подобных изделий включает в себе столько профессиональных сложностей, что оно под силу только высококвалифицированному мастеру. Известно, что многослойные клинки изготавливались городскими ремесленниками в X—XI вв., а в самом начале XII в. эта сложнейшая технология вытесняется более легкой техникой наварки стального лезвия³¹. Б. А. Колчин считает, что тонко разработанная многослойная технология ножей использовалась кузнецами-ножевищиками тогда, когда ремесленник работал, в основном, на заказ для небольшого круга потребителей и экономически не зависел целиком от производительности своего ремесла³².

Не исключено, что многослойные ножи, являющиеся дорогостоящими кузнечными изделиями, изготовлены в вотчинных мастерских, которые работали по заказу и обслуживали прежде всего потребности княжеского или боярского хозяйства. Исследуя проблему вотчинного ремесла в древнерусском городе, Б. А. Рыбаков отмечал, что в «...техническом отношении придворное ремесло киевских князей стояло очень высоко, оправдывая ту высокую норму штрафа, которую Русская Правда устанавливает за убийство ремесленников»³³.

Работая в княжеских и боярских усадьбах или больших селах при них, вотчинные ремесленники не были совершенно изолированы от рынка. Часть их продукции, несомненно, шла на продажу. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что высококачественные многослойные изделия встречаются не только при раскопках городов, феодальных замков, но и городищ, поселений, курганов.

С развитием древнерусской экономики, ростом городского посадского ремесла и расширением его рынка сбыта, требующего массовой и дешевой продукции, упрощается технология изготовления качественных кузнечных изделий.

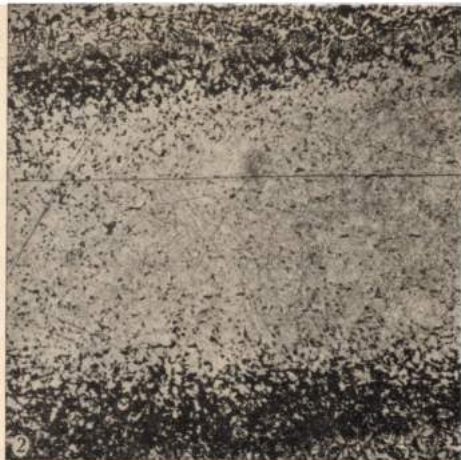
Основной технологический прием в городском кузнечном ремесле Древней Руси XII—XIII вв. — наварка стального лезвия на железную основу изделия. Среди изученных нами предметов в такой технике изготовлены пять хозяйственных ножей (анализы 788, 1117, 1120, 1128, 1135), наконечник копья (анализ 1113), коса (анализ 1112), долото (анализ 1134). Все изделия, за исключением копья, были закалены. Следует отметить, что у ножей (анализы 788, 1117) стальная наваренная часть лезвий была очень массивной — соответственно занимала более $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ сечения клинка. Массивная стальная наварка, по наблюдениям

³¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, с. 50—52.

³² Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, с. 81.

³³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 497.

Б. А. Колчина, характерна для ножей XII — первой половины XIII в. К концу XIII в. она становится все меньше и меньше, пока стальное острие не наваривается тонкой пластинкой на одну из сторон клинка.

Наконечник кося (анализ 1113) также откован с использованием наварки стальных лезвий на железную основу пера. Этот конструктивный прием достаточно распространен среди древнерусских копий. Из 25 наконечников, копий, исследованных Б. А. Колчиным и относящихся к X—XI вв., пять экземпляров имели стальные наварные лезвия.

Три предмета из коллекции (два ножа и ножницы) откованы также с активным использованием сварки железа и стали: на железную основу клинка по всей длине с одной стороны наваривалась стальная полоса с выходом на лезвие. Техника двухполосой сварки довольно архаична, часто встречается в кузнечных изделиях славянских памятников I тыс. н. э., наблюдается она в древнерусском кузнечном производстве, в изделиях средневековой Латвии и Литвы³⁴.

Наиболее древний способ упрочнения рабочих частей орудий в кузнечном производстве — цементация. В древнерусской кузнечной технике она использовалась для создания сталистой поверхности на рабочих частях железных орудий труда и оружия, иногда для дополнительного науглероживания наваренных стальных лезвий³⁵. В техническом отношении цементация изделия вела к тем же результатам, что и наварка стальных лезвий. Технологически этот прием более простой по сравнению с наваркой, но трудоемкий и непроизводительный. Поэтому в специализированном городском кузнечном ремесле, рассчитанном на широкий сбыт продукции, цементация использовалась нечасто. По данным Б. А. Колчина, среди исследованных им 214 древнерусских изделий цементированных было всего 12³⁶. Цементировались различные категории изделий: ножи, шилья, иголки, ножницы, тесла, долота, токарные резцы, серпы, мечи, кося, стрелы, напильники, зубья рыболовных крючков. Б. А. Колчин обнаружил кузнечные изделия, выполненные в этой технологии, в коллекциях Новгорода, Старой Рязани, Княжей горы, Райковецкого городища. Цементированное оружие (мечи и кося) встречено в Приладожских и Михайловских курганах³⁷, кузнечные изделия — в древнерусских городах Любече³⁸, Белгороде³⁹, Волковыске⁴⁰, Белоозере⁴¹, Сажках⁴².

Среди исследованных кузнечных изделий древнего Киева семь имели цементированную часть, что составляет 12% коллекции. Это ножницы (анализ 780), топор (анализ 1114), два долота (анализы 1123, 1124), зубило (анализ 1149), боевой топорик (анализ 1152), боевой нож (анализ 1153). Все изделия, кроме боевого топорика, сохранили тепловую обработку (закалку).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что специализированные кузнецы древнего Новгорода такие виды изделий, как ножницы, долота, топоры, зубила, с X по XV в. изготавливали, за редким исключением, только по одной технологической схеме — путем наварки высокоуглеродистого стального лезвия на железную основу. Цементировались лишь такие железные изделия, которые иным способом упрочнить было невозможно: напильники, крупные иглы, шилья, зубья рыболовных крючков⁴³. Б. А. Колчин установил, что в новгородской земле цементированные кузнечные изделия составляют 4%, тогда как на Киевщине — 9%⁴⁴.

Киевская коллекция дала еще более высокий процент (12%) цементированных кузнечных изделий. Наличие в древнерусской кузнечной продукции цементированных изделий, более частое использование этого технологического приема кузнецами Киевщины в домонгольский период, по-видимому, свидетельствует о сохранении древней и прочной технологической традиции в местном кузнечном производстве. Возможно, что дальнейшие исследования позволят считать ее особенностью кузнечного ремесла южнорусских земель в домонгольский период.

Использование цементации железных изделий не является характерным приемом древнерусского городского специализированного ремесла, работающего на широкий рынок, производящего массовую продукцию. Наличие среди древнекиевской кузнечной продукции значительного процента высококачественных инструментов и предметов вооружения, выполненных с использованием трудоемкой операции науглероживания лезвий, наводит на мысль о том, что эти изделия также могли быть сделаны в небольшом количестве для конкретного заказчика.

Таким образом, наши наблюдения позволяют высказать предположение, что в древнем Киеве кузнечное ремесло в техническом отношении тяготеет к использованию старых, традиционных способов производства, которые предполагают сохранение вотчинных мастерских, работающих, в основном, на заказ.

В древнем Новгороде наблюдается более подвижная технология в кузнечном деле, направленная на постоянный рост массового производства для широкого рынка сбыта, несмотря на то, что ремесленники также работали, в основном, в боярских вотчинах.

Возвращаясь к киевской коллекции, заметим, что среди кузнечных изделий много цельносталевых — более $1/3$ их общего количества. Среди

³⁴ Вознесенская Г. А. Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников.— КСИА АН СССР, 1967, № 110, с. 125; Вознесенская Г. А. Техника кузнечного производства восточных славян VIII—X вв.— СА, 1979, № 2, с. 70—76; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло в Новгороде Великом. с. 71; Гонак В. Д. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. в. э.— СА, 1976, № 2, с. 50; Станкус И. История технологии производства железных изделий на территории Литвы во II—XIII вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. Вильнюс, 1971.

³⁵ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, с. 171.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 211—250.

³⁸ Вознесенская Г. А. Стальные ножи древнего Любеча.— КСИА АН СССР, 1965, № 104, с. 145—149.

³⁹ Мезенцева Г. Г., Гонак В. Д. Залізні вироби з стародавнього Білгорода.— Археологія, 1974, № 14, с. 73—81.

⁴⁰ Кадников С. А., Купченко Г. В., Зверуго Я. Г. Железные изделия древнего Волковыска. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 177—182; Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Металлографическое изучение кузнечных изделий древнего Волковыска.— Беларускія старажытнасці, 1972, с. 177—184.

⁴¹ Из подготовленных к печати материалов Г. А. Вознесенской.

⁴² Гонак В. Д., Хавлюк П. І. Про технологію обробки заліза в уличів.— Археологія, 1973, т. 12, с. 33—40.

⁴³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло в Новгороде Великом, с. 64, 77;

⁴⁴ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, с. 218—219.

⁴⁵ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, с. 186.

них и такие виды кузнечной продукции, как хозяйственные ножи, сверла, которые кузнецами древнего Новгорода почти всегда изготовлялись с использованием стальной наварки лезвий. Из цельностальных изделий изученной нами коллекции интересен один предмет, к сожалению, функционально неопределенный (анализ 1116). В его производстве использована технология покрытия цветным металлом. Древнерусскими ремесленниками широко применялось обмеднение замков, различных бытовых предметов⁴⁵, встречается обмеднение ножей⁴⁶.

Нередки среди древнекиевской продукции предметы, откованные целиком из железа. Возможно, что какая-то их часть в процессе эксплуатации утратила стальное наварное лезвие, но часть из них, несомненно, представляет собой дешевую кузнечную продукцию. На это обстоятельство обратил внимание и В. Д. Гошак, исследуя серии кузнечных изделий из южнорусских центров⁴⁷.

Основные технологические операции и закономерность их применения в древнерусском кузнечном ремесле, согласно Б. А. Колчину, территориально распределяются довольно однородно⁴⁸. Но накопление аналитического материала, по всей видимости, позволит все же наметить некоторые особенности в технике и социальной организации кузнечного производства различных древнерусских земель*.

2. Гончарное дело

123,
125,
128

Керамические изделия являются наиболее массовой продукцией киевского ремесла. Разнообразен и их ассортимент. Это горшки, миски, кувшины, корчаги, амфорки киевского типа, голосники, светильники, облицовочные поливные плитки, писанки, мелкая пластика. Их изучение позволяет выяснить уровень керамического производства, его место в экономике Киева, основные этапы развития.

К сожалению, до сих пор не выявлен гончарный район древнего Киева. Раскопками предыдущих лет найден лишь один горв в усадьбе Софийского заповедника⁴⁹. М. К. Каргер высказал предположение, что сохранившееся доныне урочище «Гончары» (сейчас ул. Гончарная), возникло в глубокой древности. Естественным было ожидать, что именно здесь в древнерусское время и сосредоточивалось производство глиняной посуды. Раскопки 1974 г. в усадьбе № 8 по ул. Гончарной обнаружили гончарные горны только XVIII в., однако это не значит, что в будущем здесь не будут найдены древнерусские горны. Определенные основания

⁴⁵ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, с. 184.

⁴⁶ Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске.— СА, 1973, № 2, с. 216—224.

⁴⁷ Меженцева Г. Г., Гошак В. Д. Указ. соч., с. 80—81.

⁴⁸ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, с. 182.

* Исследование кузнечной продукции древнерусского города Серенска (земля вятичей) позволило, например, заметить такую особенность металлообработки: в домонгольский период здесь преобладают цельностальные изделия, торцовая наварка появляется лишь в первой половине XIII в., а характерной для новгородского ремесла технологии косой боковой наварки не встречено совсем.

⁴⁹ Самойловский Г. М. Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 pp.— АП УРСР, 1952, т. 3, с. 75.

Рис. 123. Кухонные горшки XIII в.

для такой надежды дают исследования склонов Старокневской горы, обращенных в сторону Гончарного оврага.

В 1967 г. здесь была обнаружена гончарная мастерская. Она состояла из двух помещений: первое — размерами $3,50 \times 4,00$ м, второе — $2,85 \times 3,10$ м. В одном из углов второго помещения находилась печь, служившая, видимо, для обжига глиняной посуды. Она представляла собой двухъярусное сооружение. Верхняя камера, округлая в плане, сложена из глины и кусков камня. Ее размеры — $1,05 \times 1,10$ м. Ниже находилась топочная камера такой же формы, но меньших размеров. Высота ее — $0,35$ м, размер пода — $0,70 \times 0,75$ м. Центр оси обеих камер не совпадал; нижняя несколько выступала в сторону предпечной ямы. Из точки в обжиговую камеру вело несколько продухов диаметром 10 — 15 см.

Недалеко от печи находилась яма овальной формы, в которой, возможно, был гончарный круг мастера. Вдоль стен помещения с печью, а также с двух сторон от нее обнаружено девять ямок от деревянных столбов, служивших конструктивной основой постройки. Их количество и размеры (диаметр от 20 до 30 см) свидетельствуют, вероятно, о том, что вдоль стен помещения были оборудованы в несколько ярусов полки для сушки продукции гончара перед тем, как загружать ее в печь. Аналогичные конструкции кустарных гончарных мастерских можно было наблюдать в селах до недавнего времени.

Большое помещение использовалось как рабочая площадка для приготовления глиняного теста, о чем говорит наличие здесь толстого слоя глины и песка.

Датируется мастерская концом X — началом XI в. Конечно, она не отражает уровня керамического производства Киева этого периода. Ее продукция вряд ли поступала на широкий рынок. Скорее всего мастерская, в которой, несомненно, работал вочинный ремесленник, обслуживала узкий круг заказчиков.

125

О наличии в древнем Киеве более мощных керамических мастерских, изготовлявших высококачественную продукцию, свидетельствуют находки различных глиняных изделий. Особый интерес в этом отношении представляет группа сосудов большой емкости, предназначавшихся для хранения зерна. Это огромных размеров горшки и корчаги. Два таких сосуда выявлены нами в жилище XIII в. по ул. Большая Житомирская, 14. Горшок по высоте достигал 48 см, а его наибольший диаметр равнялся 36 см вытянутых пропорций, венчики — массивные, посаженные на короткой цилиндрической шейке, плечики украшены линейным орнаментом. Корчага имела округлую форму, низкое и массивное горло с двумя овальными ушками и суженную придонную часть. Высота ее — 71 см, наибольший диаметр — 62 см⁵⁰.

Аналогичные корчаги встречены во время раскопок на территории бывшего Михайловского монастыря, Софийского заповедника, на Старокиевской горе и Подоле⁵¹. Несмотря на большие размеры, сосуды эти, как правило, очень тщательно сформированы и хорошо обожжены, что свидетельствует о высоком мастерстве киевских керамистов. Производство огромных корчаг приходится, в основном, на XII—XIII вв.

Одной из распространенных групп керамики, в большом количестве обнаруживаемой раскопками Киева, являются округлобокие красноглиняные амфоры с круглым дном, узким невысоким горлом и двумя массивными ручками. Большая часть их поверхности покрыта параллельными полосами, образующими рубцы. В Древней Руси этот тип сосудов назывался корчагой. Название это встречается в письменных источниках, имеется оно и на некоторых найденных археологами амфорах. В 1975 г. на Подоле удалось выявить целую амфору XI—XII вв. с процарапанной острым предметом надписью — «Мстиславля корчага».

Широко распространенное мнение о том, что амфоры-корчаги были исключительно привозными, поколеблено Б. А. Рыбаковым. На основании анализа надписи на одной из киевских корчаг, будто бы выполненной рукой мастера-гончара по сырой глине до обжига сосуда, он пришел к выводу об их местном производстве⁵².

М. К. Каргер, остановившийся на этом вопросе специально, исключил из состава доказательств, свидетельствующих о местном (киевском) производстве амфор-корчаг, надпись на изученном Б. А. Рыбаковым амфорном фрагменте. Она выполнена, как считает он, не по сырой, а по обожженной глине. Правда, на этом основании М. К. Каргер все же не

⁵⁰ Голочко П. П., Килиевич С. Р., Дяденко В. Д. Указ. соч., с. 192.

⁵¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 420—421. Еще одна корчага была найдена И. Ф. Топко́й в 1974 г. в усадьбе Софийского заповедника.

⁵² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 367—374. Речь идет о фрагменте красноглиняной амфоры с надписью: «Благодатиеша полна корчага сия».

⁵³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 424—425.

* На амфоре имеется надпись: «Доброго».

Рис. 124. Керамическая мастерская
X—XI вв. Склоны Старокиевской горы,
1967 г.

стал полностью отвергать возможность производства амфор в древнем Киеве⁵³.

Изучение фрагмента с граффити, хранящегося в Государственном историческом музее УССР, не позволяет разделить мнение М. К. Каргера о том, что надпись нанесена после обжига сосуда. Она действительно выполнена по сырой глине. Еще одна красноглиняная амфора с граффити*, нанесенном по сырой глине, обнаружена во время раскопок Киева последних лет. Как видим, русские надписи, сделанные на амфорах-корчагах до их обжига, хотя и редко, но встречаются. Однако говорят ли они об их местном производстве?

Чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос, нам пришлось обратиться за помощью к химикам. Для анализа, который выполняла кандидат технических наук М. С. Комская в химлаборатории Украинского научно-исследовательского института фарфоровой и стекольной промышленности, были отобраны образцы двух групп керамики: красноглиняной и сероглиняной. В результате исследования оказалось, что они отличаются друг от друга совершенно различными химическими характеристиками. Для наглядности приведем результат анализа.

Химический состав первого образца отличается повышенным количеством железа, кальция, магния, калия, натрия, которых в киевских гли-

**Химические характеристики
сероглиняного сосуда**

Химический состав глины	Образец № 1 красноглиняный, %	Образец № 2 сероглиняный, %
Потери при прокаливании	1,46	2,68
SiO ₂ — окись кремнезема	57,75	70,23
Al ₂ O ₃ — глинозем	20,24	21,98
Fe ₂ O ₃ — окись железа	6,64	2,61
TiO ₂ — окись титана	1	0,75
CaO — окись кальция	5,67	1,38
MgO — окись магния	2,49	0,30
Na ₂ O — окись натрия	1,84	0,21
K ₂ O — окись калия	3,79	0,70

нах, используемых в керамическом производстве, значительно меньше. Температура обжига очень высокая, водопоглощаемость незначительная. Химический состав второго образца полностью отвечает характеристикам киевских глин. Температура обжига невысокая, водопоглощаемость выше, чем первого.

Таким образом, изучение двух групп керамики древнего Киева (красноглиняной и сероглиняной) в химической лаборатории показало, что для их производства использовались не только совершенно различные источники сырья, но и различная технология.

К сожалению, сегодня еще нельзя ответить на вопрос, где находятся глины, из которых изготовлены красноглиняные корчаги и амфоры, однако импортный характер этой керамической продукции больше не должен вызывать сомнения. Она происходит из городов Северного Причерноморья, возможно Византии.

Значительным достижением киевских гончаров было производство поливной керамики — посуды, облицовочных плиток, писанок. Находки ее происходят преимущественно из территории Верхнего города; в большом количестве встречена она при раскопках киевских храмов XII в.

В 1973 г. в усадьбе № 33 по ул. Рейтарской удалось собрать более 40 фрагментов от небольших горшков, кувшинов и мисок, покрытых светло-зеленой и темно-коричневой поливой⁵⁴. Все сосуды изготовлены из белой и серой глины. Согласно исследованию Т. И. Макаровой, разносортиность глины, шедшей на изготовление поливной посуды, является показателем деятельности нескольких мастерских⁵⁵.

Ни разу при наших раскопках не встретились полихромная керамика, что свидетельствует, вероятно, об отсутствии ее местного производства.

⁵⁴ Боровський Я. С. Археологічні дослідження в «городі» Ярослава. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 98.

⁵⁵ Макарова Т. И. Поливная посуда. — САИ, 1967, вып. Е1-38, с. 53.

⁵⁶ Шелковников Б. А. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями. — СА, 1955, № 23, с. 169—182; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 446—447; Василенко В. М. Русское прикладное искусство. М., 1977, с. 350.

⁵⁷ Макарова Т. И. Указ. соч., с. 20.

Попытки доказать таковое, предпринимавшиеся Б. А. Шелковниковым и М. К. Каргером, а в последнее время В. М. Василенко⁵⁶, основаны на единственной находке фрагмента расписной чаши, обнаруженного в 1911 г. в усадьбе № 6 по ул. Большая Житомирская. Однако, как убедительно показала Т. И. Макарова, киевская полихромная чаша (блюдо) принадлежит к кругу произведений не киевского, а византийского керамического ремесла XI—XII вв.⁵⁷

Большую группу киевской поливной керамики составляют облицовочные плитки. В раскопе на усадьбе № 33 по ул. Рейтарской их найде-

Рис. 125. Корчага XIII в.
Ул. Большая Житомирская, 14,
1969 г.

но более 100. Плитки покрыты черной, желтой, коричневой и зеленой поливой. Размеры их — $10,5 \times 10,5$ при толщине — 1,5 см. Среди найденных обломков много бракованных плиток. Встречались и заготовки из белой глины, на которых еще нет поливы. Столь большое количество керамических облицовочных плиток, нахождение которых не связано с какой-либо монументальной постройкой, свидетельствует, вероятно, о том, что они употреблялись в строительстве как каменных зданий (соборов и дворцов), так и деревянных хором боярской знати.

Еще больше облицовочных декоративных плиток обнаружено во время раскопок киевской ротонды в усадьбе № 3 по ул. Владимирской. На их широкое применение в строительстве этого здания указывает, в частности, и обнаруженная с южной стороны глубокая яма, заполненная плиточным боем. Плитки покрыты зеленой, желтой и темно-коричневой поливой. Их размеры — $14,5 \times 14,5$ см при толщине 2 см. Время изготовления этих плиток определяется временем сооружения ротонды — конец XII — начало XIII в.

Интересной отраслью керамического производства Киева было изготовление различных глиняных фигурок. Это женские статуэтки, коньки, птицы. Большинство исследователей Киева — И. А. Хойновский, В. В. Хвойка и др. — относили их к древнерусскому времени. Такого же мнения придерживался и Б. А. Рыбаков, выделивший две группы глиняных скульптурок — детские игрушки и ритуальные статуэтки⁵⁸. А. М. Шовкопляс, посвятившая киевским глиняным статуэткам специальное исследование, пришла к выводу, что хранящиеся в Государственном историческом музее УССР терракоты изготовлены в XVII—XVIII вв. М. К. Каргер в целом согласился с этим, однако предостерег от «огульного отрицания факта существования глиняных терракотовых статуэток домонгольского периода»⁵⁹.

Новые раскопки показали, что глиняные статуэтки встречаются в культурных слоях и древнерусского времени, и XVII—XVIII вв. Они совершенно различны. Это хорошо заметно и по их тесту, и по характеру изображений. Две женские статуэтки, аналогичные хранящимся в Киевском историческом музее и относившиеся в свое время к числу изделий древнерусского времени, найдены нами в усадьбе № 7 по Десятинному пер., в слое XVII—XVIII вв. Вылеплены они из тщательно отмученного глиняного теста. Неплохо выполнена моделировка головки, четко обозначены головные уборы. Цвет терракот — оранжевый⁶⁰.

Совсем другие статуэтки происходят из древнерусских слоев. В 1969 г. при расчистке заполнения жилища X—XI вв. на склонах Старокиевской горы удалось выявить две глиняные скульптурки. От одной сохранилась голова (видимо, мужская), от другой, изображавшей сидящего человека, — средняя часть туловища. На последней прочерчено несколько крестов. Обе статуэтки изготовлены из серой глины.

⁵⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 355—356.

⁵⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 453.

⁶⁰ Толочко П. П., Гуцало К. М. Раскопки Киева у 1969—1970 рр. — В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 7.

⁶¹ Там же, с. 20.

Рис. 126. Керамическая статуэтка.
Десятинный пер., 5, 1978 г.

Еще одна глиняная скульптурка найдена нами в усадьбе № 38 по ул. Большая Житомирская в культурном слое XII—XIII вв. Она изображает всадника на коне. Изготовлена из серой глины и покрыта зеленовато-желтой поливой. Все налепные детали фигуры всадника, а также голова, хвост и ноги коня оказались отбитыми. Правда, сохранившаяся часть позволяет без труда реконструировать скульптурку.

Перед нами фигурка воина-всадника. В правой руке он держит в боевой готовности копье, в левой — повод коня. Кисти рук прочерчены схематично, рельефными налепами выделены ноги всадника. О наличии седла говорит утолщение в средней части спины коня и следы подпруги на его туловище⁶¹.

Прекрасная головка коня найдена в усадьбе № 8 по Кияновскому пер. в 1974 г. Выполнена она в реалистической манере и передает экспрессивное состояние лошади. Морда вскинута кверху. Ноздри расширены. Хорошо проработаны детали: уши, глаза, грива, узда. Изготовлена она, как и все предыдущие древнерусские скульптурки, из серой глины и покрыта прозрачной (светло-зеленой) поливой. Датируется XI в.

126

127

291

Еще одна группа киевской керамики неизменно вызывает исследовательский интерес. Это светильники. Впервые обратил внимание на них И. А. Хойновский в 1892 г. при раскопках территории бывшего великокняжеского двора, но назначение определил неверно. «Мисочки на стоянцах» являлись, по его мнению, сосудами для жертвоприношений⁶². А. Д. Эртель, ведший наблюдения за земляными работами в Верхнем городе и встречавший сосуды, «имеющие форму короткого и широкого бокала, поставленного на толстое донышко», писал, что они могли служить и чарками, и подсвечниками, и своего рода малороссийскими каганцами⁶³. Позже за этими сосудами прочно закрепилось название светильники «киевского типа». Так они интерпретированы и М. К. Каргером.

В большом количестве светильники обнаружены раскопками последних десятилетий, что явилось основанием для рассмотрения их в данной работе. Они найдены во время исследований Старокиевской горы 1965—1972 гг., Города Ярослава 1968—1974 гг., Города Владимира 1973—1974 гг., Подола 1972—1974 гг.

Выделяется два основных типа светильников. К первому относятся формы, представляющие собой цилиндрический стояк с полыми концами и налепными плоскими блюдами. Нижний конец стояка служил поддоном, верхний, выступавший на 3—4 см над блюдом, — местом, куда вставлялись свечи. Следовательно, светильники первого типа являются подсвечниками. Характерно, что в большинстве своем они встречаются при раскопках храмов, монастырских подворий⁶⁴. А. Д. Эртель утверждал, что в урочище «Церковщина» под Киевом были найдены подсвечники с огарками свечей. Это сообщение, воспринимавшееся долгое время скептически, видимо, заслуживает доверия.

Изготавливались подсвечники на гончарном круге из серой и белой глины. Время их появления, как можно заключить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, XI в., широкого бытования — XII—XIII вв.

Второй тип светильников представлен сосудами чаще всего в виде двух параллельных блюдец диаметром 10—13 см, наклепанных на полый конический поддон; одно блюдце венчает этот поддон, другое находится ниже на 2,5—3 см. В верхнее блюдце наливалось масло и закладывались фитили. Горели они, что хорошо показывает светильник, обнаруженный в 1974 г. возле фуникулера, на венчике блюда. В нижнее, больших размеров, скапывало масло и падали нагары от фитилей.

Как и подсвечники, светильники формованы из серой глины на гончарном круге. Встречаются уже в слоях X в. Время наибольшего распространения — XII—XIII вв.

Изучение огромной коллекции керамических изделий, полученных

⁶² Хойновский И. А. Раскопки великокняжеского двора древнего Киева, произведенные весной 1892 г. Киев, 1893, с. 102—103.

⁶³ Эртель А. Д. Отчет о наблюдениях за земляными работами в районе Старокиевского участка в 1912 г. и о найденных при этом предметах. — ВИБ, 1913, кн. 3, с. 3—7.

⁶⁴ Петасюк Н. П. Свічки з Софійського собору в Києві. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 175—178.

⁶⁵ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 414.

Рис. 127. Керамическая головка коня.
Кияновский пер., 6, 1974 г.

раскопками последних десятилетий, позволило сделать ряд важных выводов об этапах развития гончарного ремесла в Киеве, его социальной организации, а также о хронологии керамики.

В свое время М. К. Каргер высказал мысль об овладении городскими гончарами Киева, как и других крупнейших древнерусских городов, техникой гончарного круга уже в IX—X вв.⁶⁵ Новые находки показывают, что изготовление гончарной керамики в эти века приобретает характер ремесленного производства, рассчитанного на рынок, что же касается «овладения техникой гончарного круга», то это произошло значительно раньше, видимо, не позже VIII в. Грубая толстостенная керамика, сформованная на легком гончарном круге, встречается в Киеве с лепными формами, датируемыми VII—VIII вв.

В X в. киевские гончары достигают значительного мастерства в изготовлении глиняной посуды, проявлявшегося в тщательности формовки, моделировке сложнопрофильных манжетовидных венчиков, орнаментации. Многие сосуды X в. на три четверти покрыты орнаментом в виде параллельных врезных линий. Иногда по горловине горшков нанесены волнистые врезные линии, а ниже, почти до дна, — горизонтальные. В большинстве своем керамика X в. толстостенная, нередко с примесью дресвы.

В XI в. расширяется ассортимент посуды киевских гончаров. Кроме традиционных горшков появляются миски, кувшины, ковши, чаши и амфорки (киевского типа), корчаги, изготовлявшиеся в большом количестве и в XII—XIII вв. Керамика этого времени стала более тонкостенной; из глиняного теста исчезают грубые примеси. Формы

Рис. 128. Керамические светильники.

сосудов становятся более изящными, обладающими сложными профилями. Чувствуется, что киевские гончары в совершенстве освоили технологию керамического производства, овладели материалом. Об этом свидетельствуют, в частности, огромные корчаги для хранения продуктов. Вместе с тем заметно стремление гончаров максимально упростить изготовление массовой продукции и, видимо, удешевить ее. Вместо сложнопрофильных манжетовидных венчиков, в XI—XIII вв. появились валикообразные, не требовавшие от мастера прежней тщательности. Изменилось и отношение к орнаменту. На сосудах этого времени он или вовсе отсутствует, или нанесен в виде нескольких врезных линий (скобок) по плечикам.

В целом кухонная керамика Киева XI и особенно XII—XIII вв. теряет прежнюю добротность и прочность, становится более хрупкой.

Потеря качества массовой продукции киевских гончаров при безусловном повышении уровня керамического производства свидетельствует об изменившемся характере гончарного ремесла. В XII—XIII вв. оно развивалось преимущественно под воздействием рынка. Массовый спрос порождал массовое предложение, что неизбежно вело к ухудшению качества.

Для характеристики гончарного ремесла Киева значительный интерес представляют клейма на днищах сосудов. Уже М. К. Каргеру удалось собрать их более 200, примерно столько же выявлено нашими раскопками. Начертания их чрезвычайно разнообразны, однако просматривается несколько типологически близких схем. Наиболее много-

численную группу составляют клейма, композиционной основой которых является круг. Встречаются знаки в виде одного, двух или трех концентрических колец, соединенных между собой четырьмя, шестью, восемью и двенадцатью линиями. Вторая группа представлена знаками в виде крестов. Это и «чистые» кресты, находящиеся в центре доншпек, и кресты, вписанные в круг. Встречены клейма в виде прямоугольников, разделенных на несколько более мелких, пятиконечной звезды, круга со «спицами» и др. Есть также клейма, воспроизводящие княжеские знаки. В нашей коллекции они составляют примерно одну пятнадцатую часть от общего количества. Происходят как с Верхнего города, так и с Подола.

О том, что представляли собой клейма на днищах сосудов, высказаны различные точки зрения⁶⁶, но ни одна не дает полного решения этого интересного вопроса. Проанализировав однотипные и предположив, что они развивались от простого к сложному, Б. А. Рыбаков пришел к выводу о наследственности гончарного ремесла. К аналогичному толкованию киевских клейм склонялся М. К. Каргер⁶⁷.

Возможно, такая закономерность могла существовать, но имеющиеся в нашем распоряжении новые материалы ее не обнаруживают. В ряде случаев одинаковые схемы клейм (например, крест, вписанный в круг) встречены в комплексах XI и XII вв. Клейма, основу которых составляют два концентрические круга, на протяжении X—XIII вв. изменяются от сложных форм к более простым.

М. К. Каргер обратил внимание на характерную особенность клейм на киевской керамике. Среди собранной им коллекции не было ни одного случая точного повторения одного и того же клейма⁶⁸. Раскопки последних десятилетий также не обнаружили хотя бы двух абсолютно тождественных клейм (это относится и к княжеским знакам). Если видеть в них знаки мастеров, такое положение трудно объяснить. М. К. Каргер полагал, что исключительное разнообразие рисунков клейм свидетельствует о многочисленности мастерских, изготовлявших посуду в небольшом количестве⁶⁹. Такое объяснение также неприемлемо. О «многочисленности» мастерских можно говорить применительно ко времени, когда гончарство еще не вышло из сферы домашнего производства. В X—XIII вв. оно развивалось на ремесленной основе, предполагавшей укрупнение и концентрацию гончарного производства в руках определенных групп мастеров. Даже в таком крупном городе, как Киев, мастерских по изготовлению глиняной посуды, видимо, было немного, но они выпускали большое количество продукции, удовлетворявшей потребности в ней жителей города и ближайшей округи.

Видимо все же, клейма на днищах горшков были не знаками мастеров (отчего, в таком случае, они ставились не на всех сосудах?),

⁶⁶ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.—СА, 1940, № 6, с. 227—257; Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 363—367, 492—494; Тухтина Н. В. Средневековые славянские гончарные клейма.— В кн.: Труды ГИМ, 1960, вып. 37, с. 154—155.

⁶⁷ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 444.

⁶⁸ Там же, с. 435.

⁶⁹ Там же.

LE

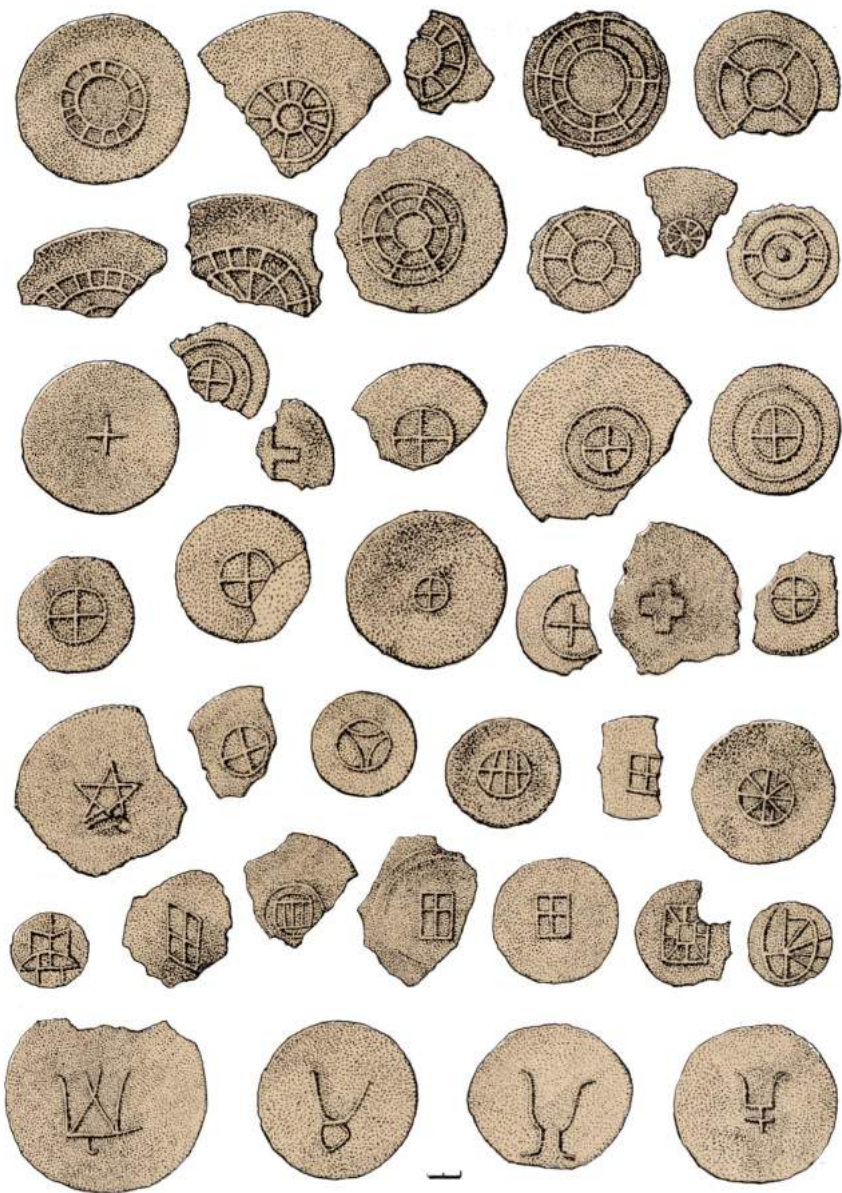

Рис. 129. Типы клейм на кухонных горшках X—XIII вв.

а магическими символами* — оберегами, призванными покровительствовать продукции мастера от начала ее производства до реализации на рынке. Знаком-оберегом мастер метил первый сосуд каждой партии; для следующей «наобретался» новый знак, отличавшийся от предыдущего иногда лишь какой-то незначительной деталью.

Новая коллекция киевских клейм дает некоторые данные для выяснения их хронологии. Уже в X в. клеймение глиняной посуды было распространенным явлением. Причем встречаются клейма достаточно развитых композиционных схем, иногда более сложных, чем аналогичные схемы последующих столетий (например, клеймо на горшке X в. из Кошырева конца).

Наибольший процент клейменной посуды приходится на XI — первую половину XII в. Во второй половине XII в. горшки метились реже, в первой половине XIII в. — совсем редко. В последние годы нам удалось исследовать несколько жилищ конца XII — первой половины XIII в. (улицы Б. Житомирская, 14, Десятинная, 2, Волошская, 19), погибших, вероятно, в 1240 г. В их заполнении не найдено горшков с клеймами**.

Причину постепенного исчезновения клейм следует, видимо, искать в изменявшемся характере производства бытовой керамики. Все возмозраставшее предложение ее рынку, отражавшееся на качестве сосудов и их орнаментации, в конце концов вынудило гончаров отказаться и от клейм.

130 Частью большой и важной задачи изучения гончарного ремесла является разработка хронологии керамики, которая, с одной стороны, выступает одним из основных хронологических признаков культурного слоя, с другой — сама датирована не очень хорошо. Для этой цели использованы материалы из семи раскопов, исследовавшихся в разных районах Подола. Венчики кухонных горшков (а именно они обладают наибольшей хронологической информативностью) из каждого раскопа помещены в отдельные квадраты вертикальной колонки строго по глубинам. К сожалению, не везде удалось получить полный стратиграфический разрез, в связи с чем не все ячейки колонок оказались заполненными. Однако и наличествующий керамический материал, о чем свидетельствует разработанная нами таблица***, дает достаточно полное представление об эволюции моделировки венчиков на протяжении X—XIII вв.

Выделяется четыре основных типа венчиков: I — прямо или косо срезанные; II — манжетовидные; III — с загипом внутрь сосуда (в виде птичьего носа); IV — валикообразные с бороздкой по внутренней стороне.

* Эта старая точка зрения была поддержана Н. В. Тухтиной на основании анализа 1800 клейм, происходящих из различных древнерусских центров (Тухтина Н. В. Указ. соч., с. 154—155).

** М. К. Каргер считал, что основная часть керамических материалов, использованных им для составления таблиц клейм, относится к XI—XIII вв. Так ли это, сказать трудно, поскольку таблицы эти не аннотированы. С нашими материалами вывод М. К. Каргера не согласуется.

*** Таблица составлена совместно с К. Н. Гупало.

Глубина	Красная пл. 1971–1973 гг.	Героев Триполья– Хоревая 1972 г.	Житный рынок 1973 г.	Нижний и Верхний Вал 1974–1975 гг.	Волошская, 17/19 1974–1975 гг.	Фрунзе, 17 1974 г.	Жданова, 6–8 1975 г.	Формы сосудов	Хронология
1 м									XII–XIII вв.
2 м					))))))))))))))				
3 м	))))))))))))))	)))))))))	)))))))))						
4 м	))))))))))))))		))))))))))))))	)))))))))		))))))))))))))	)))))))))		
5 м			))))))))))))))	)))))))))			))		XI в.
6 м	))))))))))))))			)))))))))					
7 м	))		))))))))))))))	))))))))))))))					
8 м	))))))))))))))		))))))))))))))	)))))))))					
9 м		)		))))))))))))))					X в.
10 м	))))))))))))))	)	)))))))))						
11 м	))))))))))))))	))))))))))))))	)))))))))						
12 м	)))))))))	))							

Рис. 130. Керамика Подола
X–XIII вв.

XI-X вв.

X в.

XI в.

XII-XIII вв.

Рис. 131. Эволюция моделирования венчиков кухонных горшков IX—XIII вв.

Профиль венчиков развивался по пути от простого к сложному и снова к простому. Технически наиболее совершенным представляется манжетовидный венчик, имеющий сложный профиль и характерную подрезку в нижней части. Судя по нашим материалам, он не оставался неизменным во времени. Классическая его форма появилась на среднем этапе развития; на раннем — он только формировался, на заключительном — деградировал. Это обстоятельство часто затрудняет датировку как самой керамики с манжетовидными венчиками, так и слоя, в котором она находится. Валикообразные венчики отличаются большим однообразием, однако и они имеют различные варианты. Наиболее характерны из них, хотя и не очень распространенными среди киевской керамики, является венчик с бороздкой по внутренней стороне и ложбинкой в верхней части.

Изучение керамики, происходящей с Подола, сопоставление ее с находками, имеющими твердые даты (монеты, печати, кресты-энколпионы, ювелирные формочки) позволило выяснить не только последовательность изменения типов венчиков, но и их хронологию. Первый тип датируется IX—X вв., второй — X — началом XI в., третий — XI в., четвертый — XII—XIII вв. Сказанное не значит, что появление каждого нового типа вело к немедленному исчезновению предыдущего. В течение какого-то времени они сосуществовали. В этом случае датирующими возможностями обладает керамика с новым типом венчиков. Она, а не сопутствующая ей керамика с более ранними венчиками определяет время образования культурного слоя.

131

3. Ювелирное ремесло

Ювелирное ремесло занимает особое место в древнекиевском ремесленном производстве. В нем нашли свое наиболее полное отражение высшие достижения технического и художественного ремесла русских «златокузнецов».

Источниками для изучения ювелирного ремесла древнего Киева являются материалы погребений киевских некрополей, клады драгоценных ювелирных изделий, предметы ювелирного ремесла, находимые во время раскопок. Важным источником для изучения городского ремесла, и ювелирного в частности, являются находки ремесленных мастерских с орудиями, заготовками деталей, отходами производства*. Многим важным вопросам киевского ювелирного ремесла, таким, как литейное дело, технология обработки цветных и благородных металлов, хронология социальной организации ремесленного производства, уделено значительное внимание в работах Б. А. Рыбакова, Г. Ф. Корзухиной, М. К. Каргера и других авторов⁷⁰. Исследование Б. А. Рыбакова «Ре-

* Первые ювелирные мастерские в Киеве были открыты В. В. Хвойкой при раскопках в усадьбе ГИМ УССР в 1907—1908 гг. (*Хвойка В. В.* Указ. соч., Киев, 1913, с. 71; *Корзухина Г. Ф.* Новые данные о раскопках. В. В. Хвойка на усадьбе Петровского в Киеве. Приложение. — СА, 1956, № 25, с. 337—342).

⁷⁰ *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954; *Корзухина Г. Ф.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — СА, 1950, № 14; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1.

месло Древней Руси» продолжает оставаться основным трудом по древнерусскому ремеслу в целом и киевскому ювелирному в частности. Большинство основных положений этого капитального труда, касающихся киевского ювелирного ремесла, находили свое подтверждение (и развитие) в новейших исследованиях⁷¹. Сказанное относится к изучению ювелирного ремесла Верхнего города**. О развитии и характере посадского (за исключением Киселевки) ювелирного ремесла мы ничего или почти ничего не знаем.

В последние годы были открыты остатки ювелирной мастерской, что вместе с увеличившейся коллекцией вещественных находок несколько восполняет этот пробел.

132

В 1975 г. на Подоле при раскопках по ул. Верхний Вал в слое Х в. были обнаружены остатки мастерской ремесленника-ювелира⁷².

Само помещение было уничтожено огнем, о чем свидетельствует большое скопление горелого дерева. Здесь было найдено четыре шиферные литейные формочки (три из них сохранились полностью, от четвертой — небольшой обломок), шлифовальный брусок и подвеска из сердолика.

Отметим, что это первая находка ювелирных литейных формочек на главном ремесленном посаде древнего Киева.

Первая формочка представляет собой пластину почти прямоугольной формы размером 6,5×7 см при толщине 0,9—1,4 см. Обе стороны формочки являлись рабочими — на них вырезаны изображения, служившие для отливки поясных украшений. На одной стороне находятся четыре изображения поясных бляшек. Они выполнены в виде трехлепестковых пальметок с отверстиями у основания ростка. По внешнему обводу каждого изображения часто нанесены точки, которые при отливке имитировали мелкую зернь. Здесь же вырезано 5—6 точек более крупного размера, вероятно, для имитации более крупной зерни. Все вырезанные изображения весьма сходны между собой. Однако левая пара бляшек незначительно отличается от правой. Последние несколько больше по размерам, отверстия здесь овальные, точек для крупной зерни — 6 (а не 5, как у левой пары). Между собой изображения бляшек каждой из этих пар отличаются особенностями, вызванными самим процессом ручной резьбы по камню, а также количеством точек для мелкой зерни. К каждому из изображений проделан литник. По краям формы находятся три отверстия для штифтов, фиксирующих крышку.

На другой стороне формы вырезано еще три изображения поясных украшений. Поперек пластины, почти на всю ее ширину — наконечник пояса, поверхность которого заполнена искусной резьбой. Ниже находится изображение малого наконечника, украшенного узким пояс-

⁷¹ Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975, с. 8.

** Большая часть произведений киевского ремесла, в том числе и ювелирного, как и сами мастерские, относятся к концу XII — началу XIII в. Предметы более раннего времени, равно как и характер их производства, изучены намного хуже. (Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 373).

⁷² Гунало К. Н., Ивакин Г. Ю. Ювелирные формы X века из Киева. — ДИ, 1977, № 7, с. 46—47.

Рис. 132. Набор ювелирных форм X в.
Подол, 1975 г.

ком с точками, идущими по его контуру. Рядом вырезана маленькая сердцевидная бляшка с круглым отверстием в основании. На этой стороне формочки, в нижней ее части, находятся четыре отверстия для штифтов. Вероятно, сначала использовалась одна пара отверстий, однако вследствие долговременной работы формочки пришлось сделать новую.

Вторая форма имеет размеры 8×6 см при толщине 0,4—0,8 см. На одной стороне вырезаны изображения пятиугольной бляшки, украшенной семилепестковой пальметкой, сегментовидной бляшки, а также круглой бляшки с восьмиугольной звездой. Литник круглой бляшки под прямым углом перерезается каналом для штифта, служащего для изготовления отверстия в ушке отлитого изделия⁷³. На торце, куда входит литник пятиугольной и сегментовидной бляшек, вырезан крест. На другой стороне в центре формы вырезано изображение колодочки с литником и каналом для штифта, для образования в ней полости.

Третья форма меньше предыдущих ($3,5 \times 5$ см, при толщине 1,3 см). Полностью сохранилась лишь одна ее сторона, где вырезано три полуцилиндрические колодочки, к каждой из которых ведет отдельный литник. Чтобы придать изделиям полуоую конструкцию, прорезано два параллельных канала для штифтов. Вследствие механического повреждения на второй стороне сохранился лишь незначительный фрагмент изображения.

Все формочки изготовлены из шифера (пирофиллитового сланца) оvrучского происхождения.

Первые две формочки, несомненно, относятся к одному литейному набору, служившему для изготовления поясных украшений. Так, большая продолговатая бляшка с округлым концом, украшенная сложным и изысканным орнаментом, служила наконечником боевого пояса. На нем изображены трилистники со сложными завитками, перерастающие друг в друга, образуя своеобразное «древо жизни», увенчанное тремя солярными знаками. Малый наконечник с заостренным концом предназначался для ремешков, подвешивавшихся перпендикулярно к боевому поясу, к которым крепились меч (сабля), нож, кошелек и др. Расположенная рядом с наконечниками маленькая бляшка с отверстием для язычка пряжки ножен также прикреплялась на эти ремешки. Сами ремешки крепились к боевому поясу при помощи бляшек-пальметок с продолговатым отверстием, находившимся на другой стороне этой формочки. Находящиеся здесь же две другие бляшки меньшего размера располагались на боевом поясе и окаймляли отверстия для язычка пряжки. Сегментовидная бляшка могла также употребляться для пропуска ремешков. Пятиугольная бляшка, вероятно, прикреплялась к

⁷³ Рыбаков В. А. Ремесло Древней Руси, с. 147.

⁷⁴ Рыбаков В. А., *Древности Чернигова*.— МИА, 1949, № 11, с. 53—54, рис. 21, 22.

⁷⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв., с. 86, табл. IX (2—4).

* Характером изготавливаемых предметов, техническим и художественным совершенством киевские формочки резко отличаются от немногочисленной группы одно-временных им форм типа Табаевки. (Блифельд Д. I. До питання про ремесло та ремісників у Київській Русі IX—X ст.— *Археологія*, 1954, т. 9, с. 31—32). Литейная форма из Пліснеска датируется XI в. (Кучера М. П. Древній Пліснеск.— АП УРСР, 1962, т. 12, с. 31—32).

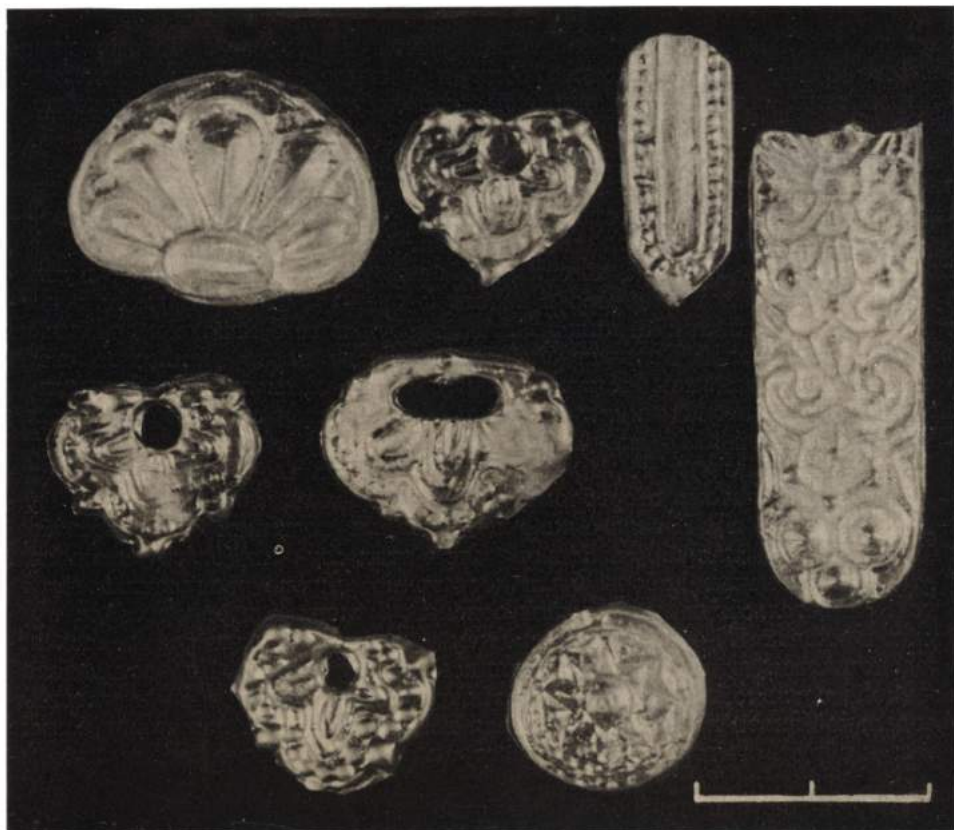

Рис. 133. Экспериментальные отливки из формочек.

щитку пряжки пояса. А круглая бляшка со звездочкой в середине, по всей видимости, украшала остальную часть пояса. Как известно, количество бляшек на боевом поясе воина бывало довольно значительным. Так, на поясе, найденном в 1848 г. в г. Чернигове у Елецкого монастыря, насчитывалось 57 бляшек и наконечников⁷⁴.

Культурный слой, в котором была обнаружена ювелирная мастерская, относится к X в. На ту же дату формочек указывают некоторые аналогии (например, пятиугольная бляшка из Шилевского клада конца X в.)⁷⁵. На одной из формочек имеется арабская кувфическая надпись IX—X вв. Все вместе дает возможность датировать мастерскую X в. (вероятнее всего, его второй половиной)*.

Известно, что поясные и уздечные наборы были широко распространены на всей территории великой евразийской степи: от Байкала на востоке до Венгрии на западе. Пояс, украшенный серебряными бляшками, был непременной принадлежностью каждого воина-кочевника.

Количество бляшек зависело от его общественного положения: чем знатнее он был, тем больше бляшек имел на поясе⁷⁶. Боевые пояса (вместе с оружием и конем) воин в раннем средневековье получал от правителя как знак отличия воинской доблести, высокого служебного положения.

На Руси также существовал обычай одаривать дружинников богатым одеянием и оружием за верную службу. Письменные источники свидетельствуют о склонности «нарочитых мужей» к роскошной одежде — «портах», ко всему, что олицетворяло власть, силу и богатство. Варяги, по свидетельству Эймундовой саги, требовали от Ярослава Мудрого в уплату за службу «золото, серебро и хорошую одежду»⁷⁷. Об «оружии и портах» говорят дружинники князя Игоря, требуя нового похода к древлянам за данью. Всеволод Большое Гнездо одаривает после пиршества своих гостей «дары безцѣнными, комонми и съсуды златыми и сребреными и порты». Сын Всеволода князь Ярослав обращается к своим воинам перед Липецкой битвой 1216 г.: «Се пришелъ вы товар в руки. Вам же буди брони, кони и порты»⁷⁸. А «князь великій Юрьи... многы дары вдасть брату своему: златомъ и сребромъ, и порты разноличьными, и кони, и оружіем...»⁷⁹ (1216 г.). К такого же рода почетным подаркам относились боевые пояса и конская сбруя. Боевой пояс в этих случаях богато украшался. О том, что поясные наборы были достаточно широко распространены на Руси, свидетельствуют и находки поясных бляшек в древнерусских курганах и кладках IX—X вв. Причем, как уже неоднократно отмечалось исследователями, эти курганы являлись захоронениями представителей военно-феодалной верхушки. Очевидно, именно с выделением военно-феодалной знати начали прививаться на Руси щедро украшенные боевые пояса и сбруя, стали широко распространяться различные наременные нашивки и украшения.

В основном поясные бляшки относят к арабскому импорту с Востока*. Однако, по признанию В. П. Даркевича, «восточные наременные бляшки из серебра в местах их изготовления почти неизвестны. Находки из Восточной Европы частично восполняют этот пробел»⁸⁰. Практически не известны на Востоке и находки литейных форм, в которых изготавливались эти бляшки**.

Изучая древнерусские сбруйные наборы, А. Н. Кирпичников пришел к выводу, что в X—XI вв. степную территорию (куда входила Южная Русь, Северное Причерноморье и Крым) обслуживали высоко-

⁷⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142, с. 160.

⁷⁷ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, вып. Е1 — 36, с. 23.

⁷⁸ ПСРЛ, т. 27 (Никаноровская летопись). М.; Л., 1962, с. 39.

⁷⁹ ПСРЛ, т. 10 (Никоновская летопись). Спб., 1885, с. 85.

* Конечно, в целом как сама «мода» на поясные наборы, так и типы и орнамент поясных украшений провикли на Русь с Востока (Хазарский каганат).

⁸⁰ Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 115—122.

** Единственная известная ранее литейная формочка для поясных украшений была найдена также на территории Киевской Руси в древнем Плиске. (Кучера М. П. Вказ. праця, с. 31—32).

⁸¹ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 30.

*** Разночтенне вызвано как специфическим начертанием надписи, так и не вполне удовлетворительным ее состоянием.

Рис. 134. Арабская кувфическая надпись.

квалифицированные мастерские, которые никогда не поднялись бы до своего высокого уровня, если бы не восприняли художественные и культурные достижения развитого ремесла оседлых районов, и высказал предположение, что после 1000 г. в работе этих мастерских «прямо или косвенно могли принять участие и русские мастера»⁶¹. находка этого литейного набора указывает, что именно в Киеве уже в X в. функционировала подобная мастерская.

Вероятно, в X в., особенно во времена княжений Святослава и Владимира, когда быстро выделялась и росла дружинная прослойка, в Киевской Руси возник особый спрос на поясные и уздечные наборы, который и породил производство этих украшений.

Обнаруженная на одной из формочек арабская кувфическая надпись по-разному читается специалистами. И. Г. Добровольский видит здесь собственное имя «Иазид», Б. И. Маршак считает, что наиболее вероятным является прочтение «Турк», то есть представитель племени торков***. Надпись может означать как имя владельца формочки, так и мастера-резчика, выполнившего изображение бляшек. В Киеве жило довольно много выходцев с Востока. В топонимике Подола существовало название «Козаре», которое, возможно, осталось от хазарской торговой колонии. В Киеве могло оказаться и немало торков, которые с 985 г. выступают в летописи как союзники Владимира Святославича. (Торком был повар князя Глеба Владимировича). Здесь могли обитать и пленники из Хазарии, которые в 965 г. после разгрома князем Святославом Игоревичем хазарских городов Саркела, Итиля, Семендера попали в Киев.

Однако этническое происхождение мастера не имеет принципиального значения. Данное производство вызвано местными, киевскими потребностями, развитием производительных сил и общественных отношений города. Сами формочки были изготовлены из овручского шифера*, мастерская функционировала в Киеве, ее продукция поступала прежде всего на киевский рынок и вливалась в общий поток древнерусского ремесленного производства.

В этой связи следует привести высказывание Г. Ф. Корзухиной об всем древнерусском ювелирном искусстве в целом: «Не арабы воскресили это древнее искусство. Толчком к его развитию, как и развитию других ремесел, послужил переход в IX в. к новым общественным отношениям, создавшим к X в. слой новой, могущественной знати, стремившейся к богатству, роскоши, к дорогому оружию и одежде»⁸².

Среди ювелирных изделий, обнаруженных в Киеве в последние годы, есть несколько пряжек, поясных бляшек и один наконечник. Часть этих предметов происходит из погребений, некоторые найдены при раскопках древних городских кварталов. Особый интерес представляет накладка на ремни конской узды, так называемый «наконечник пояса», обнаруженный в 1971 г. на Старокиевской горе. Это — серебряная литая пластина (длиной 3,8 и шириной 1,1 см) с выпуклой (горбатой) спинкой, по краю которой сделаны насечки. С внутренней стороны пластины — два массивных штифта. Наконечник относится к разделителям ремней, о чем свидетельствует вогнутость верхней части пластины (в месте примыкания к центральной круглой бляхе).

Описанная накладка напоминает наконечники богатого серебряного уздечного набора из Гаевки⁸³ (последние несколько больших размеров и украшены растительным орнаментом).

Две бронзовые сердцевидные бляшки и железная пряжка были найдены в 1972 г. в погребении с конем при раскопках по ул. Десятинной, 2⁸⁴. Такие бляшки довольно часто встречались в киевских погребениях⁸⁵. Интересная бронзовая пряжка найдена при раскопках на

* Петрографический анализ проведен в Институте геохимии и физики минералов АН УССР кандидатом геолого-минералогических наук И. Л. Личаком. Формочки сделаны из пиррофиллитового сланца, добытого в урочище Ровки близ г. Овруча.

⁸² Корзухина Г. Ф. Русские влады IX—XIII вв., с. 73.

⁸³ Кирпичников А. Н. Указ. соч., с. 26, табл. IX.

⁸⁴ Кілієвич С. Р. Вказ. праця, с. 93, рис. 2.

⁸⁵ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 127—211.

⁸⁶ Мовчан І. І., Степаненко Л. Я. Розкопки поселення та могильника в Китаєво.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 116—117, рис. 6.

⁸⁷ Боровський Я. Б. Вказ. праця, с. 87, 103.

⁸⁸ Там же, с. 103—107.

⁸⁹ Гуцало К. М., Голочко П. П. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень.— В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 77, рис. 26.

⁹⁰ Боровський Я. Б. Вказ. праця, с. 99, рис. 7.

⁹¹ Там же, с. 104.

⁹² Гуцало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження Київського Подолу (1974—1975).— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 60.

⁹³ Боровський Я. Б. Вказ. праця, с. 99, рис. 7.

⁹⁴ Голубева Л. А. Вєсь и славяне на Белом озері. X—XIII вв. М., 1973, с. 139, рис. 49, 10; Довженко В. І., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. К., 1966, табл. XVI, XX.

склона Старокиевской горы. Пластина украшена стилизованным растительным орнаментом (расцветший крест). Две лировидные пряжки были обнаружены в погребениях Китаевского могильника, исследованных в 1973 г.⁸⁶ Серебряные и бронзовые бляшки найдены при раскопках по ул. Рейтарской, 33⁸⁷, Чкалова, 10⁸⁸, Полины Осипенко, 9, Владимирской, 3 (Верхний город); Красная пл.⁸⁹, ул. Нижний Вал при архитектурно-археологических исследованиях церкви Пироговца (Подол).

Технологией изготовления, орнаментацией, временем бытования (X—XI вв.) упомянутые предметы очень близки к продукции подольской ювелирной мастерской, что, вероятно, свидетельствует о возможности их производства (по крайней мере, какой-то части) в Киеве.

Найдено также несколько предметов вооружения: бронзовый наконечник ножен меча⁹⁰, медная с позолотой пластина — часть панциря⁹¹. По краям пластины — восемь маленьких отверстий для крепления к кожаной или матерчатой подкладке.

Интересный железный предмет, который с некоторыми оговорками можно интерпретировать как оковку турьего рога, обнаружен на Подоле⁹². Длина оковки — 17 см. Форма — полусферическая, конусообразная. В широкой части находятся два острых шипа, направленных внутрь, и круглое отверстие. Внешняя сторона оковки украшена двумя позолоченными пластинами. Одна охватывает широкую часть оковки, вторая — расположенная вдоль — имеет вид плетенки. Пластины крепились к железной оковке небольшими бронзовыми гвоздиками.

Среди новых находок ювелирных изделий заметную группу составляют женские украшения. Большая часть из них обнаружена в Верхнем городе⁹³. Это разнообразные подвески, перстни, одежные булавки, височные кольца, браслеты — изделия, широко распространенные на всей территории древней Руси. Так, круглая бронзовая литая крестовключенная подвеска аналогична найденным в Белоозере, Воине, на Княжьей горе⁹⁴. Датируется она XII—XIII вв. Привеска-амулет (в виде продолговатой

135

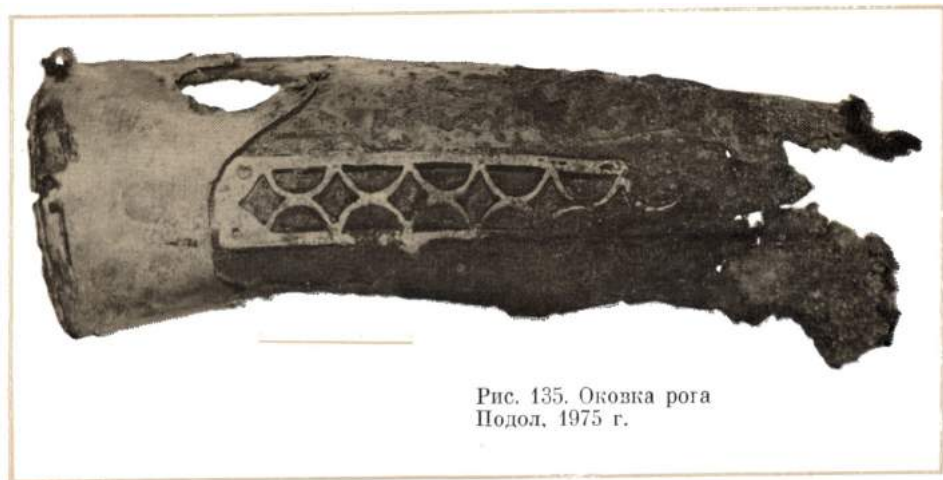

Рис. 135. Оковка рога
Подол, 1975 г.

Рис. 136. Энколпионы
из Киева:

- а) Никольская слободка;
- б) Подол;
- в) Старокиевская гора,
- г) Покровская церковь.

ложечки) аналогична найденной в Новгороде в слое XII в.⁹⁵ К XII—XIII вв. относятся два рубчатых перстня, также известных по Новгородским материалам⁹⁶. При раскопках одного из киевских жилищ, погибшего в пожаре 1240 г.⁹⁷, было найдено два браслета — бронзовый витой и пластинчатый, расширяющийся к середине, с загнутыми концами, гравированный пунктирными линиями и пуансонными колечками. Аналогичные браслеты находились в кладе XII—XIII вв.⁹⁸. Известны они и в Новгороде (XII в.)⁹⁹. Потребность в этих украшениях удовлетворялась киевскими ремесленниками, о чем еще раз свидетельствует новая находка половинки литейной формы для отливки котлов, обнаруженная при раскопках по ул. Десятиной, 2¹⁰⁰.

Среди новых находок художественного ремесла вызывают интерес несколько крестов-энколпионов. Один из крестов был обнаружен на левом берегу Днепра (рис. 136, б)¹⁰¹. Сохранилась обратная бронзовая литая створка размером 7,6×6,2 см. На створке — изображение Оранты. У автора первой публикации этого энколпиона (а вслед за ним и у других исследователей) не вызвало сомнений древнерусское происхождение креста. Анализ техники изготовления, палеография монограмм вместе со стиливыми особенностями изображения позволили датировать изделие X — первой половиной XI в.¹⁰²

На наш взгляд, древнерусское происхождение креста не бесспорно. Вероятно, его следует считать привозным и относить к описанной Г. Ф. Корзухиной определенной группе крестов, производство которых «было налажено где-то в восточных провинциях Византии»¹⁰³.

Два энколпиона, происходящих из раскопок 1975 г. у Покровской церкви на Подоле¹⁰⁴ и 1978 г. на Львовской пл., входят в рельефную группу крестов-складней, по классификации Г. Ф. Корзухиной¹⁰⁵. На лицевой створке этих энколпионов — изображение распятого Христа, на обратной — богоматери Одигитрицы, а также трех святых в медальонах *.

(Новые экземпляры представлены не полностью сохранившимися обратными створками).

По сюжетно-композиционной схеме довольно близок к этим двум

⁹⁵ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 229, рис. 2, 12.

⁹⁶ Там же, с. 225, рис. 10, 1, 2.

⁹⁷ Кілієвич С. Р. Вказ. праця, с. 95, рис. 6.

⁹⁸ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв., табл. XII.

⁹⁹ Седова М. В. Указ. соч., рис. 9, 25.

¹⁰⁰ Кілієвич С. Р. Вказ. праця, с. 97, рис. 6.

¹⁰¹ Сагайдак М. А. Нова знахідка енколпіона. — В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 206.

¹⁰² Там же, с. 207—208.

¹⁰³ Корзухина Г. Ф. О памятниках «Корсунского дела» на Руси. — ВВ, 1958, т. 14, с. 132. На восточное происхождение этих крестов указывал в свое время Н. П. Кондаков. (Кондаков Н. П. Русские клады. Спб., 1896, с. 44).

¹⁰⁴ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 62, рис. 19.

¹⁰⁵ Корзухина Г. Ф. О памятниках «Корсунского дела» на Руси, с. 133.

* Всего с новыми находками известно около 57 энколпионов этого типа. Данные собраны и подготовлены к публикации В. Н. Зоценко. Преимущественное распространение они получили в Среднем Поднепровье. (Spinei V., Corolluc G. Date surprinse la circulația unor obiecte de cult din secolele XII—XIII. — Studii si cercetari de istorie veche si arheologie. București, 1976, t. 27, nr. 3, S. 325, fig. 3).

описанным хорошо сохранившийся рельефный энколпион из раскопок на склонах Старокиевской горы (рис. 136, в).

136,
б

Еще один энколпион найден недалеко от Днепра¹⁰⁶ (рис. 136, б). Сохранилась только лицевая створка креста. Поверхность его украшена гравированными и покрытыми чернью изображениями. В центре — фигура Христа в полный рост. На лучах креста помещены три медальона с поясными изображениями архангела Михаила (вверху) и апостолов Петра и Павла по бокам. Все изображения выполнены в технике плоской чеканки и обведены толстыми линиями черни (этот энколпион очень напоминает крест, опубликованный Б. А. Рыбаковым)¹⁰⁷. Датируется энколпион XII—XIII вв.

Таким образом, открытие мастерской по изготовлению поясных украшений, а также новые находки существенно дополняют наши представления о ювелирном ремесле древнего Киева.

4. Стеклоделие

Одним из распространенных видов городского ремесла является стеклоделие. На его основе развивалось эмальерное дело, производство мозаичной смальты и декоративной керамики с эмалевой поливой¹⁰⁸. Долгое время находимые во время раскопок изделия с перегородчатой эмалью, тонкостенная стеклянная посуда, стеклянные браслеты, бусы, перстни, керамические поливные плитки и другие предметы исследователями древнерусской культуры считались византийско-восточного происхождения.

Лишь после открытия В. В. Хвойкой в 1907—1908 гг. в усадьбе Петровского (современная территория ГИМ УССР) эмальерной и стеклоделательной мастерских было доказано их местное, киевское, производство¹⁰⁹.

В одной из мастерских обнаружены остатки горнов, на полу в завале слоя угля и обгоревшего дерева, а также под ним найден большой набор каменных литейных формочек для сережек, колтов, бус, энколпионов и большое количество кусков разноцветной эмали — легкой и тяжелой¹¹⁰. В другой мастерской вместе с остатками горнов выявлено большое количество сломанных, поврежденных и отчасти расплавленных стеклянных браслетов, колец, большие куски застывшей разноцветной массы. Здесь же был найден штамп в виде бронзовой пластинки с резным изображением двух птиц, служивший для изготовления золотых колтов с перегородчатой эмалью¹¹¹.

В 1936—1937 гг. на той же территории открыта еще одна мастерская, в которой обнаружены остатки небольшого литейного горна, предназначенного для плавки меди, серебра и золота, а также эмальевой массы и стекла. В слое золы и мелких угольков было выявлено несколько сот обломков маленьких тигельков и большое количество фрагментов глиняной посуды с остатками золота, серебра, меди, эмальевой массы, минеральной краски и др.¹¹²

312

Как свидетельствуют находки во всех трех мастерских, «технологический процесс стеклоделия неизбежно объединял эмальерное дело с

изготовлением не только стекла, но и поливной керамики и мозаичной смальты, для которых нужен был тот же стеклянный порошок»¹¹³.

Остатки мастерской по изготовлению стеклянных браслетов были обнаружены раскопками 1948 г. в усадьбе бывшего Михайловского монастыря¹¹⁴. По словам исследователя, сама мастерская полностью разрушена позднейшими постройками. Раскопками обнаружены только многочисленные отходы производства — свыше 50 полурасплавленных обломков браслетов и перстней, тигельки с остатками расплавленного стекла на стенках и несколько целых браслетов и перстней.

Остатки стекловарной мастерской с глинобитными горнами были открыты в результате раскопок 1950 г. на Подоле (в районе пересечения улицы Героев Триполья и Волошской)¹¹⁵. Среди разрушенных горнов находились куски стеклянных сплавов и смальты, обломки стеклянных браслетов, перстней, а также разноцветные стеклянные бусы, куски стеклянного шлака, фрагменты керамических поливных плиток, кусочки смальты.

О производстве стекла свидетельствует также найденный там запас свинца общим весом около 100 кг.

Важные данные о производстве стекла и смальты конца XI в. дали раскопки Института археологии АН УССР в 1951 г. на территории Киево-Печерской лавры¹¹⁶, производившиеся недалеко от древней каменной стены XII—XIII вв. На раскопанной площадке обнаружены два больших горна, сложенных из кирпича и глины. В завале горнов и возле них найдено значительное количество керамических тиглей со стеклянной массой, большие куски стеклянных сплавов, фрагменты стеклянной посуды, много обломков круглых оконных стекол с загнутыми бортиками, большое количество заготовок разноцветной смальты, фрагменты поливных плиток для полов, куски свинца, кобальта и серы, которые были составной частью в сплаве смальты.

В мастерской совершенно отсутствовали находки стеклянных браслетов и перстней, что свидетельствует о монастырском характере данного стеклоделательного производства¹¹⁷.

Раскопки последних лет Киевской постоянно действующей археологической экспедиции значительно расширили наше представление о стеклоделательном производстве в городе, намного обогатили коллекцию стеклянных изделий.

¹⁰⁶ Гупало К. М., Іванкін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 61.

¹⁰⁷ Рыбаков В. А. Ремесло Древней Руси, рис. 83.

¹⁰⁸ Там же, с. 374—400; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 397—411.

¹⁰⁹ Хвойка В. В. Указ. соч., с. 71.

¹¹⁰ Там же, с. 71.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Отчет о работах Киевской археологической экспедиции в 1936—1937 гг.— НА ИА АН УССР, с. 23—25.

¹¹³ Рыбаков В. А. Ремесло Древней Руси, с. 377.

¹¹⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 304—404.

¹¹⁵ Богусевич В. А. Вказ. праця, с. 50; Богусевич В. А. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве.— КСИА, АН УССР, 1954, вып. 3, с. 14—15.

¹¹⁶ Богусевич В. А. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве, с. 15—20.

¹¹⁷ Там же, с. 20.

В 1973 г. с целью изучения характера застройки одного из наиболее крупных и древних районов Киева Города Ярослава производились археологические раскопки в его северо-западной части (усадебный участок № 33 по ул. Рейтарской)¹¹⁸, в результате которых открыты следы стеклоделательного производства.

Культурный слой эпохи Киевской Руси почти на всей площади раскопок был очень поврежден во время планировки и строительства жилых домов XIX в. Однако, как показали дальнейшие исследования, отдельные сохранившиеся участки были насыщены большим количеством строительного и бытового материала XI—XIII вв.

Среди открытых жилищ, хозяйственных ям особое внимание привлекают остатки древнерусской постройки, в заполнении которой найдено большое количество различных фрагментов стеклянных изделий, полуфабрикатов.

Нижняя часть помещения была вырыта в материковом лессе на глубину 0,80—1,00 м. Полностью сохранилась только северо-восточная стена, длина которой 3,20 м, высота от пола — 1,00 м. Северо-западная (высота от пола 0,80 м) и юго-восточная (высота от 0,50 — до 0,80 м) сохранились только частично. Все стены были облицованы толстыми широкими досками или деревянными колодами. Вдоль северо-восточной, юго-восточной и частично северо-западной стен постройки обнаружены следы канавок глубиной 10—15 см, шириной 20 см с остатками дерева. Это, несомненно, места положения деревянных лаг (подвалов), представляющие собой основу стен. Около северо-восточной стены прослежены остатки вертикальных столбов, которые поддерживали горизонтальные деревянные конструкции.

В северном углу постройки находился значительный развал обожженной печины, очевидно, остатки глинобитной печи, устройство которой проследить не удалось. Прослойки печины, углей, золы встречались также в заполнении помещения по всей его площади.

Около восточного угла постройки на глубине 0,60—0,80 м найдены остатки огромного кострища (диаметром около 1,5 м) с толстым слоем (10—15 см) золы и угля. Возможно, оно имело непосредственное отношение к исследуемому сооружению. Около кострища обнаружены фрагменты стеклянных браслетов, стеклянный расписной перстень, фрагменты стекла, железный шлак, кованые железные гвозди.

Исключительный интерес представляют, как уже упоминалось, многочисленные изделия из стекла, выявленные в заполнении помещения, а также за его пределами. Среди находок — фрагменты стеклянной посуды, браслетов, бусин, перстней, а также куски стеклянных шлаков. Привлекает внимание большое количество обломков стеклянной посуды, бытовавшей в Киеве в XI—XII вв., — кубков, стаканов, более 100 фрагментов стенок, венчиков, донцев.

137

60 из них обнаружены в самом помещении. Это тонкостенные и толстостенные сосуды из бледно-желтого стекла. В значительном количестве встречаются сосуды зеленого, желто-зеленого, бирюзового, светло-коричневого и синего цветов. Их стенки часто украшены цветными тонкими ни-

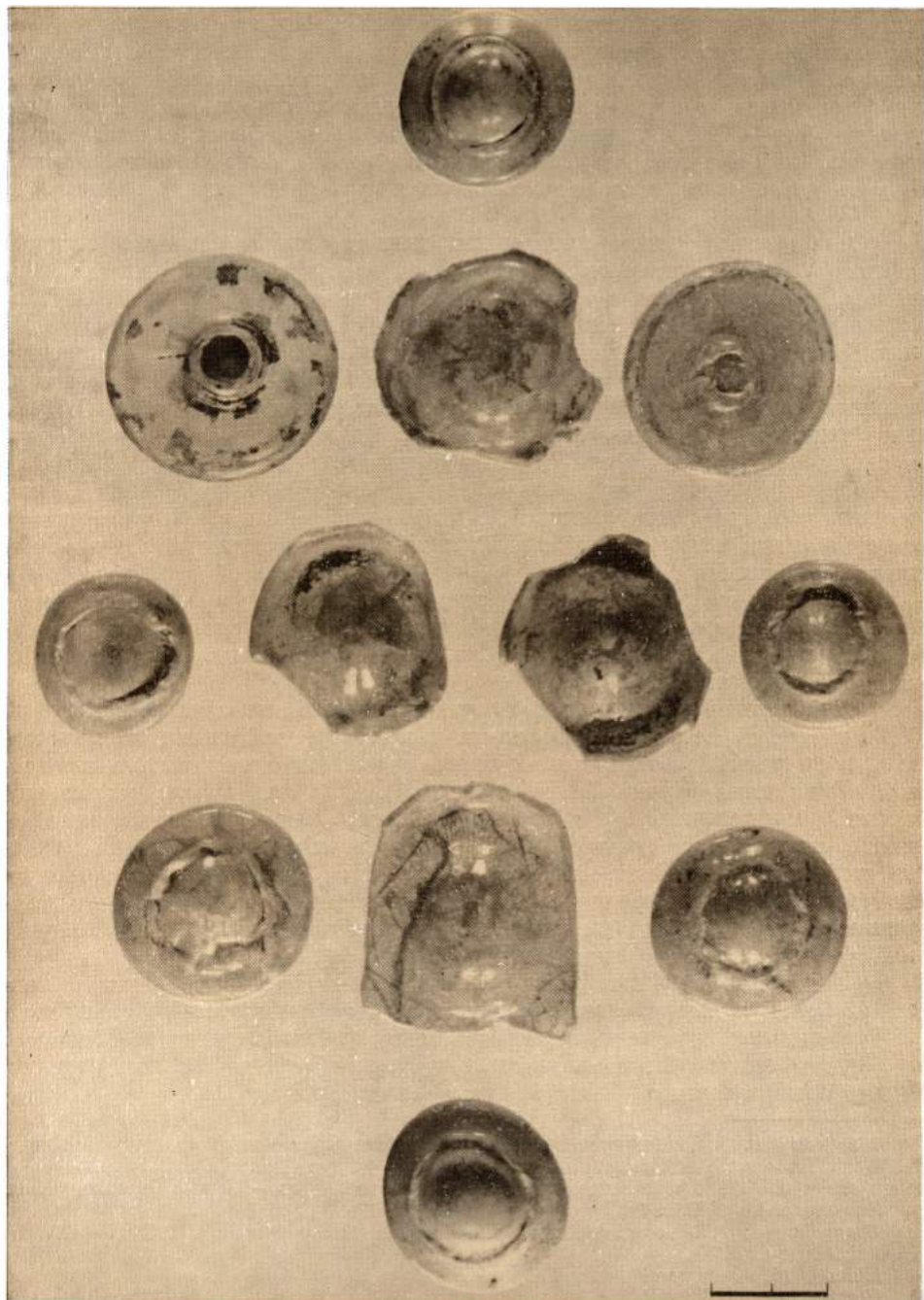

Рис. 137. Донца стеклянных сосудов.
Ул. Рейтарская, 33, 1973 г.

тями в два, четыре и пять рядов. Один из фрагментов зеленого цвета украшен позолотой. Аналогичные сосуды найдены в мастерской на территории Лавры¹¹⁹. Интерес представляют значительных размеров фрагменты остродонного кубка, позволившие дать реконструкцию сосуда. Диаметр устья кубка — 12 см. Примерно такая же и высота. Он имел тяжелое узкое дно. Форма такого сосуда простая, его удобно было держать в руках и пить из него, но такое изделие нельзя было поставить, не выпив до дна¹²⁰.

Обнаружено десять стеклянных донцев, принадлежащих сосудам разного типа и назначения. Здесь же найдены фрагменты широких боченкообразных сосудов с плоским дном (диаметром до 5 см), узких маленьких конической формы стопок диаметром до 33 см, с небольшим наклоном стенок, окрашенных в зеленый и желтый цвета. Интересны находки пяти донцев от так называемых сосудов на поддоне, представляющих собой широко открытые конусоподобные сосуды на узком дне. Еще выявлены два донца диаметром 3 и 3,5 см от рюмок зеленоватого и светло-бирюзового стекла. Такие изделия встречаются редко. В Киеве известны два донца из раскопок на Подоле 1950 г.¹²¹ Ю. Л. Шапова описывает единственную известную рюмку из раскопок в Новогрудке¹²², которая имела выступающее ребро, очень чистую линию контура (ножка не сохранилась).

Обнаружено большое количество фрагментов стенок и венчиков разнообразных видов стеклянной посуды из желтого стекла. Среди многочисленных ее обломков — ручка светло-желтого стекла с золотым блеском, очевидно, от кубка.

138

Наибольшую коллекцию стеклянных изделий из обнаруженных по ул. Рейтарской составляют браслеты разных цветов (синие, зелено-желтые, коричневые, фиолетовые, черные), которых в одном только помещении обнаружено более 100 шт. (рис. 146). Ими был просто устлан глиняный пол постройки. По форме браслеты разделяются на плоские, плоско-округлые, квадратные. Среди круглых есть витые и гладкие. Один из них — целый, диаметром 7 см. Встречаются браслеты со спиралевидной обвивкой тонкими полосками других цветов — желтого, белого, коричневого на основном его фоне. Согласно исследованиям Ю. Л. Шаповой, такие браслеты датируются XI—XII вв.¹²³

Среди многочисленных находок изделий из стекла обнаружены также 12 бусин и пять фрагментов перстней. По форме бусы боченкоподобные и круглые, соединенные по две вместе, белого, желтого, зеленого и голубого цветов. Перстни зеленого и коричневого цветов. Один из них орнаментирован: желтый рисунок на коричневом фоне.

¹¹⁹ Богусевич В. А. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве, с. 20; Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 33.

¹²⁰ Шапова Ю. Л. Художественное стекло Древней Руси.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1962, с. 20.

¹²¹ Богусевич В. А. Археологические раскопки на Киево-Подоле в 1950 г.— НА ИА АН УССР, с. 25.

¹²² Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 61.

¹²³ Шапова Ю. Л. Скляні браслети Київщини.— Археологія, 1968, т. 22, с. 106—116; Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 107—113.

¹²⁴ Боросовский Я. С. Вказ. праця, с. 102—103.

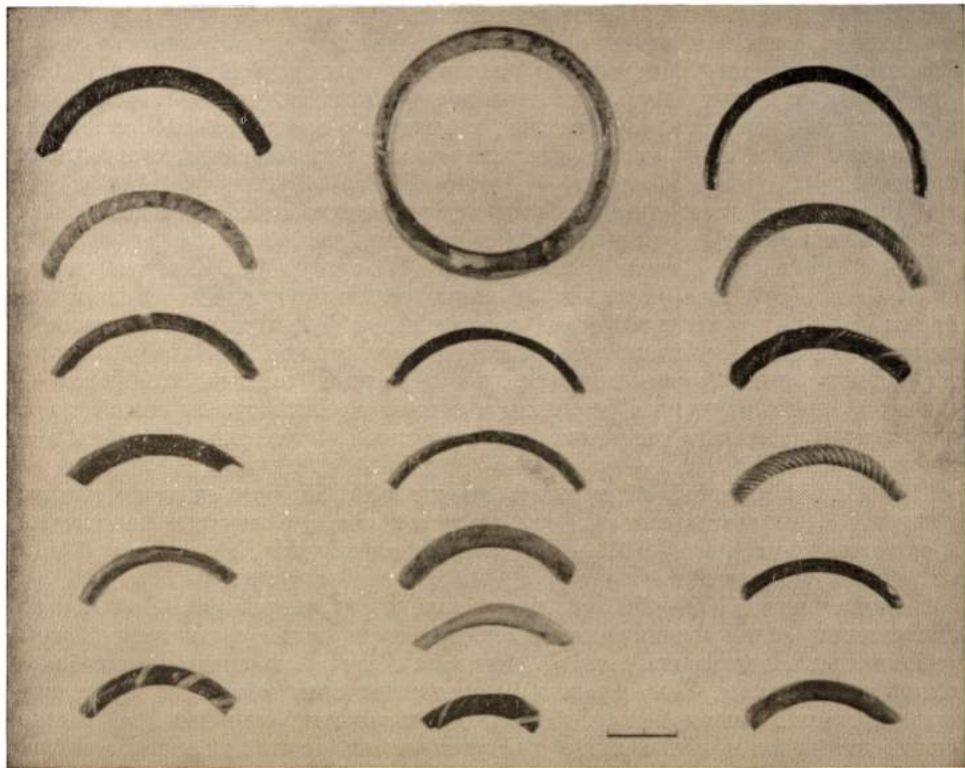

Рис. 138. Фрагменты стеклянных браслетов. Ул. Рейтарская, 33, 1973 г.

К стеклянному производству следует отнести найденные куски свинца, употреблявшиеся для изготовления смальты и стеклянных изделий.

Все эти находки, бесспорно, свидетельствуют о том, что в северо-западной части Города Ярослава существовало стеклоделательное производство. Поскольку открытое раскопками помещение очень разрушено, невозможно заключить, была ли это собственно мастерская по изготовлению стеклянных изделий, или же постройка, где хранилась готовая продукция.

Материалы раскопок позволили их автору Я. Е. Боровскому сделать некоторые предположения о социальном характере исследуемой части Города Ярослава¹²⁴.

Наличие большого количества стеклянной посуды, браслетов, изысканной гончарной и поливной посуды, поливных плиток, находка бронзового пластинчатого браслета и других изделий свидетельствуют о том, что раскопана, вероятно, какая-то богатая феодальная усадьба древнего Киева.

Согласно летописи, именно в этих местах находился двор Борислава, который упоминается там под 1151 г.: «А Изяслав Давыдович ста межи Золотыми и межи Жидовскими [воротами] противу Бориславу двору»¹²⁵. Не исключено, что исследуемый участок по ул. Рейтарской, 33 в древности примыкал, а возможно, и входил в состав двора Борислава, в котором была обнаружена мастерская по изготовлению стеклянных изделий.

Раскопками последних лет еще в двух местах древнего Киева были обнаружены следы стеклоделательного производства.

В 1974 г. на Подоле около домика Петра I (ул. Константиновская, 6) в результате раскопок на незначительной площади¹²⁶ были найдены 16 браслетов, фрагменты стеклянной посуды, полуфабрикаты и готовые стеклянные бусы, куски стеклянного шлака. По цвету браслеты — фиолетовые, бирюзовые, коричневые, синие, желтые. По форме — плоские, плосковыпуклые, круглые и витые. Бусины имели синий цвет, фрагменты стенок и венчиков толстостенных стеклянных сосудов — желтый.

Следов мастерской обнаружить не удалось. Но, как считают авторы раскопок, весь состав находок все же позволяет сделать предположение о существовании здесь в XI—XII вв. стеклоделательной мастерской или жилища стеклоторговца¹²⁷.

Раскопками 1973—1976 гг. в северной части территории Софийского заповедника обнаружены находки, свидетельствующие о наличии в этом районе производства смальты¹²⁸. Материал раскопок представлен большим количеством кусков смальты в виде отдельных заготовок, бракованных кусочков мозаичных кубиков, смальтовыми плаками, а также фрагментами глиняных сосудов с остатками смальтовой массы. Несмотря на то что все эти находки обнаружены в перестроенном слое, они бесспорно свидетельствуют о наличии здесь мастерской по изготовлению мозаичной смальты XI в.

Таким образом, за годы археологического изучения древнего Киева в восьми местах обнаружены следы стеклоделательного производства в пределах богатых феодальных усадеб Города Владимира и Города Ярослава, на территории Киево-Печерской лавры, а также на Подоле.

Стеклоделательные мастерские изготавливали для нужд строительства оконное стекло, мозаичную смальту разных цветов и оттенков, керамические поливные плитки для вымостки полов и декорирования стен. Разнообразные стеклянные изделия — посуда, стеклянные браслеты, бусы, перстни — удовлетворяли не только внутренние нужды, но и поступали на широкий рынок.

¹²⁵ ПСРЛ, т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 1962, с. 427.

¹²⁶ Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 53—54.

¹²⁷ Там же, с. 54.

¹²⁸ Тоцкая И. Ф. Отчет об археологических исследованиях на территории Софийского заповедника в Киеве за 1973 г.— НА ИА АН УССР; Тоцкая И. Ф. Отчет об археологических исследованиях на территории Софийского заповедника за 1976 г.— НА ИА АН УССР.

¹²⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 413.

¹³⁰ Жития муч. Бориса и Глеба. Памятники древнерусской литературы.— ИОРЯС. Пг., 1916, вып. 2, с. 18.

5. Обработка дерева, кости и камня

До недавнего времени о развитии деревообрабатывающего ремесла древнего Киева можно было судить лишь на основании письменных источников и небольшого количества вещественных находок, встречавшихся при прежних раскопках.

Деревообрабатывающее ремесло — одна из немногих отраслей производства, социальная организация которого подробно освещена письменными источниками. Их анализ позволил Б. А. Рыбакову установить наличие узкой специализации в этом виде ремесла: огородники (строители крупных зданий), древоделы (плотники), теслы (бочкари)¹²⁹. Источники сообщают о существовании целых артелей древоделей (речь, правда, идет не о Киеве, а о соседнем Вышгороде) со своим старейшиной во главе, выполнявших специальные заказы по церковному строительству¹³⁰. Они же дают ценные сведения по технике возведения построек, регламентации отношений между заказчиками и исполнителями. Наконец, по письменным источникам можно составить целый список деревообделочных инструментов, почти полностью совпадающих с набором, известным по археологическим раскопкам¹³¹. В «жилище художника» (1938 г., усадьба Михайловского Златоверхого монастыря) М. К. Каргер обнаружил следующий набор железных инструментов по обработке дерева: топор, сверло, скобель, резец (ложкарь), кирка¹³².

Специальной мастерской по обработке дерева в Киеве пока не обнаружено*. Тем не менее в существовании специализированных мастерских по обработке дерева трудно сомневаться. По справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, «в условиях города XI—XIII вв. вся масса деревянных вещей не могла быть произведена внутри каждого хозяйства»¹³³.

О высоком уровне деревообрабатывающего ремесла мы можем судить, во-первых, по остаткам деревянных жилых и хозяйственных построек (см. гл. II настоящей книги), во-вторых, на основании коллекции изделий из дерева**, значительно пополнившейся в результате новых исследований киевского Подола¹³⁴. Деревянные изделия, обнаружен-

139

¹³¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 413.

¹³² Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 314.

* Так называемый «дом токаря» в жилищно-хозяйственном комплексе, раскопанный В. А. Богусевичем в 1950 г., скорее принадлежал купцу, чем ремесленнику, как считал автор публикации. (Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 47).

¹³³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 408.

** Различные деревянные изделия и предметы из бересты и луба были обнаружены при раскопках киевских жилищ. (Богусевич В. А. Розкопки на горі Києлівці.— АП УССР, 1952, т. 3, с. 68; Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р., с. 47—48; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 469; Толочко П. П., Килиевич С. Р., Дядченко В. Д. Из работ Киевской археологической экспедиции.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1977 г. Киев, 1978, с. 191—193).

¹³⁴ Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокі́вський Поділ у світлі нових археологічних досліджень, с. 74—76, рис. 20, 21; Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. Розкопки Києвоподолу 1973 р.— У кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, рис. 19, 16.

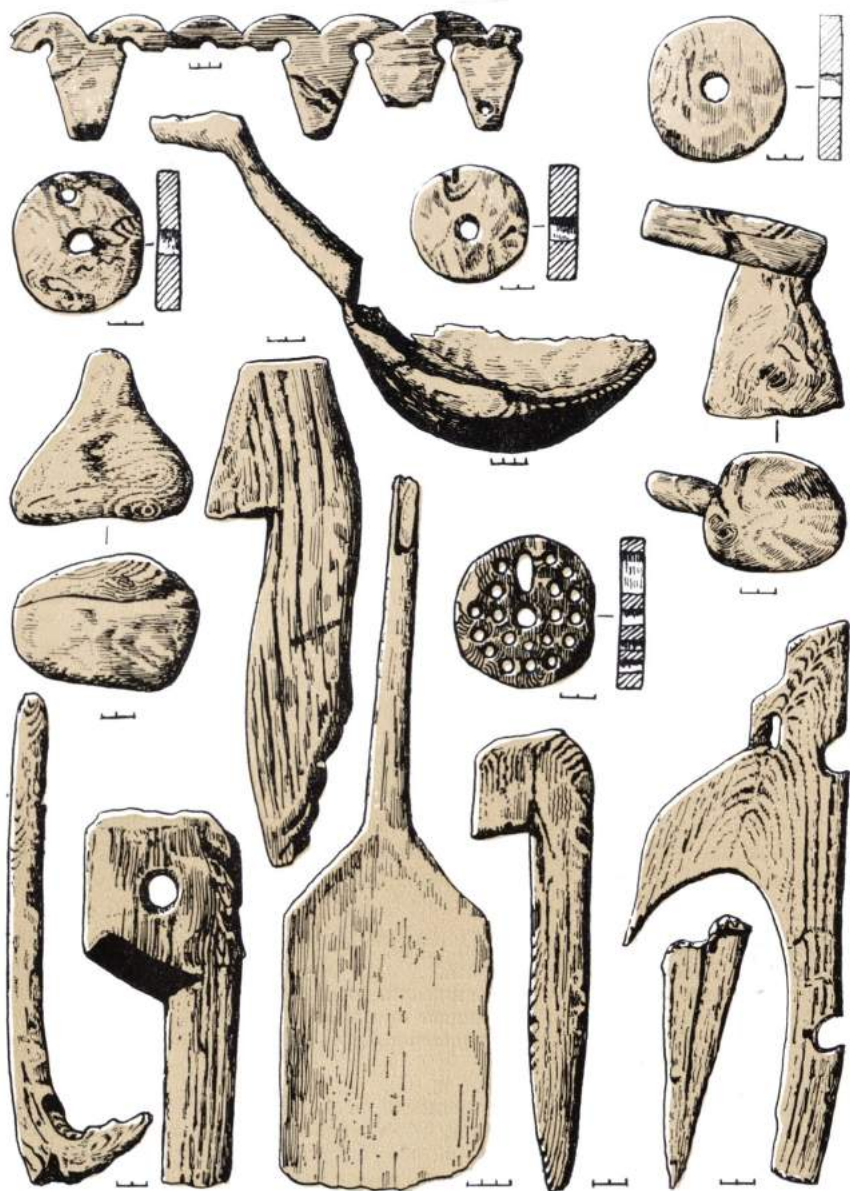

Рис 139. Изделия из дерева.
Подол, 1972 г.

Рис. 140. Изделия из дерева.
Подол, 1973 г.

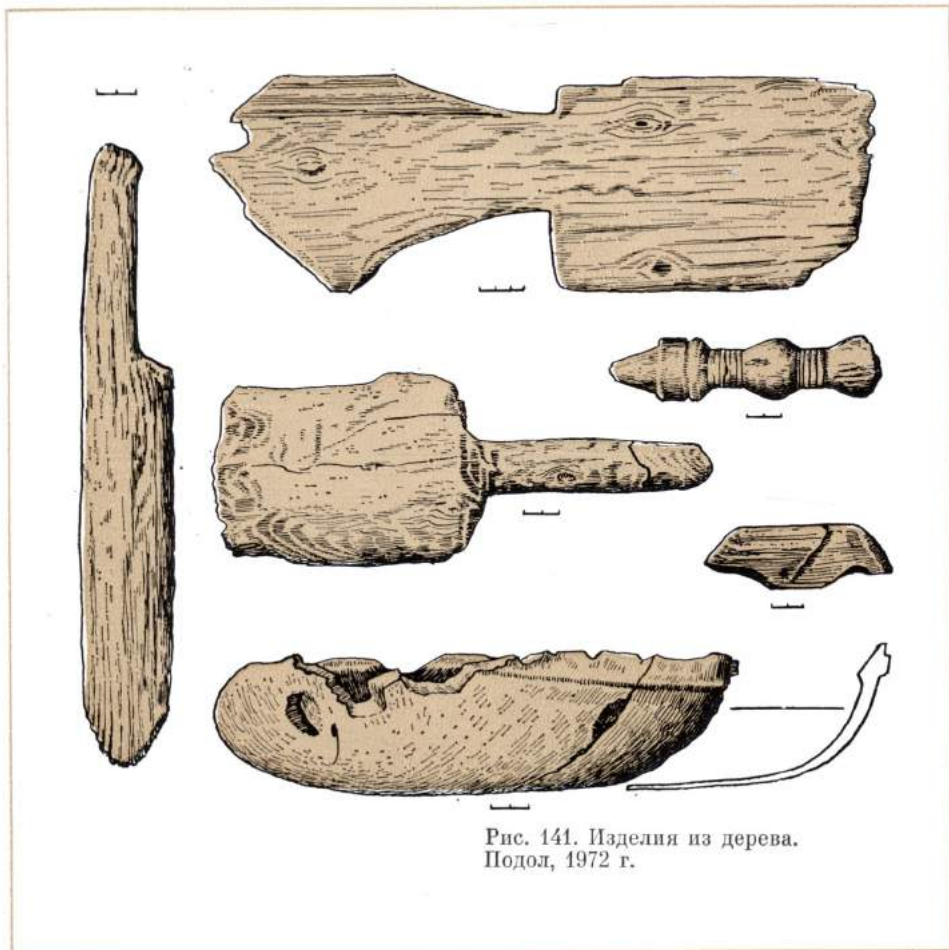

Рис. 141. Изделия из дерева.
Подол, 1972 г.

ные в процессе раскопок, не только свидетельствуют о профессиональном мастерстве ремесленников, но и являются ценным источником для изучения быта жителей Киева в древнерусское время, реконструкции интерьера их жилищ.

Все находки можно разделить на несколько групп, характеризующих разные стороны практической деятельности. Из универсальных орудий труда, по принятой классификации *, в Киеве обнаружено две лопаты (одна из них хлебопечная), отдельные ручки от лопат, две лопаточки хозяйственного и кухонного назначения, несколько чекмарей и вальков (один из них плоский). Хотя среди других древнекиевских промыслов ведущее место занимало рыболовство **, однако находок, связанных с рыболовным снаряжением (снастями), пока немного. Это поплавки из дерева, коры, бересты от неводов и сетей. На одном трапециевидном деревянном поплавке был вырезан знак в виде пятиугольной звезды ***.

Как и в других городах, в Киеве широкое распространение получила деревянная посуда (бондарная, точеная, резная, долбленая, берестовая, плетеная). Неоднократно встречались отдельные клепки-планки и днища бочек. Почти целый бочонок был найден на Подоле (ул. Жданова, 6). Несколько раз встречались фрагменты точеной посуды. На Житном рынке обнаружена точеная миска на поддоне. При раскопках на Красной площади на полу одного из жилищ была найдена резная чаша****. Рядом находился ковш с изогнутой ручкой. Два ковша были выявлены и при раскопках на Житном рынке, один из них — с плоской ручкой. Довольно часто встречались остатки берестяной посуды. В усадьбе на Красной пл. обнаружены туес (берестяной стаканчик с крышкой). В торце этой же усадьбы, у забора стоял берестяной короб. Аналогичные коробки и лукошки цилиндрической формы выявлены при раскопках на Житном рынке. Неоднократно встречались долбленые корыта (в хозяйственных подклетах). При раскопках по ул. Верхний Вал найдена «жлукто» — долбленая бочка без дна и длинный пращ. На одной из усадеб Житного рынка обнаружены остатки двух плетеных корзин.

141

Транспортные средства представлены находками двух колес от повозки, одним полозом от саней, уключиной. Остатки колеса, обнаруженного на Житном рынке, состояли из деревянного обода и двух (из 13) дубовых спиц. Полоз от саней представлял собой длинный дубовый брус с тремя пазами для копылов. Как и новгородские, киевский полоз гнутый¹³⁵. По мнению исследователей, особую отрасль древодельного ремесла должно было составлять кораблестроение¹³⁶.

142

В Киеве найдено несколько орудий труда, связанных с обработкой прядильных растений. Это — трепала и чесала, колотушки-вальки.

140

Кроме этого обнаружены различного рода крючья, клинья, токарные бобышки, заготовки деталей.

Большинство деревянных изделий Киева имеют прямые аналогии в новгородских древностях. Основная масса киевских находок датируется X — началом XII в. В обезвоженных слоях XII — первой половины XIII в. деревянные предметы практически не сохраняются.

* Классификация, технология изготовления, хронология и многие другие вопросы, связанные с проблемой изучения археологической древесины, исследованы Б. А. Колчиным на основании уникальной коллекции новгородского дерева. (Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. — САИ, 1968, вып. Е1—55; Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. — САИ, 1971, вып. Е1—55).

** Рыбьи кости в чешуя постоянно встречаются при раскопках древнего Киева, образуя иногда значительные скопления.

*** Аналогичный знак обнаружен на одном из берестяных поплавок Новгорода. Б. А. Колчин считает, что метки на поплавах являлись знаками собственности и талисманами. (Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 22—23, рис. 13).

**** По наблюдениям Б. А. Колчина, резные чаши применялись в Новгороде только в X — начале XI в. (Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 44). Это вполне согласуется с датировкой подольской усадьбы, где была обнаружена чаша. (Гупало К. М. До издания про формування посаду давнього Києва. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 15).

¹³⁵ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 52.

¹³⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 413. По устному сообщению строителей метростроя, при проходке тоннеля на Красной пл. Подола была обнаружена лодка более 3 м в длину.

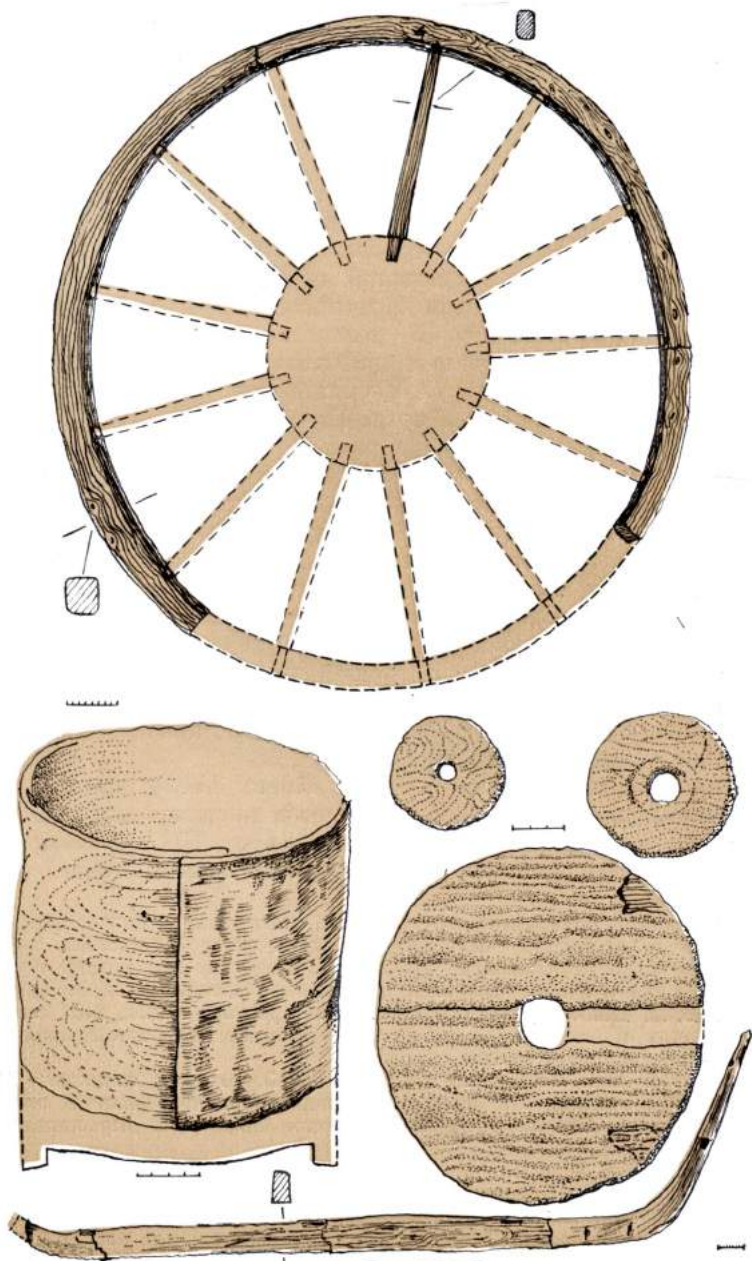

Рис. 142. Изделия из дерева.
Подол, 1973 г.

Значительно беднее пока представлено в Киеве резное дерево. Это фрагмент архитектурной балясины и оконный наличник. Найдено также несколько детских игрушек: конек и птица (уточка).

* * *

Костерезное ремесло, по археологическим источникам, получило в Киеве достаточно широкое распространение. Об этом же говорят и византийские свидетельства, называя резьбу по кости — «резьбой руссов»¹³⁷. По мнению исследователей, обработка кости в техническом отношении очень близко стоит к обработке дерева, с той лишь разницей, что первая, ввиду более твердого материала, требовала от мастера большей изощренности приемов и более совершенных инструментов¹³⁸.

Мастерские по обработке кости при раскопках встречались в городе неоднократно¹³⁹. Причем топография этих находок показывает, что этим ремеслом занимались в различных районах древнего Киева¹⁴⁰.

В последнее время следы костерезного ремесла обнаружены еще в двух пунктах. В жилище № 1 (1970 г.), раскопанном на Старокиевской горе, выявлен набор костяных заготовок различных изделий. Здесь же найдено большое количество костей домашних и диких животных. Автор раскопок высказала предположение, что хозяин этого жилища был ремесленником-костерезом¹⁴¹. Второй пункт зафиксирован на Подоле (между улицами Героев Триполья и Хоревой), где в одной из хозяйственных построек был обнаружен небольшой склад обработанных (распиленных) костей, возможно, являвшихся заготовками каких-то изделий.

Ассортимент костяных предметов, бытовавших в Киеве, чрезвычайно разнообразен. В последние годы коллекция костяных изделий несколько пополнилась за счет новых находок. Среди орудий, связанных с домашним производством и промыслом, на первом месте стоят разнообразные проколки и шилья. Их делали из небольших костей домашних животных при помощи косого среза одного из эпифизов¹⁴². Рабочее острие, а нередко и вся поверхность предмета заполированы. На усадьбе X — начала XI в. (Красная ул.) найдена игла с продолговатым ушком. Обнаружено несколько рукоятей (ножей?). Одна цельная круглая рукоять с геометрическим орнаментом выявлена на ул. Фрунзе, 17. Вторая, изогнутая, с тщательно выполненной резьбой в виде стилизованной ветви, — на Красной пл.

Из предметов вооружения можно назвать заготовку костяной накладки для лука¹⁴³, стрелы, тип 8, ромбовидная, с длинной шейкой,

¹³⁷ Кондаков Н. П. Указ. соч., с. 80, прим. 1.

¹³⁸ Рыбаков В. А. Ремесло Древней Руси, с. 413.

¹³⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 470—471.

¹⁴⁰ Шовкопалас А. М. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве. — КСИА АН УССР, 1954, вып. 3, с. 37.

¹⁴¹ Кіліевич С. Р. Дослідження Старокиївської гори. — В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 31.

¹⁴² Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога. — АСГЭ, 1966, вып. 8, с. 103—104.

¹⁴³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1958, № 65, с. 143, рис. 8, 2—6; 10, 4, 6.

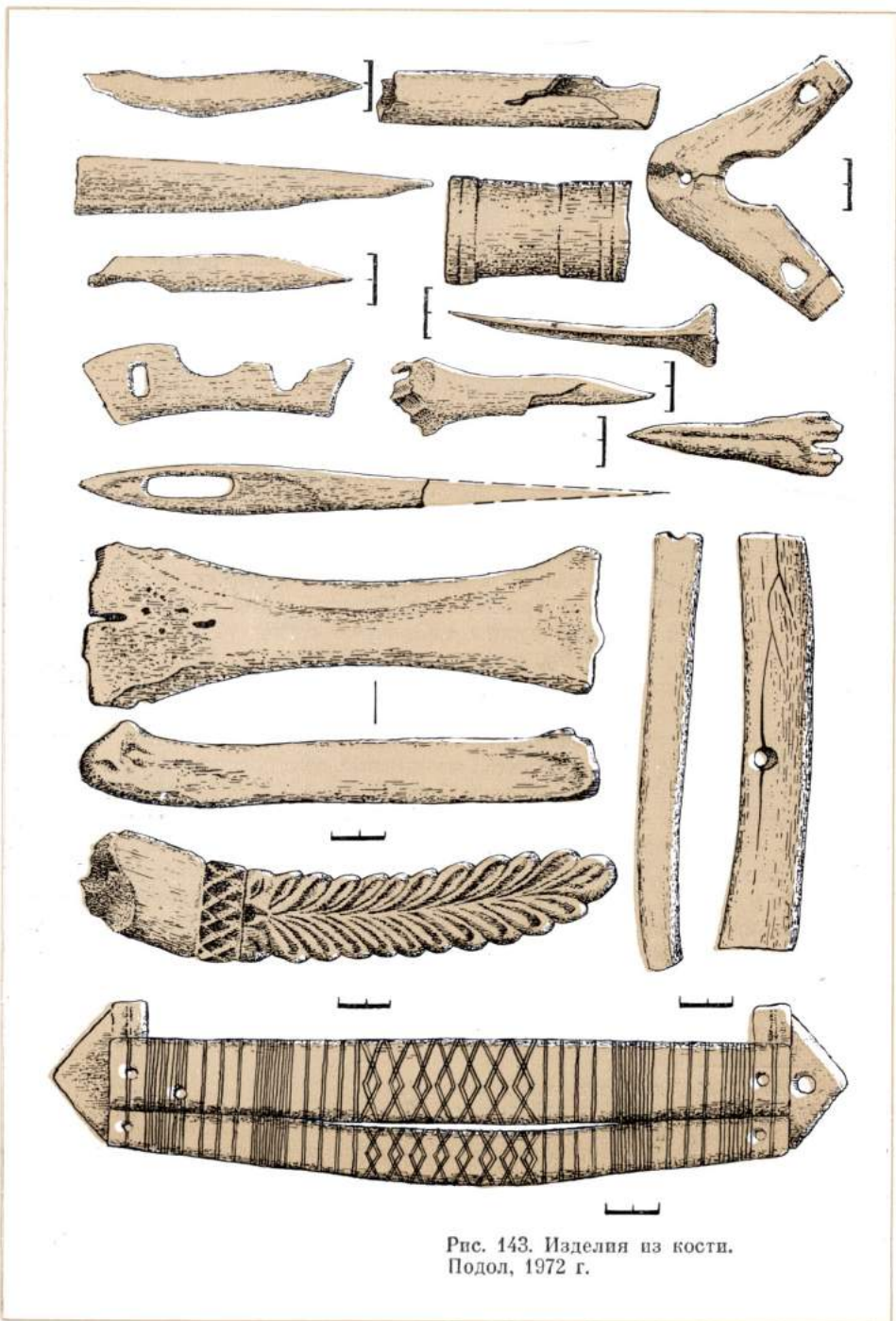

Рис. 143. Изделия из кости.
Подол, 1972 г.

Рис. 144. Костяные расчески.
Подол, 1972 г.

по А. Ф. Медведеву¹⁴⁴, фрагмента псалии в виде конской головы. Первые две находки хорошо известны по раскопкам древнерусских городов.

Предметы туалета и украшения представлены находками гребней и пуговиц. Хронология и технология изготовления гребней хорошо разработаны¹⁴⁵. Новые находки костяных гребней в Киеве относятся к двум типологическим и хронологическим группам. Первая (по Б. А. Колчину) — наборные односторонние гребни-расчески с футлярами X — первой половины XI в.¹⁴⁶ Одна расческа найдена в женском погребении в Верхнем городе¹⁴⁷. Футляр от аналогичной расчески найден на Подоле¹⁴⁸. И футляр и расческа украшены геометрическим орнаментом.

Ко второй группе¹⁴⁹ относятся два цельных двухсторонних трапециевидных гребня, обнаруженных на Подоле в слоях XII—XIII вв. Найдена также круглая пуговица и пуговица-застежка.

Среди других предметов можно назвать игольники, кастаньеты (?), коньки-лощила. Интересны две накладки. Первая — с изображением со-

¹⁴⁴ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, с. 165, рис. 13, 70.

¹⁴⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, с. 92—111; Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги. — АСГЭ, 1962, вып. 4, с. 95—108; Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги. — АСГЭ, 1968, вып. 10, с. 54—63.

¹⁴⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 101.

¹⁴⁷ Толочко П. П., Боровский Я. С. Язычницкие капище в «городи» Володимира. — В кн.: Археология Киева, К., 1979, с. 8, рис. 6.

¹⁴⁸ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 77, рис. 26.

¹⁴⁹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 102, рис. 5, 6 (тип Н).

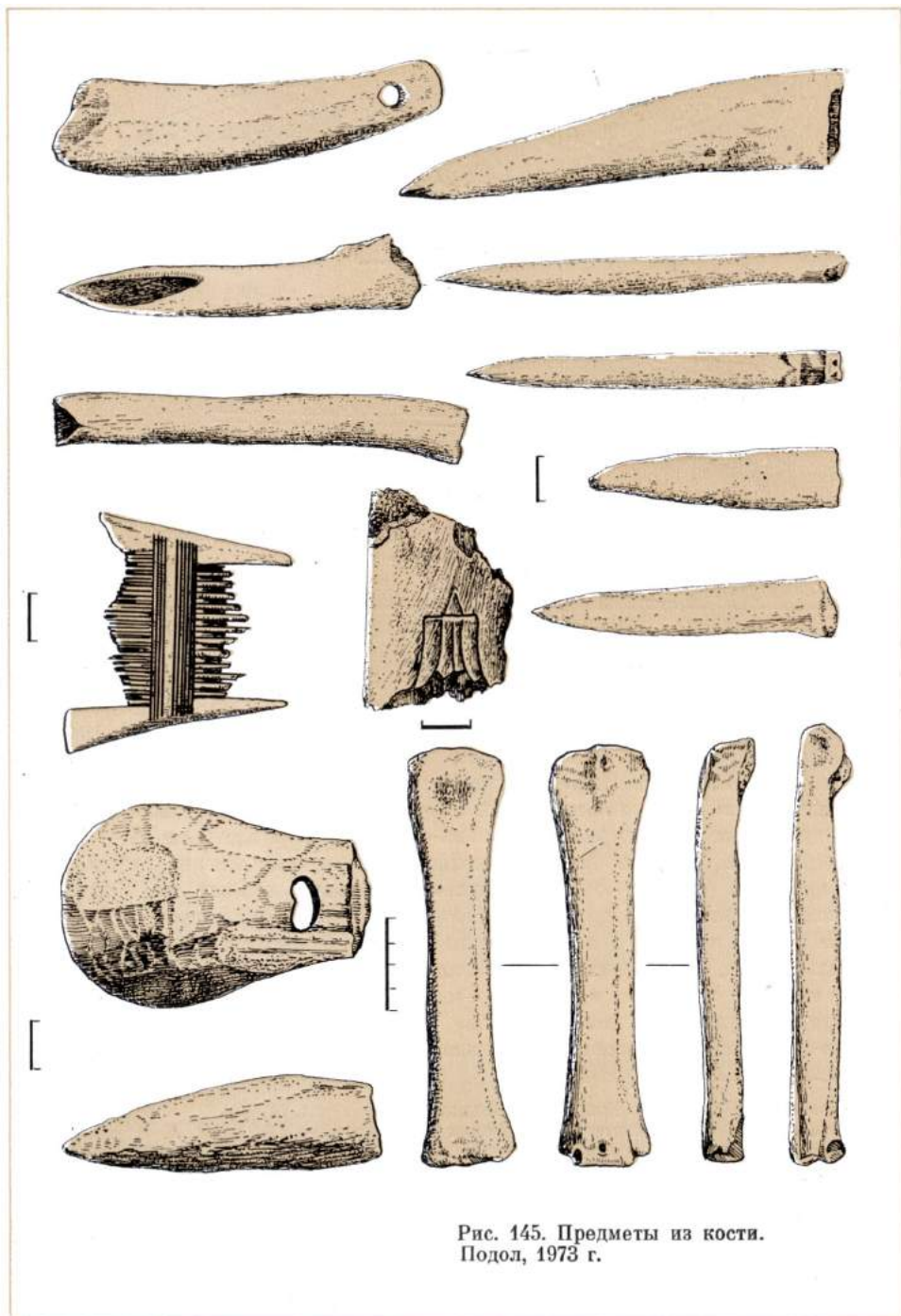

Рис. 145. Предметы из кости.
Подол, 1973 г.

Рис. 146. Костяная пластина. Фрагмент.
Подол. Случайная находка.

вы, вторая (фрагмент рукоятки) — с изображением идущей птицы*. Обращает на себя внимание находка двух обломков костяных пластин со знаками Рюриковичей. Интересно костяное острие-писало (X в.), верхняя часть которого вырезана в форме головы медведя. Аналогичные писала найдены в других древнерусских городах¹⁵⁰.

144,
146

* * *

Широкое распространение получила в Киеве обработка камня. Ведущее положение этого вида ремесла среди других вызвано огромным размахом строительного дела в городе¹⁵¹. Исследователи древнерусского ремесла предполагают достаточно узкую специализацию мастеров, связанных с обработкой камня¹⁵².

Б. А. Рыбаков работы по камню делит на две группы: первая — связанная со строительством, и вторая — это мелкая ювелирная работа над скульптурной резьбой или огранкой и отшлифовкой мелких самоцветов¹⁵³. Несмотря на масштабы архитектурно-строительной деятельности, мастерская по обработке строительного камня в Киеве обнаружена всего однажды¹⁵⁴.

* Случайная находка на берегу Днепра. Аналогичная рукоятка найдена в 1976 г. в Рязани. (Даркевич В. П. Старорязанская экспедиция. — АО 1976 г. М., 1977, с. 50).

¹⁵⁰ Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв. — СА, 1960, № 2, с. 152.

¹⁵¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 471.

¹⁵² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 427.

¹⁵³ Там же, с. 417.

¹⁵⁴ Хвойка В. В. Указ. соч., с. 69—74. В правильности интерпретации постройки на участке № 17 сомневалась Г. Ф. Корзухина. М. К. Каргер склонен датировать мастерскую XII—XIII вв. (1240).

В 1975 г. в Киеве были зафиксированы следы мастерской, связанной с обработкой мелких предметов. На Подоле, при раскопках по ул. Верхний Вал на глубине 4—4,5 м от современной поверхности были обнаружены следы производства пряслиц из овручского шифера. Культурный слой, в котором они находились, датируется (основываясь на стратиграфических наблюдениях, ввиду незначительности сопутствующего материала) XI—XII вв.¹⁵⁵

Было выявлено около трех десятков заготовок, бракованных деталей, отходов производства, красноречиво свидетельствовавших о том, что рядом находилась мастерская по производству шиферных пряслиц. В мастерской, судя по найденным деталям, изготовлялись пряслица с внешним диаметром 20—21 мм и диаметром веретенного отверстия 8—9 мм. По мнению Р. Л. Розенфельдта, пряслица с таким диаметром внутреннего канала следует датировать второй половиной XI — первой половиной XII в.¹⁵⁶ Размеры обнаруженных заготовок: 27×33×17 мм и 25×29×16 мм. В них уже просверлены веретенные отверстия, которые сужаются (с одной стороны их диаметр — 9 мм, с другой — 7 мм). На этих заготовках отсутствуют следы одновременного процесса высверливания канала пряслица и вырезания (выкружения) пряслица из тела заготовки, что предполагал Р. Л. Розенфельдт, реконструируя процесс изготовления пряслиц. Однако на других (более тонких) заготовках такие следы встречаются. При высоте заготовки 9—10 мм диаметр канала равняется 8, при высоте 16—17—9 мм. Найденные заготовки и отходы производства показывают, что на изготовление одного пряслица в данной мастерской требовалось около 20 см шифера.

Шиферные пряслица являются одной из наиболее распространенных категорий находок в древнерусской археологии. По выражению В. А. Рыбакова, это «вещи с широким общерусским диапазоном распространения». Их производство, сбыт, а также область распространения были детально исследованы Б. А. Рыбаковым¹⁵⁷.

Однако находка на Подоле позволяет уточнить и несколько дополнить существующие представления по данной проблеме. Считалось, что производство шиферных пряслиц было сосредоточено исключительно в районе Овруча¹⁵⁸. Во многом это мнение основывалось на том факте, что до сих пор ни одной мастерской по изготовлению пряслиц в Киеве не найдено. Ни разу во время раскопок в разных местах города (в том числе и в ремесленных районах) не были встречены характерные остатки шиферных плиток с высверленными из них пряслицами, которые могли бы говорить о местном их производстве (в фондах ГИМ УССР хранятся несколько десятков заготовок пряслиц, часть из которых предпо-

¹⁵⁵ Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 45—46.

¹⁵⁶ Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц.— СА, 1964, с. 223.

¹⁵⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 190—193, 446—467 и др.

¹⁵⁸ Там же, с. 190—193, 466—467; Рыбаков Б. А. Ремесло.— В кн.: История культуры Древней Руси. Т. 1. Материальная культура. М.: Л., 1948, с. 108—113, 354—377; Розенфельдт Р. Л. Указ. соч., с. 320; Мальм В. А. Шиферные пряслица и их использование.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 197—206.

¹⁵⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 190.

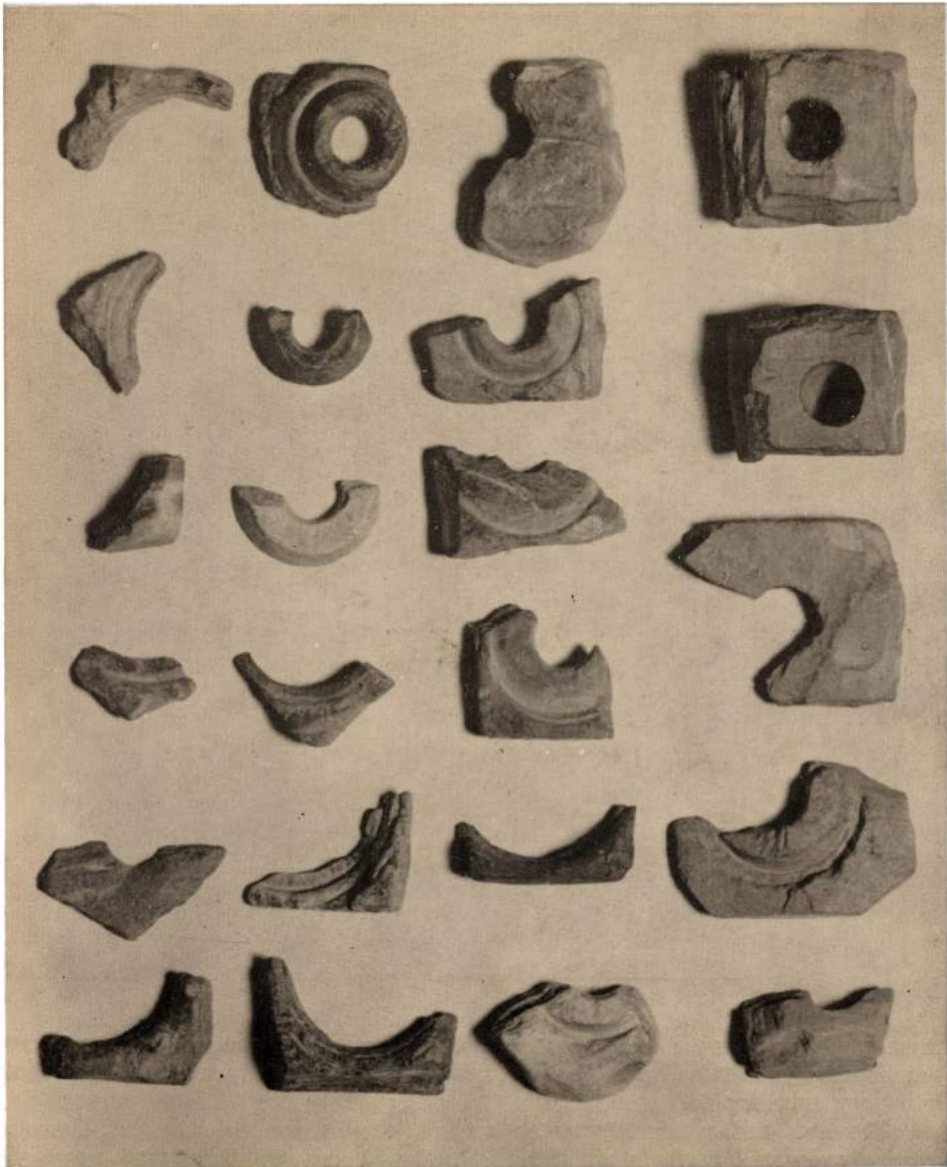

Рис. 147. Остатки производства шиферных пряслиц. Подол, 1975 г.

жительно можно связать с территорией Киева). Следовательно, несмотря на наличие в Киеве привозного шифера, местные ремесленники производством пряслиц не занимались¹⁵⁹. Отсутствие находок производства 331

Рис. 148.
Остатки
производства
наделей из
янтаря.
Подол, 1969 г.

шиферных пряслиц в Киеве и других древнерусских городах послужило основанием для того, что данное производство было отнесено в разряд сельских промыслов.

Теперь, после обнаружения следов такой мастерской на Подоле, можно говорить о местном, киевском, производстве шиферных пряслиц. Как показывают данные раскопок, их производство, кроме Киева, имело место и в других древнерусских центрах¹⁶⁰. Следовательно, само изготовление пряслиц не было ни монополией овручских камнерезов, ни чисто сельским промыслом.

Сырье для мастерской в Киеве могло доставляться двумя основными путями. Во-первых, непосредственно из овручских каменоломен, где ремесленник заказывал небольшие партии шифера. Возможно, он мог кооперироваться с другими ремесленниками, которые занимались про-

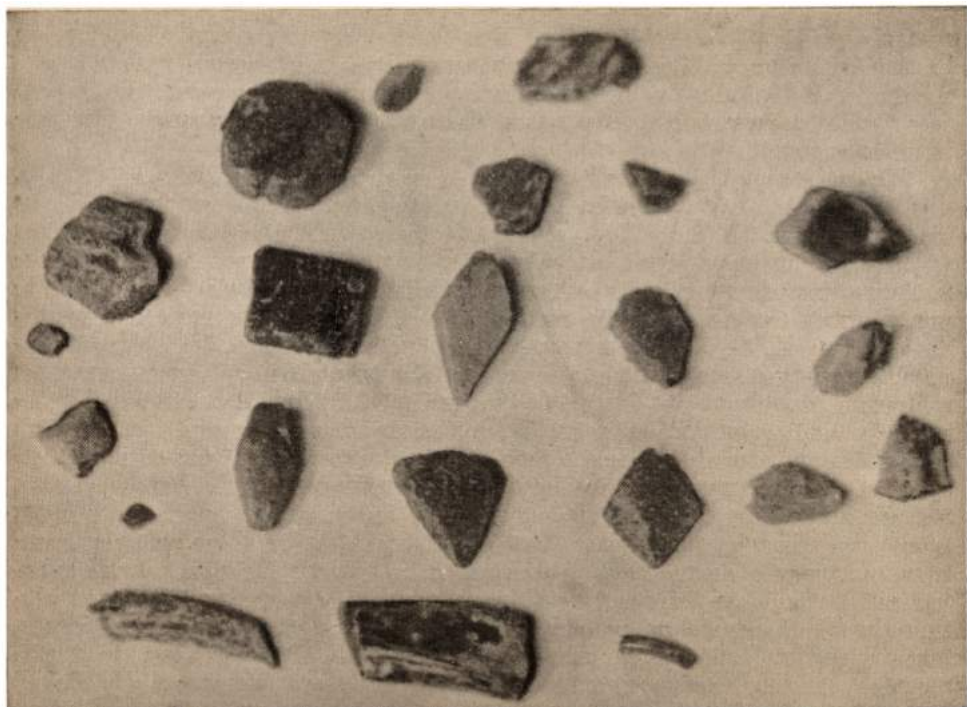

Рис. 149. Заготовки ятарных украшений. Подол, 1975 г.

извоздством крестиков, иконок, а также мелких поделок из шифера и которые также нуждались в относительно небольших партиях сырья. Шифер в Киев доставлялся, вероятнее всего, водным путем: Уж — Припять — Днепр.

Вторым источником сырья для производства пряслиц могли служить отходы мастерских, связанных со строительным делом и обработкой крупных масс камня.

Обнаруженная мастерская по производству пряслиц открыла еще одну, не известную ранее, специализацию киевских ремесленников.

Достаточно широкое распространение в древнем Киеве получили изделия из ятара. Местное их производство подтверждается находками нескольких мастерских по обработке ятара: две — в Верхнем городе* и две — на Подоле¹⁶¹. На последних двух, раскопанных недавно, остано-

¹⁶⁰ Седова М. В. Что показали археологические раскопки. — В кн.: Суздалю — 950 лет. Ярославль, 1977, с. 68; Шгызов Г. В. Города Полоцкой земли. М., 1978, с. 113.

* Одна — по ул. Десятинной (Хойловский И. А. Раскопки великокняжеского двора древнего Киева. Киев, 1898, с. 42, 48, 52); вторая — в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 473, 475).

¹⁶¹ Толочко П. П., Гупало К. М. Вказ. праця, с. 14; Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 53.

148 вимся подробнее. Следы одной из них были зафиксированы в 1969 г. по ул. Ярославской, 41. Здесь, кроме значительного количества красноватого янтара, были обнаружены как готовая продукция (перстни, многогранные бижутерические бусы, нательные крестики), так и заготовки для различных изделий.

149 Следы второй ремесленной мастерской были выявлены в 1975 г. при исследованиях усадьбы бывшей Покровской церкви (1766) на ул. Зелинского. В слое XIII в. открыт небольшой фрагмент постройки (1×1,5 м), которая, судя по находкам, была мастерской ремесленника-ювелира, изготавливавшего изделия из янтара. Основная часть мастерской оказалась перекрытой полом из майоликовых плиток каменного сооружения XIV—XV вв. и поэтому раскопана не была. Найдено 18 полуобработанных заготовок из янтара. Большинство из них — плоские пластины толщиной 3—4 мм, квадратной, ромбовидной и бипирамидально-усеченной формы. Вероятно, ассортимент изделий данной мастерской был небольшим и представлял собой преимущественно бусы и подвески-кулоны. Янтарь красноватого оттенка. По мнению Р. Л. Розенфельда, это тот же желтый янтарь, прокаленный в глиняных горшках, в которых куски его засыпались песком. При такой технологии он получался сходным по цвету с сердоликом. Изделия из толченого янтара покрывались белесой коркой, он становился менее прочным, с многочисленными трещинами¹⁶². Местного ли происхождения этот янтарь, или прибалтийского, сказать трудно, поскольку, как утверждает Р. Л. Розенфельд, по химическому составу, качеству и внешнему виду днепровский и прибалтийский неотличимы¹⁶³. Отметим, однако, что во всех обнаруженных мастерских по обработке янтара в Киеве встречался янтарь красноватого цвета. И только на ул. Десятинной наряду с ним попадались и куски желтого янтара.

Судя по ассортименту, янтарные изделия из вновь открытых подольских мастерских были рассчитаны на самый широкий круг потребителей как города, так и деревни. Все они, безусловно, массового производства.

6. Строительное дело

Широко развернувшееся в Киеве в конце X — первой половине XI в. строительство каменных культовых и светских сооружений вызвало необходимость организации развитого производства строительных и отделочных материалов — изготовление кирпича, поливных плиток, обработка строительного камня, выжигание извести и др. Места расположения этих производственных комплексов представляли собой большие строительные площадки, которые, как правило, находились рядом с сооружаемыми зданиями.

Впервые отчетливые остатки производств, связанных со строительством, были обнаружены в 1907—1908 гг. В. В. Хвойкой к юго-западу от Десятинной церкви¹⁶⁴. Это были мастерские по обработке камня, использовавшегося при сооружении зданий архитектурного ансамбля Города Владимира.

В выписках А. А. Спицына из дневника В. В. Хвойки, опубликованных Г. Ф. Корзухиной¹⁶⁵ в аннотации к раскопу № 13, который нахо-

дился в юго-западной части современной усадьбы ГИМ УССР, отмечено, что с 0,7 м до глубины 1,50—1,80 м идет сплошная масса щебня и более крупных осколков гранита, шифера, известняка, мрамора и лабрадора. Большинство камней обработано, на некоторых — следы извести. В. В. Хвойка считал, что здесь находилась мастерская по обработке архитектурных деталей из камня для строительства Десятинной церкви. По мнению Г. Ф. Корзухиной, залегание мощного слоя камня было связано с разрушением каменного здания, открытого В. В. Хвойкой в соседнем раскопе (№ 20). Свои выводы она подтверждала наличием на некоторых камнях следов раствора извести. Нам представляется более правдоподобным предположение В. В. Хвойки, так как идет речь о почти метровом слое щебня (отбросы производства) и обработанных кусках различных пород камня, и только на некоторых камнях имеются следы извести. Последние могли попасть туда из выкида земли, а может быть, из разрушенного рядом каменного сооружения. Следует отметить, что значительное количество фрагментов обработанных каменных деталей и отдельных кусков плинфы, мрамора, песчаника, валунного гранита обнаружено в культурном слое во время раскопок района Десятинной церкви.

В последние годы благодаря открытиям производственных комплексов вблизи Десятинной церкви, а также в районе архитектурного ансамбля Города Ярослава появились новые важные данные для характеристики строительного дела в древнем Киеве.

Особый интерес в этом плане представляют раскопки 1974 г., обнаружившие юго-западнее фундаментов Десятинной церкви (почти рядом с мастерской по обработке камня) остатки двух печей для обжига плинфы, сложенных из сырцового кирпича на глине¹⁶⁶.

Одна из печей (№ 1) — сравнительно хорошей сохранности, прямоугольная в плане, длинными сторонами ориентирована с юго-востока на северо-запад. Сохранилась только часть нижнего яруса печи — топочного. Верхний ярус, в который загружали кирпич для обжига, разрушен. Топочная часть печи состояла из двух продольных камер, разделенных стеной, сложенной, как и наружные, из сырцов. Одна камера сохранилась почти полностью.

От другой остались только две стены. С фасада в северо-западной части находилось топочное устье печи шириной 0,90 м. Размеры печи по наружным обмерам — 4,80×4,00 м. Толщина наружных стен 1 м. Они сложены из сырцов в четыре ряда. Внутренняя стена, разделяющая топку на две камеры, сложена из сырцов в два ряда. Размеры топочных камер — 3,00×0,90 м и 2,70×0,90 м. Под печи представляет собой слой обожженной докрасна глины толщиной до 0,30 м. Максимальная высота

¹⁶² Розенфельдт Р. Л. Янтарь на Руси (X—XIII вв.).— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 198.

¹⁶³ Там же, с. 197.

¹⁶⁴ Хвойка В. В. Указ. соч., с. 69—74.

¹⁶⁵ Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойки на усадьбе Петровского в Киеве.— СА, 1956, № 25, с. 384, приложение к статье, с. 339.

¹⁶⁶ Килиевич С. Р. Печи для обжига плинфы X в. у Десятинной церкви.— АО 1974 г. М., 1975, с. 284—285; Килиевич С. Р. До питання про будівельну справу в Києві.— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 11—18.

Рис. 150. Печь № 1 для обжига плинфы. Общий вид. Ул. Владимирская, 2, 1974 г.

уцелевших стен топки — 1,30 м. В верхней части стен первой камеры в двух местах сохранились фрагменты свода.

151

Поверхность внутренних стен топки под действием сильного огня ошлакована, зеленоватого цвета. Весь корпус печи прокален до ярко-красного цвета на толщину до 0,40 м.

Вокруг печи в культурном слое найдено много ошлакованной плинфы, представляющей брак производства. Отдельные блоки скипевшихся плинф дают представление о способе ее укладки в верхней обжиговой камере печи: один ряд укладывался плашмя, а следующий ставился на ребро. Такой способ укладки плинфы отмечен в печи XII в., открытой в 1963 г. около монастырского собора конца XII в. в восточном предме-

Рис. 151. Внутренний вид топочной камеры № 1. Ул. Владимирская, 2, 1974 г.

стье Смоленска — Рачовке¹⁶⁷. В отличие от киевской, эта печь была круглой формы.

Обжигаемая плинфа в открытых нами печах отличалась от строительного материала (сырца) в основном по толщине: размер сырца 25—27×6,5—7 см; размер плинфы 24×28×2,5 см. Следует отметить, что в наружных стенах встречается также сырец более крупных размеров: 39—40×28×5—7, 6—6 см.

Способ выжигания плинфы-«плиты» ярко описан в письме Кирилла Туровского к игумену Печерского монастыря Василию: «Ты создалъ

¹⁶⁷ Юшко А. А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 307—312.

каменные стены около всего Печерского монастыря на твердъ основѣ высоки и красны и первое же изобрѣл еси свое богатство, тако же огнем и плиту устроить еси, водою же и калом свершил еси»¹⁶⁸.

152 На расстоянии 3,5 м к северо-западу от первой печи № 1 находилась вторая, почти полностью разрушенная. Она имела ту же конструктивную схему и размеры, которые восстанавливаются по поду и сохранившейся в основании стен прокаленной докрасна глине.

Аналогичная печь была открыта раскопками Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в 1936 г. К сожалению, кроме краткой записи в дневнике руководителя раскопок Ф. Н. Мовчановского, никакой другой полевой документации не сохранилось¹⁶⁹. Согласно его описанию, печь находилась к северо-западу от Десятинной церкви. Стены ее выложены из сырца, обожженного только с внутренней стороны. С внешней следы обжиг не заметны. Размеры сырца — 45 см, толщина — 6—7 см. На северной и южной стенах обнаружена светлая полоса (толщиной 18 см), которая, возможно, фиксировала перекрытие топки, опиравшееся на «козлы», делившие топку на две камеры. Высота козлов — 0,5—0,55 м. В восточной части камер были выходы для дыма и «избыточного» огня, так как здесь следов перекрытия не заметно, а стены больше всего оплакованы и задымлены. Высота северной стены печи — 0,22 м, южной — 0,30 м. Ширина отверстия для выхода дыма и огня в каждой камере — 1,02—1,05 м. Автор раскопок ошибочно датировал эту печь XVIII в.

Все три печи, открытые в районе Десятинной церкви, находились в перекопанном культурном слое, насыщенном разновременным строительным и бытовым мусором. Это, несомненно, следы кладоческательской деятельности А. С. Анненкова. Чтобы не допустить новых раскопок возле Десятинной церкви и в своей усадьбе, намеченных Киевской комиссией для разбора древних актов, А. С. Анненков подал ходатайство на имя киевского генерал-губернатора Бибикова¹⁷⁰, в котором указывал, что эта территория им уже исследована и что, кроме следов глубоких рвов и ям, а также засыпанных погребов, здесь ничего нет. Не исключено, что под засыпанными погребями следует подразумевать сырцовые печи.

Интересно отметить, что уровень дневной поверхности времени сооружения печей для обжиги плинфы и строительства Десятинной церкви приблизительно одинаковый.

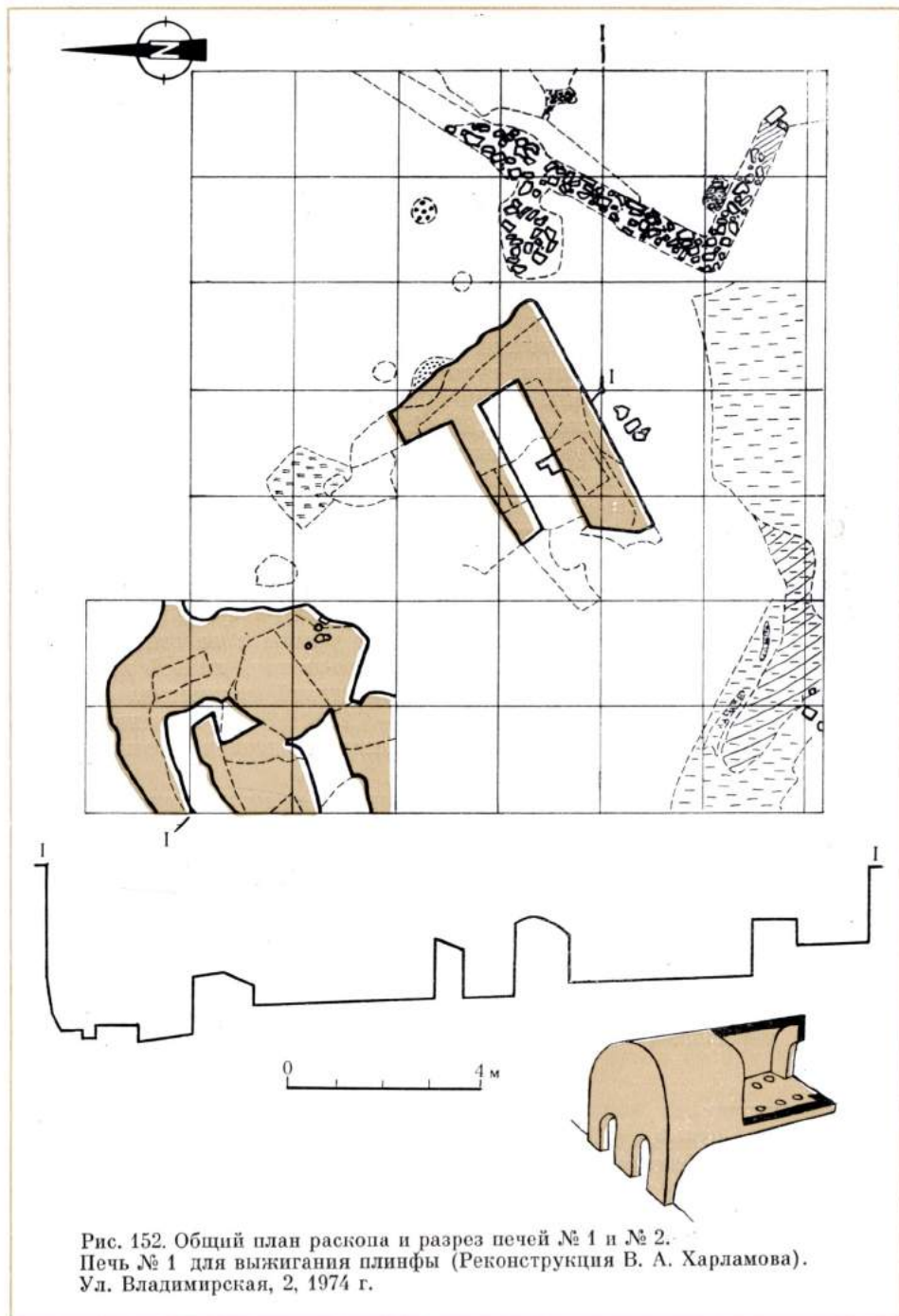
Кроме того, характер плинфы, отдельные находки керамики, а также результаты археомагнитного исследования * обожженного сырца, глиняного раствора и пода печи дают основания датировать открытый производственный комплекс второй половины X в.—временем, когда застраивалась территория Киевского детинца в пределах Города Владимира.

¹⁶⁸ Срезневский Н. Н. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Спб., 1895, т. 2, с. 985.

¹⁶⁹ Мовчановский Ф. Н. Дневник № 2.— НА ИА АН УССР, 1936, ф. 20, № 13 (1323а).

¹⁷⁰ Письмо А. С. Анненкова киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову.— КС, 1894, т. 15, апрель, с. 152—155.

* Археомагнитное исследование произведено научными сотрудниками Института геофизики АН УССР О. М. Русаковым и Г. Ф. Загнем.

Как известно, в крупных городах существовали отдельные артели мастеров-плинфоделателей, занятых изготовлением кирпичей для строительства сооружений¹⁷¹. Открытые печи вблизи Десятинной церкви, очевидно, и обслуживала одна из таких артелей.

По форме и размерам печи, обнаруженные возле Десятинной церкви, сходны с печью XI—XII вв., открытой в 1946 г. в Суздале¹⁷². Последняя — прямоугольная в плане, разделена на семь камер. Высота внутренних перегородок — 1,20. Между верхним и нижним ярусами было горизонтальное перекрытие из кирпича, в котором прорезаны прямоугольные продухи от каждой камеры. Возможно, что аналогичное перекрытие между двумя ярусами могло быть и у печей, выявленных около Десятинной церкви.

Исходя из размеров полезной площади печи, открытой в Суздале (3,92×2,8 м), А. Д. Варганов считал, что в ней могло одновременно обжигаться около 5 тыс. шт. кирпича. Размер полезной площади киевских печей немного меньше (3,10×2,50). Основываясь на расчетах А. Д. Варганова, можно предположить, что в каждой из них могло обжигаться более 4 тыс. шт. за один цикл.

Открытые печи для обжига плинфы, как и аналогичные в Смоленске, Суздале, принадлежали к числу печей, которые ставились временно для обслуживания нужд строительства.

153 Характеристику строительной площадки Города Владимира дополняет изображение на земле трехнефного храма, открытого к востоку от печи № 1 для обжига плинфы, на одном уровне с ее основанием¹⁷³. Эскизное изображение храма выложено светло-желтой глиной на темном фоне земли. Четкая геометрическая форма линий размещена в строго горизонтальной плоскости. Размеры его — 1,23×1,25 м. Западная часть изображения срезана поздней ямой, заполненной разновременным строительным и бытовым мусором.

К. Н. Афанасьев, изучая прием построения архитектурной формы памятников древнерусской архитектуры XI—XII вв., отмечает, что история не оставила ни одного строительного чертежа, относящегося к изучаемому периоду. Однако установленное наличие точных геометрических и кратных соотношений всех размеров древнерусских сооружений свидетельствует о необходимости составления зодчими предварительного, причем точно расчерченного проекта, который мог быть выполнен «либо на пергаменте, либо на отшлифованном камне, либо на доске или даже на выравненной земляной площадке. Эти схемы и были практически рабочими чертежами, которые можно себе представить совершенно реально»¹⁷⁴.

¹⁷¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 356—359.

¹⁷² Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале.— КСИМК, 1956, № 65, с. 49—54.

¹⁷³ Килиевич С. Р. Раскопки у Десятинной церкви, с. 301—302.

¹⁷⁴ Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, с. 204.

¹⁷⁵ Каргер М. К. Древний Киев, т. 2, с. 36—49; Холостенко М. В. З історії зодчества Древньої Русі X ст.— Археологія, 1965, т. 19, с. 74—80; Афанасьев К. Н. Указ. соч., с. 42—43.

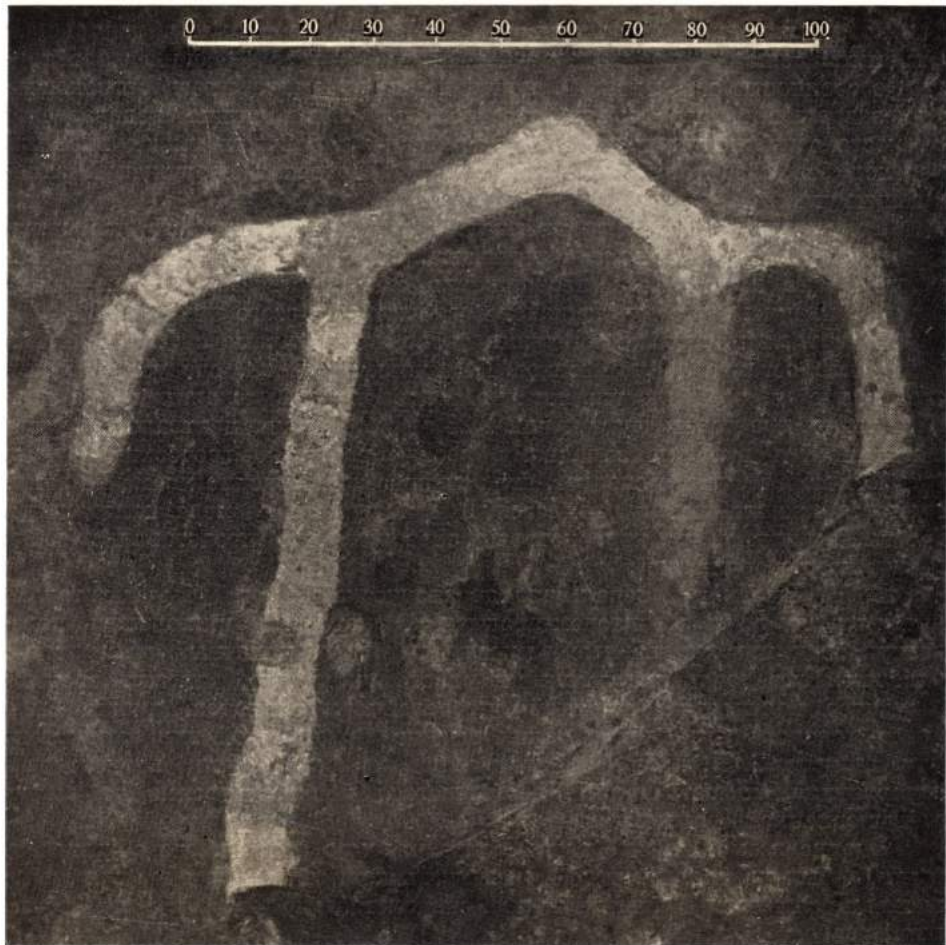

Рис. 153. Эскизное изображение
трехнефного храма на земле.
Ул. Владимирская, 2, 1976 г.

Возможно, таким рабочим чертежом и является изображение трехнефного храма, открытого на площадке X в.

Как известно, древнейшим ядром Десятинной церкви было также трехнефное сооружение с тремя апсидами¹⁷⁵. Есть основания предполагать, что эскизное изображение храма представляет собой вариант архитектурного решения не плана, а фасада будущего сооружения Десятинной церкви. Левая половина этого эскиза, очевидно, представляет собой изображение полуциркульного покрытия центральной закомары и четверть циркульного покрытия левой закомары. На правой половине изображения угадывается вариант полуциркульного решения правой закомары.

Основанием для определения данного эскизного изображения как вариантов решения фасада сооружения являются следующие характерные особенности его узлов: 1) центральная закомара имеет остроконечное завершение, что может представлять собой линию водораздела; 2) места сопряжения центральной закомары и боковых имеют плавный переход без характерных для планов древнерусских сооружений западающих углов*.

При исследовании ситуационного размещения эскизного изображения и Десятинной церкви обнаружилось, что ориентационные оси настоящего храма и эскизного изображения совпадают. Ось восток—запад храма отклоняется от оси эскизного изображения всего лишь на 3°.

Сопоставляя размеры эскизного изображения храма с фактическими размерами остатков фундаментов Десятинной церкви, следует отметить следующие их особенности: ширина эскизного изображения храма равна четырем греческим футам, или 2,23 м**. Ширина центральной части Десятинной церкви по западному фасаду равна 60 греческим футам, или 18,5 м***. Отсюда следует, что эскизное изображение храма на земле является масштабным и равняется 1/15 натурального размера центральной части Десятинной церкви, которая первоначально представляла собой трехбфное сооружение****.

Б. А. Рыбаков отмечал, что древнерусский зодчий был не только художником, но и строителем-практиком, «которому приходилось переводить свои художественные замыслы на язык, понятный всем исполнителям. Еще до начала земляных работ нужно было заказать соответствующее количество кирпичей определенных форматов, нужно было учесть, сколько кирпичей и каких именно ляжет в той или иной стене или пилястре... Важным моментом в работе зодчего было производство «очертания», то есть плана, чертившегося непосредственно на земле, на выровненной «долине»¹⁷⁶.

Вполне возможно, что такой эскиз рядом с печами, где обжигалась плинфа, был необходим, чтобы рассчитать количество кирпича для сооружения Десятинной церкви, а также, возможно, для архитектурного решения фасада.

Настоящая находка чертежа на месте строительной площадки открыта впервые и по своему значению является уникальным памятником древнерусской строительной техники.

Вторая большая строительная площадка исследовалась в 1970 г. в Городе Ярослава на самом краю плато над Крещатицким оврагом¹⁷⁷.

* Автор благодарит архитектора В. Д. Иваненко за консультацию в вопросах интерпретации эскизного изображения.

** Главные членения эскизного изображения и Десятинной церкви базируются на размере греческого фута, который равняется 308 мм.

*** Метрический анализ проведен автором вместе с архитектором В. Д. Иваненко.

**** Согласно расчетам В. Д. Иваненко, расстояние между внешними контурами центральной закомары приблизительно равняется 2 футам, на боковые закомары приходится в среднем по футу. Толщина липий изображения соответствует 1/4 части футовой меры, что масштабно равняется реальным размерам ширины фундаментов сооружения.

¹⁷⁶ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих.— СА, 1957, № 1, с. 103—104.

¹⁷⁷ Толочко П. П., Гупало К. М. Вказ. праця, с. 20—27.

Рис. 154. Печь для выжигания извести, XI в. Общий вид. Ул. Ирининская, 1970 г.

Здесь вдоль ул. Ирининской во время земляных работ, связанных с сооружением высотного дома № 3 и прокладкой подземных коммуникаций, обнаружены необычные круги обожженной докрасна материковой глины. Расстояние между ними — 5—6 м. Два из них находились вблизи дома № 6, остальные — около домов № 3 и № 5. Предварительные обмеры показали, что диаметр кругов приблизительно — 2,5 м.

В результате проведенных археологических раскопок на этом месте выявлен целый производственный комплекс печей XI в. для выжигания извести. По свидетельству строителей, подобные сооружения (не менее двух) встречались ими и во время рытья котлована для дома № 3.

Одна из обнаруженных печей имела хорошую сохранность (рис. 154). В поперечной траншее, которая перерезала ул. Ирининскую и подходила к дому № 3, обнаружен довольно большой фрагмент круглой стены. Сложена она из плинфы (3,5—4×25×34—35 см), на глиняном растворе. Внутренняя сторона стены сильно оплакована. Плинфа провалена почти

Рис. 155. Печь для выжигания извести (деталь). Ул. Ирпневская, 1970 г.

на половину одного ряда. Свидетельством высокой температуры, которая достигалась в печи, была также полоска обожженной докрасна глины, шириной в 0,4 м, за пределами стены.

155 В плане печь имела почти правильную круглую форму с выступающими в южной части челюстями. Ее стена толщиной около 0,6 м сложена из двух рядов плинфы (среди которой встречается и крупноформатная — $3,5 \times 29 \times 33$ см) на глиняном растворе.

156 В связи с тем что камера печи опущена в материк, тщательно уложена только внутренняя сторона стены. Снаружи стенка смыкается с материковой глиной. Высота кладки от пода равняется 0,65—0,75 м. Сохранились от 12 до 14 рядов плинфы, между которыми лежат толстые слои глиняного раствора. Круглая стена печи в южной части переходит в стенки челюстей, которые расходятся в меру их отдаления от входа в камеру. Ширина входа в камеру печи — 0,8 м, вход в челюсти — 0,9 м.

344 Длина стенок устья печи — 1 м, высота — 0,3—0,4 м. Внутренний ди-

Рис. 156. Печь для выжигания извести (деталь). Ул. Ирвинская, 1970 г.

аметр камеры печи — 2,6—2,7 м. Внутренняя сторона стены ошлакована, в отдельных местах ошлакованная масса имеет яркий светло-зеленый цвет. Подом печи служила материковая глина, выровненная в горизонтальную круглую площадку, которая представляла сплошную керамическую корку толщиной до 5 см.

Для выяснения характера внутреннего заполнения, в северном секторе камеры был выбран весь завал, состоящий из битой плинфы и отдельных небольших блоков кладки. Под завалом плинфы лежал толстый слой извести и известкового камня. Возле устья и за пределами печи слой извести был значительно меньше. Раскопки показали, что выжженная известь выгружалась через устье печи, которая по неизвестным причинам осталась неразгруженной, и это обстоятельство помогло авторам раскопок более четко определить ее производственный профиль. В ней, как и в других пяти-шести печах, выявленных и частично исследованных в этом районе, выжигалась известь.

Во время расчистки другой печи (около дома № 6) обнаружена частично сохранившаяся кладка из плинфы, которая повторяла форму обожженной глины, но шла по внутреннему ее периметру. Из-за высокой температуры плинфа и глиняные швы между ней превратились в ошлакованную массу темно-красного, а в отдельных местах — светло-зеленого цвета. Внутренний диаметр печи равнялся приблизительно 2,5—2,6 м. Устье печи находилось в 4—4,5 м от стены дома № 6. Незначительная глубина залегания печей (под асфальтом проезжей части улицы) свидетельствует о больших планировочных работах в этом районе Города Ярослава, благодаря чему был срезан культурный слой, а также верхние части исследуемых сооружений.

Остатки других печей оказались еще худшей сохранности. Ни в одной из них не сохранились кирпичные стены, а круги обожженной глины были настолько изрезаны траншеями, что даже не удалось определить их размеры. Единственным элементом, который свидетельствовал о производственном характере печей, была известь.

Впервые печи для выжигания извести были открыты в 1950 г. во время раскопок Суздальского Кремля¹⁷⁸. Одна из печей была обнаружена в 20 м от северного угла церкви Рождества. В плане она имела круглую форму, диаметр равнялся 3 м. Стены сложены из плинфы-сырца, а ее внутренняя сторона от высокой температуры превратилась в сплошную ошлакованную массу. На юго-восток от печи находилась яма (1,2 м) для выгрузки извести. А. Д. Варганову удалось заметить также следы деревянных столбов диаметром около 30 см, которые, видимо, служили опорой навеса¹⁷⁹.

157 На основании материалов раскопок и этнографических данных П. П. Толочко прослежена конструкция киевской печи для обжига извести, а также проведен расчет ее производственной мощности¹⁸⁰. Печь представляла собой цилиндрическую шахту, сложенную из обожженной плинфы на глине в глубоком котловане. На высоте 0,7—0,8 м от пода внутренняя часть стены имела уступ, выше которого начиналась обжигательная камера. Топочная часть шахты загружалась через устье дровами или же древесным углем. Прямо на топливо, но уже через верхнее отверстие загружался измельченный известняк, который, очевидно, пересыпался несколькими слоями угля.

Процесс выжигания считался законченным, когда вся масса известняка прожаривалась до ярко-красного цвета, что достигалось при температуре более 900° С. Цикл всех работ, связанных с выжиганием извести, продолжался четыре-пять дней.

Производственную мощность киевских печей можно определить согласно данным, которыми пользовался А. Д. Варганов. В 1666 г. голова московских стрельцов Юрий Лутохин купил в казну известковые печи. Одна из них размером 16 сажней по кругу и 16 пядей высоты давала 900 бочек извести, другая в окружности 11 сажней на 17 пядей — 300 бочек за цикл¹⁸¹. Киевская печь по своему объему, а возмож-

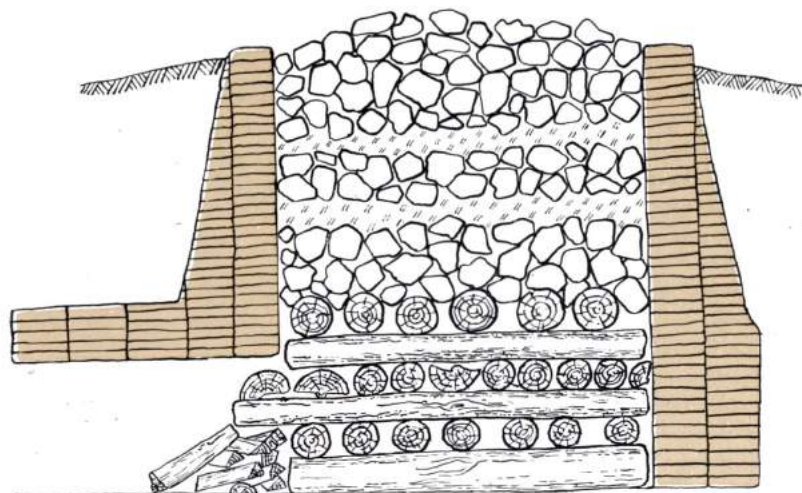
¹⁷⁸ Варганов А. Д. Указ. соч., с. 49—54.

¹⁷⁹ Там же, с. 51.

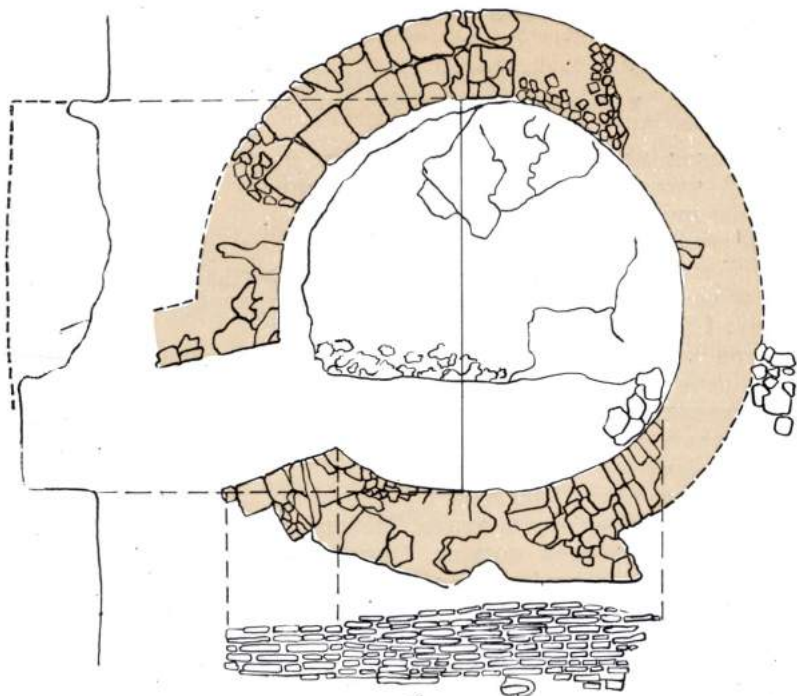
¹⁸⁰ Толочко П. П., Гупало К. М. Вказ. праця, с. 27.

¹⁸¹ Варганов А. Д. Указ. соч., с. 52.

а

б

0 5 1 м

Рис. 157. Печь для выжигания извести:
 а) реконструкция (Ш. П. Толочко);
 б) план. Ул. Ирининская, 1970 г.

но, и по мощности была вдвое меньше второй печи, купленной главой московских стрельцов. Таким образом, комплекс киевских печей, которых было не менее шести, за один цикл работы мог готовить 900 бочек извести.

О времени функционирования этого производственного комплекса по выжиганию извести свидетельствует, в некоторой степени, его местонахождение. Расположен он вблизи архитектурного ансамбля Города Ярослава (в 50—60 м от церкви св. Ирины и в 150—200 м от Софийского собора). И вполне естественно предполагать, что его продукция удовлетворяла потребности строительства именно этого ансамбля. Такое предположение подтверждается и другими данными. Плинфа, из которой сложена печь, датируется временем не позже XI в. Археомангнитный метод исследования показывает, что печи прекратили свое функционирование в 40-х годах XI в.*

Таким образом, есть все основания предполагать, что находящийся вблизи сооруженного ансамбля Города Ярослава производственный комплекс был призван к жизни именно этим строительством. Его открытие дает возможность представить юго-западный сектор Города Ярослава 20—40-х годов XI в. в виде гигантской строительной площадки, на которой в четком взаимодействии работали ремесленники разных специальностей: каменщики, гончары, стеклоделы, а также мастера по выжиганию извести.

С окончанием строительства архитектурного ансамбля Города Ярослава, очевидно, и закончил свое функционирование печь для выжигания извести¹⁸².

Небольшая печь для обжига плинфы была открыта И. Ф. Топкой в северной части территории Государственного архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей»¹⁸³.

Печь вырезана в материковой глине. Форма ее овальная с продолговатым устьем**. Сохранилась только юго-восточная часть обжиговой камеры и часть устья. Размеры печи восстанавливаются по обожженному поду: 1,50×2,25 м.

Внутри под стенкой свода сделан горизонтальный уступ-полочка. В центре печи находился овальный останец материка, образующий центральный столп. Между ним и уступом-полочкой проходил канал. От высокой температуры поверхность стен и центрального столпа сильно оплавлены, зеленоватого цвета.

Внутри печь была завалена фрагментами плинфы, которая в основном стояла на ребре, вертикально. Между плинфами лежали отдельные фрагменты керамической посуды. Они предусматривались для уплотнения и устойчивости плинф при их установке в печи.

По своему устройству и расположению она напоминает печь для обжига кирпича, открытую в Смоленске. Как предполагает И. Ф. Топкая, печь скорее всего существовала в комплексе с другими подобными печами.

Таким образом, археологическими раскопками на территории древнего Киева открыты большие производственные комплексы, обслуживающие строительство зданий крупных архитектурных ансамблей конца X—первой половины XI в.

На строительных площадках в районе Десятиной церкви, архитектурного ансамбля Города Ярослава размещались печи для обжига плитки, выжигания извести, мастерские по обработке камня, изготовлению поливных плиток, свидетельствующие о широко развитом и хорошо организованном строительном производстве древней Руси.

7. Вопросы развития и социальной организации киевского ремесла

Материалы о киевском ремесле, полученные трудом нескольких поколений археологов, свидетельствуют о его многопрофильности и высоком уровне развития. Уже в X в. киевские ремесленники освоили ряд сложных в техническом отношении производств — обработку железа, литье ювелирных изделий в каменных формочках, изготовление строительной керамики. Видимо, к началу XI в. относится овладение секретами стеклоделия, эмали, черни, зерни, поливы и других отраслей художественного ремесла. Характерной чертой киевского ремесленного производства являлся непрерывный рост его технической зрелости, причем высший этап развития приходился на XII — начало XIII в.¹⁸⁴

Одним из доказательств этого вывода явилось обнаружение и исследование многочисленных ремесленных мастерских древнего Киева. Тщательное изучение обстоятельств их гибели позволило М. К. Каргеру установить, что основная масса мастерских была разрушена и прекратила свое существование в результате разгрома Киева монголо-татарскими полчищами в декабре 1240 г. Большая часть известных ныне производений киевского ремесла и сами мастерские относятся к концу XII — началу XIII в.¹⁸⁵

Значительным производственным потенциалом обладало кузнечное ремесло, изделия которого являются одной из массовых находок при раскопках Киева. Структурное изучение показало, что киевские кузнецы владели всеми техническими и технологическими приемами обработки железа. В X—XI вв. им была известна технология многослойных изделий, техника сварки железа и стали, в XII—XIII вв. — технология наварки стальных лезвий на железную основу. Сохранялся в киевском кузнечном ремесле и такой архаичный, но технологически прочный прием, как цементация. Наличие в изученной коллекции орудий труда значительного процента изделий, изготовленных при помощи сложной многослойной технологии или же трудоемкой и непроизводительной цементации, свиде-

* Исследования О. Н. Русакова и Г. Ф. Загния.

¹⁸² Голошко П. П., Гупало К. М. Вказ. праця, с. 24—25.

¹⁸³ Тоцькал И. Ф. Отчет об археологических исследованиях на территории Софийского заповедника в Киеве, 1975. — НА ИА АН УССР.

^{**} Пользуемся случаем выразить большую благодарность руководителю раскопок И. Ф. Топкой за ознакомление с результатами исследований, подготовленных автором раскопок к публикации.

¹⁸⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 432—433, 451, 521; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 369—479. Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, с. 220—234.

¹⁸⁵ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 372—373.

тельствует, вероятно, о большом удельном весе в кузнечном ремесле восточного сектора.

Древний Киев являлся крупнейшим центром художественного ремесла. Обнаруженные в городе клады имели в своем составе более 3 тыс. дорогих ювелирных изделий из золота, серебра, сплавов. Большие серии вещей составляют различные медные кресты, энколпионы, иконки, браслеты, серьги и другие изделия, вышедшие из литейных мастерских Киева. Накануне монголо-татарского нашествия древнерусские ювелиры освоили технику литья в «имитационных» формочках, способствовавшую резкому увеличению производства украшений для широкого городского рынка. По заключению Г. Ф. Корзухиной, идея изготовления литых украшений принадлежала опытным ювелирам Киева, где и обнаружено подавляющее большинство имитационных формочек: 98 из 140. Распространение имитационных каменных форм является свидетельством широко и разносторонне развитого ремесла и не может считаться признаком его упадка. Накануне монгольского нашествия киевские ювелиры стали законодателями мод¹⁸⁶.

Продукция киевских ювелиров-литейщиков удовлетворяла не только нужды Киева, но и широким потоком шла на рынок, в том числе и зарубежный. Согласно исследованиям Б. А. Рыбакова, лишь наличие широкого и гарантированного круга заказчиков или рынка могло способствовать появлению таких дорогих и трудоемких приспособлений, как литейные формы¹⁸⁷.

Позже к аналогичному выводу пришел и М. К. Каргер, полагавший, что появление техники свинцовых или оловянных отливок в «имитационных» формочках свидетельствует о весьма важных процессах в развитии киевского ремесла. От изготовления единичных экземпляров дорогостоящих изделий, выполнявшихся по индивидуальному заказу, киевские ремесленники перешли к серийному производству на широкий рынок¹⁸⁸.

Еще большего совершенства, чем «кузнецы злату, серебру и меди», достигли древнекиевские мастера эмалей. Княжеские диадемы и бармы, медальоны и колты, кресты и ожерелья, драгоценные переплеты книг и сегодня поражают высоким мастерством и свежестью красок.

Б. А. Рыбаков, а также Т. И. Макарова, посвятившая русским перегородчатым эмалям серьезное монографическое исследование, показали, что этот вид художественного ремесла, возникнув в Киеве в XI в., достигает наивысшего развития в XII — начале XIII в.¹⁸⁹ Прейдя школу греческих мастеров, киевские эмальеры уже к началу XII в. в состоянии были выполнить заказ любой сложности. Не случайно в украшении знаменитого Мстислава Евангелия, написанного в Новгороде около 1117 г., наряду с византийскими, принимали участие и киевские мастера. Как видно из приписки к Евангелию, книгу возили в Царьград, затем в Киев, где и « скончася въсе дело ».

Т. И. Макарова, осуществив тонкий анализ пяти дробниц (кютцев) Мстислава Евангелия, предприняла попытку пересмотреть традиционное представление об их киевском происхождении. В цветовой гамме и в некоторых особенностях «рисунка» перегородками у мастера, по ее мнению, больше последователей в Новгороде¹⁹⁰. Вывод этот, однако, не может поколебать совершенно четкого указания приписки на место

работы. Наличие новгородских последователей может быть объяснено тем, что именно эмали оклада послужили толчком к налаживанию местного эмальерного производства. Если бы оно к моменту написания Мстиславова Евангелия было развито в Новгороде, не было бы смысла заканчивать работу над окладом в Киеве.

С киевской эмальерной мастерской исследователи более уверенно связывают две княжеские диадемы (с деисусным чином и с изображением Александра Македонского), большую часть медальонов от барм, многие колты, кресты-энколпионы, ряд образков. Вершиной русского эмальерного дела, как убедительно показала Т. И. Макарова, являются работы киевского мастера второй половины XII в. Лазаря Богни, лучшая среди которых — крест Ефросиньи Полоцкой (1161 г.)¹⁹¹.

В XII в. эмальерное производство получило развитие в Новгороде, Галиче, Рязани и других древнерусских городах, но крупнейшим его центром был Киев. В настоящее время известно свыше 100 предметов, украшенных перегородчатой эмалью, и более половины их найдено в кладах Киева и Киевщины. На Старокиевской горе раскопаны также ювелирные мастерские, в которых изготовлялись вещи с перегородчатой эмалью. Функционировали они, как можно заключить по составу находок, в конце XII — первой половине XIII в. и погибли во время разгрома Киева монголо-татарами.

В XII в. наблюдается подъем древнекиевского стеклодела. Многочисленные церковные и гражданские постройки города требовали налаживания отечественного производства оконного стекла, быт — разнообразной стеклянной посуды и украшений. В связи с особой технологической сложностью стеклодела оно концентрировалось преимущественно в крупных городских центрах и прежде всего в Киеве. Широкий ассортимент стеклянных изделий, обнаруженных раскопками Киева, а также выявленные на Старокиевской горе, в пределах Города Ярослава, на территории Печерского и Михайловского монастырей, а также на Подоле стекловарные мастерские свидетельствуют о значительном и высокоорганизованном производстве стекла, удовлетворявшем не только нужды Киева, но и других городов Руси XII—XIII вв.

Согласно исследованиям Ю. Л. Щаповой, Киев вплоть до середины XII в. удерживал монополию производства стеклянных браслетов и был главным поставщиком их в другие земли¹⁹². С появлением этого производства в других центрах Руси киевские мастера-браслетчики не утратили своего ведущего положения. Их продукция по-прежнему пользовалась широким спросом на внутреннем рынке и в значительном количестве ввозилась во многие древнерусские города.

¹⁸⁶ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, с. 220—227, 234.

¹⁸⁷ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 271.

¹⁸⁸ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 386—387.

¹⁸⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 384—389; Макарова Т. И. Указ. соч., с. 8.

¹⁹⁰ Макарова Т. И. Указ. соч., с. 100.

¹⁹¹ Там же, с. 70—73, 100.

¹⁹² Щапова Ю. Л. Мастерская стеклодела в древнем Любече.— Славяне и Русь. М., 1968, с. 231; Щапова Ю. Л. Складні браслети Київщини.— Археологія, 1968, т. 21, с. 107.

XII в. был временем взлета керамического искусства Киева, проявлением чего явилось производство поливной керамики: горшков, кувшинов, писанок, декоративных плиток. Последние особенно в больших количествах обнаружены во время раскопок храмов и дворцов Киева, Белгорода, Вышгорода и ряда других центров Киевской земли. По мнению М. К. Каргера, керамические полихромные плитки с начала XII в. находят самое широкое применение в интерьерах киевских храмов и полностью вытесняют мозаику¹⁹³. Вывод этот находит подтверждение и в новых раскопках монументальных сооружений Киева XII—XIII вв. Поливные керамические плитки найдены в большом количестве при исследовании храма XII в. в урочище «Церковщина» под Киевом, а также киевской ротонды начала XIII в.

Изучение орнамента поливных плиток позволило Б. А. Рыбакову прийти к выводу, что самая сложная техника прослеживается по белгородским образцам конца XII в. Расцвет поливного мастерства в Киеве был обусловлен высоким развитием эмальерного дела. Разнообразие изделий, знакомство с несколькими системами горнов, знание сложной технологии многоцветной поливы — все это, как считает Б. А. Рыбаков, выдвигает киевских мастеров керамики на одно из первых мест среди европейских ремесленников¹⁹⁴. В XII в. они на внутреннем рынке составили конкуренцию даже византийским керамистам. Именно этим исследователи склонны объяснить ограничение ввоза на Русь византийской поливной посуды¹⁹⁵.

Степень изученности киевского ремесла не позволяет с уверенностью судить о конкретной его мощности и удельном весе в экономической жизни всей страны, но вполне достаточно, чтобы убедиться в его прогрессивном развитии на протяжении всей домонгольской истории Киева.

Археологические раскопки, осуществленные в различных древнерусских центрах, не оставляют сомнения в том, что высокоразвитое киевское ремесло XII—XIII вв. оказывало самое глубокое преобразующее влияние на ремесленное развитие всей страны.

Конкретным подтверждением этого вывода может быть исследование истории культурных связей Понеманья с Киевской землей, осуществленное в последнее время Ф. Д. Гуревич. Как показывает археологический материал, особой интенсивностью эти связи отличались начиная с XII в. В это время увеличился ввоз в Понеманье орудных пряслиц, стеклянных браслетов, оконного стекла, крестов-тельничков, покрытых эмалью, энколпионов и других изделий киевского ремесла. «И как бы ни решался вопрос о путях влияния киевского художественного ремесла на обработку цветных и благородных металлов в Понеманье,— пишет Ф. Д. Гуревич,— в этом явлении отражаются глубокие культурные связи двух древнерусских территорий»¹⁹⁶.

Ю. Л. Шапова, говоря о наличии киевских стеклянных украшений на северо-западе Руси, в Прибалтике, в Польше, пришла к выводу, что особенно часто встречаются они в памятниках второй половины XII — начала XIII в. В это время, согласно Ю. Л. Шаповой, из Киева осуществляется в больших масштабах не только экспорт готовой продукции, но и, что еще более важно, экспорт ремесла (возникновение мастерских по изготовлению браслетов в Новгороде, Рязани¹⁹⁷).

Изучая многопрофильное и развитое ремесленное производство древнего Киева, исследователи обращали внимание не только на вопросы истории его технологии и техники, но и социальной организации. По форме киевское ремесло делилось на свободное городское, вотчинное и монастырское. Древнейшей социальной формой являлось вотчинное ремесло. Археологические исследования древнего Киева, ведшиеся долгое время, преимущественно на территории Города Владимира, в пределах монастырских усадеб, привели к тому, что последнее было изучено полнее и разностороннее чем посадское.

Мастерские, обнаруженные вблизи Десятинной церкви и каменных двorcов, а также в усадьбах бывших Михайловского и Печерского монастырей, равно как и вещи в них изготовленные, по справедливому мнению Б. А. Рыбакова, свидетельствуют о том, что придворные златокузнецы и эмальеры, мастера скани и зерни были законодателями мод как для Киева, так и для других городов¹⁹³. Кроме драгоценных изделий из золота и серебра, удовлетворявших потребности княжеско-боярской верхушки, вотчинные ремесленники изготавливали и более дешевые виды продукции, поступающей на рынок. Причем со временем наблюдается тенденция к увеличению объема их рыночного производства. Появление каменных литейных формочек у ювелиров, работающих в княжеской части Киева, как полагает Б. А. Рыбаков, говорит о стремлении вотчинных ремесленников к овладению широким провинциальным рынком¹⁹⁹. Начало этого процесса относится, вероятно, к XI в., широкое развитие — к XII в.

С момента выхода на рынок вотчинное ремесло принимает двойственный характер. С одной стороны, оно продолжает развиваться как вотчинное, с другой — приобретает все больше черт свободного городского ремесла.

Характеризуя вотчинное ремесло, исследователи, как правило, основываются на мастерских, обнаруженных в Верхнем городе. Это естественно. В большинстве своем зависимые ремесленники действительно работали на территории феодальных (княжеских, боярских и монастырских) двorcов.

Вместе с тем ряд отраслей вотчинного ремесла развивался вне пределов этих двorcов. К ним, в частности, относится гончарное производство. Бесспорно, что значительную часть массовой керамической продукции поставляли на городской рынок княжеские мастерские. Об этом свидетельствуют многочисленные клейма в виде княжеских знаков на днищах кухонных горшков, найденные в различных частях города. Между тем

¹⁹³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 465.

¹⁹⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 360—363.

¹⁹⁵ Даркевич В. П. К истории торговых связей Древней Руси.— КСИА АН СССР, 1977, вып. 138, с. 95.

¹⁹⁶ Гуревич Ф. Д. К истории культурных связей древнерусских городов Пономанья с Киевской землей. (По материалам ювелирного ремесла).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 22—25.

¹⁹⁷ Шапова Ю. Л. Стекланные браслеты Изяславля.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 87.

¹⁹⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 275—278, 432—433, 511.

¹⁹⁹ Там же, с. 497—498.

ни на территории великокняжеского двора, ни вблизи него следов гончарного производства не обнаружено. Оно сосредоточивалось в посадской части древнего Киева, в непосредственной близости к сырью.

Видимо, то же самое можно сказать о добыче и обработке железа. Развитие этих отраслей ремесла в вотчинном секторе не вызывает сомнения, но связать их непосредственно с княжеским или монастырским хозяйством на основании археологических находок не представляется возможным.

Местом средоточения свободного городского ремесла древнего Киева был посад. Серьезные археологические исследования его, по существу, только начаты, но уже дали важные материалы, свидетельствующие о развитии на Подоле таких отраслей производства, как ювелирное, камнерезное, деревообрабатывающее, стеклоделное, кузнечное.

Судя по находке ювелирной мастерской X в. в районе пересечения линии метрополитена и ул. Верхний Вал, посадское ремесло уже в этот период достигло высокого уровня развития. Со временем, под воздействием рынка, оно непрерывно увеличивало объем и расширяло ассортимент выпускаемой продукции. Об этом, в частности, говорят «имитационные» формочки. Посадские ремесленники при помощи упрощенных технических приемов пытались наладить массовый выпуск ювелирных изделий, напоминавших драгоценные и дорогостоящие вещи княжеских мастерских. Приоритет в изобретении техники свинцовых и оловянных отливок в «имитационных» формочках, по мнению Б. А. Рыбакова, принадлежит свободным ремесленникам. Этот вывод пытались пересмотреть Г. Ф. Корзухина и М. К. Каргер. Полагая, что в его основе лежит единственный аргумент топографического размещения «имитационных» формочек в Киеве, и показав преобладание их находок не в посадской части города, как считал Б. А. Рыбаков, а в княжеской, названные авторы высказали предположение об одновременном овладении технологической новинкой как вотчинными, так и посадскими ремесленниками²⁰⁰.

Думается, что топографический фактор в данном случае не может быть решающим аргументом в пользу того, кому же принадлежали «имитационные» формочки. Во-первых, большинство их, как показывает пример с формочками из тайника Десятиной церкви, могло оказаться в Верхнем городе в канун монголо-татарского вступления в Киев. Во-вторых, и это самое главное, присутствие «имитационных» формочек в мастерских на княжеском и боярских дворах показывает процесс разложения вотчинного ремесла.

К сожалению, материалы для характеристики обеих социальных форм древнекиевского ремесла все еще неполны. Письменные источники редко говорят о конкретной принадлежности ремесленников, археологические — не всегда однозначны.

---

²⁰⁰ Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, с. 220, 229; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 386.

ГЛАВА VI

**ТОРГОВЛЯ ДРЕВНЕГО
КИЕВА**

1. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КИЕВА VIII—X ВВ.
2. ТОРГОВЛЯ КИЕВА В XI—XIII ВВ.

Важной стороной экономического базиса древнего Киева являлась торговля. Широкому ее развитию в значительной степени содействовали успехи сельскохозяйственного и ремесленного производства, по отношению к которым торговля находилась в двойственном отношении. С одной стороны, она полностью зависела от этих отраслей экономики, с другой — содействовала их развитию. «Определенное производство, — отмечал К. Маркс, — обуславливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство в его *односторонней форме* определяется, со своей стороны, другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация»¹.

Киев являлся одним из крупнейших центров внутренней и международной торговли Древней Руси, но изучена эта отрасль его экономики чрезвычайно слабо. В работе М. К. Каргера содержится относительно полная информация о находках кладов и отдельных экземпляров восточных, византийских и западноевропейских монет, однако анализ связей, в результате которых они попали в Киев, практически отсутствует. Некоторые замечания исследователя о состоянии торговли Киева в IX—X вв. нуждаются в уточнении².

Настоящей главой мы пытаемся в какой-то мере восполнить этот пробел в изучении торговли древнего Киева на отдельных этапах его развития, хотя и сознаем, что находящиеся в нашем распоряжении материалы еще не позволяют раскрыть эту тему в полном объеме.

1. Торговые связи Киева VIII—X вв.

В археологических и письменных источниках ранний Киев выступат прежде всего как центр международной торговли. По сравнению с внутренней она являлась первичной, а потому и более развитой. К. Маркс отмечал, что обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с другими общинами³. Еще более активными торговые связи были в пунктах соприкосновения межплеменных союзов, княжеств или государств. Одним из таких пунктов являлся Киев, внешние торговые связи которого уже на раннем этапе отличались необычайной широтой.

Одним из главных направлений международной торговли Киева, в VIII—X вв. были страны Востока — Хазария, Болгария, Средняя Азия, Иран и др. Авторы IX—X вв. — Ибн-Хаукаль, Ибн-Хордадбег, Аль-Истархи, Аль-Масуди — не только отмечают участие русских (киевских) купцов в восточной торговле, но и дают сведения о характере этой торговли, торговых путях и даже номенклатуре товаров, бывших в обороте. Так, известный арабский географ первой половины IX в. Ибн-Хордадбег писал: «А Русы-купцы — один из разделов славян: они возят мех, белок, черно-бурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства до Румского моря, а также и до Хазарской столицы Иттиль, до Багдада»⁴.

Это упоминание чрезвычайно важно, поскольку оно относится ко времени до прихода на Русь варягов. Сколько нужно было поколений, чтобы проложить такие разносторонние и далекие торговые пути от бе-

регов Днепра? Восточная днепровская торговля, как ее описал Ибн-Хордадбег, могла зародиться, по мнению В. О. Ключевского, не менее чем за 100 лет до арабского географа, или около середины VIII в.⁵

В «Книге путей» Ибн-Хаукаля также отмечается, что большая часть товаров перевозилась купцами из страны Русов и Болгар, а также из Куябы (Киева). Аль-Истархи писал, что болгарские купцы ходили до Кутабы (Киева). Свидетельства о том, что Киев имел связи не только с периферией арабского мира (Хазарией и Болгарией), но и с Ираном, мы находим у Аль-Масуди. Он пишет, что страна хазар не производит ничего, что вывозилось бы на юг, кроме рыбьего клея, так как мед и воск, каковые Персия получает от Хазарии, привозятся туда из Руси, Булгар и Киева⁶.

Упоминание Киева наряду с Русью, Хазарией, Болгарией, безусловно, свидетельствует, что уже в IX—X вв. он был значительным центром международной торговли, ведущим двусторонние торговые операции.

Для достижения такого положения Руси приходилось не раз обращаться к оружию. Как отмечает Аль-Масуди, русское войско около 909—910 гг. на 500 судах спустилось по Волге, прошло вдоль западного побережья Каспийского моря и основало в приморском Дагестане опорный пункт. Отсюда русы совершали нападения на Табаристан и намеревались проникнуть в южные районы Азербайджана. Объединенные войска Саманидов, гияншаха, ширваншаха помешали этому, и русы с большим числом пленных вернулись домой. На обратном пути на них напали хазары и нанесли поражение. Известный арабский историк Ибн-Мискавейх в «Книге опыта народов» описал еще один поход русских дружин на Бердаа, который датируется 945 г. Опорной базой русов на этот раз был Дербент, из которого они через Ширван подвинулись по Куре к столице Албании Бердаа и взяли ее. Характерно, что, будучи заинтересованными в экономических связях с этими землями, русы не разрушили Бердаа и запретили грабить население⁷.

В свое время исследователь исторической географии С. М. Середонин писал, что хазары как торговый народ втянули в международную торговлю славяно-русские племена, что, в свою очередь, благоприятствовало возникновению городов⁸. Сегодня мы не можем согласиться с мнением С. М. Середонина, находившегося под сильным влиянием теории В. О. Ключевского (последний, к слову, сам считал хазар торговыми посредниками между Востоком и Русью) о торговом характере Древней Руси, что Киев был вызван к жизни торговлею с Востоком, но должны признать факт, что она имела большое значение для его роста и развития в VIII—X вв. Исследователи неоднократно отмечали, что для народов

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 725—726.

² Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, т. 1, с. 116—126.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 97.

⁴ Заходер В. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967, т. 2, с. 84—85.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1886, т. 1, с. 127.

⁶ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870, с. 133.

⁷ Пауцго В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 99—104.

⁸ Середонин С. М. Историческая география. М., 1916, с. 98.

Рис. 158. Карта находок арабских, византийских и западноевропейских монет в Киеве.

2330 монет; 2 — 1845 г., близ Кириллового монастыря, 200 монет VIII—XIII вв.; 3 — 1851 г., Печерская крепость, несколько тысяч монет VIII — начала X в.; 4 — 1854 г., Присутственные места; 5 — 1863 г., кладбище Иорданской церкви, 192 монеты IX — первой половины X в.; 6 — 1878 г., усадьба Марра (ул. Фрунае, 55—58), монеты VIII в.; 7 — 1885 г., Замковая гора (над Воздвиженской церковью), куфическая монета; 8 — 1889 г., Подол, большой клад куфических монет; 9 — 1913 г., ул. Большая Подвальная, 15, 2930 монет VIII — начала X в.; 10 — 1939 г., Замковая гора, дирхем середины X в.; 11 — 1909—1937 гг. В четырех — пяти погребениях на Старокиевской горе обнаружено 14 дирхемов IX — начала X в.; 12 — угол ул. Рейтарской и Малая Владимирская. Погребение, 40 дирхемов IX — начала X в.; 13 — ул. Екатерининская, 9, одна монета; 14 — усадьба Андреевской церкви, одна монета.

Византийские: 1 — 1843 г., усадьба Софийского монастыря; 2 — 1855 г., Подол, усадьба Иваннишева, 9 монет Иоанна Цимисхия; 3 — урочище Кожемяни, монета Цимисхия; 4 — усадьба Софийского монастыря, золотой солид X в.; 5 — 1894 г., Замковая гора, монеты IX—X вв.; 6 — ул. Екатерининская, 12 золотых монет X — первой половины XI в.; 7 — 1908 г.; Замковая гора, 37 монет IX—X в. херсонесского чекана; 8 — 1883 г., Город Ярослава, одна монета IX в.; 9 — 1882 г., ул. Дорогожичная, погребение купца, монета X в.; 10 — Бессарабская пл., одна монета; 11 — Старокиевская гора, в шести погребениях обнаружено 6 монет IX—X вв.; 12 — 1955 г., ул. Владимирская, 7—9, одна монета; 13 — усадьба Братского монастыря, 6 монет; 14 — ул. Героев Триполья, клад монет; 15 — ул. Фрунае (усадьба кирпичного завода), 2 монеты первой половины X в.; 16 — 1972 г., Красная пл., 2 монеты X—XI вв.; 17 — 1973 г., Житный рынок, 2 монеты IX—X вв.; 18 — усадьба бывшего Михайловского монастыря, одна монета VIII в.; 19 — ул. Большая Подвальная, одна монета; 20 — 1934—1938 гг., усадьба Михайловского монастыря, 2 монеты XI—XII вв.; 21 — 1889 г., усадьба Гребеновского, 2 монеты XII в.; 22 — 1975 г., ул. Болوشская, 17, одна монета XI—XII в.

Западноевропейские: 1 — ул. Козьеболотская (пл. Октябрьской революции), одна монета императора Генриха III (1050); 2 — 1936, 1938 гг. Старокиевская гора, 2 венецианских монеты XIII в.; 3 — 1978 г., ул. Рейтарская, 36—38, 3 английских монеты Канута X — начала XI в.; 4 — 1940 г., усадьба Михайловского монастыря, одна монета германского императора Оттона (983—1002), одна монета английского короля Этельрада II (978—1015).

Руси древнейшими металлическими монетами были арабские, соотносящиеся с русскими гривнами, ногатами и кушами⁹.

158

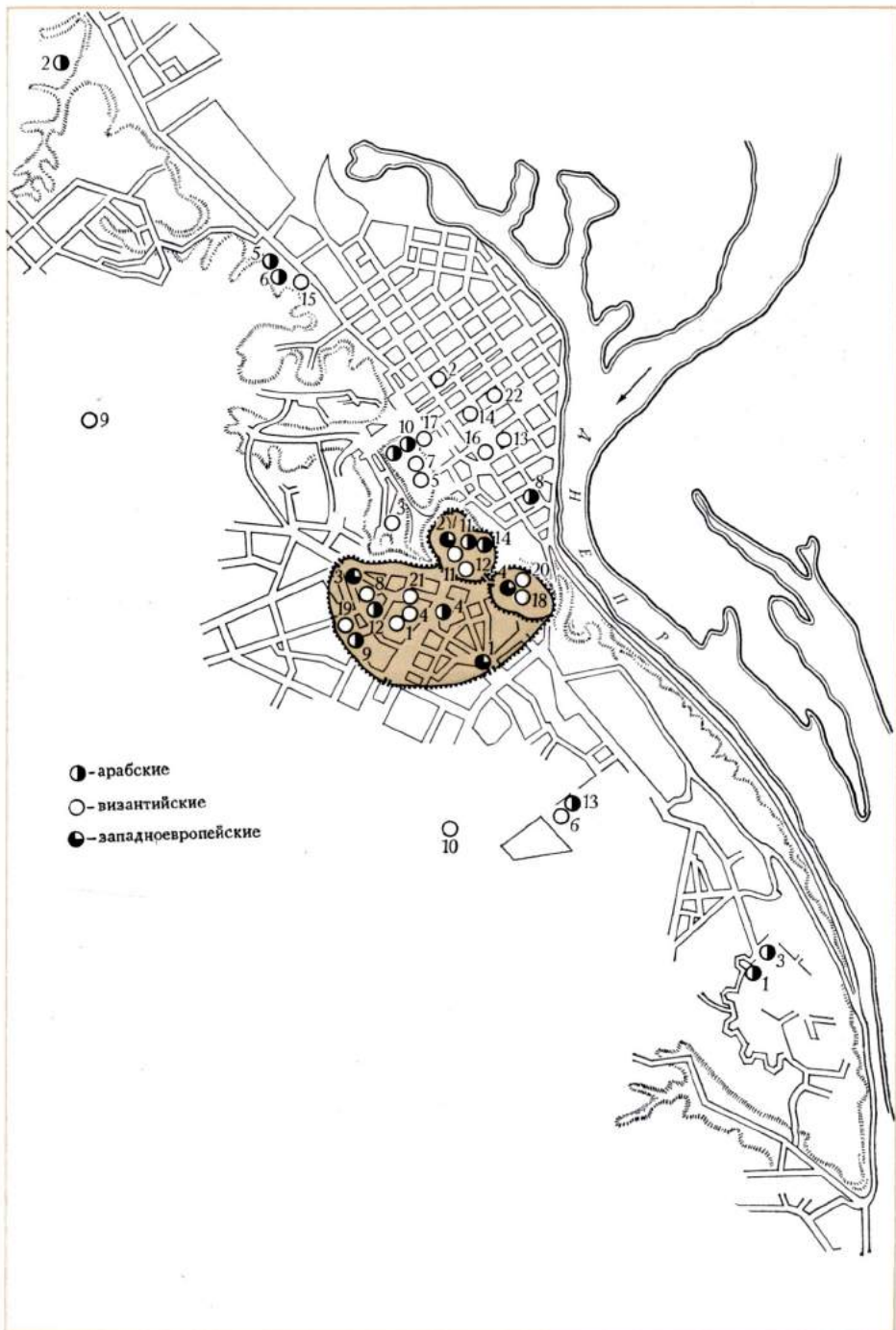
Арабские монеты на территории Киева обнаружены целыми кладами, которые состояли иногда из нескольких тысяч экземпляров, как отдельные находки встречаются они и в погребальных комплексах. По литературным свидетельствам, общее количество восточных монет, найденных в Киеве, составляет около 11 тыс. Безусловно, это только незначительная часть дирхемов, поступивших в город с Востока. Многие из них еще во времена Киевской Руси, особенно в так называемый безмонетный период, были переплавлены в слитки — монетные гривны, большое их количество, очевидно, попало в тигли киевских ювелиров XIX — начала XX в. По годам чеканки восточные диргеми охватывают период с VIII по X в., но наибольший их процент падает на IX — начало X в. Вышли они из монетных дворов Куфы, Сабура, Бухары, Самарканда, Багдада, Шаша, Мерва, Балха и других городов.

Уже для первых исследователей арабских монет, а также киевоведов — В. Григорьева, К. Болсуновского, А. Котляревского — не было сомнения в том, что арабские диргеми пошлИ в Киев в результате торговли и что торговля эта зародилась еще в VIII в. Р. Р. Фасмер датировал начало поступления восточных монет в славянские земли IX в.¹⁰, а В. Л. Янин — 70—80-ми годами VIII в. Причем, как считал В. Л. Янин,

⁹ Болсуновский К. Древние гривны, найденные в Киеве. Киев, 1898.

¹⁰ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — Известия АН СССР. Отдел общественных наук, 1933, № 6/7; Фасмер Р. Р. Завалишневский клад куфических монет в Восточной Европе. — Известия ГАИМК, 1931, т. 7, вып. 2.

потребность в восточных монетах нашла свое проявление в указанное время не в отдельных районах Восточной Европы, а на всей территории расселения восточных славян¹¹.

Этот, казалось бы, бесспорный вывод специалистов в области нумизматики был подвергнут сомнению М. К. Каргером. Согласно ему, распространенное до недавнего времени положение, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X в., не отвечает действительности. Никаких кладов VIII и даже IX в. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. На этот период, как полагал М. К. Каргер, падает и становление прочных связей Киева со среднеазиатским Востоком¹².

Однако для характеристики торговых связей Киева с Востоком важным является не столько время зарытия кладов, сколько период, к которому принадлежат сами монеты. Чрезвычайно важно также, когда в Киев стали поступать первые диргемы. Но на этот вопрос даты кладов ответа не дают. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, меняя свой состав под воздействием рынка, на протяжении нескольких столетий. Таким образом, последняя монета в кладе указывает не столько на дату его зарытия, сколько на то, что приблизительно с этого времени он больше не пополнялся новыми монетами. Сказанное не исключает возможности оборота монет VIII—X вв. и в более поздний период. Считать, что время поступления всех монет в Киев может быть определено датой позднейших, методически неправильно. В Киеве найден клад, в котором среди 200 медных куфических монет VIII—X вв. было несколько поздних, которые датируются XIII в.¹³, но вряд ли будет серьезным утверждение, что все монеты этого клада попали в Киев только в XIII в. Характерно, что и одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII—X вв. Без признания налаженных торговых связей столицы Руси с Востоком в VIII—X вв. подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена.

Связи Киева со странами арабского Востока прослеживаются и на других археологических находках. Это прежде всего пастовые гладчатые бусы, привозившиеся из Средней Азии, золотые и серебряные пластинчатые браслеты, круглые подвески, покрытые чернью, поливная миска, бронзовая курильница, стеклянные кубки. Датировка этих вещей не разработана, но поскольку они находились в основном в кладах монет VIII—X вв. или среди погребального инвентаря киевского некрополя этого же времени, можно утверждать, что они попали в город в то время, когда происходило массовое поступление восточных монет.

Анализируя вещи восточного происхождения и аналогии им местных мастеров, Б. А. Рыбаков сделал вывод, что ремесленникам Поднепровья уже в VI—VII вв. были известны иранские вещи. Слухи о сказочных богатствах Востока через Киев (VII в.), Смоленск (VIII—X вв.), Новгород проникали на север. Оттуда потянулись на юг дружинники-завоеватели, местом сбора которых мог стать только какой-нибудь из городов старого полянского Поднепровья. Таким центром стал Киев, расположенный близко от устья Десны и контролировавший широко разветвленную сеть речных дорог верхней части Днепровского бассейна¹⁴.

Важное место в торговле Киева с арабским миром занимали хазары и камские болгары. Основания для такого вывода дают не только письменные свидетельства, но и некоторые археологические источники. Так, во время раскопок раннего киевского могильника над Днепром (Пионерский парк) был найден чернолощенный кувшин салтовского типа. Фрагменты салтовской керамики встречались на Старокиевской горе, в частности в жилище VIII—IX вв., а также на Подоле. Около Ирининской церкви исследователи обнаружили в 1874 г. погребения в катакомбах. Учитывая, что этот обряд характерен для племен салтовской культуры, можно допустить, что эти погребения принадлежат выходцам из Хазарии.

Исходя из анализа письменных и археологических источников, можно сделать вывод, что Киев был одним из первых восточнославянских городов, который вступил в торговые контакты со странами арабского Востока. Начало этих связей приходится на VIII в., точнее, на его вторую половину, расцвет — на IX — первую половину X в., затухание — на вторую половину X в. Арабских монет, которые датировались бы последними десятилетиями X в., в Киеве почти нет.

Прекращение поступления диргемов в Киев, как и в другие восточнославянские центры, объясняется резкой сменой исторической ситуации на Востоке. К середине X в. приходят в упадок и теряют свое торговое значение Болгария и Хазария. Последняя, познав сокрушительный удар от Святослава, перестала играть роль сдерживающего щита, и в степные просторы Восточной Европы двинулись орды тюрков-кочевников. Они перерезали торговые пути Руси на Восток, после чего Киев постепенно перемещает свои торговые интересы на юг.

Древнейшие исторические свидетельства о русской торговле на Черном море принадлежат середине IX в., но возникла она задолго до того, во всяком случае не позднее VI в. С черноморской торговлей Киева в IX—X вв. знакомят как торговые договоры Русь с Византией, так и находки византийских монет на его территории.

Нумизматические материалы Киева уже давно и неоднократно привлекались в качестве источника для освещения торговых связей столицы Руси с Византией. К сожалению, почти все исследователи особое значение придавали лишь статистической стороне дела. Для Н. Ф. Беляшевского, Н. И. Петрова и других киевovedов уже сам факт неоднократного нахождения византийских монет на территории Киева свидетельствовал о достаточно оживленных торговых связях его с Византией. Однако византийских монет в Киеве найдено очень мало (не более 300 экз.), сравнительно с арабскими монетами их количество незначительно. Исходя из этого, некоторые исследователи, и особенно М. К. Каргер, пришли к выводу, что византийско-русские торговые связи в IX—X вв. были не такими значительными, как считалось ранее¹⁵.

Думаем, что ни один из приведенных выводов нельзя сделать лишь

¹¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 84—87.

¹² Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1959, т. 1, с. 123—124.

¹³ Тизенгаузен В. О кладе кувшинных монет, найденных в Киеве в 1863 г. — В кн.: Археологический вестник. М., 1867, май—июнь, с. 198.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 102—114.

¹⁵ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 126.

на основании статистики. Находки византийских монет не могут дать полного представления ни об объеме, ни о характере торговых связей с Византией. Они являются лишь источником для выяснения степени регулярности экономических контактов двух стран.

Первым этапом в развитии регулярных русско-византийских экономических связей, о чем свидетельствуют и письменные источники, было установление отношений Киева с византийской колонией в Крыму — Херсонесом. Характерно, что периодам мирных экономических контактов Руси и Византии, как правило, предшествовали военные конфликты. Первый из зафиксированных письменными источниками произошел во время правления императора Михаила III (842—867). Древнерусская летопись, со ссылками на греческий источник, пишет: «Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и приде въ 14 лѣто Михаила цесаря»¹⁶. Поход киевских князей был успешным. Патриарх Фотий с ужасом говорил об угрозе, нависшей над Константинополем¹⁷.

Этот и все последующие военные походы киевских князей на Византию объясняются в исторической литературе преимущественно тем, что империя из соображений безопасности своих границ согласна была пренебречь выгодами торговли с «варварами-язычниками», а Русь, заинтересованная в регулярных экономических отношениях с Константинополем, силою оружия шаг за шагом преодолевала препятствия, создаваемые усилиями византийской дипломатии¹⁸.

Вряд ли Византия, отказываясь от торговли с Русью, усиливала тем самым безопасность своих северных границ. Скорее — наоборот. И очевидно, не в этом кроется причина русско-византийских военных конфликтов. Походы киевских князей предпринимались, что хорошо видно из торговых договоров Олега и Игоря, для поддержания равноправия Руси в торговле со своим экономически более сильным партнером.

По свидетельству Ибн-Хордадбега, русские купцы, ходившие по торговым делам к Черному морю, облагались византийскими властями десятиною: «И берет с них десятину римский властелин»¹⁹. Очевидно, эта десятина и была причиной первого военного похода русских князей, после которого Русь твердо выходит на международную арену и вступает в мирные отношения с Византией. По свидетельству Константина Багрянородного, его дед Василий I «богатými дарами, золотом, серебром и шелковыми одеждами склонил народ росав, воинственный и безбожный, к переговорам, и, заключив с ними мир, убедил их принять крещение»²⁰.

Вероятно, с этого времени и начинаются более-менее регулярные торговые отношения Киева с византийской колонией Херсонесом, что подтверждают и находки монет. Так, в кладе, что состоял из 37 херсоно-византийских монет IX—X вв., найденном на Замковой горе в Киеве, 30 принадлежали императору Василию I (867—876), а также Василию I и Константину (876—879). Кроме того, в центральной части древнего Киева были найдены херсоно-византийская монета Василия I (877—886), солид Василия I и Константина (869—879), золотая византийская монета этих же императоров.

После военного похода 60-х годов IX в. мирные отношения и торговые связи Киева и Константинополя продолжались до правления императора Льва VI (886—912), а возможно, и некоторое время при нем.

В Киеве встречаются монеты этого императора, правда, в единичных экземплярах. Со временем Русь перестала удовлетворять возможность ведения торговли преимущественно с византийскими колониями. Походы Олега на Константинополь и его выгодные договоры 907 и 911 гг. свидетельствовали о намерении Киева упорядочить торговые отношения с метрополией, а не только с ее крымскими колониальными центрами. Как свидетельствуют письменные источники, прежде всего летописная статья «Повести временных лет» 911 г., Русь становится равноправным торговым партнером Византии. По договору Олега 911 г. русские купцы получили широкие права в торговле с Византией. Они могли приезжать в Константинополь в неограниченном количестве, показывая администрации лишь свои печати. От константинопольских властей купцы Киева и других городов Руси получали продукты питания на весь период их пребывания в столице империи. Русским купцам разрешалось покупать товары любого ассортимента и в неограниченном количестве. Четкая регламентация их прав позволяла резко увеличить объем торгового оборота Руси. В этом не может быть никакого сомнения. Сделать же подобный вывод на основании археологических источников невозможно. Византийских монет первого десятилетия X в. в Киеве найдено мало. Это еще одно убедительное свидетельство того, что статистика монетных находок не всегда отражает действительный объем торговли.

Дружественные отношения Руси и Византии продолжались до 40-х годов X в. Это положительно сказывалось на развитии экономических связей. Монеты императоров Романа I (919—945), Романа I и Христофора (919—944), Романа I, Стефана, Константина (931—944) встречались на территории Киева неоднократно. Исходя из такого благоприятного развития отношений двух государств, новые военные походы киевского князя Игоря кажутся, на первый взгляд, нелогичными. Вряд ли их следует объяснять только личными качествами Игоря, который, по мнению В. Т. Пашуто и других историков, преступив клятвенные договоры 907 и 911 гг., нарушил союз и пошел на Византию²¹. Вероятнее всего, походы Игоря были вызваны нарушениями таких выгодных для Руси торговых условий со стороны Византии, которая после тяжелых для нее времен в начале X в. значительно упрочила свое внутреннее и внешнее положение в 30—40-х годах. Походы Игоря, совершенные в 941 и 944 гг., не были такими удачными, как походы Олега, и, естественно, новый мирный договор Руси и Византии не был настолько почетен, как предыдущий. Русские купцы утратили привилегии беспошлинной торговли и ограничивались в покупках шелковых тканей, а киевский князь не имел права распространять свою власть на причерноморские колониальные владения империи.

После этого договора Русь, до смерти Игоря и начала княжения Святослава, поддерживает тесные экономические связи с Византией. Этому,

¹⁶ ПВЛ. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 19.

¹⁷ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 59.

¹⁸ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 227.

¹⁹ Заходер В. Н. Указ. соч., с. 84.

²⁰ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 60.

²¹ Там же., с. 62.

безусловно, благоприятствовало и посещение Ольгой Константинополя 957 г., отразившееся прежде всего на экономических отношениях двух государств. Не исключено, что во время этого визита был подтвержден и расширен договор 944 г. В Киеве неоднократно встречались монеты императоров Константина и Романа II (948—959), Константина VII Багрянородного (945—959), Романа II (959—963), Никифора II Фоки (963—969). Оживление русско-византийской торговли этого периода нашло свое освещение в известном труде Константина Багрянородного. Он писал, что русские суда готовились зимой, весной их спускали вниз по Днепру и другим рекам до Киева и продавали купцам, которые торговали с Византией. В Киеве суда загружались товарами и отплывали до города Витачева, где собирался весь караван. Рассказ византийского императора свидетельствует, что Киев середины X в. был одним из крупных центров международной и главным средоточием внутренней торговли Руси.

В 969 г. умирает Ольга, гибнет византийский император Никифор II Фока, и отношения между Византией и Русью резко ухудшаются. Святослав осуществляет ряд походов против Болгарии и Византии, целью которых было завоевание новых экономических льгот для Руси. Как свидетельствует летопись, Святослав и столицу хотел перенести в Переяславец на Дунае, поскольку «ту вся блага сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овощи различныя, изъ Чехъ же, из Угоръ серебро и комоци, из Руси же скоря и воскъ, медь и челядь»²². Поражение от Цимисхия и невыгодный мир в Доростоле перечеркнули честолюбивые замыслы Святослава. Греки хотя и обязались относиться к русским, прибывавшим в Константинополь по торговым делам, «как к друзьям», но по существу все было далеко не так. Нанятые императорским двором на борьбу со Святославом печенеги отрезали Русь от Византии. Не удивительно, что в Киеве найдена всего одна монета императора Цимисхия (959—976). Лишь с Ярополка, а затем и Владимира торговые связи Руси с Византией отличаются прежней интенсивностью. Монеты императора Василия II Болгаробойца, который пережил и Ярополка и Владимира, обнаруживались в Киеве неоднократно.

Исследователей давно уже интересует вопрос, почему при таких постоянных торговых связях Руси со странами Востока и Византией находки византийских и арабских монет в Киеве распределяются столь неравномерно; их отношение составляет примерно 1 к 40. Вряд ли правильно будет объяснять это лишь неравнозначностью торгового баланса Руси с упомянутыми странами. Тем более, по письменным источникам, русско-византийские связи были более упорядоченными и постоянными, нежели русско-арабские. Очевидно, причина этого явления лежит в характере торговых связей. От стран арабского Востока Русь заинтересована была получать прежде всего не товары, а серебряные монеты, которые были необходимы для внутренней торговли. О том, какие предметы импорта требовались Византии и Руси, можно узнать из свидетельств древнерусской летописи, в упоминаний Константина VII Багрянородного. Послы Аскольда и Дира получили богатые подарки золотом, серебром и шелковыми одеждами, послы Олега — золото и дорогие шелковые ткани. Игорю во время похода 944 г. прислали как награду за обещание прекратить войну золото и ткани для всех воинов; Ольгу император одарил

золотом, серебром, паволоками и разной посудой. В свою очередь Игорь, заключив мир с греками, подарил их послам меха, челядь и воск, а Ольга обещала императору после возвращения на Русь богатые дары челядью, воском и скорою.

Таким образом, торговые связи Руси и Византии носили в известной мере обменный характер. За ювелирные изделия, шелковые ткани, дорогую посуду, парчу, ковры и другие предметы роскоши, какие требовала знать молодой восточнославянской державы, русские купцы рассчитывались рабами, медом, воском и особенно мехами, которые пользовались большим спросом среди византийской знати. Обменный характер торговли Византия имела не только с Русью, а и с некоторыми другими соседними странами, например с Болгарией. По свидетельству арабского хроника Аль-Масуди (20—50-е годы X в.), болгары, не имея ни золотых, ни серебряных монет, расплачивались за купленные вещи коровами и овощами²³. Естественно, что при таком характере торговли Руси с Византией монеты последней попадали в Киев в очень ограниченном количестве. Вероятно, в этом, а не в отсутствии значительных торговых связей Руси с Византией IX—X вв. — главная причина того, что в Киеве найдено так мало византийских монет.

Нумизматические материалы имеют большое значение для освещения вопросов исторической топографии раннего Киева. На основании археологических находок и прежде всего монет VIII—X вв. можно утверждать, что в это время проходил активный процесс формирования не только центральной части города, но и его торгово-ремесленных посадов, окольных районов. Находки больших кладов восточных монет между Львовской площадью и Золотыми воротами, вблизи урочища Угорского и с. Берестового, а также в границах летописных Дорогожичей показывают, что эти окольные районы древнего Киева появились на его исторической карте не позднее IX—X вв. Они были составными частями города, возможно, торговыми слободами. Местом средоточия самой торговли были верхний Киев (или Гора) и Подол, где размещались и городские рыночные площади. Характерно, что именно в этих двух районах найдена большая часть византийских монет.

Подытоживая вышесказанное, коротко остановимся на уровне развития торговли Киева VIII—X вв. В археологической литературе находки импорта, в том числе и восточных монет, в Киеве нередко связываются с деятельностью преимущественно иностранных купцов. Роль их в международной торговле Руси была действительно большой, но не меньшей, очевидно, была и роль киевских купцов. На Руси в IX—X вв. происходило третье разделение труда, появилось сословие купцов, которые занимались теперь исключительно обменом товаров. Свидетельство этому — упоминания древнерусских и иностранных письменных источников о русских купцах, наличие в Киеве больших кладов монет VIII—X вв., а также археологические находки погребений представителей киевского купечества X в. Одно из них было обнаружено в 1882 г. на усадьбе археолога-любителя Т. Кибальчича (ул. Дорогожичская, № 4 — теперь ул. Мельникова).

²² ПВЛ, ч. 1, с. 48.

²³ История Византии, т. 2, с. 151.

При погребенном найдены медные чашки от весов, складное коромысло, девять железных гирек, а также монета Константина Багрянородного (945—959). Погребения с монетами, что, очевидно, также свидетельствуют о принадлежности их к торговым людям, не раз обнаружены в могильнике Верхнего Клева.

В 1972 г. удалось выявить также остатки усадьбы киевского купца середины X в. В пользу этого свидетельствуют обнаруженные здесь материалы: монеты византийского императора Романа I (921—944), косточки персиков, семена дынь, скорлупа грецких орехов, железные гирьки-разновески. Судя по одной из них, хорошо сохранившейся, гирьки имели форму шариков с усеченными противоположными сторонами. Вес гирьки — 8,7 грамма, что очень близко к некоторым разновескам, обнаруженным в Новгороде²⁴.

Итак, рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что Киев VIII—X вв. был значительным центром международной торговли восточных славян и имел широкие экономические связи со странами арабского Востока и Византией.

2. Торговля Киева в XI—XIII вв.

По сравнению с предшествующим временем киевская торговля XI—XIII вв. стала более развитой и разносторонней. Особенно вырос удельный вес Киева во внутренней торговле. Уже в начале XI в. в Киеве было несколько рыночных мест. Титмар Мерзебургский говорит о восьми торжищах²⁵, наши летописи называют два — «Бабин торжок» в Городе Владимира и «Торговище» на Подоле. На этих базарах, по свидетельству «Патерика», можно было купить различные продукты питания, вплоть до больших партий зерна. Торговля продукцией сельскохозяйственного производства, видимо, была сосредоточена в руках определенных лиц, известных в Киеве. Когда эконоом Печерского монастыря сообщил игумену Феодосию об отсутствии денег на покупку еды для братии, то получил следующий совет: «Въ утренний день шедъ въ град и у продающихъ възьмеша взаимъ, еже не потрѣбу братии и послѣди... отдам и долгъ»²⁶. В «продающих», несомненно, следует видеть не крестьян, торговавших продуктами сельского хозяйства на базарах, а крупных киевских купцов-лавочников. Только у них эконоом Печерского монастыря мог купить продукты питания в долг.

Большие партии хлеба закупались в Киеве купцами северных и северо-западных земель Руси. Местом крупной хлебной торговли было подольское торговище. В 1131—1136 гг. здесь была выстроена церковь Богоматери Пирогощи (Успенская), являвшаяся, как справедливо полагал И. И. Малышевский, покровительницей хлебной торговли²⁷.

Продукция сельскохозяйственного производства являлась одной из важных, возможно, самой важной статьёй Киевской торговли, но не единственной. Значительное место в торговом обороте Киева XI—XIII вв. занимали изделия ремесла. Видимо, нет ни одного древнерусского города, где бы во время раскопок не встречались изделия киевских ювелиров, стеклоделов, кузнецов, литейщиков и керамистов. Особенно большим спросом на внутреннем рынке пользовались кресты-энколпионы, ювелир-

ные женские украшения, стеклянные браслеты и посуда, шиферные пряслица, поливная керамика и др. Проникали они в разные уголки Руси, как показал Б. А. Рыбаков, благодаря купцам-посредникам. Торговля изделиями киевских ремесленников играла важную роль в экономическом развитии многих древнерусских центров. Она устанавливала связи между различными сферами производства отдельных районов, что превращало их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства.

Купцы и ростовщики являлись довольно значительной прослойкой в древнем Киеве. Об этом убедительно свидетельствуют летописи. Это подтверждают и археологические материалы.

Киев является одним из крупнейших центров средоточия монетных гривен. За время раскопок они были обнаружены в 41 пункте города. По сведениям, поступившим в литературу, общее их количество равнялось 270 серебряным и золотым монетным гривнам, или 45 кг. Это чуть больше одной трети от общего числа найденных древнерусских слитков XII—XIII вв., весивших, по подсчетам В. М. Потина, 130 кг²⁸. В большинстве своем — это гривны киевского типа, но встречались и новгородские, черниговские. Видимо, это лишь незначительная часть действительного количества находок. Много их было переплавлено в тиглях киевских ювелиров, некоторые поступили в частные коллекции, и сведения о них не проникли в печать²⁹.

Территория древнего Киева, отмеченная находками гривен, большая, но концентрация их не везде одинаковая. Больше всего их найдено в Верхнем городе. На Подоле гривны встречены лишь в трех пунктах, к тому же в незначительном количестве. Как правило, монетные гривны входили в состав кладов ювелирных вещей, но встречались и отдельно. Наряду с большими кладами, в которых находилось по 15, 20, 30 и 50 гривен, нередко встречались находки по три, четыре, шесть гривен, причем не в кладах, а отдельно³⁰.

Конечно, у нас нет уверенности, что все эти находки гривен следует связывать с местоположением купеческих усадеб. Состав отдельных кладов, куда входили и гривны, явно указывает на принадлежность их богатым феодалам, но некоторые, несомненно, были спрятаны в землю купцами. Особенно это относится к небольшим кладам или отдельным находкам монетных гривен. Г. Ф. Корзухина, выясняя причины появления небольших кладов, пришла к выводу, что с широким развитием ремесла и торговли в Киеве, как и в других центрах, жизненный уровень опреде-

²⁴ Монгайт А. Л. Археологические заметки. Новгородские гирьки.— КСИИМК, 1951, вып. 41, с. 135—137.

²⁵ Сборник материалов для исторической топографии древнего Киева. Киев, 1874, ч. 2, с. 1—2.

²⁶ Патерик Киево-Печерского монастыря. Спб., 1911, с. 36.

²⁷ Малышевский И. И. О церкви и иконе св. Богородицы под названием «Пирогощи», упоминаемых в летописях и в «Слове о полку Игореве».— ЧИОНЛ, 1891, кн. 5, с. 113—133.

²⁸ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в IX—XIII вв. Л., 1968, с. 86.

²⁹ Голоцко П. П. Топографія скарбів монетних гривен у Києві.— Археологія, 1966, т. 20, с. 124.

³⁰ Там же, с. 127.

Рис. 159. Топография находок монетных гривен в Киеве:

1 — 1826 г., Десятинная церковь, 4 монетные гривны киевского типа (далее — м. г. к. т.); 2 — 1837 г., усадьба Десятинной церкви, несколько м. г. к. т.; 3 — 1837 г., усадьба Трубецких, 3—5 м. г. к. т.; 4 — 1847 г., усадьба Анненкова, одна м. г. к. т.; 5 — 1851 г., усадьба Анненкова, 6 м. г. к. т.; 6 — 1857 г., угол ул. Владимирской и Андреевского сп., 6 м. г. к. т.; 7 — 1862 г., усадьба Климовича, 3 м. г. к. т.; 8 — 1876 г., усадьба Лескова (Десятинный пер.), 14 м. г. к. т.; 9 — 1882 г., усадьба Агеева (ул. Десятинная), 2 м. г. к. т.; 10 — 1898 г., Андреевский сп., одна м. г. к. т.; 11 — 1908 г., возле капища, одна монетная гривна новгородского типа (далее — м. г. н. т.); 12 — 1909 г., усадьба Десятинной церкви, одна м. г. к. т.; 13 — 1911 г., усадьба Десятинной церкви, 6 м. г. к. т.; 14 — 1914 г., Десятинный пер., 4 м. г. к. т.; 15 — 1938 г., усадьба КГИМ, 2 м. г. к. т.; 16 — год неизвестен, усадьба Трубецкого, несколько м. г. к. т.; 17 — 1854 г. перед «Присутственными местами», 2 м. г. к. т.; 18 — 1880 г., ул. Большая Житомирская (дом Кузишинова), 34 м. г. к. т.; 19 — 1885 г., Троицкий пер., 9 м. г. к. т.; 20 — 1889 г., Троицкий пер., 7—9 м. г. к. т.; 21 — 1889 г., ул. Рейтарская, одна м. г. к. т.; 22 — 1938 г., ул. Стрелецкая, 14, одна м. г. к. т.; 23 — 1888 г., vicinity Михайловского монастыря, 3 м. г. к. т.; 24 — 1900 г., усадьба Реального училища, 2 м. г. в. т.; 25 — 1900 г., усадьба Михайловского монастыря, одна золотая м. г.; 26 — 1903 г., ул. Трехсвятительская, 2 м. г. к. т.; 27 — 1906 г., усадьба Михайловского монастыря, три куса золотых слитков в виде палочек, 2 м. г. к. т.; 28 — 1906 г., ул. Трехсвятительская, 2 м. г. к. т.; 29 — 1907 г., усадьба Михайловского монастыря, 53 м. г. к. т., 3 м. г. к. т.; 30 — 1940 г., усадьба Михайловского монастыря, 15 м. г. в. т.; 31 — 1949 г., усадьба Михайловского монастыря, одна м. г. в. т.; 32 — 1949 г., ул. Героев Революция, 4а, 3 м. г. к. т.; 33 — 1787 г., склоны в сторону Крещатика, 3—4 м. г. к. т.; 34 — 1888 г., vicinity Крещатика, клад м. г. к. т.; 35 — 1899 г., Подол, 3 м. г. к. т.; 36 — 1903 г., гора Замковая, одна м. г. к. т.; 37 — 1908 г., усадьба Фроловского монастыря, 2 медные м. г. в. т.; 38 — 1908 г., угол ул. Нижний Вал и Константиновской, одна медная м. г. к. т.

ленных групп населения поднимается. Наряду с беднотой в Киеве появляется прослойка зажиточных ремесленников, торговцев.

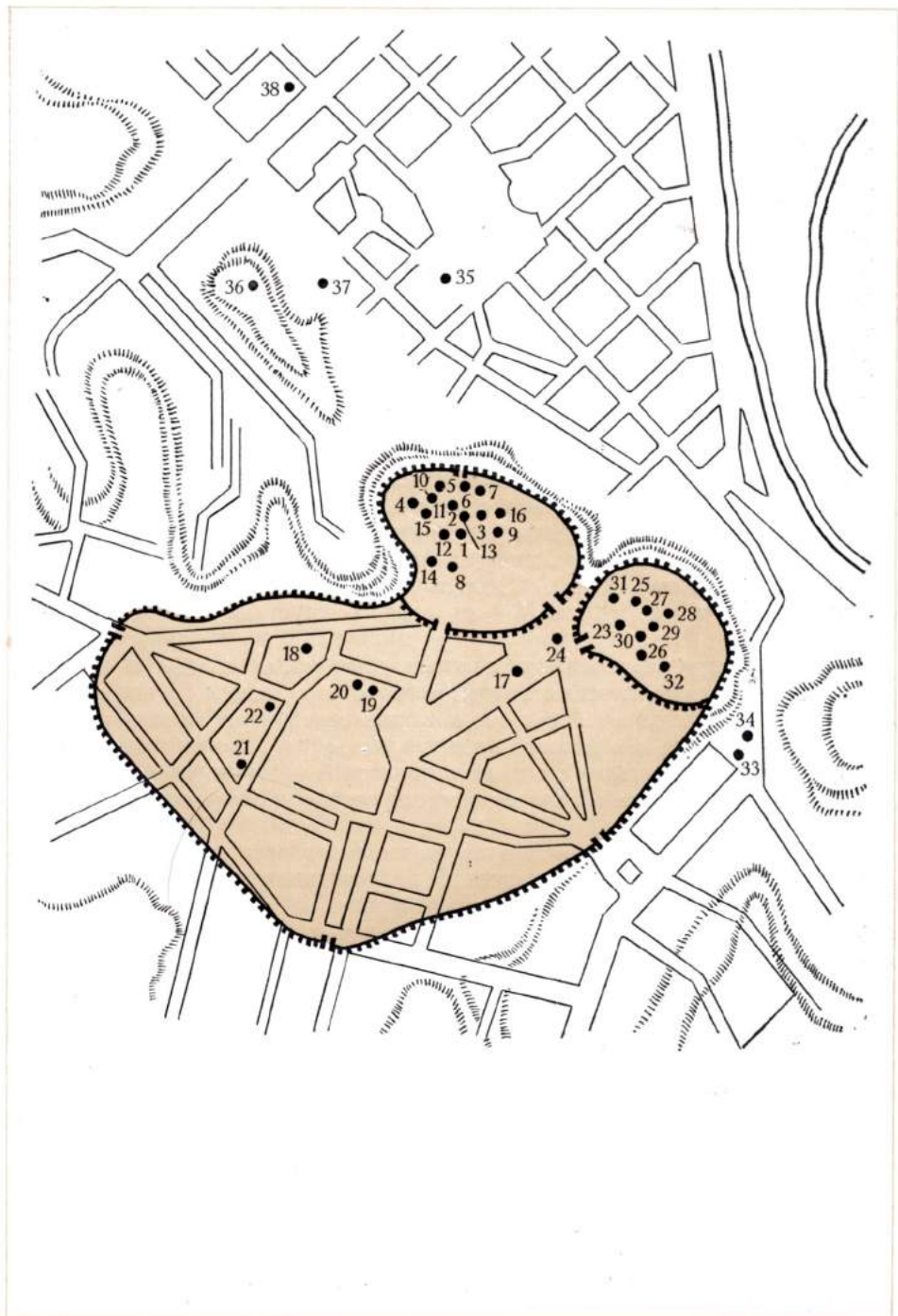
Изучение материалов археологических исследований позволяет видеть в ряде жилищно-хозяйственных комплексов остатки усадеб киевских купцов. Две из них были обнаружены экспедицией, руководимой М. К. Каргером. В 1946 г. во дворе дома № 4 по ул. Большая Житомирская, под завалом обгорелого дерева и скоплением костяков, было расчищено основание жилища XIII в., углубленное в материк на 0,60—0,70 м. Стены его состояли из широких досок, концы которых были врублены в пазы вертикальных столбов, стоявших в углах помещения. Находившаяся в северном углу печь, была сложена из кирпича-брусчатки.

Археологический материал, обнаруженный в заполнении жилища свидетельствовал о нерядовом характере исследуемого объекта. Здесь находились многочисленные фрагменты византийских амфор, несколько трубчатых замков, медный энколпион с черненными изображениями, несколько хрустальных бус³¹. Особый интерес представляют находки обгорелых зерен пшеницы, проса, гороха, запасы которого хранились в большом деревянном ящике (размер дна 1,60×1,60 м), небольшом деревянном сосуде, сундуке. Не исключено, что здесь находились и другие емкости, в которых держали зерно, но в связи с тем, что дом погиб в огне, они не были прослежены. В жилище удалось обнаружить также небольшой деревянный ларец, фрагменты обгорелых тканей нескольких видов³².

Характер находок позволяет предположить, что перед нами — остатки дома представителя купеческого сословия древнего Киева, возможно, торговца зерном, о которых упоминает «Патерик». Одним из дополнительных аргументов в пользу этого может быть исследование второго жилища, находившегося всего в 7 м от первого и имевшего с ним совершенно

³¹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 328—334.

³² Там же, с. 334.

по одинаковую ориентацию. В нем найдены обломки больших корчаг для хранения зерна, фрагменты византийских амфор. Наличие в этом жилище большого числа разнообразных по назначению железных предметов дали основание М. К. Каргеру предположить, что его хозяин был кузнецом³³. Нам кажется, что эти два дома принадлежали к одной усадьбе, владелец которой занимался торговлей. Кстати, во втором жилище, среди железных предметов находился и безмен³⁴, сравнительно редко встречающийся во время раскопок Киева.

Близкий по характеру объект исследован М. К. Каргером и в 1949 г. между западной стеной Трапезной церкви бывшего Михайловского монастыря и оградой, идущей вдоль ул. Героев Революции. Здесь были раскопаны остатки двухкамерной постройки, углубленной в материк на 1,36 м и 1,10 м³⁵. Знакомство с отчетными данными позволяет предположить, что перед нами — не жилые помещения (ни в одном из них не было печи), а хозяйственные подклети большого двухкамерного дома.

Инвентарь, обнаруженный в обоих помещениях, выделяет эту постройку среди других. Здесь находились в значительном количестве фрагменты поливной керамики, белоглиняный ковш. В полу южной камеры была вкопана большая корчага с широким и низким горлом и двумя упками. На ступенях лестницы, служащей входом в помещение, а также на полу лежали куски большой византийской амфоры XII—XIII вв., в которой хранились бусы. Удалось собрать 1339 бусин различного размера и формы; из них 1274 — из горного хрусталя и 65 из сердолика³⁶.

В помещении выявлены различные деревянные сосуды и ларцы, в которых хранились запасы пшеницы, кользы, железные и бронзовые изделия, золотая трехбусинная серьга, а также серебряная монетная гривна киевского типа. Особый интерес представляет обнаружение четырех свинцовых гирек с различными знаками и бронзовой чашечки от весов. Состав находок в постройке не оставляет сомнения в принадлежности ее хозяина к купеческому сословию.

М. К. Каргер, пытаясь определить характер исследованного им комплекса, пришел к другому, несколько неожиданному выводу. Исходя из значительного количества точильных брусков, он отметил, что они, возможно, являются остатками несложного инструментария, которым пользовались в древности для производства бус³⁷. Но ведь среди находок в помещении не было не только инструментов, но и заготовок, а также запасов сырья, без которых немыслима ремесленная мастерская. Отвечая на вопрос, поставленный М. К. Каргером, — как попали полторы тысячи хрустальных бус в убогое жилище киевского горожанина XIII в.? — можно, без риска впасть в ошибку, сказать: «ими здесь торговали». «Убогое жилище» представляло собой богатый купеческий дом, подклети которого, возможно, служили торговыми лавками.

Остатки еще одного жилища, принадлежавшего купцу, были исследованы нами в 1967 г. во дворе дома 14 по ул. Большая Житомирская. Сооружение срубное, размерами 4,6×5,4 м, на 1,8 м опущенное в материк. Видимо, и в этом случае мы имеем дело не с жилым помещением (печь в нем также не обнаружена), а с подвальным — подклетом жилого дома³⁸.

На полу, под слоем горелого дерева, обнаружен большой и разнообразный инвентарь. В центре лежала раздавленная корчага округлой формы с низким массивным горлом. Рядом с ней находился большой горшок высотой 48 см. Неподалеку удалось зафиксировать остатки четырех-пяти обгоревших и истлевших деревянных сосудов типа мисок, чашек, корбов. В северо-западном углу помещения лежали остатки деревянного боченка (диаметр около 50 см), наполненного днепровским янтarem. Мы собрали около 8 кг; значительная его часть погибла в огне, о чем свидетельствовала широкая полоса расплавленного янтара на полу. Инструменты, заготовки изделий или полуфабрикаты, указывающие обычно на производственный характер того или иного комплекса, в этом помещении найдены не были. Нет сомнения, что столь большое количество днепровского янтара предназначалось для реализации его ремесленникам, занимавшимся изготовлением крестиков, бус и других изделий.

В 1974 г. раскопками на Подоле (по ул. Волошская, 17) удалось выявить часть городской усадьбы конца XI — начала XII в., которую мы также относим к числу купеческих. В пользу такого предположения свидетельствует весь комплекс археологических находок, обнаруженных в пределах исследованной части усадьбы. Это византийская монета, вислая свицовая печать, относящаяся к Новгородским буллам протопроедра Евстафия, стеклянный и керамический византийский импорт. Не исключено, что здесь мы наткнулись на остатки торгового подворья новгородских купцов.

Археологические материалы, как и письменные свидетельства, указывают на значительное место Киева во внутренней торговле Руси. Из чего в другие русские центры поступали кресты-энколпионы, эмали, шиферные изделия, предметы международной торговли — византийские амфоры, греческие орехи. Е. А. Рыбина, исследуя торговые связи Новгорода, пришла к выводу, что шиферные изделия, греческие орехи, корчаги, византийские амфоры поступали в него через Киев³⁹. В периоды ухудшения отношений между этими двумя древнерусскими центрами наблюдается резкий спад названных импортов в Новгороде. Один из них приходится на конец XI — начало XII в., когда возник конфликт между великим киевским князем Святополком и новгородцами, державшими у себя князя Мстислава Владимировича. Е. А. Рыбина правильно отметила, что борьба между Киевом и Новгородом носила не только политический, но и экономический характер, будучи дополнена попыткой блокировать торговые пути между двумя центрами⁴⁰. Инициатива этой блокады, конечно же, исходила из Киева, контролировавшего днепровский торговый путь.

³³ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 339.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 323—324.

³⁶ Там же, с. 327.

³⁷ Там же, с. 327—328.

³⁸ Толочко П. П., Кириченко С. Р., Дяденко В. Д. Из работ Киевской археологической экспедиции. — АИУ, 1968, вып. 2, с. 191.

³⁹ Рыбина Е. А. Из истории южного импорта в Новгороде. — СА, 1971, № 1, с. 263.

⁴⁰ Там же, с. 264.

История торговых связей Киева знает также случаи, когда инициаторами блокировки торговли с ним являлись удельные центры. Так было в годы правления Святополка Изяславича. В ответ на соучастие великого князя в ослеплении Василька галицкие князья блокировали подвоз в Киев соли. «И не пустиша гостей из Галича и лодий с Перемышля, и соли не бысть во всей Руськой земли»⁴¹. К сожалению, из этого сообщения нельзя заключить, о каких «гостях» в нем идет речь — киевских, задержанных галицкими князьями, или же галицких, которым был запрещен вывоз соли в Киев.

Внутренняя торговля Киева не была монополией только киевских купцов. В Киев регулярно прибывали купцы из различных городов Древней Руси, некоторые проживали в нем длительное время, образуя торговые колонии. Известно, что на Подоле в непосредственной близости от «Торговища» находился двор новгородских купцов, построивших около середины XII в. церковь св. Михаила, известную еще под названием Новгородской божницы.

В 1955 г. по ул. Волошской, против дома № 20, были обнаружены развалины древнерусской постройки. В. А. Богусевич, осматривавший находку, высказал предположение, что это и есть остатки Новгородской божницы⁴². Однако, поскольку памятник остался, по существу, неисследованным, утвердиться в этом не было возможности. М. К. Каргер считал, что поиски Михайловской церкви надо продолжать. Раскопки 1974 г. на ул. Волошской, 17 в какой-то мере подтвердили предположение В. А. Богусевича.

Возможно, с деятельностью купцов Туровской земли следует связывать появление еще одной киевской церкви — Туровой божницы, находившейся также вблизи подольского торгового центра. Расположенный на важной магистрали, связывавшей днепровский водный путь с бассейнами Западного Буга, Немана и Балтикой, Туров был одним из крупных торговых центров Древней Руси. Во время раскопок Турова, как и других городов бассейна Припяти, в большом количестве встречены предметы кожного импорта: стеклянные браслеты и сосуды, византийские амфоры, шиферные изделия, кресты-энколпионы⁴³. Несомненно, все эти товары попадали в Туровскую землю из Киева или через Киев.

На протяжении XI — первой половины XIII в. Киев поддерживал тесные торговые отношения со многими странами и их центрами. Как и в предшествовавшее время, важнейшим направлением его международной торговли было южное. Богатые рынки Византии и ее колоний неизменно привлекали русских купцов. Древний торговый путь «изъ Грекъ», проложенный славянами еще на заре своей истории, в XI—XIII вв. назывался Греческим. Чтобы обезопасить плавание по нему древнерусских купцов, киевские князья неоднократно предпринимали крупные военные походы против половцев.

Важным опорным пунктом черноморской торговли Киева было Олешье, находившееся в устье Днепра. От этого портового города, где происходила починка судов и пополнялись запасы продовольствия, торговые флотилии русских купцов выходили в море. Путь их пролегал вдоль северо-западного и западного побережья до устья Дуная и далее к столице Византии — Константинополю.

Одним из свидетельств русско-византийских торговых контактов XI—XIII вв. являются нумизматические находки. По сравнению с предшествующим временем монет, относящихся к этому периоду, найдено не много, но они все же встречаются и дают некоторое представление о торговле Киева с Византией. Уже в конце прошлого века в составах кладов и отдельно встретилось более десяти византийских монет, датированных концом X — началом XI в.⁴¹ Среди них было семь золотых солидов Василия II и Константина VIII (976—1025). Две монеты Константина VIII (1025—1028) обнаружены во время раскопок 1972—1973 гг. на Подоле⁴⁵. Несколько медных византийских монет, чеканенных при императорах Алексее I Комнине и Исааке II Комнине (1118—1143) входили в состав клада, найденного в 1889 г. в усадьбе Гребеновского⁴⁶. Еще две монеты Алексея I Комнина выявлены раскопками 30-х годов⁴⁷.

Византийские монеты XI—XII вв., найденные в Киеве, относятся в основном к двум периодам — концу X — первой трети XI в. и к концу XI — первой половине XII в. Свидетельствует ли это об оживлении русско-византийских торговых связей в эти периоды, или же отражает неравномерность исследованности древнего Киева, сказать трудно.

Больше, чем монеты, степень регулярности торговых отношений Киева с Византией и ее колониями отражают находки амфор. Они присутствуют в культурных слоях не только Верхнего города, но и Подола, Копыревого конца, окольных районов. Наблюдения, осуществленные во время раскопок Подола, показывают, что поступление византийских амфор в Киев происходило в течение X—XIII вв., причем с нарастающей интенсивностью. Особенно много их в слоях второй половины XI—XII вв. Показательны в этом отношении раскопки по ул. Фрунзе, 17 и ул. Ливера. В первом случае на площади одной усадьбы XII в. удалось обнаружить 14 амфор, во втором, примерно на такой же площади культурного слоя XI—XII вв., — 12. Сотнями исчисляются амфорные фрагменты, происходящие из раскопок территории Житного рынка. В большом количестве встречались они и во время исследований Верхнего города. В раскопе на ул. Рейтарская, 33 встретились фрагменты от десяти амфор. Всего за последние годы выявлено не менее 80 амфор.

Судя по реконструированным экземплярам, в Киев поступали амфоры двух основных типов — грушевидные круглодонные с низким горлом и небольшими ручками и остродонные с длинным горлом и высоко поднятыми ручками. Новые раскопки не подтвердили вывода М. К. Каргера о большей древности амфор второго типа⁴⁸. Грушевидные желобчатые и остродонные амфоры встречаются в слоях X—XIII вв. практически одинаково. В Киев они поступали, видимо, из разных центров. Амфоры пер-

⁴¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, с. 207.

⁴² Богусевич В. А. Археологические наблюдения в Киеве в 1955 г. — НА ИА АН УССР.

⁴³ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974, с. 69, 117, 141, 150.

⁴⁴ Беляшевский Н. Ф. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, с. 39; Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 125.

⁴⁵ Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 73.

⁴⁶ Корзухина Р. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954, с. 118—119.

⁴⁷ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 125.

⁴⁸ Там же, с. 425.

вого типа (на Руси они назывались корчагами) изготовлены, как правило, из красной глины, второго — из красной и серой. Различаются они и по орнаменту. Корчаги сверху донизу покрыты крупным рифлением, амфоры — мелким.

Столь широкое распространение амфор в культурных слоях Киева XI—XIII вв., присутствие их не только в богатых комплексах, но и рядовых свидетельствует, вероятно, о попадании этой импортной продукции на внутренний рынок. Имел ли место специальный привоз амфорной тары для реализации ее на киевском рынке, или же она продавалась только вместе с содержащейся в ней продукцией, сказать трудно.

На многих экземплярах амфор имеются различные метки, монограммы, отдельные слова и даже словосочетания. Например: «Гаврило», «Доброгост», «Мстиславля корчага». В абсолютном большинстве амфорные граффити выполнены острым резцом по обожженному черепку, в одном случае — по сырой глине.

Амфоры поступали в Киев как из Византии, так и греческих городов Крыма, где, по сообщению арабского автора Ибн-аль-Асира, русские купцы проживали целыми колониями⁴⁹. Археологические раскопки Херсонеса обнаруживают амфоры обоих типов — грушевидные круглодонные с широким желобчатым корпусом и остродонные с вытянутым горлом и круто поднимающимися ручками⁵⁰.

По мнению А. Л. Якобсона, первый тип амфор представлял собой в XI—XIII вв. господствующую форму крупной керамической тары, выработанную в северо-причерноморских ремесленных центрах, прежде всего, вероятно, в таврических⁵¹. Развитие второго типа амфор происходило по пути увеличения размеров; корпус их вытягивается, ручки повышаются⁵². Размеры киевских остродонных амфор, судя по целым экземплярам, были значительными. Их высота достигала 55—60 см, наибольший диаметр корпуса равнялся 28—30 см.

Свидетельством киево-корсунских торговых связей являются также вещи русского производства, обнаруживаемые в самом Херсонесе. Это кресты-эвколпионы и киотный крест киевской работы, а также шиферные пряслица⁵³.

Вторым крупным центром Северного Причерноморья, поддерживавшим с Русью торговые связи, был Судак (Сурож русских летописей), который уже в середине XII в. становится важнейшим средоточием черноморской торговли. Упомянутый выше арабский писатель Ибн-аль-Асир писал об этом городе следующее: «Это главный город Кипчакский, обильный источник их богатства, потому что он на море Хазарском и приходят к нему суда с одеждами и их покупают и выменивают на невольниц

⁴⁹ Ученые записки Академии наук по I и III отд., 1854, т. 2, с. 661.

⁵⁰ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 17, с. 104—107.

⁵¹ Там же, с. 104.

⁵² Там же, с. 105.

⁵³ Там же, с. 35, 37.

⁵⁴ Ученые записки Академия наук по I и III отд., т. 2, с. 600.

⁵⁵ Фронджуло М. А. Раскопки в Судак (1964—1966).— АИУ, 1967, вып. 1, с. 191.

⁵⁶ Сказание о житие Аптония Римлянина.— Православный собеседник. Казань, 1885, вып. 2, с. 165.

⁵⁷ Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 27.

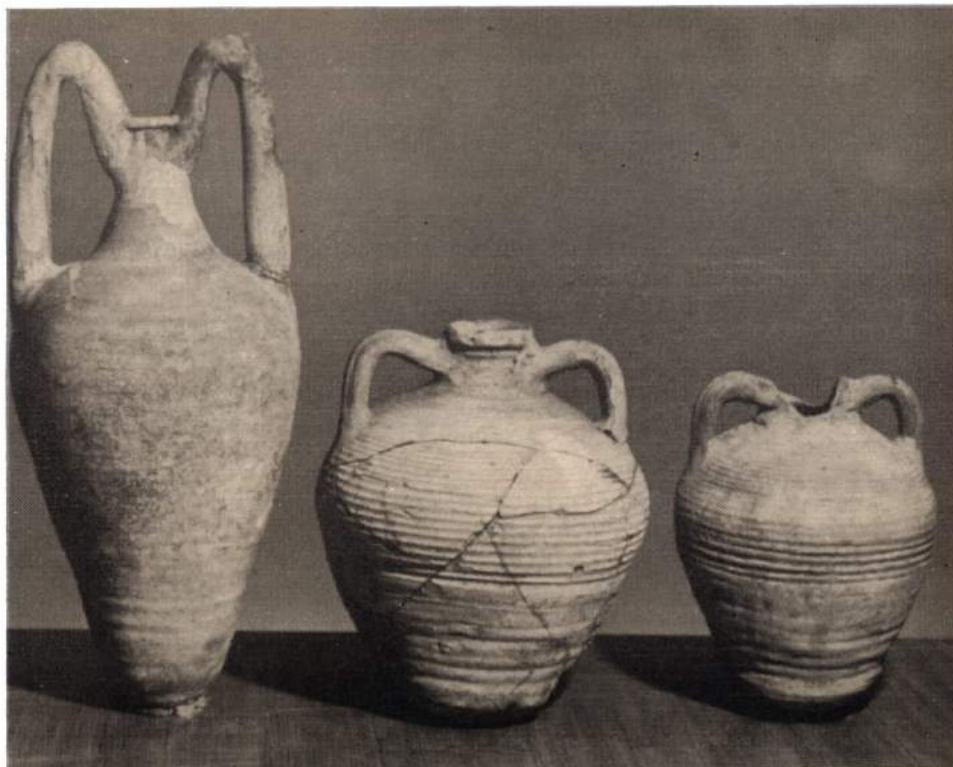

Рис. 160. Византийские корчаги и амфоры. X—XIII вв.

и невольников, черно-бурых лисид, бобров, белок и другие товары»⁵⁴.

Многие из перечисленных товаров, несомненно, привозились в Судак русскими купцами. На участие последних в торговле с Судакom указывает и Гильом Рубрук. Подтверждают этот вывод и археологические исследования. М. А. Фронджуло, обнаруживший во время раскопок судакского дома XIII—XIV вв. медный крест (конец XII — первая половина XIII в.) русской работы, а также пряслица из овручского шифера, высказал правдоподобное предположение о существовании на прибрежном участке Судака русской торговой слободы⁵⁵.

Источники указывают на участие в русско-причерноморской торговле также крымских купцов. Особенно ценное известие дает сказание о житии Антония Римлянина: «Сниде преподобнии с камени и поиде во град и обрете человека греческиа земли гостбу деюща, купецкии чин имуща, иже умеяше римским и греческим и русским языком»⁵⁶. По мнению исследователей, речь здесь идет о херсонесском купце⁵⁷. Не с этими ли купцами, знавшими русский язык, следует связывать поступление в Киев редких амфор с русскими надписями, сделанными по сырой глине. Впрочем, эти надписи могли быть выполнены и по заказу русских купцов.

Со второй половины XII в. в черноморской торговле все большее значение приобретают итальянские купцы — венецианцы и генуэзцы. Это они скупали в Судаке русские меха. Не исключено, что их торговые интересы простирались и до Киева, косвенным свидетельством чего являются находки в нем венецианских монет XIII в.⁵⁸

Торговые связи Киева с кавказским миром осуществлялись при помощи того же Греческого пути, нижний отрезок которого от устья Днепра проходил через Крым и Тамань на Северный Кавказ. Они засвидетельствованы находками медных и бронзовых крестов-энколпионов русского происхождения в Керчи, на Тамани, на Северном Кавказе. В. А. Кузнецов собрал сведения об 11 энколпионах, датированных XII—XIII вв. Попали они на северокавказские земли в результате связей Северного Кавказа и Алании с Киевской Русью⁵⁹.

Важные данные о торговле Киева с Византией, Ираном и Средней Азией получены М. В. Фехнер в результате изучения шелковых тканей, обнаруженных в 1903 г. на территории Михайловского монастыря. Как полагает исследователь, происходят они из шелкоткацких мастерских названных стран и свидетельствуют о широких торговых связях Киева XII—XIII вв.⁶⁰

Значительное место в международной торговле Руси занимали страны Центральной и Западной Европы. Среди товаров, поступавших из Киева на европейские рынки, судя по археологическим находкам, были кресты-энколпионы, трубчатые замки, шиферные пряслица, поливные писанки, некоторые типы украшений. В Киеве и его ближайшем окружении западноевропейских импортов найдено немного. В 1835 г. в районе современной пл. Октябрьской Революции встретила германская монета императора Генриха III (1050), в 1940 г. — две серебряные монеты императора Оттона и английского короля Этельрада II, датированные концом X — началом XI в.⁶¹

Шесть богемских монет X—XI вв. найдено в Переяславе, около десяти страсбургских монет XI в. входило в вещевой клад, обнаруженный на левом берегу Днепра под Киевом (с. Рудка)⁶². Еще четыре экземпляра серебрянных западноевропейских монет первой половины XI в. (три английские и одна германская) встретились во время раскопок 1978 г. в пределах Города Ярослава, вблизи его западных ворот.

181 Столь небольшое количество западноевропейских монет, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о пассивности торгового баланса Киева XI—XIII вв. с Германией и другими странами. Об этом говорил в свое время крупнейший знаток торговых связей Киева В. Г. Василевский; эта же мысль высказывалась и в наше время⁶³.

При рассмотрении торговых отношений Киева с Западом следует иметь в виду, что, во-первых, приведенные данные не отражают действительного положения дел с поступлением европейских монет, а во-вторых, их количество не находится в прямой зависимости от объемов международной торговли Киева.

В условиях хозяйственного развития европейских стран XI—XIII вв. при сравнительно слабо развитых денежных отношениях международная торговля осуществлялась по принципу «товар за товар». Одним из таких товаров были и монеты из серебра, выполнявшие функцию денег, види-

мо, только во внутренней торговле. На Руси они являлись просто драгоценным металлом и, как считает В. М. Потин, переплавлялись в слитки или шли на изготовление ремесленных изделий⁶⁴.

Одним из показателей активной торговли Руси с Западом являются свинцовые печати, служившие товарными пломбами. Они неизменно обнаруживаются в Киеве, но больше всего их найдено в крупных торговых центрах, расположенных неподалеку от границ Руси. В Дорогощине, являвшемся перевалочным пунктом торговли Руси с Польшей и другими странами Центральной Европы, обнаружено несколько тысяч свинцовых пломб.

Наиболее налаженным и оживленным торговым путем, при помощи которого осуществлялась торговля Руси со странами Центральной и Западной Европы, был путь Киев — Галич — Прага — Регенсбург. Из Германии на Русь ввозилось слитковое серебро, и, видимо, не случайно киевская гривна по своему весу практически соответствовала весу одной из наиболее распространенных денежных единиц Центральной Европы — кельнской (или силезской) марки.

Немецкие купцы (в русских летописях они называются «латина») постоянно находились в Киеве и даже, как свидетельствуют источники, основали в начале XIII в. католический костел св. Марии. В хронике второй половины XII в. одного из регенсбургских монастырей имеется известие о том, что регенсбургский купец Гартвиг, проживавший в Киеве, пожертвовал монастырю св. Эммера 18 фунтов серебра, которые должны были внести его регенсбургские должники.

Главным средоточием торговли Руси со странами Скандинавии в XI—XIII вв. является, безусловно, Новгород. Киев играл в основном роль торгового посредника, пункта, через который многие товары шли с юга на север транзитом. Участие собственно киевских или скандинавских товаров в этой торговле было невелико. Среди древнерусских находок, обнаруженных в Скандинавии, с Киевом можно связывать некоторые типы сережек, лунообразные подвески, нательные крестики, медальоны с изображениями святых, писанки⁶⁵. В ряде мест — Несбое (Норвегия), Гретлингбо (Швеция), Уннасайва и Гротреск (Финляндия) — встречались подражания сребряникам Ярослава⁶⁶.

Скандинавских вещей, относящихся к XI—XIII вв., в Киеве практически нет. Это обстоятельство указывает, вероятно, на то, что торговое

⁶⁴ Роботи Київської археологічної експедиції 1936—1937 рр.— НА ИА АН УССР; Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, с. 125.

⁶⁵ Кузнецов В. А. Энциклопедия Северного Кавказа.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 80—86.

⁶⁶ Феднер М. Ф. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 66—70.

⁶¹ Беляшевский Н. Ф. Монетныеклады Киевской губернии, с. 8; Звіт за археологічні розкопки на території Михайлівського монастиря в 1940 р.— НА ИА АН УССР.

⁶² Потин В. М. Указ. соч., с. 155.

⁶³ Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 390.

⁶⁴ Потин В. М. Указ. соч., с. 75, 90—91.

⁶⁵ Acta archaeologica, 1930. T. 1; s. 107, abb. 9; Ozenstierna E. Die Wikinger. Stuttgart, 1966, Zeichn 46, 78.

⁶⁶ Потин В. М. Указ. соч., с. 141—150.

партнерство Киев — Скандинавия больше интересовало последнюю. На основании археологических данных невозможно определить действительный объем двухсторонней торговли, но можно с уверенностью сказать, что баланс Киева в ней был активным. Киев больше вывозил, чем привозил.

Одним из важных районов, с которыми Киев в X—XIII вв. поддерживал торговые связи, была юго-восточная Прибалтика. Сюда из среднего Поднепровья поступали ювелирные украшения, шиферные пряслица, стекло, предметы вооружения. Киев, вероятно, был заинтересован в получении янтаря. Особой интенсивностью эти связи отличались в XII в.

Таким образом, археологические данные вместе с письменными свидетельствами позволяют заключить, что древний Киев являлся одним из крупнейших центров внутренней и внешней торговли Руси. И это естественно. Будучи столицей огромного восточнославянского государства, он являлся главным экономическим средоточием страны, куда стекался прибавочный продукт из многих земель Руси. Здесь происходило его перераспределение и дальнейшее движение к международным рынкам.

В VIII—IX вв. главным направлением внешнеторговых связей Киева являлось восточное — Хазария, Болгария, Кавказ, страны Средней Азии. Отсюда он получал ткани, посуду, серебро. В связи с восточной торговлей Киева следует рассматривать и поход русских дружин на Кавказ и в районы Прикаспия, которые в исторической литературе нередко трактуется как результат выполнения Русью союзнических обязательств перед Византией.

С 60-х годов IX в. завязываются регулярные торговые связи Киева с Византией и ее крымскими колониями. Продолжались они вплоть до 40-х годов XIII в. Позиции равноправного торгового партнера Киев часто утверждал силой оружия. Особенно это относится к раннему периоду истории этих связей, когда в результате походов русских дружин на Византию 860, 907, 911, 941 и 944 гг. были заключены выгодные для Руси мирные договоры. Главными их статьями являлись те, которые регулировали экономические отношения двух стран.

В тесной связи с русско-византийской торговлей находилась торговля Киева со Скандинавскими странами, ведшаяся в IX—XII вв., но не игравшая сколько-нибудь существенной роли в его экономической жизни.

С конца X в. возрастает значение торговых связей Киева со странами Центральной и Западной Европы — Германией, Чехией, Польшей, Францией, Англией и другими. Основным товаром, который Русь заинтересована была получать из них, являлось серебро, переплавлявшееся в денежные гривны и обеспечивавшее сырьем ювелирное ремесло.

В заключение следует отметить, что международная торговля Киева VIII—XIII вв. развивалась успешно на всех этапах истории Древнерусского государства и не зависела от внутренней политической конъюнктуры. В период феодальной раздробленности интересы международной торговли являлись тем консолидирующим элементом, вокруг которого очень часто происходило объединение сил многих княжеств Древней Руси.

ГЛАВА VII

ПАМЯТНИКИ ЭПИГРАФИКИ, НУМИЗМАТИКИ И СФРАГИСТИКИ

- 1. ГРАФФИТИ АРХИТЕКТУРНЫХ
ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО КИЕВА**
- 2. ПАМЯТНИКИ СФРАГИСТИКИ
И НУМИЗМАТИКИ**

В последние годы значительно пополнился фонд эпиграфических, нумизматических и сфрагистических находок, обнаруженных во время археологических раскопок, и особенно в связи с изучением и реставрацией живописи в древних архитектурных памятниках города. Эпиграфические исследования проводились в Софийском соборе (XI в.), церкви Михаила Выдубецкого монастыря (XI в.), Кирилловской церкви (XII в.) и других постройках. Наиболее результативным было изучение эпиграфики в Софийском соборе, где обнаружено 292 граффити — надписей и рисунков, сделанных в древности посетителями на стенах здания¹. Подобные неофициальные надписи, выцарапанные на стенах церквей в древности, представляют большой интерес для историков, лингвистов, палеографов и т. д. Граффити из Софийского собора интересны еще и потому, что там, согласно летописным данным, находилась первая известная на Руси библиотека, мастерская по переписке и переводам книг, некоторое время велось летописание. В соборе открыты многочисленные граффити, написанные представителями разных слоев феодального общества древнего Киева.

Пополнилось и количество надписей, открытых на массовом археологическом материале.

Интересные нумизматические и сфрагистические находки сделаны в разных районах древнего Киева. Византийские, западноевропейские и древнерусские печати и монеты обнаружены на Подоле, Старокиевской горе и в Городе Ярослава.

1. Граффити архитектурных памятников древнего Киева

Открытые в Софийском соборе граффити, в зависимости от содержания, делятся на несколько тематических групп: надписи памятные, благопожелательные, поминальные, относящиеся к фресковым изображениям. Отдельную группу составляют рисунки. В простейшем виде памятные граффити представляют собой имена писавших. Довольно часто к ним добавлялось слово «писал», а иногда еще и какая-нибудь другая приписка, как например, «Иван дьяк Давыдов», «Михаль убогий, а грехом бо-гатый» и др.

Значительный интерес среди открытых граффити представляет группа надписей, по форме и содержанию близких к древнерусскому летописанию. Большинство из них повторяет и уточняет известные из летописи события. К таким граффити относится, например, поминальная запись о смерти князя Ярослава Мудрого: «В лето 6562 (1054) месяца февраля в 20 усение царя нашего... (в неделю св.). Федора»². Надпись уточняет летописную дату события — 1054 г., 20 февраля, относительно которой ранее неоднократно высказывались сомнения³.

К памятным граффити принадлежит запись о громе 3 марта 1052 г., видимо, о молнии, ударившей в купол Софийского собора и воспринятой современниками как зловещее предзнаменование смерти создателя храма — князя Ярослава Мудрого. Надпись примечательна еще и тем, что она является одним из ранних датированных памятников древнерусской

письменности. Граффито на целых 16 лет старше знаменитой надписи 1068 г. на Тмутараканском камне.

Среди граффити собора встречено ряд записей, которые близки к летописным не только по содержанию и форме, но и по названным историческим лицам. К ним относится граффити «4 лета княжил Святослав», текст которого отражает княжение Святослава Ярославича и почти что дословно повторяется во Владимирском летописце («а княжилъ 4 лета») под 1076 г. — годом смерти князя¹.

Три имени видных исторических лиц Древней Руси, хорошо известных по летописным источникам, читаются в надписи, сообщающей о заключении мира на Желяни вблизи Киева: «Месяца декабрия в 4-е сотвориша мир на Желяни: Святополк, Владимир и Олег». В записи идет речь о прекращении княжеских усобиц и заключении мира между Святополком Изяславичем, Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем. Обычное в таких случаях крестопелование, то есть клятва, происходило в Софийском соборе, что и побудило неизвестного нам автора сделать на стене надпись. Любопытно то, что упомянутый в граффито мир на Желяни не известен летописи, хотя местность Желяня (пойма р. Лыбедь на юго-западной окраине Киева) пять раз фигурирует при описании различных летописных событий, происходивших у Киева.

Имена Святополка Изяславича и Владимира Мономаха читаются и в других граффити собора. Так, на хорах есть надпись: «Господи, помози рабе своей Олисаве Святополчей матери русской княгине». Она относится к супруге Изяслава Ярославича Олисаве, которая была матерью Святополка Изяславича. Рядом с этой надписью есть еще одна, весьма вероятно, — автограф Святополка, названного своим крестильным именем — Михаил: «Господи, помози рабу своему Михаилу». Граффито сделано четким энергичным почерком, буквы его глубоко врезаны в штукатурку.

Крестильное имя Владимира Мономаха — Василий — читается в надписи: «Господи, помози рабу своему Васильеву, грешнику, помози ему, господи»², — и еще раз в фрагментарно сохранившейся записи о его смерти 19 мая 1125 г.

Из тематики граффити собора несколько выпадает запись, в которой говорится о покупке княгиней Всеволожей земли, названной в надписи Бояновой, то есть принадлежавшей некоему Бояну. Читается она так: «Месяца января в 30, на святого Ипполита, крила землю Боянову княгиня Всеволожа, а перед святою Софиею, перед попы, а тут были: попни Яким Домыло, Пателей Стипко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семьон, Михал Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубынов, Илья Копылович, Тудор Борзятч; а перед теми послухи купи землю княгини Бояню вьсю, а вдала на ней, семьдесят гривен собольих, а в том драгип

¹ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966; *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв. Киев, 1976.

² *Рыбаков Б. А.* Запись о смерти Ярослава Мудрого. — СА, 1959, № 4, с. 244—249.

³ *Куник А.* Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? Спб., 1896, с. 150.

⁴ ПСРЛ, т. 30 (Владимирский летописец). М., 1955, с. 49.

⁵ *Рыбаков Б. О.* Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі. — Археологія, 1947, т. 1, с. 63, 64.

семьсот гривен». Надпись состоит из 14 строк и по объему текста является самой большой среди софийских граффити. Она несет интересную историческую информацию. Особенно любопытно упоминание имени Бояна, впервые зафиксированного на киевской почве. В ней встречаются и архаические слова «крила» и «драниць».

В надписи сообщается о покупке княгиней Всеволожей какой-то Бояновой земли и в связи с этим внесении в собор положенной церковной десятины. В качестве свидетеля, кроме перечисленных имен «послухов», фигурирует «святая Софiя», таким образом, становится известной роль киевской митрополии в крупных торговых операциях, проводившихся под эгидой Софии. Слова надписи «а перед святою Софiею, перед попы», вероятно, были той юридической формулой, которая гарантировала правильность и законность торговой сделки и обязывала внести в собор положенную церковную десятину. В нашем случае десятина в семьдесят гривен составляла десятую часть от огромной суммы в семьсот гривен.

В надписи есть и немало загадок: кто такой был Боян, которому принадлежала купленная земля? Где она находилась и почему ничего не говорится в надписи, как это было принято в купчих грамотах, о ее границах-обводах, размере, местонахождении и др.? Видимо, как сам Боян, так и его земля были настолько известны в тот период, что подобные вопросы и не возникали. Мы не знаем, где находилась Боянова земля, однако еще в XVII или XVIII в. похожее название носила какая-то часть Киева на Копыревом конце. Об этом можно судить по любопытному комментарию на полях Ипатьевской летописи по Ермолаевскому списку, сделанному переписчиком относительно действий войск Всеволода Ольговича у Киева 1140 г.: «...нача зажигати дворы, иже суть предъ городом въ Копыреве концы», — «Копыревъ конецъ оу Киевѣ на Боюниш»⁶.

161

Пожалуй, одной из интереснейших находок в Софийском соборе является необычная азбука, состоящая из 27 букв, в том числе из 23 букв греческого алфавита и четырех славянских — Б, Ж, Щ, Ш⁷. Необычность этой находки заключается в том, что она содержит не 19 специальных славянских букв, как азбука кириллицы XI в., а всего 4. Возникает вопрос: не отражает ли открытая в Софийском соборе азбука какой-то этап становления кирилловской письменности, например, то время, когда славяне, согласно И. И. Срезневскому и Вс. Миллеру, пользовались для своей письменности греческими буквами? Однако, учитывая традиционный взгляд на проникновение письменности на Русь в связи с официальным крещением в 988 г., естественно, могут возникнуть и сомнения. А не является ли открытая азбука недописанной кириллицей? Трудно, правда, поверить, что автор граффито, делая попытку написать азбуку кириллицы, не знал даже, что она состоит из 43 знаков, какой именно буквой она оканчивалась, и не заметил, что после конечной для греческого алфавита «омеги» в ней есть еще целых 15 знаков! Характерным отличием от кириллицы является и то, что буквы «фита» и «кси» в софийской азбуке стоят в середине ее, а не в самом конце. Писавший граффито пропустил букву Ж и, заметив это, написал ее над строкой. При этом можно было бы ожидать, что он допишет и «зело», стоящее в кириллице вслед за Ж. Однако этого не произошло. Выходит, что автор хотел написать азбуку,

в которой было Ж и не было «зела». Возникает вопрос, почему после Х в азбуке поставлено Ш и Щ, ведь если бы автор «сбивался» на греческий алфавит, то после Х должно было стоять «пси», а если он хотел написать азбуку кириллицы, то в ней после Х стоит буква «от», а Ш и Щ поставлены после Ц и Ч? Все это служит подтверждением, что место упомянутых букв в открытой азбуке не соответствует ни кириллице, ни греческому алфавиту.

Если все же предположить, что азбука представляет собой недописанную кириллицу, то в ней после Ж, как упоминалось выше, должно было стоять «зело», а буквы «кси» и «фита», стоящие в кириллице соответственно на 41-м и 43-м местах, должны были бы отсутствовать. После Х можно было бы ожидать буквы «от», а не Ш и Щ, как в граффито. При 27 знаках азбука должна была бы еще включать Ц, Ч и оканчиваться буквой Ш. Ничего подобного в открытом граффито нет. Таким образом, если допустить, что автор граффито хотел написать азбуку кириллицы, то он неправдоподобно много раз ошибался: пропустил «зело», «фиту», а «кси», Ш, Щ поставил не на своих местах — перед буквой «от», которой и закончил азбуку, не дописал целый ряд букв, следующих в кириллице за «от».

Гораздо большая близость открытой азбуки к греческому алфавиту, что подтверждается общим порядком букв, местами «фиты» и «кси», конечной «омегой». Главным противоречием греческому алфавиту является наличие в граффито славянских Б, Ж, Ш, Щ и отсутствие буквы «пси». Все сказанное свидетельствует о том, что автор граффито писал азбуку, близкую греческому алфавиту, добавляя к нему в определенных местах славянские буквы.

В известном сказании «О письменах» болгарский писатель X в. Черноризец Храбр выделял целый этап в развитии славянской письменности, когда славяне, будучи уже христианами, для своего письма пользовались греческими и латинскими буквами и писали «без устройства»⁸. Он особо подчеркивал, что «и тако беша мьнога лѣта», то есть писали славяне «без устройства» долгое время. Болгарский ученый Емил Георгиев считает, что именно в этих словах содержится подтверждение эволюционного развития кирилловской письменности из греческой путем постепенного добавления к ней славянских букв⁹.

На первом этапе славянской письменности «без устройства» все славянские звуки передавались приблизительно — различными сочетаниями греческих букв. Учитывая трудности передачи некоторых славянских звуков таким способом, можно предположить, что вскоре были сделаны попытки дополнить греческий алфавит специальными знаками для более совершенной передачи особенностей славянской фонетики. Действительно, даже на примере имеющихся в нашем распоряжении азбук кириллицы X—XI вв. можно заметить увеличение в них количества букв. Так,

⁸ ПСРЛ, т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 1962. Приложение, с. 82.

⁹ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв., с. 12, 225.

⁷ Куев Куйо М. Черноризец Храбр. София, 1967, с. 164.

⁸ Георгиев Емил. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, с. 40.

Рис. 161. Азбука из Софийского собора в Киеве.

в азбуке, упоминаемой Черноризцем Храбром, было 38 букв, в том числе 14 славянских. То же самое видим в «Мюнхенском абецедарии» X в., но в азбуке кириллицы памятников письменности XI в. общее число букв увеличилось до 43 и в том числе славянских — 19. Вот почему наличие в софийской азбуке четырех славянских букв, добавленных к греческому алфавиту, заставляет нас думать о большей древности той письменности, которую представляет находка. Ведь если в азбуке X в. было 14 славянских букв, то 4 славянские буквы, добавленные к греческому алфавиту, должны соответствовать значительно более раннему времени развития славянской письменности. Поэтому не может быть сомнения в том, что протокирилловское славянское письмо существовало задолго до появления глаголицы.

162

Та быстрота, с которой Кирилл изобрел славянскую азбуку, является косвенным доказательством, что свою работу он начинал не на пустом месте. Греческий алфавит и традиция употребления его букв для славянской письменности вряд ли могли ускорить его работу по созданию славянской азбуки. Поэтому вполне правдоподобно, что Кириллу была известна более развитая славянская письменность, в которой наряду с греческими буквами употреблялись специальные знаки, приспособленные для передачи специфических славянских звуков. Кирилл, несомненно, должен был знать эту письменность и использовать ее в своей работе. Если в действительности дело было так, то некоторые буквы глаголицы должны были бы напоминать или полностью совпадать по начертаниям с их протокирилловскими прототипами. Рассмотрев буквы глаголицы под указанным углом зрения, можно заметить наибольшее сходство с кирилловскими начертаниями у Ш, Щ, Б, Ж, Ю, «юса малого» и несколько меньшее у Ц, Ч, что не раз отмечалось учеными¹⁰ (рис. 162). Случайно ли то, что из восьми названных букв четыре есть в открытой азбуке? Причем три из них (Б, Ш, Щ) исследователи относят к таким знакам, кирилловский, вернее, протокирилловский приоритет которых является несомненным или очень вероятным¹¹.

На поставленный выше вопрос, очевидно, следует ответить так: сходство или графическая близость букв Б, Ж, Ш, Щ в обеих славянских азбуках является свидетельством того, что эти знаки уже были в протокирилловском письме до изобретения глаголицы и повлияли на графику соответствующих ее букв.

А теперь попытаемся выяснить, почему именно буквы Б, Ж, Ш, Щ в первую очередь могли быть добавлены для славянского письма к греческому алфавиту. Первой среди них стоит буква Б, она важна не только потому, что занимает второе место в азбуке. Следует заметить, что этой буквой начиналось слово «бог», которое очень часто повторялось на страницах средневековых рукописей, особенно богослужебных. Так, например, в Изборнике 1076 г. слова «бог» и «божин» встречаются 289 раз; так же часто встречается союз «бо» — 306 раз¹². Частое употребление в славянской письменности буквы Б в период письма «без устройства» должно было вызывать большие трудности. Дело в том, что классическая «бета» в византийское время стала называться «вита» и передавала звук «в»¹³. Судить о том, как в славянском письме греческими буквами передавался звук «б» в некоторой мере можно на основании произведения Константина Багрянородного «О народах», в котором он, описывая путь из Новгорода в Царьград, в одном месте говорит о Киеве: «называемый Сумбатас». В этом слове перед «витой», чтобы она читалась как «б» поставлено «мю» (Σαμβαταζ)¹⁴.

Еще один подобный пример можно привести из так называемого сказания Бандури, где приводятся названия славянских букв, транскрибированных по-гречески. Буква Б — «буки» — названа μλοκιπ¹⁵.

Таким образом, звук «б» Константин Багрянородный передавал с помощью сочетания букв μβ, а в сказании Бандури он передавался буквами μл. Соответственно слово «бог» должно было читаться как «мбог» или «мпог». Трудно поверить, что такая несовершенная передача звука «б», да еще в таком важном, с точки зрения средневековой идеологии слове, как бог, могла удовлетворять писавших.

П. А. Лавров, а вслед за ним Е. Ф. Карский в свое время обратили внимание на то, что в византийской Порфирьевской псалтыри 862 г. и евангелии 924 г. встречается графическая разновидность «виты», которая по написанию абсолютно аналогична кирилловскому Б (рис. 163)¹⁶. Эта разновидность «виты» в первую очередь должна была обратиться на себя внимание славянских просветителей, и, несомненно, она была им хорошо известна еще ранее IX в. Более того, если славяне для письма «без устройства» пользовались буквами греческого алфавита, то вместе с ними

163

¹⁰ Ягич И. В. Глаголическое письмо.— Энциклопедия славянской филологии. 1911, вып. 3, с. 188, 207—211.

¹¹ Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуке. М., 1963, с. 73—75.

¹² Изборник 1076 г. М., 1965, с. 849—850.

¹³ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 164.

¹⁴ Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 225, прим. 14.

¹⁵ Regel W. Analecta Byzantina Russica. Spb., 1891, с. 50.

¹⁶ Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма.— Энциклопедия славянской филологии, 1915, вып. 41, с. 8; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 164.

Ш	Ш
Щ	Щ
А	А
Е	Б
Ѧ	Ж
Р	Ю
Ѧ	У У У
Ѧ	Ч

Рис. 162. Сравнительная таблица похожих букв глаголического и кирилловского письма (по В. А. Истрину).

в славянскую письменность должны были войти и дуплетные написания этих букв, в данном случае Б — графическая разновидность В — «виты». Отбросив ненужное «мю», славяне начали употреблять этот знак для передачи звука «б». Еще одним примером, когда греческая дуплетная буква вошла в славянскую азбуку, может служить разновидность «альфы», у которой под шатром находится «галочка», то есть А. Подобное начертание «альфы» широко известно в монументальных византийских надписях. Встречается оно и в византийской книжной письменности¹⁷. На каком-то этапе развития протокирилловской письменности этот знак стал использоваться как «малый юс» и вошел в славянскую азбуку.

П. А. Лавров и Е. Ф. Карский, несомненно, правы в вопросе происхождения славянского Б из разновидности «виты». Все другие высказывания относительно происхождения этой буквы не выдерживают критики. Так, славянское Б не могло быть и результатом переделки из соответствующей глаголической буквы, как считал болгарский ученый И. Гошев, поскольку не было никакой необходимости проводить столь сложные изменения графики, чтобы в результате получить знак, который был в готовом виде в византийской письменности. Кроме того, буква Б, как известно, в глаголице имеет числовое значение — 2. Можно было бы ожидать, что трансформируясь в кирилловское Б, она сбережет свое числовое значение. Однако кирилловское Б числового значения не имеет.

Еще большие трудности при письме «без устройства» возникали при написании слов «божий», «божия», «божие» в связи с тем, что в словах, кроме звука «б», был еще звук «ж», который также было непросто передавать с помощью букв греческого алфавита. Константин Багрянородный звук «ж» в названии славянского племени лужане передает с помощью греческой буквы «дзеты»¹⁸. В упоминавшемся сказании Бандури в слове «живот», буква Ж также передается «дзетой». Таким образом, слова

«живот», «божи» должны были читаться как *живот*, *мбози* или *мнози*, что очень далеко от правильного звучания.

Происхождение буквы Ж до сих пор еще не имеет достаточно удовлетворительного объяснения. Наиболее распространенным является мнение, что она возникла в результате соединения двух букв «земля» или, что более вероятно, путем дополнения к букве Х средней вертикальной черты¹⁹. И. Гашев пытался объяснить происхождение Ж из глаголического, графика которого постепенно трансформировалась в звездоподобное Ж²⁰. Однако его аргументация недостаточно убедительна²¹. Да и кирилловское Ж, в отличие от глаголического, не имеет числового значения — 7.

Известно, что древнейшей формой кирилловского Ж является звездобразное симметричное начертание, которое встречается в славянских эпиграфических памятниках — Добруджинской надписи 943 г. и надписи Самуила 993 г. Буква Ж в них очень близка к той форме, которая, по мнению П. А. Лаврова, могла быть получена путем дополнения к Х средней вертикальной черты. П. А. Лавров не обратил внимания на то, что подобная звездобразная фигура хорошо известна христианской символике, начиная с IV в. н. э. Это очень распространенная монограмма Христа, образованная из начальных букв его имени I и X²². Подобная монограмма часто встречается в памятниках христианского искусства, например в мозаиках Равенны в церкви Назария и Цельсия, построенной в 440 г. Особенно часто монограмма Христа в венке встречается в резьбе византийских саркофагов. Она есть на саркофаге V в., который находится в археологическом музее в Стамбуле²³ (рис. 164), на саркофаге Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве и на гробнице из того же храма, приписываемой Владимиру Мономаху²⁴.

Хорошо известно, какое большое влияние на славянскую письменность оказала средневековая христианская символика. Достаточно вспомнить форму первой буквы глаголической азбуки «аз», которая представляет собой символ христианства — крест. В средние века крестом начинались многие документы и тексты²⁵. Средневековый переписчик, начиная свою работу и ставя в начале текста крест (хризмон), тем самым пытался привлечь в помощники бога. Вот почему Кирилл, создавая глаголицу, первую ее букву «аз» по форме отождествил с крестом.

Очень вероятно, что когда в славянской письменности появилась необходимость в специальном знаке для звука «ж», который часто употреб-

¹⁷ *Gardhausen V. Griechische Paleographie. Leipzig, 1879, tav. 1.*

¹⁸ *Дурново Н. Н. Указ. соч., с. 224.*

¹⁹ *Лавров П. А. Указ. соч., с. 9.*

²⁰ *Гошев Ив. Развитие на вєгрѣдите кирило-методиевски буквени знаци. в т. пар. кирилица. — В кн.: Хляда и сто години славянска писменост. София, 1963, с. 284.*

²¹ *Висоцький С. О. Азбука з Софійського собору в Києві та деякі питання походження кирилиці. — Мовознавство, 1976, № 4, с. 80.*

²² *Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М., 1877, ч. 2, с. 137, 142, 143.*

²³ *Hoiz W. Byzanz — Konstantinopel. München; Berlin, 1971, Taf. 32a, 32b.*

²⁴ *Логвин Г. Н. София Киевская. Киев, 1971, табл. 263.*

²⁵ *Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки. — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955, т. 2, с. 307.*

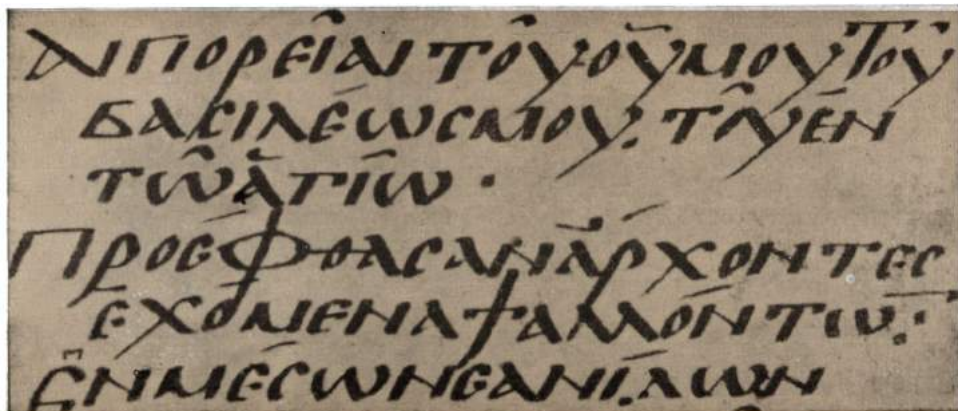

Рис. 163. Порфирьевская псалтырь 862 г. Примеры употребления греческой «виты», аналогичной кирилловскому Б (по П. А. Лаврову).

лялся наряду с «б» в словах божии, божая, божее, а в греческом алфавите подходящей буквы не оказалось, была использована хорошо известная монограмма Христа. Это тем более правдоподобно, так как смысловое значение монограммы «Христос» — «бог» — совпадало со смысловым содержанием слова «божии», для написания которого прежде всего необходима была буква Ж.

Относительно буквы Ш большинство ученых склоняется к ее самаритянскому происхождению от буквы «шин»²⁶. О том, как соответствующий звук передавался греческими буквами при письме «без устройства», можно судить из упоминавшегося сказания Бандури, где буква Ш (ша) транскрибирована *σαα*. Плохо обстоит дело с вопросом о том, почему именно эта буква в числе первых могла быть прибавлена к греческому алфавиту. Если буква Ш была в протокирилловской письменности, то Кириллу не было никакой необходимости изобретать ее вновь. Этим и можно объяснить то, почему Ш в обеих славянских азбуках имеет одинаковое написание. Небольшое изменение графики Б и Ж в глаголице, видимо, было вызвано стремлением замаскировать их греческое происхождение, самаритянское же начертание Ш в этом не нуждалось.

Интересно наличие в софийской азбуке буквы Ш. Обычно ее объясняют как лигатуру из букв Ш и Т. Но тогда не совсем понятно, почему эта буква в числе первых была прибавлена к греческому алфа-

²⁶ Карский Е. Ф. Указ. соч., т. 165; Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951, ч. 1, с. 48.

²⁷ Durnovo N. Еще о происхождении старославянского языка и письма.— *Byzantino Slavica*. Praha, 1931, ч. 3, 1, с. 73.

²⁸ Durnovo N. Указ. соч., с. 36, 37, прим. 7; Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 360.

²⁹ Durnovo N. Указ. соч., с. 37.

³⁰ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской XI—XII в., с. 235.

виту? Ведь ее и так легко было составить из букв Ш и Т, входивших в азбуку. Кроме того, минимальное количество славянских букв в открытой азбуке должно было исключить дублирование.

Относительно буквы Щ известны и другие высказывания. Так, Н. Н. Дурново считал, что это лигатура не из Ш + Т, а из Ш + Ч, которую можно составить из Ш и Ч с прямоугольной чашечкой²⁷. Что же касается лигатуры из Ш + Т, то он считал ее лигатурой из этих же букв, в которой Т поставлено над Ш и является продолжением средней черты буквы. Такая лигатура изредка встречается в письменных памятниках, как, например, в Изборнике 1073 г. Важным подтверждением этой мысли является глаголическое Щ, представляющее собой соединение не Ш + Т, а Ш + Ч, доказательством чему служит одна петелька снизу у глаголического Щ, то есть, как у Ч, а не Т, у которого снизу имеется две петельки²⁸.

Н. Н. Дурново полагал, что буква Щ входила в первоначальную славянскую азбуку как специальный знак, передававший сочетания ШЧ, которое находило себе соответствие в древнерусском традиционном произношении²⁹.

Относительно особенностей графика буквы Щ с длинным хвостом из Софийской азбуки, мы уже писали³⁰. Эта палеографическая черта буквы находит себе аналогии во многих древнерусских памятниках и совсем не встречается в болгарских вплоть до XII в. Как могло случиться, что в Остромировом евангелии, Изборнике Святослава 1073 г. и других древнерусских памятниках, переписанных из болгарских рукописей, появилось Щ с длинным хвостом? Не есть ли это результатом влияния какой-то другой неболгарской графической традиции? Ответить на этот вопрос трудно. Дело в том, что до настоящего времени древнейшим написанием Щ принято было считать малоформатное Щ, которое полностью (с хвостом) помещалось в строке. В. Н. Щепкин полагал, что именно такие начертания А, Р, Ц и Щ являются древнейшими.

Рис. 164. Монограмма на византийском саркофаге V в.

Правда, при этом, например, он ссылался на болгарскую надпись Самуила 993 г. и болгарскую же Савину книгу³¹.

Буква Щ с длинным хвостом могла, конечно, отражать и влияние древнерусской графики XI в., в автографе которой софийская азбука дошла до наших дней. Однако это не объясняет, почему подобные начертания Щ появились в Остромировом евангелии и других древнерусских памятниках XI—XII вв.

Известно, что в азбуке кириллицы буква Ш и Щ стоят после «от» вслед за Ц и Ч. Однако место Ш и Щ в открытой азбуке перед «омегой» на месте «пси» нельзя признать случайным. На раннем этапе развития славянской письменности, когда к греческому алфавиту присоединялись первые специальные знаки для улучшения особенностей славянской фонетики, конечной буквой алфавита на этом этапе, несомненно, продолжала оставаться традиционная «омега». Поэтому буквы Ш и Щ никак не могли быть поставлены в открытой азбуке после «омеги», так как это нарушало бы установившееся представление о целостности и завершенности алфавита и противоречило бы широко известному средневековому догмату «я есмь Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний...» и т. д. Именно поэтому буквы Ш и Щ смогли занять в азбуке на стене собора место «пси», которое без особого ущерба было исключено ввиду того, что оно в ранний период развития славянской письменности употреблялось преимущественно как цифра 700. Кроме того, звуковое значение этой буквы могло быть легко передано сочетанием П и С, входивших в азбуку.

Детальное рассмотрение открытой в соборе азбуки позволяет сделать следующие выводы. Место находки — Киевский Софийский собор — центр культуры древней Руси, никак нельзя признать случайным. По составу и месту написания букв в граффито оно не является недописанной или перепутанной азбукой кириллицы. Славянские буквы, добавленные к греческому алфавиту, нельзя считать случайным набором знаков, появившихся в результате ошибок автора граффито. Все они относятся к тем бунвам, которые в обеих славянских азбуках — глаголице и кириллице — имеют между собой наибольшее сходство. Очень вероятно, что это сходство объясняется тем, что буквы Б, Ж, Ш, Щ были уже в протокирилловской письменности и их знал изобретатель глаголицы.

Открытое граффито, видимо, является азбукой какого-то варианта письменности, известной на Руси в IX — начале X в. и употреблявшейся узким кругом лиц, входивших в христианскую общину, существование которой в Киеве в языческое время подтверждается письменными источниками.

Граффито из Софийского собора поднимает ряд вопросов, на которые пока трудно ответить. Почему, например, на стене собора XI в. появилась азбука письменности более раннего времени? Где могла возникнуть и как попала на Русь открытая азбука и др.? И все же эпиграфическая находка, несомненно, представляет большой интерес для проблемы происхождения славянской и восточнославянской письменности.

Ряд граффити имеют важное значение для изучения самого Софийского собора, его живописи и архитектуры. Так, упоминавшиеся выше датированные надписи 1052 и 1054 гг. позволяют существенно уточнить

время выполнения внутреннего убранства собора, а именно его фресок. Дело в том, что фресковая живопись наносится на сырую штукатурку. Следовательно, датированные граффити, выпаращиваемые на фресковой штукатурке, уточняют время выполнения живописи. Граффити 1052 и 1054 гг. убедительно свидетельствуют о том, что в эти годы стены собора уже были расписаны.

К еще более раннему времени позволяет отнести выполнение живописи собора находка фрагмента греческой надписи 1032 г. 14 индикта, обнаруженного в Георгиевском приделе³². Она показывает, что уже к 1032 г. фресками была расписана не только центральная часть храма, но и все его пятиконное ядро. А это позволяет отдать предпочтение более ранней дате заложения и окончания строительства собора (1017—1037), чем это было принято ранее.

Кроме Софийского собора, эпиграфические исследования в последние годы производились в церкви Михаила Выдубецкого монастыря, построенной по инициативе князя Всеволода Ярославича в 1070—1088 гг. До нашего времени уцелела только западная часть здания. На наружных стенах постройки давно были известны древние граффити: многочисленные кресты у западного входа, рисунки и фрагменты надписей. На северном фасаде церкви находится огромная надпись, которая читается: «Господи, помилуй мя грѣшнаго раба своего Стефана, [грѣшывш]аго паче всѣхъ человекъ словѣмъ или дѣломъ и помышле[ниемъ]». Эта полутораметровая надпись, сделанная буквами размером в 3,5—5,5 см, была прочитана в середине 40-х годов Б. А. Рыбаковым³³.

Изучение выдубецкой надписи в натуре в 1972 г.³⁴ позволило полностью согласиться с чтением, предложенным Б. А. Рыбаковым, и отвергнуть другие мнения*. Правильным следует признать и отождествление им упоминаемого в надписи Стефана с игуменом Киево-Петерского монастыря, позже Владимирским епископом. В пользу подобной идентификации убедительно свидетельствует палеографическая датировка надписи XI в. и ее монументальные размеры, соответствующие достоинству князя церкви, каковым являлся Стефан. Упоминание в надписи столь известного на Руси во второй половине XI в. лица позволяет заключить, что она появилась между 1074 и 1094 гг.

Над надписью Стефана находится граффити, состоящее всего из одного слова «Орѣшко», то есть имени «Орешко». Палеографические особенности начертания буквы ъ с умеренно приподнятым коромыслом позволяют отнести запись к XII—XIII вв.

На западном фасаде церкви, справа от главного входа обнаружена интересная запись, состоящая из одного слова: «Всеволожа», то есть

³¹ Шенкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 109—110.

³² Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв., с. 198. По вопросу чтения этой даты мы консультировались с членом-корреспондентом АН СССР В. Л. Яниним, в связи с чем граффити тщательно обследовалось в натуре.

³³ Рыбаков Б. О. Именная надпись XII ст. в Київському Софійському соборі.— Археологія, 1947, т. 1, с. 54, прим. 4.

³⁴ Высоцкий С. А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубецкого монастыря в Киеве.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 41—48.

* Сомнения относительно предложенного чтения были высказаны В. А. Богусевичем в статье «Напис на стіні». (Вестірій Київ, 1976, 11 січня).

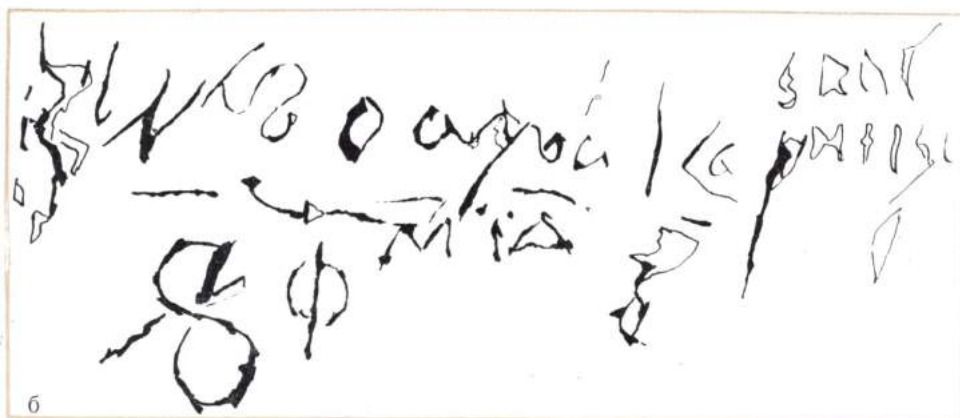

Рис. 165. Фрагмент греческой надписи с датой 1032 г. 14 индикта:
а) фото; б) прорись.

168,
а, б

«Всеводжа» — притяжательная форма от имени Всеволод³⁵. Можно предположить два варианта интерпретации надписи: или она имеет ввиду супругу Всеволода Ярославича, поскольку граффито датируется XI в. (звездобразное Ж и сохранение слабого Б в первом безударном слове), или же в ней идет речь о церкви Михаила, принадлежащей роду Всеволода. Последнее представляется нам более вероятным, так как если бы это граффито относилось к княгине — супруге Всеволода Ярославича, то, во-первых, оно было бы написано по общепринятому образцу: «Господи, помози рабе своей...» и, во-вторых, находилось бы не снаружи храма, а внутри, как, например, запись Олисавы, супруги Изяслава Ярославича из Софийского собора. Слово «Всеводжа» относится к самой церкви,

МХАИЛА МЪ ГРАФЪ БНА ГРАБЪ А СВОЕГО СТЕФАНА
ШАГО ПКУЕБЪ СЪХЪУМОРАКЪ ЗЪЛОУМЪ ЧУЛНАЪ МЪНЪТЪ МЪЧЛЕ

Рис. 166. Церковь Михаила Выдубецкого монастыря. Надпись Стефана XI в., прорись.

на стене которой оно выцарапано. Надпись поясняет, что церковь Михаила, построенная Всеволодом Ярославичем, является его фамильной вотчей, то есть принадлежащей его роду. Подобное понимание надписи хорошо согласуется с притяжательной формой слова «Всеволожа» и женским родом слова «церковь».

Граффито XI в., начерченное на западном фасаде церкви Михаила, вместе с архитектурно-археологическими исследованиями 1972 г.³⁶ является важным доказательством того, что западный притвор и лестничная башня появились одновременно со строительством центральной части храма в 1070—1088 гг.

Из рисунков на стенах церкви Михаила, кроме упоминавшихся выше многочисленных крестов, следует назвать два изображения зверей кошачьей породы, находящихся на северной стене здания. Несмотря на то что один из рисунков испорчен повреждением штукатурки, ясно видно, что он сделан рукой опытного мастера. Особенно удалась художнику морда зверя с большой гривой, хорошо передающая его свирепость. Об этом, вероятно, должна свидетельствовать и цепь, которая изображена у его головы. По мнению специалистов, здесь изображен лев или леопард, который назывался на Руси «лютый зверь»³⁷. Рядом с рассмотренным находится еще одно изображение животного, похожего на льва или леопарда. Но его морда очень повреждена выбоинами в штукатурке. Туловище выполнено в реалистической манере. Длинные лапы с когтями, хвост с характерной кисточкой на конце, грива — все это свидетельствует, что художник стремился нарисовать зверя кошачьей породы. Уцелевший фрагмент головы животного напоминает геральдические средневековые изображения.

Внутри сохранившейся части церкви Михаила древняя штукатурка, к сожалению, в большинстве случаев не уцелела, поэтому эпитафии-

³⁵ *Высоцкий С. А.* Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубецкого монастыря в Киеве, с. 47.

³⁶ *Мовчан І. І.* Археологічні дослідження на Видубичах.— У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 80.

³⁷ *Шарлемань Н. В.* Животный мир и сцены охоты на фресках Софии Киевской.— В кн.: София Киевская. Киев, 1973, с. 73; *Мазродин В. В.* Об изображении дикого зверя на фресках Софийского собора в Киеве.— В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 47, 49.

Рис. 167. Надпись «Орьшко», фото.

ческие разведки дали весьма неутешительные результаты. Только на втором этаже лестничной башни обнаружен рисунок процветшего креста с пальмовыми листьями. Признаки граффити есть и на южной стене западного притвора под находящейся здесь живописью XVIII в.

Эпиграфические исследования производились также в Кирилловской церкви — памятнике архитектуры XII в. К сожалению, как и в случае с церковью Михаила, в нижних частях ее стен сохранилось сравнительно мало древней штукатурки, на которой можно было бы ожидать находок граффити.

169,
а, б

Три надписи, палеографическая датировка которых относится к XII в. и не вызывает сомнений, встречены в апсиде южного придела, посвященного Кириллу. На южной стене хорошо заметны две длинные четкие надписи, выцарапанные в одну строку. Верхняя из них читается: «Господи, помози рабу своему Мартыну Семьюновичу». Сделана она хорошим почерком. Ее буквы тщательно выписаны. В начале записи, согласно требованиям средневекового этикета, поставлен крест-хризмон, о котором шла речь выше. По содержанию она довольно обычна для граффити. Это типичный «разговор с богом» о помощи, начинающийся традиционным «Господи, помози рабу своему...» и т. д. Отступлением от принятой формы подобных записей является упоминание отчества автора — «Семьюнович», что, видимо, указывает на значительность упоминаемого лица. На это же указывает и место написания граффито в алтарной апсиде, доступное только для узкого круга лиц, имевших отношение к церковному клиру.

Немного ниже рассмотренной надписи нацарапано еще одно граффито, в котором читается то же имя Мартына Семеновича. Начало ее испорчено выбоиной в штукатурке. Почерк более мелкий, чем в предыдущей надписи, но позволяющий судить о том, что оба граффити сделаны одной рукой. Близки написания букв А, Б, М и др.

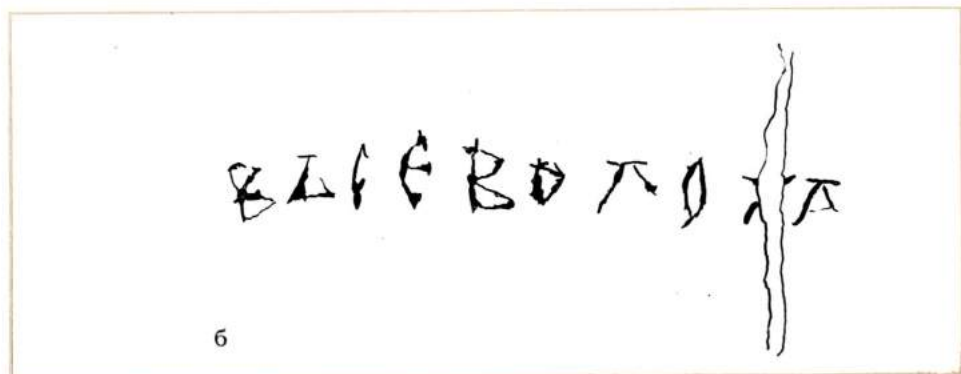

Рис. 168. Надпись XI в. «Всеволожа»:
а) фото; б) прорись.

Необычно в этой надписи употребление слова «помилуй» вместо традиционного «помози». Можно предположить, что начальным словом в ней было не обычное «господи», а «Святой Кирилл». В этом случае стало бы понятным и повторное написание граффито одним и тем же лицом.

Поблизости от рассмотренных граффити находится еще одна надпись такого содержания: «Господи, помози рабу своему Федору, аминь, дякови». Из приписки выходит, что автор ее — Федор — был дьяконом в Кирилловской церкви. Это дает основание заключить, что Мартын Семенович, упоминавшийся в граффито, расположенном рядом, был «пре-
свитером», то есть священником в той же церкви.

На близкое по времени написание этих граффити в XII в. указывают палеографические особенности.

Кроме рассмотренных надписей, в Кирилловской церкви обнаружен еще ряд граффити, относящихся к более позднему времени и имеющих худшую сохранность. В основном это граффити XVII в.

Кто же были их авторы? На этот вопрос с наибольшей полнотой дает ответ изучение граффити Софийского собора. По припискам и некоторым другим признакам удалось установить, что первое место среди

Handwritten transcription of the first inscription: $\text{H} \square \text{P} \text{M} \text{O} \text{Z} \text{H} \text{P} \text{A} \text{B} \text{O} \text{S} \text{B} \text{O} \text{K} \text{M} \text{A} \text{Y} \text{U} \text{B}$
6

Handwritten transcription of the second inscription: $\text{H} \text{P} \text{O} \text{M} \text{O} \text{Z} \text{H} \text{P} \text{A} \text{B} \text{O} \text{S} \text{B} \text{O} \text{K} \square \text{M} \text{A} \text{Y} \text{U} \text{B}$
6

них занимали попы, затем — отроки, дьяки, писцы, монахи и купцы. Видимо, к тем же группам относились и авторы граффити в Кирилловской церкви, судя по тому, что одну из трех рассмотренных выше надписей сделал дьяк Федор. Огромная выдубецкая надпись, упоминающая игумена Киево-Печерского монастыря Стефана также, несомненно, была сделана каким-то близким к нему лицом.

Эпиграфические находки встречены в Киеве и на массовом археологическом материале. В 1968 г. во время археологических исследований на Старокиевской горе было обнаружено пряслице, на котором хорошим четким почерком выцарапана надпись: «Янька вѣдала пряслень Жирьць»³⁸. По палеографическим и фонетическим признакам надпись относится к XI — началу XII в. Имя Янка, читаемое в дарственной надписи на пряслице, и некоторые другие признаки позволили его первооткрывателям предположить, что, возможно, в записи говорится о дочери Всеволода Ярославича Янке, основательнице женского монастыря в Киеве, находившегося неподалеку от места находки. Открытое пряслицеполнило количество киевских подписных пряслиц, с такими надписями: «Невсточь», «Княжо есть», «Потворин пряслень» и др.

171

В 1975 г. во время строительства метро на Подоле обнаружена небольшая амфора емкостью 7,5 л с надписью «Мстслвл крчгъ»³⁹. Надпись расположена полукругом в верхней части амфоры, между ее ручками. Видимо, из-за недостатка места в надписи исключены почти все гласные буквы. Восстановив их, получим: «Мстиславля крчгагъ», то есть «Мстиславова корчага». Для палеографической датировки могут быть использованы всего четыре буквы: В, Ч, Р, Ъ. В и Ъ — имеют симметричное написание. Ч — в виде довольно длинной палочки с расщепом на конце. Такое Ч с треугольной глубокой чашей почти совсем не встречается в XI в., а в XII в. — изредка⁴⁰. Например, близкое написание находим в Юрьевском евангелии 1118—1128 гг. и грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю (около 1130 г.)⁴¹. Буква Р с головкой треугольной формы находит себе ряд аналогий в граффити XII в. из Софийского собора, как, например, в надписи Ставра Городятинича и Воинега из Полоцка⁴². Перечисленные признаки позволяют отнести запись к XII в. Надпись свидетельствует о принадлежности сосуда и его содержимого некоему Мстиславу. Воспринимается близкая по содержанию надпись, открытая во время археоло-

³⁸ Толочко П. П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1972, с. 115.

³⁹ Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. *Дослідження Київського Подолу*. — В кн.: *Археологія Києва*. К., 1979, с. 59, 60.

⁴⁰ Щепкин В. Н. *Указ. соч.*, с. 111.

⁴¹ Трусович Я. И. *Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв.* Спб., 1905, л. 3.

⁴² Высоцкий С. А. *Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв.*, табл. XXIII, XXV.

⁴³ Равдина Т. В. *Надпись на корчаге из Пинска*. — КСИИМК, 1957, вып. 70.

* Б. А. Рыбаков относит этот фрагмент корчаги к концу XII в. и связывает надпись с пинским князем Ярополком Георгиевичем, справляющим в Пинске в 1192 г. свою свадьбу. (Русские датированные надписи XI—XIV вв. — САИ, 1964, Е—1—44, с. 34).

⁴⁴ Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О. *Розкопки Києвоподолу 1973 р.* — В кн.: *Археологічні дослідження стародавнього Києва*. К., 1976, с. 23.

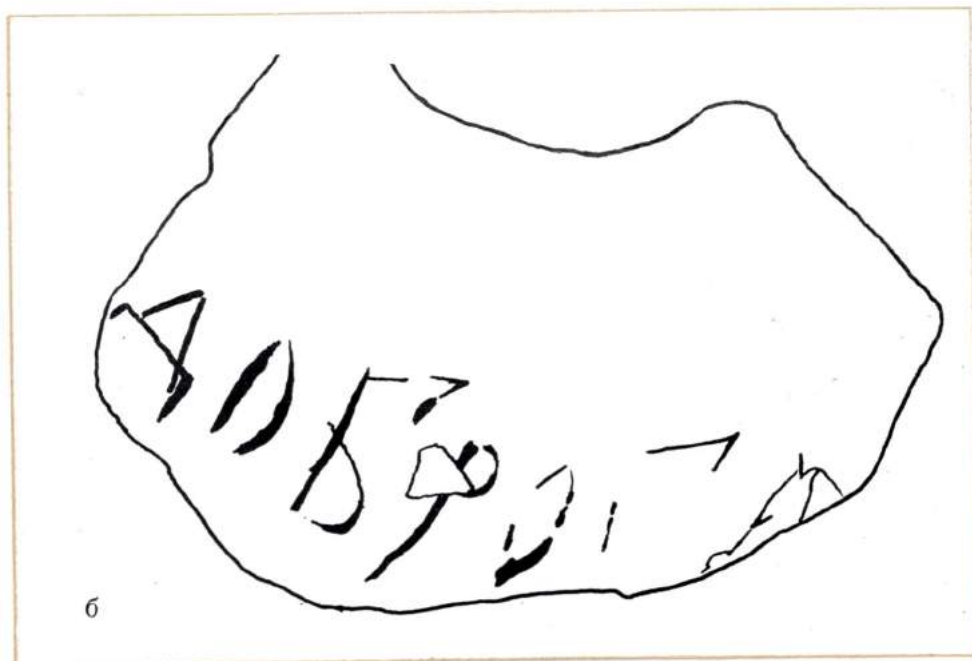

Рис. 171. Надпись «Мстиславля корчага», фото.

гических работ в Пинске⁴³. Она состоит также всего из двух слов: «Ярополче вино» и указывает на принадлежность вина Ярополку*. Обе эти надписи однотипны по содержанию. В них идет речь о принадлежности содержимого сосудов.

Во время археологических раскопок в 1973 г. в котловане метро на Красной пл. возле срубных построек XI—XII вв. обнаружена горловина амфоры с лаконичной надписью, состоящей всего из одного слова⁴⁴. Первая буква, прочерченная недостаточно четко, может быть принята за «от», лежащее на боку или «есть». От второй буквы сохранилась только верхняя часть, вероятно, это — Л. Третья буква представляет собой ломаную линию, идущую сверху вниз. Не может быть сомнений, что это «кси». Последняя буква — Н «иже». Таким образом, наиболее вероятное чтение надписи «Олкси», то есть — притяжательная форма от имени Алексей. На том же обломке корчаги, с противоположной стороны от надписи, привлекает внимание неглубоко прочерченная буква М. О значении этой и других подобных одиночных букв на керамических сосудах скажем далее.

При разборке руин Успенского собора Киево-Печерской лавры обнаружено значительное количество обломков керамических сосудов, упротреблявшихся в качестве голосников или для заполнения так называемых пауз сводов — мест, где сходились арки. Так, на черепке амфоры, которая была вмурована в северо-западный парус здания, выпарапаны буквы NH. При написании правой черты буквы N резец писавшего сорвался и прочертил далеко вниз хорошо заметную царапину.

При археологических раскопках на территории Древней Руси нередко находки керамики с выпарапанными на ней отдельно стоящими буквами. Полагаем, что по крайней мере часть из них представляет собой цифры, обозначающие емкость сосуда или вес его содержимого. В рассматриваемом случае, как, впрочем, и во многих других, над буквами нет обычных для цифр титл или точек с обеих сторон знака, и все же, очень вероятно, что здесь буквы NH — с цифровым значением 58. В предыдущем случае на амфоре с надписью «Олкси», читается буква M, то есть — 40. Как еще один подобный пример, можно назвать знаменитую корчагу из Гнездово возле Смоленска, на которой наряду с надписью «Гороухица», или «Гороушна», читается буква N̄, то есть — 50*.

При разборке руин Успенского собора найдена еще одна надпись на корчаге, сделанная до обжига по сырой глине. Вполне определенно читается «Доброга». Сделана она по сырому крупными буквами, достигающими в высоту 3—4,5 см.

Можно предположить два варианта чтения надписи. Учитывая, что наиболее часто в подобных надписях идет речь о владельце вещи или содержимом сосуда, возможно, что надпись начиналась с слова «Добро». Это слово в значении «имущество» отмечено И. И. Срезневским⁴⁵. Далее следовало начало имени Га, «Гаврила», то есть «Добро Гаврила», или какого-либо другого имени, начинавшегося на эти же буквы. Однако дальше вправо от букв Га есть место, но надпись там не продолжается. Возможно, что здесь был перенос во вторую строку или надпись так и осталась неоконченной. С меньшей вероятностью восстановить надпись можно: «Корчагъ доброга вина». Тут несколько смущает окончание — ога, а не — аго.

Во время археологических раскопок на Подоле была обнаружена большая тонкостенная корчага, на одной из сторон которой острым предметом по сухому выпарапана надпись, состоящая из одного слова: «Говорило», то есть имя «Гаврило». Не может быть никаких сомнений в том, что это имя владельца корчаги и ее содержимого.

Несколько надписей в виде монограмм на фрагментах амфор и корчаг XI—XII вв. обнаружено во время археологических исследований на территории Города Ярослава⁴⁶. Привлекают внимание две одинако-

* Такая же мысль в предположительной форме высказана Р. А. Симоновым. (Симонов Р. А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977, с. 22—23).

⁴⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, стб. 674, «Блюсти есть отъче добро» (Поучение Владимира Мономаха).

⁴⁶ Боровский Я. С. Археологічні дослідження в «городі» Ярослава. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 95. Раскопки проводились в 1973 г. на современной ул. Рейтарской, 33.

ые монограммы из букв Р + Н, выцарапанные на двух обломках красноглиняных амфор. Буквы соединены в лигатуру из «рпы» и «иже». Какое здесь имеется в виду имя, трудно сказать.

На ручке другой амфоры обнаружена монограмма «ПВА», которую ее первооткрыватель расшифровывает как имя — «Павла» — владельца корчаги⁴⁷.

Отдельные буквы встречены и на обломках других сосудов.

Эпиграфические находки последних лет, сделанные во время археологических раскопок в разных городах нашей страны, значительно дополнили знания о разнообразных сторонах культурной и экономической жизни Древней Руси.

Прежде всего это относится к знаменитым берестяным грамотам в Новгороде, которые как бы приподняли завесу и показали нам ту роль, которую играла письменность в большом древнерусском феодальном городе. В XII—XIII вв. она обслуживала экономические потребности и удовлетворяла культурные запросы широких слоев населения древнего Новгорода.

Важное значение имеют и рассмотренные в настоящем разделе эпиграфические находки в Киеве. Они представляют интерес уже потому, что открыты в древнейшем и крупнейшем центре восточнославянского мира. Их киевское происхождение впервые дает в руки исследователей ценный материал, позволяющий судить о многих сторонах культурной жизни города, а также о древнем киевском говоре, важном для изучения происхождения русского, украинского и белорусского языков.

Эпиграфические исследования в Киеве тесно связаны с вопросом появления на Руси письменности. Обнаруженная в соборе азбука открывает новые перспективы в изучении происхождения славянской и восточнославянской кирилловской письменности.

Открытые в Софийском соборе граффити позволяют сделать важный для истории отечественной культуры вывод о непрерывности письменной традиции в Киеве, которая не была прервана монголо-татарским нашествием.

Надписи на археологическом материале из Киева и известные ранее эпиграфические находки позволяют заключить, что наиболее часто на древнерусских ремесленных изделиях, будь то пряслице, корчага или княжеская чара, встречаются надписи, сообщающие имя владельца вещи и содержимого сосуда. К таким надписям, например, относятся: «Лолин пряслень», «Ярополче вино», «Мстиславова корчага», «Олкси», «А се чара Владимира Давыдовича» и др.

Значительно реже встречены надписи, в которых говорится о содержимом сосуда. Наряду с надписями, как мы видели на корчагах, иногда имеются буквы — весьма вероятно, цифровые обозначения емкости или веса содержимого сосудов.

Надо полагать, что появление надписей на корчагах, служивших тарой для перевозки жидких и сыпучих веществ, было тесно связано с требованиями торговли, где, несомненно, главную роль играло имя владельца товара, емкость и вес. Название товара во многих случаях, по-видимому, могло быть определено по типу тары, так как зерно, вино и другие подобные товары перевозились, очевидно, в стандартных со-

судах. Может быть поэтому редки надписи, указывающие на содержимое сосудов.

Итак, новые эпиграфические исследования значительно дополнили наши знания о разных сторонах экономической и культурной жизни древнего Киева.

2. Памятники сфрагистики и нумизматики

В разделе рассматривается новый сфрагистический и нумизматический материал, собранный в ходе археологических исследований древнего Киева в 1970-х годах. Находки предыдущих лет, за небольшим исключением, достаточно подробно описаны и проанализированы в обобщающих работах В. Л. Янина, В. В. Кропоткина, В. М. Потина и др.

Сфрагистические и нумизматические материалы древнерусского времени в городе не принадлежат к числу массовых находок. За более чем полувековой период раскопок Киева советскими археологами было обнаружено лишь восемь древнерусских актов печатей. Шесть из них описаны и изучены В. Л. Яниным. Кроме них известно еще две печати. В 1940 г. при раскопках на территории Михайловского Златоверхого монастыря была найдена свинцовая печать с изображением Богоматери в св. Николая⁴⁸. В 1951 г. в северо-восточной части Города Владимира (район великокняжеского двора) была выявлена печать (диаметром 22 мм), на одной стороне которой находится погрудное изображение неизвестного святого, а на другой — четырехстрочная греческая надпись⁴⁹. Судя по оформлению печати, она относится к XI в.

За последние годы найдено семь актов печатей, что является существенным пополнением корпуса сфрагистических памятников древнего Киева. Первая из них была обнаружена в 1971 г. при раскопках северо-восточной части Старокиевской горы (за апсидами Десятинной церкви). Это небольшой, сильно потертый моливдовул (диаметром 17 мм). На одной стороне — фигура неизвестного святого во весь рост, на другой угадывается малоразборчивое поясное изображение (типа «Знамения» или «Оранты» (?)). Атрибуция печати крайне затруднена очень плохой ее сохранностью. Автор раскопок⁵⁰ видит аналогию данной печати в моливдовуле, найденном в Новгороде, то есть в булле князя Рюрика Ростиславича⁵¹. Эта аналогия вызывает возражения прежде всего тем, что на новгородской печати находится изображение во весь рост архангела, а не святого. У первого, к тому же, отсутствует нимб, ясно различимый на киевском экземпляре. Очевидно, по поводу данной печати можно твердо говорить лишь о том, что она датируется временем не ранее первой трети XII в.

173

⁴⁷ Боровский Я. С. Археологічні дослідження в «городі» Ярослав, с. 95.

⁴⁸ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 319.

⁴⁹ Самойловский И. М., Мезенцева Г. Г. Археологічні спостереження і розвідки в Києві та поблизу нього в 1949—1951 рр.— АП. 1955, т. 5, с. 180.

⁵⁰ Клиевич С. Р. Дослідження Старокиївської гори.— В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 37.

⁵¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 303, табл. 55, № 174. Вся нумерация типов печатей дается по своду В. Л. Янина.

Следующие три печати были обнаружены в 1974 г. на Подоле. Отметим, что это первый случай находки актовых печатей на ремесленно-торговом посаде древнего Киева.

174
а В ходе исследований около «Дома Петра I» (ул. Константиновская, № 6) была обнаружена печать, относящаяся к интереснейшей группе древнерусских булл с надписью «дѣньслово»⁵². Моливдовул неплохо сохранился (рис. 174, а). На лицевой стороне оттиснута надпись «дѣньслово» в три строки. На обратной стороне находится изображение шестикрылого ангела (серафима). В исторической литературе известно пять аналогичных печатей, одна из которых (№ 90) оттиснута той же парой матриц, что и данная⁵³. Все они были обнаружены в Киеве либо поблизости от него, что, безусловно, говорит о киевском их происхождении. В. Л. Янин считает, что изображение серафима указывает на высшие церковные круги, а анонимность печати, вероятно, — на тот период, когда между митрополитами Иоанном III (1089—1091) и Николаем (1096—1104) стол Киевской митрополии являлся вакантным⁵⁴. Следовательно, данные печати следует связывать с киевской митрополией 1091—1096 гг.

Толкование самой надписи «дѣньслово» продолжает вызывать споры. Н. П. Лихачев переводил ее как «внутри слово». То есть печать указывает на то, что внутри свитка, документа, который она скрепляет, находится какое-либо извещение — чье-то «слово»⁵⁵. Б. А. Рыбаков понимает надпись как «скрытое, сокровенное слово» и предполагает, что моливдовулы «дѣньслово» служили специальными печатями для секретной переписки⁵⁶.

Наиболее полно изучил данную группу булл В. Л. Янин, неоднократно обращавшийся к ним в специальных статьях и разделах монографических исследований. «Смысл надписи, — считает исследователь, — сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ: «слово внутри, разверни и читай»⁵⁷. Как видим, здесь во многом разделяется мнение Н. П. Лихачева по расшифровке надписи. Далее, рассмотрев печати в различных аспектах и взаимосвязях с другими древнерусскими печатями, анализируя политическую ситуацию на Руси того времени, В. Л. Янин убедительно доказал, что этот тип печатей не имел функционального значения (то есть не служил для какого-либо

⁵² Гупало К. М., Іванкін Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження Київського Подолу у 1974—1975 рр. — В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 55—56.

⁵³ Янин В. Л. Указ. соч., с. 186, 187, № 88—91, табл. 42.

⁵⁴ Там же, с. 82.

⁵⁵ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. — В кн.: Труды Музея палеографии. Л., 1930, т. 2, с. 29.

⁵⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 319.

⁵⁷ Янин В. Л. Указ. соч., с. 85.

⁵⁸ Янин В. Л. Печати с надписью «Дѣньслово». — СА, 1962, № 2, с. 157—177; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 75—86; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 30—31.

⁵⁹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 31.

⁶⁰ Гупало К. М., Іванкін Г. Ю., Сагайдак М. А. Указ. соч., с. 54—55.

⁶¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 203, 204, табл. 17 и 58.

Рис. 173. Печать со Старокиевской горы, 1971 г.

одного рода грамот, переписки, указов и др.) и четко определил его место в древнерусской сфрагистике⁵⁸.

В 90-х годах XI в. великим князем киевским Святополком Изяславичем была предпринята попытка реформы по унификации древнерусской печати. Для скрепления различных актов была введена печать с надписью «днѣслово» с одной стороны и патрональным изображением владельца буллы или символом принадлежности к церкви — с другой. Этот тип используется в сфрагистике Киева, а также зависимых от Святополка Изяславича Новгорода и Волыни. Однако предпринятая попытка унификации печати не была поддержана другими князьями, прежде всего Владимиром Мономахом. После смерти Святополка и прихода на киевский стол Владимиром Мономахом буллы с надписью «днѣслово» исчезают из употребления⁵⁹.

Княжеская печать с изображением двух святых на обеих сторонах была найдена у подножья Андреевской горы⁶⁰. На лицевой стороне моливдовула изображен святой архиепископ Кирилл в полный рост с кодексом в левой руке. На обратной стороне находится изображение архангела Михаила также в полный рост с жезлом в правой руке и со сферою в левой. Края печати были обрублены в более позднее время, что и придало ей необычный прямоугольный вид. Надписи не сохранились (рис. 174, б). Найдено два экземпляра подобных печатей (№ 188/1,2)⁶¹.

Известно, что на княжеских буллах с изображением святых на обеих сторонах обычно помещались небесные патроны самого князя и его отца. Следовательно, владельцем печати должен быть князь, христианское имя которого — или Кирилл Михайлович, или Михаил Кириллович.

Кирилл — имя не слишком распространенное среди князей Древней Руси. Оно связывается прежде всего с великим князем киевским Всеволодом Ольговичем (1139—1146), основателем Кирилловской церкви в Киеве. Христианское имя его отца, Олега Тмутараканского, также

Рис. 174. Печати с Подола, 1974 г.:

а) «дньєслово»;
 б) великого князя киевского Всеволода
 Ольговича; в) протопроедра Евстафия.

хорошо известно — Михаил. На основании этих сведений Н. П. Лихачев пришел к выводу о принадлежности подобных булл князю Всеволоду Ольговичу⁶².

В. Л. Янин, однако, считает, что данные печати принадлежат сыну Всеволода Ольговича — Святославу, а изображение Кирилла обозначает не имя, а отчество владельца печати. Исследователь пришел к такому выводу, основываясь на том, что оба известных экземпляра буллы были обнаружены в Новгороде. А Всеволод Ольгович в Новгороде, в отличие от Святослава, не княжил. Святослав Всеволодович же правил там в течение года (с зимы 1180/1181 г. до зимы 1181/1182 г.). Исходя из этого, устанавливается и неизвестное христианское имя Святослава — Михаил. К печати Всеволода Ольговича В. Л. Янин относит буллы с изображением св. Кирилла и надписью: «Господи, помози рабу своему Кириллу»⁶³.

В поисках владельца буллы В. Л. Янин исходит из принципа, что «место находки печати в подавляющем большинстве совпадает с местом их применения при документе»⁶⁴. Однако, как признает сам исследователь, «наличие столь обширного сфрагистического комплекса в Новгороде в какой-то степени смещает правильные акценты, лишая статистику должной объективности»⁶⁵. В данном случае княжение в Новгороде не является решающим аргументом в определении владельца печати. К тому же печать с благопожелательной формулой, которая связывается с Всеволодом Ольговичем, также найдена в Новгороде. Известны и другие

случаи находок в Новгороде булл князей, которые там никогда не правили. Несколько типов печатей встречается и у других князей: Владимира Мономаха, Мстислава Владимировича. Возможно, наличие двух типов булл у Всеволода Ольговича можно объяснить сменой его положения в иерархической системе русских князей, когда в 1139 г. Всеволод занял великокняжеский стол в Киеве. Печати с благожелательной надписью могут быть, вероятно, отнесены к периоду черниговского княжения Всеволода Ольговича (1126—1139).

Подобный тип булл, кроме Всеволода Ольговича, наблюдается лишь у Владимира Мономаха, Давида Святославича и Мстислава Владимировича⁶⁶. За пределы первой трети XII в. они не выходят.

Буллы Всеволода Ольговича с изображением святых на обеих сторонах, которой он пользовался в 1139—1146 гг., соответствуют аналогичные печати князей, правивших примерно в то же время, — Всеволода Мстиславича, Святослава Ольговича, Святополка Мстиславича, Ростислава Мстиславича⁶⁷ и др.

Христианское имя Святослава Всеволодовича неизвестно, а Олега Святославича (Михаил) определено совершенно точно. Поэтому, учитывая все вышесказанное, мы разделяем мнение Н. П. Лихачева, что печать с изображениями Кирилла и Михаила принадлежала князю Всеволоду Ольговичу.

Следующая булла была обнаружена при археологических исследованиях Подола на усадьбе дома № 17 по ул. Волошской (рис. 174, в)⁶⁸. На лицевой стороне находится пятистрочная надпись на греческом языке: «Воззри на меня, протопроедра Евстафия». Левая и нижняя части поля печати слегка оббиты, и начальные буквы, а также пятая строка не читаются. На оборотной стороне находится изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа от него колончатая надпись на греческом языке — «Феодор».

Печать относится к буллам протопроедра Евстафия — одной из интереснейших групп древнерусских вислых свинцовых печатей конца XI в. До этой находки в исторической литературе было известно 14 экземпляров булл Евстафия, происходящих от двух матриц⁶⁹. 13 из них оттиснуты той же парой матриц (№ 72, по В. Л. Янину), что и обнаруженная на Подоле печать. 12 мольдвоулов было найдено в Новгороде, один — в Старой Ладобе, один — в древнем Белгороде под Киевом. Как мы видим, это лишь вторая находка подобной буллы на Южной Руси.

Буллы Евстафия тщательно изучил В. Л. Янин⁷⁰. Исследователь убедительно показал, что наиболее естественным объяснением несова-

174
в

⁶² Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1.— Труды Музея палеографии. Л., 1928, т. 1, с. 85.

⁶³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 105—106.

⁶⁴ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 27.

⁶⁵ Там же, с. 28.

⁶⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV в., т. 1, 187—190, № 97—121.

⁶⁷ Там же, с. 193—197, № 133—155 и др.

⁶⁸ Гупало К. М., Иванкин Г. Ю., Сагайдак М. А. Указ. соч., т. 56—57.

⁶⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 182, № 72, 73, табл. 40.

⁷⁰ Там же, с. 64—67, с. 182, № 72, 73.

дения имени владельца буллы и святого на ее обороте является факт определенной феодальной зависимости, подчиненности Евстафия Феодору. Евстафий обладал правом собственной печати и носил пышное звание протопроедра (титул члена неофициального совета при византийском императоре). Однако он не принадлежал к княжескому роду, и данная печать указывает на то, что ее владелец действовал от имени князя, чьим небесным патроном был св. Феодор.

Сфрагистический тип печати (греческая пятистрочная надпись, диаметр моливдовула) позволяет датировать ее временем не позднее рубежа XI—XII вв. Большинство печатей было обнаружено в Новгороде или в Новгородской земле (13 из 15)*. Это указывает на несомненную связь данных булл с новгородской администрацией. Следовательно, Евстафия необходимо искать среди ближайшего окружения князя, христианское имя которого было Феодор и который княжил в Новгороде во второй половине XI — начале XII в.

Единственным из новгородских князей того времени, носивших христианское имя Феодор, был сын Владимира Мономаха Мстислав, позднее — великий князь киевский. Об этом говорит надпись на знаменитом Мстиславовом евангелии начала XI в.: «князю Феодору, а мирськы Мьстиславу»⁷¹. Феодором Мстислав назван также и в «Хождении игумена Даниила»⁷². В честь своего небесного патрона в 1129 г. «заложи Мьстиславъ прквь камену стго Федора в Киевѣ»⁷³, в которой он и был похоронен. Федоровский собор стал фамильной усыпальницей потомков Мстислава Владимировича.

В какие же конкретно годы новгородского княжения Мстислава могли появиться печати Евстафия? В. Л. Янин находит ответ на этот вопрос, рассматривая прежде всего обстоятельства княжения Мстислава в Новгороде⁷⁴. Мстислав занимал новгородский стол дважды: с конца 1088 г. до начала 1094 г. и с начала 1096 г. до 17 марта 1117 г. Первый раз Мстислав занял княжеский стол в двенадцатилетнем возрасте** и, естественно, править сам не мог. Именно в это время и существовал некий советник Евстафий (практически регент), который управлял от имени Мстислава и обладал правом собственной печати.

Существуют еще два типа булл Мстислава Владимировича, на одной стороне которых изображен св. Феодор, а на другой — либо надпись «дньѣслово» (№№ 80—83), либо благопожелательные надписи (№№ 117—121)⁷⁵. Эти буллы характерны для времени киевских княжений Святополка и Владимира Мономаха, следовательно, не могут относиться к первому новгородскому княжению Мстислава. Зато буллы протопроедра Евстафия близки по типу к печатям периода великого княжения Всеволода Ярославича (1079—1093), что еще раз доказывает справедливость отнесения этих булл именно к первому княжению Мстислава.

В. И. Янин считает, что Евстафия следует искать среди новгородских посадников, и высказывает предположение, что таким посадником был Завид, христианское имя которого могло быть Евстафий⁷⁶. В пользу существования каких-то связей Мстислава Владимировича с родом Завида говорит и тот факт, что в 1122 г. второй женой Мстислава стала внучка Завида Любава: «Оженися Мьстиславъ Володимеричъ въ

Киевѣ, другою женою, поатъ за соба Дмитровну Завидовича, посадника Новгородскаго»⁷⁷.

В причинах вокняжения Мстислава в столь раннем возрасте В. Л. Янин предполагает заключение «каких-то условий между Новгородом и киевским князем Всеволодом Ярославичем»⁷⁸. Однако источники молчат о существовании такого договора между новгородским боярством и киевским князем. Нам представляется, что здесь имело место одно из проявлений целеустремленной политики Всеволода Ярославича, стремившегося обеспечить за своим родом ключевые позиции на Руси. Назначение малолетних князей из своего рода на различные княжения на Руси было традиционной политикой Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха. Так, в 1078 г. становится переяславским князем младший сын Всеволода Ростислав, которому тогда исполнилось лишь восемь лет⁷⁹. Примерно в таком же возрасте был посажен на суздальское княжение (около 1095 г.) брат Мстислава — Юрий Долгорукий. Его «дядькой» («кормильцем») был назначен тысяцкий Георгий, сын хорошо известного в древнерусской истории варяга Шимона, воеводы и верного сподвижника Всеволода Ярославича⁸⁰. Назначение Мстислава в Новгород как раз и отвечает духу такой политики Всеволода Ярославича, иначе пришлось бы признать, что и назначения малолетних князей в Переяславль и в Суздаль также были следствием проявления местных автономистических тенденций. А это, конечно, представляется маловероятным.

По-другому решает вопрос идентификации личности владельца печати протопроедра Евстафия А. В. Куза⁸¹. При раскопках могильника древнерусского города Желни (Переяславское княжество) была найдена печать, на лицевой стороне которой находится благожелательная надпись на греческом языке: «Господи, помози рабу своему Евстафию», а на обратной стороне — изображение архангела Михаила. Изучив печать по методике В. Л. Янина, исследователь пришел к выводу, что она принадлежала Евстафию, «кормильцу» — советнику переяславского князя XI в., христианское имя которого было Михаил. Таким князем мог быть Ростислав, младший сын Всеволода Ярославича. О христианском имени Ростислава Всеволодовича позволяет судить закладка Все-

* В настоящее время, как любезно сообщил В. Л. Янин, обнаружено еще несколько экземпляров печати протопроедра Евстафия. Все новые находки происходят из Новгорода.

⁷¹ *Симони П. К.* Мстиславово евангелие конца XII века. СПб., 1904, с. 44.

⁷² Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864, с. 162.

⁷³ ПСРЛ, т. 2, стб. 293.

⁷⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 66—67.

⁷⁵ * 6584 (1076). Родися оу Володимера си Мьстиславъ внукъ Всеволож. (ПСРЛ, т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 1963, стб. 190).

⁷⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 70, 71, 82, табл. 41 и 44.

⁷⁷ Там же, с. 66.

⁷⁸ ПСРЛ, т. 15 (Тверская летопись). М., 1965, стб. 193.

⁷⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 66.

⁸⁰ Куза А. В. Печати Евстафия.— СА, 1977, № 3, с. 123.

⁸¹ Киево-Печерский Патерик. К., 1870, с. 64—65.

⁸² Куза А. В. Указ. соч., т. 121—129.

володом Ярославичем в год рождения сына (1070) церкви св. Михаила на Выдубичах в Киеве. Ростислав княжил в Переяславле в 1078—1093 гг. и в первоначальный период, безусловно, нуждался в регенте, коим и был поставлен Евстафий.

А. В. Куза высказал предположение, что Евстафий князя Михаила и протопроедр Евстафий князя Феодора — одно и то же лицо: приближенный князя Всеволода Ярославича, сначала «дядька» Ростислава, а затем Мстислава⁸². Совпадение редкого имени и хронологический расчет говорят о реальности такого предположения. К 1088 г., когда необходимо было сопровождать Мстислава в Новгород, Ростиславу исполнилось 16 лет, и он уже не нуждался в опекуне (и даже участвовал в походах Владимира Мономаха против половцев). Возможно, что новое назначение сопровождалось присвоением Евстафию высокого титула протопроедра (если это, конечно, не случилось раньше). О широком использовании Всеволодом института наместничества ярко свидетельствует также политическая судьба Ратибора (и связанная с ним группа древнерусских булл). Именно в факте поставления Всеволодом наместниками своих наиболее ближних бояр и наделения Ратибора и Евстафия исключительными привилегиями видит А. В. Куза причину появления печатей Ратибора и Евстафия⁸³.

Находка печати протопроедра Евстафия важна еще в одном аспекте. Известно, что в Киеве существовал торговый двор новгородских купцов, имевших свою церковь св. Михаила. Печать помогает локализовать его на Подоле. Она обнаружена на усадьбе, находки на которой (византийская монета, большое количество фрагментов стеклянных браслетов, в том числе и византийских, бой амфорной тары) позволяют отнести ее владельцу к купеческому сословию. Отметим, что в 1955 г. приблизительно в 100 м от этой усадьбы на проезжей части ул. Волошской, 11 В. А. Богусевич открыл фундаменты неизвестной церкви XII в., которые он определил как остатки Михайловской Новгородской божницы⁸⁴. Это предположение вызвало, однако, возражения со стороны Ю. С. Асеева, который считает, что плинфа из этих фундаментов более характерна для конца XII в., в то время как Михайловская божница уже в 1147 г., несомненно, существовала⁸⁵.

В Киев печать протопроедра Евстафия была привезена, безусловно, из Новгорода с каким-то поручением или распоряжением новгородским купцом, проживавшим на Подоле. Можно было бы не останавливаться на этом вопросе, если бы не одно замечание А. В. Кузы. По его мнению, находка булл протопроедра Евстафия в Южной Руси, поскольку там княжил Мстислав Владимирович, «еще раз подтверждает справедли-

⁸² Куза А. В. Указ. соч., т. 125.

⁸³ Там же, с. 129.

⁸⁴ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, т. 2, с. 485—486.

⁸⁵ Асеев Ю. С. Зодчество Приднепровской Руси конца XII — первой половины XIII веков. Автореф. дис. докт. архитектуры. М., 1971, с. 9.

⁸⁶ Куза А. В. Указ. соч., с. 124.

⁸⁷ Боровский Я. С., Голочко П. П. Київська ретовнда.— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 103; Боровский Я. Е., Голочко П. П. Из работ Киевской экспедиции.— АО 1977 г. М., 1978, с. 390—391.

Рис. 175. Печати Федора Стратилата из раскопок ротонды, 1976—1977 гг.

вость и точность изложенных аргументов» о связи этих булл с Мстиславом⁸⁶. То есть исследователь принимает печати протопроедра Евстафия, найденные в Белгороде и Киеве, как буллы Мстислава периода его княжения на юге. Однако такое понимание неверно. Оно в корне противоречит основной мысли В. Л. Янина, так убедительно им доказанной: сосуществование Евстафия и Федора на одной печати объясняется детским возрастом князя и неспособностью самостоятельно управлять. А если считать, что печати, найденные в Белгороде и Киеве, связаны с его местным княжением, то придется признать, что Мстислав и в возрасте после 41 года оставался под опекой Евстафия. Такое предположение, конечно же, нереально. Кроме того, хорошо известны печати с благожелательной надписью, которые скорее всего и относятся к этому периоду княжения Мстислава Владимировича. Таким образом, печати протопроедра Евстафия не принадлежат ко времени княжения Мстислава в Белгороде и Киеве, а были присланы на юг с какими-то грамотами из Новгорода.

Две одинаковые свинцовые печати были найдены в 1976 и 1977 гг. при раскопках киевской ротонды в Верхнем городе (рис. 175)⁸⁷. Печати хорошо сохранились. На лицевой стороне находится поясное изо-

Рис. 176. Прорись легенды на реверсе печатей Федора Стратилата.

† ΝΕ ΙΛ[ΟΥ]
ΓΡΑΦΩΝΤΩΝ
ΚΥΡΟΣ Ο ΣΤΡΑ
ΤΗΛΑΤΗΣ

176

бражение Федора Стратилата с кошем в правой руке и щитом в левой, окруженное точечным ободком. По сторонам от изображения идет зеркальная колончатая греческая надпись: «святой Феодор Стратилат». Обращает на себя внимание мастерский, уверенный рисунок, хорошая проработка деталей. На оборотной стороне помещена четырехстрочная греческая надпись. Буквы легенды также выполнены очень тщательно и четко.

Эти печати являются уникальными, и аналогий им пока еще не обнаружено. Сами они скорее относятся к византийской, а не древнерусской сфрагистике.

Отметим следующие интересные детали. Свинцовая пластинка первой печати — необычно тонкая (1 мм), и в ней отсутствует отверстие для шнура, а пластинка второй печати оказалась меньше матрицы (обе печати отгиснуты одной матрицей). Возможно, первый моливдовул не являлся собственно печатью, а был только образцом или пробой матрицы. Но возможно также, что во втором случае отгиск делался в спешке, наскоро, когда под рукой не оказалось свинцовой заготовки нужного диаметра. Можно высказать предположение, что вряд ли бы такое случилось, если бы печать готовили в Константинополе. Возможно, при изготовлении печати пользовались местной (киевской?) заготовкой. В таком скреплении грамоты (не в Константинополе, а в Киеве) не было бы ничего удивительного. По свидетельству летописей, в состав различного рода посольств часто включались специальные лица, обязанностью которых было скрепление печатями грамот (если была такая необходимость) на месте действия этих посольств. Например, среди многочисленной свиты Митяя (отправившегося в 1379 г. из Москвы в Константинополь хлопотать о поставлении на великорусскую митрополию) был и «Дорофей печатник»⁸⁸.

Оформление обнаруженных у ротонды печатей не позволяет дать их бесспорную датировку и атрибуцию. По-видимому, оно в целом ближе всего к оформлению памятников византийской сфрагистики XI—XII вв.

Один из возможных вариантов перевода греческой надписи на реверсе печатей: «Стратилат (Феодор) — скрепа посланий Нила»*. Если такое прочтение правильное, то владельцем печати, вероятно, являлся некий Феодор («печатник»?) из окружения высокопоставленного сановника Византийской империи Нила. Этот Нил должен был поддерживать тесные связи с Киевом. Наиболее известным в политической и церковной истории Византии лицом, носившим имя Нил, был патриарх Нил (1380—1388). Буквально с первых дней своего патриаршества он был втянут в церковно-политические дела на Руси, где шла упорная и сложная борьба за и против разделения общерусской митрополии по государственному признаку, борьба, которая отражала различные политические тенденции, развивавшиеся в стране⁸⁹. Киев был одним из центров этой борьбы. Здесь у князя Владимира Ольгердовича в 1376—1390 гг. (за исключением 1381—1382 гг.) пребывал непризнанный московским князем Дмитрием Ивановичем митрополит всея Руси Киприан — один из наиболее активных политических деятелей той эпохи. Киприан поддерживал тесный контакт с Константинополем и не раз бывал там. Патриарх Нил был сторонником противников Киприана Пимена, а затем Дионисия Суздальского, пытался сместить Киприана с общерусской митрополии.

Некоторые события этой борьбы прямо связаны с Киевом. Так, в 1384 г. Нил рукоположил Дионисия в митрополиты всея Руси. После этого «прииде изо Царяграда въ Кієвъ Діонисій... митрополитомъ на Русь». В Киеве Дионисий, вероятно, должен был заявить о своем поставлении в митрополиты и передать Киприану вызов в патриархию для низложения. Однако в ответ на это «изнима его Кіювський князь Володимиръ Олгѣрдовичъ». Арестованный Дионисий «такъ пребысть въ нятіє и въ заточеніи и до смерти»⁹⁰, наступившей 15 октября 1385 г., «и положен бысть в Кієвской Печере великаго Антонія». Многие исследователи предполагают, что Дионисий сам был постриженником Киево-Печерского монастыря⁹¹.

Вполне реально предположить, что именно в этот период происходил активный обмен посланиями между патриархом Нилом и Киевом. Возможно, какие-то грамоты или послания Нила привез с собой и сам Дионисий. Следы ремонта на остатках стен ротонды говорят о вероятности функционирования здания в XIV в. Отметим также, что при раскопках ротонды были обнаружены две серебряные монеты Владимира Ольгердовича — находка достаточно редкая. Возможно, в XIV в. ротонда была резиденцией Владимира Ольгердовича либо продолжала служить своеобразной палатой для княжеских или боярских советов. Таким образом, существуют определенные основания для выдвижения гипотезы о связи этих печатей с константинопольским патриархом Нилом, а также о путях появления их в Киеве.

⁸⁹ ПСРЛ, т. 15 (Рогожский летописец), стб. 129.

* Перевод Е. Ч. Скрипниковой.

⁹⁰ Подробнее об этом: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.

⁹¹ ПСРЛ, т. 15 (Рогожский летописец), стб. 149.

⁹² Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 69.

Однако такая гипотеза сразу же вступает в противоречие с той датировкой, какую дает оформление печатей. Вероятно, для успешного решения задачи их атрибуции необходимо привлечение нового материала.

Последняя печать была обнаружена в 1978 г. раскопками И. Ф. Тощкой на территории Государственного архитектурно-исторического заповедника «Софийский музей», недалеко от здания собора*. На лицевой стороне находится изображение св. Георгия во весь рост, на оборотной — пятистрочная греческая надпись. Печать относится к буллам киевского митрополита Георгия (около 1068—1073). Интересно, что аналогичная печать была найдена Д. В. Милеевым в 1909 г. также при раскопках на усадьбе Софийского собора⁹².

Топографически находки печатей распределяются следующим образом. Три печати найдены в Городе Владимира. С этим районом, вероятно, следует связывать и печать Всеволода Ольговича, обнаруженную у подножья Андреевской горы. Она, скорее всего, попала на Подол вследствие оползней и выносов с гор. Одна булла найдена вблизи Софийского собора. Две печати происходят с Подола — крупнейшего посада города.

Топография находок первых пяти печатей вполне соответствует социальной характеристике Верхнего города. Именно здесь располагались великий княжий двор, русская митрополия, крупнейшие монастыри и феодальные дворы Киева.

Впервые найдены акты печати на киевском посаде. Это значит, что документы, скрепленные вислой печатью, не являлись чем-то необычным и в рядовом квартале древнего Киева. Надо полагать, что не государственные документы хранились в подольских усадьбах. Вероятно, это были какие-то частные акты (купчие, жалованные, духовные грамоты и др.), утвержденные соответствующими лицами (институтами), имевшими право скрепления печатью подобных грамот. Это в свою очередь говорит о существовании частного акта в древнем Киеве в XI в. Подольские находки подтверждают вывод, сделанный на основе новгородских памятников актовой сфрагистики о сравнительно раннем появлении частного акта на Руси⁹³.

Случаи обнаружения в Киеве нумизматического материала древнерусского времени чрезвычайно редки. Подавляющее их большинство приходится на XIX в. Из находок советских археологов до начала 70-х

* Печать подготовлена к публикации автором находки И. Ф. Тощкой.

⁹² Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1, с. 174.

⁹³ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 26—27.

⁹⁴ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 303.

⁹⁵ Богусевич В. А. Археологічні розкопки на Подолі в 1950 р., с. 50.

⁹⁶ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1, с. 502.

⁹⁷ Коршенко С. В. Клади і окремі монетні знахідки, зареєстровані Центральним історичним музеєм УРСР — Фонди ГИМ УССР.

** Отдел археологии Киева ИА АН УССР выражает свою глубокую признательность В. А. Алохину и В. В. Кропоткину за постоянные консультации и советы в отношении нумизматического материала, найденного в Киеве.

⁹⁸ Гуцало К. М., Толочко П. П. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 73.

⁹⁹ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, 1962, вып. Е-4-4, № 170, 175.

Рис. 177. Византийская монета императора Константина VII (945), 1972 г.

годов можно указать лишь на два случая выявления медных монет византийского императора Алексея I Комнина (1081—1118) — в 1938 г. при раскопках на территории Михайловского Златоверхого монастыря⁹⁴ и в 1950 г. на Подоле⁹⁵. В 1939 г. в тайнике под Десятинной церковью была найдена венецианская монета дожа Дандоло (1192—1205)⁹⁶. В 1940 г. раскопками на территории Михайловского Златоверхого монастыря было обнаружено две монеты конца X—XI вв. — английская короля Этельреда II и германская Оттона и Адельгейды⁹⁷. Сюда мы сознательно не включаем нумизматические находки, относящиеся к эпохе более ранней, чем время возникновения Киева (например, монета кушанского царя Канишки II, римские монеты и т. д.), которые к тому же в основном были выявлены за пределами исторического ядра города, а также монеты послемонгольского периода.

Новые находки византийских монет связаны с археологическим изучением Подола последних лет**. Две медные византийские монеты были найдены в 1972 г. при раскопках на Красной пл.⁹⁸

Одна из них — монета 945 г. императора Константина VII Багрянородного — хорошо сохранилась. На лицевой стороне находится поясное изображение императора в парадном одеянии. На оборотной — четырехстрочная надпись на греческом языке. Находки монет Константина VII на территории Киева известны⁹⁹. Однако данный тип монет встречен впервые.

178 Вторая монета сохранилась значительно хуже, тем не менее просматривается поясной портрет на лицевой стороне и четырехстрочная надпись — на оборотной. Из-за сильной потертости монета в первой публикации была отнесена к чекану императора Романа II (959—963). Однако в дальнейшем такая атрибуция вступила в противоречие с дендрохронологической датировкой данного строительного горизонта, произведенной М. А. Сагайдаком. Повторное определение показало, что монету следует отнести ко времени правления Романа I (921—944) *. Монеты Романа I на Руси встречались чаще всего в крупных городских центрах (Новгороде, Полоцке, Пскове¹⁰⁰), а также на Тамани и в Саркеле¹⁰¹. Наибольшее их количество было найдено в Киеве: пять медных монет на Замковой горе в 1908 г. и два серебряных миллиарисия в 1896 г. на ул. Фрунае¹⁰².

Византийские монеты, обнаруженные при раскопках на Красной пл., важны не только как чисто нумизматический памятник. Они обе были найдены при расчистке крупной усадьбы X в., принадлежавшей зажиточному человеку. Набор находок (позолоченные вилка, бронзовые украшения, щедро украшенные орнаментом изделия из кости, стеклянные браслеты и кубки, гирька от купеческих весов, косточки персиков и, наконец, сами монеты) позволяет предположить, что это был крупный купец, который, вероятно, вел торговлю с Византией¹⁰³. В пользу этого предположения говорит и расположение самой усадьбы — вблизи «торговища».

179 В 1973 г. при раскопках на Житном торге (под Замковой горой) была найдена еще одна медная византийская монета. Она сильно потерта. Изображение на лицевой стороне и надпись на оборотной практически не просматриваются. По некоторым деталям можно предположить, что она относится к анонимным медным византийским монетам X—XI вв. Уточнить датировку трудно. Можно лишь предположительно говорить о верхней границе ее возможного выпуска. Поскольку византий-

Рис. 178. Византийская монета императора Романа I (919—944), 1972 г.

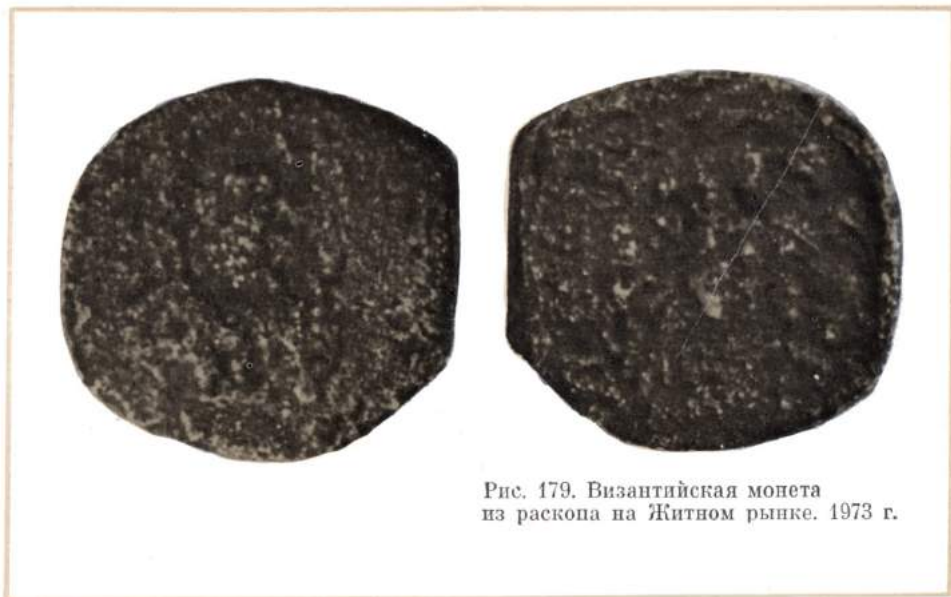

Рис. 179. Византийская монета из раскопа на Житном рынке. 1973 г.

ские анонимные медные монеты, начиная с Романа IV (1067—1071), чеканились без строчных надписей¹⁰⁴, то данная монета, вероятно, не младше 1071 г.

На упомянутой выше подольской усадьбе, где найдена печать протопроедра Евстафия, обнаружена также анонимная византийская медная монета¹⁰⁵. Она хорошей сохранности. На лицевой стороне — изображение Иисуса Христа, восседающего на престоле, на оборотной стороне — трехстрочная греческая надпись: «Иисус Христос — царь царей». Точно известна лишь одна находка подобной монеты — летом 1866 г. в окрестностях г. Ейска¹⁰⁶. Однако, можно предположить, что среди относительно многочисленных находок медных византийских монет в Киеве (и в других местах на территории СССР) в XIX — начале XX в., которые не были подробно описаны и обычно фигурировали под общим названием «анонимные монеты X—XI вв. с изображением Христа», были и монеты, аналогичные данной.

Появление монеты с изображением Христа и без указания имени императора (отсюда — анонимные) в конце X в. связано с императором Иоанном Цимисхием, который утверждал, что в жизни знает лишь

* Определение В. А. Анохина.

¹⁰⁰ Кротошкин В. В. Указ. соч., № 27, 30а, 65.

¹⁰¹ Там же, № 79а, 86, 89а.

¹⁰² Там же, № 177, 175.

¹⁰³ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 73—79.

¹⁰⁴ Thompson M. The Athenian Agora. Coins. Princeton, 1954, vol. 2, p. 73—74.

¹⁰⁵ Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Вказ. праця, с. 58.

¹⁰⁶ Кротошкин В. В. Указ. соч., с. 10.

две истинные власти: священническую и императорскую; на первую творец мира возложил присмотр за душой, на последнюю — управление телом. И только когда они действуют вместе, тогда в мире царит благополучие. Именно такие воззрения и побудили (по мнению Скилицы) Иоанна Цимисхия поместить на одной стороне изображение Спасителя, а на другой надпись латинскими буквами: Иисус Христос — царь царей. Введением монет с образом Христа Цимисхий демонстрировал свое благочестие и смирение перед верховной божественной властью¹⁰⁷.

Последующие византийские императоры с некоторыми изменениями продолжали чеканку подобной монеты. В течение почти 150 лет анонимные медные монеты были основным платежным средством и удовлетворяли нужды местного византийского рынка, в то время как для внешнеэкономических операций употреблялись золотые¹⁰⁸.

Первый опыт систематизации и атрибуции анонимных византийских монет проделал В. Рос, выделивший десять типов¹⁰⁹. Позднее А. Беллинджер¹¹⁰ и М. Томпсон¹¹¹ уточнили классификацию В. Роса. Оба исследователя пришли к заключению, что в Византии в период с 971 по 1118 г. чеканились 12 типов медных анонимных монет.

Монеты с изображением Христа, восседающим на престоле (тип Д, то есть аналогичные найденной на ул. Волошской, № 17), В. Рос и М. Томпсон относят к чекану Исаака I Комнина (1057—1059), а А. Беллинджер — к чекану императрицы Феодоры (1055—1056). Мы считаем, что следует предпочесть мнение первых двух нумизматов. Работа М. Томпсон является новейшим фундаментальным трудом по данному вопросу, который учитывает все предыдущие исследования, а также использует последние археологические находки кладов данных монет. Автор использовала материалы из раскопок афинской Агоры и (на основании, прежде всего, наблюдений над перебивками монет) смогла уточнить атрибуцию и датировку отдельных типов анонимных медных византийских монет. (Впрочем, расхождение в датировке найденной на ул. Волошской, № 17 монеты в 2—3 года не имеет для нас принципиального значения). Следовательно, данная монета принадлежит чекану Исаака I Комнина (1057—1059).

Монеты Исаака I Комнина на территории Древней Руси были встречены только в Клеве; четыре золотые монеты находились в составе клада 1899 г. из усадьбы Бродского (ул. Р. Люксембург)¹¹². Однако, вероятно, они могут находиться и среди многочисленных анонимных монет.

¹⁰⁷ Христова Э. Анонимни Византийски монеты (фолисы) в болгарски земли през X—XI вв.— Нумизматика. София, 1978, № 2, с. 12.

¹⁰⁸ Там же, с. 13.

¹⁰⁹ *Wroth W.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British. London, 1908, vol. 2, p. 480—483.

¹¹⁰ *Bellinger A.* The Anonymous Byzantine Bronze Coinage.— Numismatic Notes and Monographs, 1928, N 35, p. 1—27.

¹¹¹ *Thompson M.* Ibid, p. 73—74, 109—115.

¹¹² Кротоцкий В. В. Указ. соч., № 176.

¹¹³ Сагайдак М. А., Борозеский Я. Е. Исследования на территории «города» Ярослава в Клеве.— АО 1978 г. М., 1979, с. 401.

¹¹⁴ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 105.

Рис. 180. Византийская монета императора Исаака I Комнина (1057—1059), 1974 г.

Редкой для Киева является находка на ул. Рейтарской, № 36—38 четырех экземпляров западноевропейских серебряных денариев первой половины XI в.¹¹³ Они были найдены «скипевшимися» в один окислившийся комок. Вероятно, они находились в матерчатом кошельке, который вследствие долгого пребывания в земле полностью сгнил. Из-за плохой сохранности монет их точная атрибуция затруднена. Два экземпляра — вероятнее всего, денарии англо-датского короля Канута I (1016—1035) или подражания им. Они относятся к типу «остроконечный шлем», который чеканился в 1017—1023 гг.¹¹⁴ Оба экземпляра заметно отличаются друг от друга и, очевидно, принадлежат к чекану различных монетных дворов.

Одну монету по некоторым признакам можно отнести к денариям германских императоров Оттонов. На лицевой стороне находится равноконечный крест со слегка расширенными лучами и с точками в секторах. Крест окружен точечным ободком. Надпись не читается. Обратная сторона практически стерта. Кроме того, на ней в более позднее время штампом был оттиснут какой-то квадрат. Проглядывается лишь несколько точек, составляющих одну линию. Возможно, это фрагмент двухскатной крыши храма, помещавшегося на реверсе денариев Оттонов. Если наше предположение верно, то монета не младше года смерти последнего из Оттонов — Оттона III (983—1002). Однако следует иметь в виду, что подобные кресты с точками в секторах чеканились и на некоторых

денариях других европейских правителей. Например, на денариях польского короля Болеслава I Храброго (992—1025). В этом случае ряд точек на реверсе мог изображать украшения на одежде Болеслава. Тем не менее при любом из возможных вариантов датировка монеты не выходит за пределы первой половины XI в.

На последней монете (возможно, Эдуарда Исповедника) различим лишь обращенный вправо поясной портрет на лицевой стороне. Надпись не читается. Реверс полностью стерт. По внешнему виду эта монета также относится к тому же периоду, что и остальные.

Таким образом, найденные в 1978 г. западноевропейские денарии можно датировать первой половиной XI в.

За все время археологического изучения Киева находки западноевропейских монет X—XIII в. случались крайне редко, а сведения об этих находках к тому же часто неточны. Кроме уже упоминавшейся венецианской монеты Дандоло (1192—1205), В. М. Потин указывает еще на три случая находок западноевропейских денариев XI в.¹¹⁵

Сведения о первой находке (№ 373, по В. М. Потину) автор подчерпнул у Н. П. Бауэра¹¹⁶, который в свою очередь взял их у И. Фундуклея. Причем Н. П. Бауэр исправил имевшуюся у И. Фундуклея неточность, указывая на принадлежность монеты чекану Генриха III, а не Генриха II, как было у последнего. Здесь речь идет о находке 1835 г. профессором Домбровским на Козьем болоте (современная площадь Октябрьской революции, то есть район Лядских ворот древнего Киева) «монеты немецкого императора Генриха II, 1050 года, довольно хорошо сохранившейся»¹¹⁷. Это единственное конкретное (но, к сожалению, не совсем верное) указание принадлежности чекана западноевропейских монет, обнаруженных в Киеве. Кроме этой находки, у И. Фундуклея отмечается, что «западноевропейских монет также найдено было несколько». Ни принадлежность чекана указанных монет, ни место и время их находок не приводится.

О следующих двух находках В. М. Потин взял сведения из работы В. С. Данилевича, где, однако, сказано лишь то, что «оба клада с германскими монетами, относящимися к царствованию Генриха II, найдены в Киеве»¹¹⁸. Под первым кладом, очевидно, подразумевается находка 1835 г., а под вторым — мифическая «находка» монет Генриха II в 1843 г.

Дело в том, что еще Б. Кене ошибочно объединил фразу И. Фундуклея о находках западноевропейских монет, в том числе «монеты Генриха II 1050 года» с идущим у него выше сообщением о находке в 1843 г. близ Софийского собора «медной византийской монеты, которую припи-

¹¹⁵ Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории древней Руси.— ТГЭ, 1967, № 9, с. 181.

¹¹⁶ Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts.— ZFN, 40. Berlin, 1930, S. 165.

¹¹⁷ Обзорение Киева, изданное И. Фундуклеем. Киев, 1847, с. 92. И. Фундуклей издатель, а не автор работы. Однако для краткости, а также потому, что это распространено в литературе, мы будем ссылаться на него.

¹¹⁸ Данилевич В. С. Монетные клады Киевской губернии до первой четверти XV столетия.— В кн.: Труды IX Археологического съезда, 1895, т. 1, с. 261—262.

Рис. 181. Западноевропейские денарии. 1978 г.

сывают Иоанну Цимисхию». С тех пор в нумизматической и исторической литературе распространялось мнение, кочующее из одной работы в другую, о находке около Софийского собора в 1843 г. «немецких монет императора Генриха II»¹¹⁹. Так появился второй клад монет Генриха II.

Как мы видим, первую находку к монетам Генриха II приписали вследствие ошибки, а второй просто не существовало. Отсюда следует, что вообще все столь широко распространенные упоминания о монетах Генриха II, найденных в Киеве, лишены всяких оснований (хотя они, конечно, могли быть и среди неопознанных западноевропейских монет, о которых упоминал И. Фундуклей).

Кроме обнаружения двух денариев в 1940 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря, известен еще один случай находки западноевропейских монет в Киеве, которые не вошли в обобщающую работу В. М. Потина. В 1939 г. на Старокиевской горе случайно был найден венецианский матакан дожа Петро Зиани (1205—1228).

И. Фундуклей при описании находки в Сквирском уезде (Киевская область) «серебряного гроша, чеканного в Праге, с изображением чешского короля Вацлава III» (1230—1253) указывает, что «такая же монета найдена была в Киеве»¹²⁰. Однако данная находка уже относится и к послемонгольскому периоду истории Киева, поскольку Вацлав III правил в 1305—1306 гг., а не в XIII в.

Вот и все сведения о находках западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Киева, сделанных до последнего времени. На этом фоне особенно важной становится обнаружение четырех западноевропейских денариев первой половины XI в. в 1978 г.

Когда и как они попали в Киев, когда были зарыты, сказать трудно. Условия находки ничем не могут нам помочь: монеты обнаружены в перемешанном слое. Сами они очень потерты и, очевидно, находились в употреблении длительное время. Нам представляется, что денарии появились в Киеве в XI в. вследствие обычных торговых сношений со странами Западной Европы и затем были пущены в местное денежное обращение.

Следует обратить внимание и на топографию находки этих монет. Они были обнаружены в непосредственной близости от Жидовских ворот древнего Киева. Здесь в древности располагался еврейский квартал, дворы крупных ростовщиков.

Находки западноевропейских денариев и медных византийских монет в Киеве связаны с проблемой денежного обращения на Руси после резкого сокращения в X в. притока арабских дирхемов. Медная монета чеканилась только для внутреннего денежного обращения в Византии, поэтому, считает В. В. Крпоткин, «появление медных византийских монет X—XII вв. (на Руси.— Г. И.) было связано с сокращением ареала обращения куфических в Восточной Европе и выпадением южнорусских земель из области распространения дирхема»¹²¹.

¹¹⁹ Кене В. Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России. Спб., 1852, с. 18.

¹²⁰ Обзорные могил, валов в городищ Киевской губернии, изданные И. Фундуклеем. Киев, 1848, с. 47, 74.

¹²¹ Крпоткин В. В. Указ. соч., с. 15.

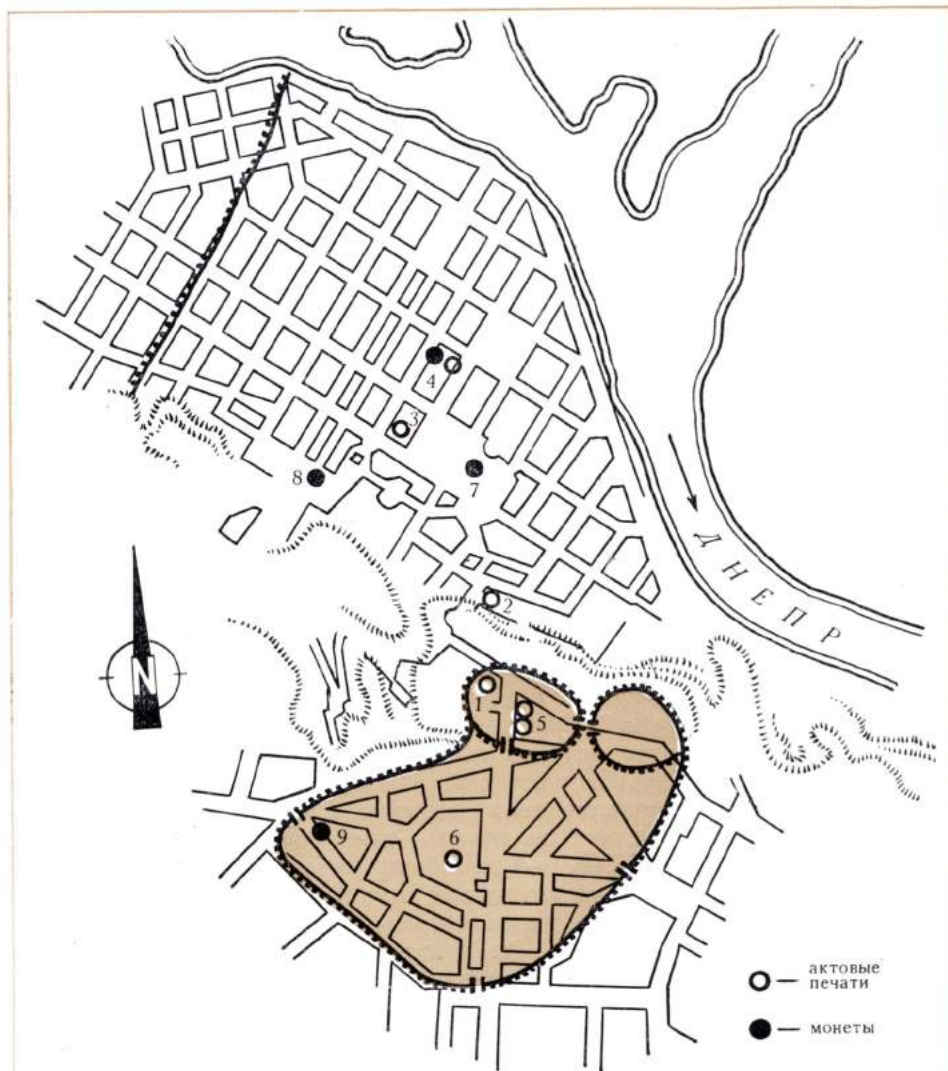

Рис. 182. Топография новых нумизматических и сфрагистических находок в Киеве:

1 — печать со Старокиевской горы, 1971 г.; 2 — печать Всеволода Ольговича. Подножие Андреевской горы, 1974 г.; 3 — печать с надписью «дньслво». Константиновская, 6, 1974; 4 — печать протопроедра Евстафия и византийская монета Исаака I Комнина. Волошская, 17, 1974 г.; 5 — Византийские печати Федора Стратилата. Владимирская, 3, 1976, 1977 гг.; 6 — печать митрополита Георгия. Территория Софийского музея, 1978 г.; 7 — Византийские монеты Романа I и Константина VII. Красная пл., 1972 г.; 8 — Византийская монета. Житный рынок, 1973 г.; 9 — Западноевропейские денарии. Рейтарская, 36, 1978 г.

Большинство исследователей (Н. П. Бауер, В. М. Потин, И. Г. Спасский, В. Л. Янин и др.) пришло к выводу, что к середине XI в. дирхем на Руси был сменен западноевропейской монетой. Однако незначительное количество находок на территории Южной Руси позволило Н. Ф. Котляру утверждать, что южнорусский рынок не принял западноевропейский денарий. Исходя из этого тезиса, исследователь подверг критике положение о прекращении обращения дирхемов в Южной Руси в XI в. По его мнению, «никто до настоящего времени не провел верхнюю хронологическую границу этого явления, пусть даже приблизительно... Иначе говоря, процесс выпадения куфических дирхемов из обращения мог охватить не только XI, но и XII, быть может и XIII вв.»¹²².

В последнее время в защиту мнения о «прекращении в конце X в. привоза дирхемов в результате кризиса восточного денежного обращения» выступил М. Б. Свердлов¹²³.

182 Нам кажется, что тезис о непринятии западноевропейских монет южнорусским рынком несколько преувеличен. И вероятно, прав В. М. Потин, говоривший, что незначительное количество находок денариев на территории УССР объясняется во многом тем, что Киевская Русь «не была расположена в непосредственной близости к путям передвижения серебра от мест его добычи к местам потребления»¹²⁴.

Заметим, что еще один западноевропейский денарий чеканки английского короля Этельреда II (976—1016) был обнаружен в Вышгороде в 1980 г. во время раскопок Вышгородского отряда Киевской экспедиции Института археологии АН УССР (В. Н. Зощенко).

Топография новых монетных находок в Киеве, как можно предположить, не является случайной. Вероятно, она в определенной степени отражает существование здесь какой-то «специализации» различных купеческих корпораций. В районе Жидовских ворот могли сосредоточиваться купцы, которые преимущественно вели торговлю с Западной Европой. От этих ворот начиналась дорога на запад — известный сухопутный торговый путь Киев—Краков—Прага—Регенсбург. (в более позднее время эти ворота стали называться по имени дороги, ведущей на Львов, — Львовским). На Подоле же, возможно, располагались торговые дворы тех купцов, которые были больше связаны с днепровским водным путем «от грек», вели оживленную торговлю с Византийской империей.

Памятники нумизматики и сфрагистики, обнаруженные за последние годы в Киеве, представляют собой ценнейший источниковый материал. И они, без сомнения, привлекут к себе внимание специалистов по этим конкретным историческим дисциплинам, а также археологов и историков, занимающихся проблемами истории Дневней Руси.

¹²² Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения в Древней Руси (XII—XIII вв.).— Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973, 3, с. 165.

¹²³ Свердлов М. Б. Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв.— Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978, 9, с. 10.

¹²⁴ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв., с. 52.

ГЛАВА VIII

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА

1. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ
2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ
3. ОПЫТ АБСОЛЮТНОЙ ДАТИРОВКИ

В последние десятилетия дендрохронологические исследования прочно вошли в археологическую практику изучения древнерусских городов, что позволило создать всеобщий единый и объективный хронологический критерий для большого района, охватывающего практически всю территорию Северо-Западной Руси. На основе дендрохронологии составлена шкала с абсолютными датами от 786 до 1970 г. Самые северные районы представлены Кижами (Карелия), южные — Москвой, на востоке — Белоозером, на западе — Псковом и Пинском¹. Значительный успех этого метода обусловлен прежде всего тем, что с его помощью памятники получают датировку с точностью до одного года.

Благоприятные перспективы хронологизации археологического материала появились в Киеве в результате археологических исследований на Подоле. Эти работы показали уникальную историческую стратиграфию района. Ценность ее заключается в том, что весь последовательный процесс развития материальной культуры Киева, зафиксированный в культурных напластованиях Подола, расчленен стерильными прослойками аллювиальных и делювиальных выносов. Хорошая сохранность построек древнерусского времени, которые выделялись в строительные горизонты, позволила приступить к дендрохронологическим исследованиям. Первоочередной задачей явилось создание относительной дендрохронологии каждого отдельного раскопа Подола. Конечной целью исследования на данном этапе была синхронизация между собой всех исследованных участков.

Дерево для дендрохронологического изучения собрано из пяти раскопов Подола: Красная пл. 1971—1973 г., Житный рынок — 1973 г., Нижний Вал — 1974 г., Вехний Вал — 1975 г. и ул. Жданова, 6 — 1975 г.

1. Строительные горизонты

Во всех из перечисленных раскопов удалось выделить по несколько строительных горизонтов. Как показали наблюдения над подольской стратиграфией, каждый последующий строительный горизонт отделялся от предыдущего песчаными заносами. Рассмотрим, как распределяются исследуемые постройки по строительным горизонтам.

183

Раскоп Красная пл. 1971—1973 гг. (рис. 183). Характеристика его культурного слоя содержится в подробной публикации материалов раскопок². Здесь необходимо отметить, что в целом всю толщину слоя можно разделить на три зоны.

Первая (верхняя) состоит из прослоек современного строительного мусора и напластований, датированных по керамике позднесредневековым временем. Общая ее мощность составляет 2,2—2,5 м.

Вторая (средняя) отделяется от верхней прослойкой наносного песка 0,35 м и состоит из культурных напластований, по археологическому

¹ Колчин Б. А., Черных И. Б. Абсолютные дендрохронологические шкалы северных регионов Восточной Европы протяжением в 12 столетий. — В кн.: Материалы к симпозиуму XII международного ботанического конгресса. Л., 1975, с. 27.

² Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — У кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 41.

ДНЕВНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ

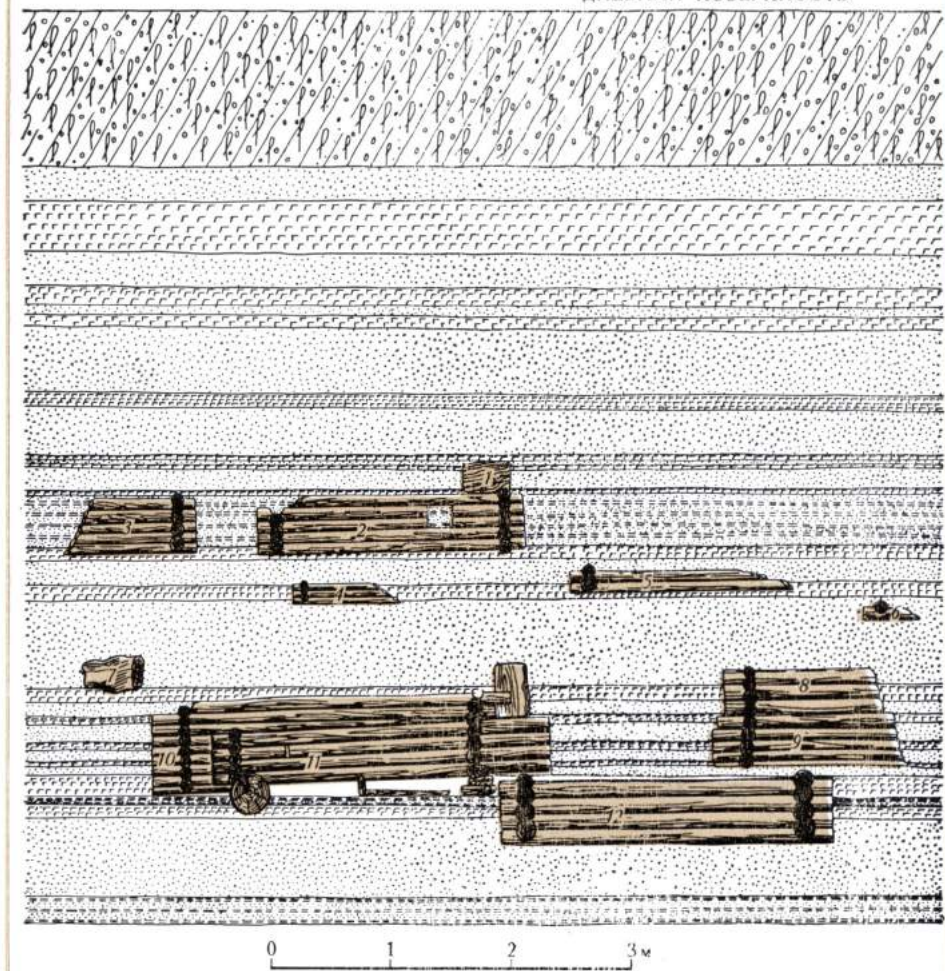

Рис. 183. Схема стратиграфии раскопа.
Красная пл.

1 — фундаментная подкладка горизонта над срубами № 8 и № 9; 2 — сруб № 9; 3 — сруб № 8; 4 — сруб № 3; 5 — сруб № 6; 6 — сруб № 5; 7 — фундаментная подкладка над срубом № 2; 8 — сруб № 4; 9 — сруб № 4А; 10 — сруб № 2; 11 — сруб № 1; 12 — сруб № 7.

материалу датированных XII—XIII вв. Культурные слои толщиной от 0,2 до 0,7 м разделяются прослойками песка аллювиального происхождения и залегают до глубины 4 м от современной дневной поверхности.

Третья (нижняя) зона начинается под мощным наносом глины и песка толщиной 3,5 м. В ней также наблюдается чередование культурных и аллювиально-делювиальных прослоек. Всего было исследовано 427

Рис. 184. Общий вид раскопа Житный рынок.

пять культурных прослоек, представляющих собой желто-серую гумусированную супесь³.

В этой части культурного слоя, сильно насыщенного влагой, хорошо сохраняется археологическое дерево. Выявленные в ней остатки построек были распределены по отдельным строительным горизонтам.

Первый горизонт (в публикации К. Н. Гупало и П. П. Толочко № 1 А)⁴ залегал на глубине около 11 м от современной поверхности.

³ Гупало К. М., Толочко П. П. Вказ. праця, с. 43.

⁴ Там же, с. 50.

На нем была исследована одна постройка, сруб № 7. Со вторым горизонтом (№ 1) связываются срубные постройки № 1, № 2 и № 4 А. Третий горизонт (№ 2) представлен срубом № 4 и колодой, стоящей у стенки сруба № 2. На четвертом находилась фундаментная подкладка над срубом № 2. Пятый горизонт связывается с тремя срубами (№ 5, № 6 и № 11). Шестой горизонт залегал на глубине 7,3—7,6 м. Здесь исследованы срубные постройки № 8, № 9 и № 10 А.

О наличии седьмого горизонта можно сделать заключение по угловым подкладкам-стульям, лежащим на занесенных остатках сруба № 9. Вероятно, жизнь на этом горизонте была непродолжительна, о чем говорит еле заметная культурная прослойка. Перекрывает его мощнейший занос, который служит границей между третьей и второй зонами культурного слоя.

Раскоп Житный рынок, 1973 г. Современная поверхность этой территории примерно на 6 м выше, чем в районе Красной пл. Первая зона культурного слоя, состоящая из современных и позднесредневековых отложений, доходит до глубины 2,2 м. С этой отметки начинается вторая зона с древнерусскими гумусированными прослойками, которые чередуются с наносимым песком и глиной. Глубина залегания последней прослойки

184

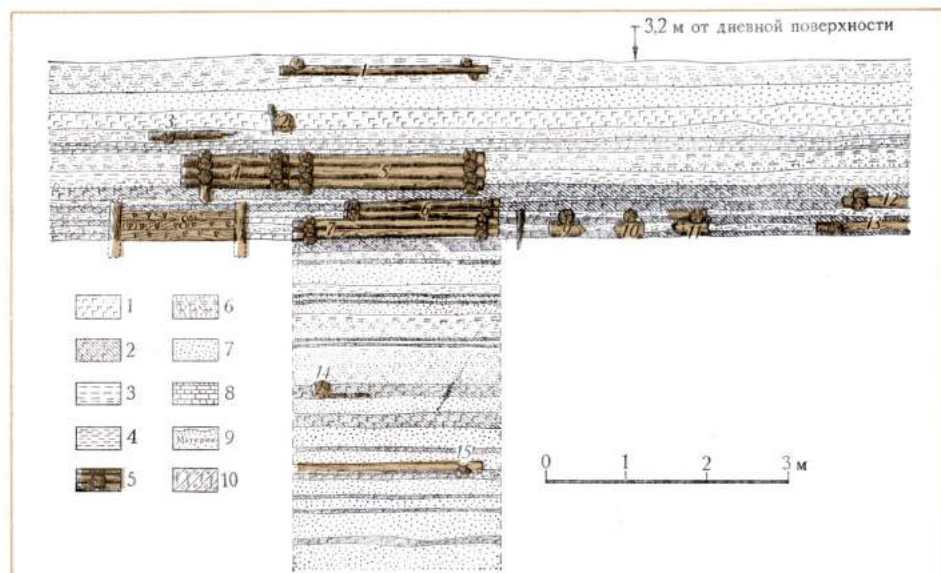

Рис. 185. Схема стратиграфии раскопа Житный рынок:

- 1 — сруб № 3; 2 — опора входа над срубом № 7; 3 — сруб № 9; 4 — сруб № 8; 5 — сруб № 7; 6 — сруб № 11; 7 — сруб № 12; 8 — постройка 12А; 9 — сруб № 15; 10 — сруб № 18; 11 — сруб № 19; 12 — сруб № 16; 13 — сруб № 17; 14 — сруб № 20; 15 — сруб № 21.
1 — культурные прослойки второй зоны; 2 — культурные прослойки третьей зоны; 3 — суглинок; 4 — глина; 5 — дерево; 6 — супесь; 7 — песок; 8 — кирпич; 9 — материк; 10 — современные насыпные грунты.

этой зоны составляет 5,6 м. В ней отмечена хорошая сохранность ископаемой древесины.

Третья зона была изучена до отметки 10 м от современной поверхности.

Всего во второй и третьей зонах культурного слоя на раскопе Житный рынок было выделено семь строительных горизонтов, на которых обнаружены остатки 20 построек, принадлежавших к нескольким усадьбам (рис. 185) ^б.

185

Первый горизонт. Глубина залегания — 9,8 м. Обнаружены остатки сруба № 21. Второй горизонт залегал на глубине 8,9 м. На его уровне выявлены также остатки одного сруба № 20. Глубина залегания третьего горизонта составляет 6,7 м, на нем исследовано пять жилых хозяйственных срубов — № 12, 15, 17, 18, 19, производственная постройка № 12 А, остатки погреба и крепления берега ручья. Большинство построек носит

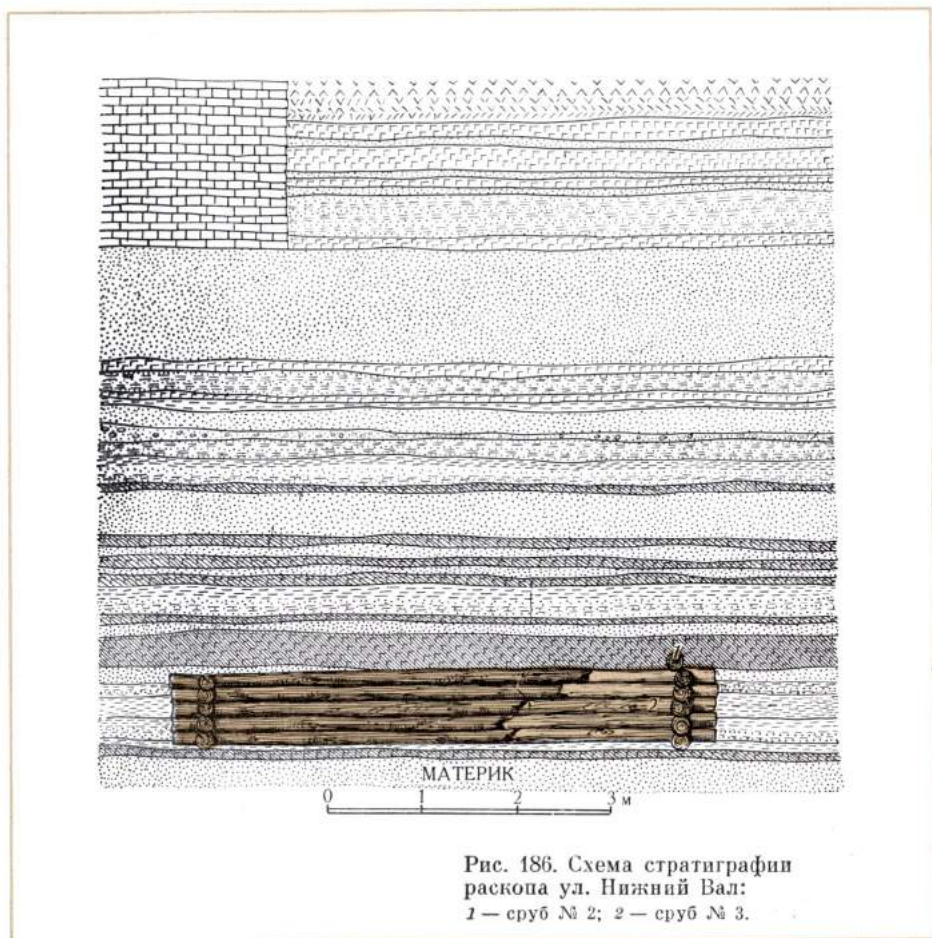

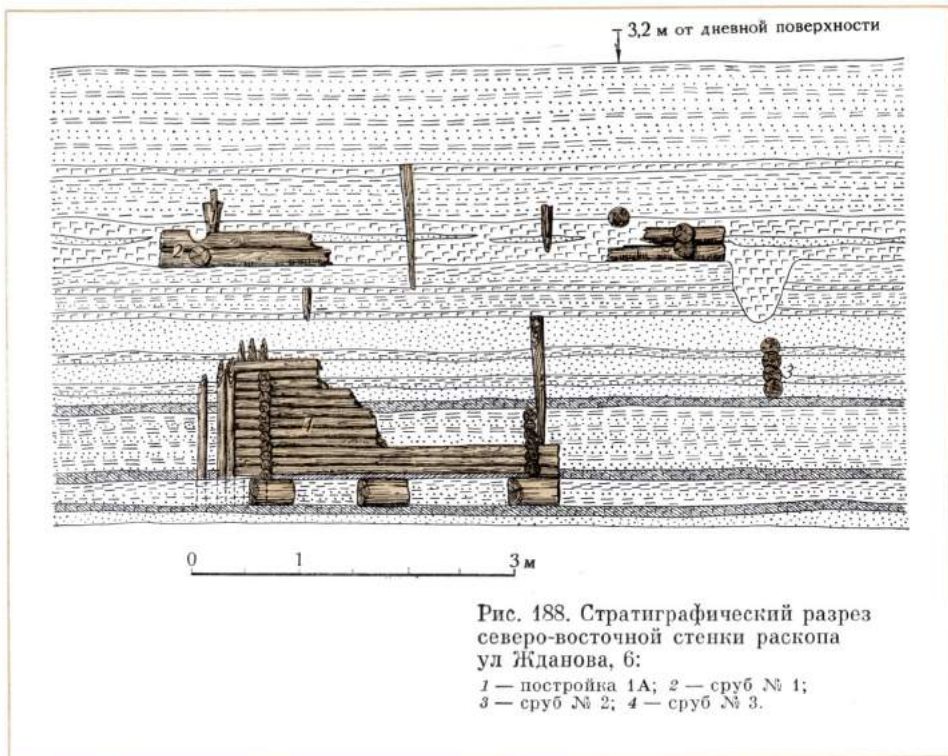

Рис. 187. Общий вид северо-восточной стенки раскопа ул. Жданова, 6.

следы пожара. На четвертом горизонте обнаружено два сруба — № 11 и № 16. Их нижние венцы располагаются прямо на постройках предыдущего горизонта и залегают на глубине 6,4 м. Пятый строительный горизонт начинается с отметки 6 м. Здесь выявлены наиболее сохранившиеся постройки — срубы № 7 и № 8, составляющие один жилищно-хозяйственный комплекс. Оба сооружения имеют следы пожара. Пятый горизонт является последним (верхним) в нижней зоне культурного слоя. Выше через занос песка толщиной около 0,6 м начинаются строительные горизонты средней зоны.

На шестом горизонте, залегающим на глубине 5,3 м, обнаружены бревна и фрагменты постройки сруба № 9. Седьмой строительный горизонт был исследован наиболее широкой площадью. На нем выявлены срубы № 1, 2, 3, 4, 1А, 2А и постройка 3А. Глубина залегания построек

³ *Толочко П. П., Гуцало К. М., Харламов В. О.* Розкопки Києвоподолу 1973 р.— У кн.: Археологічні дослідження Стародавнього Києва, 1976, с. 24.

составляла 3,6—4,2 м. На уровне седьмого горизонта их остатки несут следы сильного огня.

186

Раскоп ул. Нижний Вал, 1974 г. (рис. 186). Работы были начаты от современной поверхности и доведены до материка. Культурный слой распределяется на три зоны.

Нижняя граница прослоек первой зоны залегает на отметке 2,2—2,3 м. Вторая зона слоя имеет общую толщину 2 м. Дерево в ней практически не сохраняется. Нижняя зона залегает под двухметровой толщиной песка с отметки 6,15 м. Общая толщина ее составляет 2,4 м. Всего было выделено три строительных горизонта, на которых обнаружены остатки трех срубов.

Первый горизонт. Глубина залегания — 8,5 м. На нем исследован сруб № 3. Он был занесен песком и глиной.

Второй горизонт, на котором велось строительство, находился на глубине 8 м. Здесь выявлен сруб № 2, который был поставлен на верхние венцы сруба № 3. Погиб от пожара.

Третий горизонт залегал на глубине 6,5 м. На нем обнаружен сруб № 1, находившийся непосредственно над остатками предыдущих срубов.

Стратиграфическая ситуация, прослеженная в раскопе по ул. Нижний Вал, наблюдалась и в раскопе по ул. Верхний Вал, находившемся в 30 м от него. Здесь удалось исследовать только один строительный го-

ризонт, на котором выявлены срубы № 1, 2, 3, 4 и постройка № 1А. Все они принадлежали к двум соседним усадьбам.

Раскоп ул. Жданова, 6, 1976 г. Культурный слой этого участка, расположенного на значительном расстоянии, также может быть разделен на три зоны (рис. 188).

Первая зона распространяется до глубины 3 м, вторая (древнерусская) — до 6 м, третья была доведена только до отметки 7,5 м. Дерево построек древнерусского времени хорошо сохраняется уже в напластованиях второй зоны слоя. В раскопе исследовано четыре строительных горизонта участка. К первому, залегающему на отметке 7 м, относятся срубы № 3 и 4, обнаруженные на двух соседних усадьбах А и Б⁶. На втором горизонте (глубина залегания 6,5 м) были исследованы постройки усадьбы А, срубы № 2, 3А и остатки постройки № 2А. Между вторым и третьим строительными горизонтами был прослежен мощный занос песка, толщиной более одного метра. Третий горизонт, относящийся ко второй зоне слоя, был обнаружен на глубине 5,3—5,2 м. На нем исследованы срубы № 1, 2А и постройка № 1А. Четвертый строительный горизонт прослежен на глубине 4,5 м. На нем выявлена постройка № 1, погибшая в огне, а также целый ряд деревянных деталей, принадлежавших другим сооружениям, которые удалось зафиксировать в ходе рытья котлована при строительстве станции метро.

2. Относительная дендрохронология

Основы дендрохронологического метода необычайно просты. Известно, что в один год жизни дерево образует одно кольцо, которое охватывает весь его ствол. Этот анатомический признак легко читается на поперечном срезе дерева, и по количеству колец можно определить его возраст.

На ширину годичного прироста, как и на его структуру, влияет целый ряд факторов, которые разделяются на внутренние, связанные с биологическими особенностями древесных пород, и внешние — климатические явления, солнечная радиация, стихийное бедствие и др. Влияние всей суммы факторов проявляется образованием годичных колец различной толщины. Колебания их ширины используются для построения дендрохронологических шкал, позволяющих устанавливать хронологию каждого кольца.

Для построения многовековых дендрошкел используют перекрестное наложение шкал отдельных деревьев, которые совместно произрастали в течение определенного времени. Суть «перекрестного наложения» состоит в том, что деревья, произрастающие в пределах одного климатического региона, одинаково реагируют на изменение внешних факторов, и закономерность колебания их приростов будет похожа. Это позволяет производить сопоставление годичных колец нескольких деревьев, находить кольца, образовавшиеся в один год, и, следовательно, датировать, на сколько лет раньше или позже было срублено данное дерево по сравнению с другим. Если нам известна абсолютная дата образования одного кольца шкалы,

⁶ Гуцало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А. Розкопки Київського Подолу в 1974—1975 рр.— У кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 42.

все остальные кольца сопоставляемых деревьев автоматически получают календарные даты.

Путем перекрестного наложения кривых роста отдельных деревьев можно строить дендрохронологические шкалы для целых исторических периодов.

Древесина, используемая в жилищном строительстве древнего Киева, в основном относилась к хвойным породам. Этот строительный материал получали из близлежащих окрестностей города. Летопись повествует, что Киев окружали густые леса. «И быше около города лесъ и боръ великъ»⁷. Подтверждением этому служат также результаты споро-пыльцевого анализа, полученного при изучении культурного слоя раскопа Красная пл. Количество зерен сосны обыкновенной составляет около 90%, липы, березы, дуба, ольхи, вяза, вербы и др.— 10%*.

Работы по сбору образцов дерева из открытых построек были начаты Киевской экспедицией в 1973 г. и впоследствии вошли в практику археологических раскопок. Всего было собрано более 300 спилов дерева из пяти раскопов Подола.

Исследование образцов проводилось в отделе археологии Киева**.

Первый этап работы закончился получением абсолютных размеров каждого годичного кольца. Это делалось с помощью стереоскопического микроскопа МБС-2 с двадцатикратным увеличением. Замеры производились по двум радиусам с таким расчетом, чтобы они прошли через все сохранившиеся кольца. Первый радиус измерялся от периферии к ядру, второй — от ядра к периферии. Всего было измерено 43 284 годичных кольца.

На следующем этапе необходимо было полученные индексы годичных колец выразить таким образом, чтобы можно было сопоставлять закономерности роста двух или нескольких исследованных деревьев. Для этого был использован метод полулогарифмических кривых, впервые предложенный Б. Губером⁸ и математически обоснованный Т. Руденом. Среди советских дендрохронологов он с успехом применялся В. Е. Вихровым, Б. А. Колчиным и Н. Б. Черных, причем первым двум исследователям принадлежит его усовершенствование. Так как основные принципы и обоснования метода четко и подробно описаны⁹, отметим только, что с его помощью мы оперируем не абсолютными размерами годичных колец, а отношением их величин. Это позволяет сопоставить деревья разного возраста. На полулогарифмических кривых одинаковое изменение годичного прироста дает один и тот же угол наклона и одну и ту же длину отрезка кривой, независимо от абсолютной ширины кольца.

В работах Б. А. Колчина и Н. Б. Черных такое выражение колеба-

⁷ Летопись по Ипатьевскому списку. Спб., 1871, с. 5.

* Споро-пыльцевой анализ был проведен научным сотрудником Института ботаники АН УССР Е. Т. Ломаевой, которой мы приносим сердечную благодарность.

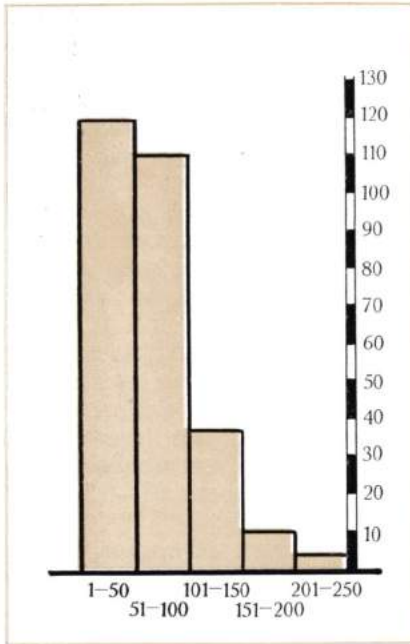
** В работе по сбору спилов и их обработке принимал активное участие лаборант отдела археологии Киева С. М. Чернов.

⁸ Huber B. Aufbau einer mitteleuropäischen Jahrringehronologie.— Mitteilungsblatt der Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1941, Bd. 1, S. 12—24.

⁹ Вихров В. Е., Колчин Б. А. Основы и метод дендрохронологии.— СА, 1962, № 1; Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 20.

¹⁰ Там же, с. 21.

Рис. 189. Возрастной состав изученного дерева.

ния годовичного прироста отмечается как чрезвычайно важное для работы с моделями археологического и архитектурного дерева. Древесина из археологических раскопок, рубленая для строительства примерно 1000 лет тому назад, естественно, не может быть четко распределена по классам и сериям своим местопроизрастанием, как это можно сделать при изучении современных деревьев.

Таким образом, при синхронизации кривых археологического дерева решающая роль принадлежит подобию колебания величины годовичных приростов.

Кривые колебания годовичных колец могут считаться совмещенными, а следовательно, и одновременными, когда число соответствий достигает максимума, а число различий — минимума. При этом имеет место правило: если два образца, каждый в отдельности, схожи с третьим, то они схожи и между собой¹⁰.

После построения кривой роста каждого спила был начат новый этап работы по их сопоставлению и синхронизации. Последовательность проведения исследований была таковой. Кривые распределялись по принадлежности и сооружениям, и они взаимонакладывались. После получения сводных шкал отдельных построек производилась синхронизация построек одного строительного комплекса, а за ней всего строительного горизонта. Далее соединялись между собой строительные горизонты.

При проведении работ, когда сопоставлялись шкалы нескольких построек, среди них выбирался «эталонный» комплекс. Таковой могла быть постройка, от которой было получено не менее пяти — восьми об-

разцов. Возраст используемого дерева должен был быть не менее 100 лет. Кривые, построенные при изучении этих спилов, не показывают резко выраженного индивидуального развития.

Убедительность всех сопряжений кривых проверялась по совпадению наиболее ярко выраженных угнетений роста дерева. Свидетельством подробности служила схожесть рисунка самих угнетений, которые на графиках выражены резким падением кривой вниз.

Исследователи обычно связывают эти угнетения кривой с резкими, неблагоприятными колебаниями климата. А поскольку климатические колебания характерны для больших регионов, то и его крайние напряжения прослеживаются на всех деревьях, произрастающих в этом регионе.

Дендрохронологическое изучение построек Подола было начато на коллекциях, полученных раскопками Красной пл. и Житного рынка. Из первого раскопа происходит серия спилов в количестве 29 экземпляров. Они были взяты из восьми исследованных построек, которые залегали на семи строительных горизонтах. Из первого горизонта, представленного срубом № 7, было взято два спила из венцов. Возраст дерева 98—125 лет. Разница в рубке для строительства составила 5 лет.

Второй строительный горизонт представлен одним образцом, полученным из стенки сруба № 2 и двумя образцами из сруба № 4А. Возраст дерева 52—70 лет. Для построек дерево рубилось с разницей в девять лет.

Из следующего горизонта (третьего) удалось получить четыре образца. Три из них взяты с венцов сруба № 4 и один — из толстого бревна, которое стояло возле стенки сруба № 2. Этот образец показал возраст 118 лет, остальные — 83—94 года. В районе этих построек были взяты также четыре спила из свай, которые относились ко второму периоду функционирования построек, и один спил — из фундаментной подкладки, размещенной над верхним венцом сруба № 2. Подкладка имела возраст 201 год, для свай использовалось дерево 42—50 лет.

Наиболее полно представлен шестой строительный горизонт, в то время как из пятого образцы получить не удалось. Тут серия спилов составила 11 экземпляров. Они были взяты из срубов № 8 и № 9, составляющих один жилищно-хозяйственный комплекс, а также находящихся вокруг построек, свай, бревен и различных архитектурных деталей. Из хозяйственного сруба № 9 удалось получить 11 спилов. Возраст дерева колеблется от 26 до 110 лет. Разница в рубке составляет 4 года. Из венца сруба № 8 получен один образец с возрастом 52 года. В районе постройки № 10А этого горизонта находилась колода, образец которой показал возраст 222 года.

Четыре фундаментных подкладки, лежащие по углам сруба № 9 и фиксирующие шестой строительный горизонт, показали возраст 112—180 лет. Они рубились для строительства с разницей в 2 года.

Схема относительной дендрохронологической датировки построек раскопа Красная пл. выглядит так. Первым был сооружен сруб № 7, залегающий на глубине около 11 м от современной дневной поверхности. За дату его строительства мы принимаем последнюю рубку дерева для постройки, которая прекратила свое существование в результате навод-

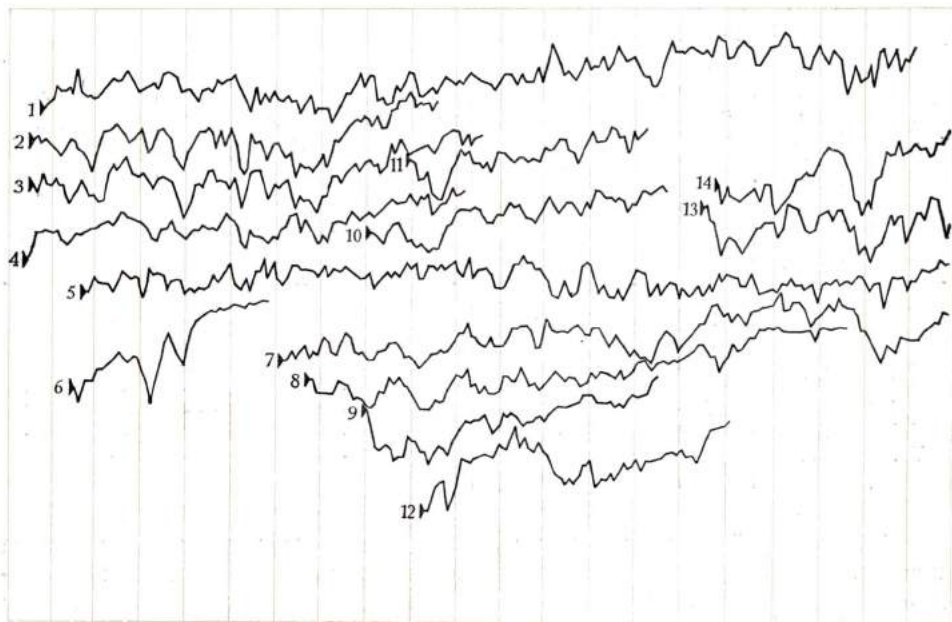

Рис. 190. Кривые роста годичных колец дерева из раскопа Красная пл.:

1 — П-73, 0-№ 1 (фундаментная подкладка сверху сруба № 9); 2 — П-73, 0-№ 201 (фундаментная подкладка сверху сруба № 9); 3 — П-73, 0-№ 181 (свая внутри сруба № 9); 4 — П-73, 0-№ 195 (свая возле сруба № 9); 5 — П-73, 0-№ 2 (колоды, лежащие в районе постройки № 10А); 6 — П-73, 0-№ 8А (венец сруба № 9); 7 — П-72, 0-№ 5 (фундаментная подкладка над срубом № 2); 8 — П-72, 0-№ 3 (колода, стоящая вертикально возле сруба № 2); 9 — П-72, 0-№ 12 (венец сруба № 4); 10 — П-72, 0-№ 4 (венец сруба № 4); 11 — П-72, 0-№ 1 (венец сруба № 2); 12 — П-72, 0-№ 9 (венец сруба № 4А); 13 — П-72, 0-№ 2 (венец сруба № 7); 14 — П-72, 0-№ 4 (венец сруба № 7).

нения, ибо сруб занесен песком аллювиального происхождения. На новом горизонте сруб № 2 строится через 62 года. Сруб № 4А имел разницу в сооружении со срубом № 7 в 59 лет.

Новое строительство на участке (третий горизонт) происходит через 8 лет. Эту дату показывает рубка дерева для сруба № 4 и других спилов, полученных из этого горизонта. Перерыв в жизнедеятельности верхних и нижних горизонтов, как и раньше, был вызван наводнением, которое нанесло слой песка.

Четвертый строительный горизонт, на котором спил взят из фундаментной подкладки и свай, появляется через 89 лет по отношению к первому (древнейшему) горизонту. Как и предыдущий, он занесен слоем песка, который мощнее нижележащих.

На шестом горизонте наиболее раннюю дату рубки показывает образец колоды, которая находилась в районе постройки 10А. Она составляет 132 года разницы с рубкой последнего образца для сруба № 7. Дальше на участке сооружался сруб № 8, а через 2 года после него — хозяйственный сруб № 9.

Количественное распределение образцов по строительным горизонтам и типам построек

Строительные горизонты	Глубина залегания от солевой поверхности дневной поверхности (м)	Количество образцов	Количество образцов		Количество свай	Количество колод	Количество исследованных сооружений
			Количество срубов	Количество построек не срубного характера			
I	9,8	2	1/2	—	—	—	1
II	8,9	2	1/2	—	—	—	1
III	6,7	65	6/40	2/16	7	2	8
IV	6,4	13	2/8	—	—	5	2
V	6,0	17	2/16	—	—	1	2
VI	5,3	1	—	—	—	—	—
VII	4,2	4	2/4	—	—	—	2

Обе постройки прекратили функционирование в результате заноса песком. Восстановление построек (седьмой горизонт) усадьбы проводилось через 13 лет от первого строительства на шестом горизонте и с разницей в 145 лет со срубом № 7.

Так выглядит относительная хронология строительства и смены одного горизонта следующим.

190

Общая разница в рубке дерева для строительства на первом исследованном горизонте и последнем (седьмом), из которого были получены дендрохронологические образцы, составила 155 лет.

На раскопе Житный рынок было получено 105 спилов дерева из 16 построек, а также бровен и свай, находившихся вблизи них.

В результате изучения были получены такие дендрохронологические характеристики построек раскопа. Рассмотрение будем проводить с первого строительного горизонта и выше. Из сруба № 21 взято два спила возрастом 82 и 136 лет; дерево для строительства рубилось в один год. Из сруба № 20 получено два спила возрастом 56 и 90 лет; дерево рубилось в один год. Из жилого сруба № 12 взято шесть образцов, дерево возрастом 46—82 лет срублено в один год. Постройка № 12А была сооружена из дерева возрастом 150—170 лет.

191

Для ее строительства использована сборная древесина с разницей рубки в 7 лет. Дерево в количестве двух образцов для сруба № 17 рубилось с разницей в два года. Из постройки хозяйственного назначения № 18 было взято шесть спилов. Возраст дерева 140—150 лет, рубилось с разницей в один год. Возраст древесины, использованной для строительства сруба № 15,— 50—130 лет. Всего здесь получено восемь образцов. Разница рубки — 6 лет. Еще большую разницу в рубке имеет постройка № 19, где получено четыре образца. Не исключено, что для нее использовалось дерево из предыдущих горизонтов и свежесрубленное, ибо образцы показывают разницу в рубке 18 лет. Из этой постройки получен образец возрастом 250 лет. Дерево ряжей, укреплявших берег, откуда

взято шесть образцов, имеет возраст 30—83 лет, разница в рубке составляет два года.

Для сруба № 11 дерево рубилось в один год. Сруб № 16 представлен в коллекции спилом, возраст которого 90 лет.

Шесть образцов жилого сруба № 8 показали один год рубки, а дерево хозяйственного сруба № 7 рубилось с разницей в три года.

После составления таблиц сопряжения кривых отдельно по каждому объекту были составлены таблицы по горизонтам и полностью для всего раскопа. Сопоставление всех кривых раскопа производилось на основании «эталонного» комплекса, для которого была избрана таблица

Рис. 191. Спил постройки № 12А.
Житный рынок.

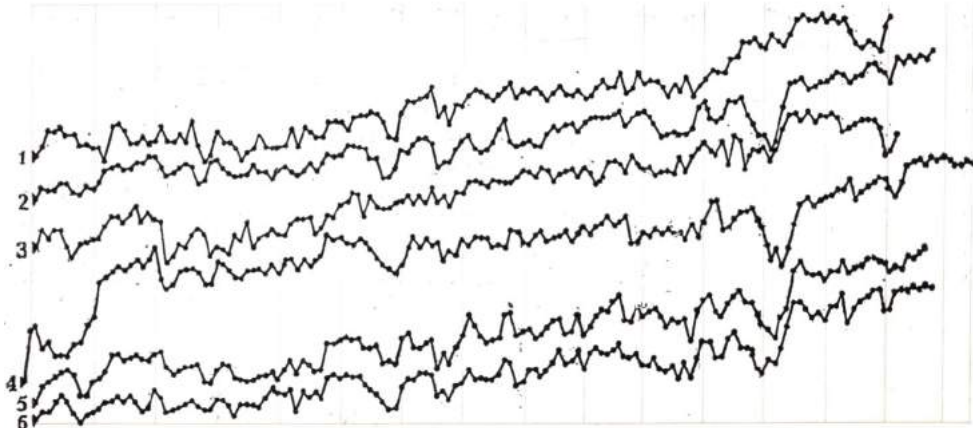

Рис. 192. Кривые роста годичных колец дерева сруба № 18 раскопа Житный рынок:

1	— 0-№ 33	фундаментная	подкладка;
2	— 0-№ 32	»	»
3	— 0-№ 34	»	»
4	— 0-№ 39	»	»
5	— 0-№ 37	»	»
6	— 0-№ 36	»	»

192 сопряжения кривых сруба № 18. Общая протяженность этой шкалы составляет 153 года. На «эталонной» шкале были выделены пять групп колец, соответствующих угнетенному росту деревьев. Закономерность повторения рисунка и количества колец между их максимумами служила основой синхронизации.

При работе по синхронизации дендропкал отдельных построек и при получении из сопоставлений кривых дат строительства приходилось дополнительно рассматривать каждую дендропкалу постройки. Следует отметить, что дендрохронология дает нам только даты рубки дерева, идущего в строительство. Поэтому вопрос даты возведения построек всегда требует специального изучения, при котором необходимо учитывать все данные, полученные в результате археологических раскопок. Можно предполагать, что постройка ремонтировалась, перестраивалась, а для ее строительства мог использоваться лес или бывший в употреблении, или собиравшийся для строительства несколько лет.

В нашей схеме определения дат строительства построек раскопа мы учитывали весь комплекс дендрохронологических и археологических данных. Если несколько спилов, взятых с одной постройки, показывают рубку в один год, то эта дата принималась за дату возведения сооружения. Основанием для отождествления даты рубки дерева с датой строительства служат данные, полученные при дендрохронологическом изучении памятников Северо-Западной Руси. Сопоставление абсолютных дендро-

¹¹ Колчин В. А. Дендрохронология построек Неревского раскопа.— МИА, 1963, № 123, с. 169.

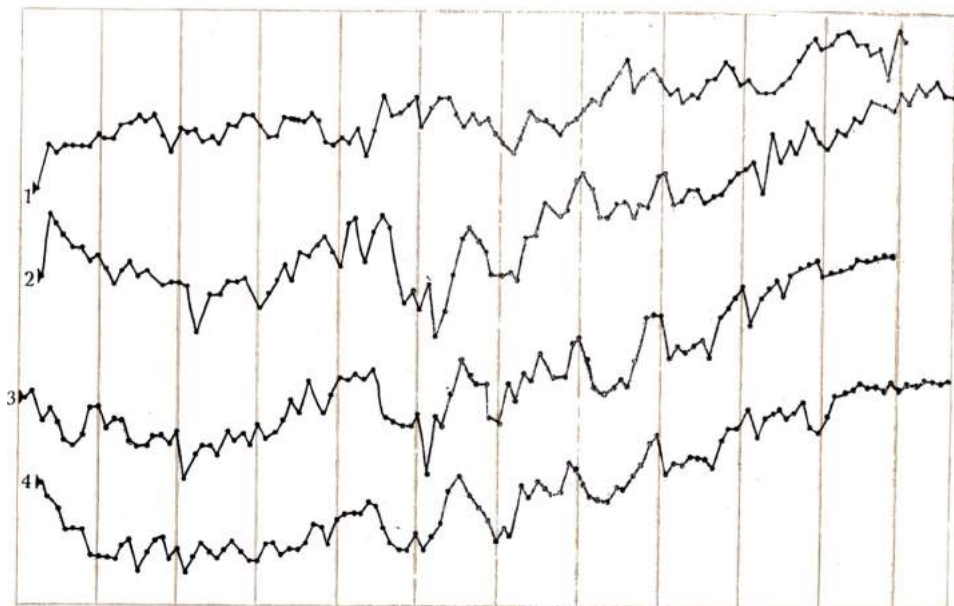

Рис. 193. Кривые роста годичных колец
 дерева № 15 раскопа Житный рынок:
 1 — 0-№ 63 фундаментная подкладка под
 переводину пола; 2 — 0-№ 55, фундаментная
 подкладка под восточный угол сруба;
 3 — 0-№ 54, фундаментная подкладка под
 южный угол сруба; 4 — 0-№ 64, фундаментная
 подкладка под северный угол сруба.

хронологических дат с летописными позволяет утверждать, что на строительство шел, как правило, свежесрубленный лес ¹¹.

По такому же принципу определялась дата строительства в постройках, где имелся разброс в одно-два годичных кольца, год последней рубки соответствовал строительству. Указанная разница иногда может быть отнесена за счет того, что при замерах спилов не всегда имеется возможность установить наличие последних годичных слоев. Такая ошибка вероятна и при наличии в некоторых моделях «двойного» кольца, образовавшегося в один год.

Дата возведения срубов, в которых прослеживалась разница в рубке в значительных интервалах, определялась по самой массовой дате древесины; остальные спилы учитывались и интерпретировались как вторичное использование или ремонт. Если постройка была представлена одним образцом, дата ее сооружения принималась условно.

В результате проведенной работы все полученные из раскопа серии кривых были объединены в общую дендрохронологическую шкалу. Каждый отдельный образец дерева (момент его рубки) занял относительное хронологическое положение в серии образцов, из которой он происходил, а также и ко всем другим сопоставляемым кривым. Дендрохронологическая шкала дала представление о начале и конце жизни деревьев, ис-

пользованных в строительстве. Общая протяженность датирующей части шкалы составила 229 лет. Самым ранним явилось дерево сруба № 21, самым поздним — сруба № 2А.

Относительная дендрохронология построек раскопа позволяет рассмотреть рамки бытования отдельных строительных горизонтов изучаемого раскопа.

Между строительством на первом и втором горизонтах прошел 31 год, на втором и третьем горизонтах — 115 лет. Эту разницу дает дерево хозяйственного сруба № 15. Однако в связи с тем, что оно было сборным с разницей 6 лет, этот сруб нельзя признать древнейшим на третьем строительном горизонте. Вероятнее всего, первым построен жилой сруб № 12, для которого все дерево срублено в один год. Эта постройка была сооружена через 115 лет после сруба № 20. Примерно в это же время мог быть сооружен и сруб № 15. Теперь рассмотрим, как велась застройка участка поусадбно.

Усадьба В на третьем горизонте берет начало из сруба № 12. Дощатый погреб, обнаруженный на усадьбе, синхронный срубам. Сооружение производственного назначения № 12А, на строительстве которого использованы толстые бревна и широкие доски, было возведено из дерева, рубившегося на 6 лет позже.

На усадьбе С, по данным дендрохронологии, строительство началось из сруба № 15, за ним шли срубы № 18 и № 19 и, наконец, сруб № 17. Дерево для постройки № 19, по всей вероятности, было частично взято из горизонта сруба № 20 и дополнено свежесрубленным. Всего на постройку сооружений здесь было истрачено один год.

В целом, третий строительный горизонт мог бытовать в течение 22 лет.

Постройки четвертого горизонта ставились прямо на остатки предыдущих. Первым на усадьбе С был сооружен сруб № 16 и через 7 лет на усадьбе В — сруб № 11. Функционировали постройки четвертого горизонта примерно 20 лет, на что указывает дата рубки дерева сруба № 7, находящегося на пятом горизонте усадьбы В. Древесина, использованная для сруба № 7, составляющего одну усадьбу со срубом № 8, показывает 5 лет разницы с первым.

Дерево, обнаруженное на шестом горизонте усадьбы В, показывает разницу в заготовке дерева для сруба № 8 23 года. Таким образом, интервал бытования пятого горизонта составляет 28 лет. Разница строительства на шестом и седьмом горизонтах составляет 13 лет. На усадьбе Д первым был сооружен сруб № 2-А и через два года — № 1А.

Коллекция археологического дерева, взятого на раскопе ул. Нижний Вал, состоит из 25 спилов. Из сруба № 3 взято 16 спилов. Возраст дерева 36—91 год. Весь материал для строительства был заготовлен в одно и то же время. Сруб № 2 представлен тремя спилами, дерево возрастом 41—69 лет имело разницу в заготовке в 2 года. Составленная дендрохронологическая шкала построек дала относительную датировку сооружений. Первым ставился сруб № 3, а через 23 года велось строительство сруба № 2. Сваи, обнаруженные на территории раскопа, относятся к периоду сооружения сруба № 3, дерево для них готовилось на 3 года позже, чем для самого сруба. Общее количество собранных спи-

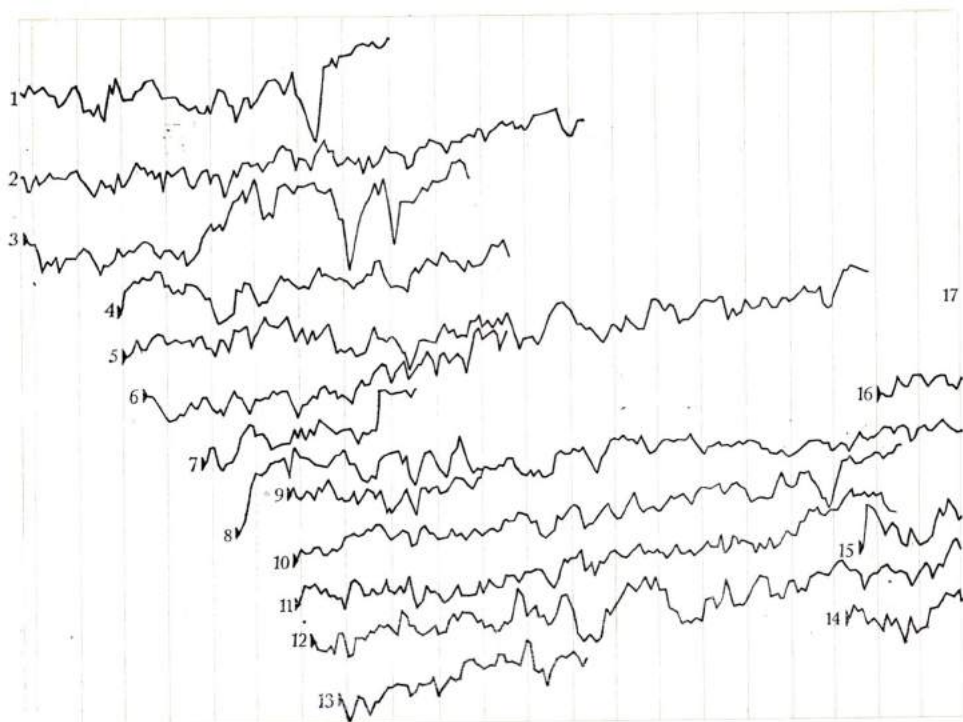

Рис. 194. Кривые роста годичных колец
дерева раскопа Житный рынок:

1 — 0-№ 24, колода над срубом 7; 2 — 0-№ 2К, консольная подставка сруба № 8; 3 — 0-№ В17, венец сруба № 7; 4 — 0-№ В11, венец сруба № 11; 5 — 0-№ 63, венец сруба № 16; 6 — 0-№ 38, фундаментная подкладка сруба № 18; 7 — 0-№ 37, фундаментная подкладка сруба № 18; 8 — 0-№ 48, фундаментная подкладка сруба № 18; 9 — 0-№ 73, переводина пола постройки № 12А; 10 — 0-№ 64, фундаментная подкладка сруба № 15; 11 — 0-№ 6, венец сруба № 12; 12 — 0-№ 83, венец сруба № 20; 13 — 0-№ 82, колода сруба № 20; 14 — 0-№ 85, венец сруба № 21.

лов из раскопа по ул. Верхний Вал составило 55, из них непосредственно постройки дали 32 образца. Остальные брались из свай столбов, настилов.

Из сруба № 1 усадьбы А взято шесть образцов. Возраст дерева 56—75 лет; заготавливалось оно с разницей в один год. Из постройки № 1А взято девять спилов. Дерево, возрастом 75—122 лет, рубилось с разницей 3 года. Из сруба № 2 взято шесть образцов. Возраст дерева 40—58 лет, готовилось для постройки в течение одного года.

Из сруба № 3 усадьбы В получено шесть образцов. Дерево возрастом до 100 лет, разница в рубке составляет один год. К этой усадьбе относился сруб № 4, из которого взято четыре спила. Возраст дерева 38—54 года, разница в рубке два года.

Кроме дерева из построек, в дендрохронологическую шкалу раскопа были включены бревна и сваи, обнаруженные рядом с постройками. Представленные кривые роста годичных колец дерева построек раскопа ул. Верхний Вал показывают их относительную датировку.

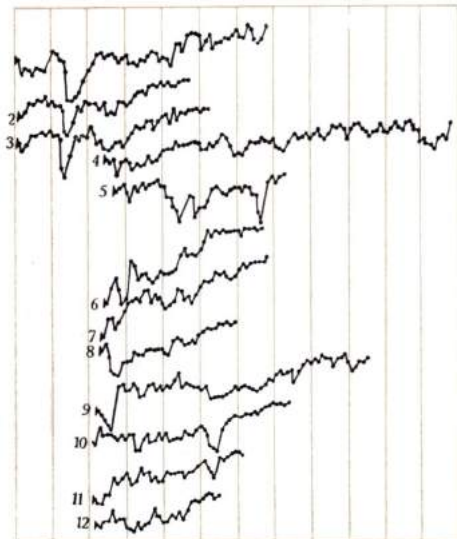

Рис. 195. Кривые роста годичных колец дерева раскопа ул. Нижний Вал:

1 — 0-№ 2, венец сруба № 2; 2 — 0-№ 3, венец сруба № 2; 3 — 0-№ 1, венец сруба № 2; 4 — 0-№ 15, свая с территории раскопа; 5 — 0-№ 4, венец сруба № 3; 6 — 0-№ 21, венец сруба № 3; 7 — 0-№ 16, венец сруба № 3; 8 — 0-№ 8, венец сруба № 3; 9 — 0-№ 23, венец сруба № 3; 10 — 0-№ 12, венец сруба № 3; 11 — 0-№ 10, венец сруба № 3; 12 — 0-№ 12А, венец сруба № 3.

Первым на участке раскопа был сооружен сруб № 1 усадьбы А. Через год на усадьбе сооружалась постройка № 1А. В течение своего бытования она ремонтировалась, на что показывает дата ее угловой подкладки, рубившейся позже на 18 лет. Сруб № 2 хозяйственного назначения сооружен на 4 года позже сруба № 1. На усадьбе В строительство началось на год позже, чем на усадьбе А. Первым был сооружен сруб № 4, а через 3 года — сруб № 3.

Значительную разницу в годах рубки показывают сваи. Они заготавливались через 7 и 16 лет после строительства сруба № 3.

Как отмечалось выше, исследования этого участка были проведены только по одному строительному горизонту.

Из раскопа по ул. Жданова удалось получить вторую по количеству спилов коллекцию. Всего было собрано 86 образцов. Все исследованные постройки, кроме сруба № 4, находились в пределах усадьбы А. Сруб № 4 относился к усадьбе Б. Как и на предыдущих раскопках, рассмотрение будем производить в порядке залегания строительных горизонтов снизу вверх.

196 Из сруба № 3 получено 28 спилов из венцов постройки и фундаментных подкладок. Для стен использовалось дерево возрастом 20—41 год, подкладки показали возраст 210—212 лет. Все дерево рубилось с разницей в 3 года (рис. 196). Сруб № 4 в соседней усадьбе представлен восемью спилами, полученными из венцов. Возраст дерева 26—30 лет, разница рубки 3 года. Из сруба № 2, второго строительного горизонта, получено четыре образца дерева возрастом 32—34 года. В рубке имеется разброс в 3 года. Три спила взяты из сруба № 3А, возраст дерева 45 лет, имеет разницу рубки в один год. Жилой сруб № 1, сохранившийся на два венца, представлен в коллекции шестью спилами. Материал для постройки заготавливался в один год, возраст 30—42 года. Постройка

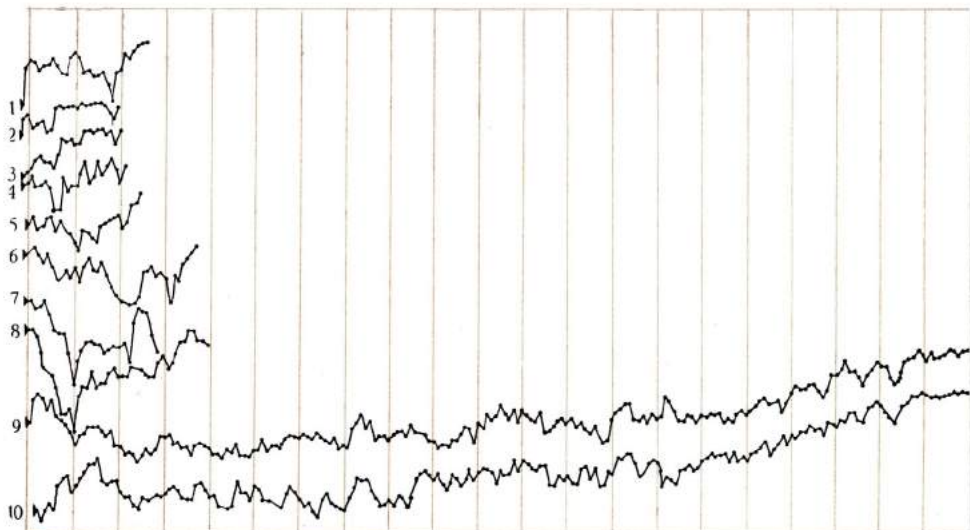

Рис. 196. Кривые роста годовичных колец
 дерева сруба № 3. Раскоп ул. Жданова, б:
 1 — 0-№ 45, венец; 2 — 0-№ 44, венец;
 3 — 0-№ 32, венец; 4 — 0-№ 34, венец;
 5 — 0-№ 35, венец; 6 — 0-№ 28, венец;
 7 — 0-№ 45А, венец; 8 — 0-№ 55, венец;
 9 — 0-№ 2, фундаментная подкладка;
 10 — 0-№ 3, фундаментная прокладка.

№ 1А представлена одним образцом, возраст 56 лет. Дереву для постройки № 1 — до 103 лет. Спилы, взятые из дощатых стен сооружения, не имеют внешних колец и показывают разницу в 14 лет.

Из спилов, не привязанных непосредственно к исследованным сооружениям, следует упомянуть образец возрастом 122 года, представляющий собой бревно, которое служило деталью входа в какую-то постройку.

Предварительное изучение коллекции из раскопа по ул. Жданова показало, что, несмотря на маловозрастной состав большинства образцов, их массовость дает основание провести синхронизацию всех изученных построек.

Относительная датировка построек раскопа показала, что между строительством на первом и четвертом горизонтах прошло 69 лет. Самую раннюю дату рубки имело дерево, использованное для постройки сруба № 3. Позже на один год велось строительство сруба № 4. Горизонт этих построек (первый) просуществовал всего 11 лет, о чем свидетельствует сооружение сруба № 2 на втором строительном горизонте. Горизонт этих построек перебивает уже упоминавшийся занос, и новое строительство на третьем горизонте началось через 43 года постройкой сруба № 2А. Три года спустя после него сооружался сруб № 1.

Постройка № 1А возводилась через 16 лет после сруба № 1. Эту датировку необходимо признать условной, так как дерево представлено досками, на которых отсутствуют внешние кольца.

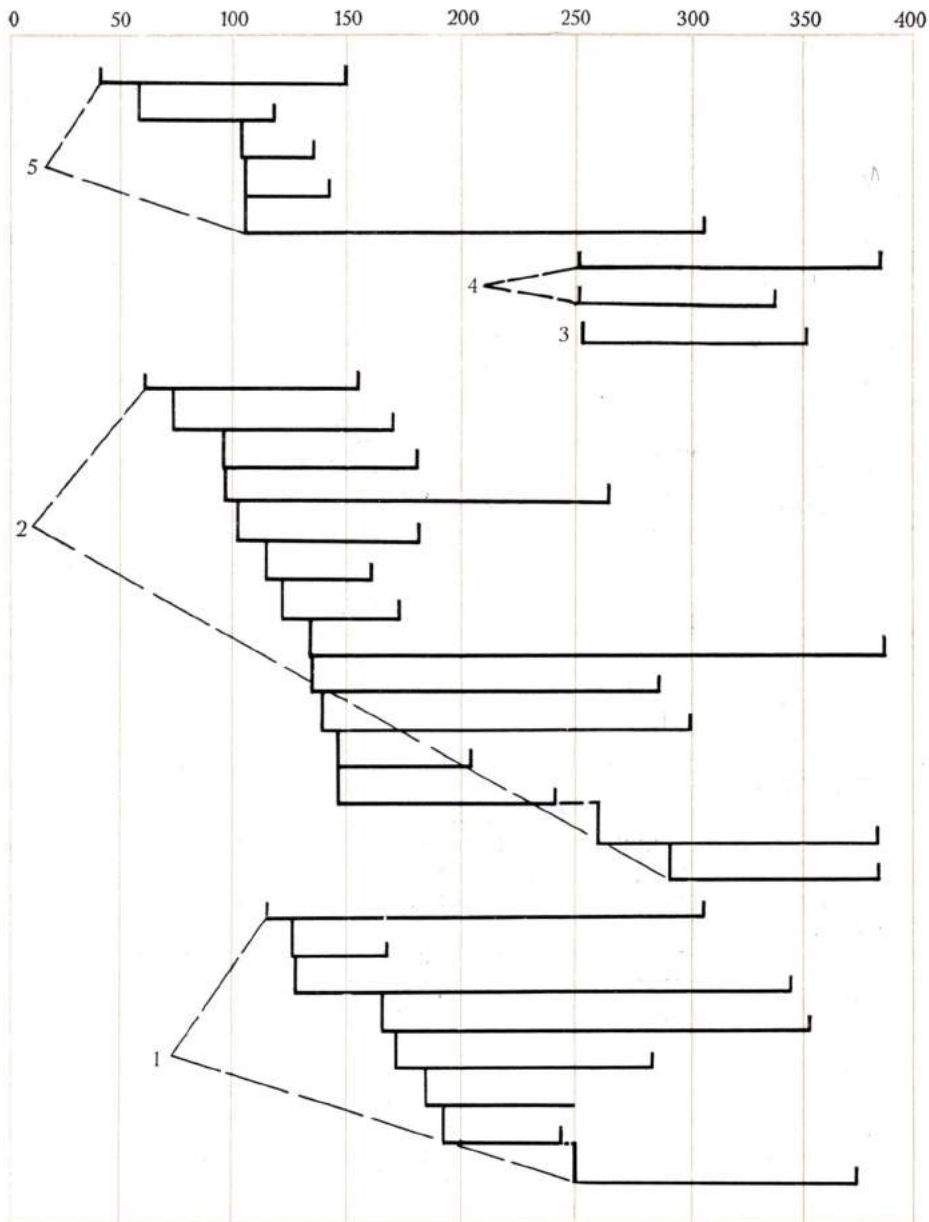

Рис. 197. Сводная графическая схема дендрохронологических шкал Подола:
 1 — раскоп Красная пл.; 2 — раскоп Житный рынок; 3 — раскоп ул. Нижний Вал; 4 — раскоп ул. Верхний Вал; 5 — раскоп ул. Жданова, 6.

Последней для строительства заготавливалась опора входа, которая показывает разницу с деревом сруба № 1 в 12 лет.

Такие выводы можно получить на основании дендрохронологического изучения этого раскопа.

После создания локальных дендрохронологических шкал по отдельным раскопам Подола была предпринята попытка создания единой дендрохронологической шкалы данного района, которая позволила бы произвести относительную датировку участков.

На этом этапе исследований прежде всего учитывался факт стратиграфической близости сопоставляемых кривых, основание которому дает рассмотренное выше членение культурного слоя Подола на зоны и строительные горизонты. Сопоставление производилось на основании «реперных» угнетений, выделенных на каждой из сопоставляемых шкал. Многолетние образцы, имеющиеся в каждой коллекции, позволили проследить правильность сопряжения на значительных временных интервалах.

В итоге проделанной работы была представлена общая картина сопряжения всех дендрохронологических шкал Подола. Графическая схема сводной шкалы для всех изученных построек Подола представлена на рис. 197. Датирующая часть шкалы имеет протяженность 236 лет, а ее общая протяженность составляет 332 года. Из исследованных построек наиболее ранним оказался сруб № 21 первого строительного горизонта раскопа Житный рынок, самым поздним — дерево для строительства на четвертом горизонте раскопа по ул. Жданова, 6.

197

3. Опыт абсолютной датировки

Решение вопроса абсолютной датировки «плавающей» дендрохронологической шкалы — важная и чрезвычайно сложная задача. Из многих путей решения этого вопроса наиболее убедительным является датировка на основании образцов с точными календарными датами рубки. Для средневековья такими образцами могут стать спилы, полученные из архитектурных сооружений с известными летописными датами заложения. Так датировано целый ряд дендрошкал Европы, в том числе и дендрохронологическая шкала древнего Новгорода.

Однако с развитием дендрохронологических исследований, созданием многовековых шкал для отдельных территорий возможность абсолютной их датировки, без образцов с точными датами, значительно расширяется.

Об этом свидетельствуют работы, проведенные лабораторией дендрохронологии ИА АН СССР по созданию 30 локальных дендрохронологических шкал для огромного района и абсолютной датировкой их на основании Новгородской шкалы.

Вопросу пределов сопряжения дендрохронологических шкал разных районов посвящено значительное количество работ, но следует отметить, что по этому поводу еще не сложилось единое мнение.

Все же основное число исследователей-дендрохронологов вопрос о существовании связи годичного прироста деревьев на огромных территориях решает положительно. Так, Т. Мюллер-Штолль в своей работе

447

проводит анализ кривых роста пихты из Бескид и из Вогез, районов, которые расположены на расстоянии около 850 км друг от друга¹².

Важным для нас является опыт абсолютной датировки плавающей дендрохронологической шкалы из Ополя, проведенный польскими исследователями, на основании абсолютной новгородской шкалы, разработанной Б. А. Колчиным¹³.

Сказанное выше позволяет предположить наличие связи между годичным приростом археологического дерева, полученного в Киеве, и дерева соответствующего хронологического рубежа из древнего Новгорода. Разумеется, попытка такой привязки носит характер первого опыта и не может претендовать на окончательное решение проблемы.

Метод, используемый для решения этой задачи, состоял в сравнении максимумов и минимумов ширины годичных колец данной последовательности с максимумами и минимумами датированной последовательности в другой части Европы¹⁴.

Для проверки согласованности сопоставляемых графиков роста использовался так называемый «тест на согласованность признаков», предложенный английским исследователем Д. Шоувом.

Изменения прироста, отмеченные на графике, сравниваются с основным графиком. Там, где обе кривые идут вверх или вниз, в таблице отмечается — «случай согласованности», то есть «плюс», случаи расхождения отмечаются знаком «минус», места, где кривые идут по горизонтали, игнорируются. Процент плюсов, таким образом, является мерой согласованности кривых, процент минусов свидетельствует о расхождении¹⁵.

198 Для сопоставления был избран отрезок дендрошкалы Новгорода в пределах X—XI вв., именно в этом временном интервале располагается плавающая киевская дендрохронологическая шкала по данным археологических материалов¹⁶. Как отмечалось, в процессе работы над созданием относительной дендрошкалы киевских древностей на ней были выделены угнетения роста, характерные для всех кривых. В процессе сопоставления с новгородской шкалой именно эти участки учитывались с наибольшим вниманием.

Таким образом, удалось установить, что на сопоставляемом участке самые большие колебания киевской шкалы, имеющие значительные локальные признаки, в основном совпадают с ритмом колебания новгородской шкалы. Это касается прежде всего выделенных угнетений новгородской шкалы 1103—1102 гг., 1086—1085, 1055, 1032—1029, 950, 926 гг.

¹² Müller-Stoie H. Vergleichende Unter Suchungen über die Abhängigkeit der Sahrringfolge von Holzart, Standort und Klima.— *Bibliotheca Botanica* 122. Stuttgart, 1951, S. 5.

¹³ Dabrowski M., Cink K. Materiały do dendrochronologicznej stratygrafii osady na ostrowku w Opolu.— *Archeologia Polski*. Warszawa; Wrocław, 1972, С. 17, z. 2, s. 73.

¹⁴ Черных Н. Е. Дендрохронология средневековых памятников восточной Европы.— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 94.

¹⁵ Schove D., Louter A. W. Three-Rings and Merival "Archaeology."— *Med. Archeology*. London, 1957, vol. 1, p. 63.

¹⁶ Сагайдак М. А. Дендрохронологічні дослідження дерев'яних будівель Подолу.— В кн.: Археологія Києва. К., 1979, с. 62—69.

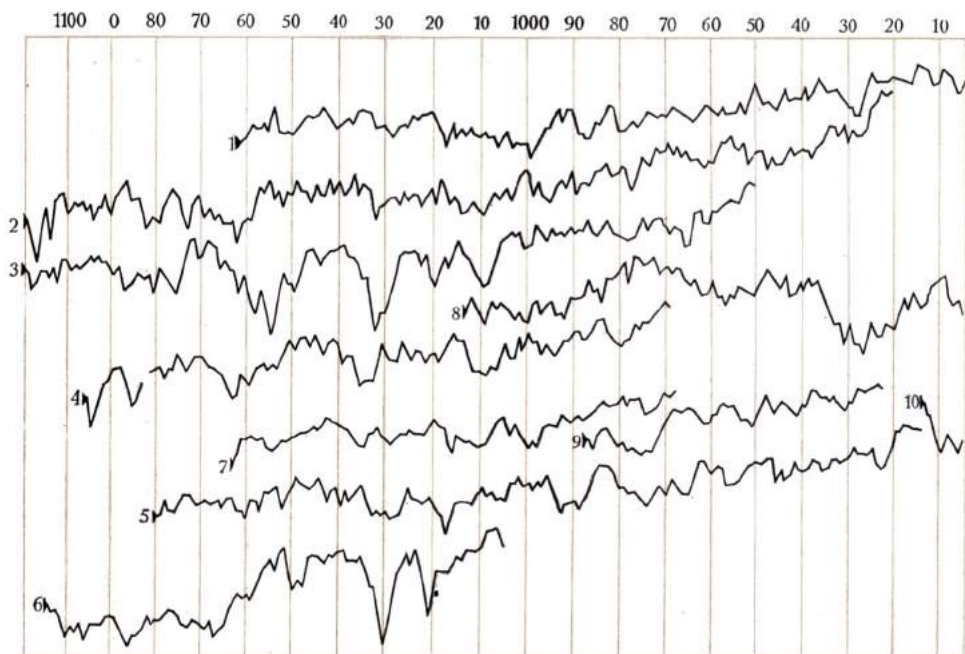

Рис. 198. Кривые роста годичных колец археологического дерева Киева и Новгорода:

1 — П-73 0-№ 2, фундаментная подкладка над срубом № 9, раскоп Красная пл.; 2 — плаха из настила мостовой, Неревский раскоп (Новгород); 3 — спил из Неревского раскопа; 4 — спил из Неревского раскопа; 5 — П-73, свая из раскопа V Житный рынок; 6 — П-73, поря входа к срубам № 7; 7 — П-73 0-№ 195, свая возле сруба № 9 раскопа Красная пл.; 8 — спил из Неревского раскопа; 9 — П-72 0-№ 7, венец сруба № 4; 10 — П-72 0-№ 1, венец сруба № 7.

Добавим, что именно на совпадении всех упомянутых угнетений, кроме 950 и 926 г., была абсолютно датирована опольская дендрохронологическая шкала.

Опираясь на проведенную работу, можем датировать плавающую киевскую дендрошкалу следующим образом.

Раскоп Красная пл.: сруб № 7 — 913 г., сруб № 4А — 972 г., сруб № 2 — 975 г., сруб № 4 — 983 г., колода, стоящая вертикально у стенки сруба № 2 — 996 г., фундаментная подкладка над срубом № 2 — 1002 г., сруб № 8 и колода возле постройки 10А — 1045 г., сруб № 9 — 1047 г., строительный горизонт над срубами № 8 и № 9 — 1058 г.

Раскоп Житный рынок: сруб № 21 — 887 г., сруб № 20 — 918 г., сруб № 12 — 1033 г., сруб № 15 — 1033 г., постройка № 12А — 1039 г., сруб № 19 — 1043 г., сруб № 18 — 1042 г., сруб № 17 — 1045 г., сруб № 16 — 1055 г., сруб № 11 — 1062 г., сруб № 7 — 1075 г., сруб № 8 — 1080 г., опора входа над срубом № 7 — 1103 г., фундаментная подкладка из седьмого горизонта — 1116 г.

Раскоп ул. Нижний Вал: сруб № 3 — 901 г., сруб № 2 — 924 г.

Раскоп ул. Верхний Вал, усадьба А: сруб № 1 — 900 г., постройка № 1А — 901 г., сруб № 2 — 904 г., усадьба В: сруб № 4 — 901 г., сруб № 3 — 903 г.

Раскоп ул. Жданова, 6: сруб № 3 — 1054 г., сруб № 4 — 1055 г., сруб № 2 — 1065 г., сруб № 1 — 1111 г., бревно в зоне раскопок — 1123 г.

Общая, абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Киева простирается от 1123 г., даты последней рубки, до 740 г. — начала жизни самого древнего из исследованных деревьев.

Дендрохронологические даты срубов № 7, 4А и 2 раскопа Красная пл. вначале вступили в противоречие с датами обнаруженных на этих строительных горизонтах византийских монет. Повторное их определение показало, что монету императора Романа II (953—963), выявленную на горизонте сруба № 7, необходимо отнести ко времени правления императора Романа I (921—944). Вторая монета, выявленная на уровне срубов № 2 и 4А, считавшаяся монетой Константина VIII (1025—1028), также была передатирована и получила дату чекана 945 г., т. е. время правления императора Константина Багрянородного. В остальных случаях дендрохронологические даты не противоречат археологической датировке указанных объектов.

Первоочередной задачей дальнейшего развития дендрохронологии Киева является создание дендрохронологической шкалы, которая была бы абсолютно датирована на основании «привязки» к дереву, имеющему точную дату рубки и происходящему из Киева или близлежащего района.

Начаты работы по дендрохронологическому изучению дерева памятников архитектуры Киева домонгольского времени с летописными датами заложения. В кладке стен Софии Киевской обнаружено значительное количество дубовых брусьев, вложенных во время строительства храма. Это многовозрастные деревья, полностью пригодные для исследований. Для дендрохронологии пригодно и дерево другого памятника архитектуры — церкви Спаса на Берестове XII в.

Вместе с тем начат сбор снимков древесины из позднесредневековых памятников Киева. Это позволит со временем приступить к созданию дендрохронологической шкалы, которая будет простирается от хронологии годичных колец ныне живущих деревьев к деревьям древнерусского периода.

Внедрение дендрохронологической датировки в археологическую практику древнего Киева открывает большие перспективы для совершенствования источниковедческой базы киевской археологии. Членение культурного слоя Подола позволяет приступить к созданию хронологии археологических находок. Дендрохронологические даты дают возможность проследить такие моменты, как время возникновения, массовое распространение, время исчезновения отдельных категорий находок с точностью до десятилетия.

Археологические исследования Киева, итоги которых подведены в настоящей монографии, проводились во всех исторических районах города: на Старокиевской горе в Городе Владимира, в Городе Ярослава на Копыревом конце и Подоле, на летописном Клове, а также в других пунктах Киева.

Целый ряд уникальных находок обнаружено на Старокиевской горе: жилище с печью и керамикой «корчакского типа», относящееся к концу V — началу VI в., языческое капище второй половины X в., дворцовая постройка середины X в., целый городской квартал жилых и хозяйственных построек конца X — начала XI в., комплекс печей для обжига глины X в., ротонда XII—XIII вв. и др. Каждая из перечисленных находок представляет большой научный и историко-культурный интерес. Жилище с керамикой V—VI вв. имеет чрезвычайно важное значение для решения вопроса о происхождении Киева. Эта находка, вместе с другими археологическими материалами, позволила подвести документальную основу (историческую и хронологическую) под известное летописное сказание об основании Киева Кием, Щеком, Хоривом и их сестрою Лыбедь.

Редко встречающиеся памятники языческого периода Древней Руси пополнились еще одной важной находкой — капищем-святилищем, представляющим собой каменное основание причудливой в плане формы, служившее пьедесталом для установленных на нем идолов. Очень вероятно, что эта необычная постройка, находящаяся в центральной части детинца и датируемая X в., является остатками того самого языческого пантеона богов во главе с Перуном, согласно летописи, сооруженного Владимиром на Перуновом холме в Киеве.

После более чем 150-летнего археологического изучения сравнительно небольшой территории Старокиевской горы полной неожиданностью было открытие большой архитектурной постройки — дворца X в., богато украшенного монументальной фресковой живописью. Остатки этого здания и известные ранее постройки, открытые на киевском детинце, позволяют с большей уверенностью судить о светском каменном строительстве Киева языческой поры. Пополнились сведения и о монументальном каменном зодчестве Киева предмонгольского времени. Обнаружена и исследована круглая постройка, которую археологи датировали ранее X в. Оказалось, что это памятник архитектуры XII—XIII вв. — ротонда, — проливающий свет на пути развития киевского зодчества накануне монголо-татарского нашествия.

Много нового дали раскопки на Подоле, который долгое время был «белым пятном» на археологической карте

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Киева. Как известно, исследования в Верхнем городе не позволяли ответить на вопрос о массовой застройке древнего Киева. Из-за плохой сохранности дерева в его культурных слоях появилось и длительное время бытовало ошибочное мнение о «полуземляночной» массовой застройке города. И только последние раскопки на Подоле, открывшие многочисленные деревянные сооружения хорошей сохранности, убедительно свидетельствуют, что древний Киев был застроен преимущественно срубными домами. Кроме них бытовал и каркасно-столбовой тип массового городского жилища.

Во время археологического исследования в Городе Ярослава значительно пополнены сведения о фортификационных сооружениях этой части Киева: Золотых воротах и примыкавших к ним валам. В ходе исследования Золотых ворот — постройки, удачно сочетавшей в себе черты культового и фортификационного зодчества, удалось выяснить многие вопросы, важные для реконструкции первоначального вида здания и его внутреннего убранства. Впервые получены, наряду с другими многочисленными материалами, высотные точки сооружения, позволившие восстановить несохранившиеся части постройки и полный профиль киевского вала.

Из архитектурных сооружений XI—XIII вв., рассмотренных в монографии, археологически исследовались: церковь Михаила Выдубецкого монастыря, собор Кловского монастыря, церковь Пирогощи на Подоле, храм на Копыревом конце и др. Все эти работы представляют значительный интерес и важны для истории архитектуры и исторической топографии города. Особо следует отметить раскопки собора Кловского, летописного Стефаныча монастыря, позволившие локализовать неизвестное ранее местоположение памятника, выяснить его тип и конструктивные особенности.

Наряду с архитектурно-археологическими, проводились исследования светской монументальной живописи в Софийском соборе. Получены интересные сведения относительно атрибуции некоторых фресок этого сооружения. Установлено, что две главнейшие композиции в башнях изображают прием Копстантином Багрянородным киевской княгини Ольги и являются портретными изображениями этих исторических лиц.

Во время археологических работ обнаружено большое количество разнообразных ремесленных изделий, отражающих развитие кузнечного, ювелирного, гончарного и строительного дела. Открыты две уникальные ювелирные мастерские на Подоле и два строительного-производственных комплекса в Верхнем городе с печами по обжигу глины в извести. При изучении изделий ремесленного

производства применялись методы естественных наук: химические анализы, структурное исследование черных металлов, археомагнитная датировка и др.

Значительные успехи достигнуты в изучении эпиграфики древнего Киева. Особенно пополнился фонд древнерусских надписей — граффити — в результате специальных исследований в Софийском соборе, Михайловском храме Выдубецкого монастыря, Кирилловской церкви. Получены сведения о непрерывности письменной традиции в Киеве с XI по XVII в., о кирилловской письменности и грамотности на Руси. Осуществлен также анализ надписей и на массовом археологическом материале.

При раскопках обнаружены редкие нумизматические и сфрагистические находки. Среди них — византийские и западноевропейские (английские и немецкие) монеты, древнерусские и византийские печати. Открыто несколько купеческих усадеб, которые вместе с другими материалами позволяют судить об удельном весе торговли в древнем Киеве.

Находки большого количества дерева на Подоле позволили впервые в Киеве приступить к дендрохронологическим исследованиям. Составлена относительная дендрохронологическая шкала, сделана первая попытка связать ее с новгородской абсолютной шкалой. Завершение этих работ подведет прочную хронологическую основу под археологические исследования в Киеве.

Таким образом, за сравнительно небольшой промежуток времени с 1963 по 1978 гг. достигнуты значительные успехи в археологическом изучении древнего Киева. Полученные материалы позволили сделать ряд принципиально новых выводов, являющихся важным вкладом в изучение историко-культурного наследия Киевской Руси и ее столицы — Киева.

**СПИСОК
СОКРАЩЕНИЙ**

- АИУ — Сб. «Археологические исследования на Украине». Киев.
АН СССР — Академия наук СССР.
АН УССР — Академия наук УССР.
АО — Археологические открытия.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АПУ — Археологические памятники Украины.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВВ — Византийский Временник.
ВИ — Вопросы истории.
ВИБ — Военно-исторический вестник.
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета.
ВУАК — Всеукраїнський археологічний Комітет.
ГИМ УССР — Государственный исторический музей УССР.
ДИ — Декоративное искусство СССР.
ИА АН УССР — Институт археологии АН УССР.
Известия ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.
КС — Киевская старина.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
НА ИА АН УССР — Научный архив Института археологии АН УССР.
НИИТИ — Научно-исследовательский институт истории и теории градостроительства.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН УССР.
ТКДА — Труды Киевской духовной академии.
Труды АС — Труды археологического съезда.
Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея СССР.
УІЖ — Український історичний журнал.
УСНРПУ — Украинское специальное научно-реставрационное производственное управление.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.

Введение	5
Глава I. Новые археологические исследования Киева (1963—1978 гг.)	7
1. Исследование культурного слоя	8
2. Вопросы охраны культурного слоя	32
Глава II. Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева	37
1. Проблема происхождения Киева в историографии	38
2. Письменные и археологические источники	43
3. Киев — административно-политический центр Полянского княжения	51
4. Киев в период сложения Древнерусского государства	62
Глава III. Массовая городская застройка Киева X—XIII вв.	79
1. Конструктивные типы древнекиевских построек	80
2. Планировочная структура городской застройки	114
3. Опыт историко-архитектурной реконструкции жилой застройки древнего Киева	121
Глава IV. Памятники монументального зодчества и живописи	141
1. Фортификационные сооружения древнего Киева. Золотые ворота, вал Ярослава Мудрого	142
2. Светские постройки	173
3. Культовые постройки	193
4. Живопись башен Софийского собора в Киеве	234
Глава V. Ремесленное производство	265
1. Кузнечное ремесло	267
2. Гончарное дело	284
3. Ювелирное ремесло	301
4. Стеклоделие	312
5. Обработка дерева, кости и камня	319
6. Строительное дело	334
7. Вопросы развития и социальной организации Киевского ремесла	349
Глава VI. Торговая древнего Киева	355
1. Торговые связи Киева VIII—X вв.	356
2. Торговля Киева в XI—XIII вв.	366
Глава VII. Памятники эпиграфики, нумизматики и сфрагистики	379
1. Граффити архитектурных памятников древнего Киева	380
2. Памятники сфрагистики и нумизматики	403
Глава VIII. Дендрохронология древнего Киева	425
1. Строительные горизонты	426
2. Относительная дендрохронология	433
3. Опыт абсолютной датировки	447
Заключение	451
Список сокращений	454

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОЛОЧКО ПЕТР ПЕТРОВИЧ
БОРОВСКИЙ ЯРОСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ
ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА
ВЫСОЦКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ГУПАЛО КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
ИВАКИН ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ
КИЛИЕВИЧ СТЕФАНИЯ РОМУАЛЬДОВНА
МОВЧАН ИВАН ИВАНОВИЧ
САГАЙДАК МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ
ХАРЛАМОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ КИЕВА

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР*

Редактор В. А. ГОДЛЕВСКАЯ

Макет и художественное оформление

Д. А. ЗАХАРЧЕНКО

Художественный редактор Л. И. АНДРИЕВСКИЙ

Технический редактор М. А. ПРИТЫКИНА

Корректор О. Е. ИСАРОВА

Информ. бланк № 3732

Сдано в набор 11.11.80. Подп. в печ. 02.10.81. БФ 00632.

Формат 70×90/16. Бумага мелов. Обыкн. нов.

гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 33,34. Усл. кр.-отт. 68,14.

Уч.-изд. л. 35,5. Тираж 2700 экз.

Заказ 2584. Цена 5 руб. 40 коп.

Издательство «Наукова думка». 252601,

Киев, ГСП, Репина, 3.

Головное предприятие республиканского
производственного объединения «Поліграфкнига».
252057, Киев, ул. Довженко, 3,